

63.3(2)я73
К 89
ИВ

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

А. Г. Кузьмин

ИСТОРИЯ РОССИИ с древнейших времен до 1618 г.

ВЛАДОС

2

УЧЕБНИК
ДЛЯ ВУЗОВ

А.Г. Кузьмин

ИСТОРИЯ РОССИИ с древнейших времен до 1618 г.

В ДВУХ КНИГАХ

КНИГА ВТОРАЯ

Под общей редакцией доктора исторических наук,
профессора *А.Ф. Киселева*

*Рекомендовано Министерством образования и науки
Российской Федерации в качестве учебника
для студентов высших учебных заведений*

Москва

ГУМАНИТАРНЫЙ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТР
ВЛАДОС

2004

УДК 94(47) (075.8)

ББК 63.3(2)я73

К89

§ 4 в главе VI написан кандидатом исторических наук *А.С. Королевым*

§ 2 в главе XVIII, а также главы XXI и XXII написаны

кандидатом исторических наук *В.А. Волковым*

Хронологическая таблица составлена *Ю.В. Колиненко*

Кузьмин А.Г.

К89

История России с древнейших времен до 1618 г. : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 кн. / А.Г. Кузьмин. — М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. — Кн. 2. — 464 с. ISBN 5-691-01047-6.

ISBN 5-691-01049-2(Кн. 2) (в пер.).

Предлагаемый учебник для вузов является своеобразным итогом многолетней научно-педагогической деятельности доктора исторических наук, профессора А.Г. Кузьмина. Главное отличие этого учебника — проблемный подход. На первый план выводятся спорные дискуссионные вопросы, от решения которых во многом зависит понимание исторического процесса в целом.

История в данном курсе представлена как наука, поиск истины в которой сопряжен с изучением большого числа документальных источников, научных монографий.

УДК 94(47) (075.8)

ББК 63.3(2)я73

© Кузьмин А.Г., 2003

© ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2003

© Серия «Учебник для вузов» и серийное оформление. ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2003

© Макет. ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2003

ISBN 5-691-01047-6

ISBN 5-691-01049-2(Кн. 2) (в пер.)

Учебное издание

Кузьмин Аполлон Григорьевич

ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО 1618 г.

Учебник для студентов высших учебных заведений

В двух книгах

Книга вторая

Зав. редакцией *В.А. Салахетдинова*; редактор *С.В. Перевезенцев*

Зав. художественной редакцией *И.А. Пшеничников*

Компьютерная верстка *Р.Н. Королев*; корректор *Т.В. Егорова*

Отпечатано с диапозитивов, изготовленных
ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС».

Лицензия ИД № 03185 от 10.11.2000.

Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.02.953.Д.006153.08.03 от 18.08.2003.
Сдано в набор 14.02.02. Подписано в печать 12.11.02. Формат 60×88/16. Печать офсетная.
Бумага газетная. Усл. печ. л. 28,42. Тираж 30 000 экз. (2-й завод 5 001–10 000 экз.).
Заказ №.

Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС.

119571, Москва, просп. Вернадского, 88,

Московский педагогический государственный университет.

Тел. 437-11-11, 437-25-52, 437-99-98; тел./факс 735-66-25.

E-mail: vlados@dol.ru http://www.vlados.ru

Государственное унитарное предприятие Областная типография «Печатный Двор».
432061, г. Ульяновск, ул. Пушкирева, 27.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава X. Начало объединения русских земель вокруг Москвы	7
§1. Проблема образования единого централизованного государства и возвышения Москвы в исторической литературе	7
§2. Москва и Тверь в начале XIV в.	12
§3. Московское княжество в годы княжения Ивана Даниловича Калиты	22
<i>Литература</i>	29
Глава XI. Русь на путях к Куликову полю	31
§1. Русь, Орда и Литва в XIV столетии	31
§2. Северо-восточная Русь в годы правления Семена Ивановича Гордого	34
§3. Церковь и светская власть в середине XIV в. Митрополит Алексей	43
<i>Литература</i>	67
Глава XII. Куликовская битва и нашествие Тохтамыша. Их последствия	69
§1. Канун Мамаева побоища: субъективный фактор	69
§2. Куликовская битва	79
§3. Нашествие Тохтамыша в 1382 г. И его последствия	84
§4. Начало княжения Василия Дмитриевича	97
<i>Литература</i>	108
Глава XIII. Борьба за Москву и митрополию в первой половине XV в.	110
§1. Русь, Орда и Литва после нашествия Едигея	110
§2. Феодалная война второй четверти XV в.	120

§3. Русская церковь в условиях феодальной усабицы ...	132
<i>Литература</i>	141
Глава XIV. Объединение княжеств Северо-Восточной Руси вокруг Москвы (вторая половина XV – начало XVI в.)	143
§1. Объединение земель вокруг Москвы во второй половине XV в.	143
§2. Окончательное присоединение Новгорода к Москве	155
§3. Окончательное освобождение от ордынского ига	163
§4. Внутренняя и внешняя политика Ивана III в конце XV в.	169
<i>Литература</i>	176
Глава XV. «Земля» и «Власть» в условиях нового государственного объединения	177
§1. Судебник 1497 г. И установление общегосударст- венного законодательства	177
§2. Проблемы «Земли» и «Власти» на рубеже XV – XVI вв.	181
§3. Внутренняя и внешняя политика в годы правления Василия III	186
§4. Русское государство при наследниках Василия III	194
<i>Литература</i>	197
Глава XVI. Общественно-политическая мысль конца XV – середины XVI в.	199
§1. Борьба идей на рубеже XV – XVI вв.	199
§2. Общественно-политические учения первой половины XVI в.	207
§3. Общественно-политические учения в середине XVI в.	224
<i>Литература</i>	232
Глава XVII. Реформы середины XVI столетия	233
§1. Причины реформ «Избранной рады»	233
§2. Основные реформы «Избранной рады»	236
§3. Внешняя политика России в середине XVI в.	246
<i>Литература</i>	250

Глава XVIII. Внутренняя и внешняя политика России	
в 60–70-е гг. XVI в.	251
§1. Опричнина	251
§2. Ливонская война 1558 – 1583 гг.	268
<i>Литература</i>	276
Глава XIX. Россия в конце XVI – начале XVII в.	
Начало Смутного времени	278
§1. Закрепощение крестьян	278
§2. Правление Бориса Годунова	284
§3. Начало внешней интервенции.	
Первый самозванец	288
§4. Правление Дмитрия-самозванца	
(1605 – 1606 гг.)	299
<i>Литература</i>	313
Глава XX. Социально-политическая борьба в России в годы	
Смуты и расширение польской интервенции	
(1606–1610 гг.)	315
§1. Воцарение Василия Шуйского и его правление	315
§2. Крестьянская война под предводительством	
И.И. Болотникова	320
§3. Лжедмитрий II и его место в продолжающейся	
смуте	332
<i>Литература</i>	353
Глава XXI. Национально-освободительная борьба русского	
народа и подъем земских учреждений в годы	
Смутного времени	354
§1. Земское освободительное движение	354
§2. Первое земское ополчение	358
§3. Второе земское ополчение	365
§4. Земский собор 1613 г. Избрание нового государя	
и соборное ограничение его власти	373
§5. Россия в 1613–1617гг. Деулинское перемирие	
и Столбовский мир	385
<i>Литература</i>	387
Глава XXII. Русская культура XIV–XVI вв.	388
§1. Сельское хозяйство и традиционные промыслы	389
§2. Городское ремесло	392

§3. Развитие научных представлений	398
§4. Зодчество и духовная культура	407
<i>Литература</i>	418
<i>Библиография</i>	420
<i>Источники</i>	420
<i>Литература</i>	428
<i>Хронологическая таблица</i>	448

ГЛАВА X

Начало объединения русских земель вокруг Москвы

§1. ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАНИЯ ЕДИНОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА И ВОЗВЫШЕНИЯ МОСКВЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Проблема образования *единого централизованного Русского государства* напрямую связана с теоретическим и историческим пониманием сущности монархической власти. В XIX в. критика самодержавия и монархической системы, как таковой, шла почти исключительно на публицистическом уровне, без сколько-нибудь глубоких экскурсов в историю. Более того, на монархических позициях стояла и вся мощная, преобладавшая с XVIII в. в академической науке, немецкая историография, в силу своего положения оторванная не только от исторических, но и от современных ей основ российского общества. При этом у историков представления о необходимости в России монархической системы управления государством чаще всего были связаны с осмыслением последствий монголо-татарского нашествия и ордынского ига, сбросить которое можно было только собрав волю и силу в кулак. Но при этом редко ставился вопрос о пределах власти монарха и об обязанностях его перед народом. Между тем еще в XVIII в. В.Н. Татищев сформулировал три задачи, обязательные для правителя:

- 1) умножение народа;
- 2) благосостояние подданных;
- 3) справедливое правосудие.

Следовательно, *вопрос о сущности монархии непосредственно связан и с осмыслением сущности власти, как таковой.*

В XIX в. спор *западников и славянофилов* в значительной мере концентрировался вокруг оценки личности Петра I и его преобразований. Первые, в числе которых был крупный историк *С.М. Соловьев*, идеализировали борьбу царя с разными уходящими в глубокое про-

шлое традициями. Вторые, напротив, видели в деяниях Петра нарушение естественного и целесообразного для России пути, обозначенного в процессах XIV – XVII вв. (современная вариация этих представлений наиболее полно выражена в книге *И. Солоневича* «Народная монархия» (М., 1991). Сущность спора славянофилов и западников заключалась в разном понимании кардинальной проблемы: *как должна выстраиваться общественно-политическая структура, в том числе и государство — «снизу вверх» или «сверху вниз»*. Славянофилы и их последователи настаивали на первом, западники, во многом следуя Гегелю, видели само государство в роли демиурга, якобы способного и даже обязанного найти каждой социальной прослойке место в единой государственной системе. Но если социальные структуры, привлекавшие внимание славянофилов (сельские общины, посадские сотни, в известной мере и религиозные общины) были достаточно прозрачны и доступны анализу и оценке, то властные структуры всегда оказывались за семью печатями, а потому западнический идеал зависал в воздухе. И естественно, что «западническая» модель больше импонировала власти (причем, всякой власти!), нежели «славянофильская». Именно поэтому в России славянофилы всегда были гонимы властью.

С рабовладельческих времен власть, как определенная надстройка над обществом, выстраивалась замкнутыми иерархическими лестницами, куда непосвященным доступа не было. Эти структуры проходят и через Средневековье, и через Новое время, вплоть до наших дней. И чем более они закрыты и отгорожены от социальных «низов», тем менее полезны для общества в целом. Естественно, что отгороженная от общества власть рано или поздно входит с ним в конфликт и для удержания сложившегося положения прибегает наряду с пропагандистскими и к прямым силовым акциям. От такой власти трудно ждать осуществления потребностей «реального государства». Но общественные жертвы в трудных для народа и страны ситуациях, — примером чего является и задача освобождения от ордынского ига, и последующая борьба с ее остатками у границ Руси-России, — неизбежны, и в той или иной мере оправданы. Правда, в какой именно мере — необходимо выявлять в каждом конкретном случае.

Проблема объединения русских земель вокруг Москвы и централизации Русского государства в XIV – XVI вв. является одной из ведущих в исторической литературе XIX – XX вв., далеко отеснившей другую вечную проблему — взаимоотношения «Земли» и «Власти». В середине XIX столетия к проблеме «Земли», главным образом

через сельскую общину, привлекали внимание *славянофилы*, а позднее также пропагандисты русского социализма — *А. Герцен, Н. Огарев, Н. Чернышевский*, анархисты *М. Бакунин* и *П. Кропоткин*, народо-вольцы. Им противостояли *западники*, среди которых выделялся *Б. Чичерин*, правовед и последователь Гегеля в философских вопросах. Главным недостатком западников *А. Герцен*, отошедший от них позднее, считал слабое знание истории славян и Руси, да и Западной Европы тоже.

В XX в. в советское время предпринимались попытки поставить историческую науку на прочные методологические рельсы. И надо отметить, что постановка такой задачи заслуживает признания, а некоторые аспекты ее решения в принципе приемлемы. Так, зависимость *общественного сознания* от *общественного бытия* неизбежна, но само общественное бытие тоже зависит от общественного сознания и в еще большей степени от политики властных структур. Продуктивен и *формационный подход*, который сейчас некоторые авторы стараются без раздумий отбросить («системный», «структурный», «цивилизационный», «культурологический» подходы — это обычно лишь отдельные части общего формационного подхода). Другое дело, что понятие «*формация*» нельзя догматизировать, иначе в итоге пропадает специфика того или иного конкретного общества. Для нашей науки XX столетия, бравшей за основу представления о «*базисе*» (социально-экономическом состоянии общества) и «*надстройке*» (политической системе и идеологии), как раз характерна недооценка активной роли «*надстройки*».

На выбор тематики и заранее привнесенные оценки всегда влияют те или иные привходящие обстоятельства современности. Так, в 30-е гг. XX в., когда мир жил в ожидании войны и возникла реальная необходимость собирания всех сил в кулак, на исполнение этих задач была призвана и историческая наука. Поэтому в исторических исследованиях сложился своеобразный *культ централизации*, а понятия «*централизация*» и «*самодержавие*» как-то незаметно слились. В итоге достоинства централизации переходили на самодержцев, а поскольку централизация рассматривалась как однозначно прогрессивное явление, то и самодержавие однозначно оправдывалось.

Культ централизации породил и другое явление в историографии: постоянно выясняли, где быстрее шли процессы централизации — в России или в Европе? В конечном счете сошлись на том, что развитие шло одновременно: и Англия, и Франция, и Россия «*централизовались*» в *конце XV в.* (при этом считалось, что Германия и другие европейские страны безнадежно отстали). В этом плане примечательна обстоятельная книга *Л.В. Черепнина* «*Образование Русского централизованного государства в XIV — XV веках*» (М., 1960). Иначе говоря,

централизованное Русское государство искалось уже в XIV столетии, а завершение централизации относилось к 80-м гг. XV в., точно координируясь с завершением войны Алой и Белой розы в Англии в 1485 г. Книга Л. В. Черепнина в полной мере отражает принятые в то время подходы и концепции в исторической науке, когда большинство историков трудилось в сфере «базиса»: занимались основательным анализом положения крестьян, форм их зависимости, процессов развития феодальной вотчины и монастырей как крупных землевладельцев. Поэтому в книге Л. В. Черепнина дается обстоятельный очерк об аграрных отношениях и развитии городов, товарного производства и обращения. Все это рассматривается в качестве экономических «предпосылок образования Русского централизованного государства», а сама централизация становится следствием экономических процессов и как бы вытекает из потребностей экономики.

Этот подход не без оснований оспорил *А. М. Сахаров*, предложивший вернуться к точке зрения ученых середины XIX столетия, которые связывали объединение русских земель с потребностями освобождения от ига Орды и притязаниями других соседей. От экономики в такой ситуации требовалось лишь одно – возможность обеспечения сравнительно еще немногочисленной великокняжеской администрации.

М. Н. Тихомиров в книге «Россия в XVI столетии» (М., 1962) специально остановился на другом вопросе – *соотношении понятий «централизация» и «самодержавие»*. Впервые в нашей историографии М. Н. Тихомиров на ряде примеров показал несоединимость этих понятий. *Самодержавие – это вовсе не неотъемлемая часть централизации, но в значительной мере ее антипод*. Не следует забывать, что проявлением самодержавия были и монголо-татарские «Орды», паразитировавшие на завоеванных народах и истреблявшие друг друга в борьбе за ханский стол. А установление самодержавия Ивана Грозного и вовсе будет сопровождаться разгромом институтов реальной централизации. Поэтому опять же необходимо изучать сущность самой централизации. Суть в том, строится ли управление «снизу вверх», *от «Земли»*, или же «сверху вниз», от независимой от общества «*Власти*». Идеально централизованными являются вообще не монархии, а республики. Что же касается самодержавных монархов, то всякий раз необходимо выяснять, чем монарх руководствовался в своей деятельности: государственным интересом или укреплением собственной власти.

Впрочем, не только самодержавие, но и централизацию нельзя воспринимать как абсолютно непорочное и исключительно прогрессивное явление. Здесь многое зависит от характера взаимосвязей «Земли» и «Власти». У земель всегда было желание пожитьяся

за счет центра, но сам центр обычно имел больше возможностей поживиться за счет земель. *Баланс отношений «Земли» и «Власти» в конечном счете и определял степень прогрессивности централизации.* Конкретный материал источников за XIV – XVI вв. дает возможность провести в ряде случаев такую калькуляцию.

В проблеме создания единого Русского централизованного государства есть и еще один аспект – *почему центром образования Русского государства стала именно Москва?* Вслед за *В.О. Ключевским*, в литературе часто указывали на удобное географическое положение Московского княжества, защиту от набегов «вольницы» из Орды землями Рязанского княжества, связь по Москва-реке с главными торговыми путями. Но всеми этими преимуществами в еще большей степени обладало и поднимавшееся на рубеже XIII– XIV вв. Тверское княжество. И надо согласиться с *Л.Н. Гумилевым*, когда он указывал на недостаточность подобных аргументов: «Москва занимала географическое положение куда менее выгодное, чем Тверь, Углич или Нижний Новгород, мимо которых шел самый легкий и безопасный торговый путь по Волге. И не накопила Москва таких боевых навыков, как Смоленск или Рязань. И не было в ней столько богатства, как в Новгороде, и таких традиций культуры, как в Ростове и Суздале». Другой вопрос, что у самого *Л.Н. Гумилева* объяснение поставленной проблемы не просто недостаточное, а совершенно фантастическое: «Москва перехватила инициативу объединения Русской земли, потому что именно там скопились страстные, энергичные, неукротимые люди. И они стремились не к защите своих прав, которых у них не было, а к получению обязанностей. Эта оригинальная (*более, чем оригинальная!* – *А.К.*), непривычная для Запада система была столь привлекательна, что на Русь стекались и татары, не желавшие принимать ислам под угрозой казни, и литовцы, не симпатизировавшие католицизму, и крещеные половцы, и меряне, и мурома, и мордва. Девиц на Москве было много, службу получить было легко, пища стоила дешево». И оставалось только зарядить «это скопище людей» пассионарностью, чтобы оно стало этносом. Возглавил (!) «новую вспышку этногенеза» пассионарий *Сергей Радонежский* (кстати, сама «пассионарность» передается, согласно *Л.Н. Гумилеву*, половым путем. – *А.К.*)».

В последние годы вопросом о причинах возвышения Москвы подробно занимался *Н.С. Борисов*, автор специального исследования политики московских князей конца XIII – первой половины XIV в. Его оценка близка к традиционным представлениям, потому что решающее значение он придает именно искусности политической деятельности московских князей.

В осмыслении причин возвышения Москвы имеется и еще одна тенденция – придать Москве почти что мистические функции и весь процесс централизации увязать только с судьбой Московского княжества. Между тем еще *А.Е. Пресняков* (1870 – 1929) обратил внимание на то, что движение к *консолидации* проходило во всех княжествах, особенно в получивших в XIV в. право на титулование «великими» (Тверское, Московское, Рязанское, Смоленское, Нижегородское) и право сбора дани для Орды, делавшее ненужным институт баскаков. И это явление тоже необходимо учитывать при изучении вопроса.

При изучении проблемы образования единого централизованного Русского государства необходимо также учитывать *позицию и роль Русской Православной Церкви*. Церковь, освобожденная от даней, тем не менее осталась, может быть, наиболее важным фактором подъема этнического самосознания. В проповедях митрополита *Кирилла*, епископов *Кирилла* и *Серапиона Владимирского* постоянно напоминается о прежнем величии Руси, ее героях, таких, как Мстислав Удалой, Александр Невский, Даниил Галицкий, умевших побеждать с меньшими силами, или о тех, кто сохранил верность вере и традициям Руси при самых изощренных попытках в Орде, как Михаил Черниговский и Роман Олегович Рязанский. Жития мучеников и героев должны были воздействовать и реально воздействовали на новое поколение тех, кого называют народными массами.

Стоит более подробно заниматься и вопросами *общественной психологии*. Ведь в начале XIV столетия на Руси жило, так сказать, переходное поколение: оно осознавало необходимость выплачивать дань Орде, терпимо относилось к покорности своих князей сарайским ханам, но осуждало тех князей, которые слишком усердствовали в служении иноверным поработителям.

§2. МОСКВА И ТВЕРЬ В НАЧАЛЕ XIV в.

Москва и Тверь – это два центра, которые соперничали между собой в начале XIV в. Причем в XIV в. Тверь перешла со значительно большим потенциалом, нежели Москва. Тверь не только избежала разорения во время «Дюденевой рати», но и приняла большое количество беглых из разоренных земель, среди которых были и потенциальные «производители», и военные слуги, всегда готовые встать под знамена удачливого полководца.

О «правах» на великое княжение двух внуков Ярослава Всеволодовича приходилось думать уже на рубеже XIII – XIV столетий. Московский князь *Даниил Александрович* (1261 – 1303) фор-

мально имел больше прав: он был последним сыном Александра, старшего из Ярославичей, а *Михаил Ярославич Тверской* (1271 – 1318) – последним сыном Ярослава Ярославича, который, в свою очередь, был предпоследним сыном Ярослава Всеволодовича. Сам Михаил признавал Даниила «старейшим». Да между ними и не могло быть распрей из-за великого княжения, поскольку таковое оставалось за Андреем Александровичем до его кончины в 1304 г. Но Даниил скончался годом раньше, и перед его сыновьями *Юрием* и *Иваном* тверской князь имел преимущество третьего поколения перед четвертым.

Даниил, как было сказано, не разделял устремлений брата ни в отношении его привязанности к Орде, ни в безрассудном пренебрежении традиционными нормами поведения. Близкое родство с великим князем московскому князю не столько помогало, сколько вредило. Даниил избегал столкновений с Михаилом Тверским, но укреплял положение Московского княжества за счет других соседей. К 1300 – 1301 гг. относится конфликт его с рязанским князем Константином Романовичем (сыном замученного в Орде Романа Олеговича). Лаврентьевская летопись под 1300 г. (или 1299 г.) говорит о каком-то съезде рязанских князей Ярославичей (сыновей Ярослава Романовича, умершего в 1299 г.). Съезд князей Ярославичей (запись, к сожалению, испорчена), возможно, объясняет и последующие события. Ярославичи либо должны были принести присягу дяде, новому рязанскому князю, либо попытаться опереться на приближенных покойного отца, дабы не допустить Константина на княжеский стол. Какая-то смута в Рязани явно была, и она предопределила вмешательство в нее московского князя Даниила. Под следующим годом летописи говорят о походе Даниила на Рязань и битве под Переяславлем с рязанским князем Константином Романовичем. Известие о походе московского князя на Рязань приводится во многих летописях и везде отмечается либо «хитрость» московского князя, либо говорится о «крамоле бояр рязанских», предавших своего князя. Съезд 1300 г., видимо, и был этой «крамолой».

Еще одним яблоком раздора между Москвой и Рязанью была Коломна. Коломна – этот важный форпост на Оке – вскоре оказалась в пределах московского княжества, но точной даты ее присоединения к Москве источники не дают. Есть мнение, что это произошло позже, уже при Юрии Даниловиче, который в отличие от отца явно не стремился к примирению с Рязанью.

В Никоновской летописи и у Татищева известие дано более развернуто, причем речь идет об определенной оценке деятельности Даниила: пленив рязанского князя, Даниил «приведе его с собою на

Москву, и держа его у себя в нятчи, *но в береженьи и чести всяцей*, хотяще бо ся с ним укрепити крестным целованием и отпуститьи его в его отчину на великое княжение Рязанское». Даниил Московский и в самом деле действовал очень осторожно, стараясь не обнаруживать своих намерений.

В 1300 г., по сообщению Симеоновской летописи, состоялся очередной княжеский съезд в Дмитрове, примерно в том же составе, что и в 1296 г. Съезд ставил задачу примирения разногласий князей, и большинство «взяша мир межи собою, а князь Михаило Тферский с Иваном с Переяславским не докончали между собою». В этой ситуации Даниил Московский оказал поддержку переяславль-залесскому князю Ивану Дмитриевичу. В 1302 г. Иван Дмитриевич умер бездетным и завещал он свое княжество именно Даниилу. Московский князь пошел на прямой конфликт с братом, великим князем Андреем Александровичем, который тоже претендовал на Переяславль-Залесский: «Наместники своя в нем посади, а брата его старейшаго великого князя Андрея Александровича Володимерскаго згони».

Даниил скончался в 1303 г. в возрасте 42 лет, оставив пятерых сыновей — *Юрия, Александра, Бориса, Ивана и Афанасия*. Александр умер в 1309 г., Борис в 1319-м. Афанасий княжил в Можайске и затем в Великом Новгороде, где и скончался в 1322 г. Заметный след в истории оставили лишь двое: Юрий и Иван. Старший из Даниловичей — *Юрий Данилович* (1281—1324) находился в это время в Переяславле, и переяславцы не отпустили его даже на похороны отца, опасаясь, что город попытается захватить великий князь. Таким образом, Юрий получил Московское княжение, сохранив за собой Переяславль. Вскоре после кончины отца он с братьями захватывает и приводит в Москву можайского князя Святослава, присоединяет к Москве Можайск.

В 1304 г., вскоре после возвращения из Орды, скончался и был похоронен в Городце великий князь Андрей Александрович. Сразу же возник конфликт из-за осиротевшего великокняжеского стола между Михаилом Тверским и Юрием Московским. Формальный приоритет принадлежал Михаилу Тверскому: он был сыном великого князя Владимирского, а Юрий — сыном князя удельного (если бы Даниил пережил своего брата Андрея и стал великим князем, очевидно, никаких проблем не было бы). И «бысть замятна в Суздальстей земле, во всех градах», сообщает Никоновская летопись.

В ряде городов *Суздальской Руси* резко активизировалось *городское самоуправление*. В Костроме «бысть вече на бояр, на Давыда Явидовича, да на Жребца и на иных; тогда же и Зерня убили Александра». Известие содержится во многих летописях,

но суть распрей ни в одной не обозначена. А она явно увязывается с другим сообщением, согласно которому за Кострому боролись московский князь Юрий Данилович и Михаил Тверской. Новгородские летописи сообщают и о том, что Михаил направил своих наместников в Новгород, но они не были приняты новгородцами. Никоновская же летопись уточняет, что делалось, — наместники тверского князя пытались утвердиться в Новгороде «силой и безстыдством многим», поэтому «новгородцы же высокоумье их и безстыдство ни во чтоже положиша». Кстати, и позднее новгородцы будут принимать посланников тверского князя с явной неохотой и при любом удобном случае изгонять их из своих земель. В то же время к наместникам московских князей они будут относиться более благосклонно. Подобная ситуация в немалой степени повлияет на общую расстановку политических сил в Северо-Восточной Руси в начале XIV в.

Но в конечном итоге вопрос о том, кто должен был стать преемником Андрея Александровича решался в Орде. Михаил Тверской видел свою задачу в том, чтобы не пропустить Юрия Даниловича в Орду — посланники тверского князя ждали Юрия в Суздале и в Костроме, но московскому князю все же удалось другим путем добраться до Орды. Зато в Костроме в плен попал его брат Борис. Михаил ударил и в другом месте — в Переяславль-Залесский, где в это время княжил Иван Данилович, был послан боярин Акинф с войском (об этом рассказывает «Повесть об убиении Акинфове»). Но Иван Данилович разбил тверскую рать, Акинф и его зять Давыд были убиты, пало много тверичей, а сыновья Акинфа Иван и Федор бежали в сопровождении небольшого отряда.

Между тем тяжбу в Орде Юрий Данилович проиграл: великим князем Орда утвердила *Михаила Ярославича*. Новый великий князь начал с похода на Москву, где решающего перевеса ему достичь не удалось. Затем, укрепляя авторитет «великого князя», в 1305 г. Михаил Ярославич совершил поход на Нижний Новгород, где «черные люди» избили бояр, служивших Андрею Александровичу. Князь «изби всех вечников, иже избиша бояр». Никоновская летопись в этом случае оправдывает князя: «Им же бо судом судите, судят вам, и в ню же меру мерите, возмерится вам». Мотив же выступления «вечников» тот же, что и в Костроме, и в Переяславле: *«Земля» не разделяла устремлений великих князей, в данном случае тверского князя.*

В том же 1305 г. скончался митрополит Максим. Тверской князь попытался утвердить на митрополии своего ставленника — в Константинополь был отправлен из Твери игумен Геронтий. Но

о планах тверской епархии и князя Михаила узнал галицкий князь Юрий Львович, внук Даниила Галицкого. Отношения же между Галичем и Владимиром после кончины митрополита Кирилла, связывавшего два главных центра Руси, заметно ослабли, более того, стали напряженными. В Галиче всегда жило стремление к созданию особой митрополии или, по крайней мере, иметь митрополитом уроженца Галицко-Волынской земли и сохранить митрополичью кафедру в Киеве. Последнее желание находило поддержку и в Константинополе, о чем в Галиче знали. В результате у тверского претендента оказался серьезный конкурент: галицкий князь также отправил к патриарху Афанасию своего кандидата – основателя и игумена Спасского монастыря *Петра* (ум. 1325 г.). И конкурс, по сути, был заранее предreshен в пользу Петра.

Нового митрополита поставили лишь в 1308 г., и Петр на первых порах остановился в Киеве. Далее последовала его поездка в Орду за получением ярлыка на занимаемую кафедру. На иные дела у него, видимо, времени пока не было. А на Руси было время трудное и беспокойное. 1308 и 1309 гг. – неурожай и голод, татары разоряют рязанские земли, а в Орде был убит рязанский князь Василий Константинович. В 1308 г. Михаил Тверской вторично подступил к Москве «и много зла сотвори», но города взять ему не удалось.

В 1309 г. Петр впервые появляется во Владимире, где рукополагает новгородского епископа Давыда. Но отношения с великим князем у нового митрополита не складываются – Михаил Тверской фактически стал проводить по отношению к митрополиту политику совершенного неприятия. Инициатором кампании за отстранение Петра от митрополичьего стола явился тверской епископ Андрей, явно поддержанный великим князем. В 1310 г. в Переяславле был проведен специальный Собор для разбора претензий к митрополиту. К патриарху были направлены «словеса тяжка» с обвинениями Петра в мздоимстве «от ставления» (т. е. при посвящении епископов в сан), а также разрешении браков близких родственников (четвертой степени родства). Патриарх прислал на Русь своего клирика, который и председательствовал на Соборе. На Соборе присутствовали тверской и ростовский епископы, представители белого и черного духовенства, князь (в том числе сыновья Михаила) и бояре. Ни великого князя Михаила, ни его соперника Юрия на Соборе не было: оба находились в это время в Орде. Но Москву представлял Иван Данилович, сближение с которым станет важным фактором для митрополита Петра, вынужденного защищаться от тяжелых обвинений.

В летописях, исключая Никоновскую, в которой воспроизводится изложение Жития митрополита Петра, нет никакой информации о Соборе 1310 г., но у Татищева есть развернутое сообщение о другом Соборе, якобы созванном в том же Переяславле в 1313 г. самим митрополитом. Речь на Соборе шла о еретике, протопопе новгородском, который увлек своей ересью, в частности осуждением монашества, многих иноков, покидавших монастыри и «оженяхуся». Существенно, что еретикам помогал тверской епископ Андрей. Сюжет этот, как пояснил А.Е. Пресняков, Татишев взял из Жития митрополита Петра. В Никоновской летописи упоминается еретик Сеит, судя по имени, крестившийся мусульманин или несторианин. У Татищева (и, видимо, в его источнике) имя еретика – Вавила, но он зачеркнул его, вероятно, под влиянием указания Никоновской летописи.

Дата 1313 г., указанная у Татищева, явно не подходит, поскольку в это время и Петр, и многие другие заинтересованные чины были в Орде. Судя по всему, сюжет с еретиком относился все же к Собору 1310 г., а в Житие Петра этот сюжет мог попасть именно потому, что через него митрополит блокировал аргументы главного обвинителя – епископа тверского Андрея.

В изложении Никоновской летописи присланный константинопольским патриархом клирик огласил на Соборе текст послания епископа Андрея. «Велико же мятежу бывшу о лъживом и лестном клеветании на святаго Петра», – сообщает далее летопись. После страстных и бурных споров митрополит был оправдан, а епископ Андрей, не представивший доказательств, «пред всеми посрамлен и уничтожен бысть».

Но Михаил Тверской и епископ Андрей не отступили и направили в Константинополь монаха Акиндина в качестве свидетеля неправедных деяний Петра, а также послание самого великого князя. Новый патриарх Нифонт предложил отправить митрополита и свидетелей на суд в Константинополь, причем если бы митрополит не захотел ехать «волей», то рекомендовалось отправить его «нужею». В источниках, однако, нет сведений, состоялся ли такой суд, но торжество Петра проявилось уже в том, что вскоре оба епископа – тверской и ростовский – оставили кафедры, уступая их лицам, подерживавшим митрополита.

В 1312 г. митрополит Петр «сня сан с владыки с Ызмаила Сарскаго» и поставил на его место Варсонофия. Иметь в Сарае на епископской кафедре «своего» кандидата всегда было важно и для великих князей, и для митрополитов. Помимо прочего, требовалось также согласие на замену одного епископа другим со стороны вели-

кого хана. Возможно, что эта замена произошла в условиях другой смены: в конце 1312 г. скончался хан Тохта, и великоханский стол занял его племянник Узбек (ум. 1341 г.). Кстати, именно Узбек, который был ярим приверженцем ислама, в конечном итоге сделал мусульманство официальной религией Орды.

Кто из ханов — Тохта или Узбек — содействовал в данном случае митрополиту Петру, остается неясным: Петр отправился в Орду еще при жизни Тохты и задержался там, чувствуя нового великого хана, поздравлять которого приехали и русские князья. Тверской князь оставался в Орде целый год, что, может быть, свидетельствует об ухудшении отношения к тверскому князю в Орде при новом хане. Митрополит же, согласно летописному сообщению, был принят с «честью» и вскоре вернулся на Русь, видимо, в Киев или на Волынь. Во всяком случае, на развернувшуюся в Северо-Восточной Руси усобицу он никак не влиял. Но общий характер взаимоотношений Михаила Тверского и митрополита Петра предопределил тот факт, что *Петр в большей степени начал поддерживать московских князей*, а позиция церкви, как уже говорилось, играла важную роль в политическом противостоянии русских княжеств.

Сложные отношения у тверского князя складывались и с *Великим Новгородом*. Обычно новгородцы принимали на княжеский стол того, кто получал титул великого князя, но в данном случае Михаил Ярославич «сяде в Новгороде на столе» только в 1307 г. И уже в 1311 г. на «немецкую землю» новгородцы ходили с князем Дмитрием Романовичем, сыном смоленского князя Романа Глебовича, княжившим ранее в Брянске.

Под 1312 г. новгородские летописи говорят о резком столкновении новгородцев с Михаилом Тверским, который вывел из Новгородской земли своих наместников и перекрыл пути доставки в Новгород «обилья». В Новгороде начался голод, и к Михаилу отправили просьбу о мире, за который было уплачено полторы тысячи гривен серебра. В 1314 г., воспользовавшись тем, что Михаил Тверской был задержан в Орде, новгородцы собрали вече и изгнали наместников великого князя. Взамен они пригласили Юрия Даниловича, который пришел в Новгород вместе с князем Федором Ржевским и своим братом Афанасием.

В 1315 г. Юрий Данилович был вызван Узбеком, причем хан требовал прибыть «без коснения», т. е. немедленно. Оставив в Новгороде брата Афанасия, московский князь отправился в Орду, и на сей раз именно он был надолго здесь задержан. В свою очередь, Михаил Тверской осенью 1315 г. вернулся в Тверь вместе с татарским послом Таитемиром и, видимо, военачальниками Имархой и Индрыем. Михаил сразу же организовал поход на Нов-

город, и под Торжком разбил рать Афанасия Даниловича. Князья Афанасий Данилович и Федор Ржевский бежали в Новгород. Тверской князь потребовал их выдачи, и новгородцы выдали Федора Ржевского, а также выкуп в пять тысяч гривен, но не согласились выдать Афанасия. Михаил же, пригласив московского князя и новгородцев на переговоры, пришел в ярость от того, что новгородцы не соглашались взять на себя «крепость», «изыма всех и посла во Тверь, а прочих людей всех перепрода». Торжок был разорен, а в Новгороде князь дал посадничество своим приверженцам и посадил своих наместников. Новгородцы же направили посольство в Орду, очевидно, с жалобой, но их перехватили тверичи и привели в Тверь.

В 1316 г. новгородцы вновь изгнали наместников тверского князя. Антитверские настроения иллюстрируются фактами, приведенными в Новгородской Первой летописи: «Изимаша Игната Беска, и биша и на веще, и свергоша его с мосту в Волхово, творяща его перевет держаще к Михаилу; а Бог весть». Новый поход Михаила к Новгороду закончился для него неудачей: рать заблудилась в озерах и болотах, и, после того как закончились припасы, тверское войско вернулось домой.

В 1317 г. Юрий Данилович наконец вернулся из Орды, причем с ярлыком на великое княжение. Причину длительного его пребывания в Орде объясняет Никоновская летопись и «История» В.Н. Татищева: «Женився, у царя сестру его поняв именем Коньчаку; егда же крестися и наречено ей бысть имя Агафия». Князь привел с собою татарских послов Кавгадыя, Астрабыла и Острева.

В дальнейшем рассказе Никоновской летописи заметно влияние тверской повести о Михаиле Ярославиче. Тверской князь встретил Юрия и его татарское сопровождение у Костромы. По тексту Никоновской летописи, Юрий уступил великое княжение Михаилу, но по Тверской летописи, великое княжение уступил Михаил Юрию. Достовернее в этом случае явно Никоновская летопись — к Костроме подтянулось большое войско, противостоять которому Юрий не мог. В решающем сражении Юрий потерпел поражение и бежал в Новгород, а его княгиня Кончака и брат Борис были захвачены ратью Михаила. Сторону тверского князя принял и Кавгадый с татарами, хотя летописец (с учетом последующих событий в Орде) не верит в искренность перебежчиков. В Твери княгиня Кончака умерла. И сразу же возникли слухи об ее отравлении, что нанесло большой урон авторитету Михаила Тверского. Кроме того, Кончаку похоронили в Ростове, а не в Москве, что еще больше утяжеляло вину тверского князя.

В 1318 г. Михаил Тверской был вызван на суд в ставку хана Узбека, которая на сей раз размещалась у устья Дона «у моря Сурожского». Главным обвинителем на суде выступал тот же Кавгадый. Он внушал и хану, и собранным им «судьям», что тверской князь собрал большую дань и намеревался бежать с ней «в Немцы». Исправному поступлению дани Узбек придавал особое значение, и суммарный размер ее при нем был, вероятно, наивысшим за весь период ордынского ига. В числе «вин» князя постоянно упоминалась и насильственная смерть сестры хана, а оправдания Михаила звучали для «судей» более чем неубедительно. В итоге суд признал все «вины» князя. Хан назначил «второй суд», который принял такое же решение, — Михаил Тверской был приговорен к смерти. Как и все казни в Орде, смерть Михаила была мучительной. 26 дней князю пришлось мучиться под возложенным на него тяжелым деревом, пока не наступила изощренная казнь. Все это происходило в предгорьях Кавказа у города Дедякова в Алании, и оттуда тело почившего привезли на Русь.

В Никоновской летописи имеется и портрет князя: «Бе же сей князь велики Михайло Ярославичь, телом велик зело, и крепок, и мужествен, и взором страшен. И Божественное Писание всегда чтяше, и от бояр и от всех своих любим бысть, и пианства не любляше, и иноческаго чина всегда желаше, и мученические подвиги всегда на языке ношаше, и ту же чашу изпи за христиане. Аще бы он не пошел во Орду слышев толикаа беда на себя, и отошел бы в ыные земли, и пришедше бы татарове, ишуше его, колико бы христиан замучили, и смерти предали, и святыя церкви поругали; но сей блаженный Михаил на всех себя даде».

Характеристика, конечно, — это поиски идеала, какогого жизнь пока не давала, но без которого трудности было не преодолеть. И недаром уже вскоре после смерти начнется процесс канонизации Михаила Тверского как православного святого, принявшего мученическую кончину за православную веру. Если же говорить о реальном соотношении авторитета Твери и Москвы, то перевес все-таки окажется на стороне Москвы. *Определенное тяготение «Земли» к Москве — завоевание Даниила Александровича.* Во времена Юрия Даниловича это завоевание сохранялось в основном потому, что его конкуренты стояли от потребностей «Земли» еще дальше. Даже капризный Новгород довольно последовательно ориентировался на Москву. В дальнейшем все более будет проявляться и еще один *фактор политики Твери*, который не встретит поддержки у большинства городов и земель всей Северной Руси — это *сближение с Литвой*.

После казни Михаила Тверского ярлык на великое княжение от Узбека получил Юрий Данилович, но удержать его не сумел. Ни выдержанностью отца, ни дальновидностью брата Юрий не обладал. Поведение Юрия по отношению к своему убиенному сопернику вызвало осуждение даже в Орде. По Никоновской летописи, использовавшей, как говорилось, тверские источники, сразу после убийства тверского князя и разграбления его свиты, с упреком к Юрию обратился главный обвинитель Михаила Кавгадый, который «с яростию» потребовал, чтобы московский князь озаботился погребением тела Михаила Тверского. Лишь после столь сурового выговора князь распорядился взять тело убитого и положить на телегу. Но погибший был отвезен в Москву, а не в Тверь. Епископ ростовский Прохор уговорил Александра Михайловича идти во Владимир и «мириться» с Юрием, а заодно «испросить» останки отца. Захоронение в Твери замученного в Орде князя прошло при огромном стечении народа и всего «чина священнического» и послужило началом канонизации погибшего князя.

Явно не обеспечивал московский князь и безопасности своих земель от татарских набегов. В 1320 – 1321 гг. татары грабили Ростов, Владимир, Кашин. В 1321 г., согласно ростовским и московским сводам XV в., Юрий направлялся к Твери и собирал свои силы в Переяславле. Дмитрий Михайлович направил сюда епископа Варсонофия, который передал Юрию две тысячи рублей, оцениваемые в одних летописях как плата за мир, а в других – как «выход» в Орду. Отказывался Дмитрий и от притязаний на великое княжение. Как обстояло дело в действительности, установить трудно.

По просьбе новгородцев Юрий в том же году отправился в Новгород с полученными от тверского князя двумя тысячами гривен, а Дмитрий Михайлович, пока Юрий решал новгородские проблемы, поехал в Орду, как и обычно «с дары многими», где представил переданные Юрию гривны как «ордынский выход», утаенный московским князем. Более того, согласно Татишеву, тверской князь уверял, что Юрий взял «выход» и от других князей, и от Новгорода. Одновременно Дмитрий обвинил Юрия и Кавгадыя в клевете на своего отца. В итоге же Узбек вознегодовал и на Кавгадыя, заставив его испытать те же муки, что и Михаил, и на Юрия, которому предстояло объясниться с ханом. В этой ситуации Узбек передал ярлык на великое княжение *Дмитрию Михайловичу*.

Дмитрий Михайлович вернулся из Орды в сопровождении «посла» Севенчбуга. Возможно, что функции «посла» были

оговорены именно утверждением на великом княжении тверского князя. Юрий Данилович, услышав о решении Узбека, просил новгородцев проводить его с дарами в Орду. Но у притока Волги Урдоме его встретил с ратью Дмитрий Михайлович, и Юрий, оставив казну, бежал сначала в Псков, откуда по приглашению новгородцев вернулся в Новгород.

В 1324 г. Юрий Данилович, наконец, кружным путем добрался до Орды. В конце того же года в Орду прибыл и Дмитрий, и 21 ноября убил там московского князя. Летописи осуждают тверского князя и напоминают притчу: «Не добро бяше и самому, что бо хто сееть, то и пожнет». Запись явно сделана позднее, когда и Дмитрию пришлось испытать ту же участь. Узбек похоже был искренне возмущен, но, наложив на Дмитрия «великую опалу», оставил ему жизнь. По повелению хана тело убитого князя Юрия было отправлено в Москву, где в феврале 1325 г. погребение его проводил митрополит Петр и присутствовали все владыки Северной Руси: Моисей Новгородский, Прохор Ростовский, Григорий Рязанский, Варсонофий Тверской.

§3. МОСКОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО В ГОДЫ КНЯЖЕНИЯ ИВАНА ДАНИЛОВИЧА КАЛИТЫ

В летописном некрологе отмечается, что *Иван Данилович Кали-та* (ок.1288 – 1340) княжил 18 лет. Очевидно, предполагается, что после смуты 1322 г., в результате которой ярлык на великое княжение получил тверской князь, а Юрий фактически ушел в Новгород, в Москве реально правил Калита. Видимо, тогда же в Москве окончательно обосновывается и митрополит Петр. После гибели Юрия Даниловича в Орде в 1324 г. Калита остается единственным из Даниловичей, и потому утверждение его на московском столе ни в Твери, ни в Орде вопросов не вызывало. Другое дело, что князь стремился унаследовать и великокняжеский титул погибшего брата. Ближайшим путем к этому было укрепление доверительных контактов с митрополитом. Не без участия князя и его средств, в том же году митрополит Петр заложил в Москве *первый каменный храм — церковь Успения Богородицы*, в которой «заложил себе гроб своими руками». Митрополит умер в декабре того же 1325 г. и был, согласно завещанию, погребен в недостроенном храме. Летописец отмечает, что там он «и ныне лежит, много чудеса содевая с верою приходящим к нему».

Гнев Узбека на Дмитрия Тверского разгорался почти целый год: 15 сентября 1325 г. по его повелению князь был убит. Тогда же был убит и князь Александр Новосильский, видимо, как-то связанный с тверским князем. Никоновская летопись отмечает, что «бысть царь Азбьяк гневен зело на всех князей тверских, и называл их крамольники и противных и ратных себе, но аще и гневен бысть на них, но по великом князе Дмитрии Михайловиче даде великое княжение брату его князю Александру Михайловичу». Решение кажется парадоксальным. Заметно, что и в Орде непоследовательность Узбека вызывала недоуменные вопросы: хан обвиняет всех тверских князей в неверности и тут же одному из них отдает ярлык на великое княжение. Объяснение может быть только одно — ордынский хан совершенно сознательно поддерживал напряженность в отношениях Твери и Москвы.

В 1327 г. в Твери произошли события, сыгравшие большую роль в решении политических вопросов на Руси. Татарский посол Чол-хан, известный русским источникам под именем Щелкана (Шолкана, Шевкала), своим поведением спровоцировал выступление тверичан против татарского отряда, находившегося в Твери. В летописях события, связанные с «ратью Щелкана», переданы с теми или иными разночтениями, но во всех вариантах речь идет о нетерпимых насилиях со стороны татар, и оправдываются выступления тверичан против этих насилий.

Согласно Тверскому сборнику, Щелкан был одним из тех, кто советовал хану Узбеку устранить Александра Михайловича и других русских князей и утвердить непосредственное владычество ордынского хана на Руси. Щелкан вызвался пойти на Русь: «И разорю христианства, — якобы говорил он, — а князи их избью, а княгини и дети к тебе приведу». Хан одобрил предложение, и Щелкан с большим татарским отрядом «прииде на Тверь, и прогна князя великого съ двора его, а сам стал на князя великого дворе съ мноюю гордостию; и въздвиже гонение велико над христианы, насилством, и граблением, и биением, и поруганием». Горожане шли с жалобами к Александру Михайловичу, но он призывал их к терпению. Терпеть тверичане уже не могли, и 15 августа, после того как татары отняли у дьякона Дудко кобылу, пострадавший обратился за помощью к горожанам, собравшимся на торгу: «Татарове же, надеющиеся на самовластие, начаша сещи». Этот призыв поднял весь город, тверичи ударили в колокола и собрались на вече: «И кликнуша тверичи. И начаша избивати татар, где кого застронив, дондеже и самого Шевкала убиша. Не оставиша и вестоноши». Лишь татарские пастухи, пасшие за городом коней, бежали на Москву и оттуда в Орду.

В Тверском сборнике ничего не сказано об участии в восстании самого князя, а следующие затем годы представлены в московской интерпретации. О «Федорчуковой рати», посланной из Орды и разорившей Тверскую и другие земли Северо-Восточной Руси, приводится лишь несколько глухих фраз. В соответствии с московской интерпретацией событий, Москву и Московское княжество «заступил» «человеколюбивый Бог».

Иначе события изложены в Московском своде конца XV в. Ордынский «посол» с большим отрядом прибывает в Тверь. Здесь прямо обозначена цель «посла» — сесть на Тверском княжении и утвердить татар на других княжениях. Но инициатором выступления тверичан против татар представлен князь Александр Михайлович, который вооружил горожан и повел их на насильников, в том числе занявших и его собственный двор. Именно князь поджег сени своего двора, где размещались Щелкан со своей ратью, и в огне пожара погибли Щелкан со всем своим сопровождением. Вместе с тем в этой летописи сказано, что Иван Данилович отправился в Орду и с ним вскоре пришли пять темников во главе с Федорчуком, которые разорили Тверь и Кашин, а также иные волости. «По повелению цареву» в этих акциях участвовали Иван Данилович и Александр Васильевич Суздальский. В Новгород же было направлено посольство, и город откупился двумя тысячами гривен (по Никоновской летописи, сумма откупа составила пять тысяч «новгородских рублей»).

В Никоновской летописи разнузданность Щелкана объясняется тем, что он якобы доводился Узбеку «братаничем», т. е. племянником. Соотносили же его с Дюденем, разорявшим Русь в 1293 г., братом Ногая. Здесь, видимо, сказывается влияние исторической «Песни о Щелкане Дюденевице». Но в любом случае, Щелкан явно был чином влиятельным, чем предопределялась и особо ожесточенная реакция на гибель «послов» со стороны Узбека.

Хан Узбек послал на Русь рать во главе с Федорчуком («Федорчукова рать»). В состав рати вошли и полки Ивана Даниловича Калиты, а также суздальских князей Александра Васильевича и его дяди Василия Александровича. Видимо, суздальские князья, как и Иван Данилович, имели претензии к тверским князьям и держались московской ориентации. Согласно Никоновской летописи, «Федорчукова рать» страшно разорила русские земли, прежде всего тверские: «Татарове возвратишася со многим полным и богатством, и бысть тогда всей Русской земле велиа тягость, и томление, и кровопролитие от татар. Убиша тогда и князя Ивана Ярославича Рязанскаго, и много христиан избиша и пле-

ниша». Тогда же повелением Узбека был убит в Орде рязанский князь Василий. Видимо, рязанские князья выразили какую-то солидарность с восставшей Тверью. И только Москва счастливо избежала разорения. В данном случае Никоновская летопись, как и Тверской сборник, говорит о Божием заступничестве за Москву: «Точию съблюде и заступи Господь Бог князя Ивана Даниловича, и его град Москву и всю его отчину от пленения и кровопролития татарскаго».

Но Узбек попытался внести раздор в отношения вроде бы своих приверженцев: титулы «великих князей» получают и московский, и суздальский князья. Причем Владимир вместе с Суздалем и Нижним Новгородом будут переданы Александру Васильевичу, *и в руках Ивана Калиты «Владимирское великое княжение» окажется лишь в 1332 г., после смерти Александра Васильевича.* Между двумя «великими княжениями» в 1328 – 1332 гг. никаких конфликтов летописи не отмечают. На стороне московского князя была и сила, и деньги (Новгород Великий оставался в его ведении), и сдержанность. К тому же Иван Калита теперь оказался «старейшим» среди князей – единственным внуком Александра Невского.

Бывший «великий князь» Александр Михайлович Тверской с семьей ушел в Псков, где, как отмечает Никоновская летопись, жил 10 лет. Но братья его Константин и Василий вернулись с матерью и боярами в Тверь «и седоша во Твери в великой нишете и убожестве, понеже вся земля тверская пуста». В 1328 г. Иван Данилович и Константин Михайлович отправились в Орду, где получили ярлыки: первый на великое княжение, а второй – на тверское.

В летописях имеется и одно разночтение, которое необходимо разьяснить. Все летописи говорят о «*тишине*», наступившей по всей Руси после вокняжения Ивана Даниловича. Но при этом возникает путаница со сроком установившейся «*тишины*»: В одних летописях, включая Троицкую, Симеоновскую, Рогожский летописец, Тверской сборник и Никоновскую летопись, «*тишина*» простирается «на 40 лет», а в других – Московском и некоторых иных сводах конца XV в. – «на многа лета». В данном случае мы встречаемся с характерной ошибкой позднейших переписчиков, когда буква «М» прочитывалась как число, означающее «40». Если учесть, что Иван Калита после утверждения великим князем правил лишь 12 лет, число 40 вообще лишено смысла, не говоря уже о том, что столь длительной «*тишины*» в тех условиях и быть не могло.

В том же 1328 г. в Константинополе был поставлен на Русь митрополит — грек Феогност (ум. 1353 г.). Как и его предшественник Максим, он сначала остановился в Киеве, затем побывал в Брянске, во Владимире и Москве, проехал по иным городам, некоторое время имел кафедру во Владимире Волынском и, наконец, остановился в Москве на подворье Петра. Именно Феогност окончательно перенес митрополичью кафедру в Москву. *Утверждение в Москве нового митрополита явилось не меньшей поддержкой великому князю, чем ярлык ордынского хана.* И хотя новый митрополит существенно уступал прежнему в благочестии, а отчасти и поэтому союз светского стола и церковной кафедры усиливал обе стороны. Достаточно сказать, что Феогност проявил большую заинтересованность в канонизации своего предшественника Петра уже в 1339 г. константинопольским патриархом.

В поездке Ивана Даниловича и других князей в Орду в 1328 г. участвовало и новгородское посольство. Все они получили от хана указание разыскать Александра Михайловича и доставить его в Орду. В 1329 г., по сообщению Никоновской летописи, князья, в том числе и тверские, исполняя повеление Узбека, пришли с ратями в Новгород. Послы Ивана Калиты и посланные в Псков от Новгорода владыка Моисей и тысяцкий Авраам уговаривали Александра пойти в Орду, дабы не возбуждать ярости хана: «Удобно бо есть тебе за всех пострадати, неже нам всем, тебе ради, и пусту всю землю сътворити».

По версии Московского свода XV в. и некоторых других летописей, Александр готов был пойти в Орду, но псковичи его не отпустили и изъявили готовность драться за него. Князья «начаша мыслити» — как быть? Иван Калита убеждал их, что не выполнить требование хана — значит лишиться своих владений и обречь Русскую землю на опустошение. Поэтому княжеские рати двинулись в поход и остановились «во Опочках» (Опочка — пригород Пскова на реке Великой). Снова возникли сомнения: в дело могут вмешаться «немцы», и не удастся ни выгнать Александра, ни пленить его.

Решили просить митрополита Феогноста, дабы он урезонил князя и псковичей. Феогност предал отлучению и проклятию Александра и псковичей, после чего князь обратился к псковичам с просьбой отпустить его «в Немцы и в Литву», чтобы не причинить «тягости» Псковской земле. Псковичи собрались на вече, «сотвориша плачь велий и отпустиша князя». Александр Михайлович бежал, а псковичи послали к московскому князю «с челобитьем о мире и о любви». Иван Данилович дал им мир, вернулся в Новгород, а затем в Москву. Другие князья также разъехались по своим

княжениям. Узбеку было отправлено уведомление, что князь покинул пределы Руси.

Александр Михайлович с литовской помощью скоро вернулся в Псков, и новгородцам пришлось убедиться в том, что конфликт в этих условиях с Литвой — дело небезопасное. Поставленный митрополитом Петром, архиепископ Моисей «по своей воле» покинул кафедру и постригся в схиму. На уговоры новгородцев остаться, а затем вернуться он не отреагировал. (С чем именно он был не согласен, летописи не сообщают.) Новгородцы, по своей традиции, выбрали епископом Григория Калику, который постригся в монахи с именем Василия, и направили запрос к Феогносту во Владимир Волынский, дабы он утвердил кандидата. Феогност дал согласие, и Василий с почетным сопровождением направился в 1331 г. через Литву во Владимир Волынский. По пути их перехватили люди литовского князя Гедимины, и в неволе плененные дали слово передать сыну Гедимины Нариманту «пригороды» новгородские — Ладогу, Орехов город, Карельскую землю и половину Копорья «в вотчину и дедину». И в то же время, когда во Владимире Волынском в присутствии пяти епископов городов Галицко-Волынской Руси утверждали Василия, к митрополиту Александром Михайловичем и литовскими князьями был направлен на поставление епископом в Псков некий Арсений, хотя Псков традиционно входил в состав Новгородского архиепископства. Митрополит Арсения не утвердил, что вызвало в Новгороде восторг. Но вскоре пришлось рассчитываться за данные в Литве обещания: в 1333 г. Наримант Гедиминович (в крещении Глеб) приехал в Новгород и потребовал передачи оговоренных ранее пригородов. Весьма вероятно, что передача литовскому князю пригородов Новгорода послужила одной из причин разрыва Ивана Калиты с Новгородом и отзыва им своих наместников. В летописях называется спор из-за «Закамской дани». Но занятие московским князем Торжка и противостояние набегам Литвы, равно как походы в Литовскую землю, мало соотносятся с проблемами Закамья. Мир будет восстановлен после двукратного обращения новгородцев, «по старине». Но что это означает в данном случае — летописи не раскрывают. Кстати, в 1339 г. Иван Калита снова вывел из Новгорода своего наместника, по летописным сообщениям, потому что новгородцы, дав «выход» в Орду, не дали дополнительно «даров» для хана и его двора. Эта размолвка будет сказываться и в сороковые годы при Семене Ивановиче.

Александр Михайлович за несколько лет скитаний устал от просьб и обещаний и в 1337 г. решил ехать с покаянием в Орду. Узбек принял его с удовлетворением и вернул ему Тверское

княжение. Но сразу же обнаружилась неустойчивость положения тверского князя: многие бояре отъехали на Москву к Ивану Даниловичу. Не наладились и отношения с Москвой. К тому же ордынскому хану посыпался поток обвинений в адрес Александра со стороны его бывших спутников и деловых партнеров. Князь снова был вызван в Орду, где подвергся вместе с сыном Федором мучительной казни.

В 1340 г. скончался Иван Данилович Калита, оставив троих сыновей: *Семена, Ивана и Андрея*. Еще в 1339 г., отправляясь в Орду, Иван Калита составил завещание (его должен был утвердить хан Узбек). Сохранилось два варианта его. Князь завещает собственно московские земли, почти те же, что оставил в начале века Даниил Александрович. Москва делилась на «трети» и территориально, и по разным статьям доходов, которые собирались городом в целом (в том числе и городским самоуправлением). Семен Иванович получал два города: Можайск и Коломну, закрывавшие «въезд» и «выезд» из Москва-реки. Даваемые сыновьям «села» выходили за пределы собственно Московского княжества: сюда включались и «прикупы» в разных землях (то, что князь собирал в «калиту»). Эти «прикупы» изначально повышали влияние Москвы в немосковских землях. Иван Иванович получал Звенигород и Рузу – земли, пограничные с Тверским княжеством и также разбросанные по разным местам села. Младшему – Андрею Ивановичу – достались Серпухов и Лопастна, приокские земли, где владения Москвы соприкасались с рязанскими. За эти земли предстоит борьба в течение всего XIV в. с рязанскими князьями. В общем управлении оставались «численные люди», т. е. те, кто обязан был платить дань, размер которой определялся от всей земли в целом. Непосредственно «на старший путь» в завещании дается лишь рекомендация Семену «печаловаться» о своих младших братьях и княгине-мачехе с дочерьми (Семену было 23 года, Ивану – 15, Андрею – 13 лет).

Смерть Ивана Даниловича Калиты совпала с рядом событий, которые в своей совокупности делают начало 40-х гг. XIV в. временем завершения определенной эпохи в истории ряда стран Восточной Европы. В 1341 г. умер хан Узбек, самый жестокий и целеустремленный великий хан после Батыея. При этом жестокость Узбека сказывалась не только в отношении Руси, но и разрушала структуру самой Золотой Орды, в которой вскоре начнется «великая замятня». В том же 1341 г. умер литовско-русский (так он писался в документах, таковым предстает во всех трех легендарных генеалогиях) князь *Гедимин*. При нем Литовское государство стало влиятельной силой, выступавшей в качестве возможного «третьего центра» объединения

земель, входивших в состав Древнерусского государства, наряду с Тверью и Москвой.

В этом отношении Иван Данилович Калита сделал многое для Руси: он добился признания Москвы центром земель Северо-Восточной и Северо-Западной Руси как в собственно русских землях, так и в Орде. Важную роль при этом сыграла его политика в отношении церкви. Не афишируя своих действительных целей, Калита сумел создать у митрополичьей кафедры определенную тягу к Москве. В отличие от Твери, Москва при Калите не выдвигала своих кандидатов на митрополию (в Москве епархии вообще не было). Но митрополиты сами тянулись к Москве, в том числе и потому, что здесь у них не было какой-либо конкуренции.

Пожалуй, Ивану Калите можно сделать один существенный упрек: *он составил завещание все-таки без достаточного учета перспектив, не столько как государственный деятель, сколько как вотчинник*. В его завещании нет еще выделения старшему, т. е. реальному преемнику, на «старший путь». Даже сам город Москва оказался поделенным на три равные доли. Это обстоятельство задержит процесс объединения всех русских земель, и если бы не некоторые извне нагрянувшие беды, то процесс мог бы вообще развернуться в противоположном направлении.

Литература

- Аверьянов А.К.* Московское княжество Ивана Калиты. Присоединение Коломны. Приобретение Можайска. М., 1994.
- Борзаковский В.С.* История Тверского княжества. СПб., 1876.
- Борисов Н.С.* Иван Калита. М., 1995.
- Борисов Н.С.* Политика московских князей. Конец XIII – первая половина XIV в. М., 1999.
- Борисов Н.С.* Митрополит Петр // Великие духовные пастыри России. М., 1999.
- Будовниц И.У.* Отражение политической борьбы Москвы и Твери в тверском и московском летописании XIV в. // ТОДРЛ. Т. XII. Л., 1956.
- Голубинский Е.Е.* История русской церкви. Т. I. Вторая половина тома. М., 1881.
- Горский А.А.* Москва, Тверь и Орда в 1300 – 1339 гг. // Вопросы истории. 1995. №4.
- Гумилев Л.Н.* От Руси к России: Очерки этнической истории. М., 1992.
- Кизилов Ю.А.* Земли и народы России в XIII – XV вв. М., 1984.
- Клюг Эккехард.* Княжество Тверское (1247 – 1485). Тверь, 1994.
- Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание. М., 1965.

- Кучкин В.А.* Повести о Михаиле Тверском: Историко-текстологическое исследование. М., 1974.
- Кучкин В.А.* Первый московский князь Даниил Александрович // Отечественная история. 1995. №1.
- Муравьева Л.Л.* Летописание Северо-Восточной Руси. XIII – XIV вв. М., 1983.
- Муравьева Л.Л.* Об «избытке» известий Никоновской летописи (конец XIII – начало XV в.) // Древности славян и Руси. М., 1988.
- Насонов А.Н.* О тверском летописном материале в рукописях XVII в. // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958.
- Пащито В.Т.* Образование Литовского государства. М., 1959.
- Плигузов А.И., Хорошкевич А.Л.* Русская церковь и антиордынская борьба в XIII – XV вв. (по материалам краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.
- Пресняков А.Е.* Образование великорусского государства. Пг., 1918.
- Приселков М.Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916.
- Седова Р.А.* Святитель Петр митрополит Московский в литературе и искусстве Древней Руси. М., 1993.
- Смирнов П.П.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. // Вопросы истории. 1946. № 2 – 3.
- Соколов П.П.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913.
- Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1960.
- Тихомиров М.Н.* Древняя Русь. М., 1975.
- Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960.

ГЛАВА XI

Русь на путях к Куликовому полю

§1. РУСЬ, ОРДА И ЛИТВА В XIV СТОЛЕТИИ

Содержание основных процессов и тенденций развития во всем XIV столетии проявляется в двух рядом стоящих событиях: победа Москвы на Куликовом поле в 1380 г. и сожжение Москвы и истребление ее населения Тохтамышем в 1382 г. Объяснить причины того и другого события — значит понять и стимулы к консолидации русских земель, и препятствия, встававшие на этом пути, в результате которых освобождение от татаро-монгольского ига затянулось еще на целое столетие.

Две тенденции в развитии русских княжеств — *центростремительная (объединительная)* и *центробежная* — обозначились уже в период с конца XIII столетия до 40-х гг. XIV в. В этом же контексте необходимо осмысливать и отношение на Руси к самому факту монголо-татарского владычества. Народ, измученный сверхтяжелой эксплуатацией, стремился к освобождению. Поэтому антиордынские выступления, несмотря на стихийный характер большинства из них, организовывались в основном «Землей», ее органами самоуправления. В княжеской среде ситуация была более сложной — сознание необходимости совместного противостояния Орде умерялось и пониманием неравенства сил (о соотношении каких-то «Земля» почти во все времена ничего не знала), и преобладанием местнических интересов, вызванных самой природой феодальной раздробленности, и эксплуатацией местнических интересов в корыстных целях. Церковь освобождалась от даней и других повинностей за важную для Орды обязанность: в храмах должна была провозглашаться здравница в честь ордынских «царей». Но параллельно в ранг святых возводились князья-мученики, погибшие в Орде. И идеи героического мученичества широко пропагандировались летописями и иными сочинениями, включавшими житийный материал. Такова была атмосфера в землях Северо-Восточной и Юго-Западной Руси, которые тем не менее в

XIV столетии стали все более удаляться друг от друга. Особняком держалась Северо-Западная Русь — Новгород и Псков, где княжеская власть была ненаследственной и где в собственных интересах пытались использовать противостояние Руси и Литвы.

В XIV в. все большее значение во внутри- и внешнеполитических делах Руси начинает приобретать *Великое княжество Литовское*, которое в то время было, скорее, литовско-русским государством, ибо русский элемент играл важную роль во внутренней жизни этого княжества. Традиционными были связи, в том числе семейные, между литовскими и русскими князьями, официальным языком княжества был русский язык, литовские князья, переходя из язычества в христианство, принимали православие, и в церковном отношении само Литовское княжество находилось в сфере влияния митрополита Киевского. Великий князь литовский Гедимин, умерший в 1341 г., оставил семь сыновей. Кроме Нариманта, получившего вотчины в новгородских пригородах, наибольшую роль в истории сыграли *Ольгерд* (ум. 1377 г.) и *Кейстут* (ум. 1382 г.). Никоновская летопись, сообщая о кончине Гедимины, дает характеристику его преемнику Ольгерду: «Сей же Олгерд премуд бе зело, и многими языки глаголаше, и превзыде властию и саном паче всех, и воздержание имяше велие, от всех плещей суетных отвращашеся, потехы и играниа и прочих таковых не внимаше, но прилежаше о дръжаве своей всегда день и ночь, и пианьства отвращашеся, и вина, и меда, и пива и всякого питиа пианьственаго не пиаше; отнюдь бо ненавидяше пианства, и велико воздержание имяше во всем: и от всего велик разум и смысл приобрете, и крепку думу стяжа, и таковым коварством многы страны и земли повоева, и грады и княжения поимал за себя, и удръже власть велию, и умножися княжение его паче всех, ниже отец его, ниже дед его таков бысть». Оценка Ольгерда дана явно после его смерти в 1377 г., но, по всей вероятности, кем-то близко знавшим князя и его действительную генеалогию (в позднейших трех генеалогиях Гедимину подбирают сказочных родителей, а действительная остается неизвестной). Автора этой похвалы, видимо, следует искать в окружении митрополита Киприана, поставленного на митрополию еще при живом митрополите Алексии в конце 70-х гг. XIV в.

Политика Ольгерда существенно отличалась от направленности действий его отца. Если Гедимин был больше «русским», нежели «литовским» князем, то Ольгерд был более «литовским», а претензии его на владение всеми русскими землями предполагали определенные привилегии для собственно литовской знати. Орда постоянно использовала противоречия в границах литовско-

русского государства, в частности требуя дань лишь с традиционно русских территорий, ставя их, таким образом, как бы на нижнюю ступень в составе Великого княжества Литовского. Ко времени вокняжения Ольгерда в Литве уже прочно утвердилось православие, поскольку государство расширилось за счет давно принявших православие русских земель. Сам Ольгерд до конца дней оставался язычником, но его сыновья, активно участвовавшие в политической жизни и Литвы, и Руси, в большинстве были православными христианами. В XIV в. Литва подчинит русские земли до Днепра и поведет наступление на Смоленск и княжества по верховьям Оки («верховские княжества»), а также на земли Пскова и Новгорода.

Если Литва и Северо-Восточная Русь в XIV столетии постепенно укреплялись, то Орду, наоборот, раздирали противоречия. Усобица в Орде разразилась сразу после кончины Узбека в 1341 г. На некоторое время к власти приходит хан *Джанибек* (ум. 1357 г.), для чего сначала он убил своего младшего брата Хидырбека, а затем и старшего брата Тинбека. Естественно, что даже в самом ближайшем окружении Джанибек имел немало недоброжелателей. Насколько противоестественными были отношения в семействе Джанибека свидетельствует тот факт, что и сам он был убит сыном Бердибеком, который перекрыл рекорд отца, убив еще и двенадцать своих братьев. В условиях, когда нельзя доверять никому из ближних, приходится искать поддержки среди «дальних», да и сил для совершения карательных походов не доставало: разные улусы, ранее признававшие власть Золотой Орды, выходили из повиновения. Именно потому, что правители Орды были заняты междоусобицей и соответственно искали союзников, а на дальние походы сил уже не хватало, в этот период *происходит некоторое ослабление ордынского гнета на Руси*. По замечанию А.Ю. Якубовского, «восточные источники и русские летописи несколько идеализируют Джанибек-хана». В самом деле, в некоторых русских летописях хана называют «добрым», поскольку при нем ослабел даннический пресс над Русью. Впрочем, «доброта» ордынских ханов была относительной. В числе же действительно заинтересованных в смягчении отношений с Русью и Русской Церковью, видимо, была жена Джанибека *Тайдула*, страдавшая болезнями, от которых испытывала облегчение лишь врачеванием будущего митрополита Алексия.

Непростые переплетения взаимоотношений Руси, Орды и Литвы еще более осложнялись политикой Константинополя, который продолжал утверждать на Русь митрополитов, а русская митрополия продолжала оставаться частью константинопольского патри-

архата. У угасающей Византийской империи это была последняя возможность напомнить о своем былом величии и извлечь политическую и материальную выгоду, создавая своеобразные «конкурсы» кандидатов на митрополичью кафедру. В самой Византии, большая часть территории которой уже была завоевана турками-сельджуками, шла борьба разных ориентаций в трактовке христианства с политическим подтекстом: ориентироваться ли на Запад или на Восток. Ориентация на Запад означала перспективу заключения унии православной церкви с римско-католической. Ориентация на Восток предполагала, наоборот, главной задачей борьбу с католическим Западом, что выразил в своей идеологии и практике «политический исихазм».

§2. СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РУСЬ В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ СЕМЕНА ИВАНОВИЧА ГОРДОГО

Сын Ивана Калиты, московский князь *Семен Иванович* (1317–1353) со своими юными братьями был принят в Орде еще Узбеком, который пожаловал старшему ярлык на великое княжение. Согласно «Истории Российской» В.Н. Татищева, сыновьям Ивана Калиты был устроен теплый прием: «Прият я с честью и любовью и не долго держав, поучи я, како житии в тишине и послушными быти велению его, обеща и, яко никоих наветов на них не примет и никому княжения великого не вдаст, но по них чадом их да будет, и дав им ярлык с клятвою на детей своих не отымати княжения, и вскоре отпусти я с честью и любовью».

После утверждения в Орде Семена Ивановича «великим князем Владимирским» в 1340 г. был созван съезд в Москве, на котором князья (по именам названы Константин Суздальский, Константин Ростовский и Василий Ярославский) признали ярлык московского князя. У Татищева приводится речь московского князя, напоминающего о временах Ярослава, Владимира Мономаха и Мстислава Владимировича, когда единство князей служило основой безопасности и благосостояния всей Русской земли. Семен Иванович предложил якобы решать спорные вопросы на суде «пред князи», а против тех, кто наводит на Русскую землю татар или «ищет там суда», быть всем «заедин». Непосредственных же нарушителей московский князь видел в новгородцах, которых и призывал наказать.

По Татищеву, князья слушали московского князя с пониманием. Но весь изложенный сюжет и содержание речи вряд ли могли появиться ранее конца XV – XVI столетия, когда реально обосновывалась необходимость самодержавия. В 1340 г. за такое выступление сразу можно было бы лишиться головы: кто-нибудь из участников съезда немедленно донес бы суровому хану Узбеку. Да и особым авторитетом сын Ивана Калиты у князей пока не пользовался. Князья старались попасть в Орду, минуя московского князя, и возвращались в сопровождении татарских отрядов, которые грабили города и веи, не встречая должного противодействия со стороны своих правителей и владетелей. Это вызвало реакцию социальных низов – «черных людей» в ряде городов и княжений. В том же 1340 г. жители Брянска, собравшись на вече, убили своего князя Глеба Святославича. В чем провинился князь, летописи не сообщают. Но в городе в это время находился сам митрополит Феогност, и даже он оказался бессилем сдержать гнев горожан.

Одним из главных вопросов съезда князей в Москве был порядок сбора дани, за которым всегда внимательно следил хан Узбек. В 1340 г. в центре московско-новгородских распрей оказался город Торжок. Московские сборщики направились за данью в Торжок (Новый Торг), где, по летописным сведениям, «силу творили». Новоторжцы обратились за помощью к новгородцам, и новгородские посадники направили к Торжку бояр «со многими людьми», которые захватили наместников князя Семена Ивановича, а в Москву из Новгорода был направлен посланник, который прямо выразил непочтение новому князю. Вызывающее поведение новгородских бояр, в свою очередь, напугало и возмутило новоторжскую «чернь». Организовавшись, «чернь» освободила наместников великого князя Семена, а новгородские бояре бежали в Новгород, разграбив «имение» новоторжцев.

Собравшиеся на съезд князья вместе с митрополитом двинулись к Торжку, навстречу вышла и новгородская рать. До столкновения, однако, дело не дошло. В ряде летописей приводится обычная новгородская формула: «Докончаша мир по старым грамотам извечным на вьсей воли новгородской». Но здесь же приводятся и «уточняющие» данные: «И даша великому князю Семену Ивановичу взять черный бор на всей земле Новгородской, а на новоторжцев возложиша тысячу рублев». В Новгородской Первой и некоторых других летописях сообщается о направлении князем в Новгород наместников, у Татищева в этой связи названы также Торжок и Копорье. Но в целом об отношениях Москвы и Новгорода в летописях содержится весьма противоречивая информация. Отчасти это связано с борьбой против наследников Ивана Калиты

суздальско-нижегородского князя Константина Васильевича, а также с постоянным смешиванием в летописях двух Новгородов: Великого и Нижнего.

Таким образом, в начале правления Семена Ивановича перед ним встали две проблемы в собственно русских землях — *отношения с Новгородом и борьба с суздальско-нижегородским князем Константином Васильевичем.*

Ряд оригинальных известий в этой связи дают летописи бело-русско-литовские (ПСРЛ, т.35). В Супрасльской и Академической летописях под 1341 г. сразу после сообщения о походе Семена Ивановича и других князей на Торжок записано, что «того же лета седе в Новегороде на Городищи на княжении князь Костеньгинь Васильевичь суздальский». «Городище» — это пригород Новгорода Великого, на правом берегу Волхова, известный и позднее как княжеская резиденция. Но в данных летописях сюжет не развернут, и неизвестно, сколько времени провел в Новгородской земле суздальский князь и как складывались его отношения с новгородцами.

После смерти хана Узбека все русские князья в 1342 г. потянулись в Орду за подтверждением ярлыков у хана Джанибека.

Кончина Узбека и первая «замятня» в Орде вызвала активизацию литовских князей, прежде всего Ольгерда, вышедшего на первый план после кончины Гедимины и оттеснившего старшего брата Нариманта. Уже в 1341 г. Ольгерд напал на Можайск, и хотя город ему взять не удалось, он «пожже» села и посад. *Так обозначилась литовская опасность, причем именно Ольгерд проявлял наибольшую враждебность по отношению к Москве.* И московскому князю приходилось воспринимать новый поворот событий в качестве великого князя, в качестве князя московского, и даже, по завещанию Калиты, еще и князя можайского.

В 1342 г. Ольгерд оказался втянут в псковско-новгородское противостояние. Псковичи, не получив помощи от новгородцев против немцев, игнорируя великого князя Семена Ивановича, обратились в Витебск к Ольгерду за той же помощью со словами: «Братиа наши новгородцы нам не помогают». Ольгерд направил воеводой князя Юрия Витовтовича, а затем пришел и сам с братом Кейстутом и сыном Андреем. В конечном счете Юрий Витовтович и Андрей остались на Псковщине, причем Андрей принял крещение.

Новгород продолжал жить своей обычной жизнью и своими проблемами, распрями и мятежами. Ни московского, ни суздальского князя новгородцы как будто не ждали. В Рогожском летописце (и только в нем) под 1343 г. записано, что Семен Иванович проиграл

Константину Суздальскому тяжбу в Орде за Нижний Новгород. В белорусско-литовских летописях также указано, что в 1343 г. Семен Иванович проиграл тяжбу в Орде, но не уточнено, какой именно Новгород перешел во владение суздальского князя. В данном случае речь явно шла о *Нижнем Новгороде*. Это событие оказало большое влияние на последующие отношения московских и суздальско-нижегородских князей.

Лишь в 1346 г., после обращения прибывшего в Москву новгородского архиепископа Василия, Семен Иванович приедет в Новгород и сядет там «на столе», а затем, через три недели уедет по ордынским делам. В 1348 г. московский князь обидел новгородцев тем, что не оказал помощи против шведского конунга Магнуса, а присланный Семеном в Новгород брат Иван не только отказался помочь новгородцам, но и покинул город.

В Никоновской летописи и у Татищева под 1350 г. говорится о заложении Константином Васильевичем каменной церкви в Новгороде. Обычно без определения «Нижний» или «Великий» летописцы говорят о Великом Новгороде, и в указателях к изданиям известие относят к нему. Но в данном случае имеется в виду опять *Новгород Нижний*, и удивление вызывает ошибка Никоновской летописи, весьма внимательно относившейся ко всем сюжетам, связанным с церковью. Этот же сюжет более обстоятельно (хотя тоже глухо) передан Рогожским летописцем. В Нижегородском летописце (памятнике позднем, но использующем древние местные записи) сюжет дан более обстоятельно (правда, под 1352 г.).

Константин Васильевич оставался стратегическим соперником московских князей и потому стремился к упрочению внешнеполитических связей. Обычно это решалось с помощью брачных союзов. Одну из дочерей князь выдал за Михаила Александровича Тверского, сына Александра Михайловича, казненного в Орде, и будущего соперника Дмитрия Донского. (Впрочем, и Семен Иванович третьим браком был женат на сестре Михаила – Марии, а в 1349 г. и Ольгерд очередным браком, при посредстве московского князя, женился на дочери Александра Михайловича – Ульяне). Другая дочь суздальско-нижегородского князя была выдана за ростовского князя Константина Федоровича, а сын Константина Борис женился на дочери Ольгерда. Постоянно поддерживал Константин и отношения с Новгородом Великим. В 1353 г., после кончины Семена Ивановича, новгородцы будут ходатайствовать в Орде за Константина Суздальского, явно не желая принять московского князя Ивана Ивановича. В Орде, однако, поддержали московского князя.

В Орде вообще внимательно следили за тем, чтобы *ни одно княжество не имело решительного перевеса над другими*. В 1332 г. Нижегородское княжество было соединено с Владимирским, что давало после кончины суздальского князя значительный перевес великому владимирскому и московскому князю Ивану Калите. После его смерти Нижегородское княжество в 1341 г. было соединено с Суздальским, получив разряд «великого». Впоследствии Суздальско-Нижегородское княжество будет участвовать в борьбе за главный, владимирский стол. Тверское княжество было заметно ослаблено постоянной борьбой с Москвой и, конечно, погромом 1327 г. Но в Орде, даже убивая тверских князей, следили за тем, чтобы и в Твери оставались «великие» князья из того же тверского великокняжеского рода. В середине XIV в. усилились связи Твери с Литвой, которые помогут Твери занимать весомое место в политическом раскладе на Руси в XIV в., но из-за тесного сближения с Литвой в конечном счете Тверь окажется на обочине объединительного процесса русских земель.

Первым браком Семен Иванович был женат на литовке Августе, получившей при крещении имя Анастасия. Иван Калита женил Семена в 1333 г., когда княжичу едва исполнилось семнадцать лет. Летопись не уточняет, к какой ветви литовских князей принадлежала Августа, имя же, римское по происхождению, возможно, указывает на западные контакты и известную претенциозность родителя невесты.

Уже под 1341 г. летописи сообщают о женитьбе шестнадцатилетнего Ивана Ивановича на дочери князя брянского Дмитрия, сына смоленского князя Романа Глебовича. В 1345 г. скончалась супруга Семена Ивановича, и он женился вторично на Евпраксии, дочери смоленского князя Федора Святославича. В том же году женились и оба его брата Иван и Андрей, но о кончине первой супруги Ивана Ивановича сведений нет. В 1346 г. Семен женился в третий раз на дочери тверского князя Александра Михайловича, отослав свою вторую жену. Третья женитьба московского князя вызвала недовольство и родственников княгини, и церкви – брак пришлось утверждать в Константинополе. И само прозвание князя *Гордый*, видимо, связано не столько с его политической деятельностью, сколько с чертами характера.

Браки сыновей Ивана Калиты довольно определенно были нацелены на *укрепление союза русских земель в противодействие обозначившейся экспансии Ольгерда на восток*, в том числе непо-

средственнно на Московское княжество. Тот же 1345 г. привел к существенному укреплению позиций Ольгерда в самой Литве: он вместе с братом Кейстутом внезапно напал на старшего брата Нариманта, занимавшего Вильно. Наримант бежал в Орду, а его брат и соратник Евнутий бежал сначала в Псков, затем в Новгород и, наконец, в Москву, где принял крещение под именем Ивана. Приняла крещение и вся сопровождавшая князя дружина.

В 1346 г. Семен Иванович, как указано выше, по просьбе новгородцев, сел на столе в Новгороде. Сам факт утверждения московского князя в Новгороде был связан с тем, что до его приезда новгородские земли разорил Ольгерд с братом Кейстутом. Разорение и побудило новгородцев искать защиты и помощи у московского князя. Князь пробыл в Новгороде всего три недели, но, согласно Татищеву, «мног поряд в людях учини, и многу власть у посадника отъя, а смердь вся его любляше; и оставль наместника, сам иде на Москву».

Под 1347 г. летописи отметили «казнь от Бога на люди под восточную страну... бысть мор велик на люди». С Востока надвигалась чума — «черная смерть», которая унесет много жизней и в Европе.

В том же году, по сообщению летописей, «побиша немцы литву, убиша литвы 40 тысяч» (по Татищеву, 14 тысяч). На следующий 1349 г. Ольгерд отправил брата Кориада к Джанибеку просить помощи. На этом фоне, по сообщению В.Н. Татищева, возник конфликт между Семеном Ивановичем и Ольгердом, потому что обращение литовского князя в Орду в Москве было воспринято как стремление Ольгерда организовать поход на русские земли. Московский князь направил своих послов в Орду, которые разъяснили Джанибеку, что «Олгерд съ своею братьею царев улус, а князя великаго отчину испустошам, и выдал царь Корольяда, ...киличеем (гонцам, оруженосцам. — А.К.) князя великаго, и его дружину; и дал посла своего Тотуя, и велел выдати... литву князю великому Семену». Не исключено, что именно московские послы разъясняли, будто помощь требуется Ольгерду для борьбы с верными Орде «улусами». И цели в данном случае Семен Иванович достиг: в 1349 г., по сообщению многих летописей, Ольгерд прислал послов в Москву и замирился с Семеном Ивановичем, который отпустил на родину брата литовского князя Кориада. Но уже в 1352 г. Семен Иванович попытался осуществить большой поход на Ольгерда, однако на пути к Смоленску, на реке Поротве его войско было встречено послами Ольгерда и был восстановлен мир. Намерение князя идти на Смоленск не было одобрено «братией» — князь распустил войско и вернулся в Москву.

Иван Калита стал великим князем после того, как похоронил всех своих братьев. У Семена Ивановича оставались два брата, каждому из которых отец завещал свою «треть». Пока братья были отроками, они послушно исполняли волю старшего, но их взросление порождало и проблемы, которые Семену Ивановичу пришлось решать с помощью специального договора — *«докончания» к завещанию отца.*

Потребность в более четком определении своих отношений с братьями у Семена Ивановича возникла около 1350 г. (по Л. В. Черепнину, в 1350—1351 гг.). Текст договора дошел, к сожалению, с изъянами (грамота местами разорвана). Но основная направленность его очевидна — раздел Москвы на «трети» усиливал напряженность в отношениях между братьями. Как и в других городах, в Москве сохранялось традиционное самоуправление, и хотя сведений о московском вече в летописях нет, связанный с ним институт *тысяцких* ясно просматривается и становится важным фактором внутривластной жизни в городе. *Раздел города между братьями поднимал роль тысяцкого, поскольку он представлял неразделенную Москву.* И борьба за разных кандидатов на эту должность явилась одной из причин серьезных размолвок между братьями.

Один из деятелей, повлиявших на взаимоотношение братьев, — *Алексей Петрович Хвост-Босоволков.* Как обычно, для того чтобы понять суть расхождений между братьями-князьями, необходимо просмотреть имеющиеся данные об Алексее Петровиче. В 1347 г. Алексей Босоволков с Андреем Кобылой ездили за тверской княжной, сосватанной московским князем. Следовательно, это был боярин, допущенный к самым укромным секретам великого князя Семена Ивановича и потому весьма влиятельным. Конфликт разразился вскоре после выполнения этого ответственного поручения. В «докончании» завещания Ивана Калиты именно с деятельностью Хвоста-Босоволкова связано обострение отношений Семена Ивановича с братьями, прежде всего с Иваном.

Договор написан как бы с двух сторон: со стороны великого князя и со стороны его братьев. При этом великий князь советует и указывает, а младшие в знак согласия «кивают головами». В договоре есть статья, прямо предполагающая необходимость деятельности княжеских советников-бояр: «А кто имет нас сваживати..., исправы ны учинити, а нелюбья не держати, а виноватого казнити по исправе». Конкретным виновником «свады» в документе назван именно Алексей Петрович Хвост. В тексте упоминается традиционная для XIV в. формула договоров: «А бояром и слугам вольным воля: кто поедет от нас к тебе к великому князю, или от тебе к

нам нелюбви ны не держати». А далее раскрывается смысл обстоятельств, потребовавших подписания письменного договора: «А что Олексе Петрович вшел в коромолу к великому князю, нам, князю Ивану и князю Андрею, к собе его не приимати, ни его детии, и не надеятися ны его к собе до Олексеева живота, волен в нем князь великий, и в его жене, и в его детех. А тебе, господине, князь великий, к собе его не приимати же в бояре. А мне, князю Ивану, что дал князь великий из Олексеева живота, того ми, Олексею не давати, ни его жене, ни его детем, ни иным ничим не подмагати их». Таким образом, из текста следует, что Алексей Петрович пользовался поддержкой именно Ивана Ивановича, и, как прояснится в дальнейшем, боярин Хвост был кандидатом на должность тысяцкого. Сам же пост тысяцкого при Семене Ивановиче занимал *Василий Васильевич Вельяминов*, имевший непосредственное отношение к составлению «докончания».

В договоре предусмотрено одно отступление от завешания Ивана Калиты, которое вряд ли могли безропотно принять младшие князья: Семен Иванович брал себе половину «тамги» (таможенного сбора), оставляя двум другим половину на двоих, и это же установление должно было перейти и на детей. Младшие «сступались» «на старейшинство»: «соколничий путь, и садовници, да конюший путь, и, кони ставити ловчий путь», т. е. сборы главным образом с охотничьего промысла. Остальное — «на трое», но упомянуты в этой связи только «бортници» — собиратели или производители меда.

Л. В. Черепнин высказал предположение, что братья разошлись на вопросе отношения к Орде: младшие не были согласны с практическим отказом от какого-либо противостояния Сараю со стороны старшего брата. Резон в этом есть: новгородский летописец под 1348 г. ерничает по поводу того, что Семен Иванович не пошел помогать Новгороду в его сложной борьбе со свеями и немцами, московский же летописец оправдывает князя. Верно и то, что Семен Иванович старательно выбивал для Орды «выход», а народу такая старательность, естественно, не могла нравиться. Из последующих событий можно заключить, что в сторону Орды подталкивал князя и его тысяцкий Вельяминов, имевший отношение к составлению договора. Но свободы выбора у великого князя не было: избежать наплыва татарских «посольств» можно было только аккуратной доставкой в Орду «выхода». Поэтому другой причиной конфликта могло быть и недовольство младших князей пересмотром старшим завешания Ивана Калиты.

Но конфликт младших братьев с Семеном Ивановичем не получил продолжения. В 1352 г. на Русь пришла «черная смерть», до

того прошедшая по южным и восточным странам еще в 1346 г. Первым на ее пути оказался Псков, а затем и Новгород. Не исключено, что на сей раз «мор» пришел не с юга, а с запада, куда он был занесен «фрягами»-генуэзцами и иными купцами из Восточного Средиземноморья. Москву «черная смерть» поразила в 1353 г. В начале года (11 марта) скончался митрополит Феогност, за ним вскоре (26 апреля) Семен Иванович. 6 июня умер младший из братьев — Андрей Иванович. Будущий видный полководец Владимир Андреевич Храбрый родится на «сорочины» (сороковой день со дня смерти) отца — 15 июля. У Семена Ивановича не осталось и потомства: дети от первых браков умирали до года, также в детстве умирали и дети от тверской княжны, а последние два — Иван и Семен — умерли на одной неделе с митрополитом.

Московский стол и великое княжение наследовал *Иван Иванович* (1326—1359). Правление Ивана Ивановича, прозванного *Красным*, вроде бы не оставило яркого следа в истории — слишком оно было кратким, да и сам князь не отличался какой-то решительностью, недаром вторым прозвищем его было *Кроткий*. Но именно при *Иване Ивановиче* произошел раскол московского самоуправления.

Главным событием, вскрывшим глубину раскола московского самоуправления, оказалось убийство в 1356 г. тысяцкого Алексея Петровича Хвоста. Рогожский летописец, Симеоновская и некоторые другие летописи дают примерно один и тот же текст: «На Москве вложишеть дьявол межи бояр зависть и непокорство, дьяволим научением и завистью убьен бысть Алексей Петрович тысяцкий февраля в 3 день, в то время, когда заутреню благовестять; убиение же его дивно некако и незнаемо, аки ни от когоже, никимь же, токмо обретесе лежа на площади. Неции же рекоша, якб втаю свет сотвориша и ков коваша на нь и тако всех общую думоу, да яко же Андрей Боголюбый от Кучковичь, тако и сии от своеа дружины пострада. Тое же зимы по последнему пути болшие бояре Московские того ради убийства отъехалша на Рязань со женами и з детьми».

Никоновская летопись добавляет: «И бысть мятеж на Москве велик ради того убийства». А затем под 1358 г. сообщается, что Иван Иванович вызвал из Рязани боярина Михаила и зятя его Василия Васильевича. В этой фразе А.Е. Пресняков угадывал суть событий: Василий Васильевич, упоминаемый без пояснения, — это последний московский тысяцкий Вельяминов, который называется в таком качестве еще в рассмотренном выше договоре братьев.

Таким образом, складывается следующая картина. Очевидно, при *Иване Ивановиче* Алексею Петровичу Хвосту удалось либо

вернуть, либо отобрать у Вельяминова особенно важную в условиях ослабления княжеской власти должность тысяцкого. После этого Вельяминов, видимо, и уехал из Москвы в Рязань. Вопрос о том, почему соперник Алексея Петровича «отъехал» именно на Рязань, остается неясным, особенно если учесть обострение отношений между Москвой и Рязанью в 50-е гг. (в 1353 г. рязанцы вернули некогда им принадлежавшую Лопастну и намеревались отвоевать и другие территории по верховьям Оки). В 1356 г. Алексея Петровича Хвоста убивают, а через два года из Рязани в Москву возвращается Василий Васильевич Вельяминов и вскоре вновь становится московским тысяцким. Эти события показывают глубину разногласий в боярской среде, и, видимо, решение Ивана Ивановича о возвращении Вельяминова из Рязани было во многом вынужденным — Вельяминов никогда не был близок к Ивану Ивановичу.

Но Ивану Ивановичу было отведено лишь шесть лет: 13 ноября 1359 г. он скончался, оставив девятилетнего сына Дмитрия. Московское княжество оказалось перед тяжелыми испытаниями, и неизвестно, куда бы повернули события, если бы на митрополии не утвердился Алексей.

§3. ЦЕРКОВЬ И СВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ В СЕРЕДИНЕ XIV в. МИТРОПОЛИТ АЛЕКСИЙ

Произошедший в начале XIV в. фактический перенос митрополичьей кафедры из Киева во Владимир и затем в Москву значительно поднял авторитет церковных иерархов в решении светских вопросов, в частности в решении непрекращающихся споров князей за права владения и наследования практически во всех городах и княжениях Руси. Большинство князей перед кончиной принимали схиму и делали это с искренним раскаянием в совершенных прегрешениях. Как отмечалось выше, церковь освобождалась от непосредственных даней в пользу Орды. Но в Орде обязательно нужно было утверждать вновь поставленных иерархов, что также требовало немалых денег, а зависимость от Орды делала русское духовенство покорным и в отношениях с Константинополем. Но относительно большая свобода церкви и ее экономическая обеспеченность повышали ее авторитет и в глазах светских властителей, и в глазах населения. Кроме того, только церковь оставалась организацией, сохраняющей един-

ство на территории раздробленных и постоянно враждующих русских княжеств.

Сам Константинополь после разгрома его крестоносцами, а затем и завоевания большей части Малой Азии турками-османами оставался столицей лишь обрубка некогда великой империи и раздирался внутренней борьбой, отголоски которой достигали и Руси. Внутреннюю слабость Константинополь стремился компенсировать дипломатической активностью. В сфере его особой заинтересованности изначально находились Рим, Русь, Орда, а к середине столетия к ним добавляется набирающая вес Литва.

В 1328 г., как говорилось выше, по инициативе Константинополя на Русь был поставлен *грек Феогност*. Феогност имел большое влияние в Константинополе и поддерживал тесные отношения с патриархом. Но особым почтением и должным уважением к сану он на Руси не пользовался. Феогноста нередко представляют слугой Москвы. На самом деле он был прежде всего *слугой Константинополя*, а затем *Орды*, которая поддерживала в это время Москву против недавно еще сильной Твери. А на Руси открыто возмущались «византийской» склонностью митрополита давать и с избытком получать взятки. Под 1341 г. новгородские и некоторые другие летописи сообщают о пребывании Феогноста в Новгороде: «Той же зиме прииде митрополит Феогност, родом Гричин, в Новьгород, со многими людьми; тяжко же бысть владыце и монастырем кормом и дары». Дело дошло до того, что в Орде, вопреки давно установленному порядку, решили обложить данью сверхдоходы митрополита. Согласно вполне лояльной ко всем митрополитам Никоновской летописи, в 1342 г. «неции же русстии человери оклеветаша Феогноста митрополита ко царю Чанибеку, яко много безчислено имать дохода, и злата, и сребра, и всякого богатства, и достоит ему давати тебе в Орду на всяк год полетные дани. Царь же проси у митрополита полетных даней». Митрополит отказался. И только после того как великий князь «подержал» митрополита «в тесноте», тот выплатил «посул» размером в 600 рублей. Этот сюжет есть и в Новгородской IV летописи, согласно которой митрополита «самого яша и измучиша», после чего он «положи посула 600 рублей».

Третья женитьба Семена Ивановича в 1347 г. привела к конфликту князя с митрополитом. По сообщению Рогожского летописца, «женился князь великий Семен, утаився митрополита Феогноста, митрополит же не благослови его и церкви затвори, но олна (пока. — А. К.) посылали в Царьгород благословения просить». У Татищева в этой связи имеется оригинальное добавление: «Преосвященный Феогност митрополит име собор о делех

духовных ко исправлению монастырей, служения и служителей церковных, и уставивша начало года сентевриа от 1-го числа. И списавше список, посла князь великий Симион Иванович с архимандритом Рождественским в Царьград к патриарху о благословении прося». Сообщение о введении «*сентябрьского стиля*», т.е. установления новогодья на 1 сентября, а не на 1 марта, уникально. До этого «сентябрьский стиль» иногда попадал на страницы летописей (в основном ростовских), так или иначе указывая на византийское влияние, но утвердился лишь в XV в., когда и Новый год на Руси стали встречать 1 сентября. Что же касается «благословения» в Константинополе, оно было получено, естественно, не без «посулов».

«Благословение» Константинополя похоже не нормализовало отношений между московским князем и митрополитом. Имени митрополита нет в договоре братьев Семена, Ивана и Андрея, рассмотренном выше. Не часто упоминается имя митрополита и в других межкняжеских конфликтах. Но определенная пассивность высшего иерарха в немалой степени проистекала из-за неустойчивости положения в Константинополе.

В 40-е гг. XIV в. в Константинополе началась смертельная и предсмертная для самой Византии схватка. Сначала спор вроде бы шел в чисто богословской сфере: италийский грек *Варлаам* и *Григорий Палама* спорили о возможности познания Бога и соотношении сущности и энергии. В понимании Варлаама — это одно и то же, у Паламы — нечто совершенно самостоятельное друг от друга. Варлаам, ополчаясь на католическое «филиокве», акцентировал внимание на невозможности человеку стать рядом с Богом и познать его. Григорий Палама был последователем учения *исихазма* (от греч. «молчание», «покой», «тишина»). Паламисты-исихасты выросли из дохристианской традиции восточной мистики, которая и поныне привлекает внимание магического-окультурного аспектом. Исихасты ставили целью воспринять исходящий от божества «фаворский» свет посредством полного отрешения от личного и общественного путем молитвы и созерцания. Всякая деятельность, в том числе и физический труд, исихастами осуждалась. Однако в ходе борьбы со своими идейными противниками они обнаруживали приверженность отнюдь не небесным идеалам. Спор между последователями Варлаама и исихастами мог бы остаться за стенами монастырей, если бы не приобрел политическое звучание.

Сегодня в литературе существуют различные оценки исихазма, и прежде всего так называемого *политического исихазма*. Во второй половине XX столетия однозначно негативную оценку исихазму дал

видный германский ученый Э. Вернер. С реабилитацией исихазма выступил в ряде работ И.Ф. Мейендорф – выходец из России, священник русской церкви в Нью-Йорке. В нашей историографии теме исихазма посвятил свои основные работы Г.М. Прохоров. У этого автора привлечен большой материал, который он стремится направить в пользу апологетики исихазма. Но он может быть истолкован и в прямо противоположном направлении. Г.М. Прохоров считает особенно важным то, что «составлявшие активную часть движения люди – разные по происхождению – были объединены личными отношениями дружбы или ученичества; рассеянные по всей Восточной Европе, они образовывали наднациональную общину, связывающую славянские православные страны друг с другом и с Византией».

На самом деле славянская община и «личные отношения», иерархически выстроенные в духе восточных орденов, структуры не только не близкие, а *прямо противоположные*. И правы те авторы, кто выносит исихазм *вообще за пределами христианства*. Обращаясь к индивиду в духе восточной мистики, исихазм формируется в наднациональные политические структуры, по существу игнорируя присущий христианству аспект социальной справедливости.

Резкая полемика гуманистов (сторонников Варлаама) и исихастов, сопровождавшаяся беспринципной борьбой за власть в самом Константинополе, создавала для русского митрополита Феогноста дополнительные трудности. Он публично осудил исихастов как еретиков богомильского толка, однако с приходом в Константинополь исихастов к власти он лишился поддержки своих традиционных покровителей. Осложнение отношений с Константинополем побуждало искать опору в Москве. К тому же Феогност, видимо, не отличался крепким здоровьем – летописи сообщают о его тяжелой болезни в последние два года жизни. Поэтому он и привлекает в качестве ближайшего помощника владимирского епископа *Алексия* (ок. 1293–1378), крестника Ивана Калиты.

Отец Алексия черниговский боярин Федор Бяконт переселился в Москву при Данииле Александровиче. В Москве и родился будущий митрополит. Жития Алексия редактировались в XV в., отчасти уже под влиянием Жития Сергия Радонежского. Так, в редакции жития Никоновской летописи, где рассказывается о борьбе за великокняжеский стол нижегородских князей, церкви в Нижнем Новгороде по распоряжению митрополита в 1363 г. закрывает Сергей Радонежский. Эта версия широко представлена и в литературе. Но, согласно Рогожскому летописцу, церкви закрывали «архимандрит Павел да игумен Герасим», церковные деятели из ближайшего окружения Алексия.

Дату рождения будущего митрополита летописцы рассчитывают исходя из довольно противоречивых данных. Так, если он был на 17 лет старше Семена Ивановича, то датой рождения должен быть 1300 г. Но в заключении сообщается, что он скончался в возрасте 85 лет, тогда датой рождения получается 1293 г. Из фактов биографии митрополита, конечно, самым существенным является близость его к Ивану Калите, крестником которого он являлся. Очевидно, черниговский боярин заслужил доверие Даниила Александровича, а выбор он сделал в то время, когда Москва еще не могла соревноваться с Тверью. У Федора Бяконта была большая семья. Алексей имел четырех братьев и несколько сестер. От братьев пойдут боярские роды Игнатьевых, Жеребцовых, Фоминых, Плещеевых. Род Фоминых будет служить у митрополитов. А племянник Алексея Даниил Феофанович займет одно из первых мест при Дмитрии Донском.

Согласно Житию, Алексей начал думать об уходе в монастырь в 15 лет, а принял иноческий постриг пять лет спустя. С раннего детства Алексей пристрастился к чтению, а будучи в Богоявленском монастыре «всякое писание Ветхое и Новое извыче». В этом же монастыре был пострижен старший брат Сергия Радонежского Стефан, с которым Алексей пел в монастырском хоре на клиросе. По Житию, Алексей пробыл в монастыре 20 лет, после чего Иван Калита и Феогност перевели его в митрополичью резиденцию. Когда это произошло, из житийного рассказа установить трудно, можно лишь предполагать, что случилось это после 1332 г., когда Калита соединил в своих руках и Московское, и Владимирское великие княжения.

В литературе обсуждался вопрос: знал ли Алексей греческий язык? Л.П. Жуковская убедительно доказывала, что, конечно, знал. А вот знал ли Феогност русский — приходится сомневаться. Греческие митрополиты и епископы на Руси чаще всего местного языка не знали. Алексей потому и понадобился в митрополичьей резиденции, что он исполнял роль посредника в общении митрополита с русским духовенством и князьями.

Вскоре после кончины Ивана Калиты Алексей назначается митрополичьим наместником во Владимире, а в 1352 г. получает сан епископа во Владимире, где после длительного перерыва восстанавливается самостоятельная епархия, а митрополия отсюда фактически переходит в Москву. В этом же году Семен Иванович и Феогност направляют послов в Константинополь, дабы подготовить приезд туда Алексея как кандидата на митрополичий сан.

В литературе можно встретить утверждения, будто Алексей разделял взгляды исихастов. Но «тщательное испытание», которому

был подвергнут кандидат в митрополиты патриархом Филофеем, а затем повторная поездка Алексия в Константинополь, вроде бы уже посвященного в сан митрополита и признанного в таком качестве в Орде, показывает, что согласия-то с исихастами у него как раз и не было. Исихасты представляли «наднациональную общину». *Алексий, наоборот, был едва ли не самым видным представителем, условно говоря, национальной церкви. И перевод Евангелия с греческого, выполненный им в пору вынужденного ожидания в Константинополе, — это тоже аргумент в споре. Евангелие — краеугольный камень христианского вероучения. А вот паламисты-исихасты, как было сказано, стояли ближе к восточным оккультно-магическим верованиям.*

Никифор Григора, византийский автор середины XIV в., обрушивается на Алексия, уверяя, что московский кандидат в митрополиты купил себе сан, раздавая направо и налево взятки. Но иначе, как показывает тот же Григора, в Константинополе ничего получить было невозможно. Позднее, самозванный претендент на московскую митрополию Пимен раздаст огромную сумму в 20 тысяч рублей, занятых по подложным грамотам у константинопольских ростовщиков. И наши летописцы привносят тот же упрек византийским порядкам, что и Григора.

В 1354 г., после годичного пребывания Алексия в Константинополе, он был наконец утвержден в сани митрополита. Но одновременно еще одним русским митрополитом назначили Романа, тверского боярина, за которым стоял Ольгерд. «И бяшет меж их, — сообщает Рогожский летописец, — нелюбие велико... а священскому чину тягость бышетъ везде». Летописцы понимали, что «сии же мятежь ничто ино, кроме... человеческого ради сребролюбия». Таким образом, современники прекрасно видели, что раздор в Русскую Церковь вносился именно из-за чрезмерного «сребролюбия» константинопольских иерархов. В 1355 или 1356 г. Алексия пришлось снова съездить в Константинополь. И тогда было решено, что он останется митрополитом *«всёя Руси»*, а в ведение Романа перейдут *литовские и волынские епархии*.

Следовательно, вымогая взятки, константинопольское духовенство учитывало прежде всего свои собственные стратегические интересы. Для исихастов главным противником в тот период была римско-католическая церковь и западные католические страны. Поэтому в своей политике *исихасты поддерживали Литву против Тевтонского ордена, а также турок против католического Запада* (именно исихасты сдали Византию туркам, разместив по городам их гарнизоны). Соответственно *они не были заинтересованы в борьбе Руси против ордынского ига, а именно эта проблема*

была главной для Северо-Восточной Руси. Византийские политики исихастского толка видели свою задачу в другом — они стремились повернуть все силы Руси против католического Запада, тем более что Русь являлась самой большой и одной из самых богатых митрополий, из подчиненных Константинополю. Таким образом, **во второй половине XIV в. интересы Константинополя и собственно Русской Церкви были противоположны.** И историческая реальность только подтверждает данный вывод. В то время как митрополит Алексей последовательно готовил победу на Куликовом поле и объединял все политические силы Руси, Константинополь всячески препятствовал его деятельности. А в 1375 г. из Константинополя, еще при живом Алексии, был прислан в сан митрополита исихаст Киприан, откровенно ориентированный на Литву. Именно Киприан окажется одним из главных виновников сожжения Москвы Тохтамышем в 1382 г.

Впрочем, здесь нужно учитывать еще один момент. В заслугу Киприану обычно ставят его борьбу за митрополию «всая Руси», и соответственно Алексей принижается как некий «раскольник», соглашавшийся быть пастырем лишь одной ее части, а именно *Великороссии*. Но *Алексий стремился к объединению тех земель (Великороссии), для которых первостепенной задачей было смягчение ордынского ига или даже полное освобождение от него.* Русские земли под властью Вильны и Варшавы (куда Алексия не пускали) имели иные задачи и питались иными идеями: даже «Рюриковичи» Западной и Юго-Западной Руси не имели равных прав с литовской и польской аристократией, а притязания Литвы как «третьего центра Руси» предполагали утверждение господства литовской знати и над другой половиной русских земель, при сохранении того же ордынского ига. Следовательно, если бы Алексей придавал первенствующее значение задачам *объединения митрополии «всая Руси»* под своей властью, то он бы не смог решить главную проблему — **объединение северо-русских земель для борьбы с Ордой.** Видимо, именно поэтому, он не столь активно противился самому факту разделения митрополии, тем более что в Литве Алексия как раз не жаловали.

Два года, проведенных Алексием в Константинополе, требовали от него и обширных познаний в непростых диспутах, и дипломатического искусства. И хотя Алексей в конечном счете добился закрепления за ним митрополии «всая Руси», но путь в Литву ему был фактически закрыт. По распоряжению Ольгерда, в 1359 г. Алексей был захвачен во время поездки в Киев, и его около двух лет продержали в темнице. С тех пор Алексей больше в западнорусские земли не ездил (если не считать своеобразной

вылазки в только что захваченный литовцами Брянск для поставления там епископа).

После кончины Ивана Ивановича в 1359 г. остались девятилетний *Дмитрий*, меньший его брат *Иван* (ум. 1363 г.), и шестилетний *Владимир*, сын князя Андрея Ивановича. В условиях, когда Москву представляли дети-княжичи, она стала быстро подниматься исключительно благодаря тонкой и продуманной деятельности митрополита Алексия. В литературе высказывалась мысль, что митрополит не совсем праведным путем стал фактическим главой боярского правительства Москвы. Речь идет о том, что он не мог стать регентом при мальчике Дмитрие по завещанию Ивана Ивановича, поскольку в это время находился в заточении в Литве. Но в качестве авторитетного советника он еще в сане епископа владимирского упомянут в духовной Семена Ивановича. Такую же роль он, конечно, исполнял и при Иване Ивановиче.

В 50-е гг. XIV в. Алексею бороться приходилось на трех внешних и почти бесчисленных внутренних фронтах. Митрополит сумел наладить отношения с *Ордой*, в которой побывал трижды в 1354, 1356, 1357 гг. Там он прославился как «чудесный целитель», излечив от слепоты ханшу Тайдулу, влияние которой в Орде было огромным. Умел Алексей умиротворить и других влиятельных сановников, жаждающих «подарков». К тому же Орда уже раздиралась противоречиями и начинала разваливаться по швам.

Поездка Алексия в Орду в 1357 г. по просьбе Тайдулы совпала с очередной «замятней», в ходе которой власть захватил сын Джанибека *Бердибек*, «удавивший» отца и убивший двенадцать своих братьев. А через два года Бердибек и сам «испи тую же чашу». На полгода воцарился *Кулпа*, убитый *Наврусом*, который просидел на великоханском столе два года. Наврус вспомнил и о своих улусниках. Русские князья потянулись к нему за ярлыками. Был среди них и девятилетний Дмитрий Иванович, но его в Орде лишили великого княжения. Ордынский хан отдал великокняжеский ярлык князю Андрею Константиновичу, а тот уступил его своему младшему брату суздальскому князю *Дмитрию Константиновичу* (1323 или 1324–1383), который и сел во Владимире. Летописец осуждает его за то, что взял великое княжение «не по очине, не по дедине».

Пришедший из Заволжья Хидырь убил и Навруса, и ханшу Тайдулу. В результате «замятни великой» появилось сразу 4 царя и несколько князей. Хидыря убил его брат Мурат (Мурат), утвердившийся на Левобережье Волги, а правую сторону Волги захватил *темник Мамай* (ум. 1380 г.), зять Бердибека. Не будучи чингизидом (только чингизиды могли быть великими ханами), он сделал «ца-

рем» некого Авдуля. Третий царь Килдибек выдавал себя за сына Джанибека, «также дивы многие творяше», а четвертый с рядом «князей» затворился в Сарае. Тогда же Болактемир захватил Волжскую Булгарию. Именно с этого времени Волжская Булгария стала превращаться в «Казанское ханство», а болгары начали привыкать к имени «татары».

Распад Орды привел к заметному усилению набегов татарских «князей» на русские земли, грабежу русских князей, возвращающихся из Орды. Потребность в консолидации сил резко возросла, но ее затрудняли обострившиеся (не без помощи той же Орды) противоречия между князьями. Первоочередной задачей Алексея и московских «старых бояр» становилось возвращение права на великое княжение в Москву. В 1362 г. спор между Дмитрием Константиновичем Суздальским и московским князем Дмитрием ордынский хан Мурат решил в пользу Москвы. Московская рать овладела Переяславлем, изгнав оттуда Дмитрия Константиновича, а затем заняла и Владимир, где положено было вступать на великокняжеский стол. На коронацию прибыл посол, на сей раз от Мамаи и Авдуля, привезший ярлыки. В свою очередь Мурат направил ярлык Дмитрию Константиновичу, который вновь занял Владимир. Московское войско опять изгнало суздальского князя из Владимира, но у Суздалья остановилось на мирные переговоры. Дипломатический расчет заключался, видимо, в том, что у суздальского князя назревал конфликт с братом Борисом, занимавшим Нижний Новгород. Конфликт разразился, и старший брат не сумел отобрать у младшего нижегородский стол. Бориса вызвали в Москву, очевидно, к митрополиту, но он отказался явиться на вызов. Именно тогда митрополит Алексей направил в Нижний Новгород Павла и Герасима, дабы закрыть церкви, — подобная мера считалась очень жесткой, но действенной. К тому же такая мера позволяла разрешить спор, не прибегая к силе оружия.

В 1363 г. на Северо-Восточную Русь с низовий Волги снова пришел мор, унесший много жизней, распространяясь из Нижнего Новгорода на Переяславль, Коломну и Москву. А «царь ордынский» Азиз вновь решил столкнуть Москву с суздальским князем Дмитрием Константиновичем, которому был передан ярлык на великое княжение. Суздальский князь, однако, на сей раз от ярлыка отказался в пользу московского князя, испросив заодно помощь против своего брата Бориса. Помощь была оказана — Дмитрий Константинович сел в Нижнем Новгороде, а Борис получил Городец. Таким путем Алексею удалось развязать один из самых кровотокающих в то время политических узлов.

А в 1366 г. шестнадцатилетнего Дмитрия женили на дочери нижегородского князя Авдотье. Брак по расчету оказался счастливым и в житейском плане, что также способствовало упрочению союза теперь уже тестя с зятем. Другая дочь нижегородского князя была выдана за Микулу Васильевича Вельяминова, сына московского тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова. Не исключено, что этот брак, в свою очередь, предполагал снятие напряженности между Дмитрием и тысяцким Вельяминовым, как-то связанным с гибелью за десять лет до того близкого отцу Дмитрия тысяцкого Алексея Петровича Хвоста. Обе свадьбы игрались в Коломне — этим обозначалась решимость Москвы отстаивать за собой рязанский в прошлом город, захват которого в начале века Рязань не признавала. К тому же Москва только что пережила страшный пожар и вся была покрыта строительными лесами. Именно на этой волне было решено создать каменный кремль, который и был построен в 1367 — 1368 гг., что оказалось весьма своевременным в связи с обострением отношений с Литвой.

С *Литвой* отношения у митрополита не сложились. Но это обстоятельство побуждало больше внимания уделять проблемам Северо-Восточной Руси, что, в свою очередь, требовало консолидации сил вокруг Москвы.

Борьба за Суздальско-Нижегородское княжество была актуальной и в чисто церковном плане, поскольку поставленный на Западную Русь митрополит Роман претендовал также на Тверское и Суздальско-Нижегородское княжества. Колебания постоянно проявлял Новгород Великий. Алексей интенсивно менял состав епископата во всех неустойчивых землях. После кончины Романа в 1362 г., казалось, устранился и очевидный конкурент. Но торжество Москвы в борьбе с Нижним Новгородом и укрепление ее позиций лишь обострило политические притязания Литвы. Эти притязания вытекали из самого факта противостояния Алексия и Романа. Ольгерд постоянно жаловался в Константинополь на московского митрополита, намекая на возможность сближения Литвы с католическим Западом (что реально и происходило). Это явное усиление католичества в кругах собственно литовской знати удерживало исихастскую верхушку Константинополя от прямой поддержки Литвы против Москвы. Исихастов устраивал бы такой вариант, при котором *Русская митрополия, оставаясь единой, сдерживала бы в Литве прокатолические настроения, а в Северо-Восточной Руси — стремление решать свои насущные проблемы по борьбе с Ордой.*

Поскольку исихасты воздерживались от прямой поддержки кандидатов в митрополиты с литовской стороны, Ольгерд решает

перейти к активным действиям против Москвы. Вскоре после смерти московского князя Семена Ивановича в 1356 г. Ольгерд захватывает Брянск – весьма важный центр на пути из Москвы в Киев (и в Юго-Западную Русь). Алексей, избегавший после упомянутого эпизода поездок в Литву, в 1363 г. ездил в Брянск, дабы поставить там епископа и сохранить свое традиционное влияние. Естественно, ему приходилось мириться с фактом господства над городом и епархией литовских властей.

Во время борьбы Москвы с суздальско-нижегородскими князьями Тверь была практически выключена из этого противостояния из-за внутренних конфликтов. Там шла борьба «микулинской» ветви потомков Михаила Ярославича (к ней принадлежал *Михаил Александрович*) и «кашинской», традиционно близкой Москве. Великим князем Тверским в начале 60-х гг. оставался приверженец «кашинской» ветви Василий Михайлович – дядя Михаила Александровича. Его сыновья, естественно, рассчитывали стать и его преемниками; к тому же имело значение довольно терпимое отношение митрополита Алексия к происходящему в Твери, да и литовцы в 1361 г. еще грабили тверские земли, а в следующем году Михаил Александрович отправился в Литву для установления мира. Позднейшие тверские летописцы славили за это Михаила, но «кашинцы» не собирались смириться ни перед Михаилом, ни перед Ольгердом.

Соотношение сил в тверских уособицах, как это часто бывало, изменили природные катаклизмы – «мор» 1365 г. Мор унес все семейство князя Константина Михайловича (третьего сына Михаила Ярославича и зятя Юрия Даниловича, самого «промосковского» из тверских князей). Ряд уделов перешел во владение Михаила Александровича. На часть удела Семена Константиновича претендовали двоюродные братья Михаила – Василий и Еремей, которые обратились за помощью к московскому князю.

Алексий поручил разобраться с этим делом тверскому епископу, а тот поддержал Михаила, видимо, на том основании, что удел перешел к нему «законно», через завещание. Василий Михайлович и его племянники (сыновья Константина), естественно, не согласились с таким решением. Они потребовали митрополичьего суда над владыкой Василием, и этот суд состоялся. Алексей решительно занял сторону жалобщиков. Рогожский летописец сообщает, что тверскому владыке пришлось перенести в Москве «истому и протор велик» («протор» – в данном случае судебные издержки и иные вынужденные траты). В самой Твери Василий Михайлович вместе с недовольными князьями и кашинской ратью «многим людям сотвориша досаду бесчестьем и мукою и

разграблением имения и продажей без помилования». В 1367 г. и сам Михаил был вызван в Москву Дмитрием и Алексием, где его тоже «держали в истоме», «и Городок отняли и часть отчины княжи Семеновы» (Городок – позднейшая Старица, укрепление, построенное Михаилом на Волге). Князя заставили подписать «докончание», ставящее его в фактическое подчинение Москве. Согласно Рогожскому летописцу, от худшего тверского князя спас ордынский посол Чарык, вступившийся за Михаила.

Из летописей неясно, когда *Михаил Александрович* (1333–1399) стал великим князем Тверским. Вероятно, это произошло после кончины Василия Михайловича в Кашине 24 июля 1368 г. Ясно также, что в Орде склонны были *поддержать Тверь и Литву* в связи с явным усилением Московского княжества и включением юного Дмитрия в активную политику. В Городке появился московский наместник вместе с князем Еремеем – одним из искателей справедливости при определении судьбы удела Семена Константиновича. Но Михаил явно не собирался соблюдать данные Москве обязательства, поэтому Москва направила в помощь своим наместникам большую рать, и князь Михаил бежал в Литву к князю Ольгерду за помощью.

Дальнейшие события в летописях обозначаются как «*Первая Литовщина*». В походе Ольгерда на Москву участвовали практически «все князи литовьстии», Михаил Тверской, а также «Смоленская сила» (за Смоленск шла борьба Литвы и приверженцев самостоятельности смоленского княжества). Летописец (видимо, тверской) не без восхищения рассказывает о достоинствах Ольгерда как полководца: никто обычно не знает, куда направляется собранная им рать, дабы об этом не могли проведают враги.

В Москве о приготовлениях Ольгерда не знали, а когда узнали – времени для подготовки достойной встречи уже не было. Посланный навстречу «сторожевой полк», набранный в Москве, Коломне и Дмитрове, не мог остановить наступления значительно превосходящих сил. Литовцы разорили западное порубежье Московского княжества. Затем Ольгерд стремительно направился к Москве. А в Москве решили сжечь посады и закрыться в только что построенном каменном кремле. Простояв под городом три дня и три ночи, Ольгерд сжег и разграбил окрестности, но Москву не взял и вернулся в Литву.

Из-за крайней запутанности хронологии в летописях и неоднократных поздних редактирований сегодня трудно восстановить даже последовательность дальнейших событий. Видимо, сразу после отхода Ольгерда Алексей отлучил от церкви Михаила Александровича, смоленского князя Святослава Ивановича, а

также тверского владыку Василия. В Константинополь посыпались жалобы на митрополита из Твери и Вильны. Патриарх Филофей засыпает Алексея запросами и рекомендациями, упрекая в приверженности только Московскому княжеству и князю Дмитрию Ивановичу. Главным оправдательным аргументом у святителя было напоминание о том, что литовский князь — *огнепоклонник, грабивший и убивавший православных христиан*. Но нажим Константинополя при враждебной позиции Мамаю и тяжелых последствиях «Первой Литовщины» вынудили уступить. Рогожский летописец сообщает, что «москвичи отступились опять Городка и всея части княжи Семеновы князю великому Михаилу Александровичу, а князя Еремея отпустили с ним в Тферь».

Призывы Константинополя к митрополиту встать над распрями и мирить всех со всеми, конечно, не были искренними. Исихастов беспокоила перспектива отделения наиболее энергичной части «Русской» митрополии от главной с их точки зрения задачи: *борьбы с католической Европой*. Алексею удавалось выдвигать аргументы (вроде борьбы с язычниками и теми же католиками), на которые у патриарха возражения не могло быть, а открытым текстом в Византии говорить не могли. Поэтому, с одной стороны, на поиски «компромата» направляются соглядатаи (что-то вроде «комиссии» по проверке деятельности Алексея), а с другой — оказывается поддержка отнюдь не христианским структурам, способным поставить заслоны претензиям Москвы. **Так складывается неафишируемый блок «Константинополь — Вильна — Орда Мамаю».**

Весьма сложное внешнеполитическое положение Московской Руси требовало сдержанности и осторожности в проведении и внутренней политики, в частности, по отношению к недавним соперникам Москвы в борьбе за титул «великого князя Владимирского». По способности предвидеть события, по умению наступать, а по необходимости отступать — равного митрополиту Алексею не было ни на Руси, ни у ее беспокойных соседей. **И в условиях, когда титул «великого князя» носил отрок и затем юноша Дмитрий, Алексей, фактически возглавляя и церковную, и светскую власть, почти незаметно, но неуклонно укреплял сам город Москву и его роль как центра объединения Северо-Восточной Руси.**

В этом отношении *Дмитрий Иванович* (1350—1389) имел возможность пройти дипломатическую школу весьма высокого качества. Но князь должен быть всегда готовым взять в руки оружие и идти во главе войска. И хотя Дмитрий рано проявляет в этом определенную самостоятельность, он вместе с тем рано выделяет из своего окружения талантливых полководцев, которым готов

отдать лавры победителей. Среди них с самого начала выделяется двоюродный брат Дмитрия *Владимир Андреевич* (1353–1410), княживший в Серпухове, а также прибывший с Волыни *Дмитрий Михайлович Боброк* (до 1356 – после 1380).

Вскоре после отхода литовского войска от разоренной Москвы, в 1370 г. Дмитрий посылает рать «воевать Брянск», который всегда представлял большой интерес и для Алексея. Но «того же лета» Михаил Александрович Тверской вновь «поехал в Литву», а оттуда отправился к Мамаю выпрашивать ярлык на великое княжение. Москвичи и волочане начали воевать тверские волости, а из Орды Михаилу привезли ярлык на Тверское княжение. Пути его возвращения в Русь были перекрыты заставами – его искали, дабы перехватить, но Михаилу с небольшой дружиной удалось снова уйти в Литву. В итоге же последовала «*Вторая Литовщина*», в том же составе, что и первая. Посады Москвы Ольгерд пожег, но кремля снова взять не смог. А на помощь Дмитрию пришли Владимир Андреевич и рязанская рать с Владимиром Пронским. Ольгерд «убояся» и сам стал просить мира. Дмитрий соглашался на перемирие, а Ольгерд предложил заключить «вечный мир», заодно желая скрепить его брачным союзом между своей дочерью и князем Владимиром Андреевичем Серпуховским.

Именно в это время восемнадцатилетний Владимир Андреевич был замечен как умелый и честолюбивый полководец, и московский князь делится с ним территориальными приобретениями. Если в «докончании» 1367 г. значатся лишь еще переданные Иван Ивановичем своему младшему брату Андрею «Рязанские места» по Оке, то в «докончании», составленном в середине 70-х г.г. появится «Дмитров с волостями», перешедшие к Владимиру Андреевичу. Передача Владимиру Андреевичу этих земель существенна, между прочим, уже потому, что в них находился *Троицкий монастырь*, возглавляемый почитаемым на Руси подвижником Сергием Радонежским.

«Докончание» 1371 г. и «вечный мир» были выгодны литовской стороне, поскольку Святослав Смоленский, Михаил Тверской и Дмитрий Брянский оставались под «отеческой» опекой Ольгерда, а один из его послов, Борис Константинович, по всей вероятности, упомянутый выше князь Городецкий, впоследствии доставит Москве много неприятностей. Сама инициатива брака со стороны отца невесты (а не жениха, как это было принято), очевидно, предполагала изоляцию московского князя от наиболее влиятельных его приверженцев. Князю Дмитрию великодушно оставляли лишь Олега Рязанского, Владимира Пронского, т.е. князей, которые не слишком дружно жили между собой и у которых (прежде

всего у Олега) было много территориальных претензий к Москве и еще больше к серпуховскому князю.

Согласованность действий явных и тайных врагов Москвы проявилась и в договоренности литовской стороны с Мамаем. В том же 1371 г. Мамай в Орде выдал Михаилу Тверскому ярлык на великое княжение. Интересна аргументация нового поворота настроений в Орде: «Княжение есмы тебе (Михаилу. — А. К.) дали великое и давали те есмы рать, и ты не понял (т.е. не взял. — А. К.), рекл еси своею силою сести, и ты сяди с кем ти любо». Отказ тверского князя от ордынской военной помощи озадачил и некоторых наших историков. Мотивов же для такого решения было немало: во-первых, нетрудно заметить, что на фоне постоянных убийств ближайших родственников у ордынских чингизидов на Руси усобицы с середины столетия не сопровождались ни разу убийствами правящих «Рюриковичей». Во-вторых, в самой Твери это слишком напомнило бы 1327 г. И, в-третьих, Михаил Тверской, конечно, понимал, что в Северо-Восточной Руси его воспринимали враждебно как ставленника Литвы, внешней для русских земель власти. К тому же новое татарское нашествие на Русь в открытом виде не могли благословить ни Константинополь, ни Вильна.

Дмитрий вновь распорядился перекрыть дороги, но Михаил сумел добраться до Твери. Посол Мамаю Сарыхожа потребовал от московского князя прибытия во Владимир «к ярлыку». *Впервые русский князь открыто заявил, что «к ярлыку» он не поедет и в земли великого княжения ставленника Мамаю не пустит.* Сарыхожу князь пригласил в Москву, и тот, вручив ярлык Михаилу, откликнулся на приглашение, желая получить «многые дары и серебро», пояснил летописец. Сарыхожа «на Москве поймав многи дары поиде в Орду», а вслед за ним в Орду отправился Дмитрий. Алексей проводил князя до Оки «и благословил его, молитву сотворив». Именно теперь, в отсутствие князя, на Москву приехали литовские послы для утверждения мира и обручения Владимира Андреевича с дочерью Ольгерда Еленой, а Михаил в то же самое время разорял московские и союзные с Москвой волости Поволжья.

Сам же князь Дмитрий в Орде «многы дары и велике посулы подавал Мамаю и царицам и князем, чтобы княжения не отняли». Выкупил он за 10 тысяч «московских гривен» (так у Татищева) и сына Михаила Тверского Ивана, находившегося в Орде. В Москве Иван будет находиться при митрополите Алексии около двух лет, пока его не выкупит Михаил, и, конечно, это было весомым аргументом в обострившейся борьбе за титул великого князя.

Так или иначе, Дмитрий Иванович сумел перекупить великокняжеский ярлык. Со времен Ивана Калиты русская дань шла в Орду через Москву. Этот фактор и был первостепенным аргументом в Орде при распределении ярлыков. Тверской князь не смог бы собрать эту дань. Да и прочный союз Михаила с Ольгердом не мог входить в планы правителей Орды. Такой союз там нужен был только для напоминания Москве, кто в Восточной Европе хозяин. Теперь же, казалось, Москва совершенно унижена и отброшена ко временам начала XIV в.

Дмитрий Иванович вернулся из Орды с ярлыком на великое княжение и огромными долгами, и ему пришлось собирать деньги по городам. Летописец отметил этот факт однозначно: «И бышеть от него по городом тягость данная велика людям». Тем не менее к тверскому князю люди из городов не перебежали. Снова сторону Москвы приняли кашинцы во главе с Михаилом Васильевичем. Но в то же время обострились отношения с Олегом Рязанским, который напоминал о своей помощи в отражении «Второй Литовщины», за что Дмитрий, по сообщению Татищева, обещал вернуть Рязани Лопасню. Но после заключения «вечного мира» с Ольгердом Дмитрий отказался выполнить обещание, ссылаясь на то, что Олег лишь «стоял на меже», а на помощь так и не пришел. Спор решили силой оружия: рязанский князь силой захватил Лопасню, но был разбит ратью под командованием впервые упоминаемого Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского.

«Вечный мир» с Литвой продолжался недолго. Уже в 1372 г. литовские рати помогали тверскому князю, грабя и разоряя повожские волости. А затем на Русь двинулся и сам Ольгерд. Но «Третья Литовщина» была отражена — у Любутска литовская рать была задержана московским войском. Сторожевой полк литовцев был разбит москвичами, а основные силы простояли несколько дней друг против друга по разные стороны глубокого оврага и решили вновь помириться.

Дальнейшая борьба принимает как бы «окопный» характер. Михаилу надо было добиваться возвращения из Москвы сына Ивана, а за это приходилось возвращать захваченные с помощью Литвы территории. И хотя по требованию Константинополя Алексею пришлось снять отлучение тверского князя и епископа, давление на Тверь по церковной линии продолжалось. В 1373 г. враждебный Москве тверской епископ скончался, и Алексей целый год не посвящал нового. Из-за Торжка резко обострились и отношения Твери с Новгородом. Видимо, в связи с этим в Новгороде от Покрова до Петрова дня (почти целый «сентябрьский» год) сидел Владимир Андреевич Серпуховский. Летописи лишь сообщают этот факт,

никак его не комментируя, а в Новгородской Первой летописи — это вообще единственное сообщение за весь год. Также без объяснений сообщается и об отъезде из Новгорода Владимира Андреевича. Однако объяснение надо искать не в новгородских и не в тверских, а в татарских делах. В Орде в этом году происходила очередная «замятня», в ходе которой «мнози князи ординские между собой избиени быша». Но «замятни», ослабляя Орду в целом, обычно развязывали руки вольнице, готовой грабить и своих и тем более чужих. Вданном случае Орда Мамаея обрушилась на рязанские города, сжигая, грабя и угоняя в плен всех, кого успела захватить. Москва поддержки Рязани не оказала, но Дмитрий «со всею силою» стоял на берегу Оки, дабы не допустить татар на московскую сторону. И Владимир Андреевич явно стремился сюда, поскольку в первую очередь могли пострадать именно его владения.

Татарская угроза побуждала к смягчению противостояния с Тверью, а княжества, открытые для татарских набегов, острее ощутили необходимость совместных действий против «дикого поля». В 1374 г. нижегородцы уничтожили «посольство Мамаея» и тысячу татар с ним, видимо, надеясь на поддержку Москвы, в случае если Орда попыталась бы наказать их за дерзость. Готовился к отражению возможных нападений с юга и Владимир Андреевич. В том же году он «заложи град Серпохов в своей отчине и повеле его нарядити и срубити дубов, а гражданам, живущим в нем, и человеком торжествующем подасть великую волю и ослабу и многу льготу». «Розмирье с татарами и Мамаем» в этом году было и у Дмитрия.

Между тем Алексею проводить свою политику в интересах Северо-Восточной Руси было весьма не просто. Из Константинополя от патриарха Филофея шли укоры, настояния, требования прибытия в Константинополь для отчета, а практически на суд. Алексей же ограничивался письменными ответами, которые Филофея если и удовлетворяли, то лишь отчасти. В качестве своеобразного маневра можно понять акцию, осуществленную в 1372 г., т.е. в период особенно настойчивых требований Константинополя к митрополиту стоять над князьями и княжествами и отказаться от обеспечения интересов Московского княжества. По Троицкой летописи, близкой к событиям, «месяца августа в 15 на праздник святыа Богородица, честнаго ее Успения, бысть чудо во граде Москве у гроба святого Петра митрополита, прошен бысть некий отрок 7 лет, зане не имаше руки, прикорчевшеся к персем и нему сушу ему, и не могушу проглаголати; егда же пресвященный Алексей митрополит скончеваше святую литургию, тогда проглагола отрок и простресе ему рука его, и бысть

цела, яко и другая. То видев Алексий митрополит повеле звонити, и пеша канун молебен со всем клиросом и со всем збором. И прославиша Бога и святую Богородицу и угодника Христова Петра митрополита, нового чудотворца в Руси». Как было сказано, Алексий был признанным чудесным целителем, и что-то реальное в основе этого рассказа, видимо, лежало. Но митрополит приписывает «чудо» Петру, святость которого признавала и Византия. Таким образом, *святость Петра показывала и Москву как религиозный центр Руси*.

В Византии заметили новый подъем авторитета Москвы и тенденцию к политической консолидации княжеств Северо-Восточной Руси на антиордынской и антилитовской основе. Поскольку эти процессы в церковном плане завязывались на личности митрополита Алексия, предпринимается очередная попытка либо заставить его изменить политические предпочтения, либо заставить отказаться от сана. В Москву прибывает очередной патриарший посол — болгарин, исихаст *Киприан* (ок. 1340—1406). Снова поднимается вопрос о явке на допрос в Константинополь, снова проверяется конкретная деятельность митрополита, в частности, говоря современным языком, его «кадровая политика». 1374 г. в летописях, близких Троицкой, открывается известием о поставлении на епископскую кафедру Суздаля и Нижнего Новгорода *Дионисия*, архимандрита Печерского (Нижегородского) монастыря. Летописи дают новому епископу самую лестную характеристику, отмечая, в частности, заслуги его в монастырском строительстве и пропаганде монастырского общежития. Эта деталь позволяет полагать, что нижегородского кандидата Алексий поддерживал и, возможно, надеялся использовать в сдерживании сепаратистских устремлений некоторых нижегородских князей. С последовавшим затем поставлением в Тверь епископа Евфимия дело обстоит сложнее — эта акция проходила уже под надзором Киприана, который именем патриарха и обязал заполнить пустовавшую кафедру.

Из Твери митрополит в сопровождении Киприана отправился в Переяславль. Этот город для московских князей играл примерно такую же роль, как для некоторых ветвей тверских (в том числе «великих») князей Кашин. Именно в Переяславле в 1374 г. родился второй сын Дмитрия Юрий, и именно здесь по случаю рождения произойдет *съезд большого числа князей и бояр, на котором будут заложены основы союза Северо-Восточных княжеств, определившего границы Великороссии*. Но Киприан похоже покинул Русь раньше этого съезда. Он направился в Константинополь добиваться своего утверждения на митрополию «всея Руси» (т. е. всех епархий Руси в домонгольских границах). Константинополь

в 1375 г. утвердил его в качестве *митрополита Киевского и входивших в состав Литвы и Польши русских епископств*, с перспективой занятия митрополичьей кафедры «всех Руси» после смерти престарелого Алексия.

В литературе существуют разногласия по поводу реакции Алексия на происки Киприана и Константинополя, особенно по поводу поставления Киприана «на Киев», т. е. именно туда, куда безуспешно хотели переселить из Москвы Алексия. Между тем его поведение вполне логично, независимо от того, как он относился к Киприану лично. *Алексий явно не был сторонником идеи митрополии «всех Руси», поскольку таковая предполагалась как альтернатива возвышающейся Москве и объективно была на данном этапе пролитовской.* Уже поэтому он не мог выступать против выделения западных русских епархий в особую митрополию. Другое дело — перспектива подчинения пролитовскому митрополиту епархий Великороссии. С этим Алексий, конечно, не мог согласиться, ибо всю жизнь боролся за ее подъем и объединение вокруг Москвы.

А.Е. Пресняков обратил внимание на противоречия в решении двух константинопольских соборов: 1380 г. при патриархе Ниле и 1389 г. при патриархе Антонии (оба были исихастами). «Соборное деяние» 1380 г. оправдывает (посмертно) Алексия и обвиняет Киприана в интригах, в стремлении добиться низложения митрополита. Оправдывает его и в реакции на «лицемерные» послания Ольгерда в Константинополь. При этом делается ссылка на «церковных сановников», которые проверяли не только дела Алексия, но и Киприана тоже. Собор 1389 г., напротив, полностью становится на сторону Киприана, акцентируя внимание на том, что Алексий отверг предложения примирения с литовской стороны, «ни во что поставив патриаршие грамоты». А на последнюю грамоту митрополит якобы даже не ответил. Очевидно, в 1380 г. Нил пользовался результатами проверок, проведенных его предшественником, противником исихастов Макарием, да и «посулы» от имени Дмитрия, видимо, влияли на содержание решения.

Между тем в самой Москве в середине 70-х гг. XIV в. разворачивались события, имевшие последствия и для следующих поколений. В 1374 г. умер тысяцкий Василий Васильевич Вельяминов, принявший перед кончиной монашеский постриг в Богоявленском монастыре. Как было сказано, отец Дмитрия предпочитал Алексея Петровича Хвоста, но в конце концов согласился принять и любимца Семена Гордого. Судя по всему, и сам Дмитрий относился к Вельяминову настороженно. И вряд ли случайно, что после смерти Василия Васильевича его сын Иван бежал в Тверь к Михаилу Алек-

сандровичу вместе с Некоматом Сурожанином (судя по имени — греком), прибывшим из Орды. Оба начали подбивать тверского князя снова занять великое княжение. Михаил отправил Некомата за ярлыком в Орду, а сам отправился за помощью в Литву, сложив «крестное целование» к московскому князю и начав военные действия на спорных территориях. Ярлык Михаил получил: его привез Некомат с послом Орды Ачихожей. Но поведение тверского князя вызвало возмущение князей Северо-Восточной Руси, включая и смоленского — Ивана Васильевича. В начале 1375 г. состоялся съезд князей, на котором обсуждался этот вопрос. Войско разных княжеств, в основном готовившееся к борьбе с Мамаем, теперь направляется на Тверь. Ни татарскую, ни литовскую помощь тверской князь получить не успел и вынужден был просить мира. Результатом был договор 1375 г., по которому тверской князь отказывался от притязаний на великое княжение и признавал себя «младшим братом».

1374 — 1375 гг. достаточно четко обозначили расстановку сил. **В Московской Руси усилиями митрополита Алексия и великого князя Дмитрия Ивановича было достигнуто политическое и церковно-политическое единство. На пути возвышающейся Москвы становились Орда Мамая, Литва и византийские исихасты.** 1376 г. принес заметный успех: войско под водительством Боброка Волынца взяло бывшую столицу Волжской Булгарии, получив 5 тыс. рублей «окупа». Но в 1377 г. последовало чувствительное поражение от татар на реке Пьяне (притоке Суры, впадающей в Волгу, в Мордовской земле), явившееся следствием халатности воевод. Однако осознание способности противостоять Орде на Руси сохранялось, и победа над значительными силами Мамая (во главе с Бегичем) *на реке Воже в 1378 г.*, одержанная московскими и рязанскими (пронскими) силами, только укрепила это убеждение. И недаром в следующем году Мамай опустошит Рязанскую землю, но не осмелится вступать в московские пределы. *Теперь реальным становилось и решение главного вопроса — освобождение Руси от ига Золотой Орды.* Но деятеля, подготовившего решение этого вопроса, уже не было в живых: 12 февраля 1378 г. митрополит Алексий скончался.

Подводя итог деятельности Алексия, А.Е. Пресняков не без сожаления отмечает, что после его смерти «Константинополь сумел провести на русскую митрополию людей, которые пойдут не по стопам митрополита Алексея, а по тому пути компромисса между московско-владимирской митрополией и ее значением как «Киевской и вся Руси», какой был предудказан еще в последних грамотах патриарха Филофея». Отметив, что первые достижения

«национально-политической идеологии» «практически сорвались после временного успеха», Пресняков весьма скептически оценивает последующие действия и церкви, и светской власти. Однако он видит «глубокий след» этой «национально-политической идеологии» в публицистике следующего столетия. Фактический разрыв Московской Руси с Византией после Флорентийского собора 1439 г. питался событиями и идеями 60 – 70-х гг. XIV столетия. Именно тогда составляются Жития Алексия, редактируются Жития Сергия Радонежского, затушевываются разногласия и выводятся на первый план борцы за истинное возрождение Руси. Правда, падение Константинополя в 1453 г. изменит направленность публицистики: станет выгоднее претендовать на византийское наследие («Москва – Третий Рим»). Иное наполнение получит и лозунг «всея Руси» (не против Москвы, а во главе с Москвой). Но от победы на Куликовом поле до освобождения от ордынского ига прошло целое столетие.

Были ли возможности развить успех 70-х гг. XIV в. сразу же после Куликовской битвы? Каково соотношение объективного и субъективного в успехах и неудачах первых «государственников»? Историки любят оперировать глобальными категориями, «закономерностями». Феодалные усобицы – фактор объективный, вытекающий из характера экономических отношений. За военную помощь союзник обязательно ждет воздаяния в виде города и волости, и все начинается сначала. Тем не менее фатальной предопределенности крушения союза князей Северо-Восточной Руси после Куликовской битвы не было. Это продемонстрировал, кстати, жизненный путь Алексия. Объединив в своих руках светскую и духовную власть, сражаясь на три фронта – с византийскими исихастами, Литвой и Ордой, митрополит за два десятилетия 50 – 70-х гг. создал предпосылки будущих решающих побед.

Конечно, объективные предпосылки были. Выше отмечалось, что в отличие от Орды, где редкий из соискателей трона умирал естественной смертью, а чувства родства вроде бы и вовсе не было, в XIV в. на Руси усобицы, по крайней мере на княжеском уровне, не доходили до кровавых «разборок», а не соблюдавшиеся «вечные миры» все-таки отражали общественную потребность в такого рода договоренностях. Общество в целом устало от войны, проявлением этой усталости явилась отмеченная выше активизация *вечевых институтов* в разных городах, направленная обычно против эгоистических устремлений собственных князей. Следовательно, *«Земля» активно поддерживала устремления «Власти» в*

борьбе с ордынским игом. Показательно также, что с середины XIV столетия заметно поднимается роль общины — сельской и городской. Именно на волне этого настроения митрополит Алексей провел монастырскую реформу.

Монастырская реформа Алексея более всего проявляет принципиальное отличие русского православия от исихазма. В исихазме «спасение» достигается индивидуальной молитвой и молчаливым приобщением к «фаворскому свету». Более того, *индивидуальное спасение решительно преобладает даже в тех случаях, когда в монастыре под общей крышей собирается большее или меньшее число иноков, — внутри монастыря каждый живет «своим коштом» в своей келье.* На Руси в XII — XIII вв. тоже преобладало *«особножитие»*, хотя и иного толка, нежели кельи исихастов, — это были, скорее, загородные особняки феодалов. Выдвижение на первый план в XIV в. монастырского «общежития» предполагало принципиально иной взгляд на само назначение монастыря. *В монастырях, устроенных на правилах «общежития» («общежитийные» монастыри) отменялась частная собственность, вводились общие молитвы, общие трапезы и обязательный труд для каждого инока.* В какой-то мере общежитийные монастыри напоминают *ранние ирландские*, и, видимо, не случайно по Северу Руси в XIV — XV вв. появляется большое количество каменных крестов ирландского типа, а Житие Сергия Радонежского, написанное Епифанием Премудрым, в некоторых отношениях ориентировано на нормы ирландских монастырей (именно уставы ирландских монастырей требовали для утверждения монастыря 12 иноков).

Старые «келиотские» монастыри зависели обычно от местных феодалов, которыми чаще всего и создавались. Одной из главных задач внедрения «общежития» было как раз стремление вывести монастыри за пределы местного подчинения, и митрополит Алексей в этом в большой мере преуспел. За короткий срок в Северо-Восточной Руси вырастают десятки общежитийных обителей. В большинстве случаев учреждает их сам митрополит, некоторые, согласно житию, по тому же уставу — Сергий Радонежский, и естественно, что они становятся идейной, а отчасти и материальной опорой *центральной власти* (особенно если учесть освобождение их от даней), т. е. *митрополичьего двора и московского великокняжеского стола.* В самой Москве Алексей основал четыре новых монастыря: *Чудов, Андроников, Алексеевский и Симонов.* Затем монастырская колонизация двинулась на север и способствовала экономическому освоению края. **Монастырское «общежитие» было выражением традиционного тяготения основной массы русского населения к решению всех проблем «миром», в рамках веками усто-**

явшихся норм территориальной общины. Поэтому в XIV столетии это сближение с традиционными этическими нормами в большой мере способствовало подъему общественного сознания. Позднее «общежитие» увяжется с крестьянской «крепостью» — монастырям начнут передавать земли с крестьянами. Крестьянские общины будут воевать с монастырями, но это уже другая история — в XIV в. спор о «селах» даже и не предполагался. Всего же, по подсчетам В.О. Ключевского, в конце XIV — XV вв. возникло 27 пустынных и 8 городских монастырей.

В литературе высказывались мнения, что в 70-е гг. XIV в. отношения митрополита со своими подопечными-князьями не были безоблачными, и это неудивительно. Молодой князь Дмитрий Иванович рвался в бой, не оценивая реального соотношения сил. Дмитрий явно готов был пойти на полный разрыв с Константинополем, по крайней мере в его исихастском воплощении. Утверждение Киприана в качестве митрополита Киевского с перспективами подчинения ему и епархий Северо-Восточной Руси провоцировало ответные действия. И Дмитрий со своей стороны выдвигает кандидата-преемника митрополита-русина, служившего именно Руси. Таковым явился духовник князя коломенский священник *Михаил*, известный более под несколько сниженным именем — *Митяй*. Дмитрий, судя по «Повести», осуждающей Митяя, не слишком разбирался в догматических тонкостях, но он сознательно шел на полный разрыв с Константинополем, добиваясь лишь благословения Алексия на свое решение. Алексий, конечно, не мог одобрить слишком нетрадиционные действия князя. Он согласился лишь с выдвижением Михаила в качестве кандидата для отправления в Константинополь. Но и этим согласием он брал на себя немало: Алексий фактически не признавал утверждение Константинополем Киприана митрополитом «всей Руси». Впрочем, наверняка Алексий лучше представлял и расклад сил в самом Константинополе — возможность утверждения рекомендованного князем кандидата была, и именно под эту возможность духовник Дмитрия был направлен на представление в Константинополь.

В «Повести о Митяе» духовник князя представлен в карикатурном виде. Тем не менее и в ней просматривается крупная фигура Митяя, вполне соизмеримая с князем Дмитрием, чьи сокровенные мысли Митяю приходилось выслушивать и обсуждать. «Возрастом не мал, телом высок, плечист, рожайст, браду имея плоску и велику и свершену, словесы речист, глас имея доброгласен износящ, грамоте горазд, пети горазд, чести горазд, книгами говорити горазд, всеми делы поповскими изящен и по всему нарочит бе. И того ради

избран бысть изволением великого князя во отчъство и в печатники. И бысть Митяй отецъ духовный князю великому и всем боярам старейшим, но и печатник, юже на собе ношаше печать» — так описал духовника великого князя Рогожский летописец. Отметим он и то, что Митяй «пребысть в такомъ чину и в такомъ устроении многа лета». Даже упрек «Повести» в недостаточном монашеском «стаже» неточен: в течение двух лет Митяй был архимандритом Спасского монастыря в Москве.

В событиях 70—80-х гг. XIV в. многое трудно было предвидеть. После смерти митрополита Алексия князь Дмитрий возвел своего духовника в ранг блюстителя митрополичьего стола. Это вызывало неприятие со стороны русских церковных иерархов, что, очевидно, учитывал и Алексий, не соглашаясь поддержать радикальные намерения князя. Однако после смерти Алексия князь не хотел прислушиваться к мнению церкви. Резкое неприятие константинопольского вмешательства в московские дела проявилось и в реакции Дмитрия Ивановича на попытку Киприана в 1378 г., уже после смерти Алексия, явочным порядком утвердиться в Москве: ставленника Константинополя выставили с позором за пределы Московского княжества, а его свиту раздели и обрядили в лохмотья. Но решение направить Митяя в Константинополь пришло лишь потому, что на патриаршем столе оказался представитель течения, враждебного исихастам и лично Киприану: патриарх Макарий, который и приглашал Митяя в Константинополь для «рукоположения».

Однако в 1379 г. патриарх Макарий был низложен. И узнали об этом Митяй и его спутники (или только его спутники) уже на подступах к Константинополю. И до Константинополя Митяй не доехал — он умер в пути в сентябре 1379 г. В наиболее обстоятельном рассказе об этой поездке, содержащемся в Никоновской летописи, прямо говорится о насильственной смерти Митяя. Сопровождавшие и погубившие Митяя епископы и архимандриты после ожесточенных междоусобных схваток выдвинули кандидатом в митрополиты ярославского епископа *Пимена*. Было состряпано поддельное прошение за него якобы от князя Дмитрия — князь снабдил Митяя чистыми листами («хараты не написаны») со своей печатью, учитывая, что без крупных взяток никакие вопросы в Константинополе не решались. Послы не поскупились на взятки, заняв по подложным поручительствам великого князя крупные суммы «у фряз и бессермен» (долг за Москвой константинопольские банкиры будут считать еще и в XV в.), и патриарх утвердил Пимена русским митрополитом как княжеского кандидата. Но ни Киприана, ни избранного по подложным документам Пимена

Дмитрий не принимал, и в Москву не допускал. *Куликовская битва происходила в тот момент, когда на Руси было два митрополита, но ни одного из них не было в Москве, и ни один из них не разделял устремлений московского князя к объединению русских земель для борьбы с Ордой.*

Кончина Алексия, гибель Михаила-Митяя, очередной исихастский переворот в Константинополе лишали Дмитрия надежной опоры, которую московские князья имели со времен Ивана Калиты, — он лишился поддержки истинно православной, гармонизировавшей со славяно-русской общиной и ориентированной на национально-государственные интересы церкви. И эта утрата скажется и на политике князя, и на результатах деятельности в последнее десятилетие его княжения.

Литература

- Барсов Т.* Константинопольский патриарх и его власть над русской церковью. СПб., 1878.
- Борисов Н.С.* Русская церковь в политической борьбе XIV – XV вв. М., 1986.
- Будовниц И.У.* Монастыри на Руси в XIV – XVI вв. и борьба с ними крестьян. М., 1966.
- Великие духовные пастыри России / Ред. Киселев А.Ф. М., 1999.
- Вернер Э.* Народная ересь, или Движение за социально-политические реформы?: Проблемы революционного движения в Солуне в 1342–1349 гг. // Византийский временник. Т.17. М., 1960.
- Голубинский Е.Е.* История русской церкви. Т.2. М., 1900 – 1911.
- Греков И.Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV – XV вв.). М., 1975.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XV вв. / Ред. Черепнин Л.В. М.; Л., 1950.
- Жуковская Л.П.* Митрополит Алексей и его перевод Чудовской рукописи Нового Завета 1354 г. // Культура средневековой Москвы. М., 1995.
- Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т.1. М., 1991.
- Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание. М., 1965.
- Кузьмин А.Г.* Церковь и светская власть в эпоху Куликовской битвы // Вопросы научного атеизма. Вып.37. М., 1988.
- Кучкин В.А.* Русская церковь во второй половине XIII – XIV вв. // Православная церковь в истории России. М., 1991.
- Кучкин В.А.* Сергей Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10.
- Медведев И.П.* Византийский гуманизм XIV – XV вв. Л., 1976.

- Мейендорф И.Ф.* О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV в. // ТОДРЛ. Т.ХХІХ. Л., 1974.
- Мейендорф И.Ф.* Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV в. Париж, 1990.
- Муравьева Л.Л.* Московское летописание второй половины XIV – начала XV в. М., 1991.
- Насонов А.Н.* Монголы и Русь. М., 1940.
- Памятники древнерусского канонического права // Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1880.
- Петров А.Е.* Византийский исихазм и традиции русского православия в XIV столетии // Древняя Русь: Пересечение традиций. М., 1997.
- Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918.
- Приселков М.Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916.
- Прохоров Г.М.* Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в. // ТОДРЛ. Т.ХХІІІ. Л., 1968.
- Прохоров Г.М.* Повесть о Митяе. Л., 1978.
- Прохоров Г.М.* Культурное своеобразие эпохи Куликовской битвы // ТОДРЛ. Т.ХХХІV. Л., 1979.
- Прохоров Г.М.* Алексей (Алексий) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.2. Л., 1988.
- Рыбаков Б.А.* Ремесло в Древней Руси. М., 1948.
- Соколов Пл.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913.
- Тихомиров М.Н.* Средневековая Москва в XIV – XV вв. М., 1957.
- Хорошев А.С.* Политическая история русской канонизации (XI – XVI вв.). М., 1986.
- Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV – XV веков. Ч.1. М.; Л., 1948.
- Черепнин Л.В.* Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960.

ГЛАВА XII

Куликовская битва и нашествие Тохтамышша. Их последствия

§1. КАМУН МАМАЕВА ПОБОИЦА: СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР

Куликовская битва 1380 г. и сожжение Москвы Тохтамышем в 1382 г. Всего два года разделяют два столь разных события: полная победа и полное поражение, еще на сто лет отодвинувшее освобождение от ордынского ига. Литература о Куликовской битве огромна, но о 1382 г. говорят редко и скупо. Что же произошло? Что парализовало уже, казалось, расправившую плечи Русь?

В работах о Куликовской битве обычно много пишется о значении деятельности *митрополита Алексия, Сергия Радонежского* (1314—1392) и *митрополита Киприана* (ок. 1340—1406) в ходе подготовки победы русского оружия, причем чаще всего вспоминают двух последних, и хотя отношение и к Сергию, и к Киприану неоднозначно, все же преобладает апологетическое. На самом деле именно *митрополит Алексий сыграл решающую и поистине историческую роль — его реальная деятельность может и должна служить точкой отсчета, ибо он сумел противостоять и внешним давлениам, и внутренним разрушительным тенденциям, отстаивая оптимальный вариант политики возрождения Руси, подъема ее самосознания и единения*. О роли других деятелей эпохи Куликовской битвы необходимо говорить именно вследствие часто встречающихся в литературе противоположных их оценок.

В предыдущей главе затрагивались вопросы, связанные с оценкой исихазма и личности Киприана. Но в свете событий 80-х гг. XIV в. к ним необходимо вернуться, прежде всего с точки зрения уяснения расклада сил, а также анализа источников, в большинстве своем созданных или отредактированных значительное время спустя после самих событий. И в этой связи особое внимание следует уделить роли и деятельности Сергия Радонежского, имя которого в литературе часто совершенно произвольно привязыва-

ется к тем или иным событиям. У Л. Н. Гумилева Сергей возглавил «новый взрыв этногенеза». Более строгий В. Т. Пашуто называет Сергия «прозорливым церковным деятелем», а у специалиста по данной эпохе Г. М. Прохорова можно прочесть, что «церковное восточнославянское возрождение» «дало силы грекам, славянам, румынам в течение пятисот лет рабства внутренне противостоять колоссальному турецкому давлению, дало Руси духовные силы пережить своих поработителей, сбросить их иго, воссоединиться и стать величайшей Россией». Это «православное возрождение» связывается Прохоровым с исихазмом: «Исихасты в XIV в., — полагает автор, — нащупали какую-то скважину в глубине человеческой души... Именно тогда появились на Руси столь яркие, сильные и смелые по своей жизни люди, как Сергей Радонежский, Дионисий Суздальский, митрополит Киприан и многие другие, составлявшие едва ли не большинство всех канонизированных русских святых».

Г. М. Прохоров прав в том, что исихазм как «наднациональное» течение всюду приходит в столкновение с «национальными» церквами. А вывод отсюда следует парадоксальный — освобождение от «национального» гнета приходит не от патриотических, а от космополитических сил и устремлений. Так ли это? И о том ли свидетельствуют источники?

Со времени монголо-татарского нашествия на Руси сменилось три поколения, прежде чем в общественном сознании сформировались воля к освобождению и укрепилось убеждение в возможности победы. И не случайно, что формировались они там, где сохранились *общинные традиции*, а **само возрождение Руси началось с укрепления общины**. Община становится и средством выживания, и рамками непосредственного мировоззрения, и мерилом нравственности. Община консервирует быт, и она же питает этническое самосознание. «Национальная» церковь должна была приспособливаться к этому сознанию. И не случайно, что монастырская реформа митрополита Алексия нашла весьма благодатную почву в *Северо-Восточной Руси*, где община укрепилась и практически не повлияла на монастырскую жизнь в областях, оставшихся под властью Литвы и Польши. **Именно в пределах Великороссии Алексей сумел соединить интересы «Земли» и церкви**.

Г. М. Прохоров полагает, что инициатором монастырской реформы был не Алексей, а патриарх Филофей, послание которого к Сергию имеется в Житии Сергия Радонежского. «Сергий, — как бы резюмирует Прохоров, — хотя и не без труда, перестроил свой монастырь по общежительному принципу и (цитируется Житие. — А. К.) “все богатство и имение обще сотвориша и никому

же ничто же дрѣжати, ниже своим звати что, но вся обща имети. Елици же тако не восхотеша, отай изыдоша из монастыря, и оттоле уставися общее житие в монастыре святого Сергия”». Патриарх Филофей в данном случае предстает борцом против частной собственности и индивидуализма, но именно следование последним двум качествам как раз и отличают исихазм от иных течений в христианстве и разного рода утопий и исканий социальной справедливости.

Г.М. Прохорову приходится осуждать Е.Е. Голубинского и И.У. Будовница за «гиперкритицизм», поскольку и тот и другой весьма скептически отнеслись к такому показанию источника. У Г.М. Прохорова получается, что и митрополита Алексия почти два года держали в Константинополе не «человеческого ради сребролюбия», а для прохождения курса преимуществ монастырского «общегития» перед преобладавшими в XIV в. в Византии «келиотскими», т.е. особножительскими монастырями.

В заслугу Киприану обычно ставят его борьбу за митрополию «всея Руси», и соответственно Алексей принижается как некий «раскольник», соглашавшийся быть пастырем лишь одной ее части. Но, как сказано выше, Алексей объединял те земли (Великороссию), для которых первостепенной задачей было смягчение ордынского ига или даже полное освобождение от него. Русские земли под властью Вильны и Варшавы (куда Алексия не пускали) имели иные задачи и питались иными идеями. И необходимо учитывать, в какой мере реальная деятельность Киприана отвечала интересам Москвы и Вильны.

Поскольку заслугу исихастов некоторые авторы видят именно в победе Руси на Куликовом поле, целесообразно дать слово и специалистам, иначе понимающим те же события и те же источники. В этом ряду одно из самых почетных мест принадлежит историку церкви *А.В. Карташеву*. В связи с рассматриваемым вопросом *А.В. Карташев* справедливо (при всем уважении к сану) замечает, что сам патриарх Филофей повинен в разделении митрополии «всея Руси» на три противостоящие друг другу: *Галицкую для латинской Варшавы, Киевскую для Литвы, Владимиро-Московскую для Руси Северо-Восточной*.

Вполне убедительна оценка *А.В. Карташевым* и деятельности в 70-е гг. Киприана: «Прибыв на Русь и сообразив все наличные обстоятельства порученного ему разбору дела, Киприан нашел возможным сам добиться русской митрополии с помощью противников Москвы. Он сразу же повел предательскую политику по отношению к митрополиту Алексию, а для того, чтобы его коварные

замыслы не обнаружались раньше времени, отослал от себя в Константинополь данного ему патриархом сотоварища. Митрополит Алексей сам было хотел поехать в Константинополь для оправданий, но Киприан отклонил его от этого намерения, обещая со своей стороны привлечь к нему милости патриарха. Из Москвы Киприан, одаренный митрополитом, переехал для продолжения своей «миротворческой» миссии в Литву. В среде литовских князей он встретил самую горячую вражду к митрополиту Алексию и желание отделиться от него, а если можно, то и захватить в свои руки принадлежавшую ему церковную власть над всей Русью. Киприан не замедлил принять сторону Ольгерда, вошел в его доверие и был облюбован им как наилучший конкурент московскому митрополиту. Составился план: обвинить и низложить митрополита Алексея, а на его место возвести Киприана с тем, чтобы он и фактически был Киевским, т.е. жил в Киеве, или в Литве и отсюда управлял всей Русью. Сам же Киприан был и автором грамоты, с которой он отправился к патриарху; здесь возводились тяжкие обвинения на митрополита Московского, и с легкой руки Казимира (польского короля. — А.К.) повторялась угроза достать на Литву митрополита у латинской церкви, если не будет поставлен Киприан».

Киприан был поставлен в конце 1375 г. с титулом *«митрополит Киевский и всея Руси»*. Карташев подчеркивает, что Киприан должен был, по соборному постановлению, вступить в эту должность, «как будут изобличены криминальные поступки митрополита Алексея». По проискам Киприана, в Москву были направлены своеобразные разведчики для сбора «компромата» на Алексея. А в итоге «некрасивый поступок Киприана и патриарха открылся во всей своей неприглядности и возбудил сильнейшее негодование и смущение во всем русском обществе: такого скандала, чтобы при живом митрополите, без достаточных оснований и необходимых формальностей, на его место поставлен был другой, еще не бывало в Русской земле!» И А.В. Карташев совершенно прав, заключая, что «Москве, если бы она согласилась теперь беспрекословно подчиниться Константинопольским велениям, предстала самая неприятная перспектива: принять после смерти св. Алексея, столь оскорбившего и возмущившего ее Киприана, а он, как избранник литовского князя, мог остаться жить в Литве и тем подорвать осуществление широких замыслов московских политиков... Забота о надежном преемнике митрополиту Алексея была там теперь делом первой необходимости».

При наличии обширной литературы об эпохе Куликовской битвы и нашествии Тохтамыша, наличии самых разных версий, собственно источниковедческая часть исследований заметно отстает

и по количеству, и по качеству работ. Преобладает избирательный, «потребительский» подход к источникам, подогреваемый значимостью упомянутых личностей, равно как и самих событий. Г.М. Прохоров видит в Сергии Радонежском «исихаста-молчальника» на основании всего лишь *одной строчки из его жития*. «Молчальником» был прозван и один из его учеников — Исаакий. «Другой его ученик, — пишет автор, — Афанасий Высоцкий, игумен серпуховского общежития, ушел в Константинополь, чтобы пожить «в молчании с святыми старцами»...» Но на самом деле причина ухода Афанасия в Константинополь отнюдь не благочестивая: Киприан и духовник серпуховского князя Афанасий были изгнаны в 1382 г. Дмитрием Ивановичем за более чем серьезные проступки.

Собранных Г.М. Прохоровым фактов достаточно лишь для того, чтобы предположить знакомство с исихастскими идеями некоторых монахов и авторов житий, которые жили в конце XIV— XV вв. И это естественно, если учесть, что исихастами были и Киприан, и сменивший его митрополит Фотий. Однако Киприан утвердился в Москве уже после 1380 г., и этот факт необходимо иметь в виду.

Правомерно с этой точки зрения проанализировать и отношение к исихазму Сергия Радонежского. В житии Сергей назван «молчальником», однако возникает *противоречие* — *келиотский «молчальник» Сергей активно занимается устройением «общежительских» монастырей, что сопровождалось ликвидацией частной собственности*. Из этого следует, что «молчальничество» Сергия имело *иные, не исихастские истоки*. «Молчальники» в «общежительских» монастырях Московской Руси — это в данном случае наследники келиотских монастырей, которые ранее преобладали на Руси и в Византии. «Молчальники» были и в Печерском монастыре в Киеве в XI — XII вв., который начинался как келиотский (место келий занимали пещеры), а затем, после принятия Студитского устава, стал общежитийным. Следовательно, *общежительская реформа, проводившаяся Сергием, не может служить признаком влияния исихазма, тем более что исихастское «молчальничество» требует особножительского или скитского уклада жизни монахов*.

Житие Сергия, составленное в 1418 г. Епифанием Премудрым, в оригинале до нас не дошло. Оно сохранилось в позднейших редакциях, в частности в нескольких редакциях середины XV в., осуществленных Пахомием Сербом. И сами эти редакции были сделаны, видимо, перед собором 1447 г., когда готовилось утверждение автокефалии Русской Церкви.

Житие для канонизации предполагало следование определенному шаблону, в котором должен был присутствовать набор достоинств

и деяний, необходимых для причисления к лику святых. Поэтому в данном случае следует отделить историческую информацию от позднейших «шаблонных» наслоений. Чисто источниковедчески необходимо отправляться от имеющихся текстов, предшествующих написанию жития. В позднейших летописях, пользовавшихся вариантами житий, Сергей упоминается под 1363 г. в качестве посланника митрополита Алексия в Нижний Новгород, где посланник закрывает церкви, дабы принудить князя Бориса явиться в Москву. Это сообщение поздних летописей широко тиражируется, но в Нижнем Новгороде Сергей не был – в Рогожском летописце и Троицкой летописи, предшествующих текстам жития, посланниками названы архимандрит Павел и игумен Герасим.

Первое летописное упоминание Сергия относится к 1374 г., когда в Высоцкий монастырь, основанный Владимиром Андреевичем Серпуховским, Сергей направил своего ученика Афанасия. Напомним, что и Троицкий монастырь незадолго до этого оказался во владениях серпуховского князя.

В конце 1374 г., во время съезда князей и бояр в Переяславле по случаю рождения у Дмитрия второго сына Юрия, Сергей крестил новорожденного. В литературе встречается утверждение, будто тогда же Сергей стал духовником великого князя. Но такая версия опровергается самим ходом событий и показаниями летописей. Ни в договорах Дмитрия, ни в его первой «духовной» (около 1375 г.) не встречается имя Сергия (впервые оно появится, наряду с именем игумена Савастьяна в 1389 г. во второй «духовной» Дмитрия, составленной перед кончиной князя). В 70-е гг. XIV в. духовником князя был коломенский священник *Михаил-Митяй*, и произошло это еще при жизни Алексия. Вполне вероятно, что контакт с коломенским священником у Дмитрия установился во время свадьбы князя зимой 1367 г., проведенной именно в Коломне. И именно Михаила-Митяя видел Дмитрий на посту русского митрополита. Алексий не соглашался утвердить Митяя митрополитом без санкции Константинополя, но договоренность о направлении Митяя в Константинополь была достигнута, конечно же при участии самого Алексия, а этот факт означает также и то, что Алексий не мог делать предложений занять свою кафедру Сергию Радонежскому, как об этом сообщает Житие Сергия.

Более того, в конце 70-х гг. XIV в. великий князь и троицкий игумен оказались в конфликте. Как говорилось в предыдущей главе, великий князь Дмитрий Иванович видимо был готов пойти на разрыв с Константинополем, ибо византийские исихасты фактически поддерживали Орду против Московской Руси.

В житии Сергей упомянут как явный недоброжелатель Митяя, ставшего после смерти Алексия по настоянию Дмитрия Ивановича местоблюстителем митрополичьей кафедры: Сергей предсказывает гибель Митяя.

Отрицательное отношение Сергея к Михаилу-Митяю проявляется и в более надежном источнике — летописном. Даже в середине XV в. провозглашение автокефалии Русской Церкви встречало противодействие среди части русского (а не только греческого) духовенства. В XIV в. русское духовенство тем более было не готово к разрыву с Византией, хотя лишь епископ *Дионисий Нижегородский* (ок. 1300—1385) заявлял об этом открыто и резко. В 1379 г. именно Дионисий открыто воспротивился намерению Дмитрия сделать Митяя русским митрополитом и собирался ехать в Константинополь, чтобы помешать утверждению Митяя. Дмитрий Иванович со своей стороны не просто возражал против такой поездки нижегородского владыки, но «повеле Дионисиа нужею удержати». В свою очередь Дионисий «переухитри князя великаго словом худым»: он отказался от поездки, привлекая в качестве поручителя Сергея Радонежского. Сергей Радонежский поручился за Дионисия, и князь «верова словесем его, устыделся поручника его» и отпустил епископа. Но Дионисий уже через неделю нарушил слово «и въскоре бежанием побежа к Царюграду, обет свой измени, а поручника свята выдал». Таким образом, поручительство Сергея, которому поверил князь, ломало всю политическую комбинацию, задуманную Дмитрием, — теперь в Константинополе противником Митяя оказывался не только Киприан, но и Дионисий.

Был и еще один аспект вероятных противоречий между великим князем и игуменом: это отношение к семейству тысяцких Вельяминовых. Вельяминовы наследовали чин тысяцких начиная с Даниила Александровича. Тысяцкий Семена Ивановича Василий был женат на дочери Даниила Александровича, т. е. тетки сыновей Ивана Калиты, чем, видимо, и объясняется возвышение его великим князем. В свою очередь Василий Васильевич, последний московский тысяцкий, был женат на дочери тверского князя Михаила Александровича, что предполагало его определенные тверские симпатии. Дмитрий же, в условиях обострения отношений с Тверью, после кончины в 1374 г. Василия Васильевича, вообще упразднил должность тысяцкого (в Москве в XIV в. она уже была не выборной, а назначаемой князем). Бегство Ивана Васильевича с Некомантом в Тверь (о чем говорилось выше) и затем поездка в Орду за ярлыком для тверского князя (по матери — деда Ивана Васильевича) во многом прояс-

няет и позицию Дмитрия в отношении самого института тысяцких, хотя младший сын скончавшегося тысяцкого Микула доводился князю свояком (они вместе праздновали свадьбы в Коломне, женившись в 1367 г. на сестрах — дочерях суздальского князя Дмитрия Константиновича). Микула останется верным московскому князю и погибнет в 1380 г. на Куликовом поле.

Иван, остававшийся в Орде, до конца дней своих будет искать возможности навредить Дмитрию. В сражении на реке Воже в 1378 г. в ордынском обозе оказался поп Ивана Васильевича, «и обретоша у него злых зелей лютых мешок». Попа допрашивали и пытали, а затем отправили «на заточение на Лаче-озеро, идеже бе Данило Заточеник». А на следующий год в Серпухове у князя Владимира Андреевича появился и сам Иван Васильевич.

Хотя на сей раз соискателя родовой должности тысяцкого «переухитрили», интерес представляет сам факт откровенного выпада против московского князя. Видимо, будучи в Орде, Иван Васильевич не знал о судьбе своего попа. В Троицкой летописи, Рогожском летописце и ряде восходящих к ним летописях записана точная дата — показатель современности записи: 30 августа, «въ вторник (дата и день недели указывают именно на 1379 г.) до обеда в 4 час дни (день считался с утра — 8 — 9 часов) убиен бысть Иван Васильев сын тысяцского, мечем потят бысть на Кучкове поле у града Москвы повелением князя великаго Дмитриа Ивановича». Кучково поле — фамильное владение Вельяминовых. Согласно Никоновской летописи, казнь была совершена при стечении народа, и многие выражали сожаление о случившемся. Даже и подчиненный князю тысяцкий стоял ближе к горожанам, нежели княжеская администрация.

Но оказавшийся в Серпухове сын тысяцкого Иван, вполне вероятно, рассчитывал на поддержку не Владимира Андреевича, а его духовника *Афанасия* и самого Сергия Радонежского. Если у Дмитрия с детства должны были сохраниться негативные эмоции по отношению к Вельяминовым, виновникам убийства соратника отца Алексея Петровича Хвоста, то у Сергия к Вельяминовым должны были сохраняться иные чувства. Старший брат Сергия *Стефан* (в этом житийном тексте можно доверять), оставив младшего в пустыне, вернулся в Москву и в Богоявленском монастыре общался с будущим митрополитом Алексием, пел с ним на клиросе. Здесь он был замечен князем Семеном Ивановичем, стал игуменом этого монастыря, духовником князя, тысяцкого Василия Вельяминова и его брата Федора, а также других бояр. Хотя отношения братьев-монахов были не безоблачными (Стефана не привлекало пустынножитие), но сын

его Иван (в монашестве Феодор) был пострижен Сергием и позднее стал игуменом Симонова монастыря, а в 1381 г. и духовником Дмитрия Ивановича. Сам Сергей начинал свою подвижническую деятельность при постоянной материальной и организационной поддержке старшего брата Стефана, в свою очередь имевшего выход к первым лицам тогдашнего Московского княжества. Естественно, что отношение к этим самым лицам у князя Дмитрия и у Сергия заметно отличалось.

И еще один факт. Направляясь в Москву, в 1378 г. митрополит Киприан направил послания Сергию Радонежскому и его племяннику Феодору Симоновскому в надежде, что Сергей и Феодор уговорят великого князя принять Киприана в качестве митрополита. Реакция Сергия и Феодора на эти послания нам неизвестна, но само обращение к ним Киприана, к которому Дмитрий Иванович относился откровенно враждебно, показывает, что Киприан у своих адресатов, очевидно, надеялся найти понимание. Значит, он тоже знал о противоречиях, существовавших между троицким игуменом и великим князем.

В житии Сергей представлен родоначальником монастырского общежития на Руси, причем выполняет он в этом случае рекомендации патриарха Филофея, который якобы прислал троицкому игумену грамоту. Вряд ли так было на самом деле. Филофей занимал патриаршую кафедру в 1353 — 1354 гг. (в течение года), а затем с 1364 по 1376 г. Никаких следов «патриаршей грамоты» ни в русских, ни в византийских источниках нет. Да и в самой «грамоте», текст которой приведен в житии, нет ничего, кроме пожелания ввести общежитие в монастыре. Мало что меняет и золотой нательный крестик, якобы подаренный патриархом через митрополита Алексия Сергию. Путаница имеется уже в житии: о крестике говорится дважды — в связи с грамотой патриарха и в связи с предложением Алексия Сергию занять митрополичью кафедру, и вручает он его Сергию от себя лично, а не от имени патриарха. На этом основании многие исследователи допускают, что рекомендации введения общежития были привнесены от Филофея либо Киприаном, либо «проверяющими» незадолго до кончины Алексия. Но и такое допущение неверно — к этому времени общежитийные монастыри в Северо-Восточной Руси уже поднимались во всех ее пределах. Кстати, второй вариант — вручение Сергию нательного крестика с другими атрибутами духовного достоинства лично Алексием — имеется и в летописях, начиная с древнейших. Имя Филофея при этом вообще не упоминается. Таким образом, именно митрополит Алексей был основным инициатором монастырской реформы — создания но-

вых общежитийных монастырей и введения «общежития» в «келиотских» обителях.

В отношении к учреждению «общежития» в русских монастырях в летописном изложении «Повести о Митяе» есть одна деталь, ускользающая от внимания исследователей. В числе сопровождающих в Царьград Митяя на первое место вынесен «архимандрит Иван Петровський, се бысть перьвый общему житию начальник на Москве». Слово «начальник» имело значение и близкое к современному, и чаще значение «зачинатель», «зачинщик». При первом толковании можно предполагать наличие в Москве специального учреждения, ведавшего общежитийными монастырями, которое возглавлял *Иван Петровский*. При втором толковании получается, что именно он и был *первым зачинателем «общежительских» монастырей в пределах Московской Руси*. Именно в Москве, поскольку в Киеве общежитийным был Киево-Печерский монастырь, в Новгороде — Антониев, где сохранялись традиции ирландских общежитийных монастырей, привнесенных его основателем Антонием Римлянином еще в начале XII в.; были, по всей вероятности, и другие общежительские монастыри. Иван Петровский, судя по «Повести», оставался верным Митяю и сам едва не поплатился жизнью за попытку урезонить своих далеко не благочестивых спутников: его заковали «в железа» и хотели сбросить в море («архимандрита, Московьскаго киновиарха, начальника общему житию», — еще раз напоминает летописец).

Как можно видеть, и политические и религиозные взгляды Сергия Радонежского не совпадали с намерениями московского князя и отчасти покойного митрополита Алексия. И, видимо, прав В.А. Кучкин, указывая на тот факт, что версия о контактах Дмитрия с Сергием накануне сражения на Куликовом поле (знаменитое «благословение» Сергием Дмитрия Ивановича) имеет позднейшее происхождение и вряд ли они были в исторической действительности.

Не все было гладко и в отношениях Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем. В битве на Воже его имя не упоминается, может быть, потому, что союзником Москвы выступала Рязань, с которой у серпуховского князя были напряженные отношения из-за земель по Верховьям Оки. И к Литве, и к Киприану, и к Сергию у Владимира Андреевича было более теплое отношение, нежели у московского князя.

Следовательно, *Куликовская битва происходила в условиях более сложных, нежели те, что сложились в 1374–1375 гг., когда было достигнуто и политическое, и церковно-политическое единство в Московской Руси.*

§2. КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

8 сентября 1380 г. состоялась знаменитая в русской истории битва объединенного русского войска во главе с великим князем московским и владимирским Дмитрием Ивановичем и ордынским войском под командованием Мамаю.

Ход битвы достаточно известен. В августе 1380 г. в Коломне был проведен воинский смотр. 20 августа русское войско вышло из Коломны, а 30 августа переправилось через Оку. Узнав о движении русских полков, литовский князь Ягайло не решился выдвигнуться на помощь Мамаю и так и не принял участия в битве.

В ночь с 7 на 8 сентября Дмитрий Иванович переправился через Дон, у впадения в него реки Непрядвы, и поставил полки на Куликовом поле. В центре — Большой полк, главные силы. По флангам — полки Правой илевой руки, впереди — Передовой, чуть сзади, залевым флангом Большого полка — Запасной. С востока, скрытый в Зеленой дубраве, стоял Засадный полк под командованием Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского и Владимира Андреевича, князя Серпуховского.

Утром 8 сентября 1380 г. началась битва. В «Сказании о Мамаевом побоище», которое было написано в конце XV в., сохранилось предание: героями Куликовской битвы стали воины-иноки Александр Пересвет и Андрей Ослябя, которых благословил на бой с татарами Сергей Радонежский. Александр Пересвет начал сражение поединком с богатырем-печенегом, в котором оба погибли. Позднее богатыря-печенега именовали Темир-мурзой, или Челубеем. Андрей Ослябя первым ринулся в бой и первым пал на поле брани.

Основные силы татар устремились на Передовой полк, разбили его и ударили в центр Большого полка. Три часа продолжался этот бой. Татары рвались к знамени великого князя, под которым стоял боярин Михаил Бренок в доспехах Дмитрия. Боярин погиб, но полк устоял. Великий князь в это время в доспехах простого воина сражался в самой гуще битвы. Два раза его сбивали с коня, израненный, он еле добрался до дерева, где его после битвы нашли два простых воина-костромича.

Не добившись успеха в центре, татары ударили по полку Правой руки, но потерпели неудачу. Тогда они обрушились на полклевой руки, в тяжелом бою оттеснили его и стали обходить с тыла главные силы. Но они не знали о Засадном полке. Начав окружение Большого полка, татары подставили под удар свои тылы. В этот момент свежая русская конница из засады нанесла разгромный удар в тыл и фланг татарам. Немногим из них удалось в панике

бежать. В наступление перешли остальные русские полки и гнали татар на протяжении 30 — 40 км до реки Красивая Меча, захватили обоз и богатые трофеи. Разгром татар был полный, войско Мамаея перестало существовать. Малое число татар добралось до Орды, а сам Мамай бежал в Крым и был там убит.

Восемь дней русские воины собирали и хоронили убитых, а затем войско двинулось к Коломне. 28 сентября войско победителей вступило в Москву, где его ожидало все население города.

Великая победа русского воинства стала переломным моментом в истории Руси. Она вызвала национальный подъем, была воспета во многих литературных памятниках, самые знаменитые из которых — «*Задонщина*» и «*Сказание о Мамаевом побоище*». Великий князь Дмитрий Иванович получил почетное прозвание *Донской*, а его двоюродный брат, князь Серпуховский Владимир Андреевич — прозвание *Храбрый*. В честь воинов, павших на Куликовом поле, в Москве была заложена церковь Всех Святых на Кулишках.

О Куликовской битве и посвященных ей памятниках писали многие сотни авторов. И несмотря на это, вопрос о необходимости критического изучения и проверки показаний источников об этом важном для понимания предшествующих и последующих процессов событии был поднят сравнительно недавно М.Н. Тихомировым.

М.Н. Тихомиров стремился всегда «привязывать источник к местности». Работая над книгой «*Древнерусские города*», он посетил большую часть и городов, и городищ, и для того, чтобы самому не сделать топографических ошибок, и для того, чтобы обнаружить их в источнике. Обратившись к «повестям о Куликовской битве», он сразу усомнился в цифрах, указанных летописями: 100—150 тысяч русской рати и вдвое больше татарской. Его не покидала мысль поехать на Куликово поле и подсчитать, какое количество воинов могло на этом поле разместиться. Он приводил примеры: в Столетней войне, приходившейся на это же время, в битвах было задействовано всего по несколько тысяч воинов.

М.Н. Тихомиров прав в своем сомнении: Куликово поле обозначенных в летописях масс воинов не могло бы принять, тем более что войско кочевников было обычно конным. Но в больших битвах войско обязательно рассредоточено, прикрывая тылы, фланги и т.п. И в Куликовской битве важная роль отводилась Засадному полку, возглавлявшемуся одним из лучших полководцев московского князя — Боброком-Волынским. В.А. Кучкин предложил небезосновательную гипотезу, что битва вообще начиналась

не на Куликовом поле: здесь она только завершалась. Другое дело, что все население «Великого Владимирского княжества» в это время не превышало полутора миллионов («15 туменов» — 150 тысяч, указываемых ордынскими источниками, — это, видимо, «численные» люди). Кроме того, как показал М.Н. Тихомиров, лишь менее половины городов и княжеств поставили своих отряды на Куликово поле — не было тверичан, новгородцев, нижегородцев и представителей ряда других земель, а появление ратей из этих земель в позднейших редакциях источников о Куликовской битве носит явно тенденциозный характер. Так что численность русской рати была явно меньше 100 тысяч и, видимо, насчитывала около 70 тысяч воинов.

Численность монгольских войск во всех источниках определялась сотнями тысяч. Исследователи обычно не верят, считая их преувеличенными (по Л.Н. Гумилеву, цифры преувеличены в десять раз). Но имеется одна бесспорная цифра от близкого Куликовской битве времени: в 1391 г. против Тохтамышша Тимур выставил 200 тысяч воинов. Видимо, примерно столько же, но не больше мог привести и Мамай на Куликово поле. Напомним, что других специальностей, кроме воинской, монголы и другие степняки в большинстве и не знали, — они войной кормились.

М.Н. Тихомиров поставил задачу выделения различных и разновременных редакций источников, рассказывавших о Куликовской битве. И начинать необходимо было с выявления летописей, содержащих древнейший рассказ о событиях. Он указал в этой связи на *Симеоновскую летопись*, отражающую в части до 1390 г. *Троицкую летопись* и *Рогожский летописец*. Повествование названных летописей немногословно, но цельно. В нем не видно явных сокращений или вставок. Особенностью рассказа является отсутствие упоминаний в нем имен Владимира Андреевича и Олега Рязанского, а о союзе Мамаю с литовским князем *Ягайло* (ок. 1351—1434), сыном Ольгерда, летописи говорят глухо.

Впрочем, в летописях есть противоречия, касающиеся событий, развернувшихся уже после собственно битвы, и эти противоречия связаны с отношениями между Москвой и Рязанью. Уже после окончания рассказа о битве и сообщения о том, что «Дмитрий Иванович с прочими князми русскими... став на костех... и возвратися оттуда на Москву», появляется дополнение: «Тогда поведаша князю великому, что князь Олег Рязанский посылал на помощь Мамаю свою силу, а сам на реках мосты переметал. Князь же великий про то възхоте на Олга послать рать свою. И все внезапно приехаша к нему князи рязанстии и

поведоша ему, что князь Олег поверг свою землю, да сам побежал и с княгиней и з детьми и с бояры и с думцами своими и молиша его о сем, дабы рати на него не слал, а сами ему биша челом и рядишася у него в ряд. Князь же великий, послушав их, и прииме челобитье их и не остави их слова, рати на них не послал, а сам поиде в свою землю, а на Рязаньском княжение посади свои наместники».

Скорее всего, это позднейшая вставка, о чем свидетельствуют повтор, в данном случае это «вторичное» возвращение московского князя в свою землю. И далее повторено также о бегстве Мамаю с поля битвы. Последующие добавления (или извлечения из иного источника) ставят перед исследователями обычную проблему: соответствуют ли добавления действительному положению вещей или отражают чью-то заинтересованность «подправить» историю в условиях иной «современности»? Еще А.Е. Пресняков обратил внимание на то, что известие о рязанском посольстве в Москву «вызывает недоумение как потому, что не дополнено указанием, куда бежал Олег, когда и при каких обстоятельствах вернулся, так и потому, что при такой неполноте фактических сведений оно представляется несогласимым с договорной грамотой 1381 г.» (имеется в виду договор Москвы и Рязани, касающийся главным образом размежевания владений).

А.Е. Пресняков пользовался текстом тех летописей, в которых Олег представлен активным сторонником Мамаю с самого начала. Древнейшие же записи могли бы усилить недоумение: *во время битвы и до возвращения (по Рязанской земле) в Москву к рязанскому князю претензий не было*. Позднейшие же летописи к вставке, будто рязанский князь «на реках мосты переметал», добавляют еще одно обвинение: «а кто ехал людей великого князя чрес землю его, а тех веле нагих пушати, ограбив». После опустошения и разорения Мамаем Рязанской земли осенью 1379 г., когда «вся земля бысть пуста и огнем сожжена», и «мало что людей от того же полону татарского избежавше» (Никоновская летопись), мосты через реки вряд ли успели восстановить. М.Н. Тихомиров обратил внимание на забытое сообщение немецкого средневекового автора Кранца, отметившего нападения на возвращавшихся с поля боя воинов *татар и литовцев*. О «грабежах» говорится в упомянутой грамоте 1381 г. Но, как заметил А.Е. Пресняков, «тут в рязанцах надо видеть... не виновников, а жертву «грабежа»». (Имеется в виду статья грамоты: «А что князь великий Дмитрий и брат, князь Володимер, билися на Дону с татары, от того времени, что грабеж или что поиманные у князя у великого людии у Дмитрия и у его брата, князя Володимера, тому межи нас суд вопчий, отдати то по исправе».) Претензии долгое время были именно с рязанской стороны: возвращавшееся с поля боя войско забирало по пути «в полон» рязанских поселян.

Кроме летописных записей, памятником, близким по времени возникновения к событиям, является «Задонщина». М.Н. Тихомиров датировал ее временем до 1393 г. на том основании, что в памятнике упоминается болгарская столица Тырново, захваченная турками в этом году. В.Ф. Ржига предположил, что «Задонщина» появилась «сразу после Куликовской битвы, быть может, в том же 1380 г. или следующем»: здесь еще нет сведений о поражении Мамаю от Тохтамыша и его гибели в Кафе (Феодосии в Крыму). Молчание «Задонщины» о князе Олеге Рязанском В.Ф. Ржига объяснял «патриотизмом» рязанского автора. Но в памятнике нет никаких рязанских реалий, если не считать упоминания о 70 погибших в Куликовской битве рязанских боярах (больше, чем от других земель). Московскую жизнь автор знает все-таки лучше, хотя по происхождению он и назван и, видимо, действительно являлся рязанцем.

Разные редакции «Сказания о Мамаевом побоище» возникли уже в иную эпоху – в конце XV в., при Иване III, когда завершилось освобождение Руси от ордынского ига и делались первые шаги к выстраиванию структуры управления единого государства. Эти редакции более интересны для понимания идейных течений конца XV в., нежели предшествовавшего. В них отражаются также как бы промежуточные редакции, в частности периодов обострения борьбы с набегами разных ответвлений распадавшейся Орды. Но в основе его все-таки лежало более раннее «Сказание», отличавшееся от летописной редакции.

Еще А.А. Шахматов обратил внимание на то, что в литературной традиции, восходящей к концу XIV в., пересекаются две соперничающие версии: в одних памятниках главным героем является Дмитрий, в других – Владимир Андреевич. Это противопоставление иногда низводит Дмитрия до уровня крайне пассивного и неумелого деятеля, а то и просто труса. В таких версиях обычно прославляются и литовские князья Ольгердовичи, участвовавшие в Куликовской битве и являвшиеся шуринами серпуховского князя. Именно в этих редакциях союзником Мамаю представлен Олег Рязанский, а также литовский князь Ягайло.

Насколько источники, рассказывающие о Куликовской битве, противоречат друг другу? Что в них исправлялось позднейшими редакторами, что хотели замолчать? И почему? Объяснение явных искажений действительного хода событий Куликовской битвы приходится искать в позднейших редакциях «Сказания о Мамаевом побоище». В этом случае характер искажений и выводит нас на те круги, интересы которых выражались и защищались таким, не столь уж редким в истории, способом – исправлением

текстов. А потому тема Куликовской битвы не может рассматриваться вне связи с последующими событиями, прежде всего событиями 1382 г. — нашествием Тохтамыша, когда результаты победы на Куликовом поле были сведены на нет.

§3. НАШЕСТВИЕ ТОХТАМЫША В 1382 г. И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

В 1382 г. на русские земли пришли полчища Тохтамыша. Переправившись через Оку, монголо-татары сожгли Серпухов и 23 августа подступили к Москве. К этому времени великий князь Дмитрий Иванович Донской покинул город и уехал в Кострому. Осада продолжалась три дня, москвичи впервые применили огнестрельное оружие — пушки. 26 августа 1382 г. защитников города обманом выманили за ворота суздальско-нижегородские князья, пришедшие с Тохтамышем, и татары ворвались в город. Москва была разграблена и сожжена, погибло 24 тысячи человек. Затем были разграблены Дмитров, Волок Ламский, Можайск, Переяславль, Звенигород. Но у Волоколамска один из татарских отрядов разбил Владимир Андреевич Храбрый. Тохтамыш вернулся в Орду, вновь наложив дань на русские земли.

Почему же всего через два года после великой победы на Куликовом поле Тохтамыш сумел разорить Москву и вновь наложить дань на Русь? Чтобы яснее представить важность этой проблемы, придется вновь процитировать экстравагантные суждения Л.Н. Гумилева.

По Гумилеву, 8 сентября 1380 г. стараниями Сергия Радонежского родился новый этнос. Этому процессу стремился помешать Мамай с помощью католического Запада, но на пути у него встали московский князь Дмитрий и хан Белой Орды Тохтамыш. Правда, два года спустя, в 1382 г., Тохтамыш взял обманом Москву и уничтожил ее население, но Тохтамыш, в отличие от Мамая, по Гумилеву, не был прозападным деятелем. «Защита самостоятельности государственной, идеологической, бытовой и даже творческой, — пишет Л.Н. Гумилев, — означала войну с агрессивней Запада и союзной с ней Ордой Мамая. Именно наличие этого союза придавало остроту ситуации. Многие считали, что куда проще было подчиниться Мамаю и платить дань ему, а не ханам в Сарае (имеется в виду Тохтамыш; автор не учитывает, что Мамай никогда не был ханом, а дань формально могла идти только ханам. — А.К.), пустить на Русь генуэзцев, предоставить им концессии, и в конце концов договориться

с папой о восстановлении церковного единства. Тогда был бы установлен долгий и надежный мир. Любопытно, что эту платформу разделяли не только некоторые бояре, но и церковники, например духовник князя Дмитрия – Митяй, претендовавший на престол митрополита. Мамай пропустил Митяя через свои владения в Константинополь, чтобы тот получил посвящение от патриарха».

В другом месте у Гумилева можно прочитать вариацию на ту же тему: западник Мамай «договорился с генуэзцами, получал от них деньги. И на них содержал войско, отнюдь не татарское (монголо-татары, по Гумилеву, – это защитники и опекуны Руси. – А.К.), а состоящее из чеченов, черкесов, ясов и других народностей Северного Кавказа. Это было наемное войско. Мамай пытался наладить отношения с московским князем Дмитрием, который был тогда очень мал, и за него правил митрополит Алексей. Но тут вмешался Сергей Радонежский. Он сказал, что этого союза ни в коем случае допустить нельзя, потому что генуэзцы, союзники Мамаю, просили, чтобы им дали концессии на Севере, около Великого Устюга».

На самом деле «союзник» и «друг» Тохтамыш появился на горизонте уже после разгрома Мамаю русскими войсками. *Тохтамыш* (Токтамыш, Гиас ад-дин Токтамыш-хан) (ум. 1405 г.), потомок хана Джучи, в 1376 г. был возведен ханом в Сарае (занимая левобережье Волги – «Ак-Орду», т.е. «Белую Орду», которую наши летописи ошибочно называют «Синей») при поддержке и покровительстве Тамерлана, которого русские летописи называли Тимур Аксаком, и воспользовался успешно сложившимися обстоятельствами, дабы подчинить своей власти «улус Джучиев». После поражения в 1380 г. Мамай готовился к новому походу на Москву, но был разбит в 1381 г. Тохтамышем на Калке и погиб в 1382 г. в Крыму в Кафе, оставленный своими соратниками, перебежавшими к Тохтамышу. Поход на Москву становится для Тохтамыша важнейшим звеном по «наведению порядка», и он пытается использовать враждебного Москве Ягайло в качестве вассала-союзника, обещая ему ярлык на все русские земли. Но смута в Литве не позволила осуществиться этим планам: Кейстут, дядя Ягайло, был решительным, с одной стороны, противником и Ордена, и Орды, а с другой стороны, постоянным сторонником сближения с Московским княжеством. И антимосковская позиция Ягайло лишь укрепляла промосковские симпатии Кейстута.

Л. Гумилеву все-таки пришлось отвечать на вопрос: почему «союзник... разорил Москву»? Ответ последовал более чем экстравагантный: «Тогда случилась беда, погубившая Тохтамыша, но не Москву».

Оказывается, суздальские князья интриговали, «а интриги у них всегда осуществлялись одним способом: писанием доносов». Они донесли Тохтамышу, что Дмитрий «хочет предать его и присоединиться к Литве» (куда впоследствии бежит Тохтамыш). «Тохтамыш был очень славный человек – физически сильный, мужественный, смелый, но, к сожалению, необразованный. Он был не дипломат... И он поверил, ибо в Сибири не лгут: если свои же приходят и говорят про другого плохо – этому верят!» У Тохтамыша, следовательно, не было выбора: донесли – значит, надо придушить друга. Тохтамыш пошел к Москве, и «все князья и бояре разъехались по своим дачам и жили спокойно». Не имевший дач народ остался в Москве. Что ему оставалось делать? «Народные массы в Москве, как всегда у нас на Руси, решили выпить. Они стали громить боярские погреба, доставать оттуда меды, пиво, так что во время осады почти все московское население было пьяным. Москвичи выходили на крепостные стены и крайне оскорбляли татар непристойным поведением – они показывали им свои половые органы. Татар это ужасно возмутило. А когда на Москве все было выпито, москвичи решили, что больше воевать не стоит, пусть татары договорятся обо всем и уйдут. И открыли ворота, даже не поставив стражу перед ними». Оскорбленным же татарам ничего не оставалось, как перерезать беспечных горожан. Предполагая сомнения у читателей, Л.Н. Гумилев заверяет: «Так было на самом деле – все это описано в летописях». Летописи, конечно же, обычно отражают заинтересованность разных политических сил. Но такой и близкой к сказанному версии нет ни в одной из них.

О намерениях Тохтамыша на Москве было известно. Тохтамыш начал с того, что распорядился грабить купцов, торговавших в городах Волжской Булгарии. Дмитрий попытался собрать войско и позвал на совет князей и бояр. Однако «обретется раздно в князех и не хотяху пособляти друг другу и не изволиша помогать брат брату», – отмечено Новгородской IV летописью. И Дмитрий, получивший в истории высшую награду в прозвании «Донской», «то познав и разумев и рассмотрев... бе в недоумении велице, убоясь стати в лице самого царя, и не ста на бой противу него, но поеха в град свой Переяславль, а оттуда мимо Ростов и паки реку вборзе на Кострому». (Примерно этот текст воспроизведен и рядом других летописей середины и второй половины XV в., в то время как в древнейших – Троицкой, Рогожском летописце – сюжет о разногласиях явно сознательно исключен.)

Что же произошло после столь убедительной победы на Куликовом поле? Победа досталась, конечно, не легко. «Оскудела Русь

ратными людьми», — сообщает летописец. Но дело было не только в этом, и даже не в том, что нечем было вознаградить победителей. *После победы на Куликовом поле Дмитрий Иванович лишился поддержки церкви.* В 1381 г. московский князь оказался перед нелегким выбором: Константинополь поставил на Русь сразу двух митрополитов — Киприана и Пимена, но ни один из них не был желателен в Москве. Киприан был опозорен при попытке занять московский митрополичий стол в 1379 г., а за Пименом тянулся шлейф колоссального долга константинопольским банкирам, который Москва и при желании не могла бы выплатить.

В результате выбор Дмитрия остановился на Киприане. В пользу Киприана складывалась и ситуация в Литве. В Вильне шла борьба за власть Ягайло и его дяди Кейстута, Ольгерд скончался в 1377 г., объявив Ягайло «старейшим», каковым он (рожденный от второй жены) в действительности не являлся (таковым был именно Кейстут). Вокруг Кейстута стали собираться силы, противостоящие Ягайле.

В летописях хронология событий, связанных с усобицами в Литве, перепутана из-за повтора. Об усобице и гибели Кейстута говорится дважды: под 1378 и 1382 гг. В данном случае, видимо, путаница произошла из-за того, что позднейшими сводчиками события 1382 г. — гибель Кейстута и его выступление против Ягайла в 1378 г., завершившегося вокняжением Кейстута в Вильне в 1381 г., в каком-то источнике были записаны без дат (таковы и есть западнорусские летописи, в которых имеется недатированный рассказ о литовских князьях и коварстве Ягайло, по приказу которого в Креве, где позднее будет заключена польско-литовская уния, был предательски убит Кейстут). Под влиянием этой путаницы и женитьба Ягайло на польской королеве Ядвиге с 1385 г. перенесена на 1381-й, и соответственно на это время переносятся и момент возникновения католических симпатий у Ягайло. Ошибка же летописей в ряде случаев повлияла и на построения историков, объяснявших события 1381—1382 гг.

Главный факт, нуждающийся в объяснении, — это причины, побудившие московского князя принять на митрополичью кафедру Киприана, к которому у него была явная и оправданная неприязнь. Думается, решающую роль здесь сыграло то, что Киприан поддерживал Кейстута в его борьбе с Ягайло. *И московский князь надеялся с помощью Киприана наладить отношения с Литвой.* Ягайло явно симпатизировал Мамаю (а позже и Тохтамышу) в Орде и католикам в Кракове. (Краков — столица тогдашней Польши, в летописях нередко помещался в «Угорской земле»). С первым Киприан мог бы вполне мириться, второе же

подрывало его положение митрополита «всая Руси». Он оказывается в лагере Кейстута и затем сменившего его сына Витовта, поскольку сын Кейстута поначалу также опирался на православные общины. Киприан связывается с Сергием Радонежским и Афанасием Высоцким, и по инициативе Сергия в 1381 г. духовником Дмитрия становится Феодор Симоновский. В мае 1381 г. Киприан торжественно въезжает в Москву. Вскоре и Кейстут утверждается в Вильне, и в треугольнике *Дмитрий – Кейстут – Киприан* просматривается согласие по принципиальным вопросам. Но были нюансы и в самом этом согласии. Сразу по прибытию в Москву Киприан вместе с Сергием Радонежским освящают каменный храм Высоцкого монастыря в Серпухове, а также крестят детей Владимира Андреевича. А вот отношения митрополита с Дмитрием останутся строго официальными.

Однако Ягайло в союзе с крестоносцами удалось вернуть литовский стол. 20 июля 1382 г. пала резиденция Кейстута Троки, а вскоре и сам он был вероломно убит, причем сын его Витовт либо не понимал происходящего, либо вел «свою игру», явно отличную от политики отца. Во всяком случае, и с Орденом, и с Ордой (в частности, именно с Тохтамышем) у него будут более теплые отношения. *Со смертью Кейстута Москва потеряла своего наиболее важного союзника в сложных отношениях с Ордой и литовскими княжествами*, а Тохтамыш теперь, заручившись прямой поддержкой нижегородских князей, стал готовиться к походу на Москву. И в этой ситуации Киприан уже не был союзником Дмитрия.

Именно этот поход Тохтамыша прояснил глухие сообщения летописей, указав на тех, кто создавал вокруг московского князя заговор молчания в летописях и внелетописных сказаниях. Это молчание источников свидетельствует, что в 1382 г. Дмитрий Иванович оказался, по существу, в полной изоляции: Владимир Андреевич не оказал помощи двояродному брату, а митрополит Киприан занимал прямо враждебную позицию. *Именно в позднейшей редакторской работе Киприана и следует видеть указанные выше особенности «Сказания о Мамаевом побоище»*, противоречащие сообщениям более ранних источников.

Покидая Москву перед нашествием Тохтамыша летом 1382 г., Дмитрий рассчитывал, что город сможет продержаться до его подхода с набранными на севере княжества воинскими отрядами. В городе оставался митрополит Киприан и семья князя, многие бояре, внук Ольгерда князь Остей (вероятно, сын Андрея Полоцкого, участника Куликовской битвы), который и возглавил оборону города. Вскоре возникли разногласия между сторонниками обороны и капитуляции (к которым, видимо, принадлежали не-

которые светские и церковные бояре). Неожиданный отъезд из города Киприана (которого горожане не выпускали) и княжеской семьи еще более усилил внутреннюю напряженность. В результате после трехдневной перестрелки (в которой горожанами впервые были использованы «тюфяки» — пушки), на четвертый день татары смогли с помощью суздальско-нижегородских князей «обольстить» Остея мирным соглашением. Вызванный якобы для переговоров о мире, князь был убит «перед воротами». Ворвавшиеся в город татары начали творить убийства и грабежи. Горожане, как обычно, укрывались в храмах и там находили свою гибель. Летописец говорит о разграблении церквей и особо выделяет то, что самому ему близко: «Книг же толико множество снесено съ всего града и изъ загородия и ис сел въ сборных церквах до стропа наметано сохранения ради спроважено, то все без вести сотвориша». Можно представить, сколько летописей и всякого рода сборников, не считая обязательной богослужебной литературы, сгорало во вражеских набегах, да и в постоянных пожарах, сообщения о которых заполняют страницы летописей.

Конечным результатом стало сожжение Москвы и уничтожение 24 тысяч ее населения (число определяется суммой, выделенной князем Дмитрием на похороны). Разорены были также некоторые прилегающие к Москве селения и города (Звенигород, Можайск, Волок, Дмитров, Переяславль).

В условиях «неодиначества и неимоверства» (выражение Типографской летописи) Дмитрий не успел собрать сколько-нибудь значительное войско. Пришлось посылать в Орду сообщение о признании власти «царя» Тохтамыша. Но князь не оставил без внимания и причины поражения, выявляя виновников случившегося. Главным виновником, по убеждению князя, оказался митрополит Киприан: он бежал из Москвы от Тохтамыша в Тверь, а не к великому князю Дмитрию. Более того, как и в середине 70-х гг., Киприан начал подбивать тверского князя идти в Орду за ярлыком на великое княжение. Другой виновник — Афанасий Высоцкий, действовавший, очевидно, по советам Киприана, фактически выключал из борьбы Владимира Андреевича. И Киприана, и Афанасия великий князь изгнал из Руси.

В «*Повести о нашествии Тохтамыша*» говорится о «помощи» хану со стороны рязанского князя Олега. Но эта строка «Повести» опровергается фактом разорения после сожжения Москвы войском Тохтамыша Рязанского княжества. Тем не менее, как явствует из летописей, «на ту же осень князь великий Дмитрей Ивановичъ посла свою рать на князя Олга Рязаньскаго. Князь же Олег Разанский

не в мнозе дружине утече, а землю всю и до остатка взяша, и огнем пожгоша и пусту сътвориша, пуше ему стало и татарьской рати». Суть противоречий, возможно, объясняется в договоре 1402 г., заключенном между сыном Олега Рязанского Федором с сыном Дмитрия Донского Василием: «А что была рать отца моего, великого князя Дмитрея Ивановича, в твоей вотчине при твоём отци, при великом князи Олге Ивановиче, и брата моего (имеется в виду внутрикняжеская иерархия, принятая в договорах) княже Володимерова рать была, и княже Романова Новосилского, и князей Торуских, нам отпустити полон весь». Участие в походе новосильского и торусских князей, да и самого Владимира Андреевича может разъяснять действительную причину нового обострения московско-рязанских отношений. *Таковой могла быть борьба за земли по Оке*, а вовсе не месть Олегу за поддержку Тохтамыша.

По договору Москвы и Рязани 1381 г. наиболее сложные территориальные размежевания проходили по приокским землям, где рязанские владения непосредственно соприкасались с владениями Владимира Андреевича Серпуховского. Князь Олег уступал принадлежавшие некогда Рязани Лужу, Верею, Боровск, «на Рязанской стороне» Тулу, Талицу, Выползов, Такасов, но получал, «что доселе потягло к Москве», Лопастну (ранее ее захватывали рязанские отряды в 1353 г.), «уезд Мьстиславль, Жадене городище, Жадемль, Дубок, Броднич с месты, как ся отступили князи торуские Федору Святославичю» (имеется в виду торусский князь). В договоре 1402 г. область Тулы признавалась за Рязанью.

Между 1381 и 1402 гг. произошли события, потребовавшие уточнения границ. В 1385 г. Олег Иванович захватил Коломну, и для примирения с ним Дмитрий просил Сергия Радонежского склонить рязанского князя к «вечному миру». Таковой был заключен в 1386 г. и скреплен браком сына Олега Федора с дочерью Дмитрия Софьей. Видимо, в этой связи и произошел обмен Коломны на Тулу.

Сожжение Москвы Тохтамышем для Дмитрия усугублялось распадом созданного в середине 70-х гг. XIV в. союза княжеств Северо-Восточной Руси. Нижегородские князья пользовались ситуацией для обособления своего княжества, Великий Новгород и Псков жили своими заботами, Тверь по-прежнему ориентировалась на Литву, а в Литве оба соперника – Ягайло и Витовт – стремились расширить свое влияние в землях и Юго-Западной, и Северо-Восточной Руси. Ягайло при этом пользовался поддержкой католического духовенства, а Витовта энергично поддерживал Киприан, для которого борьба против московского князя прикрывалась теперь идеей «всея Руси» с центром в Вильне.

1383 г. принес московскому князю целый ряд неприятностей. Тохтамыш хотя и дал Дмитрию ярлык на великое княжение, но сепаратизм тверских и суздальско-нижегородских князей им также подогревался. Поддерживал он и Ягайло, которому ранее был выдан ярлык на «великое княжение», не обозначая границ обеих «великих» княжений. Новгород Великий в 1383 г. принял в качестве князя-наместника Патрикеев Наримановича, сына Нариманта Гедиминовича, получившего некогда вотчины в Новгородской земле. После почти десятилетнего перерыва Русь должна была платить Тохтамышу дань в размерах, установленных в XIII в. и собиравшихся ханом Узбеком. Некоторые земли, в частности Ростов и Великий Новгород, должны были дать «черный бор» — поголовную дань, а обеспечить ее поступление обязан был московский князь. Естественно, что подобные поборы усиливали сепаратистские настроения в центрах Северо-Западной Руси и выбивать «черный бор» приходилось силой. (Этим вызывался большой поход московского князя и Владимира Андреевича Серпуховского на Новгород в 1386 г.)

Тохтамыш вводит новую систему поддержания господства над русскими княжествами: *сыновья правящих князей забираются в Орду в качестве заложников*. Дмитрию пришлось отправить туда старшего сына Василия, которому в это время было 12 лет. Можно было и выкупить заложника за 8000 руб. Но такую сумму князь собрать не мог, да и долг ответственного за Русь князя не позволял ему решать личные проблемы за счет разорения подданных.

В 1384 г., после серьезных поражений от Ордена, наметилось сближение литовского князя Ягайло с Москвой. Был заключен договор, который, к сожалению, не дошел до нас, но упоминается в Описи архива посольского приказа 1626 г. Поскольку в договоре в это время был более заинтересован Ягайло, то в форме договора просматривалось некоторое превосходство московского князя (к нему обращались литовские князья). Особое соглашение между матерью Ягайла Ульяной (дочерью тверского князя) и Дмитрием предполагало женитьбу Ягайло на дочери московского князя: «Великому князю Дмитрию Ивановичу дочь свою за него дати, а ему, великому князю Ягайло, быти вь их воле и креститися в православную веру и христианство свое объявити во все люди». Речь, видимо, шла о Софье, выданной два года спустя за сына Олега Рязанского.

Намечавшийся союз, однако, не состоялся. Летописи ничего не сообщают ни о договоре, ни о причинах возобновления противостояния, частью которого могла быть и активизация Олега Рязанского, захватившего Коломну. (Олег был женат на сестре Ягай-

ло и в начале 80-х гг. находился в близких отношениях с литовским князем.) Ясно, что такой союз должен был вызвать опасение у Тохтамыша, и он, конечно, делал все для его разрушения. Возможно, именно тогда он сближается с Витовтом, находившимся в остром противостоянии с Ягайло. Угроза же со стороны Орды и Ордена побуждает Ягайло искать примирения с Витовтом и сотрудничества с польской шляхтой. Уже в 1385 г. было подписано соглашение с польскими феодалами, в основе которого предполагался брак Ягайло с юной польской королевой Ядвигой, причем с литовской стороны его подписывал и Витовт, чем признавалось распространение унии на все Литовско-Русское княжество. В январе 1386 г. на основе этого соглашения был подписан акт о *польско-литовской унии*, в начале февраля Ягайло на люблинском съезде был провозглашен королем, 15 февраля он крестился в католическую веру, 18 февраля отмечено бракосочетание, а 4 марта проведена коронация.

Плотность «графика» говорит о четкой договоренности в переговорах 1385 г. Но теперь возникла совсем иная ситуация. Литовские и русские князья и бояре и население многих земель не собирались переходить в католичество. И этих недовольных теперь возглавит *Витовт Кейстутович* (1350—1430), проводивший, впрочем, двойственную политику, не отказываясь от своей подписи 1385 г. и контактов с Ягайло и католиками, тем более что с ними он постоянно контактировал, укрываясь во времена усобиц в землях Ордена.

Уния, несомненно, вызвала резкое недовольство в Константинополе, причем недовольство направлялось и против Киприана, который, увлеченный борьбой с Пименом, как полагали в Константинополе, ничего не сделал для предотвращения перехода в католичество части литовской знати во главе с Ягайло. В этих условиях изменяется и отношение к Пимену: в 1386 г. Дмитрий Донской вновь направляет Феодора Симоновского в Константинополь для решения вопроса «об управлении митрополией». И на сей раз решение склонялось в пользу Пимена. А Киприану на соборе 1387 г. были предъявлены серьезные обвинения, которые предполагали суд и лишение кафедры. Киприан, естественно, тоже принимал меры и в плане «реабилитации», размежевываясь с Ягайло, и в плане поиска более надежной политической опоры. Видимо, в этой связи и созрел план женитьбы московского княжича Василия, остававшегося заложником в Орде, на дочери Витовта, получившего по соглашению с Ягайло Луцк и «Подольскую» (Волинскую) землю, но постоянно перемещавшегося по литовским и ливонским землям.

В 1386 г. летописи говорят о побегах из Орды двух Василиев Дмитриевичей: суздальского (брата супруги Дмитрия Донского Евдокии) и московского. Первого перехватил татарский «посол» и вернул в Орду, где князю пришлось принять «великую истому». Второй – пятнадцатилетний московский княжич – беспрепятственно «прибеже» «в Подольскую землю в великия Волохы къ Петру воеводе».

В Никоновской летописи текст дан более развернуто: «Князь Василий Дмитриевичъ... видя себя дрѣжима во Орде и помысли, яко невозможно ему убежати прямо на Русь; и умысли крепко с верными своими доброхоты и побежа в Подольскую землю, в Волохи, к Петру воеводе. И отгуду иде, в незнаемых таяся, и пришедше ему в Немецкую землю, и позна его князь Витовт Кестутьевичъ и удержа его у себя; тогде бо бе Витовт в Немецкой земле, по убиении отца его Кестутья убежа. Имяше же Витовт у себя дщерь едину. И сию въсхоте дати за князя Василя Дмитриевича, и глагола ему: «отпущу тя къ отцу твоему в землю твою, аще поимеши дщерь мою за себя, единачаду суще у мене». Он же обещася тако сотворити, и тогда Витовт Кестутьевичъ дрѣжа его у себе въ чести велице, дондеже отпусти его къ отцу на Москву».

Согласно Троицкой и близких к ней летописей, осенью 1387 г. Дмитрий Иванович отправил «бояр своих старейших противу сыну своему князю Василью в Полотцкую землю». Вернется Василий к отцу 19 января 1388 г., «а с ним князи лятские и панове, и ляхове, и литва». Никоновская летопись эти факты не воспроизводит, а традиция, восходящая к Троицкой летописи, не упоминает о Вильне, Витовте и его дочери. И это умолчание говорит о многом. Ближайшему редактору летописей, а именно митрополиту Киприану, надо было скрыть свою причастность к событиям в Вильне, а может быть и в Орде: «доброхоты» весьма целенаправленно вели княжича к союзу с Литвой, а Тохтамыш вскоре и сам будет искать пристанища в Литве, именно у Витовта.

В западнорусских летописях воспроизводится и еще один вариант, связанный с женитьбой Василия Дмитриевича. Текст, повторяющийся в ряде рукописей, не датирован и, по существу, воспроизводит уже иную эпоху. Витовт, попытавшийся с помощью «немцев» овладеть Вильно, вынужден был снова отступить в «Марин городок» (Мариенбург, Малборк – столица Тевтонского ордена), где находилось в это время и его семейство. «Того же лета, – записано в тексте без обозначения даты, – князю великому Витовту послы пришли от великого князя московского Василя Дмитриевича. Князь великий Витовт дал княжну свою Софию за князя Василя

Дмитреевича, отпустил ее з Марина городка, а с нею послал князя Ивана Олггемонтовича со Кгданска. И пошли со княжною у великих кораблех морем, и приехали ко Пскову. И псковичи им великую дали честь и проводили их до Великаго Новаграда. Також и новгородцы им великую честь давали до Москвы великому князю Василию Дмитреевичу. А князь Василей послал им против братю свою: князя Ондreja Владимеровича да князя Ондreja Дмитреевича (имеется в виду сын Дмитрия Ивановича можайского) и иных князей и бояр. И стретили княжну Софию с великою честью. Тогда был з ними священный Киприан митрополит со многими владыками и архимандриты, и игумены, и со всеми священники. И стретили ее честно со кресты перед Москвою, и был збор великий, и венчяня ся стало. И было чести и веселя досыта, иже не может выписати (т. е. — невозможно описать. — А.К.)».

Дмитрий не имел отношения ни к побегу сына, ни к его обручению с литовской княжною. И неудивительно, что обручение княжича, к которому, по всей вероятности, был причастен Киприан, он так и не признал, и жениться сыну на Софье Витовтовне не позволил. Зато сразу же после кончины Дмитрия Донского обещание Витовту было исполнено — свадьба состоялась.

Примечательно, что именно к 1388 г. относится резкое обострение отношений Дмитрия с Владимиром Андреевичем Серпуховским. Киприан, видимо, пытался привлечь и серпуховского князя для реализации своих планов, а московский князь должен был отождествить ситуацию с 1382 г. В итоге конфликта Дмитрий отобрал у серпуховского князя города Галич и Дмитров. Последний, возможно, для предотвращения контактов Владимира Андреевича с Сергием Радонежским, которого Киприан мог привлечь для воплощения своих планов. Примечательно, что родившегося весной 1389 г. у Дмитрия сына Константина крестили княжич Василий и дочь последнего тысяцкого Мария, а ведь родившегося перед этим княжича Петра крестил Сергей Радонежский.

Изгнание Киприана в 1382 г. было и вынужденным, и оправданным. Но оно поставило перед Дмитрием Ивановичем и проблему нормализации церковного управления. Он был вынужден принять в качестве митрополита Пимена, либо с согласия, либо по настоянию Орды. И.Б. Греков указал на некоторые свидетельствующие об этом факты. Так, сарайский епископ Савва был переведен в Переяславль, что можно было сделать только с согласия или по рекомендации правителей Орды. В конце 1382 и в 1383 г. Савва ставит епископов на пустующие кафедры. В то же время и поездка Дионисия Нижегородского в Константинополь в июне

1383 г., в которой были заинтересованы суздальско-нижегородские князья, также предполагала согласие Орды. Вместе с тем теперь и у московского князя не было оснований возражать против поездки в Константинополь Дионисия, и он сам направляет его «управления ради митрополия руския».

Выбирая даже и не из двух, а из трех зол – Киприан, Пимен или Дионисий – Дмитрий останавливается на последнем. Дионисий после своего бегства от московского князя в Константинополь в 1379 г. там и переживал «смутное время» на Руси. Но он вошел в доверие к патриарху Нилу и получил сан архиепископа, с которым вернулся в конце 1382 г., привнеся второе после Великого Новгорода архиепископство – Суздальско-Нижегородское. Убедил Дионисий патриарха и в незаконности утверждения Пимена в качестве митрополита, и Нил готов был рассмотреть вопрос об отрешении Пимена от сана.

Возможно, именно этим он и заинтересовал князя Дмитрия, который в 1383 г. направил его с Феодором Симоновским в Константинополь с просьбой о разрешении церковных несогласий. В итоге Дионисий (также не без подложных документов) был поставлен митрополитом. Но при возвращении на родину его в Киеве «перенял» князь Владимир Ольгердович (видимо, по договоренности с Киприаном), и здесь в заточении он через полтора года скончался. (Похоронен он был в Печерском монастыре в пещере Антония, что давало основание ставить вопрос о причислении к лику святых.)

В конце 1384 г. в Москву из Константинополя прибыли два митрополита в сопровождении большой группы иных сановников с сообщением о вызове Пимена для разбора дела к патриарху. Летом 1385 г. Пимен отправился по вызову (естественно, запасшись богатыми дарами). Патриарх Нил, конечно, изначально знал о подделках документов Пименом. Но и Киприан был поставлен незаконно. Главное же – изменилась ситуация в связи с заключением польско-литовской унии. Тяжба продолжалась с переменным успехом несколько лет, Москва же снова оставалась без митрополита.

Пимен вернулся через три года «без исправы», т. е. без подтверждения своих прав. *Именно в отсутствие митрополитов в Москве князь сближается с Сергием Радонежским.* В 1385 г. Сергей (впервые) крестит сына Дмитрия, новорожденного Петра, и тогда же, как говорилось, по просьбе князя едет к рязанскому князю Олегу, выполняя функцию митрополита, – мирить враждующие стороны. Пимен же весной 1389 г., после прихода на патриаршество Антония, видимо, надеясь на «закрытие дела», втайне от москов-

ского князя отправился в Константинополь, чем вызвал гнев Дмитрия Ивановича. Но в Константинополе Пимен осенью этого же году умер, а все его достояние «разьяше... инии».

Поездке Пимена посвящается повесть, составленная Игнатием Смолняниным – спутником Пимена – и известная в нескольких редакциях. Из летописей «Хождение» опубликовано только в Никоновской, которое имеет некоторые отличия от вне-летописной редакции, в частности, сказано о теплой встрече путников в Рязанской земле князем Олегом и его сыновьями. В литературе обращено внимание на специфический взгляд автора повести: «нерасположение к московскому великому князю... и, наоборот, восхваление рязанского князя Олега» (С. Арсеньев, издатель первой редакции повести в «Палестинском сборнике» (Т. IV. Вып. 3. СПб., 1887)). Но такая позиция автора повести закономерна: смоленский князь Юрий был зятем Олега и независимость Смоленска от Литвы поддерживалась благодаря военной силе рязанского князя. Такое положение сохранится до кончины Олега Ивановича в 1402 г., когда Смоленск окажется под властью Литвы, а последний смоленский князь Юрий будет искать убежища в Рязанской земле.

Киприан, видимо, был оповещен о поездке Пимена: он также оказался в Константинополе. После же смерти Пимена патриарх Антоний и утвердил Киприана заново митрополитом «всех Руси». Но князю Дмитрию об этом узнать не довелось: он скончался вскоре после отъезда Пимена **19 мая 1389 г.** на сороковом году жизни, не успев завершить многих начатых дел.

Примечательна «духовная грамота» князя, составленная незадолго до кончины. «Великое княжение» впервые прямо обозначается князем как «*отчина*», передаваемая по наследству. Это было одним из главных завоеваний, удержанных после поражения 1382 г. Как было сказано, Иван Калита поделил Москву на три части между сыновьями. Семен Гордый внес некоторые коррективы: он как старший получал половину московских доходов. Дмитрий Донской оставляет за Владимиром Андреевичем «треть» в Москве, но вводит понятие «*старший путь*», отдавая старшему сыну столько же, сколько остальным трем. Княгине, помимо княжеских «примыслов» и ее «куплей», выделяются владения из уделов всех сыновей и ей же поручается перераспределение владений в случае кончины кого-то из них.

Принципиальное значение имела статья, послужившая впоследствии поводом для усобицы: «А по грехом, отымет Бог сына

моего Василья, а кто будет под тем сын мой, ино тому сыну моему князь Васильев удел, а того уделом поделит их моя княгини». Князь явно беспокоило обручение сына с дочерью Витовта. Он видел в этом угрозу делу всей своей жизни: **возвышению Москвы и объединению Северо-Восточной Руси**. *Дмитрий Иванович смотрел в будущее не как отец и вотчинник, а как государственный муж*. Выражает князь и надежду на будущее освобождение Руси: «А переменит Бог Орду, дети мои не имут выхода давать в Орду, и который сын мой возьмет дань на своем уделе, то тому и есть».

§4. НАЧАЛО КНЯЖЕНИЯ ВАСИЛИЯ ДМИТРИЕВИЧА

Василий I Дмитриевич (1371 – 1425), став великим князем в 1389 г., почти сразу же, в 1390 г., возвращает в Москву митрополита Киприана. Теперь у Киприана не оставалось конкурентов ни среди светских, ни среди духовных князей. У молодого Василия сразу возникли разногласия с Владимиром Андреевичем, который, видимо, пытался вернуть отобранные Дмитрием города. И вскоре Василий уступил старшему по возрасту князю и традиционно пользовавшемуся поддержкой митрополита: «удели ему неколико городов, вда ему Волок да Ржеву». В том же 1390 г. Василий Дмитриевич исполняет свое обязательство и женится на *Софье Витовтовне* (1371–1453), дочери литовского князя Витовта. Так состоялся брак, которому столь долго противился отец Василия Дмитрий Донской.

Внешние обстоятельства на первых порах помогли московскому князю: владевший Средней Азией, хан «Большой Орды» *Тимур* (Темир Аксак, Тамерлан), оказавший в свое время большую помощь Тохтамышу, был возмущен неблагодарностью своего подопечного. Уже в 1383 г. Тохтамыш чеканил монеты со своим именем в Хорезме, который Тимур считал своим владением. В 1391 г. двухсоттысячное войско Тимура, вышедшее на левобережье Волги (долина Кундурчи), нанесло Тохтамышу весьма чувствительное поражение, и можно было ожидать повторения подобных нашествий в будущем, тем более что разногласия не были урегулированы. Этим обстоятельством воспользовались и в Литве, и на Руси. В 1392 г. Витовт (не без помощи польских иерархов, надеявшихся обратить Витовта в католичество) овладел столицей Вильно, и хотя Ягайло оставался «королем» польским и литовским, фактически под началом Витовта оказалась большая часть литовских и западнорусских земель. В том же году и Василий Дмитриевич добился большого ус-

пеха, получив в Орде согласие на подчинение Нижегородского княжества Москве.

В летописях это событие подано различно. В *летописях, отражающих тверскую традицию* (в частности, в Рогожском летописце), этот акт осуждается: московский князь добыл княжение «златом и серебром, а не правдою». Переход княжества под власть Москвы рассматривается как следствие «алчности» князя, которая может привести к «концу вселенной». С одной стороны, в этих летописях защищается сложившийся порядок («каждый держит отчину свою»), с другой — осуждается привлечение в решение междукняжеских разногласий татарских ханов. Вместе с тем в этих летописях обличаются нижегородские бояре, которые отказали в поддержке князю Борису Константиновичу и прямо заявили, что они на стороне московского князя. В *промосковских летописях второй половины XV в.* такое осуждение снимается своеобразной перестановкой мест: сначала московская рать берет Нижний Новгород, а уж затем князь получает на него ярлык в Орде. Обращение в Орду за помощью в это время однозначно осуждается, но идея объединения земель вокруг Москвы превращается из узкокорыстной в государственную, первостепенной важности задачу.

В 1392 г. скончался Сергей Радонежский. Близкие по времени летописи (Рогожский летописец, Троицкая летопись) дают теплую, но лаконичную запись об этом. Нет сведений о похоронах и упоминания лиц, прибывших отдать последний долг усопшему. В частности, митрополит Киприан, видимо, вообще отсутствовал, объезжая епархии Литовской Руси или помогая Витовту утвердиться в Вильно. В позднейших летописях даются извлечения из разных редакций жития, наиболее полно использованных в Никонской летописи.

Выше упоминалось о бегстве из Орды Василия Дмитриевича Суздальского. В 1394 г. в Суздале скончался Борис Константинович — последний нижегородский князь, а Василий Дмитриевич Суздальский и его брат Семен теперь бегут от московского князя в Орду. При этом им приходится обходить выставленные для их поимки заставы.

1395 г. был ознаменован тотальным поражением Тохтамыша от Тимура Аксака на реке Тереке. Тохтамыш ушел в Крым, а затем, по договоренности с Витовтом, бежал в Литву «с царицами да два сына с ним». В Орде воцарился *Тимур-Кутлуг*, один из служивших Тимуру ханов, участвовавший в сражении на Тереке, за спиной которого стоял эмир Едигей. Тимур Аксак прошел через степь и дошел до земель Северо-Восточной Руси. Василий Дмитриевич вышел с войском к Оке, оставив в Москве Владимира Андрееви-

ча. Но Тимур, дойдя до Ельца, прикрывавшего юго-западные пределы Рязанского княжества, разорив его, повернул назад, чем вызвал понятную радость в Москве.

И в этой связи ход событий по источникам стоит сопоставить с извлечением из цитированного сочинения Л.Н. Гумилева: «Все бы сошло Тохтамышу, если бы на него не напал Тимур... Татары героически сопротивлялись. И потребовали, конечно, помощи от москвичей. Князь Дмитрий Донской уже умер к тому времени, а его сын Василий вроде бы повел московское войско, но защищать татар у него не было ни малейшего желания. Он повел его не спеша вдоль Камы, довел до впадающей в Каму реки Ик и, когда узнал, что татары, прижатые к полноводной Каме, почти все героически погибли, переправил войско назад и вернулся в Москву без потерь. Но на самом деле он потерял очень много, потому что сам он заблудился в степи, попал в литовские владения, был схвачен Витовтом и вынужден был купить свободу женитьбой на Софье Витовтовне, которая впоследствии причинила России много вреда». Здесь очевидные трудности не только с историей, но и с географией.

Витовт в конце 90-х гг. XIV в. вел борьбу за Смоленск и земли по верховьям Оки с рязанским князем и готовился к большому походу на Тимур-Кутлуга. Московский князь в борьбе за Смоленск не участвовал и был вполне расположен к тестю, встречаясь с ним в захваченном литовцами Смоленске. Но бегство Тохтамыша в Литву и подготовка Витовтом похода на Тимур-Кутлуга и Едигея, сопровождавшаяся обнажением действительных устремлений Витовта и поддерживавшего его Киприана, заставили послушного зятя занять (конечно, не без воздействия московского боярства) более самостоятельную позицию.

Рогожский летописец и Троицкая летопись дают разную оценку происходящего. Первая коротко сообщает о неудаче Витовта, вторая и позднейшие летописи дают более развернутое описание с явно антилитовскими акцентами. Витовт собрал большое войско, в числе которого были, помимо литовцев, двор Тохтамыша, немцы, ляхи, волохи, подоляне, жмудь, татары — всего 50 князей. Здесь отмечается бахвальство Витовта, говорится, что «прежде бо того съвещашася Витофт с Тахтамышем, глаголя: аз тя посажу въ Орде на царстве, а ты мя посадишь на княжении на великом на Москве, на всей Руской земли». По Никоновской летописи, предполагалось, что Тохтамыш станет царем «на Кафе, и на Озове, и на Крыму, и на Азтаркани, и на Заяицкой (т.е. за Яиком. — А.К.) Орде, и на всем Примории (имеется в виду побережье Черного моря. — А.К.), и на

Казани». *Витовт в этой интерпретации должен был владеть «Северщиною, Великим Новым городом и Псковом и Немцы, всеми великими княжениями Русскими».* Именно позиция московского боярства и духовенства, выраженная летописями, заставляла Василия хотя бы обозначать себя вполне самостоятельным московским и «великим владимирским» князем.

В планах Витовта были и варианты. В одном из них предполагалось отдать Псков за помощь Ордену, а в Новгород он намеревался направить своих наместников. *Киприан, по существу, освящал эти планы, перебравшись в Вильно.* Москве поневоле пришлось реагировать на далеко идущие намерения литовского князя, собиравшегося стать «королем литовским и русским» «всая Руси». После нескольких лет прямых военных действий московского князя против новгородцев, склонявшихся к союзу с Орденом, был восстановлен мир «по старине», т. е. на ранее сложившихся условиях (Новгород тоже не устраивала перспектива перехода под власть литовских наместников). Подтверждены были и мирные соглашения с Тверью. Под 1399 г. в Троицкой и других летописях этой традиции сообщается, что зимой Киприан побывал в Твери и затем поехал к Витовту. Весьма вероятно мнение, что митрополит пытался склонить тверского князя на сторону Витовта, но, не добившись успеха, уехал в Литву. Мирный договор Москвы с Тверью был заключен *после* отъезда Киприана, и летописец с воодушевлением записал, что «покрепиша миру и съединишася Русстии князи вси за един и бысть радость велика всему миру». И «того же лета послаша князи Рустии грамоты разметные к Витовту». «Разметные» грамоты означали разрыв прежних договоренностей.

Битва между войском Витовта и войсками Тимур-Кутлуга, решавшая судьбу всей Восточной Европы на длительную перспективу, произошла **12 августа 1399 г.** на реке Ворскле и закончилась поражением союзных войск, а самому Витовту пришлось бежать «в мале дружине». Дается внушительный список имен погибших князей, в числе которых братья Ольгердовичи Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский («Дебрянский»), служившие ранее Дмитрию Донскому. Для Москвы такой итог снимал многие проблемы. Возвращение Киприана в Москву означало, что «митрополит всая Руси» признавал именно Москву столицей этой, пока абстрактной, «всая Руси». В Смоленск снова вернулся из Рязанской земли Юрий Святославич, и Москва содействовала этому (на дочери Юрия женится брат Василия Юрий Дмитриевич, антилитовские настроения которого проявятся в позднейших событиях).

В интересах Москвы было бы более длительное противостояние Витовта и Едигея — фактического правителя Золотой Орды. Но пос-

ле ограбления сравнительно малых территорий Правобережья Днепра и получения «окупа» с Киева в размере 3000 рублей ордынское войско повернуло назад к Волге и Причерноморью. Правители Орды, видимо, не хотели обострять отношений с польскими феодалами, которые оказали Витовту лишь номинальную поддержку, а главное – хотели сохранить Литву как постоянный противовес Москве. Теперь активизируется политика новых правителей Орды на московском направлении, что, в свою очередь, способствовало смягчению противостояния Москвы и Вильно.

Видимо, не без влияния ордынской дипломатии в 1400 г. Новгород направлял посольство к Витовту для подтверждения мира «по старине». В связи с кончиной тверского князя Михаила Александровича в 1399 г. его сына Ивана Михайловича вызвали в Орду для получения ярлыка, а вручали его ордынские послы, сопровождавшие князя до Твери. На Нижний Новгород был направлен татарский отряд с князем Семеном Суздальским: татары взяли город и грабили его две недели. К Волге было направлено московское войско под командованием князя Юрия Дмитриевича (младшего сына Дмитрия Донского), который проявил себя умелым воеводой. Войско «взяша град Болгары, Жукотин, Казань, Кременьчук, и всю землю их повоева и много бесермен и татар побиша, а землю татарскую плениша». Юрий «возвратися с великою победою и со многою корыстью в землю русскую». У Юрия не было оснований симпатизировать Литве, поэтому участвовал он и в поддержке против Витовта смоленского князя – своего тестя, а рязанского князя Олега, ставшего объектом ряда нападений «летучих» отрядов Орды, поддерживала теперь и Москва.

Митрополит Киприан, будучи в Москве, не отказывался от поддержки Витовта. В 1401 г. князя Василий Дмитриевич, Витовт и Иван Михайлович Тверской «сотвориша заедин мир и любовь межю собою». Киприан же созвал собор, на котором присутствовали епископы обеих «Русий». На новгородского архиепископа и луцкого епископа Киприан «брань возложил... за некия вещи святителския». Летопись не сообщает, о каких «вещах» шла речь. Обои владыкам предписывалось сложить сан и не покидать Москву. В Новгороде, видимо, не угасала ересь стригольников, о ситуации в Луцке сведений практически нет. В 1405 г. в том же «Лучьске» Витовт «постави попа Гоголя во владыки и тот был епископ граду Володимерю. А с митрополитом служили на поставленьи епископ холмский да другой епископ лучьский».

Суть этих перемещений, возможно, раскрывает другое свидетельство того же 1405 г.: «Киприан митрополит Антонья, епископа туровьского, сведе со владычества его *по повелению Витовтову*

(выделено мной. — А. К.) и отъя от него сан епископский и ризницу его и клобук его белый, а источники и скрижали его спороти повеле и поведе его от Турова на Москву и посади в кельи на монастыре, иже на Симонове». Так бесстрастно, о значительном по сути событии записал московский летописец (если только текст его не был отредактирован при завершении работы над Троицкой летописью). В Никоновской летописи указано, в чем именно обвинялся епископ: «Клеветницы возклеветаша на Антония... и бысть нелюбие Витовту на него; и клеветницы время себе удобно изобретоша и наипаче восташа, клеветуши, и сотвориша вражду и нелюбие велие». Клеветники обвиняли епископа, якобы он «посылал... к татарьскому царю Шадибеку (сменившему Тимур-Кутлуга при том же Едигее. — А. К.) во Орду, призывая его на Киев и на Волынь и на прочаа грады пленити и жещи; и другаа многаа клеветания соплетоша нань». Подобная клевета разъярила Витовта, и Киприан поспешил умиротворить литовского князя, сняв туrowsкого епископа. Киприан же, отправив опального епископа в московский монастырь, «приказа его покоити всем и никакоже ни в чем не оскорбляти, точию из монастыря не изходити». Существенно в этом рассказе то, что московский князь не мог «повелеть» Киприану, а Витовт именно повелевал. Не устраивал же туrowsкий епископ Витовта, видимо, потому, что Антоний не разделял прокатолических симпатий князя.

Упоминаемый в деле Антония «белый клобук» — символ высшей духовной власти, согласно русской редакции легенды, перешедший в XIV столетии из Константинополя в Новгород Великий. Собор 1667 г. осудит эту легенду. Но до этого времени новгородские архиепископы носили в отличие от всех остальных именно «белый клобук». Легенда, несомненно, антиримская, хотя в ней можно увидеть и притязания на особую власть. Витовта, очевидно, не устраивало ни то, ни другое. Абсурдное же обвинение свидетельствует о степени неприязни и раздражения князя по отношению к владыке, сохранявшему помимо верности православия и чувство собственного достоинства.

Битва на Ворскле облегчила положение Северо-Восточной Руси. Но в 1402 г. сын Олега Рязанского Родослав потерпел поражение под Любутском и был взят в плен литовцами. Освобождение стоило 3000 рублей. В том же году скончался Олег Рязанский, и Смоленск в 1404 г. перешел под власть Витовта. Смоленский князь Юрий Святославич отправился в Москву просить помощи против Витовта, но московский князь в помощи отказал. И пока Юрий Святославович добивался помощи в Москве, часть смоленских бояр обратилась к Витовту: изменники обещали открыть ворота Смоленска. Витовт, подчеркнуто опираясь на помощь

польских отрядов, взял город, захватил княгиню и некоторых бояр: одних он отправил в Литву, а других – приверженцев Юрия Святославича – казнил. Юрий с сыном Федором и вяземским князем Семеном Мстиславичем (Вязьма тоже была захвачена Витовтом) направился в Новгород. Здесь ему было выделено 13 городов. Но через два года он ушел в Москву и получил Торжок в качестве наместника Москвы. После конфликта с вяземским князем Юрий бежал в Орду и закончил в 1407 г. свои дни в монастыре в Рязанской земле.

В 1405 г. Василий Дмитриевич пытался вернуть Вязьму и выступил против тестя. Однако взять город не удалось, и вскоре вновь был подтвержден мир зятя с тестем. Очередное «розмирье» произошло осенью 1408 г.: войска тестя и зятя простояли по разным берегам реки Угры две недели и разошлись, подтвердив старый мир (в некоторых летописях – «вечный мир»). Причиной, видимо, был отъезд летом 1408 г. к московскому князю Свидригайло Ольгердовича, враждовавшего с Витовтом. Об этих столкновениях наиболее обстоятельно сказано в особой «*Повести о нашествии Едигея*», написанной уже после кончины и Василия Дмитриевича, и Витовта, в иной исторической обстановке (эти данные приводятся ниже в связи с нашествием на Северо-Восточную Русь Едигея).

В 1406 г. скончался митрополит Киприан. Незадолго до кончины он посетил Литву, где был тепло встречен Витовтом и Ягайло, ведшими какие-то переговоры. Из сведений летописей не видно, чего добивался король-католик. Можно предполагать, что речь шла о расширении сферы действия унии. Как реагировал на это Киприан – остается неясным: кончина не позволила проявиться каким-либо новым идеям. Борьба же католичества и православия будет продолжаться.

Киприан завещал зачитать над его гробом специально к похоронам написанную грамоту, что и было исполнено. В грамоте он говорит о верности «богопреданной апостольской вере и православия истинному благочестию», прощает и просит прощения. Кончина Киприана в плане источниковедческом определенная грань: он приложил руку к самым разным сочинениям. Он переписет прежние сочинения (известна его редакция Жития митрополита Петра, в которой под его пером появится идея митрополии «всая Руси»), и именно его рука (или его благословение) просматривается во многих летописных текстах, особенно связанных с личностью Дмитрия Донского. *Поэтому во всех описаниях событий конца XIV в. необходимо выделять, по крайней мере, три слоя: записи докиприановские или независимые от него; запи-*

си Киприана и его прислужников; записи середины XV в., в известной мере воспроизводящие первоначальные. Естественно, что в центре позднейших изысканий была именно Куликовская битва. Память о ней будет звучать набатом на протяжении всего XV столетия. Но такого рода события в истории часто искажаются либо в оценке их реального значения, либо из-за конкуренции: кто, чей род, какой митрополит или игумен сыграл главную роль в исторической победе.

Непоследовательная политика Василия Дмитриевича привела к естественному результату – к Москве пришли полчища *Едигея* (1352 – 1419), эмира и фактического правителя Золотой Орды в 1397 – 1410 гг. Летописи сообщают, что в конце 1408 г. «князь ордынский именем Едегей, повелением Булата царя (свергнувшего в 1407 г. Шадибека. – *А.К.*), приде ратью на Рускую землю, а с ним 4 царевичи да прочии князи татарстии... Се же слышав, князь великий Василей Дмитриевич не стал на бои против татар, но отъеха вборзе на Кострому». Едигей подошел 1 декабря к Москве и распустил войско «по всему великому княжению и разсыпашася по всей земли, аки злии вльци, по всем градом и по странам и по селом и не остана такового места, иде же не бывали татарове». Был взят и сожжен Переяславль, затем Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород, Городец. 30-тысячное войско было послано в погоню за Василием, но оно вернулось, не обнаружив пристанища московского князя. От самого худшего Московское княжество спасла смута в Орде. «Некий царевич» решил воспользоваться ситуацией и захватить великоханский стол. И хотя это ему не удалось (проводник провел его не к ханскому двору, а на торг), Булат был крайне напуган и потребовал возвращения Едигея. Тот, взяв с москвичей «окуп 3000 рублей», простояв всего три недели под Москвой (в Коломенском), поспешил в Орду.

Троицкая летопись заканчивается пропитанными болью строками: «Отшедшим же татаром съ множеством полона и всякого товара и всякого узорочиа наивавшеся, полона же толико множество ведяху яко многы тысяща числом превосхождааше. Жалостно же бе видяху и достойно слез многих, яко един татарин до чотыредесять христиан ведяше съ нужею повязавши. Много множество иссечено бысть, инии же от мраза изомроша, друзии жажею и гладом умираху, отци и матерї плакаху чад своих разбиваемых и умерщвляемых, также и чяда рыдаху разлучения от родителей своих, и не бысть помилующаго, ниже избавляющаго ни помогающаго. И бысть тогда въ всей Руской земли всем христианам туга велика и плачь неутешим и рыдание и кричание: вся бо земля пленена бысть, начен от земля Рязанския и до Галича (имеется в виду Га-

лич Мерьский, в указателе ошибочно обозначенный как Днестровский. — А.К.) и до Белаозера. Все бо подвизашьяся и все смутшьяся мнози бо напасти и убытки всем человеком съедяшьяся и большим и меньшим и ближним и далним и не бысть такова иже бы без убытка был, но все в тузе и скорби мнози и печалию обдержими. Сию же скорбь за много время неции же от книжник провозвестиша, глаголюще, яко в преидущее лето будеть скорбь людем, еже и сбысться во время се».

Автор не называет имен «провозвестников», но смутное ожидание бед ощущалось в разных местах Северо-Восточной Руси. И тревога, видимо, имела основания не только провиденциалистского характера: *после общественно-политического подъема 50–70-х гг. XIV столетия наступил откат ко временам вековой давности, и реального выхода из этой ситуации летописец пока не видел*. Он не уточнял, за какого рода прегрешения страдали и большие, и меньшие, и ближние, и дальние. Н.М. Карамзин, для которого Троицкая летопись являлась основополагающим источником, с явным сожалением записал в примечании: «Видно, что сочинитель умер. С того времени до самой кончины Василия Дмитриевича все известия кратки и неполны в других летописях». Историк придерживался господствовавшего в его время мнения, что летопись ведется на протяжении многих лет одним автором. Но это был, конечно, летописный свод, составленный не ранее 1409 г. (летописец описывает события, уже зная, почему татары поспешили в Орду). А летописцы-сводчики могли и не возвращаться более к однажды написанному труду. Но сам факт снижения идеологической активности в последние годы княжения Василия Дмитриевича отмечен верно.

Нашествие Едигея и взаимоотношения московского и литовского князей с Едигеем более развернуто представлены в особой «Повести о нашествии Едигея», вошедшей в состав Рогожского летописца и Никоновской летописи (и близкого к ней «Истории Российской» В.Н. Татищева) и составленной, видимо, в 40-е гг. XV в. (ими датируется оригинал Рогожского летописца). В повести воспроизводится текст Троицкой летописи. Но здесь дан рассказ за несколько лет, обобщенно характеризующий закулисную сторону происходивших событий.

Едигей вел двойную игру, сталкивая Василия с Витовтом, и летописец (или автор повести) не без сожаления замечает, что Василий оказался в плену «злехитростей» ордынского эмира: «Злочестивии же Агаряне, яко волцы ухитряюще, подкрадают нас, да неколи князи, надеюшьяся, с ними истинно мирующе, и любовно пребывающе, безстрашни от них будут, да обретше они время

удобно себе, вместо злаго желания получают. Якоже сей князь Едигей Ординский вящше всех князей Ординских и все царство Ординское един дрѣжаше, и по своей воле царя поставляше, егоже хотяше, многу же любовь лукавную имяше и к великому князю Василию Дмитриевичю, и честию высокою обложи его и дары многими почиташе; и еще же надо всеми сими и сына его себе именоваше любимаго, и некая многаа обещавше ему и власть его разширити и възвысити паче всех князей Русских, и приходящаа от него во Орду послычяше зело и брежаше и отпускаше на Русь с честию и с миром, и мир глубок обещавающесе имети с ним».

Московскому князю «прилучися гнев имети и брань со тестем своим». Василий наивно об этом «Едигею поведи подлинно, хотя от него помощь обрести. Понеже любляше его Едигей и в сына его имеша себе. Лукавый же и злохитрый Едигей обещаеся всячески помогати сыну своему великому князю Василью, глаголя: “да и прочии увидят князи Русстии любовь нашу с тобою, и мирни и кротции тебе будут и устрашатся тебя”. С другой стороны, Едигей «и к великому князю Литовскому Витовту Кестутьевичю, посыллаа, глаголаше: “Ты мне буди друг, а аз буду тебе друг; а зятя своего... познавай. Яко желателен бе в чужиа пределы вступатися и не своя восхищати, и се убо и тебе подвизается ратовати и твоя пределы восхищати; блюдися убо от него, понеже и словеса мне многа глаголаше на тебя..., и сребра и злата много посылает ко мне и ко царю, чтобы или аз сам, или царя увещал со всею Ордою поити ратью на тебя и пленити и жещи землю твою, и чтобы ему засести грады твоя;... моя же любовь к тебе не угаснет иникогдаже; сия же вси моя словеса в себе точию имей и никомуже повеждь”».

Автор повести осуждает «молодых» советников князя, возвышая «старых». Князь созвал «свои князи, бояре и думци», где сообщил об обещанной Едигеем помощи. «Князи же и бояре и думци его все возрадовашася, и вся Москва веселишася...: “Орда вся в воли великого князя... да кого хошет, воюет, и наши будут вси, и прославимся паче всех”». В итоге же «кровь многа проливашесе, а татарове полоном и имением обогатеша» (Рогожский летописец подчеркивает, что это была «именем токмо словуще помощь»), «старци же старые, — продолжает Никоновская летопись, — сего не похвалиша». Они осудили практику приглашения «на помощь себе татар, наимающе их серебром и златом». Напоминается, что приглашения половцев в свое время причинили огромный вред Киеву и Чернигову, поскольку наемники не только плохо воюют, но и выполняют роль разведчиков-соглядатаев.

Осуждается в повести и союз московского князя со Свидригаило Ольгердовичем. С одной стороны, вроде бы «устроен к бра-

ни мужь храбор и крепок на ополчение», но с другой — «лях бе верою». Осуждается, что «ляху» князь со своими думцами передали «гради мнози, мало не половину княжения Московьскаго, и славнй град Владимир, в немъже соборная церковь Пречистыа Богородици Успение, златоверхаа нарицаемаа, 5 бо верхов златых имея, в нейже чюдотворная икона пречистыа Богородици, иже многа чюдеса и знамена сотворяеть и поганыа устрашает... И сиа вся ляху пришелцу дано быша, темъже и беды многи постигоша нас, и сам той храбрый князь... и храброе его воинство смятошяся и устрашишяся, яко младыа отрочата, во время Едигеева нашествия и на бег уклонишяся». Татары же во время «стояния на Угре» войск тестя и зятя «недалече кочеваша», присматриваясь к «наряду» той и другой стороны.

Едигей уведомил московского князя, будто Булат-Салтан собирает войско «со всею великою Ордою на Витовта, да мстит, колико есть сотворил земли твоей». Василию предлагается присоединиться к этому войску, идти с ним либо самому, либо кому-то из сыновей или братьев. Какие-то сомнения у князя возникли: в Орду был направлен вельможа «Юрий именем з дружиной». Но Едигей «ят Юрья» и направился с ратью к Москве. Случайный вестник сообщил об этом, когда татары уже подходили к русским землям.

В Никоновской летописи воспроизводится послание-оправдание Едигея Василию Дмитриевичу. Задним числом эмир упрекает князя в том, что он не ездил в Орду и мало чтит ордынских послов, не чествовал Темир-Кутлуга, не навестил царствовавшего восемь лет Шадибека (тестя Едигея): «И ныне царь Булат-Салтан сел на царстве и уже третей год царствует, такоже еси ни сам не бывал, ни сына, ни брата, ни старейшего боярина не присылывал». «Вся твоя дела недобры и неправы», — писал якобы Едигей, противопоставляя московскому князю некоего расположенного к Орде Федора, сын которого Иван являлся казначеем князя. Здесь также следует совет слушать «старейших», «старцев земских», а не «молодших». Упрекает он князя и в том, что, собирая «со всякого улуса з дву сох рубль», князь укрывает собранное «серебро».

Заключает автор повести традиционным указанием на причину бед — прегрешения. Но перечень их ориентирован в основном на *социальные* недуги: «Много бо суть в нас неправды, зависти, ненависти, гордости, разбои, татбы, грабления, насилования, блуды, пианьства, объядения, лихоимания, ложь, клевета, осужение, смех, плесание, позорища бесовьскаа, и всяко возвышение, възвышящееся на разум Божий, и всяко непокорение закону Божию, и заповедей Господних презрение». Автор как бы извиняется, обращаясь к читателю: «Сия вся написанная аще и нелепо кому видит-

ся... но... к ползе обретающаася...; мы бо не досажаяще, ни поношающе, ни завидяще чти честных, таковаа вчинихом, якоже обретаем началнаго летословца Киевскаго, иже вся временнобытства земскаа, не обинуяся, позуеть; но и пръвии наши властодръжцы без гнева повелевающе вся добраа и недобраа прилучившаася написовати, да и прочиим по них образы явлени будут, якоже при Володимере Мономае оного великаго Селивестра Выдобыжскаго, не устрашая пишущего... Всяко бо благая и спасенаа настоящего и будущаго в. не во гневе и гордости и шаплении (шегольстве) обретаются, но в простоте и умиленни и смиренни».

Литература

- Куликовская битва и подъем национального самосознания // ТОДРЛ. Т. XXXIV. Л., 1979.
- Куликовская битва / Ред. Бескровный Л.Г. М., 1980.
- Памятники Куликовского цикла / Ред. Рыбаков Б.А., Кучкин В.А. СПб., 1998.
- Повести о Куликовской битве / Подг. Тихомиров М.Н., Ржига В.Ф., Дмитриев Л.А.. М. 1959.
- «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла / Ред. Лихачев Д.С., Дмитриев Л.А. М., 1966.
- Адрианова-Перетц В.П.* Слово о житии и преставлении Великого князя Дмитрия Ивановича царя Руськаго // ТОДРЛ. Т. V. Л., 1947.
- Адрианова-Перетц В.П.* Задонщина: Опыт реконструкции авт. текста // ТОДРЛ. Т. VI. Л., 1948.
- Азбелев С.Н.* Младшие летописи Новгорода о Куликовской битве // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971.
- Азбелев С.Н.* Об устных источниках летописных текстов (на материале Куликовского цикла) // Летописи и хроники. М.Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976.
- Ашурков В.Н.* На поле Куликовом. Тула, 1967.
- Греков И.Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV – XV вв.). М., 1975.
- Гумилев Л.Н.* Эпоха Куликовской битвы // Огонек. 1980. №36.
- Гумилев Л.Н.* Меня называют евразийцем // Наш современник. 1991. №1.
- Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1992.
- Зимин А.А.* «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина» // Археографический ежегодник за 1967 год. М., 1969.
- Кузьмин А.Г.* Священные камни памяти: О романе Владимира Чивилихина «Память» // Молодая гвардия. 1982. №1.

- Кузьмин А.Г.* Церковь и светская власть в эпоху Куликовской битвы // Вопросы научного атеизма. Вып. 37. М., 1988.
- Кузьмин А.Г.* Пропеллер пассионарности, или теория приватизации истории // Молодая гвардия. 1991. №9.
- Кучкин В.А.* О роли Сергия Радонежского в подготовке Куликовской битвы // Вопросы научного атеизма. Вып. 37. М., 1988.
- Кучкин В.А.* Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.
- Кучкин В.А.* Сергей Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10.
- Лоциц Ю.* Дмитрий Донской. М., 1980.
- Назаров В.Д.* Русь накануне Куликовской битвы: К 600-летию битвы на Воже // Вопросы истории. 1978. №8.
- Салмина М.А.* «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского» // ТОДРЛ. Т. XXV. Л., 1970.
- Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
- Соловьев А.В.* Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского» // ТОДРЛ. Т. XVII. Л., 1961.
- Тихомиров М.Н.* Куликовская битва 1380 г. // Вопросы истории. 1955. №8.
- Тихомиров М.Н.* Средневековая Россия на международных путях. М., 1966.
- Тихомиров М.Н.* Бесермены в русских источниках // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964.
- Черепнин Л.В.* Договорные и духовные грамоты Дмитрия Донского как источник для изучения политической истории великого княжества Московского // Исторические записки. 1947. Т. 24.
- Шамбинаго С.К.* Повести о Мамаевом побоище // Сб. ОРЯС АН. Т. 81. СПб., 1906.

ГЛАВА XIII

Борьба за Москву и митрополию в первой половине XV в.

§ 1. РУСЬ, ОРДА И ЛИТВА ПОСЛЕ НАШЕСТВИЯ ЕДИГЕЯ

Вторая половина княжения Василия Дмитриевича отражена источниками отрывочно и бессистемно, как бессистемным было и само его княжение. Разорение и разграбление Северо-Восточной Руси ратью Едигея в 1408 г. могло бы иметь и более серьезные последствия, но обстоятельства складывались относительно благоприятно, хотя и не совсем устойчиво. Прежде всего неустойчивым было положение самого Едигея в Орде. Подтверждая ярлык на великое княжение Василия Дмитриевича, Едигей, согласно софийско-новгородским летописям, упрекал его: «Тохтамышевы дети у тебя, и того ради пришли есмы ратию». В литературе высказывалась мысль о том, что и попытка переворота в Орде во время нашего нашествия Едигея была организована из Москвы. Видимо, кто-то из сыновей Тохтамыша в годы своих скитаний попадал в Северо-Восточную Русь (в некоторых источниках к таковым относится Керим-берды), но главным центром притяжения для них оставалась, конечно, Литва, где сохранялась большая, пришедшая с Тохтамышем татарская колония.

Именно угроза со стороны Литвы побуждала Едигея искать примирения с Москвой. Победа над Тевтонским орденом в грандиозной *Грюнвальдской битве 15 июля 1410 г.*, в которой на стороне победителей, помимо поляков, литовцев, русских и наемников из Валахии и Богемии, участвовали также татарские отряды, не могла не вызывать тревоги Едигея. В 1411 г. старший сын Тохтамыша, участник Грюнвальдской битвы *Джелаль-Еддин*, укрепился в Крыму, и в схватке с ним ордынский хан Булат-Салтан был убит. Едигею удалось остановить Джелаль-Едина, возведя на ханский стол Тимур-хана, но скоро ему пришлось бежать от своего ставленника в Хорезм. При поддержке Витовта Джелаль-Един в 1412 г. на

некоторое время утверждается ханом в Орде. Он организовал набег татарских и нижегородских отрядов на город Владимир, где был разграблен Богородичный храм (Успенский собор) — место вступления в должность многих митрополитов Руси.

Летом 1412 г. в Орде начинается новая усобица, в ходе которой Джелаль-Еддин был убит и к власти пришел Керим-берды, сторонник Едигея. К новому повороту политики Орды имели отношение и события в Северо-Восточной Руси. По некоторым данным, Киприан перед кончиной пытался закрепить на митрополичьей кафедре своего племянника *Григория Цамблака*. Но Константинополь решил направить на Русь грека Фотия. Едва ли не главным аргументом для Константинополя были материальные расчеты: откуда придет большая «милостыня» — из Вильны или из Москвы. Угроза полной турецкой оккупации побуждала последних властителей некогда могучей Византии искать поддержку в православных землях Восточной Европы.

Фотий (ок. 1371 — 1431) прибыл на Русь в 1409 г. и первоначально остановился в Киеве, тем самым как бы выполняя требование Витовта считать именно Киев центром «митрополии всея Руси». Но уже через полгода он перебирается в Москву. Не последним аргументом в пользу Москвы послужили богатые дары московского князя и духовенства Северо-Восточной Руси, переданные Константинопольской патриархии. Известная напряженность в отношениях между новым митрополитом и княжеским двором сохранялась, но татаро-нижегородский набег на Владимир, мишенью которого и был новый митрополит, приехавший во Владимир на торжественное посвящение в сан (самому Фотию удалось укрыться в окрестностях Владимира), способствовал сближению великого князя и владыки.

Сменивший Джелаль-Еддина *Керим-берды* был, видимо, наиболее расположенным к Москве чингизидом. Именно он, согласно восточным авторам, некоторое время скрывался в Москве, и, видимо, этого сына Тохтамыша имел в виду Едигей, упрекая московского князя. Но в данном случае для Едигея была важна позиция в отношении Литвы, а Керим-берды был последовательным ее антагонистом. Воспользовавшись благорасположенностью Орды, московский князь изгнал из вновь отделившегося от Москвы Нижегородского княжества Даниила и Ивана Борисовичей и их потомство. В это же время при посредстве митрополита Фотия наследник византийского стола Иоанн VIII Палеолог женится на Анне, дочери Василия Дмитриевича.

Изменение в расстановке сил в связи с воцарением Керима-берды подтолкнуло Вильну и Краков к очередной унии. В 1413 г.

в Городло Ягайло с польской знатью и Витовт со знатью литовской подписали соглашение. Подтверждалась прежняя договоренность об объединении, в рамках которого княжество Литовское ставилось в зависимость от Польши. Согласно Городельской унии, католичеству предоставлялось решительное преимущество. Термин «бояре» заменялся «баронами» и «нобиями», а наследовать должности и владения могли только католики. Запрещались даже браки католиков с православными.

Городельская уния обострила отношения между православной и католической общинами Польско-Литовского государства. Витовт быстро терял почву под собой и вновь начал искать возможностей для восстановления своего влияния через Орду и русскую митрополию. В 1414 г. в Орде (или в ее части) утверждается ставленник Витовта Кепек. Нижегородским князьям снова даются ярлыки на независимое от Москвы княжение. На Волгу вновь отправляется Юрий Дмитриевич Галицкий, и он не допускает в город ставленников Орды. Активизирует Витовт политику и в отношении Новгорода и Пскова. Но активизация деятельности в собственно православных землях требовала так или иначе решения вопроса о «митрополии всея Руси». Поэтому и поднимается вопрос о переносе митрополичьей кафедры в Киев и утверждении там племянника Киприана Григория Цамблака.

В летописях рассказ об этих событиях изложен противоречиво, а наиболее обстоятельный рассказ в *Никоновской летописи* и «*Истории Российской*» В.Н. Татищева восходит, видимо, к разным источникам, сведенным в летописном своде некоторое время спустя после самих событий. Не ясно, сколько было соборов епископов Западной Руси, созванных Витовтом для решения вопроса о разделении митрополии. Как уже отмечалось, в летописях смешивались три разных стиля летосчисления (не говоря уже о записях в Западной Руси, сделанных по иной космической эре). В Никоновской летописи текст излагается по сентябрьскому стилю, но рассказ о попытках утвердить на митрополии Григория Цамблака включался в статьи уже имевшегося текста. Основные варианты рассказа датируются 1414 и 1416 гг. По тексту же Никоновской летописи — это осень 1413, лето 1414 (как бы продолжение рассказа о соборе) и осень 1415 г., причем в первом случае кандидат именуется «Самлаком», а во втором правильно — «Цамблаком». В западнорусских же летописях 1414 г. датируется поездка Цамблака в Москву, причем ни цель, ни результаты поездки не объясняются.

Некоторые вопросы снимаются сравнительно легко. В Никоновской летописи отмеченное всеми летописями солнечное зат-

мение 7 июня упомянуто и под 1414, и под 1415 г.г. Затмениям посвящена книга Даниила Святского («Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. СПб., 1915), к которой специалисты обычно обращаются, разбираясь в хронологической путанице. В ряде летописей указано также, что 7 июня приходилось на пятницу, и все это указывает на 1415 г. Разноречия в тексте Никоновской летописи, следовательно, являются результатом соединения по разному датированных записей об одних и тех же событиях. 1413 г. может быть исключен и потому, что Витовт не стал бы затевать далеко идущих антимосковских интриг при промосковском хане в Орде, а пролитовский переворот в Орде произошел, видимо, в начале 1414 г.

Личность *Григория Цамблака* весьма колоритна. Он подвизался в разных монастырях на Балканах, был чиновником при Константинопольском патриаршестве, известен как автор многих сочинений, одно из которых (около 1410 г.) посвящено жизнеописанию Киприана, с которым он, вероятно, и оказался в Литве. В 1414 г. Григорию было около 50 лет, после 1418 г. Григорий отошел от дел и ушел в один из молдавских монастырей, как предполагают, под именем Гавриила, а его кончину в разных источниках относят к 20-м — 30-м гг., даже к 1450 г. В Москве о Цамблаке существовала какая-то повесть, и может быть не одна. Особый интерес к его личности возникал в 40-е гг. в связи с реакцией на Флорентийский собор и утверждением автокефалии Русской Церкви. Оценка его личности была в целом негативной, но неоднозначной, а аргументы в пользу автокефалии в известной мере повторяли аргументы за автокефалию на соборе, созванном Витовтом.

В большинстве летописей соборным утверждением Григория Цамблака названа дата — 15 ноября, а собор проходил в Новгородке недалеко от Вильны (в «Черной Руси»). Дата 1415 г. представляется достаточно определенной. Поэтому нет оснований говорить о двух и даже трех соборах, хотя какие-то предварительные консультации могли и должны были проводиться.

Рассказ Никоновской летописи под 1414 г. начинается с того, что «неблазии человеци» из окружения митрополита «творили клеветы», ссора митрополита *Фотия с Василием Дмитриевичем и Витовтом Кейстутевичем* и в итоге «сотвориша нелюбие». Суть претензий — увеличение митрополитом всюду даней и поборов, особенно в поездках за Днепр, на киевскую сторону. Витовту «неблагие люди» напоминали и о том, что митрополия некогда имела центром Киев и митрополиты носили титул «киевского и вся

Руси». Таким образом, перенос митрополичьей кафедры из Киева в Москву представляется как бы незаконным. Напоминание о причинах переноса — незащищенность перед угрозами татарских набегов — не принимается во внимание. В какой мере и в каком направлении в этой связи мог быть задействован Василий Дмитриевич — не сказано. Видимо, его просто настраивали против Фотия ради ослабления позиций митрополита. Витовту же давались в руки реальные аргументы. Вполне вероятно, что именно в Вильне зародилась сама идея подыскать в окружении Фотия людей, которые могли бы напомнить о прежней роли Киева (тем более что и сам Фотий начинал как митрополит «киевский»).

Витовт собирает епископов девяти епархий, входивших в состав Великого княжества Литовского, повторяет аргументы, выдвинутые «неблагими людьми», и требует, чтобы епископы обратились к нему, князю, с жалобой, давая и примерное содержание этой жалобы: Фотий «грабит и изтощевает великую соборную митропольскую Киевскую церковь, главу всей Русии». Епископы пытались возражать. «Витовт же со властью попрети им», и владыки выдали нужный документ. Витовт распорядился собрать материалы о каких-либо покушениях Фотия на материальные ценности в Киеве и прилегающих районах, с тем чтобы поставить вопрос о создании отдельной митрополии для Великого княжества Литовского. Фотий решается идти в Киев, чтобы попытаться договориться с Витовтом, а если не удастся — идти в Константинополь. Витовт перехватил митрополита, ограбил его и выпроводил назад в Москву. Выпроводил Витовт заодно и наместников Фотия на Киевщине, передав принадлежавшие им села «панам своим».

Далее рассказ в летописи перебивается сообщением о пожаре в Москве и затмении 7 июня (которое было на самом деле годом спустя), после чего к Фотию явился «гость с торгом», погоревший в московском пожаре в мае и напуганный затмением. Пришедший из Литвы гость и сообщил митрополиту о замысле Витовта, покаявшись и о своей причастности к «клеветникам». Названо и имя информатора: Фома Лазарев, что может указывать и на какую-то современную запись о рассказе повинившегося и прощенного митрополитом «клеветника». А затем снова говорится о соборе епископов (но более глухо, без имен), на котором было решено избрать «Григория Самлака», причем некоторые епископы с этим не согласились, предложив «смириться с Фотеем». Но «Витовт же со властью попрети им, они же умолчаша». В Царьград к патриарху был направлен кандидат, а к императору также и грамоты. Патриарх и «царь» «не восхотеша сего». Витовт заставил епископов изложить «вины» митрополита. Но и на это последовал отказ.

Под 1415 г. дается иной вариант рассказа о том же соборе, что и названном в летописи годом раньше. Здесь повествование начинается сразу с главного: «Господь Бог попусти, грех ради наших, Киевской митрополю на две области разделитися, яже не подобает; глаголеть бо во священных правилах, яко не подобает быти во единой области двема митрополитом». Между князем и епископами разгорается своеобразный «научный» диспут. Витовт «рече» к епископам: «Поставите ми в митрополиты на Киев Григория Цамблака Болгарина». (Литературное происхождение рассказа видно уже в пояснении «болгарина», предназначенного широкой аудитории, а никак не епископам, хорошо знавшим племянника Киприана.) Епископы возразили, ссылаясь на священные правила, а на запрос князя; о каких правилах идет речь, процитировали 20-ю главу священных правил и 12-ю главу решений Халкидонского собора, «яко не подобает быти в единой области двема митрополитом». Далее следует дискуссия: Витовт настаивает на том, что это его область, а епископы — «но прежде не твоя область бысть», а на возражение князя, что теперь иная ситуация, епископы разъяснили: «Аще и ты ныне приал ново Киевскую область, и се твоя есть земская власть, а не церковная святительская; ино бо есть власть святительская церковная, и ино есть власть царская земская; да ты своя земские вещи управляешь, яко царь, епископ же своя святительские вещи управляет, яко святитель; и во всей области Русстей един митрополит есть: аще и на Москве ныне пребывает нахождения ради татарского, но Киевский есть, и един есть во всей области;... и тебе несть от сего ни единыя укоризны, ни протора (издержек. — А. К.), но паче похвала и приобретения, яко древнии обычаи и законы соблюдающе».

Епископы повторяли аргументы Киприана о митрополии «всей Руси». Исчерпав же свои аргументы, Витовт «глагола им»: «Аще не поставите ми митрополита в моей земли на Киеве, то зле умрети». Григорий Цамбак был объявлен митрополитом, и уже при его участии должно было сочиняться «оправдательное слово», в котором, в частности, напоминалось и о прецедентах подобного рода на Руси и в других славянских землях. И в этих напоминаниях весьма заметны настроения 30 — 40-х гг. XV в., которые были уже в самом Московском княжестве.

Послание в Константинополь выдержано в весьма резких тонах и, видимо, связано с неудачной попыткой Григория Цамблака заручиться там поддержкой, предшествовавшей собору епископов. В основе летописного изложения, по всей вероятности, лежал *подлинный* текст послания, о чем, в частности, свидетельствует и заключающее его слово «индикт» — традиционный византийский счет

лет, употребленный в данном случае бессознательно (не указано, какой именно год индикта — 15-летнего круга времени — имеется в виду). В тексте послания неоднократно упоминается о корысти властителей Константинополя при утверждении кандидатов на те или иные кафедры. На просьбу Витовта — «царь же и патриарх не возотеша послушати прошения сего праваго, неправедных прибытков деля». После похвалы Витовту, который собрал «в Новомграде Литовском» князей подвластных ему земель, бояр и вельмож, архимандритов, игуменов, иноков и попов, «советом и волей» которых избрали митрополита, вновь указывается на причину отрицательного решения Константинополя: «Гораздо есмы розознали на них, что хотят они того, чтобы по своей воли поставили митрополита своего по накупу, кто ся у них закупить посулы, как они хотят, а то бы все было в их воли в таковой, что, зде будучи, митрополит их на Руси, грабя, насилуя, попы продавая, посулы емля, дани тяжкия збирая, церкви пусты чиня, и к ним бы носил в Царьград и все провадил (доставил, препроводил. — А.К.)».

Этот мотив возникает и далее, когда доказывается непорочность решения собора, его непримиримость к еретикам: «К сим же и Симонитскую ересь анафеме предаем, продающую на злате и на серебре дар Святаго Духа, поставляющих в священничество мздоу и посулы». Выражая почтение ко всем патриархам и патриаршествам, послание вновь делает оговорку: «Но точию отвращаемся, не могуши тръпети, еже есть на церковь Божию насилование царя Царегородскаго, ибо святыи великий патриарх и божественный священный собор Констянтинаграда по правилом поставити митрополита не могут дати, но кого царь повелит по посулам. Увы! Отсюду продается и купуется дар Святаго Духа, еже в поставлении, якоже отец его царь сотвори на церковь Киевскую во днех наших, еже о митрополитех русских: о Киприане, и о Пимине, и о Дионисии, и о инех многих, не смотряще на церковную честь и строение, но смотряще на посулы, на сребро и злато и на многоимание; отсюду быша долги велики, и протори мнози, и мльвы, и смущения, и мятежи, и убийства, и — еже всех лютейши — безчестие церкви Русския митрополии».

Неудивительно, что большинство летописей это послание даже не упомянуло, а Никоновская летопись дала его явно уже после кончины митрополита Фотия. Возражения самого Фотия, по летописи, носили как бы общий характер: «Оскорбися зело и много подвизася, еже бы како раздраниа та и разколы те церковныя совокупити воедино... И писаше грамоты, возбраняя раздраниа церковнаа...». И этот текст тоже явно написан уже спустя какое-то время после кончины митрополита, видимо, как и мно-

гие другие тексты начала столетия, в 40-е гг. XV в., когда стоял вопрос об автокефалии уже самой Русской Церкви и упреки в адрес Константинополя были одним из аргументов в пользу такого решения. Нет здесь и упоминания (именно в связи с «грамматами» Фотия) о соборном осуждении и лишении священнического сана Григория в Константинополе (видимо, не без участия Фотия), хотя в некоторых летописях таковое имеется. Но в Вильно, очевидно, проигнорировали осуждение, осуществленное патриархом Евфимием, и созданный им собор, равно как подтверждение проклятия и отлучения от церкви Иосифом II (премником Евфимия) в 1417 г.

Удивительно, что в летописях не прозвучали упреки в адрес Витовта по поводу его *уклона в католицизм*, выразившегося в статьях Городельской унии, хотя такие упреки, наверное, были в «грамматах» Фотия, и они стояли на первом месте в соборных постановлениях Константинополя. Конечно, Витовт в вопросах веры был чистейшим прагматиком. Но большинство епископов, собранных им в Новгородке, явно осуждали *католическую направленность* этого «прагматизма». И выразил это беспокойство именно избранный митрополитом Григорий Цамблак. Под 1417 г. в летописях воспроизводится вопрос Цамблака Витовту: «Что ради ты, княже, в Лятцком законе, а не в Греческом?» Витовт на это якобы ответил: «Аще хощеши не токмо мене единаго видети в Греческом законе, но и всех людей моя земли Литовския, да идеши в Рим и пришися (споришь. — А. К.) с папою и с его мудрецы; и аще их преприши, и мы вся в Греческом законе и обычаи будем; аще ли не преприши их, имам вся люди своая земли Греческаго закона в свой Немецкий закон превратити».

В 1414 г. в Констанце был созван собор, который начался с осуждения «ересей», прежде всего Яна Гуса и чешских реформаторов. Собор продолжался несколько лет, и одним из главных вопросов было преодоление «схизмы» — раскола церквей. В 1417 г. собор избрал нового папу Мартина V, с которым Ягайло договорился об участии в прениях о преодолении «схизмы» новоизбранного митрополита. Перед папой Мартином в 1418 г. и была зачитана заготовленная в Вильне речь Григория Цамблака, возглавлявшего литовскую делегацию. Были в составе делегации также «наблюдатели» от Орды, где в это время снова утвердился Едигей, вновь пытавшийся балансировать на противоречиях Ягайло и Витовта, Витовта и московского князя и московского митрополита. Речь Григория имела значительный резонанс среди огромного количества делегаций и гостей. Но на унию Цамблак не согласился, и, видимо, такая позиция была запланирована при подготовке речи в Вильне.

Естественно, что подобной позицией был недоволен и разочарован Ягайло, вроде бы что-то обещавший Риму. Никоновская летопись сообщает о кончине Цамблака в 1419 г., давая, кстати, высокую оценку ему как автору «книжных писаний». Но версия о его смерти оспаривалась и современниками, и историками. И не исключено, что, оказавшись между двух огней – Константинополя и Рима и не надеясь на часто менявшего симпатии и антипатии Витовта, – Григорий тайно покинул Литву и, как предполагают, укрылся в одном из валашско-молдавских монастырей.

Уход с церковно-политической арены Цамблака побудил Витовта искать контакты с московским митрополитом Фотием. В Орде после нескольких лет преобладания Едигея происходит очередная усобица, в ходе которой Едигей был в 1419 г. убит, и на великоханском столе утвердился пролитовски настроенный *Улуг-Мухаммед* (ум. 1445 г.). В этих условиях и Фотий стал искать контактов с Витовтом, а поскольку перевес сил вновь был на стороне Витовта, то и московский митрополит легко склонился на его сторону. Под 1422 г. в летописях появляется примечательное сообщение: «Тое же зимы княгини великаа Софья с сыном Васильем ездила к отцу своему Витовту в Смоленск, а князь великы отпустив ее с Москвы, сам иде на Коломну, да и Фотей митрополит был у Витовта, а ехал наперед великые княгини».

Некоторые данные об изменениях в настроениях и Фотия, и московского князя по отношению к Литве и Витовту проявляются в загадочных недоговоренностях летописей. В свое время А.А. Шахматов предположил, что в основании летописания XV в. лежит «*Полихрон Фотия*» 1418 г. Авторитет Шахматова и до сих пор удерживает эту гипотезу в построениях историков и филологов, хотя и обоснованные сомнения в ее правомерности тоже высказывались неоднократно. А одной из значимых «жертв гипотезы» явился сын Василия Дмитриевича – *Иван*. Он упомянут в первой духовной великого князя в 1406 г. в качестве наследника, когда Ивану было 10 лет (он родился, согласно летописи, в 1396 г.). А затем летописи его не упоминают, и большинство историков, вслед за Карамзиным, полагают, что мальчик скончался в детстве. Между тем одно уникальное известие имеется в Тверском сборнике под 1416 г. Здесь сообщается, что «на Москве, месяца генваря 31 день, князь великий Василей Дмитриевич жени сына своего князя Ивана у князя Ивана у Пронского». (Иван Владимирович Пронский упоминается летописью также под 1408 г. в связи с усобицами в Рязанской земле, причем симпатии летописца на стороне пронского князя). Традиционная политика московских князей – поддерживать

удельных князей «великих княжений». Но почему об этом весьма значительном с точки зрения Московского великокняжеского стола событии ничего не сообщили летописи, восходящие к пресловутому «Полихрону Фотия»? Свидетельством современности записей является, как говорилось выше, указание точных дат, а на место записей обычно указывает фиксация современных событий, относящихся в Москве прежде всего к фактам внутрисемейной (рождения и кончины, браки детей) и внутри- и внешнеполитической жизни. Первого около 1418 г. вообще нет, а о другом могли писать и со стороны, и по воспоминаниям.

Фотий под духовными Василия Дмитриевича подписывался по-гречески, и нет данных о том, успел ли он и захотел ли выучить русский язык. Летописания разных княжеских центров он, конечно, не знал и никакой «Полихрон» составить не мог. Если же верны наблюдения о причастности Епифания Премудрого к канцелярии Фотия, то и в канцелярии никаких летописей не было. Именно поэтому Епифаний столь значительно расходился в своих воспоминаниях с летописными данными.

Особое внимание в летописях к родившемуся в 1415 г. Василию, сыну Василия Дмитриевича, связано с будущей ролью этого князя и отражает летописание 30 – 40-х гг. XV в., т. е. годы феодальной войны. А кончина Ивана Васильевича (в летописях, восходящих к гипотетическому «Полихрону») почему-то не отмечена. В них говорится о кончине другого Ивана Васильевича – князя суздальско-нижегородского, сына Дмитрия Константиновича. В некоторых списках в первоначальном тексте упоминался именно внук Дмитрия Донского, но текст правили, устрояя упоминание о нем. Однако летописи *Никаноровская* и *Вологодско-Пермская*, восходящие к Московскому своду 70-х гг. XV в., 1417 г. начинают сообщением о кончине сына московского князя. Сообщением о кончине «*вятшего*» (т.е. старшего) сына московского князя открывается 1417 г. и в *Псковской Третьей летописи*. Имеется известие и в *Новгородской Первой летописи*, также независимой от московского летописания. В ряде летописей специально отмечается, что речь идет о нижегородском князе. Но, видимо, в позднейших летописях и списках летописей смешивают двух одноименных князей. И для различения их важны две детали: *одна – князь умер по пути из Коломны в Москву*. Коломна же, по духовной московского князя 1406 г., передавалась во владение сына Ивана, где, следовательно, и находился его удельный стол. *Другая деталь – князь был похоронен в храме Архангела Михаила, в котором хоронили только московских князей*.

Самая большая загадка – почему столь значительное событие отмечено только в летописях, сохранявшихся на периферии? Каза-

лось бы, промосковские летописи должны были дать хотя бы некролог. Но ничего подобного в летописях нет. Кончина же Ивана объясняет, почему Василию Дмитриевичу в июле 1417 г. потребовалось писать вторую духовную, в которой он двухлетнего сына Василия оставляет на попечении супруги Софьи Витовтовны. **В позиции московского князя и митрополита Фотия в этот период намечается изменение отношения к Литве. Может быть, на старшего сына делали ставку московские бояре — противники литовского князя?** На этот вопрос, видимо, не ответить, но факт замалчивания кончины наследника сам по себе говорит о многом.

Василий Дмитриевич, видимо, не отличался хорошим здоровьем. И в 1423 г. он пишет третью духовную грамоту «по благословению отца нашего Фотия» (подпись его имеется на грамоте), в которой московский князь «приказал» «сына своего князя Василия и свою княгиню и свои дети своему брату и тестю, великому князю Витовту». Таким образом, **московский князь собственноручно передавал Москву и Северо-Восточную Русь в распоряжение литовского князя.** Упоминание в духовной собственных «братьев младших» в этом контексте предполагает не просто заботу о малолетнем наследнике, а прямую конфронтацию с завещанием Дмитрия Донского. *Феодальная война становилась неизбежной.*

§2. ФЕОДАЛЬНАЯ ВОЙНА ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XV в.

Кончина Василия Дмитриевича в 1425 г. обнажила расклад сил: в Москве великим князем был провозглашен десятилетний *Василий II Васильевич* (1415—1462), а князь галицкий и звенигородский *Юрий Дмитриевич*, сын Дмитрия Донского, отказался приехать по призыву Фотия в Москву и ушел из подмосковного Звенигорода в другой принадлежавший ему город — Галич Мерьский, защищенный от возможных военных акций Москвы труднопроходимым расстоянием. *Причиной конфликта обычно считается вопрос о престолонаследии.* По завещанию Дмитрия Донского Московское великое княжество, как «отчину», наследовал старший сын Василий Дмитриевич. Но в случае смерти Василия Дмитриевича его «удел» должен был перейти к следующему по старшинству сыну, т.е. Юрию Дмитриевичу Звенигородскому и Галицкому. Ко времени составления завещания у Василия Дмитриевича не было своих детей, и Дмитрий Донской заботился о пре-

емственности власти в случае смерти старшего сына. Поэтому после смерти старшего брата Юрий Дмитриевич не захотел подчиниться своему малолетнему племяннику. Но для конфликта были и другие, более серьезные причины.

Юрий Дмитриевич пытается собрать в Галиче Мерьском своих сторонников. Он согласен на перемирие, но не отказывается от завещанного ему и не обещает мира в будущем. Последовал рейд московских воевод во владения Юрия Дмитриевича, который ощутимых результатов, однако, не дал, может быть, из-за отсутствия энтузиазма у посланных. Юрия хорошо знали как одного из лучших воевод, а Устюжский летописный свод (снова периферийный) прямо говорит, что направленный против галицкого князя во главе войска его брат Андрей втайне был с ним солидарен. Летописец, как о само собой разумеющемся, пишет, что «князь великы слышав то совокупися со всеми силами», как будто что-то зависело от десятилетнего мальчика. Великий князь, посоветовавшись «с отцем своим Фотием митрополитом», с матерью своей, с дядьями и, конечно, с дедом Витовтом, а также с иными князьями и боярами, решает направить на переговоры к Юрию Дмитриевичу митрополита Фотия.

Митрополит «не отречеса» и с радостью взялся выполнить поручение. Летописец, явно негативно настроенный по отношению к Юрию Дмитриевичу, а заодно и к «черни», не без сарказма рассказывает, что галицкий князь, «слышав то собра, всю очину свою и срете его с детми своими, и чернь всю собрав из градов своих и волостей и сел и деревень, и бысть их многое множество. И постави их по горе от града того и поиде (митрополит. — А.К.) к соборной церкви». Естественно, что получить благословение от митрополита или хотя бы взглянуть на него было всегда лестно для каждого крестьянина-христианина. Но Фотию это, не менее чем летописцу, не понравилось, и он выговорил князю: «Сыну, не видах столько народу во овчих шерьстех». «Все бо бяху в сермягах», — поясняет летописец, а потому «святитель в глум сих вмени себе». Деталь сама по себе характерная: греки-митрополиты были далеки от идеалов печерских или троице-сергиевских подвижников, а к христианам-крестьянам относились с нескрываемым презрением. И неудивительно, что в развертывавшейся борьбе и этот фактор будет выдвигаться на первый план. Реабилитировать Митяя было некому, но имена Алексия и Дмитрия Донского будут звучать все чаще, а Сергию к собственно монашескому подвижничеству добавляют и политические инициативы.

На данном этапе Юрий уступил настояниям митрополита. Летописец пытается представить это как страх перед карой Божьей. Но дипломатический маневр был в духе эпохи: князь пред-

ложил отдать вопрос на усмотрение «царя», т. е. ордынского хана, который оставался главным судьей в подобных спорах. Как покажут будущие события, сторонники в Орде у князя Юрия были.

В 1425 г. было заключено какое-то «докончание» деда Витовта с внуком Василием Васильевичем, о котором задним числом напоминает Витовту «посол от великого князя Василья Васильевича с Москвы Александр Володимерович Лыков». Из московских летописей непонятно, почему после dokonчания Витовт организует грандиозный поход на Псков, в котором участвуют «земли Литовская и Лятыскаа, чехи и волохи», а также татары Улуг-Мухаммеда. Суть происходящего разъясняют *псковские летописи*. Еще в 1410 г. псковичи заключили мир с немцами и с Витовтом одновременно, а через несколько лет мир был подтвержден. Витовт тоже неоднократно мирился с немцами, но эти замирения были весьма непрочными. В 1421 г. Витовт потребовал от псковичей, чтобы они отказались от мира с немцами и поддержали его непосредственными боевыми действиями. Псковичи отказались нарушить «крестное целование» с немцами. Это и явилось причиной негодования Витовта и постоянного желания наказать строптивых жителей русского города.

Псков всегда был теснее связан с Владимиро-Суздальской Русью и затем с Москвой, нежели Новгород. В том же 1421 г. псковичи просили у Василия Дмитриевича для себя князя, и по их просьбе к ним в следующем году прибыл Александр Федорович Ростовский. В 1423 г. псковичи просят московского князя, «чтобы своему тестю князю Витовту за пскович доброе слово послал, абы гнева не дръжал и вины отдал».

Но Василий Дмитриевич на просьбу псковичан не откликнулся: «И князь великий не учини на добро ничего же». Может быть, в связи с такой позицией московского князя и Александр Ростовский «выехал из Пскова и с челядью». Аналогичной была реакция московского князя и в следующем году, а также в 1425 г., незадолго до его кончины. *В сущности, Василий Дмитриевич отдавал Витовту Псков, как отдал Смоленск и некоторые другие земли, а в последние годы своего княжения, по существу, и Москву. Именно фактически безраздельное господство Витовта в Москве побуждало разные города и различные социальные слои поддерживать так или иначе Юрия Галицкого, а его имя все чаще увязывалось с воспоминаниями о Дмитрии Донском, одного имени которого в прошлом боялась ныне всеми помыкающая «литва».* И даже в летописях, сохраняющих ритуальное почтение к титулу «великого князя», появляются тексты, не согласующиеся с общей направленностью официозных летописных сводов. В этом плане показателен и упомянутый рассказ о походе

Витовта («поганого», «отступника христианския веры») на Псков в 1426 г. Первым на пути войска литовского князя стал городок Опочка, расположенный на псковско-литовском пограничье. Псковские летописи сообщают, что города Витовту взять не удалось. Жители отбивались «каменьем ово колодьем», «и множество их побиха». Простояв у Опочки «два дни и 2 нощи», «отъидоша, не учинивше граду ничто же; Бог бо святыи спас блюдыще град», Витовт двинулся далее вдоль реки к Вороначу. Характерно, что в московских летописях (Симеоновской, Московском своде конца XV в. и др.) дается совершенно иной рассказ.

Рассказ, конечно, фантастический, хотя какие-то реалии в нем есть, а в основе, возможно, лежит запись участника важной самой по себе победы над Витовтом. Набранное в разных странах войско подошло к Опочке. «Людие же в граде затворишеса, потаившеса, яко мнети пришедшим пугу его; и тако начыша татары скакати на мост на конех, а гражане учиниша мост на ужишах (т.е. на веревках. — А.К.), а под ним колья изострив побиха, и яко же бысть полн мост противных, и гражана порезаша ужиша. И мост падеся с ними на колые оно, и так изомроша вси, а иных многих татар и литвы живых поймавши. В град мчаша (далее — о жестокой расправе с пленными. — А.К.)... бе и самому Витовту видети то, и всем прочим с ним... Витовт же видево то и срама исполнися поиде прочь». Витовт идет к Вороначу, продвигаясь вдоль реки в сторону Пскова. Псковские летописи говорят об обстрелах города («пороки шибакху на град камене великое»). «Бе ворочаном притужно велми». Осажденные просят псковичей печаловаться от них Витовту: «не же челобитья не притья». Но происходит чудо: в ночь случилась страшная гроза, «Витовти в велицем страсти быв, и призва к собе ворончан, и оболстив их, взя с ними перемирье». К Пскову Витовт двинулся, уже обеспечив себе тыл.

Московские летописи начинают описания событий сразу с грозы, которая пугает только Витовта и его войско: «Яко и живота сушим с Витовтом отчаатися, а он сам за столп шатерный ухватився, начат вопити: «Господи помилуй», стоный, трясыйся, мня ся уже землю пожрен быти и в ад внити». Стихла буря, и теперь явился к нему упомянутый московский посол Лыков якобы от Василия Васильевича, упрекающего деда за разорение его отчины. Псковичи, согласно псковским летописям, готовясь к обороне, пожгли посадки. Витовт потребовал с них 3 тысячи рублей откупа, но в конце концов сошлись на одной тысяче. Некоторые промосковские летописи, опять-таки выдавая желаемое за действительность, сообщают, что псковичи и вовсе не отдали обещанного. Но в псковских летописях сказано даже о сро-

ке, когда эта тысяча должна была поступить в Вильно. Ранее, чем отвезти «серебро», псковичи снова обратились в Москву, на сей раз к Василию Васильевичу, дабы «послал своих бояр к деду своему князю Витовту, и вдарили бы челом за пскович». Но «бьяше ему тогда брань велика с князем Юрьем, стрьемь своим, о великом княжении». Тем не менее внук Витовта, а точнее стоявшее за ним боярство, на сей раз содействие пообещал. В Псков прибыло московское боярство, которое вместе с псковичами повезли «серебро» Витовту. Присутствие московских бояр в составе посольства ничего не дало. Литовский князь «поганый, немилостиво имеа сердце, серебро взя, а пленных на крепости посади», позднее их пришлось выкупать за дополнительное «серебро».

В 1428 г. Витовт двинулся на Новгород. Новгородцы обратились за помощью к псковичам: «И псковичи отрекоша: как вы нам не помогосте, так и мы вам не поможем». Обычный, очевидный порок времен раздробленности. И весьма значимое следующее сообщение псковской летописи: «А князь великий тогда Василий Васильевич к деду своему князю Витовту и крест поцелова, что ему не помогати по Новеороде, ни по Пскове». **Так Москва рушила с трудом завоеванное в XIV столетии право представлять всю Северо-Восточную Русь, по существу полностью капитулируя перед литовским князем.** Неудивительно, что в этой ситуации тверичи участвовали в осаде Порхова (новгородский «пригород» в верховьях Шелони), где развертывались основные боевые действия. Это вытекало из «докончания» 1427 г. тверского князя Бориса Александровича, фактически признавшего себя вассалом литовского князя. Новгородцы откупились огромными суммами (по разным сведениям от 10 до 15 тысяч рублей), что легко тяжелым бременем на все население принадлежавшего новгородцам Севера Руси и зависимых от них народов. *Но недовольство в данном случае закономерно обращалось вовнутрь, а не вовне, поскольку власть, терпящая поражения, уже не может быть уважаемой.*

Как и в эпизоде с обороной Опочки, московские летописи проявляют антилитовские настроения, вводя, может быть, и современные фольклорные сказания. Так, сообщается, что под Порхов Витовт пришел, имея «и пушки, и тюфяки, и пищали». А одну пушку, именем «Галка», возили посменно — до полдня и после — по сорок коней. Мастер этой пушки немец Николай похвалялся перед Витовтом, что может сокрушить каменные укрепления города и находящуюся в городе церковь Николы. И действительно, ядро пробило стену крепости и стены церкви,

пролетело на другую сторону города и там убило полоцкого воеводу и многих литовцев и их коней. Священник же церкви Николая, совершавший литургию, остался цел и невредим. Сам мастер-немчин был разметан, видимо, из-за разрыва пушки, так что ни тела, ни костей его не нашли. Все эти «патриотические» сказания поначалу, видимо, передавались изустно и лишь на каком-то этапе попали на страницы летописей. Пока же антилитовские силы находились в глухой обороне.

Как видно из упомянутого сообщения псковских летописей, после замирения в 1425 г. Юрий Галицкий пытался бороться за Москву еще в 1427 г. Но соотношение сил было явно не в его пользу, и в 1428 г. он заключает «докончание» с племянником, в котором отказывается от притязаний на «великое княжение», однако не отступая в остальном от завещания Дмитрия Донского.

Успехи Витовта в сокрушении Северо-Восточной Руси побудили императора Священной Римской империи Сигизмунда возвысить литовского князя до королевского уровня и через него продвинуть влияние католического Запада на всю Восточную Европу. На 1430 г. была намечена коронация Витовта. Сначала в Троки, а затем в Вильно съезжались приглашенные из разных стран и земель. Одним из первых в Троки прибыл митрополит Фотий, к которому князь литовский проявлял особое внимание. Естественно, прибыли и дочь Софья со внуком Василием Васильевичем, князь тверской Борис Александрович, «добившие челом» князья рязанский и пронский. Были также Ягайло, король чешский, курфюрст немецкий, кардинал от папы из Рима, магистры великий и ливонский, послы византийского императора, татарских ханов и множество других менее знатных владетелей.

Но королевские регалии не дошли до Вильно. Ягайло все время вел двойную игру, опираясь на некоторые статьи Городельской унии 1413 г., дававшей преимущества литовским феодалам, принимающим крещение по католическому обряду, перед русскими православными, но оставлявшей саму Литву и литовского князя на вторых ролях как зависимое от Польши образование. Регалии были задержаны в Польше и, конечно, по распоряжению самого Ягайла. Гости разъехались, получив дары, но так и не преклонив колени перед новым королем. Витовт оставил у себя одного Фотия, но спустя 11 дней был «с дарами» отпущен и Фотий, а еще через некоторое время Витовт неожиданно скончался. В источниках нет сведений, чем была вызвана его смерть и была ли она естественной. В Литве сразу же начинается смута. Показательно, что *почти единодушно литовские бояре избирают* (вопреки статьям Городельской унии, предполагающей инициативу польского

короля) *Свидригайло Ольгердовича* (ум. 1452 г.) — одного из главных недоброжелателей Витовта. В Литовском княжестве он пользовался поддержкой русских земель и православной церкви, а на Москве, куда он ранее отъезжал от Витовта, был теснее всего связан с Юрием Галицким, «побратимом» (свояком) которого являлся. Ягайло же, уступая польским панам, явно поддерживает *Сигизмунда Кейстутевича*, младшего брата Витовта. Литовское княжество распадается на части, причем южные ее пределы становятся добычей поляков, а земли собственно литовские (где закрепляется Сигизмунд) и русские фактически изолируются друг от друга.

Серьезные изменения происходят и в Москве. В июле 1431 г. скончался митрополит Фотий, и Юрий Дмитриевич разрывает соглашение 1428 г., предлагая перенести решение в Орду. Любопытная деталь показывает, как именно осуществлялся отказ от ранее заключенного соглашения. На обороте сохранившегося текста договорной грамоты 1428 г. имеется запись: «А сю грамоту князю великому прислал складную вместе князь Юрьи, к Орде идя». Сложенные вместе грамоты обычно и означали разрыв отношений.

Москва к Орде ближе, чем Галич Мерьский, и московский князь оказался там раньше Юрия Галицкого. Выступал от имени юного Василия Васильевича боярин *Иван Дмитриевич Всеволожский*. Московская делегация сразу связалась с Минь-Булатом — московской «дорогой» (от татарского «дарага» — чиновник в системе управления подвластными территориями). «Дороги», естественно, в первую очередь получали подарки от подопечного города и старались оказать ему те или иные услуги в Орде. В данном же случае цена была более чем высокой и было ради чего постараться. Минь-Булату противостоял «князь великий ординский» Тягиня из рода Ширинов. Титулами он, несомненно, превосходил «дорогу» Минь-Булата и похоже на первых порах имел перевес в спорах о том, кому отдать ярлык на великое княжение. Иначе трудно понять, зачем Тягиня увел своего подопечного Юрия «в Крым зимовати». А пока друзья там «зимовали», в Орде настроения изменились, чему в большой степени способствовал боярин Иван Дмитриевич Всеволожский.

Аргументы Юрия Галицкого очевидны: завешание Дмитрия Донского и давняя практика на Руси выявления «старейшего», запутавшая междукняжеские отношения еще в XI — XII вв. У Василия Васильевича тоже были основания ссылаться на «отчину и дедину», но Иван Всеволожский решил, что лучше «мертвой грамоте» противопоставить ханское жалование. Улуг-Мухаммед же (Махмет русских летописей) явно колебался, что и отразилось в

летописях, различно толковавших окончательное решение ордынского хана (новгородские и псковские летописи вообще считали вопрос нерешенным). Согласно *московским летописям*, на хана подействовал намек Ивана Всеволожского, что в Литве теперь сидит «побратим» Юрия Свидригайло и что в самой Орде Тягиня с их помощью может возвыситься над всеми остальными. Хана подобные «аргументы», очевидно, более всего убеждали, и он отдал предпочтение Василию Васильевичу (или же пересмотрел прежнее решение). Видимо, не без участия Тягини в Орде началась очередная «замятня», когда против Улуг-Мухаммеда выступил поддерживаемый Тягиной Кичик-Мухаммед. Хан пошел на уступки прежде всего Тягини, передал Юрию Галицкому Дмитров и отпустил князей на свои отчины, так и не решив вопроса о «великом княжении». Однако несколько месяцев спустя на Москву явился ханский посол Мансыр-Улан, который и привез Василию Васильевичу ярлык на великое княжение. Возможно, новое решение хана было неожиданным для Юрия Дмитриевича. Он успел уже обосноваться в Дмитрове, но теперь был вынужден покинуть его и уйти в Галич. В свою очередь московский князь «взя Дмитров за себя и наместников его сослал, а иных поимал».

1433 г. в московских летописях содержит целый ряд сюжетов, способных привлечь исторических романистов. В большинстве летописных сводов статья под 1433 г. открывается сообщением о бегстве боярина Ивана Дмитриевича Всеволожского от великого князя сначала в Углич, к Константину Дмитриевичу, некогда находившемуся в оппозиции к своему брату великому князю Василию Дмитриевичу, затем в Тверь, а позже в Галич. Из этих сведений не видно, что же было причиной размолвки князя и боярина, являвшегося первым советником Софьи Витовтовны и затем обеспечившего великокняжеский стол Василию Васильевичу. Л. В. Черепнин, стараясь объяснить столь неожиданный поворот, приводит интересные факты из биографии Ивана Всеволожского: он был связан с домом тысяцких Вельяминовых. Но эта связь объясняет как раз его близость к Софье, имевшей основания привечать недругов Дмитрия Донского, и в какой-то мере к Василию Дмитриевичу, но никак не к галицкому князю, постоянно напоминавшему об отцовском завещании. А простой ответ похож содержится в Никоновской летописи, к которой исследователи обращаются в последнюю очередь из-за большого количества сомнительных, труднопроверяемых известий: «Боярин великого князя Василия Васильевича Иван Дмитриевич, служивый ему со всем предложением и истинным сердцем во Орде, и великое княжение ему у царя взя, и восхоте за великого князя... дщерь свою дати; и о сем

слово ему бысть с великим князем. И якоже бывшим им на Москве, и не восхоте сего князь великий... и мати его София Витофтовна, но восхотеша дочь Ярославлю». Следовательно, конфликт произошел из-за того, что великий князь отказался взять в жены дочь боярина Ивана Всеволожского.

«Дочь Ярославля» — это *Мария Ярославна*, внучка Владимира Андреевича Серпуховского. Жених и невеста, таким образом, родственники в четвертом колене (христианство разрешает браки с третьей степени родства). Ярослав Владимирович в 1414 г. отъезжал в Литву, а в 1421 г., когда противостояние Витовта и Фотия сменилось благорасположением, вернулся в Москву. В 1426 г. он скончался и был похоронен в Архангельском соборе Кремля — московской княжеской усыпальнице. Выбор Софьей невесты для своего сына, очевидно, не был случайным.

Скандал, происшедший на свадьбе Василия Васильевича и Марии Ярославны, летописи описывают в одних и тех же выражениях, следуя ранее записанному тексту, почти сказочного содержания. На свадьбе, состоявшейся 8 февраля 1433 г., среди прочих гостей были и сыновья Юрия Дмитриевича — *Василий Юрьевич Косой* (ум. 1448 г.) и *Дмитрий Юрьевич Шемяка* (ок. 1408–1453). Наместник московского князя в Ростове Петр Константинович «познал» «на князе Васильи Юрьевиче пояс злат, на чепех, с камением, что был приданой князя великого Дмитрея Ивановича от князя Дмитрея Константиновича Суздальскаго». Далее следует ремарка, восходящая к источнику многих летописей: об этом вроде бы маловажном эпизоде приходится говорить потому, что из-за него случилось большое зло. И последующую часть они излагают вполне идентично. Рассказ же интересен именно своеобразными цепями взаимосвязей, переходящих от поколения к поколению.

Выше говорилось, что род тысяцких Вельяминовых был изначально враждебен Ивану Ивановичу и затем Дмитрию Донскому. И в этом рассказе в качестве негативной фигуры представлен тысяцкий Василий, сын Василия Вельяминовича. Василий Васильевич имел отношение к убийству в 1357 г. тысяцкого Алексея Петровича Хвоста, близкого Ивану Ивановичу, а затем бежал с другими заговорщиками в Рязань, но через некоторое время был возвращен великим князем после встречи с двумя заговорщиками в Орде. Сын последнего тысяцкого Иван Васильевич открыто боролся против московского князя и в Орде, и в Твери, и в Серпухове, и по приказу Дмитрия был убит в 1379 г. Но другой сын — Микула — погиб в следующем году на Куликовом поле, т. е. оставался на стороне московского князя. Согласно рассказу о свадьбе, именно ты-

сыцкий Василий подменил пояс: «Князю великому дал меньшей, а тот дал сыну своему Микуле, а за Микулою была того же князя Дмитрия Константиновича... дочь его большая Марья, и Микула тот пояс дал в приданое же Ивану Дмитриевичу; а Иван Дмитриевич дал его за своею дочерью князю Андрею Владимировичю, потом же, по смерти Андреев и по Ордынском приходе, Иван Дмитриевич княжну Андрееву дщерь, а свою внуку, обручал за князя Василья Юрьевича и тот пояс дал ему; и на свадьбе великого князя Василя Васильевича был на нем». В этой истории преступник лишь один – тысяцкий Василий Вельяминов, укравший княжеский пояс. Микула был сыном Дмитрия Донского, а Иван Дмитриевич Всеволожский – зятем Микулы. Андрей – сын Владимира Андреевича Серпуховского, князь Волоцкий и Ржевский, скончался в 1426 г. и был похоронен в Троицко-Сергиевом монастыре (монашеское имя Савва).

О каком «ордынском» приходе идет здесь речь – неясно. Набеги на Рязанские «украины» под такое определение явно не подходят, а большое вторжение, осада Галича и разорение областей Верхнего Поволжья в 1428 г. или 1429 г. (в летописях дата воспроизводится по разным стилям) осуществлялась не «ордынскими», а казанскими татарами. Об этом прямо сказано у Татищева, да и согласно летописным данным, московские воеводы преследовали их до Нижнего Новгорода. Значение же этой детали в том, что запись явно не московская, и *представляет возможность искать какую-то немосковскую летописную традицию.* (Кстати, недавно А.Г. Авдеев выделил фрагменты оригинального галицкого летописания середины XV в., носящего явную антимосковскую направленность.)

Таким образом, сын Юрия Галицкого Василий женился на дочери Андрея Владимировича и внучке Ивана Всеволожского незадолго до описываемых событий, и вместе с женой получил великокняжеский пояс Дмитрия Донского.

Согласно летописному рассказу, Софья публично сорвала пояс с Василя Юрьевича, нанеся таким образом оскорбление, которое никто и никогда не прощал. Был ли такой факт? С точки зрения права, духовная Дмитрия Донского дает преимущество Юрию Дмитриевичу, а не Василию Васильевичу. «Царское жалование» личного имущества обычно не касалось. Другое дело, что подобное оскорбление могло символизировать объявление войны.

Но в статье того же года в летописи указана и иная причина. Иван Дмитриевич Всеволожский сначала отправился в Углич к Константину Дмитриевичу. Из Углича он повернул – явно не по пути в Галич – на Тверь и лишь после этого, видимо, ничего не добившись у князей, не желавших определять свою позицию, направился в Галич. Все-таки он опасался своего визита к князю Юрию Галицкому,

против которого всего несколько месяцев назад интриговал в Орде. В летописях именно Иван Всеволожский подбивает Юрия Галицкого бороться за «великое княжение», и князь посылает за своими сыновьями, не зная, что произошло на свадьбе. В летописной статье явно соединены разные источники, по-разному объясняющие завязку многолетнего конфликта. Позднейший же летописец, соединяя их, не позаботился (к счастью для исследователей) о согласовании. Конечно, Юрию был нужен повод, а когда требуется повод, разные версии могут уживаться даже при их полной несовместимости. В данном случае версия о происках Ивана Дмитриевича может быть связана с оправданием виновников его последующей трагической судьбы, а версия о «поясе» – оправданием непродуманных действий сыновей Юрия Галицкого.

Вторичность и легендарность рассказа о «золотом поясе» проявляется и в том, что обозначенный «разоблачитель», ростовский наместник Петр Константинович, появится на Москве лишь после того, как войско, собранное Юрием, выступит в поход на Москву из Галича. Да и передать он в крайнем случае мог лишь придворную сплетню (Дмитрий женился почти за 70 лет до свадьбы Василия Васильевича). Тем не менее в легенде заложено немало информации как чисто источниковедческого, так и политического (и придворного) характера, а события 40–50-х и отчасти 70-х гг. XIV столетия без этого рассказа не могут быть вполне осмыслены.

Скандал на свадьбе, согласно летописям, стал поводом к началу войны между Юрием Дмитриевичем и Василием Васильевичем. Москву Юрий Дмитриевич занял довольно легко. Московский князь и его советники не были готовы к отражению собранного галицким князем войска, мирные предложения их были отвергнуты, а москвичи и их воеводы не проявляли энтузиазма в обеспечении защиты своего князя. «От москвич не бысть никоея же помощи, — отметил летописец, — мнози бо от них пиани бяху, а и з собою мед везяху, что пити еше». Василий Васильевич вместе с матерью и молодой супругой Марьей спешно бежит в Тверь, а затем на Кострому. В марте 1433 г. Юрий «сел на великом княжении», а затем направил своих сыновей и сам отправился к Костроме, где и пленил племянника. «Он же со слезами доби челом дяде своему», а гарантом искренности и верности племянника выступил любимец галицкого князя — боярин Семен Морозов. Юрий отнесся к племяннику по-родственному, но Иван Дмитриевич Всеволожский и другие были раздосадованы таким поворотом дела. И все же Семен Морозов уговорил князя Юрия заключить мир с племянником и дать ему удел в Коломне. «Князь Юрьи же

Дмитриевич сотвори пир на братанича своего ... и даде ему дары многи и отпусти его на удел на Коломну, и всех бояр его с ним», — сообщает летопись. А на Коломне сразу же стали собираться все недовольные произошедшими переменами.

Для феодальной системы характерны иерархии сословий, земель, городов. В любом княжестве столица и ее жители имели больше прав, нежели «пригороды» — города как бы второй категории. Московское боярство и дворянство к этому времени уже возвышалось над остальными как привилегированное сословие. Появление в Москве многочисленных выходцев из небольших городов Поволжья задевало привычные чувства московских служилых людей, и они теперь ради возвращения неоправданного, но укоренившегося самосознания готовы были на время забыть и про свои беды. Именно этим объясняется, что Коломна стала центром притяжения для многих москвичей. В то же время многие из тех, кто поддержали Юрия, были разочарованы: Москву заняли, но практически ничего от этого не получили. Юрий бросил даже собственные дети — Василий и Дмитрий Шемяка, возмущенные его мягкотелостью. Убив ненавистного им Семена Морозова, они бежали в Кострому. Ощувив себя всеми покинутым, Юрий, так и не доказавший ни себе, ни другим, что способен быть «великим князем», предложил Василию Васильевичу вернуться на великое княжение, сам отправился в Звенигород, а затем в Галич.

Вернувшись в Москву, Василий немедленно потребовал от Юрия «детей своих к собе не приимати и помочи им не давати». Схваченного Ивана Дмитриевича Всеволожского он приказал ослепить, тем самым предопределив и свою судьбу. На братьев Юрьевичей была направлена рать во главе с князем Юрием Патрикеевичем, но московское войско потерпело сокрушительное поражение, а сам воевода попал в плен. Обвинив Юрия Галицкого в помощи сыновьям (а с ними были «вятчане и галичане»), московский князь направил войско теперь уже против Галича. Юрий бежал к Белоозеру, Галич был сожжен московским войском, «а люди в плен поведе и много зла сотвори земле той». Юрий отреагировал достаточно быстро, собрал большое войско, привлек и третьего сына — Дмитрия Красного и одержал над московским князем и его воеводой Иваном Можайским убедительную победу. Московский князь бежал в Нижний Новгород, а Иван Можайский в Тверь. Уговорив его отстать от Василия Васильевича, Юрий вместе с ним вступил в 1434 г. в Москву. Но на великом княжении он пробыл совсем недолго. Когда уже казалось, что вопрос окончательно решен, и Василий Васильевич, всеми оставленный, не смог сбежать в Орду, блокированный отрядами сыновей Юрия, пришла весть, что Юрий скончался, а на великом княжении сел его старший сын — *Василий Косой*. Он сам на-

правил братьям уведомление о смерти отца и о своем вокняжении. Но два Дмитрия не приняли своего брата: «Аще не восхоте Бог, да княжит отец наш, а тебе и сами не хотим». Они направляют посольство к Василию Васильевичу, приглашая его занять Москву и активно помогая ему в этом. В итоге Василий Юрьевич уходит в Дмитров и затем в Кострому. Он продолжает бороться за великокняжеский стол, но теперь уже не в союзе с братьями, а против них. В 1436 г. Дмитрий Шемяка явился в Москву, чтобы пригласить великого князя Василия Васильевича на свою свадьбу, но был схвачен и, закованный в железа, отправлен в Коломну. Теперь двор Дмитрия Шемяки переходит на сторону старшего Юрьевича, но меньшей — Дмитрий Красный остается с московским князем. С литовской помощью Василий Васильевич одерживает решающую победу над своим тезкой и продолжает счет жестоким казням, занесенным в свое время из Византии, но не применявшимся в княжеских усобицах с XIV в. — Василия Косого ослепили и бросили в темницу. Несмотря на сохранявшиеся противоречия, на некоторое время вопрос о власти в Москве был закрыт.

§3. РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ В УСЛОВИЯХ ФЕОДАЛЬНОЙ УСОБИЦЫ

Усобица князей имела поначалу одно примечательное следствие: обе стороны не спешили утвердить какого-нибудь кандидата на место умершего в 1431 г. митрополита Фотия. Видимо, сказывались и опасения за возможную позицию будущего митрополита, и необходимость отправлять крупные суммы в Константинополь, поскольку эти суммы были крайне необходимы и самим обеим противоборствующим сторонам. Пока же в Москве раздумывали, Константинополь в качестве митрополита киевского и всея Руси утвердил представленного Свидригайло кандидата — *смоленского епископа Герасима*. Это имя значится в перечнях митрополитов, предваряющих текст Новгородской Первой летописи (оно в них последнее, чем датируется время составления этой летописи). В 1434 г. на утверждение в Смоленск ездил новгородский архиепископ Евфимий. Василий Васильевич в это время также находился в Новгороде, но о его реакции на признание Новгородом правомерности ставленника Свидригайло никаких сведений нет.

Согласно Житию митрополита Ионы, сохранившемуся в разных редакциях, Москва выдвигала в качестве своего кандидата

рязанского епископа Иону. Какая сторона была при этом инициатором — не уточняется. К марту 1433 г. относится послание Ионы в Нижегородский Печерский Вознесенский монастырь, где он называет себя «епископом, нареченным в святейшую митрополию Русскую». Согласно Житию, в Константинополь Иона был направлен лишь «в шестое лето» после смерти Фотия, т. е. в 1436 или 1437 г. И связано это было с тем, что смоленский соперник московского кандидата был устранен самим Свидригайло: Герасим был сожжен «за измену» — способ расправы с неугодными, характерный для средневекового католичества. Очевидно, что до 1436 г. Иону потому и не направляли в Константинополь, что патриарх уже утвердил митрополитом Герасима, а пойти по следам Витовта, утвердившего Григория Цамблака вопреки Константинополю, видимо, не решались ни светские, ни церковные иерархи, хотя, судя по летописным комментариям к избранию Цамблака, проблема эта активно обсуждалась. Сказывалась, вероятно, и неуверенность противоборствующих сторон в феодальной войне: кому будет помогать Иона в качестве митрополита? На этот вопрос не могут однозначно ответить и историки, поскольку вообще неясно, по чьей инициативе Иона выдвигался преемником Фотия. Версия позднейших житий, увязывающих его с Фотием, конечно, надуманна, и питалась она желанием придать больше «законности» избранию Ионы на митрополичью кафедру впоследствии.

«Нареченным митрополитом» Иона стал, будучи епископом, в годы «великого княжения» Василия Васильевича. Церковные иерархи обычно поддерживали того из князей, кто наследовал отцу. Исключения были и в стародавние времена, и не только в «демократических» Новгороде и Пскове. В то же время и указания на «апостольские правила», разрешавшие избрание митрополита на совете-соборе епископов, убеждали далеко не всех епископов, и не только радевших о Византийском императорском столе и патриаршей кафедре владык-греков. Избранного в конечном счете митрополитом Иону не хотел, например, признавать наставник Иосифа Волоцкого — Пафнутий Боровский. Поэтому независимо оттого, что думал Иона и кому он симпатизировал, выйти за пределы преобладающих настроений и традиций он не мог.

В литературе обращали внимание на какую-то, не отраженную в житиях, изначальную близость Ионы к Дмитрию Шемяке. Между тем такая близость совершенно естественна. Иона был родом из-под Галича, в Галицкой же земле в возрасте 12 лет постригся в монастырь. Можно отметить и то, что в упомянутой грамоте Иона не ищет для себя титула *митрополита «Киевского и всея Руси»*, т. е. он, видимо, изначальное связывается с теми кругами, которые

ратуют за обособление Русской Церкви и от Литвы, и от Константинополя. Но в ком персонифицируются эти силы — сказать затруднительно. Василий Васильевич после мученической смерти Герасима решает направить Иону на поставление в Константинополь. Однако в Константинополе вопрос был решен без совета с московским и литовскими князьями: в 1436 г. на Русь поставили сторонника церковной унии — *Исидора* (ум. 1463 г.).

С начала XV в. в Европе довольно широко развернулось «соборное движение». Цели при этом ставились разные. В одних случаях предполагалось ограничить самовластие римских пап, к этому времени основательно скомпрометировавших сам институт папства. В других — речь шла о воссоединении разных ветвей христианства на той или иной основе. Византия благодаря правлению исихастов доживала последние дни: турки командовали уже самими правителями империи, а надежда на помощь католического Запада предполагала те или иные идеологические уступки. Именно поэтому в 30-е гг. XV в. исихасты, управлявшие константинопольским патриархатом, были готовы к заключению унии с римско-католической церковью.

Вопрос об унии поднимался, как отмечено выше, на некоторых заседаниях собора в Констанце, продолжавшемся пятнадцать лет (1404 — 1418). Еще дольше длился Базельский собор (1431 — 1449), на заседаниях которого обсуждали вопросы реформации церкви и пытались найти компромисс, в том числе и с гуситами. Особое внимание уделялось вопросу создания наднационального христианского органа, который можно было бы возвысить над папами. Преемник папы Климента V Евгений IV сумел расколоть оппозицию, перетянув на свою сторону императора Сигизмунда III. Противники реформаторов собрались на параллельный собор сначала в *Ферраре*, а затем во *Флоренции* (1437 — 1439). Авторитет собора возрос благодаря тому, что на нем удалось склонить к унии византийскую церковь. Оставшиеся в Базеле объявили Евгения IV низложенным, но после десяти лет бесплодных дискуссий разбежались по домам, по существу ничего так и не решив.

Греки на *Ферраро-Флорентийском соборе*, естественно, спорили, сопротивлялись, а патриарх Иосиф вообще отказывался отступать от восточной ортодоксии. Но он и не дожид до подписания унии: было много разговоров о его насильственной смерти. В итоге же спорные вопросы были решены в пользу Рима и была заключена уния (Флорентийская уния): признавалась необходимость дополнения Символа веры понятием «филиокве» (исхождение Святого Духа не только от Отца, но и от Сына), уравнивались в правах опресноки и кислый хлеб в обряде причастия, а главное — признавался

приоритет римских пап над константинопольскими патриархами. Рим же в это время интересовали не столько быстро таявшие остатки некогда могучей империи, сколько обширные просторы набравшей силы Руси, хотя еще и находившейся под игом Орды и раздираемой внутренними противоречиями. И Русь на соборе представлял грек или отуреченный болгарин Исидор.

До поставления на Русь Исидор был игуменом монастыря святого Дмитрия в Константинополе. Упоминается он также в числе греческих делегатов под 1433 г. на Базельском конгрессе. На Русь он прибыл «во вторник светлыа недели по Велице дни» (2 апреля 1437 г.). Никоновская летопись отмечает его достоинства: «многим языком сказатель и книжен». «И прият его князь велики Василей Васильевич честне, и молебная певше в святей соборней церкви пречистыа Богородици, и сотвори нань пирование велие князь велики Василей Васильевичь, и дары светлыми и многими одари его». Видимо, князь не очень сожалел о том, что прирожденного русского Константинополь не утвердил (если сожалел вообще). Но очень скоро пришло разочарование: митрополит оказался в Москве лишь проездом на «восьмой» собор в Ферраре и Флоренции, на котором предстояло воссоединить Рим и Константинополь.

Митрополит ссылался на мнение патриарха Иосифа и императора Калюяна Мануиловича, убеждавших в необходимости такого собора. (Иосиф, как было сказано, как раз не соглашался с позицией Рима.) Великий князь достаточно твердо напоминал, что «при наших прародителех и родителех соединения закона не бывало с Римляны, и яз не хошу, понеже неприахом мы от Грек в соединении закона быти с ними». При всех внутренних разногласиях подобные настроения на Руси явно господствовали, а униатская пропаганда в Литве лишь укрепила отрицательное отношение к ней в Северо-Восточной Руси. Но митрополит похоже и не стремился в чем-то убеждать князя: вопрос о проведении собора был решен, и уже в начале сентября 1437 г. он в сопровождении большой свиты отправился к назначенному пункту через Тверь, Новгород и Псков и далее на Ригу и Любек.

Поездку на собор описал один из спутников суздальского епископа Авраамия — это сохранившееся в более чем десятке списков и, как обычно, нескольких редакциях «*Хождение на Флорентийский собор*». «Хождение» рисует примерно тот же путь в Рим, которым по летописному преданию шел некогда апостол Андрей. До Любека, который, кстати, помещался в «Русской земле», шел путь морем и берегом, а далее по территории Германии. Выбор русских городов явно был не случаен. Это города, так или иначе при-

знававшие перед этим верховенство митрополита Герасима. Тверь и Новгород оставались оппонентами Москвы, а Псков Исидор по пути отделил от Новгородского архиепископства и установил с ним непосредственные отношения.

На Ферраро-Флорентийском соборе Исидор был весьма активен, удостоился звания кардинала и папского легата. В 1439 г. он подписал решение собора о заключении церковной унии. На Русь Исидор вернулся лишь в 1441 г. с настроением победителя. Но при всей его «книжности» и видимой осведомленности о политических разногласиях на Руси, главного он не учитывал. Служба в Московском Успенском соборе, где он вместо патриарха поминал первым папу римского Евгения, латинский крест, который несли перед ним, и решение Флорентийского собора, зачитанное после литургии, — *все это на Руси воспринималось как сатанинское покушение на святая святых*. В марте 1441 г. Исидор княжеским распоряжением был «пойман» и заключен в Чудовом монастыре, где ему пришлось провести все лето. Осенью Исидор бежал, прихватив с собой учеников Григория и Афанасия. Не исключено, что бегство было согласовано с князем, во всяком случае князь распорядился не задерживать его и не возвращать. Беглец достиг Рима, был свидетелем падения Константинополя, умер в 1463 г. в звании титулярного константинопольского патриарха и старейшего кардинала.

А на Руси само бегство Исидора явилось достаточным основанием для лишения его сана митрополита, более того, Исидор был объявлен еретиком. **И теперь, после вступления константинопольского патриархата в церковную унию открывался путь к провозглашению полной самостоятельности русской митрополии.**

Но Москве снова было как бы не до того. Очередной переворот в Орде привел к тому, что Улуг-Мухаммед сначала расположился в верховьях Оки у литовского порубежья, откуда совершал набеги на русские земли, в том числе в 1439 г. на Москву, а затем занял Нижний Новгород и оттуда разорял прилегающие территории, захватив, в частности, Муром. В 1445 г. Улуг-Мухаммед бросил большие силы на русские земли. Василий Васильевич с войском вышел навстречу. Близ суздальского Спасо-Евфимиева монастыря 7 июля произошло решающее сражение. Московское войско потерпело поражение, а сам великий князь попал в плен. За освобождение из плена князь Улуг-Мухаммед потребовал немислимый выкуп — 200 тысяч рублей. По Новгородским I и IV летописям, этот выкуп московский князь уплатил. Но такой суммы было не набрать по всем московским уделам. Видимо, речь могла идти лишь о изначальном требовании победителя от пленника. Вскоре, получив ложную информацию, будто Дмитрий Шемяка убил ханского посла и

опасаясь соединения сил московского и галицкого князей, Улуг-Мухаммед отпустил Василия Васильевича под условием «дати ему с себя окуп, сколько может». Согласно Псковской Третьей летописи, «князь великой выиде на окуп... посулив на собе от злата и сребра и от портища всякого, и от коней, и от доспехов по 30 тысящ». Но и эту сумму князь собрать просто технически не смог бы.

Поражение московской рати и пленение великого князя заставляли москвичей ожидать самого худшего. В Москву устремились беглецы, рассеявшиеся после поражения, а также жители московских предместий. И на всех собравшихся в Москве обрушилась еще одна беда: в ночь на 14 июля вспыхнул пожар, и город сгорел, так что «ни единому деревеси на граде остатися». В пожаре погибло, согласно Псковской летописи, 2700 человек, сгорело и практически все имущество собравшихся из разных городов людей. Естественно, что люди видели в несчастье Божью кару. Тем большей карой представлялось обрушившееся на Москву осенью землетрясение. И на этой волне в **феврале 1446 г.** Дмитрий Шемяка легко овладел Москвой. Василий Васильевич бежал в Троице-Сергиеву обитель, где его и захватил союзник Шемяки Иван Андреевич Можайский. Василий соглашался немедленно постричься в монахи, но у Дмитрия Шемяки были иные намерения. Согласно ряду летописей, Иван Можайский успокаивал великого князя, объясняя вооруженную акцию необходимостью заставить сопровождавших князя татар уменьшить размер «окупа». Самого князя сопроводили в Москву и «посадиша на дворе Шемякине». По сведениям Татищева, у Василия искали «грамоты» — обязательства по выплатам окупа. Нашли обязательство выплатить Улуг-Мухаммеду 5 тысяч рублей и ежегодной дани по два рубля «со 100 голов».

По Новгородской IV летописи, своеобразный суд Василию Васильевичу учинили Дмитрий Шемяка, Борис Александрович Тверской и Иван Андреевич Можайский — они приняли решение ослепить своего противника, после чего Василий Васильевич и получил свое прозвание *Темный*. И «ослепиша его про сию вину: чему еси татар привел на Рускую землю, и города дал еси им и волости подавал еси въ кормление? А татар любишь и речь их паче меры, а крестьян томишь паче меры без милости, а злато и серебро и имение даешь татаром; а и за тот гнев, ослепил бе брата Дмитриева Юрьевича князя Василия». Симеоновская летопись (видимо, задним числом оправдывая тверского князя, который вскоре перейдет на сторону ослепленного Василия) приписывает Дмитрию Шемяке навет, будто цена «окупа» — передача московского престола ордынскому хану: Василий «к царю целовал, что царю сиде-

ти на Москве и на всех градах русских, и на наших отчинах, а сам хочет сести на Твери». Получается, что Борис Александрович был обманут слухом, подобранным где-то Шемякой. В конце 1446 г. тверской князь сам пригласит Василия Темного, чтобы договориться о союзе, который будет скреплен помолвкой шестилетнего сына великого князя Ивана Васильевича с дочкой Бориса Александровича Марией. А еще через шесть лет (4 июня 1452 г.) будет оформлен и брак.

Ослепленный Василий вместе с женой был отправлен «в заточение» в Углич. Детям его, Ивану и Юрию, удалось скрыться в Муроме, поближе к Улуг-Мухаммеду. Оправдать свержение Василия Васильевича было легко: правителем он был (как верно заметил Л.В. Черепнин) явно неспособным, и изложенные Новгородской летописью претензии к нему были оправданы. Но так уж повелось во все века, а в те времена особенно: победители сами немедленно приступают к грабежам, и эйфория по поводу улучшения положения быстро проходит.

Антилитовское острие переворота, устроенного Дмитрием Шемякой, очевидно, сознавалось. Многие князья и бояре отъехали в Литву, где их охотно принимал великий князь литовский Казимир. Видимо, в рамках этой же тенденции, Шемяка попытался привлечь на свою сторону и церковь. И обратился он прежде всего к Ионе, о предшествующей деятельности которого московские летописи почему-то ничего не сообщают. Иона сразу же приглашен был жить на митрополичьем дворе, т. е. фактически получал права исполнять обязанности митрополита. И от этого приглашения кандидат в митрополиты не уклонился, хотя ясно было, что ему придется со своей стороны оказывать поддержку новому московскому правителю, в том числе в самых деликатных вопросах. И вскоре Шемяка действительно обратился к Ионе с просьбой-поручением.

Ионе поручалась миссия явно не из приятных: он должен был привезти сыновей Василия из Мурома. Но следует учитывать и то, что Иона формально оставался рязанским епископом, а Муром входил в состав Рязанской епархии. Шемяка же, естественно, стремился ликвидировать вероятный очаг оппозиции и противодействия, обещая Ионе, что княжичам будут даны уделы. Но вместо уделов их отправили в тот же Углич. Впрочем, соединение детей с родителями, хотя бы и находящимися под надзором и лишенными права свободного передвижения, — это все же не наказание. Поэтому в разных редакциях Жития Ионы их авторы излишне беспокоятся за авторитет святителя, согласившегося исполнить сомнительную миссию.

И в Муроме, и в Угличе княжичей сопровождали бояре и «обслуживающий персонал». В итоге это уже само по себе делало Углич местом достаточно взрывоопасным. Вскоре в Углич прибыла большая группа князей и бояр, составившая заговор с целью освобождения Василия Васильевича из угличского плена. Попытка эта не дала результата, и заговорщики, а также некоторые из их единомышленников бежали в Литву. Внук Владимира Андреевича Храброго, князь боровско-серпуховской Василий Ярославич, получивший ранее от Казимира в удел Гомель, Стародуб, Мстиславль, поначалу также Брянск (позднее переданный Семену Ивановичу Оболенскому) и иные территории, становится центром притяжения для беглецов из Северо-Восточной Руси.

Осенью 1446 г. Шемяка собрал нечто вроде собора епископов, архимандритов и игуменов. Именно на этом соборе он проводил кандидатуру Ионы в качестве «исполняющего обязанности» митрополита. Но получить безусловную поддержку церкви ему не удалось — иерархи высказались за освобождение Василия Васильевича. Шемяка «укрепи великого князя крестными грамотами» и дал ему «в вотчину» Вологду. В честь освобождения князя Шемяка устроил грандиозный пир, на котором были, в частности, «все епископы земли Русския, и бояре мнози и дети боярские».

Это было началом конца правления Дмитрия Шемяки. Именно теперь тверской князь приглашает московского князя для обсуждения условий союза, направленного против Шемяки. Вокруг Василия Темного объединяются все разочарованные, а бежавшие в Литву после вестей, пришедших из Твери, возвращаются теперь во главе отрядов. В декабре 1446 г. Москва была захвачена приверженцами Василия, а в феврале 1447 г. в нее въехал и сам московский князь. 1447 год проходит в сложных и неискренних переговорах, пока церковь, занявшая теперь сторону московского князя, не предъявила Шемяке фактический ультиматум, требуя признания прав Василия Васильевича на великое княжение. При этом Шемяку обвиняли в том же, в чем он ранее, вполне обоснованно, обвинял Василия — в наведении татар. Еще несколько лет Шемяка пытается организовать северные районы Руси против Василия II Темного, но ему чаще всего приходится «бегать», пока в 1453 г. его не настигла в Новгороде приготовленная в Москве отравка.

Как и обычно, все беды спишут на побежденного, а победителя Василия увенчают лаврами, которых он явно не заслуживал: *это был один из самых слабых и бесполезных для Руси великих князей, равно далеко отстоящий и от своего великого деда, и от своего великого же сына Ивана*. Л.В. Черепнин, отмечая слабость Василия II как

правителя, попытался объяснить причины неудачи его соперника Дмитрия Шемяки. Но в духе времени внимание его сосредоточивалось лишь на социально-экономических факторах, которые, конечно же, сказывались: люди очень скоро забывают, кто в действительности повинен в их трудном материальном положении. Показательно, что даже церковные иерархи обвиняли Шемяку в том, что он не остановил татарские грабежи, хотя *татар на Русь навел московский князь и именно татарские «царевичи» были его главными (и, естественно, разбойными) союзниками в охоте за Шемякой. А решающим фактором как раз и было то, что на стороне Василия были Литва и Орда.* Отказ Шемяки платить дань в Орду — факт сам по себе примечательный — был явно несвоевременным, хотя ему, может быть, и нечего было дать: во все времена с разрушением управленческих структур налоги не собирались. Обычно отмечается и то, что Шемяка не имел «позитивной программы». Но таковой никто не имел в это время — шла беспринципная борьба за власть, борьба, так или иначе опирающаяся на настроения отдельных земель и социальных слоев. А выигрывают обычно — и не только на Руси — те, кто ради личной власти готов на любое преступление. Победителей же, как известно (и тоже всюду), не судят. Тем не менее в ходе борьбы обязательно корректируются позиции противоборствующих сторон.

Все 30-е гг. XV в. Василий и его окружение не решались «открепиться» от Константинополя, хотя греки-митрополиты служили прежде всего Византии и затем Литве (видимо, потому и не решались). Шемяка взял на себя важную инициативу (жертвой которой в итоге и оказался): *он созвал русских иерархов для решения государственных вопросов и для избрания митрополита, вернее, утверждения того, кто был изначально намечен в качестве преемника Фотия. Вернувшись в Москву, Василий Васильевич продолжил эту политику. В декабре 1448 г. на соборе епископов Иона был утвержден русским митрополитом.* В этом случае реальное положение было подтверждено всего шестью епископами: Ефрем Ростовский, Варлаам Коломенский, Питирим Пермский, Авраамий Суздальский присутствовали при посвящении, а архиепископ новгородский Евфимий и епископ тверской (не названный по имени в летописной информации) прислали свои грамоты о согласии. **С этого момента все русские митрополиты будут ставиться на Руси епископами русских епархий, а Русская Церковь открывает новую страницу в своей истории — становится автокефальной.** Сам же Иона, получив подтверждение сана от епископов, рельефно обозначил свою позицию, начав с канонизации первого в Московской Руси русского митрополита — Алексия.

В 1453 г. ситуация принципиально изменилась. Как было сказано, ушел из жизни Дмитрий Шемяка, скончалась Софья Витовтовна и, главное, произошло событие мирового значения — *пала Византийская империя, столица которой Константинополь был захвачен турками*. Теперь митрополит Иона получает возможность заметно влиять на формирование политики Руси в изменившихся условиях. И это влияние скажется в следующих поколениях.

Впрочем, и во второй половине XV в. новое положение Русской Церкви, а также личность Ионы принимали далеко не все. Иона умер в 1461 г., и в последующей письменной традиции кто-то его осуждал, а кто-то не слишком удачно оправдывал, выискивая какие-нибудь следы византийского благословения. В одном случае — это «предсказание Фотия», в другом — обещание патриарха, что Иона будет утвержден митрополитом после Исидора. Именно сложность обстановки и запутанность отношений в феодальных верхах, а не особенности характера русского митрополита послужили причиной разноречий вокруг его биографии и деятельности и у современников, и у историков. *Но в целом фигура митрополита Ионы постепенно стала восприниматься как поистине историческая*. В 1472 г. были обретыены мощи Ионы и, следовательно, был поставлен вопрос о канонизации. Обычно почитание начинается как местное, а затем выходит на более широкий уровень. Уже в 1531 г. в укорах Максиму Греку митрополит Даниил называет Иону «чудотворцем» наряду с митрополитами Петром и Алексием и Сергием Радонежским. А полная канонизация Ионы, как принято считать, была осуществлена на соборе 1547 г.

Литература

- Барбашев А.* Витовт в последние двадцать лет княжения (1410 — 1430). СПб., 1892.
- Барсов Т.* Константинопольский патриарх и его власть над русской церковью. СПб., 1878.
- Барсуков И.* Источники русской агиографии. СПб., 1882.
- Белякова Е.В.* К истории учреждения автокефалии русской церкви // Россия на путях централизации. М., 1964.
- Борисов Н.С.* Русская церковь в политической борьбе XIV — XV вв. М., 1986.
- Будовниц И.У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв. М., 1966.
- Голубинский Е.Е.* История Русской церкви. Т. II. Ч. 1. СПб., 1900.

- Голубинский Е.Е.* История канонизации святых в русской церкви. М., 1903.
- Зимин А.А.* Витязь на распутье. М., 1991.
- Казакова Н.А.* Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор» // ТОДРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1970.
- Коялович М.* Литовская церковная уния. СПб., 1859.
- Лурье Я.С.* Вопрос о великокняжеском титуле в начале феодальной войны XV в. // Россия на путях централизации. М., 1982.
- Лурье Я.С.* Иона // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988.
- Лурье Я.С.* Исидор // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988.
- Пирлинг П.* Россия и папский престол. Кн. 1. М., 1912.
- Пичета В.И.* Белоруссия и Литва в XIV – XVI вв. Вильнюс, 1961.

ГЛАВА XIV

Объединение княжеств Северо-Восточной Руси вокруг Москвы (вторая половина XV — начало XVI в.)

§ 1. ОБЪЕДИНЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ ВОКРУГ МОСКВЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.

«Феодалная война» второй четверти XV в. существенно опустошила Русь. Победители в тех или иных сражениях угоняли массы людей из вотчин соперников в полон, грабили, продавали. Естественно, особенно отличались в этом «союзники» Василия Темного — татары Улуг-Мухаммед и его сын Махмутек. Но и великий князь своими расправами, в том числе с недавними союзниками, приводил в ужас свидетелей-москвичей: «Множество же народа видяще сиа, от боляр и от купець великих, и от священников, и от простых людей, во мнозе быша ужасе и удивлении», — пишет московский летописец. «Яко николи же таковая ни слышаша, ниже видеша в русских князех бываемо... Недостойно быше православному великому господарю, по всей подсолнечной сущю, и такими казньми казнити и кровь проливати во святыи Великий пост».

Гражданские войны всюду отличались особой жестокостью, а борьба за власть и собственность вносила в них еще и крайнюю беспринципность. Борис Александрович Тверской, участвовавший в осуждении и наказании Василия Васильевича в 1446 г., предал Дмитрия Шемяку, но и со сватом — московским князем — дружба не слишком ладилась. А удивившие летописцев и простых москвичей казни в 1462 г. (незадолго до кончины князя) были обрушены на сторонников брата жены — Василия Ярославича, последовательно выступавшего ранее против Шемяки и в 1456 г. заточенного Василием Темным в Угличе.

Оба Василия проводили политику, противоположную той, которой следовали митрополит Алексей и Дмитрий Донской, в то время как *сторонники Юрия Галицкого и его не слишком серьезных сыновей, следовали все-таки завещанию Дмитрия Донского, ясно обозначавшего стратегических врагов Руси: Орду и Литву, а подспудно и Константинополь*. Правда, и в Литве после Витовта, и в Орде продолжались глубокие распри, что облегчало положение Руси.

В 30-е гг. XV в. Золотая Орда окончательно распалась. *Большая Орда (Волжская Орда, Улуг Улус)* – ханство, которое контролировало степи Северного Причерноморья и Нижнего Поволжья. Столица – Новый Сарай (располагался между современными Астраханью и Волгоградом). Ханы Большой Орды считали себя преемниками золотоордынских ханов, поэтому требовали от Руси уплаты дани и признания своей верховной власти. В Большой Орде Улуг-Мухаммеду противостоял один из сыновей Тохтамыша Саид Ахмед, впрочем, совершивший в 40 – 50-е гг. несколько набегов на литовские и русские земли.

Еще одно татарское ханство, которое возникло в результате распада Золотой Орды – *Крымское*, образовавшееся в Крыму и Северном Причерноморье в 1443 г. при хане *Девлет-Хаджи-Гирее*, ставшего родоначальником династии Гиреев. Центром Крымского ханства стал г. Солхат (Старый Крым). Новое государство находилось на пересечении важнейших торговых путей, ему принадлежали порты Черного и Азовского морей. Важной статьей экспорта Крымского ханства были невольники, в большом числе приводившиеся татарами из набегов на русские, украинские и польские земли.

В условиях распада Орды и противоборства многочисленных конкурентов, естественно, некоторые искали помощи и на Руси. Улуг-Мухаммед был убит собственными сыновьями, и власть в улусе захватил *Махмутек*. Преследуемые Махмутеком его братья – тоже сыновья Улуг-Мухаммеда – *Касим* (старший) и *Якуб* – пришли на Русь, на службу к Василию Темному. С именем Касима связано начало *«Касимовского царства»*, просуществовавшего до времени Петра I в качестве вассала московских князей и царей. *Городец Мещерский*, переданный Василием Темным Касиму в конце 40-х или начале 50-х гг. XV в., будет позднее назван *«Касимовым»*.

В Среднем Поволжье в 1445 г. возникло еще одно татарское государство – *Казанское ханство*. Первым казанским ханом стал Махмутек, сын Улуг-Мухаммеда. Столицей ханства был город *Казань*. Населяли его казанские татары, которые в большинстве своем являлись потомками волжских булгар. Под властью казанских ханов находились многие народы Поволжья: чувашаи, удмурты, марийцы, часть мордвы и башкир. С момента образования Казанского ханства оно находилось в состоянии конфронтации с Московским государством.

События 1453 г. повели на практике к определенной реабилитации основных стратегических установок, выработанных еще митрополитом Алексием и Дмитрием Донским. При этом важнейшее для всего христианского мира событие — падение Константинополя, последнего бастиона некогда могучей Византийской империи — московские летописцы отметили одной строкой. Для них явно важнее было полученное из Новгорода уведомление о внезапной кончине Дмитрия Шемяки («даша ему лютаго зелия и испусти нужно душу» — сообщает Устюжский летописный свод; Ермолинская летопись называет и участников отравления — великокняжеского дьяка Степана Бородатого и повара Шемяки Поганку). Разные летописи отмечают, указывая точную дату, кончину Софьи Витовтовны (15 июня 1453 г.), игравшей первостепенную роль во внешнеполитической ориентации и супруга, и сына.

Эти три события повлияли на изменение настроений в окружении Василия Темного. Падение Константинополя оправдывало утверждение русского митрополита соборным решением. Устранение главного соперника Дмитрия Шемяки открывало возможности привлечения почитателей выдающихся московских патриотов Алексия и Дмитрия. Кончина Софьи облегчала переход к более взвешенным отношениям и с литовскими князьями, и ориентированным на Литву Казанским ханством. В рамках этой коррекции можно рассматривать и акции против Ивана Андреевича Можайского в 1454-м и против брата собственной супруги Василия Ярославича, всегда настроенного пролитовски, в 1454—1456 гг.

Сын Василия Темного и наследник Иван Васильевич, воспитывался в обычном духе, но в необычной атмосфере кровавых распрей в кругу ближайших родственников. С двенадцати лет он начал участвовать в политической и военной деятельности своего отца. И в походе на Новгород в 1456 г. княжич уже был не простым наблюдателем.

Новгородцы, согласно рассказу московского летописца, сражались неумело и, имея значительное численное превосходство над одним московским отрядом, потерпели поражение. В итоге на вече было решено просить мира и направить с этим архиепископа. Василий Темный взял с новгородцев «за свою истому» десять тысяч рублей, обязал «им быти у него в послушании, а его лиходеи изменников у себе не держати». В докончальной грамоте о Яжелбицком мире Иван Васильевич титулован «великим князем всея Руси», т. е. признавался соправителем отца. Рождение в 1458 г. у молодого соправителя сына Ивана как бы завершало превращение отрока в полноценного мужа.

Таким образом, *хотя победа над Дмитрием Шемякой была одержана в значительной мере благодаря поддержке Орды и Литвы, объективные интересы княжества требовали изменения политики в отношении своекорыстных союзников.* Не исключено, что на осознание московским князем необходимости такого поворота повлияла и позиция наследника. Борьба с Ордой и Литвой станут основным содержанием внешней политики Ивана Васильевича, и женитьба на дочери тверского князя не повлияет на отношение к самой Твери как форпосту литовского влияния на подступах к Москве. Рязанский князь Иван Федорович, в 1430 г. присягнувший Витовту, в 1456 г. перед кончиной передавал восьмилетнего сына Василия вместе с княжеством под покровительство Василия Темного. Видимо, такое решение рязанского князя не вызывало восторга у рязанских бояр. В 1464 г. молодой Иван III возвратит юного Василия Ивановича на Рязань, поженив его со своей сестрой Анной. Но Рязань, открытая для татарских набегов и с юга, и с востока, никуда уйти, по существу, не могла.

Гораздо сложнее обстояло дело с *Новгородом*. Яжелбицкое dokonчание существенно ограничивало права вече и выборных должностных лиц Новгорода, а ссылки на «старину» уже не действовали. В той или иной мере страдали интересы самых разных социальных слоев новгородцев и неудивительно, что вскоре после заключения соглашения новгородцы устанавливают контакты с Казимиром IV и на какое-то время был принят на новгородские «пригороды» ставленник «польского короля и великого князя Литовского» Юрий Семенович. Правда, пробыл он здесь недолго и отъехал назад, не дожидаясь прямой конфронтации с Москвой.

В 1460 г., когда Василий Темный с детьми Юрием и Андреем навесит Новгород, собравшиеся у Софийского собора «вечники» даже намеревались «великого князя убить и съ его детьми». Кровавую развязку предотвратил новгородский архиепископ Иона. И князю удалось в 1461 г. собрать с новгородцев «черный бор», угроза которого и толкала новгородцев на крайние меры.

Кончина Василия Темного в марте 1462 г. на какое-то время оттянула прямое военное столкновение сторон. Но и после вокняжения *Ивана III Васильевича* (1440 – 1505) и та и другая стороны сознавали его неотвратимость и готовились к нему: Новгород искал помощи на Западе, а Москва укрепляла позиции на Верхней Волге – по основным путям новгородских торговых караванов. И здесь узловым центром являлся город *Ярославль*, центр Ярославского княжества. Вокняжение наследников на княжеских столах обычно сопровождалось подтверждением или какими-то изменениями в прежних договорных грамотах. Очевидно, какие-то

изменения вносились и в недошедшие до нас грамоты, определявшие взаимоотношения Москвы и Ярославля. Развернувшиеся в Ярославле события датированы 1463 г. и потому этим годом обычно датировали и сам факт присоединения Ярославского княжества к Москве. Но, как показали Л.В. Черепнин и Ю.Г. Алексеев, этим годом обозначалось лишь начало сложного противостояния, затянувшегося на несколько лет. Противостояние это характерно для всего Средневековья, поскольку связано с канонизацией новых местных святых, обычно предполагающей укрепление сепаратистского настроения той или иной земли.

Москве, естественно, приходилось считаться с подобными местническими настроениями. Так, в 1456 г. от епископа Мисаила находившегося под литовской властью Смоленска, последовала просьба вернуть икону Пресвятой Богородицы. По совету митрополита Ионы икона была возвращена после торжественной литургии в присутствии смоленской делегации во главе с епископом Мисаилом. Посланцам Смоленска вручили также ряд икон с богатыми окладами. Так митрополия укрепляла связи с православным населением русского города.

Еще один пример – признание Москвой культа новгородского святого *Варлаама Хутынского*. После трудных переговоров Василия Темного в Новгороде в 1461 г. в Московском Кремле была заложена церковь в честь Варлаама Хутынского, в связи с чем появилось и литературное произведение «*Сказание об умершем отроке*», в котором проводилась идея идеологического единства Руси. Как отметил Ю.Г. Алексеев, «выходец из Рязани (речь идет о постельничем Василия Темного рязанце Григории. – А.К.) служит великому князю Московскому, почитает новгородского святого и сам великий князь способствует установлению культа этого святого в Москве».

Та же проблема встала и во взаимоотношениях с Ярославлем. Но здесь признание претендентов на канонизацию затянулось на несколько лет (1463 – 1471 гг.), встречая противодействие и со стороны высшего духовенства. Канонизация предусматривала причисление к лику святых *Федора Ростиславича Черного, князя Ярославского и Смоленского, и его сыновей Давида и Константина*. По справедливому замечанию Ю.Г. Алексеева, эти князья «ничем не были примечательны и не дали ни малейшего повода для своей канонизации». Но канонизируемые князья были предками ярославского князя Александра Федоровича, поэтому для Ярославля факт святости предков князя был очень важен. Большинство летописей кратко отмечают лишь самый факт подготовки канонизации в явно позднейшем изложении. Рассказ же о самом ходе

сомнительной акции приведен в Софийской Второй и некоторых других немосковских летописях. Между тем был достигнут какой-то компромисс между Ярославем и Москвой: Москва признает или не возражает против канонизации новых «чудотворцев», оставляет в Ярославле и князя Александра Федоровича, но, видимо, с ограниченными правами, а уже после его кончины в 1471 г. Ярославль входит в состав единого государства как владение великого князя Московского.

В середине 60-х гг. от митрополичьей кафедры отказался преемник Ионы *митрополит Феодосий*. В московских летописях не объясняется причина его ухода от дел. Но в Софийской Второй летописи представлена развернутая характеристика ушедшему митрополиту, которая подается именно как объяснение. Эта характеристика примечательна сама по себе как отражение положения в это время в структурах церкви в целом, а потому она заслуживает особого внимания. «А Феодосий того ради оставил, — поясняет летопись, — занеже восхоте попов и дьяконов нужею навести на Божий путь: нача их на всяку неделю зывать и учить по святых правилом, и вдовцом и диаконом и попом повеле стричися, а иже у кого наложницы будут, тех мучити без милости, и священство съимая с них и продаваше (т. е. штрафуя. — А.К.) их; а церковей много наставлено, а попы не хотяше делати рукоделия (имеется в виду обязательный труд в общежитийных монастырях. — А.К.), но всякой в попы, тем ся и кормяху и последовашу плотским похотем, зане бо не Богу служити изволиша, но лготу телу своему. И востужиша людие, многы бо церкви без попов, и начаша его проклинати; он же слышав се разболеся того ради, и здрав бысть и сниде в келию к Михайлову Чюду в монастырь, и прия разслабленного старца в келию, и нача служити ему и омывати струпы его». Новым митрополитом совет епископов избрал *Филиппа*.

В 1467 г. внезапно скончалась молодая супруга Ивана Васильевича. Московские летописи сообщают об этом крайне лаконично: скончалась и была погребена в церкви Вознесения. Более обстоятельна запись в проростовской Типографской летописи, а Софийская Вторая летопись прямо указывает, что княгиня была отравлена. Видимо, так же считал и находившийся в Коломне великий князь. Он «восполеся... на Олексееву жену Полуектова Наталью», а также на самого весьма чтимого дьяка, и тот «шесть лет не был у него на очех, едва пожалова его».

В 1469 г. начинаются переговоры о женитьбе овдовевшего великого князя на проживавшей в Риме племяннице последнего византийского императора Константина IX, дочери деспота Морейс-

кого — *Зои Палеолог* (1443 или 1449—1503). Морейский деспотат — это Пелопонес, отвоеванная Византией в XIII — XIV вв. у латинян часть Греции и завоеванная в 1460 г. турками. В Риме реальная турецкая угроза побуждала искать союзников на Востоке. Согласно Московскому летописному своду, именно Рим был инициатором переговоров о браке: «Февраля 11 прииде из Рима от гардинала Висариона грек Юрьи с листом». В листе сообщалось о наличии в Риме подходящей невесты «именем Софья, православная христианка». На самом деле Зоя демонстрировала в Риме верность если и не ортодоксальному католицизму, то принятой Константинополем унии. Во всяком случае никому из женихов Зоя не отказывала из-за их «латинства».

В «листе», под пером позднейшего летописца, называвшего ее Софьей, каковой она в Риме не была (в Софийской Второй летописи она названа Зинаидой), значение невесты поднималось тем, что «присылалися к ней король Франчюжскы и князь великы Меделяньскы (т. е. Миланский. — А. К.), но она не хочет в Латынство». В действительности ни тот, ни другой к знатной, но бедной сироте никогда ни сватались. И три реальных сватовства оказались безрезультатными не по вине невесты. Далее летопись сообщает, что «тогда приидоша и фрязи, Карло именем, Ивану Фрязину московскому денежнику брат болшей, да братанич, старейшего их брата сын Антон». Прибывший в Москву ранее в качестве мастера «денежного» дела Иван Фрязин (Джъян Баттиста делла Вольпе), видимо, принимал активное участие в этой деликатной дипломатической сделке. Князь посоветовался с митрополитом Филиппом, матерью и боярами и уже 20 марта направил Ивана Фрязина «к папе Павлу и к тому гардиналу Висариону и царевну видети». *Папа Павел II и сменивший его Сикст IV проявили большую заинтересованность в намечавшемся браке, рассчитывая на Зою и преданное ей латинское окружение как на опору распространения католического влияния на Руси.* Вольпе (Иван Фрязин) был принят папой и по возвращению в Москву, согласно Софийской Второй летописи, «царевну на иконе написану принесе». В январе 1472 г. Вольпе был отправлен за невестой в Рим. Папа Сикст IV торжественно встретил русских послов, и 1 июля была произведена помолвка Зои с московским женихом, от имени которого выступали послы. 24 июля Зоя покинула Рим. Кортёж невесты состоял, помимо русского посольства, из греков и итальянцев. С ней ехали ее брат Дмитрий Ралев Палеолог, Юрий Траханиот и искатели счастья и удачи греки и итальянцы. Интересы Рима представлял папский легат Бонумбре — перед ним ставилась задача всемерно содействовать объединению церковей.

Путь занимал несколько месяцев. После 11 дней морского пути караван прибыл из Любека в Колывань (Ревель). Путь на Москву предполагался не через Новгород, а через Псков. Псков был предупрежден о прибытии царевны, и описание первых шагов по русской земле заморской царевны наиболее обстоятельно дано в псковских летописях. Царевну торжественно встретили у Узменья, где в свое время произошло Ледовое побоище. Псковичи на шести насадах «великих» и множестве ладей пересекли озеро (Узменье — узкая его горловина) и «вышедше из насад, изналивавши кубци и роги злещеныя с медом и с вином, и пришедше к ней челом удариша. И она же приемши от них в честь и в любовь велику».

Царевна сразу пожелала ехать далее к Пскову, «дабы от Немець отъехать». После двух дней дороги царевна «порты царския надевши, и поеха ко Пскову». Уже на пути в церкви Богородицы царевна участвовала в молебне как истинно православная. Псковичей беспокоило то, что бывший с ней легат Бонумбре «...не по чину нашему облочен бе весь червьленным платьем, имея на себе куколь червлен же, на главе обвит глухо, яко же каптур (теплый головной убор. — А.К.) литовской». «Рук его никому же видети, и в той благословляет, да тако же и крест пред ним и распятыя осязаему, яко же всем человеком видети вылитое носить пред ним, на высокое древо восткнуто горе; не имея же поклоне-ния к святым иконам, и креста на себе рукою не перекрестяся, и в дому святей Троицы толко знаменая к Пречистей, и то повелению царевне».

Для Бонумбре, очевидно, было неожиданным столь резкое изменение в поведении Зои, ставшей после венчания в Москве 12 ноября Софьей. Ему пришлось отказаться от демонстрации католических обрядов, и он уклонился от диспута, который готовили митрополит Филипп и «книжник» Никита Попович. Проведя 11 недель в Москве, он зондировал почву для создания если и не религиозного, то политического союза. Но у Москвы были в это время более актуальные задачи, и дело ограничилось ни к чему не обязывающими общими декларациями.

Связи с Римом продолжались и после отъезда Бонумбре. Источники зафиксировали *пять посольств* из Москвы в Италию (в основном в Милан и Венецию), целью которых был сбор информации и найм разного рода специалистов — градостроителей, оружейников, мастеров-серебряников. Видимо, под влиянием интереса к Риму, пробудившемуся в связи с полемикой вокруг Флорентийского собора, в Никоновской летописи появятся сведения о давних римских посольствах, заимствованные, возможно, из какой-то папской буллы.

Софья впоследствии примет участие в общественно-политической борьбе на Руси и будет оценена весьма неоднозначно. Но пока ей надо было входить в придворный круг, а у великого князя оставалось еще много нерешенных или не до конца решенных дел. По-прежнему важное место занимала татарская проблема, прежде всего отношения с Большой Ордой, где воцарился весьма энергичный хан *Ахмед* (ум. 1481 г.). В этих отношениях Москва стремилась использовать противоречия между Большой Ордой, Казанью и Крымом. А в самой Руси надо было завершить включение в состав единого государства княжений Верхнего Поволжья и Новгородской земли.

В 1468 г. состоялся большой поход на Казань хана Касима с русскими воеводами. Но он закончился неудачей: войско не сумело переправиться через Волгу. В 1469 г. был более удачный поход, возглавляемый уже собственно русскими воеводами, причем новостью явилась «судовая рать», которая и обеспечила относительно легкую переправу через Волгу. В походе участвовали устюжане, за что получили «по денге золотом», а также «700 четвертей муки, да 300 пудов масла, да 300 луков, да 6000 стрел, да 300 шуб бараньих,... да 300 сермяг». Перечень любопытен сам по себе, в качестве некой «нормы» оплаты союзников и наемников.

Крупнейшим событием на пути объединения земель Северо-Восточной Руси был поход Московского войска на Новгород в 1471 г. В борьбе против Москвы Новгород всегда стремился опереться на помощь литовских князей. Сын Ягайло, король польский и великий князь литовский *Казимир* после Торуньского мирного договора 1466 г. с Тевтонским орденом, по которому Польша получала выход к морю, а Орден признавал себя польским вассалом, заметно активизировал политику в отношении Северо-Запада Руси и прежде всего Новгорода.

В 1470 г. скончался новгородский архиепископ Иона, который удерживал новгородцев от опрометчивых выступлений против Москвы. На вече, по обычаю выбиравшего архиепископа, произошел – тоже по обычаю – раскол, и часть бояр во главе с *Дмитрием Исааковичем* и его матерью *Марфой Борецкой* обратились за помощью к Казимиру. Казимир направил в Новгород князя киевского Михаила Олельковича (Александровича). В Софийской Первой летописи воспроизводится повесть «*Словеса избранны*» о событиях 1470–1471 гг. По «Повести», далеко не молодая Марфа Борецкая «по слову» Михаила Олельковича согласилась выйти замуж за «королевского литовского пана», «а мыслячи привести его к себе в Великий Новъград да с ним хотячи владети от короля всею Новгородскою землею». Приписывается ей и намерение поставить

новгородскую церковь под юрисдикцию литовского митрополита, последователя Исидора, Григория. В Новгороде сторонников такой ориентации возглавил «лукавый чернец Пимин».

Поход на Новгород теперь был неотвратим. В Новгород были посланы «грамоты розметные за их неисpravление», а в Тверь и Псков направлены уведомления, с предложением присоединиться к походу. Не оправдались ожидания части новгородских бояр на помощь со стороны Казимира, у которого назревали проблемы в отношениях с Венгрией. В конце мая 1471 г. Иван III отправил рать на Двинскую землю, 6 июня московские воеводы Данила Дмитриевич Холмский и Федор Давыдович Стародубский, а с ними братья князя Юрий и Борис были с большим войском отправлены к Русе (обычно князья присоединялись к походам из своих вотчин), 13 июня воевода Василий Иванович Оболенский Стрига «со многими вои» и с татарами Даньяра Касимовича были направлены к Волочку и реке Мсте. А 20 июня и сам великий князь с Даньяром и многими другими князьями также выступил в поход. В Торжке к нему присоединился тверской отряд.

Войско шло к Новгороду разными дорогами, и основное сражение развернулось **14 июля 1471 г. на реке Шелоне**. Несмотря на большой численный перевес (по летописи, — не исключено, что цифры и преувеличены, — новгородцы имели 40 тысяч, а московский отряд лишь 5 тысяч), новгородцы потерпели сокрушительное поражение. Городское ополчение было больше приспособлено к защите с городских стен, а не к маневренным сражениям в чистом поле. К тому же новгородцы явно не испытывали энтузиазма, защищая то, во что сами не верили.

18 июля великого князя весть о победе застала в Яжелбицах, где собрались и его братья. Здесь же он встретил посланников псковичей, которые «со всей землей своею вышли на его службу». Затем двор перебрался в Русу, где князь распорядился казнить посадников «за их измену и за отступление», «а мелких людей велел отпущати к Новгороду». Победу одержала и рать, посланная на Двину, а новгородские земли были пожжены вплоть до моря.

У устья Шелони Ивану III бил челом вновь избранный архиепископ Феофил «с посадниками и с тысяцкими и с житьими людьми со всех конец». Согласно ритуалу, просители сначала били челом боярам, воеводам и братьям великого князя, дабы те выступили в роли ходатаев и «печаловались» бы за новгородцев. В итоге великого князя за новгородцев просили уже его бояре и князья. Князь принимает теперь «к себе на очи» новгородскую депутацию, и «князь велики показа к ним милость свою и прият челобитье их, утоли гнев свой, и в той час повеле предстати (перестать. — А.К.)

жечи и пленити и полон, которой тут есть, отпустить, а который отсла и отведен, и тех отдати».

Так формировалось мировоззрение эпохи завершения объединения Руси: высшая справедливость и милость — прерогатива великого князя. В пользу великого князя с новгородцев было взыскано 16 тысяч новгородских рублей, и помимо того они должны были «отблагодарить» братьев и воевод князя и подписать «докончание» с псковичами на их условиях. 1 сентября нового сентябрьского года Иван III вернулся в Москву, где за 7 верст от города его встретили пешие москвичи, а у самого города — митрополит Филипп «со кресты... со всем освященным собором».

Убедительная и довольно легкая победа над новгородцами сняла и проблемы, связанные с *Ярославским и Ростовским княжениями.* Ростовское княжество и ранее в большой мере принадлежало московским князьям. В 1474 г. княжество полностью перешло под юрисдикцию московских наместников. Под власть московских наместников перешли и принадлежавшие ранее Новгороду земли европейского Северо-Востока (Пермская земля и смежные с ней). *Московское государство, как и некогда Киевское, превратилось в многонациональное.* При этом если в Ливонии покоренные племена становились крепостными, то на Руси крепостничество на север вообще не пойдет, и все входившие в состав России народы получают возможность следовать своим обычаям и традициям, в том числе и религиозным.

Победа 1471 г. и изменившиеся государственно-идеологические представления вызвали к жизни акцию, напоминавшую подобную, предпринятую при Ярославе Мудром в 30-е гг. XI в.: *сооружение в Москве нового кафедрального собора, которому предстояло воплотить идею могущества Москвы.* Старый Успенский собор давно держался на подпорках, и даже ходить мимо него было небезопасно. «Хотением и многим желанием» митрополита Филиппа, при «благоволении и повелении» великого князя было решено построить на его месте новый. Митрополит «зело духом горяше и желанием одрѣжим» в качестве образца хотел взять построенный Андреем Боголюбским Успенский собор во Владимире. Перед строителями была поставлена задача создать храм «мерой» этого собора, но в несколько увеличенном размере. Строители были посланы во Владимир для изучения бывшего кафедрального собора Руси и «удивишася зело красоте здания еа и величъству и высоте еа». В 1472 г. после разборки старого собора в присутствии Освященного собора и великокняжеской семьи состоялось торжественное освящение основания нового храма, и сам митрополит «своима рукама» распланировал основание и символически начал

строительство. Когда основание поднялось в человеческий рост, в «новозаложенную» церковь перенесли мощи прежних митрополитов. Относительно перенесения мощей признанного святого митрополита Петра Филипп пожелал посоветоваться с князем, но тот решение вопроса отдал на усмотрение Филиппа и Освященного собора.

В литературе различно оценивается обозначенное летописями неодинаковое отношение митрополита и князя к деталям проводимой акции перезахоронения, напомилавшей чем-то подобные перезахоронения в Ярославле. Разумеется, и церковь, и светская власть были заинтересованы в укреплении влияния Москвы как церковного и великокняжеского центра. Но неизбежно вставал и вопрос об их взаимоотношении. И за канонизацией того или иного светского или церковного деятеля обычно следовало и оправдание проводимой ими в свое время политики. Петр был давно канонизирован, и святость его сомнений не вызывала. Но в данном случае встал вопрос также о канонизации *Феогноста, Киприана и Ионы*, реальная политика которых вызывала серьезные разногласия как у современников, так и у потомков. *Именно в оценке кандидатов в «новые чудотворцы» разошлись позиции князя и митрополита, да и у летописцев проявлялись определенные разногласия.*

В изложении Московского свода, «вземже преже раку Киприана митрополита и поставиша ея в киоте в стене на десней стране, по сем же взяша раку с мощьми Фотеа митрополита и поставиша ея с Киприаном в едином киоте. По сем же пришед ко гробу преосвященнаго митрополита Ионы, и егда сняша с него дъску, и в той час изыде благоухание много по всему храму, яко всем бывшим ту слышите его, а ризы и амофории всех сих триех святитель не истлеша по толицих летех преставления их, и тако все тогда православное христиан множество бывшее видевше многи слезы излиша о преславном видении».

Уже в этом тексте есть определенные противоречия. Так, «благоухание» сопровождает лишь захоронения Петра и Ионы. Поклонникам митрополитов Петра и Алексия, а также восстановившего автокефалию Русской Церкви Ионы трудно было принять их антиподов — Феогноста и Киприана.

Но последовал большой пожар в Москве в 1473 г., в котором пострадала резиденция митрополита Филиппа. Великий князь застал его плачущим в храме и, решив, что митрополит жалеет о собственных утратах, пообещал отстроить ему хоромы. Однако митрополит попросился отпустить его в монастырь, где скоро скончался. Собор епископов избрал новым митрополитом коломенского епископа *Геронтия*, с которым у великого князя впоследствии тоже бу-

дет немало расхождений. А в 1474 г. недостроенный храм развалился, засыпав и гробницы кандидатов в новые святые. Естественно, что это воспринималось как наказание за грехи, и искали их в том числе и в воплощении идеи создания нового храма. Феогност так и не будет канонизирован, не все примут и антагониста Дмитрия Донского — Киприана. А в летописях по именам будут называть митрополитов Петра, Алексия и Иону, покрывая остальных собирательным «и другие».

За новым строителем пришлось отправлять посольство в Италию. В 1475 г. *Аристотелем Фрязином (Фиораванти)* на новом месте будет заложен стоящий и доныне *Успенский собор*. Собор будет сооружаться до 1479 г., а Аристотель проявит себя еще и как прекрасный пушкарь, умевший и лить пушки, и метко стрелять из них.

§ 2. ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ПРИСОЕДИНЕНИЕ НОВГОРОДА К МОСКВЕ

Успехи 1471 г., создание довольно надежного заслона от набегов казанских татар выносили на первый план *главный вопрос: освобождение от татарского ига, т. е. от номинального подчинения Большой Орде*. Сам князь Иван Васильевич в Орде не бывал ни разу, дань туда поступала от случая к случаю и в урезанном виде. Летом 1471 г. ушкуйники-вятчане во главе с Костей Юрьевым совершили дерзкий набег на Орду и захватили саму столицу Сарай. По Устюжскому летописному своду, было захвачено «полону бесчисленно множество и княгинь сарайских». Московский свод дает более обстоятельную информацию о происшедшем (хотя не упоминает имени вожака и не говорит о плененных княгинях). Здесь сказано о «многом товаре», захваченном налетчиками, и объясняется, почему Сарай так легко был захвачен. Мужская часть населения кочевала на расстоянии дневного перехода от города, а услышав о случившемся, татары создали мощный заслон из судов на Волге («всю Волгу заступила суда своими»). Ушкуйники, однако, «пробишася сквозе их и уидоша со всем, а под Казанью тако же хотеша переняти их, и тамо проидоша мимо тех со всем в землю свою».

Из этой информации следует, что между *Сараем* и *Казанью* в это время поддерживались какие-то отношения, а *Москва*, очевидно, была осведомлена о смелом замысле вятчан. Во всяком случае, видимо, так считал ордынский хан Ахмед. В 1472 г. он, рассчитывая на помощь короля Казимира, решил осуществить большой поход на Русь. Иван III, узнав о движении татарских

войск, как обычно, выехал в Коломну, чтобы не допустить переправу татарских отрядов через Оку. Но татарские рати двинулись ближе к литовским владениям на неукрепленный Алексин, где стоял лишь незначительный воинский заслон. Город был сожжен вместе с его жителями. Однако этот заслон задержал татарское войско до прихода подкреплений, и в конечном счете ордынское войско с большими потерями откатилось на юг, неся значительный урон также от какой-то вспыхнувшей там эпидемии. Казимир, занятый противостоянием с Венгрией, не смог оказать помощи традиционному союзнику, да, видимо, после успехов московских воевод у самых рубежей Литвы, и опасался за последствия.

Реакцией на успехи Москвы явилось *дальнейшее углубление раскола в самих татарских ханствах*. В зиму 1474 г. «приехал служити великому князю Муртоза, сын Казанского царя Мустофы». Царевич получил от великого князя «городок новой на Оце со многими волостями». А затем прибыл посол от Крымского хана Менгли Гирея «именем Азибаба, а прислал к великому князю с любовью и братством». В свою очередь Иван III «с ним же вместе отпустил своего посла ко царю Менли (так в летописи. — А.К.) Гирею Микиту Беклемишева, такоже с любовью и братством». Летописные сообщения за 1474 г. вообще заполнены сведениями о различных посольствах в Москву и из Москвы, причем они обычно точно датированы. Так, «месяца иуля 7 пришел из Орды Микифор Басенков с послом царевым Ахмутом Болшиа орды с Кара Кучуком, а с ним множество татар пословых было 6 сот, коих кормили, а гостей с коньми и со иным товаром было 3 тысячи и двесте, а коней продажных было с ними боле 40 тысяч, и иного товару много». Содержание монголо-татарских «посольств», как отмечалось выше, всегда ложилось тяжелым бременем на покоренные народы. В данном случае примечательно обилие «гостей», т. е. торговцев, часто продававших в другом месте награбленные товары.

Посольство было отпущено в Орду 19 июля, и с ним отправился в Орду московский посол Дмитрий Лазарев, а также посол венецианский «Иван Тривизан», попавший в Москве в темницу за какие-то «попутные» (похоже торговые) дела. Москву уговорили дать послу возможность проехать к хану Ахмеду, дабы предложить ему выступить против турецкого султана. По просьбе венецианцев, посол был выпущен «из нятья», и князь «подмогши его всем отпустил к царю Ахмату... съ своим послом о их деле».

Посольства из Москвы в данном случае имели задачей препятствовать союзу Ахмеда с Казимиром, не допустить их совместного выступления против Москвы, причем в середине 70-х гг. бо-

лее опасным представлялся именно Казимир. Польский король не мог примириться с утратой влияния на Северо-Западе Руси, а у Москвы вставала задача возвращения попавших под власть Литвы и Польши русских земель. Поэтому и в «докончание» с Менгли-Гиреем не было включено имя главного врага крымского хана – Ахмеда. Но в 1475 г. сам Менгли-Гирей попал в Мангупе в плен к вторгшимся на побережье Крыма туркам, и на какое-то время связи Москвы и Крыма были прерваны. С того же 1475 г. Менгли-Гирей, освобожденный из заключения по распоряжению воеводы султана Мухаммеда, признал себя вассалом Турции, с чем хан Ахмад также не хотел мириться.

Осень 1475 г. и зиму 1476 г. Иван III провел в Новгороде. Летописец подробно описывает встречи с боярами, посадниками, старостами, тысяцкими, архиепископом; пиры и приемы, сопровождавшиеся подарками с той и другой стороны, бесчисленные разбирательства взаимных жалоб в княжеской резиденции на Городище. Князь старался не отступать от статей «грамоты», уступал просьбам архиепископа и посадников. Но в одном вопросе он оказался непреклонным: были взяты под стражу бояре, которые выступали «за короля», т. е. ожидали помощи от Казимира. Трое были заточены в Коломне и трое в Муроме. Архиепископ и большая депутация от Новгорода «били челом» о заключенных великому князю и после его возвращения в Москву. Но князь остался непреклонен.

Полугодовое пребывание в Новгороде не разрешило всех противоречий. Они вскоре вновь обозначились на поверхности. Под 1477 г. в Московском своде сообщается о новгородском посольстве якобы от архиепископа Феофила и «всего Великого Новгорода» с просьбой называть Ивана III и его сына Ивана «государями», а не «господинами», как было до сих пор. Но отправленным в Новгород московским послом было сказано, что «с тем есмь не посылавали»: «И назвали то лжею». В Новгороде было созвано вече, на котором убили предполагаемого организатора посольства Василия Никифорова, а затем на владычном дворе убили и ходившего в качестве посланника вечевого дьяка Захария Овина, а также его брата. Снова звучали призывы идти «за короля», о чем московские посланники и доложили князю.

На сей раз сборы были недолги. В октябре 1477 г. многочисленные отряды разными путями двинулись на Новгород. Навстречу устремились желающие перейти на службу к московскому князю или же запасться «опасом» – охранной грамотой. Титул «государь» звучал теперь во многих обращениях. Псковичи направили грамоту «Господину государю великому князю Ивану Василье-

вичу царю всеа Руси. Они били челом к своему «государю», сетуя о внезапной беде: весь Псков выгорел в пожаре. Об «опасе» просили и послы от новгородского владыки: «А назвали великого князя государем: чтобы еси, *государь*, пожаловал опас дал владыце и послом новгородцкым приехати к себе бити челом и отъехати доброволно». К «*господину государю князю великому*» обратился и архиепископ Феофил с просьбой об освобождении ранее уведенных на Москву бояр. В ответе же князя напоминалось, что на этих бояр были жалобы от многих новгородцев и что именно от них исходило наибольшее зло самим новгородцам.

К концу 1477 г. войска московского князя и его вассалов занимали все важные центры и пути в Новгородской земле, и о военном противостоянии Новгорода многократно превосходящим силам не могло быть и речи. Но и Иван III не стремился разрубить узел противоречий военным ударом, не без оснований полагая, что *угроза удара* в данном случае эффективней выигранного сражения. И дело не только в том, что Новгород исторически был вотчиной великих князей, — это признавалось и новгородскими властями. Требовалось время и видимость «нейтралитета» московских воевод до тех пор, когда внутренние новгородские противоречия станут неразрешимыми без обращения к авторитетной внешней силе.

Переговоры с представителями Новгорода длились несколько недель и перемежались пирами-приемами. Новгород производил замены в своей делегации, расширяя круг представителей, а великий князь отправлял своих бояр «на говорку», где они выслушивали предложения новгородцев, а затем передавали ответы князя. С самого начала новгородская делегация настаивала на освобождении арестованных в 1476 г. бояр и ограничивалась признанием Ивана III «государем» при сохранении структуры внутреннего управления, как это было в отношениях Москвы со Псковом. Отказывались новгородские делегаты и принимать участие в каких-либо военных акциях Москвы за границами собственно новгородских земель.

Естественно, московского князя предложения новгородской стороны не устраивали, и он тянул время, не давая окончательного ответа. Продолжение переговоров обычно следовало через несколько дней. Московская сторона, уходя от обсуждения предложений новгородцев, напоминала об их прежних «неисправлениях», а также о жалобах на боярское правление. Постоянно напоминали о посольстве «Назара да Захара», в организации которого новгородцы пытались обвинить Москву. А тем временем московские рати располагались в непосредственной близости от Новгорода.

7 декабря 1477 г. та же делегация была пополнена пятью «черными» (простыми, незнатными, податными) людьми «от пяти концов». Согласно «регламенту», новгородские посланцы просят разрешения князя поговорить с московскими боярами, а затем излагают примерно те же пожелания. При этом посольство соглашалось отдать под юрисдикцию наместников разные города Новгородской земли, но оставляло за собой сам Новгород. Посадник Яков Федоров просил, чтобы князь «вывода не учинил из Новгородские земли», чтобы «не вступался» в боярские вотчины и земли, и не вызывал новгородцев в Москву. И «все били челом», дабы новгородцев не вызывали на службу в «Низовскую землю». Посадник Фефилат внес некоторые изменения в пожелание посадника Луки Федорова, чтобы «государь князь великы... на всяк год имал со всех волостей Новгородских дань съ сохи по полу-гривне новгородской», т. е. по норме, установленной Ордой. Это больше, чем предложение, сделанное двумя неделями раньше, но пока Москва не освободилась от ордынской дани, это серебро должно было пройти мимо Москвы.

На сей раз Иван III ясно определил свои требования, передав их через занятых на переговорах бояр: **«Хотим государства на своей отчине Великом Новгороде такова, как нашо государство в Низовской земли на Москве, и вы нынеча сами указываете мне, а чинити урок нашему государству быти, ино то, которое государство мое»**, т. е. князь прямо бросает упрек делегации Новгорода в попытках указывать «государю», как ему «государствовать».

Новгородская делегация оправдывалась тем, что новгородцы не знают, как «держиться государство» в «Низовской земле», и никаких указаний князю не дают. На это последовало заключение князя, переданное новгородцам князем Иваном Юрьевичем Патрикеевым: **«Князь великы тебе своему богомолцу, владыце, и вам, посадником и житиим и черным людем так глаголеть: что есте били мне челом, великому князю, что бы яз явил вам, как нашему государству быти в нашей отчине, ино наше государство великих князей таково: вечно колоколу в отчине нашей в Новгороде не быти, посаднику не быти, а государство нам свое держати, ино на чем великим княземь быти в своей отчине, волостемь быти, селом быти, как у нас в Низовской земле, а которые земли наших великих князей за вами, а то бо было наше. А что есте били мне челом великому князю, что бы вывода из Новгородские земли не было, да у боар у новгородских в вотчины в их земле нам, великим князем, не вступатися, и мы тем свою отчину жалуем, вывода бы не паслися (не опасались. — А.К.), а в вотчины их не вступаемся, а суду быти в нашей отчине по старине, как в земле суд стоит»**.

О настроениях в стане осажденных рассказывают и псковские летописи. В городе бурлили разногласия. Одни хотели стоять до конца, другие — подчиниться воле великого князя. Надежды на то, что московская рать постоит у города и уйдет, явно не оправдывались. А после того как находившийся вместе с новгородцами в осаде их воевода суздальский князь Василий Васильевич Шуйский «бил челом» великому князю, надежд на успешную оборону и вовсе не оставалось. 14 декабря, в очередную «неделю» (воскресение), послы явились с уведомлением о принятии московского ультиматума. «Государя» просили целовать на обговоренных условиях крест. Но князь «отрече то: не быти моему целованию». Не позволил он целовать крест также своим боярам и наместнику и отказал послам в выдаче «опасной грамоты».

Далее на протяжении нескольких недель продолжался своеобразный торг. Новгородцы надеялись откупиться двумя волостями — Луками Великими и расположенной северо-западнее Ржевой Пустой. Но князь отказался от такой подачи. Тогда ему предложили 10 волостей. Великий князь снова отказался и передал через своих бояр: «Взяти ми половину всех волостей владычных да и монастырских да Новоторжские, чии ни буди».

Покушение великого князя на половину монастырских сел, видимо, связано с намечавшимися вскоре спорами о монастырском землевладении, в которых Иван III будет поддерживать «нестяжателей». Новгородские посланники согласились с требованием, но готовы были отдать князю половину владений только шести монастырей, «а иные бо монастыри государь пожаловал, земель у них не имал, поне же те убоги, земля у них мало». Князь распорядился провести опись обозначенных волостей, предупредив, что все утаенное — «то земли великих князей». Хотя у владыки князь половины волостей забирать не стал (взял лишь 10 волостей, в коих значилось около 300 «сох», дань с которых должна бы была составить 150 гривен), само требование выявляет недоверие к нему Ивана III. Примерно вдвое больше составили половины владений шести монастырей (остальным князь оставил их земли). Посольство новгородское, выторговывая уступки, жаловалось на «тесноту в граде и мор на люди и глад». Князь же уточнял, что составляет новгородская «соха» («3 обжи соха, а обжа один человек на одной лошади ореть, а хто на 3-х лошадех и сам третьей ореть, ино то соха»), и платят ли с «сохи» по полугривне или 7 денег. Князь «захотел взяти с обжи по полугривне», но владыка умолил брать по полугривне с трех обж и собирать дань один раз в году. Князь согласился, оговорив, что единая плата будет взиматься с собственников всех кате-

горий. Согласился он и с просьбой не посылать своих писцов и данщиков, оставив это на усмотрение новгородцев.

Разрешив еще ряд спорных вопросов, в частности о взаимоотношениях Новгорода и Пскова и перебазировании княжеской резиденции из Городища на «двор Ярослава», князь отправил 20 января 1478 г. посла в Москву с уведомлением о результатах похода, и тот через неделю (столько обычно занимала дорога), прибыл в Москву. 2 февраля князь повелел «поймати боярыню Новгородскую Марфу Исакову, да внука ее Василья Федорова сына». На следующий день по его распоряжению наместник Иван Васильевич Стрига «поймал» «грамоты dokonчальные» новгородские с литовскими князьями и королем и доставил их князю. 7 февраля в Москву были отправлены Марфа Борецкая с ближайшим ее окружением. 17 февраля князь выехал из Новгорода. Вслед за ним выехал владыка «проводити его», и на «первом стане» «явил бочку вина да жребец, а боаре новгородские являли мехи вина и меду, да ели у него вси, пили с ним». С подобными остановками князь доехал до Москвы лишь 5 марта, и вскоре после этого в Москву был доставлен *вечевой колокол*. Однако память о вечевых традициях долго будет жить в Новгороде, и позднее к ней не раз будут обращаться в лихие для «Земли» и «Власти» времена.

Пока же Новгород продолжал бурлить, и осенью 1479 г. Ивану III пришлось снова направиться в Новгород «миром», но в сопровождении значительного отряда с пушками. В летописях этот визит князя излагается отрывочно и глухо, а в иных не упоминается вовсе, хотя предшествующий поход был описан почти по дням на протяжении нескольких месяцев. О причинах поездки великого князя в Новгород наиболее обстоятельно сообщается в «Истории Российской» В.И. Татищева. Здесь пересказываются некоторые нерусские источники (в том числе неизвестные до сих пор) о намерении Ахмеда и Казимира организовать большой поход на Русь, используя и Орден, и оппозиционное Москве новгородское боярство. По Татищеву, «князь великий Иоанн (выше по тексту он, в соответствии с летописями и традиционно русским произношением — «Иван»; форма «Иоанн» обычно употреблялась по отношению к церковным деятелям или же в иностранных источниках. — А.К.) Васильевич уведав тайне, яко новгородцы, забывше свое крестное целование, мнози начашеся тайне колебаться и королем лядским и князьям литовским ссылатися, зовуще его с воинствы в землю Новгородскую». В результате похода великий князь повелел арестовать зачинщиков заговора и архиепископа Феофила.

Татищев обычно обозначал события в соответствии с источником. Предшествующий год у него датировался мартовским стилем, а продолжение открывается январским 1480 г. Это явное указание на соединение разных источников, причем январским годом мог датироваться какой-то западный (возможно, польский) источник. Дата «поимания» архиепископа Феофила 19 января имеется и в некоторых других летописях (в Московском своде явная ошибка: «тое же зимы сентября в 9»), но открывается этим сообщением новый год только у Татищева. Сам текст его также отличается от других летописей. У него отмечается, что князь «новгородцев больших крамольников более 100 казни и вся имения их взя. Иных же с 1000 семей детей боярских и купцов разосла по городам низовым в Володимере, Муроме, Нижнем, Переяславле, Юрьеве, Ростове, на Костроме и в иных городех; тамо даде им поместья. Много же купцов и черных людей, до 7000 семей, по городам на посады и в тюрьмы разосла и в Новгороде казни, а на их место жаловал поместьями их детей боярских с иных же городов и многих холопей боярских, много же и купцов в Новгород приведе. **И тако конечно укроти Великий Новгород**».

«Вывод» новгородцев и перемещение на их места служилых людей и купцов из «Низовской земли» осуществлялся не один год. Под 1489 г. у Татищева (очевидно, из другого источника) повторяется упоминание о тысяче выселенных. Потомки переселенцев долго помнили и передавали потомкам рассказы об этих событиях. (На севере Рязанской области вынужденные переселенцы оставили заметный след и в антропологическом облике края.)

Великому князю предстояло решить в 1480 г. и еще одну проблему. «Немцы» из Ливонии нарушили заключенное в 1474 г. на 30 лет перемирие и начали нападения на псковские «пригороды». По просьбе псковичей московский князь направил в помощь им воеводу князя Андрея Оболенского, который вместе с псковичами совершил успешный поход к Юрьеву. Однако воевода вскоре ушел из Пскова: очевидно, был отозван Иваном III. Но псковичи похоже не поняли, в чем дело, и, решив, что воевода на них обиделся, догнали его и упрашивали вернуться. Отношение к собственному князю, московскому наместнику Василию Васильевичу Шуйскому, выразил псковский летописец: «Бяше тогда въ граде Пскове князь невоиск и грубый, токмо прилежаше многому питию и граблению, и много всей земли грубости учини». Уход отряда воеводы Андрея Оболенского осложнил положение города, и хотя ливонцам не удалось захватить его, урон предместьям и окрестностям был нанесен огромный.

§3. ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ОРДЫНСКОГО ИГА

В феврале 1480 г. Иван III срочно покинул Новгород. Причиной поспешного отъезда московского князя стал мятеж младших братьев, начавшийся в том же феврале 1480 г. «История Российская» В.Н. Татищева сообщает: «Реша же ти крамольницы, яко тайне имяху с ними ссылку братия великаго князя, князи Андрей Большой да князь Борис Меньшой («Большим» и «Меньшим» назывались два одноименных брата Ивана III. — А.К.). Князь же великий не дади никому о том знати. Приде же весть с Москвы... что братия его хотят отступить от него. Он же вскоре взем митрополита Феофила, посла его к Москве и повеле посадити в монастыре святаго Чуда архангела и сам прииде в Москву пред Великим заговением». Отставленный архиепископ каялся и дал «отреченную грамоту», признавая «убожество своего ума и великое смятение своего неразумия». В Чудовом монастыре он закончит свои дни через «полтретья лета», т. е. через два с половиной года.

Разрешение сложного клубка противоречий на Северо-Западе Руси открывало путь к решению задачи, поставленной веком ранее Дмитрием Донским. Но мятеж братьев угрожал отбросить все к состоянию полувековой давности. В своих действиях Иван III имел постоянную поддержку только со стороны *Андрея Меньшого*. Другие же — *Андрей Большой* и *Борис* оставались в стороне от государственных мероприятий старшего брата. *Они мыслили в духе феодальной старины, «докончаний» эпохи Ивана Калиты*. Они не могли примириться с тем, что после кончины второго по возрасту брата Юрия в 1474 г. его владения великий князь целиком взял «за себя». «За себя» же, именно за служилых людей, князь брал и приобретения в Новгородской земле. Возмущение братьев вызвало и объявление Иваном III старшего своего сына Ивана «*великим князем*», т. е. соправителем. Согласно Татищеву, Иван III аргументировал свое решение прецедентом, созданным сыном Владимира Мономаха Мстиславом, хотя мог бы назвать и самого Владимира Мономаха, и своего отца. По сути дела, великий князь начал активную борьбу против существовавшей на Руси удельной системы, а его братья, наоборот, были защитниками этой системы, которую считали «старинной». И для обеспечения собственных интересов, они готовы были обратиться за помощью к любым союзникам.

По всей вероятности, не освободились братья и от влияния со стороны бабки Софьи Витовтовны. За помощью они обратились

именно к польскому королю и великому князю Литовскому Казимиру, организатору большинства антимосковских выступлений на Северо-Западе Руси и союзнику хана Ахмеда вместе с которым в 1480 г. предполагалось повторить «урок Москве» Тохтамыша.

Военные приготовления мятежников побудили прилегающие к Москве города «сесть в осаду». Не надеясь захватить Москву «изгоном», князь Андрей Большой отправился в свой удел — Углич, где дождался княжившего в Волоколамске Бориса. Отсюда братья-мятежники направились ко Ржеву, ближе к литовским владениям, куда были отправлены и их семьи, а затем вверх по Волге двинулись в Новгородские волости, остановившись в Великих Луках. Согласно псковским летописям, сюда направилась депутация Пскова с просьбой о помощи против немцев. Но «они же уркошася (отреклись. — А.К.) ко псковичам». В следующем году братья, видимо, надеялись укрыться в Пскове, но псковичи требовали вновь помощи против «немцев», и князья через 10 дней покинули Псков «не учинивше ничего же добра; и почаша по волости грабити». В результате псковичам пришлось откупаться от соперников великого князя как от грабителей.

Из Великих Лук братья обратились за помощью к Казимиру. Казимир, однако, их «отмолвил», т. е. отказал в помощи, но согласился отдать княгиням «на избылище» город Витебск. По всей вероятности, Казимир не хотел непосредственно вмешиваться в ход событий, ожидая выступления хана Ахмеда, а также испытывая усиливающееся давление со стороны промосковски настроенных русских князей в составе Великого княжества Литовского. Со своей стороны Иван III направил к братьям на переговоры ростовского архиепископа *Вассиана Рыло* (ум. 1481 г.), обещая присоединить к вотчине Андрея города Алексин и Калугу. В надежде на помощь Казимира братья дважды отвергали предложения. Но, не получив ожидаемого, они сами направили дьяков в Москву в поисках примирения. Однако теперь великий князь отказался «прият челобития их». Вопрос остался открытым, и моральный перевес великого князя ощущался теперь и на окраинах, готовых принять любую помощь ради самосохранения.

О намерениях Казимира и Орды совершить в 1480 г. поход на Русь в Москве, конечно, знали. Весной татары произвели «разведку боем», появившись на правом берегу Оки. Позднее, в 1491 г., Иван III, «поймав» Андрея Большого, в числе его «вин» называл и «пересылку» с Ахмед-ханом: «Посылал грамоты свои к царю Ахмату Большие Орды, приводя его на великого князя на Русскую землю ратию». Примерно о том же говорит и Московский свод, начиная рассказ о нашествии Ахмед-хана осенью 1480 г. Казимира

же сдерживали набеги и угрозы со стороны Крыма. Но и внешних, и внутренних врагов московского князя он всегда готов был поддержать.

В летописях развернувшиеся летом и осенью 1480 г. события изложены противоречиво, и о многом приходится только догадываться. Чисто «фактическая» сторона весьма проста: татары подошли к Оке по ее правому берегу, а разные отряды русских князей и воевод размещались напротив по левому. Иногда перестреливались из луков и пищалей. Не решаясь форсировать реку, Ахмед двинулся к реке Угре, левому притоку Оки, заодно побуждая к действиям и союзника Казимира. Но русские полки успели перебраться к Угре в районе Калуги. «*Стояние на Угре*» двух ратей на противоположных берегах продолжилось, а когда река замерзла — татары побежали, удивив этим летописцев.

В *Казанском летописце* («*Сказании о царстве Казанском*»), написанном уже в XVI в., вскоре после взятия Казани в 1552 г., имеется заслуживающее внимание объяснение внезапно охватившего татарское войско страха. Иван III «посылает отаи царя Златую Орду пленити служиваго своего царя Нурдорвлета Городецкаго (имеется в виду Касимов. — А.К.), а с ним же и воеводу князя Василиа Ноздроватаго Звенигородцкаго со многою силою, и доколе царь стояше на Руси, не ведующу ему сего. Они же Волгою в ладиях пришед на Орду и обретоша ю пусты, без людей, токмо в ней женский пол, и стар и млад. И тако ея поплениша жен и детей варварских и скот весь в полон взяша, иных же огню и воде и мечу предаша, и конечно хотеша юрт Батыев разорити. Улан же царя Городецкаго и Обляз лещь сотвори, глаголя царю своему: «Что твориши, о царю, яко не лепо есть тебе болшаго сего царства до конца разорити — от него ж ты и сам родися и мы все. И наша земля то есть и отец твой искони. Се повеленная пославшего ны понемногу исполнихом, и довольно есть нам и поидем, егда како Бог не попустит нам». И прибегоша вестницы ко царю Ахмату, яко Русь Орду его расплениша. И скоро в том часе царь от реки Угры назад обратися бежати».

Видимо, операция московских войск в 1480 г. по разорению Орды, в духе набега ушкуйников 1472 г., совершалась «отай» и от московских летописцев. В летописях многое недоговорено, а временами и наговорено. Различные оценки даются роли и поведению Софьи Палеолог, отдельным князьям и боярам, самому Ивану III: труслив или осторожен? На летописные тексты наложили отпечаток и острые противостояния 90-х гг. — сторонников *Ивана Ивановича Молодого* и его сына Дмитрия, с одной стороны, и привержен-

цев *Софьи* и ее сына *Василия* — с другой. Из летописей неясно, когда московский князь перестал платить дань в Орду. Указание на это имеется лишь в «ультиматуме» Ахмед-хана: 1480 г. был пятым по счету. Следовательно, Москва не давала «выхода» в Орду уже с 1476 г. Именно тогда Ахмед-хан «увяз» в Крыму, занятый борьбой с Менгли-Гиреем и непростыми переговорами с турецким султаном. Но летописи не случайно не называют даты: открытого демарша по этому поводу, по всей вероятности, просто не было. Иван III всегда предпочитал «тихую» дипломатию, и это был не отказ от уплаты, а как бы ее задержание.

По тексту Татищева, хан потребовал от московского князя полного подчинения и выплаты дани «за прошлые годы» (не указано за сколько), угрожая «пленить всю землю» и сделать рабом самого князя. Князь советуется с матерью-инокиней Марфой, с князьями и боярами, и многие советуют «умирить дарами» хана. Софья же возмущается: «Господине мой, отец мой и аз не хотехом дань давати, лутче отчины лишихомся. И аз, не хотя инных богатых и сильных князей и королей веры ради прияти, тебе причетахся. (Княгине приписываются примерно те же слова, что приводились в летописном рассказе о ее «женихах». — А.К.). А се ныне хочеши мя и моя дети данники учинити... Почто хочеши раб твоих слушати, а не стояти за честь свою и веру святую?.. И яко первее отрек им, тако и ныне откажи не давати дани и выходов».

Положение в Москве в 1480 г. напоминало ситуацию 1382 г.: одни хотели защищаться, другие — уступить требованиям хана. Даже в позиции церкви не было единства. Феофил укрылся в московском Чудовом монастыре, Вассиан Рыло, которому в летописях приписано жесткое послание к Ивану III, продолжал ходатайствовать за его крамольных братьев. Хотя в конечном счете, видимо, именно ростовский архиепископ, пользовавшийся особым расположением великого князя, побудил братьев приехать на Оку защищать Русь от ордынского хана. Однако он же и заставил великого князя принять требования крамольников, что было уступкой принципиальной: *отказом от жесткого курса на ликвидацию удельной системы.*

Возмущение в Москве в 1382 г. было вызвано тем, что город покинул и князь, и митрополит, и княгиня. И на этот раз у москвичей были основания возмущаться *поведением бояр*, в том числе ближайшего к великому князю круга. Московский летописный свод и ряд других летописей резко осуждают *княгиню Софью* за ее немотивированное бегство в Белоозеро. Резкое осуждение княгини дается как бы безотносительно к поведению князя, но и князь выглядит не лучшим образом: «Бысть же тогда страх на обоих (на

татар и на русских. — А.К.), един других бояхуся». Князь боялся, что по замерзшей Угре татары могут перейти на московский берег, и распорядился отступить к его ставке в Кременце. «Сам бо дьявол тогда усты Мамоновы глаголаше», — комментирует это событие летопись, имея в виду Григория Мамону, который вместе с окольниковым Иваном Ощерой настаивали на выражении покорности хану. Но случилось чудо, и татары «страхом одержими побегоша, мняще, яко берег дают им Русь и хотят с ними битися, а наши мняху татар за собою реку прешедшую и побегоша на Кременец. А на царя Ахмута прииде страх от Бога, и побеже никым же гоним от Угры по Литовьской земле по королеве державе, воюя его землю за его измену».

Решение князя отправить Софью с малыми детьми и казной на Белоозеро было естественным. Князь предполагал отправить туда и инокиню-мать. Но митрополит и архиепископ не посоветовали делать этого, справедливо полагая, что москвичи воспримут это как бегство. Колебания же у князя были, поскольку успех или неудача от него мало зависели. Неясно было, как поведут себя братья, как поведет себя Казимир, что сумеет сделать Менгли-Гирей. Не вполне учитывалось и то, что зима для степных кочевников — время неподходящее. И в гневном послании Ахмеда московскому князю после бегства с Угры звучит угроза вернуться после зимы: «Нынча есми от берега пошол, потому что у меня люди без одеж, а кони без попон. А минет сердце зимы девяносто дней, и яз опять у тебя буду, а пить и у меня вода мутная». Вернуться ему, однако, не пришлось. Менгли-Гирей все-таки воспользовался моментом, чтобы отомстить обидчику, разорив его улус. Сам же Ахмед скоро погиб в очередной усобице.

Этот сюжет дается в летописях различно, в том числе с фольклорными подробностями. Но финал был именно таков — *ордынское иго было сброшено с минимальными потерями*. Орда перестала быть серьезной угрозой, а по Оке теперь создавался заслон из переходивших на службу к московскому князю татарских царевичей. И стоит вспомнить некогда затасканную, а ныне неправоммерно забытую оценку этого факта, данную не слишком жаловавшим русскую историю К. Марксом: «Иван III свергнул Золотую Орду, не сражаясь с нею сам, а притворным желанием дать сражение вызвал ее на наступательные действия, которые истощили остатки ее жизнеспособности и подставили ее под роковые удары родственных ей племен, которые ему удалось обратить в своих союзников. Он одних татар погубил при помощи других».

Однако в самой Москве положение оставалось напряженным. В марте 1481 г. скончался ростовский архиепископ Вассиан, а

некоторое время спустя также брат великого князя Андрей Меньшой, всегда остававшийся надежной его опорой в самых сложных ситуациях борьбы за единое государство. На стороне крамольных братьев Андрея Большого и Бориса оставались влиятельные светские и церковные владетели. Именно в 1481 г., когда за короткое время были поставлены новые церковные иерархи: архиепископ Иоасаф (родом из князей Оболенских) в Ростове и епископы в Коломне и Рязани (сюда был направлен духовник митрополита Геронтия Симеон), произошел серьезный конфликт у князя с митрополитом. Согласно Софийской Второй летописи, «распря» произошла из-за того, что «свящал соборную церковь митрополит да не по солнцу ходил со кресты около церкви». Возмущенный вмешательством князя, митрополит Геронтий «съеха на Симонов» и намеревался уйти в монастырь, если князь «не добьет челом». Построенные князем церкви стояли не освященными из-за разногласий — как идти с крестами. По летописи, «вси священники, и книжники, и иноки и миряне, по митрополите глаголаху, а по великом князе мало их, един владыка Ростовской князь Асаф да архимандрит чудовской Генадей».

Данное разногласие — ходить ли с крестом «посолонь» по солнцу, или против солнца — возникло при освящении достроенного в 1479 г. Аристотелем Фиораванти Успенского собора. Никаких записанных установлений найти не удалось, и спор решался личным опытом участников обсуждения. Кто-то видел, что «против солнца ходили» при освящении храма «во Святей горе» (на Афоне). Аргумент митрополита заключался в параллели: дьякон «кадит в алтаре на правую руку» (т. е. идет против солнца). Возражали тогда архимандрит Геннадий и архиепископ Ростовский Вассиан. Летописец замечает, что никаких свидетельств они не приводили, а ссылались на «солнце праведное» Христа. Впоследствии будет добыт еще один аргумент в пользу митрополита: «посолонь» ходят «латины», а греки против солнца.

Разумеется, истинные причины разногласий лежали в более значимых сферах. С ростовским архиепископом у митрополита были серьезные разногласия в связи с позицией Кирилло-Белозерского монастыря (в этом случае оценка архиепископа совпала с великокняжеской), а князя митрополит не хотел и вовсе допускать в церковные дела. И хотя великий князь в данном случае уступил, напряженность в отношениях «государя» и «владыки» сохранится до кончины митрополита в 1489 г. «Нейтрализация» же митрополита требовалась для решения вполне мирских проблем. *Главной из них оставалась задача перехода от раздробленности к единству, которое в это время могло выразиться в со-*

средоточение власти и собственности в руках «государя». И одним из главных принципиальных изменений в социально-политическом устройстве станет оттеснение наследственно-вотчинного порядка землевладения жалованиями за службу поместий. В значительной степени поэтому и назревавшие конфликты внутри церкви (о них будет речь в следующих главах) принимают ярко выраженный социально-политический характер.

В 1482 г. из Литвы бежал к московскому князю князь *Федор Иванович Бельский*. Он получает «во отчину» город Демон на Новгородчине. В XVI в. эта фамилия будет часто звучать в коллизиях придворной политической жизни. В том же году в ответ на посольство «от короля угорского Матиаса» Иван III направляет ответное во главе с *Федором Васильевичем Курицыным*, одним из видных деятелей конца XV в. Курицын заключил «докончание» с венгерским королем, а по пути навестил молдавского (волошского) «господаря» Стефана. В конце 1482 г. в Москву прибудет дочь Стефана *Елена Волошанка*, которая будет обвенчана с «великим князем» *Иваном Ивановичем Молодым* (1458–1490). Ей также предстоит сыграть значительную роль в политической борьбе конца XV в. И в центре этой борьбы будет родившийся год спустя ее сын *Дмитрий* (1483–1509).

Осенью 1483 г. Менгли-Гирей разорил Киевскую землю и сжег сам город. Летописи весьма неоднозначно оценили это событие. В Московском своде и некоторых других летописях акция подается как наказание за «неисправление королевское, что приводил царя Ахмата» на московского князя. Королю Казимиру приписывается и намерение «разорити православное христьянство». Другие летописи (в частности, Вологодско-Пермская и Софийская Вторая) разорителем христиан представляют как раз союзника московского князя. Подчеркивается, в частности, что был разорен Печерский монастырь.

§ 4. ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИВАНА III В КОНЦЕ XV в.

В 1484 г. отчетливо проявилось *противостояние в семье великого князя*, которое в итоге негативно скажется и на политическом развитии следующего столетия. Рождение внука Дмитрия побуждало Ивана III передать соправителю Ивану Ивановичу Молодому Тверское княжение, которое предстояло взять «за неисправление» князя Михаила Борисовича и его пролитовского окружения.

Согласно Софийской Второй летописи, «въсхоте князь велики...сноху свою дарити сажением (украшениями. — А.К.) первые своей великие княини Тферьские, и просил у второй у своей великой княини Римлянки того сажения, она же не дасть ему; понеже бо много истеряла казны великого князя, давала бо брату, иное же давала за своею племянницею въ приданые князю Василью Михайловичу Верейскому; князь же великий посла к нему и взя у него приданое все, еще же хотел его со княинею поимати, он же бежа в Литву и со княинею к королю; князь же велики посла за ним в погоню князя Бориса Михайловича Турену Оболенского (речь идет о воеводе тверского князя, видимо, служившего московскому князю. — А.К.), и мало не яша его; тогда же князь великий повеле фряз поимати и мастеров серебряных».

Внутрисемейный конфликт обострялся «обговором на новгородцев от самих же новгородцев, яко посылалися... в Литву к королю». Снова следовали «поимания»: пытки и конфискации имуществ перебежчиков. Не прижился в Новгороде избранный по жребию архиепископ Симеон (система выбора «по жребию» из нескольких кандидатур практиковалась при назначении новгородских архиепископов). В 1485 г. его сменил архимандрит Чудовского монастыря *Геннадий* (ум. 1505 г.).

Новые противоречия возникли и с митрополитом Геронтием, который то уходил в монастырь, то возвращался на митрополичью кафедру. Иван III пытался воспользоваться ситуацией, чтобы возвести на митрополичью кафедру своего приверженца Паисия Ярославова, являвшегося в это время игуменом Троице-Сергиева монастыря. Но тот отказался: «Принуди бо его дотоле князь великий у Троици в Сергееве монастыре игуменом быти и не може чернцов превратити на Божий путь на молитву и на пост и на воздержание, и хотеша его убити, бяху бо там бояре и князи постригшеса, не хотяху повинутися, и остави игуменство и потому же и митрополии не восхоте». Пришлось соглашаться с возвращением на митрополичью кафедру Геронтия.

В зиму 1485 г. Иван III «разверже мир» с тверским князем «о том, что женитися ему у короля и целова ему». Причиной конфликта стал тот факт, что Михаил Борисович в 1483 г., овдовев, решил посвататься к внучке Казимира. В том же году было заключено и «докончание» князя с королем о взаимной помощи. Иван III воспротивился заключению договора Твери с Литвой. Тверской князь шел на уступки, соглашаясь признавать себя не «братом», а «младшим братом». Но многие тверские княжата и бояре, уяснив ситуацию, стали переходить на сторону Москвы, где получали пожалования на вотчины. Затем «выняли у гонца у тверского гра-

моты, что посылал в Литву к королю». Оправдания не были приняты, и московская рать отправилась к Твери. Тверской князь бежал в Литву, а в Твери вокняжился великий князь Иван Иванович.

Включение *Тверского княжества* в состав единого государства существенно облегчало решение других проблем, поскольку устранялся ненадежный союзник в непосредственной близости от Москвы. Но проблем оставалось много. В 1485 г. скончалась мать Ивана III инокиня Марфа, которая многое делала для примирения братьев и удерживания их от открытой конфронтации. Теперь эта конфронтация выходит наружу. В 1486 г. московский князь пересматривает «докончания» со своими братьями, отказываясь от ранее сделанных уступок и обязывая их признавать себя «господином». Дальнейшее противостояние приведет в 1489 г. к «поиманию» Андрея Большого.

В том же 1485 г. взбунтовались вятчане и пришлось умирять их посланной из Москвы ратью. В 1483 – 1486 гг. «смердя брань» грозила оторвать от Москвы Псков. События эти в литературе оцениваются неоднозначно, главным образом из-за ограниченности источников. Но *основное направление политики московского князя* проявляется, и оно примечательно: *князь поддерживает смердов против «Господина Пскова» и заставляет правителей города и земли принять требования смердов*. И хотя Псков остается самостоятельным, влияние Москвы еще более возрастает. Принципиальное значение позиция Москвы имела и для понимания способов укрепления единства земли, и условий возникновения *наивного крестьянского монархизма – веры, что высшая справедливость воплощается в личности государя*.

После разгрома Большой Орды наиболее враждебной по отношению к Москве являлась *Казань*. Но там шла внутренняя борьба (антирусские позиции занимал *Али-хан*, а его противником выступал *Мухаммед-Эмин*), и приверженцы промосковской ориентации обратились за помощью к великому князю. После некоторых колебаний (видимо, сталкивая противоборствующие стороны) Иван III направил в 1487 г. против Казани большую рать. Мухаммед-Эмин, мать которого Нур-салтан стала женой Менгли-Гирея, был утвержден на Казанском ханстве. Али-хан с женой, матерью, братьями и приближенными были сосланы в Вологду, на Белоозеро и в Каргополь, «кормольных» князей и уланов казнили. Стоит отметить, что к пленным на Руси относились согласно их рангу в монголо-татарской иерархии. Брат Али-хана Худай-кул в 1505 г. крестился и стал Петром, после чего вскоре женился на дочери Ивана III Евдокии. Браки татарских «царевичей» с русскими княжнами и боярынями станут обычным явлением.

В 1489 г. скончался митрополит Геронтий, и только в 1491 г. его преемником был избран архимандрит Симоновского монастыря *Зосима*. Не последнюю роль при этом могли играть нараставшие споры вокруг чистоты православия, которые вскоре выйдут на первый план внутривластной жизни. Великого князя беспокоила также болезнь своего сына-соправителя. По летописи, он страдал «камчугом (ломотой. — *А. К.*) в ногах». В 1490 г. брат княгини Софьи Андрей вернулся из очередной поездки в Рим и среди привезенных им с собой мастеров был «лекарь Мистро Леон Жидовин из Венеции». Лекарь «похваляся рече великому князю...: «яз излечю сына твоего... от тоя болезни; а не излечу яз, и ты мене вели казнити смертною казнью». И князь великий няв тому веру, веле ему лечити сына своего...» Однако усилия лекаря не помогли — Иван Иванович умер. Более того, лекаря обвинили в убийстве Ивана Ивановича, после чего казнили: «Лекарь же дасть ему зелие пити и жещи нача стьякляницами по телу, вливая горячую воду: и от того ему бысть тяжчае и умре. И того лекаря... велел князь велики поимати, и после сорочин сына своего... повеле его казнити... головы ссеши».

Кончина соправителя резко обостряла ситуацию, поднимая шансы Софьи и ее одиннадцатилетнего сына *Василия* (он был на 4 года старше своего соперника Дмитрия — сына Ивана Ивановича и внука Ивана III). Субъективный фактор в данном случае сыграет весьма значительную роль, сказываясь на всей политической истории XVI столетия. Но борьбу сил, стоявших за вдовой умершего «великого князя» Еленой Волошанкой и Софьей, нельзя сводить только к борьбе за власть. *Сталкивались и разные представления о выборе дальнейшего пути в социально-политической, внешнеполитической и духовной сферах, о которых речь пойдет в следующей главе.*

После создания довольно надежных заслонов на южных и восточных рубежах основным направлением внешней политики становятся *русские земли в составе Польши и Великого княжества Литовского*, а для активизации деятельности на этом направлении потребуется укрепить некоторые внутренние структуры и соответственно идеологию — *обоснование прав на эти земли*. И не случайно, что именно в это время в русских областях Литовского княжества возникают политически значимые идеи, которые получают развитие в Руси Московской.

В конце 1489 г. и в 1490 г. на службу к московскому князю перейдут Дмитрий Федорович Воротынский, Иван Михайлович Перемышльский, Иван Белевский с братьями Андреем и Василием «со своими отчинами». Весь XIV и XV вв. движение князей и княжат из Литвы на Москву и наоборот было явлением постоянным; в со-

ответствии с принципом: «А бояром и детям боярским и слугам меж нас вольным воля». Но если в княжении Василия I и Василия II движение бояр шло преимущественно в сторону Литвы, то теперь *преимущественно в сторону Москвы*. Причем Иван III, борясь с удельными традициями в своей земле, охотно напоминал о них, защищая права «выезжих» на оставленные ими «отчинами». В результате по всему широкому поясу соприкосновения земель Москвы и Литвы устанавливалось что-то вроде двоевластия, и постоянные стычки шли на протяжении всего указанного времени.

В июне 1492 г. скончался Казимир – «король Польский, великий князь Литовский и Русский». Сам титул вводил в заблуждение западные страны, и посланцу Священной Римской империи Николаю Поппелю, дважды посетившему в 80-е гг. XV в. Москву, надо было убедиться в том, что основные земли Руси в это время не являлись вотчинами Казимира. А империя была заинтересована в поисках союзников против слишком уж возносившегося Казимира и готова была пожаловать московскому князю королевский титул, от которого тот, впрочем, без раздумий отказался.

Кончина Казимира привела к заметному изменению в раскладе сил. Старший сын Казимира *Ян Альбрехт* получил польскую корону, а литовские княжата и бояре спешно возвели на княжество Литовское и Русское другого сына – *Александра Казимировича*. Уния была выгодна лишь польской стороне, и Литва поспешила обособиться от «старшего брата», что не могло не повлиять и на позицию Москвы. Пограничная война продолжалась со взаимными упреками, а в 1493 г. состоялось соглашение о женитьбе литовского князя Александра на дочери Ивана III Елене.

Дальнейшее развитие отношений опять-таки зависело от расклада сил. Александр не мог рассчитывать на помощь старшего брата, а крымский хан Менгли-Гирей, постоянно угрожавший приднепровским владениям литовского князя, был в «единачестве» с Москвой. Прибывшее в Москву литовское посольство поначалу «отказывалось» в пользу Москвы от Новгорода, Пскова и Твери, а затем вынуждено было уступить и некоторые занятые московскими ратями другие территории. Параллельно обсуждались и условия заключения брачного союза. В соглашении было оговорено, что Елена остается православной, и отец надеялся, что дочь, в качестве «полномочного представителя», будет радеть о православных общинах в Литве, для которых ориентиром оставалась только Москва. Но такая заданность скоро вызвала противодействие коронованного супруга. К тому же московские отряды продолжали борьбу за «верховские» города – Мценск, Любутск, Серпейск, Мезецк и др. в верховьях Оки и

Угры, захваченные Литвой в XIV — начале XV в. и признанные за Литвой договором 1449 г. Александр, естественно, упрекал тестя, что сказывалось и на положении Елены, которую стали принуждать к переходу в католичество. Московский князь занятие некоторых «верховских» городов оправдывал, зятя упрекал в нарушении договоренности о соблюдении прав православной общины, дочери же советовал держаться и не уступать. На два фронта Александр воевать не мог и вынужден был согласиться с возвращением Москве некоторых территорий. По договору 1494 г. за Русью признавалось *Вяземское княжество и некоторые города верховьев Оки*. Александр, возможно, недооценил тот факт, что в договоре московский князь обозначен как *«государь всея Руси»*. Но обе стороны сознавали, что основная борьба впереди. И обе стороны готовились к ее продолжению.

Дочь московского князя оказалась в Вильно на положении заложницы, но отец не слишком старался облегчить ее положение. Для него было важнее, что подобная ситуация укрепляла в православной общине убеждение, что помочь им может только Москва, а *московский государь — последовательный защитник православия*. Ситуация резко обострилась в конце XV столетия. В Литве начались прямые гонения на православные общины, которые коснулись супруги «господаря» и ее московского окружения. Александр проведал, что Елена передает в Москву «агентурные» сведения, следуя настояниям московского князя, а после примирения его в 1499 г. с Софьей и матери тоже. Не исключено, что Александру в этом призналась сама Елена: ее контакты с Москвой в 1499 г. прекращаются, и литовские послы говорят о ее «болезни». Контакты с Еленой прекращаются, по существу, до конца ее дней: она умерла в 1513 г. в заточении (это послужило поводом для брата Василия двинуть войско на Смоленск). Александр скончался раньше, в 1506 г., и к кончине супруги непосредственного отношения не имел.

Резкое обострение ситуации в **1499 г.** неотвратимо вело к разрыву отношений. Из Литвы в Москву пошел целый поток русских княжат и бояр, не желавших принимать католичество, а московский князь охотно брал их под свое покровительство и *рассматривал их вотчины как земли «государя всея Руси»*. В 1500 г. русские войска продолжили продвижение в районы, традиционно со времен Киевской Руси православные. Были заняты города *Брянск, Серпейск, Мценск, Стародуб, Гомель, Любеч*. Другой отряд начал проявлять активность со стороны Великих Лук, создавая угрозу непосредственно литовским землям. Третье соединение наступало в сторону Дорогобужа и Смоленска. Именно здесь про-

изошло сражение, в котором литовское войско потерпело решительное поражение.

Не имея сил остановить продвижение московских войск, Александр обратился за помощью к Ливонскому ордену. Орден охотно откликнулся на эту просьбу, надеясь остановить продвижение Москвы в Прибалтику. Здесь, уже теперь в качестве союзника Руси, выступает Дания, с помощью которой в 1495 – 1497 гг. была одержана победа над Швецией, укреплены позиции у побережья Финского залива, а новгородское купечество избавилось от зависимости со стороны Ганзейского союза (в этом также была заинтересована и Дания). После частичных успехов в действиях против небольших отрядов, прикрывавших северо-западные границы Руси, войско Ливонии потерпело сокрушительное поражение под Юрьевым (Дерптом), и русское войско, по существу, разгромило Орден на его территории.

В 1502 г. московские отряды осадили *Смоленск*, но взять его не смогли. У осаждавших не было необходимой артиллерии, а значительная часть русского войска оставалась на южном пограничье, где ожидалось выступление союзников литовского князя, наследников Ахмеда. Менгли-Гирей какое-то время выжидал, видимо, оценивая возможности своего «друга», «государя всея Руси». Но в 1502 г. он всей силой обрушился на остатки Большой Орды, имел в результате решительной победы большую «корысть», а Большая Орда окончательно сошла с исторической арены.

Между тем существенные перемены произошли и на западных рубежах Руси. В 1501 г. умер старший брат Александра, польский король. Литовского князя избрали заодно и польским королем. В 1502 г. была заключена новая уния, объединявшая Польшу и Литву в единое государство. И польско-литовскому, и русскому правительству необходимо было оценить изменившуюся ситуацию, а южные соседи Польши активно ратовали за мир, дабы объединить силы против турецкой угрозы. Необходимо было учесть и то, что крымские татары «кормились» в значительной мере за счет ограбления тех самых территорий, которые переходили к Москве. К тому же в 1502 – 1503 гг. у московского князя возникло много домашних проблем, связанных с противостоянием Дмитрия-внука и сына Софьи Василия.

Весной 1503 г. был заключен мирный договор, вернее перемирие сроком на шесть лет. *Русь получила все захваченные ранее города, земли Черниговскую и Новгород-Северскую.* В районе Любеча Москва вышла к *Днепру*. Ливонский орден предлагал перемирие на 20 лет, но в конечном счете также согласился на шесть лет. Московские послы более всего были озабочены закреплением за Нов-

городом и Псковом тех прав и торговых привилегий, которые они получили в 90-е г.г., а также выплатой дерптским епископом дани Пскову (она выплачивалась с 1463 г. в качестве платы за то, что построенный Ярославом Мудрым город Юрьев перешел под юрисдикцию Ордена).

Литература

- Алексеев Ю.Г.* Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980.
- Алексеев Ю.Г.* Под знаменем Москвы. М., 1992.
- Алексеев Ю.Г.* Иван III // Великие государственные деятели России. М., 1996.
- Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952.
- Бернадский В.Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961.
- Бычкова М.Е.* Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 года. М., 1996.
- Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
- Горский А.Д.* Борьба крестьян за землю на Руси в XV – начале XVI в. М., 1974.
- Зимин А.А.* Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М., 1991.
- Зимин А.А.* Россия на рубеже XV – XVI столетий. М., 1982.
- Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972.
- Казакова Н.А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975.
- Кочнев Г.Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Древнерусского централизованного государства. М.; Л., 1965.
- Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918.
- Система государственного феодализма в России. Вып.1. М., 1993.
- Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962.
- Хорошкевич А.Л.* Торговля Великого Новгорода в XIV – XV вв. М., 1963.
- Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980.
- Шаскольский И.П.* Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // Международные связи России до XVII в. М., 1961.

ГЛАВА XV

«Земля» и «Власть» в условиях нового государственного объединения

§ 1. СУДЕБНИК 1497 г. И УСТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

С XI по XV в. социальная структура русских земель регулировалась нормами, зафиксированными в *«Русской правде»*, и само обилие ее списков (более сотни) говорит о признании этих норм в разных землях. Впрочем, в отдельных землях были и собственные юридические установления, обычно не слишком отличавшиеся от норм *«Русской правды»*, но представляющие интерес для понимания истоков некоторых традиций, не нашедших отражения в *«Русской правде»*. Объединение земель Северо-Восточной Руси вокруг Москвы и резкое возвышение власти московского князя создают новую обстановку и в положении *«Земли»*; и в структуре *«Власти»*. *Утверждение единодержавия «государя всея Руси» Ивана III неизбежно требовало изменения всей системы отношений и внутри сословий.*

Одной из специфических особенностей заново складывавшейся системы было сближение великокняжеской власти с *«Землей»*. Это наглядно проявилось в «брани о смердах» на Псковщине в 80-е гг. XV столетия, когда в конфликте боярства города с крестьянскими общинами округа Москва заняла сторону смердов. Именно тогда началось формирование *крестьянского «монархизма»*: в противостоянии с местными властью имущими чиновниками и феодалами у крестьянских общин иного выбора и не оставалось.

Великокняжеская власть еще не имела стройной системы управленческих структур. Управленческая система в рамках отдельных земель-княжеств и феодальных вотчин, конечно, существовала, но потребностям большого государства, объединившего весьма различные по традициям земли и сословия, эта система,

разумеется, не отвечала. Поэтому шел поиск новых форм управления с постоянными уклонениями и отклонениями в разные стороны, и даже стратегические вопросы решались в зависимости от складывающейся ситуации.

В княжеских гридницах древнейшей поры текущие вопросы решались в обсуждениях со «старшей» и «младшей» дружиной, причем летописи проговариваются о разногласиях в принятии этих решений, и тем самым дают представление о «технологии»: советоваться следовало не только со «старшими», но и с «младшими» (сами понятия «старший» и «младший» в данном случае имеют не возрастное, а социальное значение). Со временем на первый план выходит *Боярская дума*. Естественно, что и в создававшемся едином государстве *Боярской думе* должна была принадлежать большая роль, а сам ее состав теперь пополнялся за счет княжат из разных земель. В конце XV столетия в Думе выделяются «*пути*» — прообразы будущих «приказов». Вводится определенное систематическое разделение «труда» — специализация по определенным проблемам, на первых порах для решения текущих вопросов. На местах распоряжаются «*волостели*», управлявшие отдельными «*волостями*». Функции их обычно менялись в зависимости от особенностей земель, куда они направлялись.

Одним из первых документов, дающих представление о роли, правах и обязанностях «волостелей»-наместников, является дошедшая до нас «*Белозерская уставная грамота*» 1488 г. Волостели имели свою администрацию — *тиунов* и *доводчиков*. Расчет с ними производится «сотскими», т. е. выборными людьми «Земли». Население — община — может возбуждать иски к наместникам и их людям. «*Добрые люди*» обязательно должны участвовать в судебных разбирательствах.

Сама «Белозерская уставная грамота» колоритна своей непосредственностью, указывающей на злоупотребления, характерные для княжеских чиновников того времени. Акцент в ней делается на ограничение произвола наместников и их администрации. Например, наместникам запрещается ходить «на пиры» «незваными», а «в пиру не буянить». Грамота отражает, по всей вероятности, традиционные формы и злоупотреблений, и борьбы с ними. Ранее мать Ивана III Мария Ярославна так же предупреждала чиновников об ответственности, если кто-то явится «незван пити», «на пир или в братчину» (речь шла о селах Переяславского уезда). *Значение Белозерской грамоты состоит в том, что она придала традиции общегосударственный характер.*

Противостояние традиционному вотчинному своеволию неотвратимо побуждало искать новые пути обеспечения государ-

ственных интересов, дабы войны всегда были готовы выйти на поля сражений, которые окружали Русь со всех сторон. И в противовес капризному вотчинному строю рождается *поместная система*. Земельные пожалования теперь выдаются за службу и за право государства в любое время призвать служилого человека в поход против любого недруга — в том числе и внутреннего. Естественно, эта сила используется и против вотчинной аристократии, привыкшей участвовать лишь в таких акциях, которые сулили ей непосредственную выгоду. В результате постепенно *начинает создаваться широкое служилое сословие, напрямую зависящее от великого князя*.

Создание сословия государственных служилых людей предполагает иное отношение к ранее свободной крестьянской общине. Начинается процесс, обозначаемый термином *закрепощение*. До XV в. зависимость крестьян была в основном как бы добровольной (в том числе и похолопление). Типичный пример — категория «закупов-наймитов» в «Русской правде». Крестьянин закабальет себя сам, не имея возможности (а часто и желания) сохранить себя как вполне самостоятельного хозяина. Договорные отношения также регулировались традицией, и «перекупить» крестьянина мог любой конкурент-феодал, возместив «купу». В то же время и крестьянин имел право перехода к другому феодалу, и естественно, что наиболее благоприятные для себя условия крестьянин мог получить в страдную пору, когда в работниках нуждались.

Теперь положение меняется. В *грамоте белозерско-верейского князя Михаила Андреевича* (1432 — 1486), относящейся примерно к середине XV в., *впервые* (из сохранившихся документов) появляется *ограничение права перехода крестьянина*, и таковым устанавливается «**Юрьев день осенний**» — **26 ноября** (т. е. после завершения всех сельскохозяйственных работ). Грамота была выдана по жалобе игумена Кириллова монастыря (что само по себе имеет определенный интерес, а именно — обозначается отход от условий монастырской реформы митрополита Алексия). Здесь осуждается явно обычная практика, когда монастырских крестьян «серебрянников и половников и слободных людей» сманивали в другое время, в том числе «о Петрове дни», т. е. в разгар летних работ. В Судебнике 1497 г. этому аспекту будет уделено особое внимание, и «Юрьев день» станет общегосударственной датой, когда для зависимого крестьянина оставался возможным переход от одного феодала к другому.

Судебник 1497 г. — *памятник значимый и важный, как первый документ, устанавливающий юридические нормы для всего объеди-*

ненного государства, и удивляет то, что сохранился он в единственном экземпляре. Это само по себе требует объяснения: был ли это обязательный закон или же только проект закона. Ведь до 1550 г., когда будет принят новый Судебник, фактически нет материалов о действии Судебника 1497 г. Не исключено, что у государства еще не было сил перебороть местные традиции и ввести Судебник как общегосударственный закон. Так, в договоре рязанских князей Ивана и Федора Васильевичей, в котором упоминается и их мать, сестра московского князя Анна, никаких ограничений в переходах не предполагается («вольному воля»). В. Н. Татишев видел и не дошедший до нас «Рязанский суддебник», который также не ориентировался на Судебник 1497 г. Ориентация на местные традиции долго будет сохраняться и в Новгороде. Впрочем, и «Русская правда» имела как бы рекомендательный характер. Обычно в наборе у «судей» были «Закон судный людем», греческий «Номоканон», иные документы, и судьи выбирали подходящие статьи из юридических памятников разного происхождения.

Основная направленность Судебника 1497 г. — контроль над судопроизводством, без вмешательства в сам его процесс. Здесь появляется неизвестное «Русской правде» «поле» — судебный поединок истца и ответчика. «Поле» упоминается и в «Белозерской уставной грамоте», причем как обычная практика, которую следует регулировать. Значит, в XV в. «поле», как судебная норма, уже охватило всю Северо-Восточную Русь. Сам этот принцип выяснения — кто виноват, кто прав, — явно восходит к глубоким языческим временам, и, по существу, имеется единственный параллельный источник, который может объяснить его происхождение. Это — «Правда англов и вэринов» конца VIII в., много дающая для прояснения «варяжского» вопроса. По Волго-Балтийскому пути обычай этот был занесен в Новгородскую и Псковскую области, где он существовал по традиции, как бы за пределами «Русской правды», а затем он стал распространяться и по другим землям Северо-Восточной Руси. Христианская Европа этот обычай осуждала, но на Руси он вошел в Судебник 1497 г. и сохранился в Судебнике 1550 г., правда, с некоторыми ограничениями (сражаться на «поле» должны равные по силам, а монахи и женщины могут нанимать «бойцов» вместо себя).

Принципиальная *статья о крестьянском выходе* (установление «Юрьева дня») предполагала нечто среднее между встречавшимися в жизни запретами на переходы и правом свободных переходов в любое время. То же «среднее» устанавливалось в качестве платы за пожилое (плата за уходящего работника), но в реальной

жизни, конечно, каждый землевладелец стремился получить возможно большую плату.

За пределы обычной практики выходили *статьи о холопах*. XV в. дал ускорение двум параллельным процессам: росту городов и сферы распространения наемного труда и разорению «маргинальных» слоев, обычно продававших себя в рабство. По «Русской правде» одним из источников холопства было «тиунство без ряду». Иначе говоря, холопами становились управляющие княжескими и боярскими вотчинами, сами обладавшие большой властью и богатствами. Холопами были и многие военные слуги, в том числе командовавшие отрядами свободных воинов. Судебник 1497 г. делал первый шаг для преодоления этого противоречия: под контроль берутся источники холопства. Делается и первый шаг по ограничению служебного холопства: «по тиунству и ключу» в городе порабощать запрещалось (на селе формула сохраняла свою силу). Более решительный шаг в ограничении холопства будет сделан через полвека в Судебнике 1550 г., когда эта проблема еще более обострится.

Судебник 1497 г. закреплял за «Землей» права, зафиксированные ранее в «Белозерской грамоте»: *старосты, сотские и «лутчие люди» должны участвовать в судебных разбирательствах наряду с наместниками*. Но круг разбираемых дел сужался. Наиболее социально значимые проблемы выводятся из сферы дел, решаемых на месте.

§ 2. ПРОБЛЕМЫ «ЗЕМЛИ» И «ВЛАСТИ» НА РУБЕЖЕ XV – XVI вв.

В 90-е гг. XV в. сам «государь» Иван III колебался между *двумя* весьма разными направлениями в настроениях его ближайших советников. При кажущейся ясности ситуации в историографии она освящена слабо, поскольку производит впечатление внутрисемейных распрей. На самом деле все было сложнее, ибо за «*внутрисемейными распрями*» стояли довольно четкие интересы разных придворных «партий». *Первую «партию»* составляла провизантийская группа Софьи, ее окружения и соответственно *Василия Ивановича* – будущего великого князя. *Ей противостояла группа, ориентированная на Елену Волошанку, вдову безвременно умершего Ивана Ивановича Молодого, сочувственное отношение к которому в летописях заставляет предполагать, что на него возлагались большие надежды*. В колебаниях Ивана III между этими двумя группами не всегда можно понять, где это были размыш-

ления государственного мужа, а где личные обиды на капризную византийскую царевну.

Софья была женщиной решительной и властной, способной на любое «чисто византийское» преступление. Поэтому мало что значила ее опора на провизантийское иосифлянское духовенство: в Италии беженка из Константинополя легко принимала и иные Символы веры. Позднее А. Курбский заметит, что все зло на Руси шло от «жен-иностранок». Помимо Софьи, он имел в виду также вторую супругу Василия III Елену Глинскую. Елену Волошанку же в этот разряд он никак не заносил. В XV в. в «*Волошском господарстве*» (в Молдавии) говорили и писали на славяно-русском языке. Расположенность Ивана III в 90-е гг. к дочери молдавского господаря Стефана IV имела и определенную дипломатическую подоплеку: Стефан был естественным союзником Москвы против правителей Польши Ягеллонов и реальным союзником московского «государя» в деле собирания русских земель. Но в противостоянии двух женщин у Софьи был определенный перевес: она опиралась на ортодоксальные провизантийски и даже проримски настроенные церковные круги. В свою очередь Елена Волошанка могла рассчитывать на поддержку тех, кого иерархи признавали еретиками, кто на самом деле был ближе к исконному христианству, но имел более свободный взгляд и на религиозные, и на политические вопросы.

А ситуация была сложной и крайне запутанной. С 70-х гг. XV в. в Новгороде весомое влияние приобретает «*ересь жидовствующих*», суть которой великий князь, конечно, не осознавал («жидовствующими» на Руси еще в XI в. называли приверженцев ирландской церкви, и последователи этой традиции отвергали закрепостительные тенденции эпохи). Но он четко воспринимал источник: *еретики пришли из Литвы*. В самой Москве вольные мыслители, по сути, из ближайшего окружения великого князя, высказывают совсем иные мысли и идеи, но и за ними тянется шлейф-обвинение: «еретики». Иван III в конце 80-х гг. вместе с новгородским архиепископом Геннадием твердо стоит против митрополита Геронтия (митрополичий сан князя не смущает). Но затем отношения с Геннадием явно осложняются, поскольку первый переводчик на славянский язык Библии (1499 г.) начал ожесточенно отстаивать позиции *иосифлян* и право монастырей владеть селами. Реформа митрополита Алексия была отброшена: принцип «нестяжательства» и обязательный труд монахов уходил в сторону. А отвержение начинания Алексия создавало много и церковных, и светских проблем, в которых великий князь не смог бы и разобраться, а главное — вряд ли бы ему это позволили.

Переплетение многих противоречий вылилось в кризис 1497 г. Начало его также связано с молдавскими делами: обострением противостояния *Польши* и «*Волошской земли*». Но накопилось и множество внутренних проблем, связанных прежде всего с *противодействиями княжат и бояр новому порядку*. Княжата и бояре по-прежнему борются за право отъезда (отсюда пролитовские настроения), и за право безоглядно распоряжаться в своих вотчинах.

Летом 1497 г. над «Волошской землей» нависла серьезная угроза, однако *Стефану IV* (1457 – 1504), склонявшемуся уже было идти на поклон к Стамбулу, удалось разбить вторгшиеся польско-литовские войска. Но вскоре молдавский господарь был вынужден признать себя вассалом турецкого султана. Значение его для Руси как союзника в противостоянии Польше и Литве снизилось. Вместе с тем обозначились протурецкие симпатии волошан-молдаван, чем не могли не воспользоваться родственники и греческие эмигранты из окружения Софьи, которые, конечно, симпатизировали литовской стороне: за Александра Казимировича была выдана дочь Ивана III и Софьи Елена, и в этой дипломатической сделке участвовали лица из окружения Софьи. Осенью 1497 г. возникает реальный заговор, во главе которого стоял боярин *В. Гусев*, а за его спиной – со своими интересами – *Софья с сыном Василием*, которому доходил восемнадцатый год. Заговор приобрел реальные очертания, был раскрыт, и в декабре 1497 г. *В. Гусев* и его соучастники были казнены, а *Софья с сыном Василием* подвергнуты очередной опале.

Предпочтения Ивана III склонились на сторону *группы Елены Волошанки*. В **феврале 1498 г.** состоялась торжественная коронация четырнадцатилетнего *Дмитрия-внука* (сына Ивана Ивановича Молодого) в качестве «*великого князя*» – соправителя самого государя. Поскольку нарушалась традиция майората, Иван III дал наказ послам разьяснить, что он *волен* в своих сыновьях и внуках. В этом проявлялось и собственное представление, и стремление к неограниченной власти, и это должно было подчеркиваться особой торжественностью коронации внука. Но в литературе справедливо отмечалось, что, вроде бы передавая внуку неограниченную власть, Иван III никак не обеспечивал ее материально. Если сын великого князя Василий Иванович изначально имел весьма значительные земельные владения и стремился к их расширению, то Дмитрий-внук таковых не имел вообще, и в этом, по всей вероятности, заключалась одна из главных задач выдвижения на первый план Дмитрия. *Иван III как бы завершал ту линию, которая была начата еще Дмитрием Донским: не допускать очередного раздела объединенных земель*. Это было замечено и на Западе. В пись-

ме к императору Максимилиану кенигсбергский командор отмечал, что «старый государь один держит в своих руках управление землей и не хочет допустить собственных двух сыновей к управлению или разделу земли. Это для магистра Ливонии и для почтенного Ордена во многих отношениях тяжело и невыгодно: Орден не может противостоять столь большой силе, сосредоточенной в одних руках, в отличие от того положения, когда земля поделена между государями».

Самодержавные устремления Ивана III поддерживались именно окружением Елены Волошанки. Такого рода устремления вообще всегда и везде поддерживаются теми, кто не имеет корней в «этой стране». *«Повесть о Дракуле»*, написанная видным приверженцем идеи самодержавия Федором Курицыным из окружения Елены Волошанки, *прославляет жестокость во имя государственной целесообразности*. Но и для Византии придворная жестокость — это вся тысячелетняя история, а потому и задача в конечном счете сводилась к владению рычагами власти. На заговоре приверженцев феодальной вольницы окружение Софьи лишь спекулировало, что вскоре и проявится. А Иван III, как и во многих других случаях, уступал конкретным прагматическим интересам. На стороне же Софьи оказались *богатейшие монастыри и церковные авторитеты*, которые скептически относились и к реформе митрополита Алексия, и к решениям об освобождении Русской Церкви от зависимости со стороны отнюдь не бескорыстного византийского духовенства. На стороне Софьи оказываются и архиепископ Геннадий Новгородский, и монастыри, жаждавшие сел отнюдь не ради христианского просвещения крестьян. Гнев великого князя на жену и сына начал таять, а внук был принесен в жертву соперничавшей когорте властолюбцев. При этом Василий готов был даже отъехать в Литву (по крайней мере, он ехал к литовским границам), что могло быть одной из причин перемены в настроениях Ивана III: он всегда был реалист и прагматик и достигал целей постоянной ориентацией на изменяющиеся условия. В 1502 г. Дмитрий и его мать Елена Волошанка будут отправлены «за приставы». В тюрьме в 1509 г. Дмитрий и закончит свои дни при почти полном молчании русских и иностранных источников: ни объяснения причин смерти, ни оценок в них нет.

Вопрос об обстоятельствах и причинах отстранения от власти Дмитрия-внука в 1502 г. в литературе обсуждался, но *вряд ли может быть решен при имеющемся состоянии источников*. Во всяком случае, в источниках все сводится к личной воли государя — он кого хочет, того и жалует, а кого хочет, того и наказывает. В частности, русским послам указывалось, что они должны были объяс-

нять отстранение юноши Дмитрия примерно в том же духе, что и его возвышение: «Который сын отцу служит и норовит, ино отец того боле и жалует; а который сын родителем не служит и не норовит, ино того за что жаловати?» В другом наказе (1504 г.) разъясняется: «Внука был государь наш пожаловал, и он учял государю нашему грубити: ино ведь всякой жалует дитя, которое родителем норовит и служит; а который не норовит, да еще грубит, ино того за что жаловати?»

Было бы интересно узнать, из-за чего юноша Дмитрий «грубил» деду? На действительные причины князь в своих наказах даже не намекает. Но это явно связывалось и с падением роли Волошской земли в качестве стратегического союзника Московской Руси, и с обострившейся борьбой вокруг соотношения византийской и русской церкви, разного прочтения христианства. Ведь именно тогда Иван III отказался и от своих советчиков братьев Курицыных, и от поддержки так называемой «московской ереси», да и от поддержки «нестяжателей» тоже. *Он уступил «византийской чистоте», отказавшись и от идеалов подвижников XIV в., и от многих традиций русского христианства, и даже от столь важной для государства задачи обеспечения поместьями служилых людей, во имя то ли сиюминутных политических успехов, то ли исходя из своей оценки государственных задач, то ли просто из чувства самосохранения.*

В Никоновской летописи имеется, может быть, самое реальное объяснение перемены, происшедшей в настроении «государя» в 1503 г., когда наиболее остро стоял вопрос о возможной секуляризации церковных земель и ликвидации удельной системы. В так называемом «Слове ином» рассказывается о земельной тяжбе «некоторых чловецех», крестьян великокняжеских владений с Троицким монастырем. Обычное нарушение: монастырь «переорал (т. е. перепахал. — А. К.) земленую межу» и пашет землю, принадлежащую князю. Иван III повелел нарушившего межу монаха карать «торговой казнью» (так обозначалось публичное битье кнутом), а с игумена Серапиона взыскать 30 рублей. Были затребованы и прошлые грамоты монастыря на все села. Но, как сообщает Никоновская летопись, 28 июля «князь великий Иван Васильевич всея Руси начат изнемогати; его же Господь любит, наказует». Иными словами, *болезнь воспринималась как наказание Божье, и, очевидно, так это воспринял и сам князь.* Так или иначе, но вскоре вопрос о секуляризации практически снимается, и состоявшийся через некоторое время церковный собор считал вопрос о сохранении монастырского землевладения уже почти решенным.

Отказ от секуляризации церковных земель, по существу, предопределял отношение и к другому вопросу — корректировался взгляд на удельную систему. Как справедливо отметил С.М. Каштанов, эти два вопроса могли быть решены только во взаимосвязи. Сохраняя одно, великокняжеская власть неизбежно должна была сохранять и другое. Но высшей власти оставалась хотя бы функция регулятора всегда напряженных отношений между светскими и церковными землевладельцами.

Иван III умер в 1505 г. явно не на вершине своих достижений. На Руси прошли несвойственные ей пожары, в которых сжигали еретиков, в том числе тех, кому князь не так давно симпатизировал. И даже внешнеполитические успехи уже не выглядели надежными. Явно не сумел он предусмотреть и последствия своих конвульсивных действий конца XV — начала XVI в.

§ 3. ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ВАСИЛИЯ III

Для того чтобы понять особенности правления *Василия III Ивановича* (1479 — 1533), необходимо проанализировать подход нового великого князя к общегосударственным интересам. *Дмитрий-внук служил государству*: он не имел ничего, кроме «шапки Мономаха», врученной ему во время возведения в чин «великого князя» и соправителя Ивана III. Своим положением Дмитрий был просто обречен говорить и думать только об общегосударственном (правда, в той мере, в которой позволял возраст и реальная подготовка к несению государственных обязанностей). Василий Иванович изначально имел земельные владения и поэтому *его сознание сохраняло инерцию мировоззрения княжат своего времени*. И относился к государству Василий скорее как *вотчинник*, нежели государь, что проявилось еще при Иване III. В начале 90-х гг. это были притязания Василия на тверские владения (в частности, Кашин), на которые явно было больше прав у Дмитрия-внука, чья бабка, первая жена Ивана III, была тверской княжной. Позднее Василий претендовал на западные районы, смежные с литовскими, причем притязания Василия псковичам не нравились потому, что Псков тяготел к Москве, но псковичи не видели такого тяготения у самого Василия в первые годы XVI в.

Еще одна черта Василия III — *властолюбие*. Оценивая княжение Василия III Ивановича, С.Ф. Платонов заметил, что он «наследовал властолюбие своего отца, но не имел его талантов». Оспаривая

мнение насчет «талантов», А.А. Зимин вполне соглашался относительно «властолюбия». «Из хода острой придворной борьбы, — заключал автор, — он извлек для себя важные уроки. Главный из них тот, что за власть надо бороться». И далее: «Даже опричнина, это самое оригинальное из детищ Ивана IV, имела корни в мероприятиях Василия III. Именно в первой трети XVI в. дворовое войско (великокняжеская гвардия) начинает обособляться от общегосударственного. Даже поставление на престол Симеона Бекбулатовича (Иваном Грозным. — А.К.) имеет прецедент в попытке Василия III назначить себе наследником крещеного татарского царевича Петра».

Все верно. И было в истории так бесчисленное количество раз. Только вывод должен быть иной: *если Иван III за стремлением к власти не забывал государственные интересы, то у Василия III властолюбие всегда стояло на первом месте.* Он готов был отдать Россию казанскому царевичу, лишь бы она не досталась кому-нибудь из родных братьев. (И такая проблема встала уже в 1510 г. во время окончательного подчинения Пскова.) Еще лучше выразил суть понимания власти Василием III боярин Берсень-Беклемишев: «Иван III любил встречу» (т.е. обсуждение, спор с ним), Василий же решал дела «запершись сам-третей у постели». А государственные дела так, естественно, не решаются.

Первые «приказы» как элементы управленческой структуры в источниках упоминаются уже с начала княжения Василия III. Однако это просто иное название тех самых «путей», которые складывались в 80-е гг. XV в. Можно предполагать и ограниченные их функции именно задачами обеспечения не государственных интересов, а *княжеской вотчины.*

Заслуги Василия III обычно ассоциируются с тремя датами: присоединение Пскова в 1510 г., Смоленска в 1514 г. и Рязани в период 1516 — 1521 гг. Но надо иметь в виду, что *Псков* уже в конце XV в. признавал Ивана III «государем», постоянно обращался за помощью к Москве в противостоянии угрозам со стороны Ливонии и сепаратистским тенденциям новгородского боярства. Василий Иванович лишь распорядился вывезти из Пскова вечевой колокол и посадил в качестве постоянного управляющего московского наместника (их приглашали в город и ранее по определенным случаям). А это — достижение далеко не бесспорное. Псков в итоге в системе объединяющегося государства играл менее значимую роль, нежели ранее.

Возвращение *Смоленска*, буквально отданного Литве двумя предшествующими Василиями, — факт, безусловно, важный. Но и это лишь возврат к позициям, завоеванным еще во времена Дмит-

рия Донского и исправление беспринципных действий сына и внука великого деятеля Руси.

С *Рязанью* дело обстояло сложнее. В XIV в. именно рязанский князь Олег Иванович удерживал Смоленск в качестве княжества Северо-Восточной Руси. После кончины в Рязани сестры Ивана III Анны (1501 г.) над Рязанским княжеством устанавливается фактический протекторат со стороны Москвы. Правившей в Рязани княгине Агриппине-Аграфене (при малолетнем сыне Иване Васильевиче) Иван III дает указание, чтобы она «бабьем делом не отпиралась». Позднее ситуация осложнится. Та же Аграфена станет энергичным борцом за восстановление полной независимости Рязанского княжества, а сын ее будет добиваться возвращения на рязанский стол еще в середине 30-х гг. XVI в., после кончины Василия III. И это будет связываться не столько с антимосковскими настроениями, сколько с *неприятием системы организации власти, к которой изначально стремился Василий III*. Иными словами, эти приобретения Василия III *нарушали определенную гармонию «Земли» и «Власти»*, которая сохранялась при Иване III и за которую будет вестись борьба на протяжении двух веков.

Борьба в высших эшелонах власти всегда оставляла большие возможности для «инициативы мест». Но это не всегда укрепляло самоуправление, напротив, беззаконие (пусть и в феодальном смысле) «наверху» провоцирует и беззаконие наместников. Это *обострение противоречий и в «верхах», и в «низах» углубляется в первой половине XVI в., подрывая основы государственной устойчивости*. Ухудшение положения крестьянства в годы правления Василия III отмечается многими источниками, а прибывшего в Москву в 1518 г. Максима Грека нищета и забитость крестьян прямо-таки поразила.

В политике Ивана III большое место отводилось косвенному влиянию на местные традиционные властные структуры. Он фактически контролировал ситуацию в *Казани* и на всех прилегающих к ней территориях, то меняя ханов и вождей, то направляя в эти районы воевод (задача которых также заключалась в замене одних местных правителей другими).

После вступления Василия III на великое княжение, *казанский хан Мухаммед-Эмин* объявил о *разрыве отношений с Москвой*. Причиной в данном случае объявлялось обращение новой власти с только что низвергнутым Дмитрием-внуком. И это «заступничество» лишний раз побуждает всю сложную коллизию увязывать с поворотом в политике Стефана IV: признанием зависимости от Османской империи, к которой теперь склоняются и все осколки Золотой Орды. «Аз, — пояснял Мухаммед-Амин, — еси

целовал роту за князя великого Дмитрея Ивановича, за внука великого князя, братство и любовь имети до дни живота нашего, и не хочу быти за великим князем Васильем Ивановичем. Великий князь Василей изменил братаничю своему великому князю Дмитрею, поимал его через крестное целованье. А яз, Магмет Амин, казанский царь, не рекся быти за великим князем Васильем Ивановичем, ни роты есмя пил, ни быти с ним не хочу». Это пересказ русской (Холмогорской) летописи, в чем отражается и позиция русских областей, прилегающих к Казанскому ханству. Но это и указание на действительную ситуацию, когда *Казанское ханство, казалось бы, уже вполне вошедшее в состав Русского государства одно из важных его звеньев на Волго-Балтийском пути, теперь становится беспокойным пограничьем, каковым и останется еще на полвека.*

Явно не ладилась у Василия III отношения и с другим бывшим союзником Москвы — с *крымским ханом*. Если раньше набег из Крыма шли хотя и на «русские» земли, но находящиеся под властью Литвы, с которой шли непримиримые войны за наследство Киевской Руси (о чем нередко с болью говорили русские летописцы), то теперь и подчиненные Москве территории подвергаются грабительским набегам. И это изменение политики тоже косвенным образом связывалось с изменением отношений с Волошской землей.

А.А. Зимин весьма обоснованно говорит о возможности и более худших перспектив. «Кто знает, — начинает он раздел об отношениях с Литвой, — как бы развернулись в дальнейшем события, если б судьба на этот раз не была благосклонной к великому государю всея Руси». Постановка вопроса для историка, конечно, не традиционна, но в данном случае не безосновательна. Главной «удачей» была кончина в 1506 г. литовского князя Александра Казимировича, женатого на сестре Василия Елене. Василий III на фоне неудач на Востоке надеялся утвердиться на Западе и предложил свою кандидатуру в качестве Великого князя Литовского. Он рассылал послов и послания, но особого отклика они не получили. Представитель вроде бы русско-литовской партии Михаил Львович Глинский и сам претендовал на великокняжеский стол. Но в Литве католицизм уже явно преобладал, и новым великим князем был избран брат Александра — *Сигизмунд*.

Внутренние противоречия в *Литве*, в том числе и в ее отношениях с Польшей, Ливонией и Священной Римской империей оставались, как обычно, сложными, запутанными и непредсказуемыми. Хотя претензии Василия III и не получили поддержки в православных областях Литвы, объективный выигрыш для

Московской Руси в этом был. Коронация Сигизмунда была и актом противостояния Василию, и вызовом России (решение в 1507 г. начать войну с Москвой), с чем не могли смириться в русских областях Литвы. Вильно требовала возвращения под юрисдикцию Литвы земель, утерянных в 1500 – 1503 гг., но в этих землях не было желания возвращаться под власть безвластного или католически властного государства. В итоге поднималась фигура *Михаила Львовича Глинского*, человека, побывавшего на службе в разных странах, бывшего католиком, военачальником и Тевтонского ордена и Империи: обычная биография княжат и бояр XV в., выбитых из своей колеи. Увеличилась его роль и в Литве при Александре, а ко времени кончины князя он воспринимался уже в качестве его главного советника и преемника. И в 1508 г. началось восстание против Сигизмунда во главе с Михаилом Львовичем и в его поддержку.

Укрепившись в Турове, Глинский и его сопричастники принимали послов от Василия из Москвы и Менгли-Гирея из Крыма (который обещал мятежнику Киев). Поскольку опереться они могли только на протестные православно-русские силы, победили сторонники московской ориентации. За переход на службу Москве мятежникам было обещано оставить все города, которые они сумеют отобрать у Сигизмунда. На стороне мятежников находилось явное желание русских городов к объединению с исконно русскими землями. *Но как раз это настроение мятежники и не стремились использовать.* По разным генеалогиям Глинские были потомками татарских беглецов разгромленного Тохтамышем Мамаю и с русско-литовской почвой связей не имели. Как и все подобные «перемещенные лица», они были связаны со служебными «верхами», не пытаясь ни в коей мере проникнуться интересами «Земли». В итоге восстание Михаила Глинского всенародной поддержки не получило, тем более что он к ней и не обращался, и в 1508 г. он с братьями отъехал к Василию III, получив «в кормление» Малый Ярославец. Вместе с соучастниками они будут именоваться в русских источниках *«литвой дворовой»*. Однако в политической жизни России они сыграют довольно значительную роль.

Иван III, ставивший задачу обеспечения служилых людей определенными наделами (из фонда государственных земель), под конец правления, по существу, отказался от решения этой задачи, уступив «села» иосифлянским монастырям. Далее борьба шла в основном между местными феодалами и монастырями стяжательского толка. Василий III долго уклонялся от разбора жалоб с той и другой стороны, но в конечном счете принял сторону иосифлян, обещавших поддержку личной власти великого князя. Именно это

обстоятельство послужит *уступкой* властителей — Василия III и его сына Ивана Грозного — действительным государственным интересам: *созданию относительно постоянного и в рамках феодализма обеспеченного служилого сословия*. Нестяжатели же, осуждая стяжателей, не получали поддержки из-за осуждения власти, оторванной от «Земли», власти, существующей ради «Власти». Именно в иосифлянских посланиях все чаще мелькало обращение «царь» в качестве высшего воплощения неограниченной власти, и этот титул попал даже в дипломатический документ 1514 г., исходивший из канцелярии Империи.

Дипломатический успех середины второго десятилетия XVI в. справедливо считается своеобразной вершиной правления не только Василия, но и его преемников: *Священная Римская империя признавала за Москвой право и на Киев, и на прочие традиционно русские земли, оказавшиеся под властью Польши и Литвы*. Конечно, у Империи были свои расчеты: в это время для Габсбургов (правлящей династии Империи) главной задачей было остановить притязания Польши на земли Тевтонского ордена и прилегающих к Империи территорий, а также разрушить намечавшийся польско-турецкий союз. Позднее, в 1517 и 1526 гг. Москву посетит имперский посол С. Герберштейн и оставит ценные записи о России вообще и придворном церемониале (с восточным акцентом) в частности.

Определенную помощь Россия получала также от некоторых балтийских стран, в частности *Дании*. А нуждалась Россия прежде всего в технической подготовке. Набеги крымских татар требовали создания цепи укрепленных городов и поселений по южным рубежам, а предстоящая большая война за русские города с Польшей и Литвой требовала специалистов в области фортификации. Создание защитных полос от набегов крымских татар будет начато в 20 — 30-е гг. XVI столетия.

Противостояние с Литвой и Польшей не прекращалось на протяжении всего княжения Василия Ивановича, тем более что в Литву норовили сбежать даже братья великого князя. Узловой проблемой на данном этапе было возвращение *Смоленска*. В 1512 г. Сигизмунд подверг заточению овдовевшую сестру Василия — Елену, где она вскоре и скончалась. Разрыв отношений стал неизбежным. Но несколько походов под Смоленск оказались неудачными: не хватало и техники (артиллерии), и умения брать хорошо укрепленные крепости. Империя решила морально поддержать Москву, направив упомянутое выше посольство. Определенную роль это сыграло: в 1514 г. Смоленск наконец был взят. В походе на Смоленск участвовало огромное по тем временам войско (по некоторым сведениям до 80 тысяч человек), оснащенное почти

300 орудиями, и возглавляли войско сам великий князь с братьями Юрием и Семеном. Активную роль играл и Михаил Глинский, рассчитывавший получить воеводство в этом городе. Но он его так и не получил. При продвижении войска в глубь Литовского княжества он замыслил измену. Изменник был схвачен и отправлен в заточение. Но неудовлетворенность честолюбия и корыстолюбия распространилась и на других воевод. Под Оршей русское войско потерпело поражение. Развить успех, достигнутый под Смоленском, не удалось.

Следует отметить, что при взятии Смоленска сыграли значительную роль обещания, которые давались и самим смолянам, и находившимся в городе наемникам. Те и другие получали значительные льготы и свободу выбора, причем провозглашалось, что льгот будет больше, чем горожане имели при Сигизмунде. Это во многом предопределило решение горожан, да и значительного числа наемников перейти на сторону московского князя, открыть ворота города. Наемникам, пожелавшим покинуть город, выдавались на дорогу определенные суммы денег (кое-кто из них будет обвинен Сигизмундом в измене).

Между тем внешнеполитические отношения все более обострились. В 1521 г. произошел переворот в Казани, и промосковские силы были отстранены от влияния на политические и иные дела. Казань обратилась за помощью к крымскому хану Мухаммед-Гирею, который и организовал стремительный поход на московские земли, причем татарская конница легко переправилась через Оку и почти без противодействия с русской стороны разорила Подмосковье, а сам князь бежал из Москвы в сторону Волоколамска и, по рассказам современников, спрятался в стог сена. В Крым был уведен огромный полон. *Более чем полвека Россия не знала таких поражений и таких разорений.* Естественно, что в обществе назревало недовольство «царем» и его ближайшим окружением, причем сталкивались вновь провизантийские и антивизантийские настроения.

Громким политическим событием, расколовшим русское общество, явился развод Василия III с первой женой Соломонией Сабуровой и женитьба его на племяннице Михаила Глинского, *Елене Глинской* (в 1525 г.). Формальным поводом для расторжения брака явилось «бесплодие» Соломонии. В литературе высказывалось мнение, что бесплодным был великий князь и соответственно дети от Елены Глинской не могли быть его. С. Герберштейн отметил слух, по которому у Соломонии вскоре после развода родился сын. Но преобладает мнение, что была лишь имитация появления на свет сына Василия и Соломонии.

Браку предшествовало «дело» *Максима Грека* и боярина *Берсеня-Беклемишева*. Максим Грек прибыл в 1518 г. в Москву с двумя помощниками для перевода или исправления переводов книг Священного Писания на церковно-славянский язык. Человек весьма неоднозначной репутации, он всюду отличался высокой активностью, и в данной обстановке он также скоро включился в разгоравшуюся вокруг великокняжеского двора борьбу. Он сблизился с «нестяжателями» и стремился подкрепить их аргументы практикой монастырей «Святой Горы» Афона. В результате именно Максим Грек с частью русских бояр оказался противником развода великого князя, и церковный собор 1525 г. обвинял Максима Грека в разного рода отступлениях и нарушениях. Обвинения шли и по светской линии, и по церковной (со стороны *митрополита Даниила*). Два грека — Максим и Савва были сосланы в Иосифо-Волоколамский монастырь, фактически под надзор со стороны их главных противников — иосифлян. Берсеню-Беклемишеву «на Москве-реке» отрубили голову, а митрополичьему служителю «крестовому дьяку» Федору Жареному вырезали язык, предварительно подвергнув его «торговой казни» (он мог бы и избежать наказания, если бы согласился доносить на Максима Грека). Другие обвиняемые были отправлены в монастыри и темницы. Главная борьба разворачивалась, естественно, из-за оттеснения старого московского боярства «литовцами». Именно в этой обстановке в 1527 г. «из нятства» был освобожден Михаил Глинский, и при дворе в целом располагается теперь иная «команда».

Продолжение «дела» Максима Грека будет в 1531 г. на иосифлянском соборе, где во главу угла будет положено право монастырей владеть селами. Главным же обвиняемым в этом случае будет князь-инок, борец за традиции нестяжательства монастырей, *Вассиан Патрикеев*, а Максим Грек будет проходить в качестве его единомышленника. Максима, в частности, будут обвинять в неуважении к прежним русским святым, начиная с митрополитов Петра и Алексия. Главным обвинителем вновь выступил митрополит Даниил. В итоге Максим был сослан в Тверь, а Вассиан Патрикеев в Иосифо-Волоколамский монастырь.

Василий III никак не хотел делить власть и земли со своими братьями — *Дмитрием* и позднее *Юрием Дмитровским*. Больше близости было с братом *Андреем Старицким*, но все-таки только в противостоянии с другими братьями. Рождение в 1530 г. сына Ивана вроде бы обеспечивало единодержавие и возможность отодвинуть на обочину иных претендентов. Но оставались разговоры о реальном или мнимом сыне Соломонии Юрии, а также разговоры о том, почему первенец появился лишь после пяти лет брака с

Еленой Глинской. Фигура *И.Ф. Телепнева-Овчины-Оболенского* как фаворита великой княгини была у всех на виду и при жизни великого князя, а после его смерти он стал и фактическим правителем при регентше Елене Глинской.

§4. РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО ПРИ НАСЛЕДНИКАХ ВАСИЛИЯ III

Василий III скончался в 1533 г. от какой-то язвы (из бедра гною вытекло «до полутаза и по тазу»). Остались трехлетний *Иван* и годовалый *Юрий*. А параллельно жила легенда о другом Юрии – сыне Соломонии. *Елене Глинской* (ум. 1538 г.) поручалось попечительство над детьми и княжение до их совершеннолетия. Василий III перед своей кончиной подобрал регентский совет, предусматривая главным образом цель не допустить к власти своих братьев Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого. «Заговор» Юрия Дмитровского в 1533 г. был разгромлен сравнительно легко: перевес сил у Елены Глинской был явно превосходящим, а «регентский совет» заметно превосходил удельную оппозицию. И Юрий Дмитровский, и Андрей Старицкий не смогли оказать сколько-нибудь серьезного воздействия на правящий круг. Сложнее складывалась ситуация, когда во главе оппозиции стал дядя великой княгини Михаил Львович Глинский. Выдвигал на первые роли Михаила Глинского сам Василий III: именно его он хотел видеть во главе регентского совета. Но Михаилу пришлось столкнуться с резким противодействием великой княгини, своей племянницы. В итоге столкнулись дядя и фаворит княгини Телепнев-Овчина-Оболенский, причем фавориту Елена отдавала явное предпочтение.

В отличие от братьев Василия III, Михаил Глинский не собирался отстранять наследника престола. Напротив, он как раз старался укрепить его позиции, убрав из окружения лиц, реально находившихся тогда у власти, – князей Шуйских, М.Ю. Захарьина, И.Ю. Шигону. С. Герберштейн приводит данные о противостоянии Михаила Глинского и *И.Ф. Телепнева-Овчины-Оболенского*, но заговор Михаила Глинского был раскрыт. Сам глава заговора и его приверженцы в 1534 г. оказались в тюрьме (Михаил Глинский вернулся в то же заточение, что и раньше), часть бояр бежала в Литву. Неудача заговора в значительной степени объяснялась тем, что большинство заговорщиков ориентировались на Литву и не имели прочных позиций в основных землях России.

Правительство Елены Глинской и И.Ф. Телпнева-Овчины-Оболенского (ум. 1538 г.) проводило в целом *централизаторскую* политику, хотя в этой политике присутствовало и простое желание не выпускать власть из рук. Расширялась практика испомещения служилых людей и ограничивались притязания монастырей (притом, что митрополит Даниил был ортодоксальным иосифлянином). Большое значение придавалось городскому строительству, и в это строительство втягивались разные слои населения. Возводились города на юге, расширялись защитные полосы, укреплялись города по границе с Литвой. Большое строительство проходило в самой Москве.

В 1535 г. была осуществлена *денежная реформа*, задуманная еще при Василии III. Поводом для реформы явилось обилие поддельных серебряных монет разного веса и достоинства. В итоге вес новых монет, по сравнению с прежними, был снижен, но государство получило унифицированную денежную единицу — *рубль*, что, естественно, способствовало и торговле, и налоговым поступлениям.

Но авторитет власти оставался невысоким, а недовольство охватывало самые разные слои населения, включая светских и церковных феодалов. В 1536 г. в заточении скончался Юрий Иванович Дмитровский. Андрей Старицкий по давней традиции пожелал получить выморочный удел брата. В 1537 г. он поднял мятеж, в котором приняли участие и новгородцы. В Москве также было беспокойно, хотя и неясно, чего именно требовали москвичи и чью сторону они поддерживали. В итоге Андрей Старицкий был схвачен «и умориша его под шляпою железною». Суровым наказаниям, в том числе «торговой казни», были подвергнуты бояре и думные люди князя. Еще более суровой была расправа с новгородцами: их били кнутом, «казнили смертною казнью», вешали по новгородской дороге. Видимо, эти казни окончательно подорвали авторитет Елены Глинской и Телпнева-Овчины-Оболенского. 3 апреля 1538 г. Елена Глинская скончалась, и широко ходили слухи (их записал С. Герберштейн), что княгиня была отравлена боярами. Эту версию подтверждает и факт расправы бояр с Телпневым-Овчиной-Оболенским сразу же после ее кончины.

По сути, произошел своеобразный государственный переворот, в результате которого устанавливается *боярское правление*. В литературе 40 — 50-х гг. XX в. обычным штампом была формула «реакционное боярство». Но на фоне событий 1537 г. для ряда социальных слоев можно говорить об облегчении их положения. Просто среди бояр тоже были разные настроения, и это скажется на протяжении десятилетнего боярского правления.

Власть после смерти Елены Глинской и Овчины-Оболенского захватили князя *Шуйские*, а также *И.Ф. Бельский* (ум. 1542 г.), за которым стоял митрополит Даниил. Неустойчивое положение побуждало срочно искать союзников, и бояре-правители нашли их прежде всего в ведущих *монастырях* — Троице-Сергиевом, Симоновом и некоторых других. Монастыри получают пожалования, снимающие те ограничения, которые были наложены на них в середине 30-х гг. XVI в., а привилегии же для феодального класса, естественно, отрицательно сказываются на трудовой части населения. Но между Шуйскими и Бельскими скоро возникают глубокие разногласия. В ход пускаются и «патриотические» аргументы: бегство брата *И.Ф. Бельского* Семена Бельского в 1534 г. в Литву, связь его с крымскими татарами, литовское происхождение рода. Во всяком случае, Шуйских поддержало собственно русское дворянство, служилые люди, и потому «государственники». В 1539 г. Шуйским удалось отстранить митрополита Даниила и возвести на митрополичью кафедру игумена Троицкого монастыря Иоасафа. Но и новый митрополит оказался сторонником Бельских, и в 1540 г. они снова возвращаются к власти. «Губная реформа», объявленная в 1539 г., была прервана, а право, данное псковичам, самим судить и обыскивать «лихих людей, разбойников и татей» подрывало устои, зафиксированные в «Белозерской уставной грамоте» 1488 г. *Упорядочение отношений «Земли» и «Власти» вновь откладывалось.*

Бельские объективно укрепляли позиции тех бояр, которые в свое время выступали против правления Елены Глинской. «Из нятства» были освобождены жена Андрея Старицкого Ефросинья и сын Владимир. Были смягчены условия содержания племянника Ивана III Дмитрия Андреевича Углицкого. Был амнистирован и Семен Бельский, активно воевавший против Русского государства в отрядах литовцев и крымских татар. Вместе с тем были попытки продолжить «губную реформу», но эти попытки больше походили на *разрушение* институтов власти, а не на их укрепление.

Очередной переворот произошел в начале 1542 г. К власти снова пришли Шуйские, митрополита Иоасафа отстранили, и митрополичью кафедру занял близкий Шуйским новгородский архиепископ *Макарий* (1482—1563) — впоследствии один из видных политических и духовных деятелей России. Шуйские снова ищут поддержки у монастырей, давая им привилегии. Но в конце 1543 г. очередной переворот приводит к власти *Воронцовых*, в свое время входивших в круг ближайших советников Василия III. Воронцовы пытаются скорректировать политику Шуйских. В 1544—1545 гг. они проводят *писцовое описание*, цель которого заключалась в ограничении льгот и иммунитета светских и церковных феодалов.

Определенные привилегии получили городские слободы, причем принимались меры к их расширению и созданию новых слобод. *Правление Воронцовых было, пожалуй, самым разумным за период с конца 30-х до конца 40-х гг. XVI в.* Но уже в 1545 г. у Воронцовых возникают осложнения с родственниками царя, а 21 июля 1546 г. Федор и Василий Воронцовы и Иван Кубенский были казнены. К власти вновь приходят *Глинские*.

Утверждаются у кормила власти Глинские к началу 1547 г., а уже в июне этого же года восставшее московское население грозит это правительство, в чем выражается и оценка их дел в сравнении с предшественниками. И это при том, что в январе 1547 г. Иван IV, по инициативе Макария, был венчан на царство, что, естественно, Глинские стремились использовать в своих целях. Глинским нужен был авторитет верховного правителя ради устранения своих конкурентов, митрополит же надеялся на укрепление явно ослабленного авторитета власти вообще. Первые своей цели достигли, что же касается митрополита, то, хотя летописные записи этого времени всегда называют в первую очередь митрополита, свидетельствовало это не столько о его политической роли, сколько о том, что летописца надо искать в близких к нему кругах. Волнения в разных концах страны говорили о явном неблагополучии во всей системе управления и хозяйствования, а восстание в Москве совершенно ясно определило, кого считали главными виновниками всех российских неурядиц.

И еще одно важное событие 1547 г. Через несколько недель после венчания на царство юный Иван IV был повенчан с *Анастасией Романовной Захарьиной-Юрьевой* (ок. 1530–1560) — дочерью Романа Юрьевича Захарьина, родоначальника будущей династии *Романовых*. При дворе появляется новая боярская группировка Захарьиных-Юрьевых, которая, естественно, стремится найти свою нишу в далеко не простом раскладе противоборствующих сил. Роль их будет то возрастать, то падать (чаще всего в связи с постоянными капризами первого венчанного царя). Но именно к ним после лихолетья Смуты обратится раздираемая противоречиями «Земля».

Литература

- Алексеев Ю.Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI в. Переяславский уезд. М.; Л., 1966.
- Бегунов Ю.К.* «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XV–XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви // ТОДРЛ. Т. XX. М.; Л., 1964.

- Веселовский С.Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М., 1947.
- Гальперин Г.Б.* Формы правления Русского централизованного государства XV – XVI вв. Л., 1964.
- Готье Ю.* Замосковский край в XVII в. М., 1937.
- Горский А.Д.* Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV – XV вв. М., 1960.
- Греков И.Б.* Очерки международных отношений Восточной Европы XIV – XVI вв. М., 1963.
- Дмитриева Р.П.* Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955.
- Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. М., 1960.
- Зимин А.А.* О политической доктрине Иосифа Волоцкого // ТОДРЛ. Т. IX. М.; Л. 1953.
- Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960.
- Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.
- Казакова Н.А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960.
- Казакова Н.А.* Русско-датские торговые отношения в конце XV – начале XVI в. // Исторические связи Скандинавии и России в IX – XX вв. Л., 1970.
- Клибанов А.И.* Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI в. М., 1960.
- Копанев А.И.* История землевладения Белозерского края XV – XVI вв. М.; Л., 1951.
- Леонтьев А.К.* Образование приказной системы управления в Московском государстве. М., 1961.
- Лурье Я.С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI в. М.; Л., 1960.
- Каштанов С.М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967.
- Кочин Г.Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII – начало XVI в. М.; Л., 1965.
- Носов Н.Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.; Л., 1957.
- Тихомиров М.Н.* Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533 – 1547 гг. // Исторические записки. 1954. Кн. 46.
- Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы. Ч. 1 – 2. М., 1948 – 1951.

ГЛАВА XVI

Общественно-политическая мысль конца XV – середины XVI в.

§ 1. БОРЬБА ИДЕЙ НА РУБЕЖЕ XV – XVI вв.

XVI столетие часто называют *веком публицистики*. Правда, границы «века» следует несколько сдвинуть: включить *в его рамки последнюю четверть XV в. и довести примерно до третьей четверти XVI столетия*. Расцвет публицистики предопределяется обычно двумя факторами – резким изменением традиционных отношений и возможностью представителям разных социальных групп более или менее открыто выражать свои интересы. Создание единого Русского государства в конце XV в., падение Византийской империи, освобождение от монголо-татарского ига привели к весьма значительным переменам, побуждавшим и почти все слои общества, и властные структуры учитывать вновь складывавшиеся отношения. Такая ситуация, когда ни одна социально значимая группа не могла претендовать на безусловное господство, в той или иной степени существовала до развязанного Иваном Грозным в 60-е гг. XVI кровавого террора.

В обширной литературе собственно общественно-политические проблемы часто перемешаны с конкретно-религиозными спорами, имеющими значение для истории церкви, но мало что дающими для уяснения основных проблем общественно-политических баталий. Так, очень большое место отводится *«еретикам»* конца XV в. Но авторитетнейшие Паисий Ярославов, близкий самому великому князю Ивану III, Нил Сорский, да и сам митрополит Зосима выступили в 1490 г. против осуждения, по крайней мере, части так называемых «еретиков». Митрополит Зосима и от главного борца против реальных и мнимых еретиков новгородского владыки Геннадия потребовал оправдания: архиепископ слишком открыто симпатизировал «латинянам», «шпанскому королю», чинившему жесточайшие расправы с «отступниками».

К 90-м гг. XV в. верующие пришли с ожиданием «конца миру» в 1492 г. Естественно, что это ожидание порождало бесчисленное количество вариантов преодоления трагически-пессимистических настроений. Надо иметь в виду и то, что на Руси первый полный перевод Библии был сделан новгородским архиепископом Геннадием лишь в 1499 г. («Геннадиевская Библия»). А это значит, что новгородские еретики 80-х гг. практически не знали *Ветхого Завета*, хотя в католицизме Ветхому Завету изначально уделялось значительное внимание.

Ветхий Завет на Руси долгое время не переводили вполне сознательно, как нечто излишнее для православного христианина, ведь считалось, что увлечение *ветхозаветной тематикой* в ущерб Новому Завету может в итоге *привести христианина к иудаизму*. Многочисленные ветхозаветные сюжеты в книгах, посланиях, словах и т.д. обычно носили *апокрифический характер* и своим происхождением были обязаны *Византии* или *Литве*, где в XIV – XV вв. появляется и *иудейская община*. Но на Руси даже в «*ереси жидовствующих*» иудаизм *фактически не просматривается*. Как отмечено выше, «*жидовствующими*» и на Западе, и на Руси называли последователей ирландской церкви. И когда Иосиф Волоцкий осуждал «жидовствующих» за отрицательное отношение к иконам, то он не учитывал, что «*иконоборцы*» в Византии (и именно в рамках христианства) господствовали еще в VIII в., а ранние христиане, как и оппоненты Иосифа Волоцкого, подобного рода почитания считали языческими. В результате Иван III, отдав на сожжение своих ближайших советников как «еретиков», не только очернил свои прежние достижения, но и сбил Россию с оптимального пути, на который она встала его же стараниями к концу XV в.

Для общественно-политической истории России принципиальное значение имела борьба «*нестяжателей*», т.е. последователей Нила Сорского, и «*иосифлян*», т.е. сторонников Иосифа Волоцкого. В деятельности *Нила Сорского* (ок. 1433 – 1508) и *Иосифа Волоцкого* (1439 – 1515) действительно проявились два принципиально разных подхода не только к церковным, но и к светским делам, в том числе и к принципам государственного устройства и управления. И оба эти подхода окажут серьезное влияние на будущее развитие России. Так, идеи Нила Сорского будут постоянно использоваться и в середине XVI в., и в годы Смутного времени, а «презлых иосифлян» будет поминать Андрей Курбский. В свою очередь «иосифлячество» со временем станет основной линией во всей Русской Церкви.

Выше говорилось об огромной роли монастырской реформы митрополита Алексия в XIV в. В уставах основанных им обще-

житийных монастырей предполагалось два обязательных условия: *труд* и *нестяжание*. Эти же принципы лежали в основе и «*Скитского устава*» Нила Сорского: «*не работаяй, да не ест*». Автором этого «пролетарского лозунга» был еще апостол Павел. Борьба последователей Нила Сорского за «нестяжание» монастырей и дала название «нестяжательству» — широкому движению, активно проявлявшемуся в XVI в. и сохранявшемуся позднее. В *уставе, разработанном Иосифом Волоцким*, тоже звучал тезис апостола Павла — призыв к «нестяжанию». Но он имел совершенно иное значение, поскольку, с одной стороны, предполагал «*личное нестяжание*», а с другой стороны, вовсе не предполагал физический труд монахов. «Нестяжанию» прямо противопоставлен и принцип «*стяжания*»: *признание необходимости обогащения монастырей*. Размежевание двух направлений произошло в начале XVI в., и главным образом по вопросу о *церковных имуществвах*: «*иосифляне*» *защищали право монастырей владеть землями*, последователи Нила Сорского *возражали против владения церковью недвижимым имуществом*.

В литературе нередко Нила Сорского представляют мистиком, рассуждающим о нравственности, даже исихастом, т. е. представителем крайне индивидуалистического течения с оккультистскими восточными чертами, в то время как Иосиф Волоцкий подается в качестве крупного государственного деятеля. Поскольку в литературе часто мистика смешивается с оккультизмом, а «*стяжатели*» попадают в разряд подвижников, необходимо уточнить содержание этих понятий. В отношении подвижничества представляется достаточной формула, приведенная в книге «*Великие духовные пастыри России*»: «*Подвижничество на земле Русской обязательно носило общественный характер и было совершенно свободно от корысти в любом ее проявлении*». Несмотря на отмечаемую многими авторами «абстрактность» рекомендации, Нил Сорский под это определение вполне подходит. Иосиф Волоцкий — ни в одном звене.

О соотношении *мистики* и *оккультизма* важно наблюдение современного автора диакона Андрея Кураева. Автор полагает, что они противоположны в главном: *в отношении к возможностям познания. Оккультно-магическое у автора противопоставлено мистико-мифологическому*. Первое у него сближается с «материализмом». Правильнее было бы сказать с «позитивизмом», с его ограниченностью познания лишь непосредственно осязаемого, того, что лежит перед глазами и потому с неизбежным *агностицизмом*, т. е. отрицанием возможности познания. Мистика же (от греч. «*таинственный*»), при всем многообразии ее выражения, противо-

положна агностицизму. Она присутствует в любом творческом искании (в частности, в форме интуиции), направляя поиск в мире непознанного. Именно в сфере мистико-мифологического лежит часто удивляющий глубокой пронизательностью художественный образ поэта, художника, ученого.

В литературе существует значительный разнобой в определении социальной базы учения Нила Сорского. Но разногласия затрагивали весьма широкий круг вопросов. При этом направленность взглядов Иосифа Волоцкого и его последователей воспринимается практически однозначно. В оценке взглядов Нила Сорского и других «нестяжателей» такого единодушия нет. В научной литературе существуют значительные разногласия по вопросу о том, какого социального слоя взгляды выражал Нил Сорский и можно ли рассматривать его учение как сознательно выраженную политическую платформу. О нем говорят то как о выразителе интересов патриархального крестьянства, то представляют защитником интересов боярства. Либералы-славянофилы находили у Нила Сорского идеи «мягкости и терпимости», обнаруживали у него элементы «критического» отношения к Ветхому Завету и некоторую близость к взглядам еретиков конца XV в. Я.С. Лурье, напротив, склонен объединять Нила с Иосифом Волоцким в рамках одного течения, вполне ортодоксального и традиционного. Но из этих разноречий вытекает лишь тот вывод, что вроде бы из чисто христианских настроений Нил *признает всех равными перед Богом*, а как это могло осуществиться, можно будет проследить по более практичным предложениям последователей нестяжательства в XVI столетии.

Нил Сорский был постриженником Кирилло-Белозерского монастыря, а затем покинул его ради организации скита за рекой Сорой. Учителем его был старец *Паусий Ярославов*, державший сторону Ивана III в сложных столкновениях светских и церковных верхов. Сочинения Нила немногочисленны. Наиболее значительными являются «*Предание ученикам*» — своеобразный устав скитской жизни, а «*Скитский устав*» в 11 главах представляет собой нечто вроде этической программы. Известны также послания Нила к белозерскому старцу Герману, Гурию Тушину, Вассиану Патрикееву и ряд других сочинений, принадлежность которых Нилу остается под сомнением.

Идеи Нила Сорского носят абстрактный характер, чем и объясняется противоречивость их оценок в литературе, а общее направление его мыслей — *строго аскетическое*. Но, как справедливо заметил А.С. Архангельский, «аскетизм Нила Сорского был не телесным, а духовным, он требовал не внешнего умерщв-

ления плоти, а внутреннего духовного самосовершенствования». Такие идеи вполне могли родиться в рамках христианской идеологии. Но церковь в XV в. занимала слишком значительное место в экономической и общественно-политической жизни страны, и поэтому борьба различных течений в ней не могла абстрагироваться от мирских проблем. Церковь претендовала на роль опекуна светской власти и неуклонно увеличивала свои земельные владения, пользуясь рядом преимуществ по сравнению со светскими землевладельцами. *В условиях роста «помещичьего» землевладения и огромной потребности в земельных ресурсах для «испомещения» служилых людей, земельные богатства церкви, резко выросшие в XV в., не могли не привлекать осуждающего внимания различных общественных слоев.* Мы видели, что и Иван III, и правительство Елены Глинской стремились ограничить рост этих владений, но всякие перемены неизбежно начинались с новых пожалований монастырям.

Задача самосовершенствования в этих условиях всегда могла служить и критике, и защите привилегий церкви. Нравственному облику духовенства уделяли большое внимание митрополиты *Даниил* и *Макарий* — представители ортодоксальной, близкой к византийским стандартам церкви. Но в учении Нила Сорского (отчасти, возможно, в устной традиции) были положения, привлекавшие к нему внимание оппозиционно настроенных общественных слоев и близких к ним течений в рамках церкви: ведь большинство постриженников были выходцами из разных в прошлом гражданских слоев.

Очевидно, не удастся окончательно установить, руководствовался ли сам Нил идеей укрепления за церковью занятых в смуте феодальной войны позиций или же искал иные формы связи ее с «Землей» и «Властью». Но субъективные намерения и объективное содержание учения вообще далеко не всегда совпадают. И в еретическом движении конца XV — начала XVI в. внешне было немного элементов, содержащих покушение на коренные преобразования в церковной жизни, а замена одних обрядов другими не всегда связана с социальными проблемами и с какими-то представлениями о социальном прогрессе. Напротив, *воплне ортодоксальные и традиционные положения могли наполняться в определенных условиях реформаторским духом.*

Я.С. Лурье справедливо заметил, что Иосифа Волоцкого и Нила Сорского противопоставляют «главным образом с помощью контрастной характеристики обоих направлений». Но такой прием закономерен, когда речь идет об одной (в данном случае христианской) идеологии. Новгородский архиепископ Геннадий и Иосиф

Волоцкий были сторонниками свирепой расправы с еретиками, покушавшимися на некоторые привилегии церкви и не разделявшими ее претензии. Нил Сорский проповедовал терпимость по отношению к еретикам, и в этом он был, безусловно, идеальным христианином. Нет оснований считать, что он соглашался с их требованиями. Но «нейтралитет» в условиях гонения на инакомыслящих всегда был формой сочувствия им. Ряд моментов и напрямую сближал воззрения Нила со взглядами некоторых еретиков. К таковым относится и *идея внутреннего самосовершенствования*, и *мистика* — учение о возможности непосредственного общения человека с Богом. Я.С. Лурье справедливо замечает, что мистика «в какой-то степени присуща всякому религиозному мировоззрению». Можно добавить, что она присуща и любому нормальному, и особенно творческому мировоззрению. И мистика становилась «революционной оппозицией феодализму», когда она объявляла ненужными во имя общения человека с Богом церковь и внешние формы культа (на это обратил внимание К. Маркс). Нил, очевидно, не ставил такой задачи. Однако его взгляды могли быть использованы против церкви, если бы на Руси была реальная почва для такого движения.

Неоправданны и попытки нивелировать различие между Нилом Сорским и Иосифом Волоцким в отношении церковных имуществ, тем более что не подлежит сомнению факт выступления Нила против «стяжательства» на соборе 1503 г. Н.А. Казакова резонно замечает, что *«все учение» Нила представляло собой отрицание церковных имуществ*. Положение «Скитского устава» «не делай, да не яст», вполне соответствовавшее не только апостолу Павлу, но и *уставам общежитийных монастырей*, уже означает отрицание нетрудовых доходов монастырей, т.е. *отрицание повседневной практики «стяжания», будь это в форме вложения «на помин души», погашения долгов вотчинниками или покупки земель в целях дальнейшего обогащения*. Тезис «кто не работает, тот не ест», как отмечено выше, был и в Уставе Иосифа Волоцкого. Но он предполагал только служебные часы и ни в коей мере не ориентировал на тот физический труд, который был обязательным в ирландских монастырях и предполагался уставом общежитийных монастырей митрополита Алексия.

В политической жизни России XVI в. особую злободневность приобрел именно тезис Нила Сорского о «нестяжании». Это и неудивительно в условиях быстрого роста поместного землевладения. Вопрос о секуляризации церковных земель вставал во всех странах, где дворянство нуждалось в землях, а поднимать этот вопрос могло и дворянство, и боярство, и правительство. Боярство в

этом было особенно заинтересовано, дабы отвести угрозу от своих владений. Правительство же, естественно, стремилось извлечь пользу из противостояния двух феодальных группировок, принимая то сторону церкви, то направляя против нее других представителей феодального класса. В начале XVI в. Иван III отступил, как отмечено выше, по субъективным причинам. Но даже и в такой обстановке *церковь должна была уступить великокняжеской власти ряд политических притязаний, прежде всего именно притязаний на гегемонию в отношении светской власти.*

Это явление прослеживается на позиции Иосифа Волоцкого по отношению к светской власти. В *ранних работах* он выступал против «тирании», призывая даже к противодействию великокняжеской власти, но затем постепенно перешел к ее *прославлению*. Некоторые поправки и уточнения, внесенные А.А. Зиминным, не меняют этой оценки: воинствующий церковник шел от оппозиции к союзу с великокняжеской властью ради сохранения привилегий церкви. Последователи же Нила Сорского устойчиво остаются в лагере противников усиления самодержавия.

Основная политическая идея «нестяжательства» — царь должен править вместе с «Землей». «Иосифляне», наоборот, за определенные привилегии готовы были поддержать абсолютистско-деспотические притязания высшей власти. При такой альтернативе *именно «нестяжатели» были истинными государственниками.* Сам Иван Грозный, много сделавший для «презлых иосифлян», разразится в 1573 г. обширным посланием-поучением в Кирилло-Белозерский монастырь. Скромно осудив себя, как «пса смердящего», «сам бо всегда в пианьстве, в блуде, в прелюбодействе, в скверне, во убийстве, в граблении, и хищении, и ненависти», он находит возможным предъявить монахам целый набор претензий и обвинений. Примечательно при этом, что он противопоставляет монастыри поры Алексея современным ему, «иосифлянским»: «По всем монастырем сперва начальники устави крепкое житие, да опосле их разорили любострастные».

Естественно, противостоянием «иосифлян» и «нестяжателей» не ограничивалась общественно-политическая жизнь. Новое соотношение сил требовало *осмысления места новой России в мире*, и этому будут посвящены многие сочинения конца XV — первой половины XVI в. Иная роль отводилась и церкви в ее отношениях со светской властью и с зарубежными христианскими организациями. Если во времена Алексея главной задачей было сохранение ее самостоятельности и консолидации на территории Северо-Восточной Руси, то теперь идет своеобразный зондаж возможностей расширить влияние за пределами России. И эта политика станет тра-

диционной, а влияние Русской Церкви будет возрастать с ростом влияния самого Российского государства.

Образование единого государства в конце XV в. было фактором огромной важности, и именно процесс консолидации земель и власти позволил сбросить ордынское иго и занять Российскому государству ведущее положение в Восточной Европе. Но внешние границы государства еще долго остаются линией фронта, а усиление власти великого князя приводит к нарушению традиционных форм взаимоотношений «Земли» и «Власти». На жизни практически одного поколения происходило перераспределение прав и обязанностей между разными социальными слоями. Стремление отстоять имевшиеся права или возможности приобретения новых, будили общественную мысль, камуфлируя словесные интересы «всенародными», государственными. В конце XV – середине XVI в. практически не оставалось ни одного серьезного вопроса, который бы не обсуждался в публицистике. Размышляли и о месте единой России в мире (подчас с не бескорыстным преувеличением, вроде послания старца Филофея Василию III о Москве как о «Третьем Риме»), и о Московской Руси как закономерном преемнике Киевской («Сказание о князьях Владимирских»). Спорили о пределах великокняжеской и царской власти («Повесть о Дракуле» и «Валаамская беседа» как разные полюсы этого спора). В этих спорах противопоставляются «правда с милостью» (Ф. Карпов) или «правда с грозой» (И. Пересветов). Бурно обсуждали вопрос о соотношении светской и церковной власти («Повесть о белом клобуке», полемика «нестяжателей» и «иосифлян»).

Особенность социально-политического положения в России уже в XV в. заключалась в том, что, несмотря на слабость внутренних экономических связей, объединение русских земель в составе единого государства стало практической необходимостью (в значительной степени из-за иноязычного и инорелигиозного окружения). К тому же многие из этих «соседей» продолжали тактику внезапных набегов и грабежей, преследовавших Русь на протяжении двух с половиной столетий. В публицистике XVI в. внешнеполитический вопрос казался вроде бы решенным, хотя на самом деле окраины Руси никогда не были ограждены от набегов с юга, с востока, да и с запада тоже. И главный вопрос был один – как защитить земли Руси, как объединить разные силы – бесконтрольного царя, боярскую думу и традиционные институты «Земли» – для защиты неопределенных границ Руси. А пока два мира – «Земля» и «Власть» – оставались традиционно разорванными, они не понимали друг друга. И с внешним врагом боролись каждый сам по себе.

§2. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.

В исторической литературе неоднократно отмечалось, что одна из важнейших проблем в общественной жизни XV–XVI вв. — *отношение к государственной централизации*. Но при сопоставлении взглядов авторов XVI в. необходимо уточнить некоторые критерии и исходные положения их оценки. М. Н. Тихомиров, в частности, указал на неправомерность отождествления понятия «централизация» с усилением великокняжеской власти. **Деспотизм восточного толка, к которому склонялись Василий III и Иван Грозный, — это даже не спекуляция на централизации, а ее противоположность. Централизация предполагает создание системы управления, в которой окраины административно прочно соединены с центром и подчинены ему.** Такая система может быть достигнута и при республиканской форме правления (речь идет, конечно, об абстрактной возможности, а не об оценке роли реальных политических тенденций в России XV — XVI вв.). Напротив, ранние феодальные монархии *не были централизованными*, хотя власть их правителей, опиравшихся на военную мощь, выглядела почти беспредельной. Учитывая это обстоятельство, *неправомерно смешивать, например, всякое выступление против великого князя и царя с противодействием объединению или централизации*. Необходим конкретный анализ таких выступлений. В процессе складывания единого государства сотрудничали и противостояли друг другу великокняжеская власть и церковь, служилое боярство и великие князья, служилое дворянство и бояре-вотчинники. Пробивались первые ростки самосознания слабого в России посадского населения. Возникла также необходимость осмысления места России в системе мировых держав.

Как было отмечено, оценке роли России на мировой арене был посвящен ряд памятников, объединяемых в рамках теории, а точнее идеологии «*Москва — Третий Рим*». В зарубежной историографии эту теорию подчас представляют идеологией русской «экспансии». Необходимо, однако, различать претензии церкви и светской власти, равно как должно отличать идеи «оборонительного» и «наступательного» характера. Падение Константинополя в 1453 г. не могло не произвести самого глубокого впечатления на современников. На Руси к тому же оказалось значительное количество греческих эмигрантов, подогревавших интерес к этой теме. Ревнителям ортодоксального православия представлялась возможность связать это событие с Флорентийской унией 1439 г.: крушение некогда могучей империи объяснялось отступлением от

православия в пользу «латинства». Уже в 1448 г. Русь, по существу, освобождается от необходимости постоянно оглядываться на Константинополь, хотя избрание Ионы митрополитом собором епископов кому-то казалось большой дерзостью. Однако освобождение от ордынского ига укрепляло и стремление к полной церковной самостоятельности. И на рубеже XV – XVI вв. появляются сочинения, развивающие старую средневековую идею о *единой универсальной монархии, центр которой перемещается теперь в Москву*. В новгородской «Повести о белом клобуке», как предсказание папы Сильвестра (IV в.), проводится мысль о некоей закономерной преемственности: после падения «ветхого» Рима и «нового» Рима (Константинополя) «на третьем же Риме, еже есть на Русской земли, благодать святого духа возсия. Вся христианская приидут в конец, и снидутся во едино царство Руское», и, наконец, что «патриарший чин такожде дан будет Рустей земли во времена своя».

Знаменательно, что эта повесть появилась именно в Новгороде (только новгородские архиепископы носили белый клобук), где издавна церковная власть претендовала на решение светских вопросов, а архиепископ Геннадий (к современникам которого обращался автор «Повести») был представителем наиболее, как у нас принято было говорить, «воинствующей» части церковников.

Основная мысль «Повести о белом клобуке» – *Россия должна стать оплотом православия и всего христианства*. И патриаршество после падения Константинополя должно перейти на Русь. Самостоятельность Русской Церкви – одна из проблем публицистики, по крайней мере с XI в. – со времен Илариона, митрополита Киевского. Но светскую власть интересовало не столько отношение русских иерархов к константинопольскому патриарху, сколько их место в государственной системе. Еще до падения Константинополя была провозглашена автокефалия Русской Церкви. «Плененный» же турками константинопольский патриарх котирировался весьма невысоко. Учреждение патриаршества на Руси, однако, должно было привести к усилению роли церкви в решении государственных дел. Поэтому великокняжеская власть не проявляла энтузиазма в реализации идей «Третьего Рима». Патриаршество было учреждено только в 1589 г., когда притязания церкви на приоритет внутри страны были уже сломлены. Примечательно, что церковный собор 1667 г. осудил «Повесть о белом клобуке»: «никто сему писанию веру имет, занеже лживо и неправо есть». «Лживость» заключалась в попытке объявить клобук архиепископа «честнее» царского венца.

В начале XVI в. идея «Москва – Третий Рим» получила развитие в посланиях монаха псковского Елеазарова монастыря *Филофея* (ок. 1465 – 1542), выступавшего против сепаратистских устремлений части только что присоединенных к Москве псковитян и советовавшего во благо всех христиан терпеть «неправды» со стороны княжеских наместников. В отличие от автора «Повести о белом клобуке», *Филофей* возлагал все надежды на *великокняжескую власть*. *Василия III*, как сказано выше, он титулует «царем», а также именует «брододержателем святых Божиих престол», советует ему активнее вмешиваться в дела церкви, дабы не допускать в ней еретических течений. Он готов признать великого князя и главой церкви ради опять-таки лучшего устройства церковных дел.

Возникновение и распространение идеи «Москва – Третий Рим» на Северо-Западе Руси, в самом исторически обособленном ее районе, свидетельствует о силе центростремительных тенденций во второй половине XV в. Пропаганда исторического значения России как исторического центра христианства, а также рассуждения о теократическом происхождении великокняжеской (царской) власти, естественно, оказывали влияние на общественное мнение. Но для реальной политики важнее была другая, *светская идея*, о единстве Русской земли и знатном происхождении русского правящего дома. Эта идея нашла отражение в памятниках, родственных «Сказанию о князьях владимирских».

Как убедительно показала Р.П. Дмитриева, «Сказание о князьях владимирских» своей фактической частью основано на «Послании *Спиридона-Саввы*». Существенно, что апологетом единства Руси и величия московский князей в данном случае также выступает человек не московский. *Спиридон* происходил из недавно присоединенного к Москве Тверского княжества. В 1476 г. Костантинополь направил его митрополитом в Литву. Король Казимир, однако, не принял нового иерарха, и *Спиридону* пришлось несколько лет провести в тюрьме. Но поскольку поставленные Костантинополем в Литву митрополиты претендовали на верховенство во всех русских землях, и в Москве к *Спиридону* отнеслись с враждебностью и подозрительностью. Поэтому выбравшегося из литовского заточения несостоявшегося митрополита в России поместили в заточение в Ферапонтовом монастыре. Здесь *Спиридон* оказался в окружении церковных деятелей, близких *Нилу Сорскому*. В какой-то мере он и сам разделял их взгляды, но больше *Спиридона* увлекали идеи политического характера.

«Послание *Спиридона-Саввы*», подобно «Повести временных лет», начинается с рассказа о разделении земли между сыновьями *Ноя*. Но *Спиридона* интересуют не столько земли, сколько «царс-

кая» генеалогия. Он выделяет «царя вселенной» римского императора Августа, после которого начинается якобы новое разделенные земли. Август определил брата своего Пруса «в брезех Вислы реки в град, глаголемый Марборок, и Торун, и Хвоиница, и пресловы Гданеск, и иных много градов по реку, глаголемую Немон, впадшую в море». От рода Пруса происходил и Рюрик, которого новгородцы призвали по совету воеводы Гостомысла. Позднее, утверждает Спиридон-Савва, византийский император Константин Мономах, напуганный походом войск Владимира Мономаха на Фракию, послал киевскому князю знаки царского достоинства. Эти регалии переходят затем к владимирским князьям, ими венчаются на царство и князья московские. Вторая часть послания — родословная литовских князей, которых он выводит от раба одного из смоленских князей — Гегеминика.

Примечательно, что родословие литовских князей, приведенное Спиридоном явно с целью принижения их по сравнению с русскими князьями, ни в коей мере не являлось его выдумкой. Эта легенда приводилась уже польскими авторами Я. Длугошем и Кромером. Авторы раннего Средневековья независимо друг от друга отмечали и легенду о том, что знаменитый славянский город Волин был основан Юлием Цезарем (отсюда он иногда именуется Юлином). Спиридон опирался на реально существовавшие в Литве легенды как на глубокие генеалогические связи (заселявшее юго-восточное побережье Балтики население появилось на территории Литвы в конце II тысячелетия до н.э., т. е. в эпоху Троянской войны). Споры же Рюриковичей и Гедиминовичей рождались в XIV — XV вв. на фоне реальной борьбы Москвы и Литвы, и едва ли не главный интерес русских и литовских генеалогий — отрицание норманнского происхождения или влияния. *Собственное творчество Спиридона заключалось лишь в соединении ряда преданий в единую цепь и подчинение их идее знатного происхождения русского правящего дома и обоснованию его права на все исконно русские земли.*

Таково содержание «Послания Спиридона-Саввы», послужившее затем фактической основой для создания «Сказания о князьях владимирских». Некоторые переделки были осуществлены лишь для того, чтобы, по выражению Р.П. Дмитриевой, придать материалу «большую документальность и историчность».

Идеи «Сказания о князьях владимирских» скоро завоевали первенствующее положение в московских официальных документах. В середине XVI в. они проникают в «Родословцы». В качестве конкретизации этих идей составлялась грандиозная «Степенная книга». Мысль о знатном происхождении рода московских князей зас-

лонила туманные рассуждения о божественных предназначениях, которыми прельщали правителей деятели церкви, хотя и к назначениям последних князья и цари, конечно, прислушивались. Однако представленная в «Сказании о князьях владимирских» версия родословной литовских князей в Москве оказалась неприемлемой. Причиной тому был тот факт, что из рода литовских князей происходила Елена Глинская — мать Ивана Грозного. Поэтому в «Родословцы» попадает иная версия, более благоприятная для Гедиминовичей.

Таким образом «Послания» Филофея и Спиридона отражают *два взгляда на роль Руси в системе мировых государств, а также на место великокняжеской власти в социально-политической структуре страны*. Оба взгляда выросли на почве разных течений («иосифлянство» и «нестяжательство») внутри церкви, пришедших в столкновение в конце XV — начале XVI в.

Открытое столкновение «нестяжателей» и «иосифлян» произошло в 10 — 20-е гг. XVI в. Одним из виднейших последователей Нила Сорского был *Вассиан Патрикеев, в миру Василий Иванович Патрикеев (Косой)* (ок. 1470 — 1532). Вассиан Патрикеев блестяще начал карьеру при Иване III, но в 1499 г. подвергся опале. С большой степенью вероятности можно предполагать, что он был активным сторонником феодальной группировки, которая стремилась возвести на великокняжеский стол Дмитрия-внука, отстранив рвавшихся к власти Софью и ее сына Василия. Группа эта была тесно связана с умеренным крылом еретиков, которые искали возможности освобождения от византийской ортодоксии. На определенном этапе это направление поддерживалось и Иваном III, который, конечно, не вдумывался в богословские тонкости, а просчитывал вполне земные целесообразности. Но, как было сказано, твердых убеждений великий князь не имел и легко предавал тех, кому вроде бы убежденно доверял.

Вассиан Патрикеев в результате оказался насильственно пострижен в монахи Кирилло-Белозерского монастыря, где скоро установил связи с Нилом Сорским. Даже будучи монахом, Вассиан не утратил темперамента политического борца. По сути дела, *именно Вассиан придал «нестяжательству» политический характер*. В своем сочинении «Собрание некоего старца» он вступил в полемику с решением собора 1503 г., настаивая на неправомерности монастырского землевладения. В «*Ответе кирилловских старцев на послание Иосифа Волоцкого великому князю Василию Ивановичу о наказании еретиков*» Вассиан выступил против инквизиторских наклонностей Иосифа и его единомышленников, ратуя за прощение раскаявшихся еретиков. Программа «нестяжателей», предполагавшая под-

рыв экономического могущества церкви, всегда привлекала внимание сторонников укрепления светского самодержавия. Но неудача правительственного выступления на соборе 1503 г. побуждала к большей осторожности в проведении политики ограничения.

В деятельности Василия III, изначально непоследовательной, временами проявлялось и намерение ограничить иммунитетные права монастырей. С этим курсом, очевидно, и было связано возвращение Вассиана из ссылки и приближение его к великому князю во втором десятилетии XVI в. Именно в этот период Вассиан пишет ряд сочинений, в которых развивает идеи «нестяжательства» и терпимости в отношении еретиков, осуждает стремление монахов «села многонародна стяжавати и поработати христиан братии, и от сих неправедне серебро и золото събирати». Тогда же Вассиан работал над *«Кормчей книгой»*, которая должна была явиться обязательным для церкви уставом, выдержанным в «нестяжательском» духе. Однако в 20-е гг. XVI в. произошел новый конфликт Вассиана с великим князем, и Вассиана вместе с Максимом Греком осудили на соборе 1531 г. как еретиков. Новое сближение великокняжеского окружения с «иосифлянами» сопровождалось готовностью их признать великого князя наместником Бога на земле. В итоге «Кормчая» была на суде главным документом обвинения против Вассиана. «Но среди всех обвинений, — по справедливому замечанию Н.А. Казаковой, — не было ни одного политического». Очевидно, не столько политическая позиция «нестяжателей», сколько потребность в примирении с несколькими укрощенными «иосифлянами», возносившими великого князя до небес, побудила Василия III выдать «на поток» лидеров «нестяжательства».

Любопытны некоторые источники взглядов Вассиана, нашедшие отражение в «Кормчей». Еще в середине XI в., в период борьбы за независимую от Константинополя церковь на Руси, появилась 14-титульная *«Кормчая патриарха Фотия»* (IX в.). Это сочинение, видимо, привлекло тогда внимание обоснованием правомерности назначения претендентов на высшие церковные должности решением церковного собора без санкции патриарха. В конце XV в. сходная редакция была использована при написании *«Кормчей» еретиком Иосифом Волком Курицыным*, а в начале XVI в. — Вассианом. И тот и другой избрали эту редакцию как средство отрицания бытовавших в их время «Кормчих», прикрывавших стяжательские устремления «ортодоксальной» церкви. Само распределение материала в систематическом, а не хронологическом порядке оставляло больше возможностей для «исправлений», поскольку

ориентировало на смысловую, а не на формально-текстуальную сторону установлений.

«Критицизм» Нила Сорского носил, как неоднократно отмечалось, несколько абстрактный характер: он лишь давал основание допустить, что не всякое церковное сочинение является «богодуховенным» («Писания многа, но не вся Божественная суть»). Вассиан придал *реально-политическое и рационалистическое* звучание своему критицизму, что сказалось в особенности в отрицании тех святых (преимущественно новых «чудотворцев»), которые не гнушались «стяжания». Призывая вернуть церковь к ее «первой духовной красоте», Вассиан защищался от обвинений со стороны противников, умудренных в схоластических богословских учениях. *Но за фразами о «красоте» у него постоянно просматривалась и выражалась идея секуляризации церковных земель.*

Идеи «нестяжателей» поддержал Максим Грек, прибывший в 1517 г. как раз тогда, когда Василий III еще не определился окончательно в выборе союзников — «иосифлян» или «нестяжателей». Максим Грек (ок. 1470 — 1556) происходил из рода Триволисов, близкого Палеологам, что само по себе располагало князя и его ближайшее окружение к греку, пожелавшему приехать на Русь. Максим Грек в молодости жил в Италии, где сотрудничал с некоторыми гуманистами, а затем был последователем Савонаролы, известного политика, весьма вольно трактовавшего христианские догмы. Во Флоренции Максим Грек постригся в доминиканском монастыре, затем вернулся в православие и стал постриженником Ватопедского Афонского монастыря. Отсюда он и прибыл в Россию «для исправления» церковных книг.

Афон (Святая гора) традиционно (по крайней мере, с XI в., со времени Антония Печерского) пользовался особым почитанием на Руси, тем более что там издавна существовали и славяно-русские монастыри (на их практику ссылался Нил Сорский). В начале XVI в. у России были и политические интересы в отношении поглощенного турками очага православной культуры. Это уже само по себе привлекало внимание к Максиму Греку высокопоставленных русских особ, включая митрополита Варлаама и великого князя. В результате Максим Грек сразу оказался в центре церковной и политической борьбы, кипевшей в русских феодальных верхах.

Приезд Максима Грека совпал с тем временем, когда идеями Вассиана Патрикеева интересовался великий князь. По просьбе Вассиана Максим Грек пишет «Сказание о жительстве инок Святой горы» для «Кормчей», а на вопросы великого князя отвечает (ок. 1518 — 1519 г.) «Посланием» об устройстве афонских монастырей. И это обращение к практике афонских общежительских мо-

настырей не случайно. Дело в том, что ни в конце XV, ни в XVI в. не упоминались «Уставы», утвержденные митрополитом Алексием в середине XIV в. *Традиция нестяжательного «общежителства» как бы прервалась*, и в монастырском уставе Иосифа Волоцкого говорится о том, что монашеский «труд» — это только молитва, а реальный труд — дело крестьян, приписанных к монастырю. Здесь уже было заложено то, что станет грандиозной компрометацией христианства и в цитированном «Послании» Ивана Грозного, и в «Калязинской челобитной XVII в.», и станет причиной конечной расправы с монастырями в XVIII столетии, как с откровенно паразитическим наростом на теле государства.

Пока же монастыри были нужны, и была важной исполняемая ими роль. О монастырской реформе митрополита Алексия в XIV в. Максим Грек, видимо, не знал. Он отталкивался от практики афонских монастырей. И хотя в «Послании» об устройстве афонских монастырей автор стоял еще как бы вне политической борьбы, происходившей в России, его «нестяжательские» наклонности прослеживаются и в этих работах. В «*Послании о францисканцах и доминиканцах*» он подчеркивал, что монахи этих орденов «подобне древним нестяжательно и безмятежно житие любезно проходят и делом съвръшают». Русская действительность вторглась в его более позднее сочинение «*Беседа ума с душой*». Хотя тема крестьянства затрагивалась уже Вассианом, но самостоятельного значения для него не имела. Максим Грек соединил критику «*стяжания*» и «*сребротезоимства*» с осуждением *гнета, которому подвергались «поселяне*». «*Работати паче сама иным изволяй, неже над иными владети*», — поучает «ум» «душу». Автор выступил против практики наказания должников бичом, лишения за долги свободы и сгона «со своих предел» «бедных», не имевших возможности уплатить долги. Осудил он и практику «*неправедных лихоиманий*» в собирании «*жидовска богатства*», когда монастыри хранят запасы «*житные*», дабы исползовать дороговизну «*во время глада*».

Угнетенный крестьянин предстает и в другом сочинении Максима Грека — «*Слове о покаянии*». Автор обращает здесь внимание на тех, кто «*беспрестани тружашеся и томимы в житейских потребах наших, и обильна сия нам уготовляюще, во скудости и нищете всегда пребывают*». А ведь именно в это время монастыри стремятся нажиться на «*скудости*» «*селян*», не останавливаясь на конфискации имущества и сгоне их за долги, и в то же время, пользуясь статьей Судебника 1497 г. о «*пожилом*», препятствуют попытке отдельных крестьян уйти от монастырской эксплуатации по собственному желанию.

Критика «стяжательства» со своеобразным историческим ее обоснованием звучала в специальном поучении «*Стязание о известном иноческом житии*» (споре между «любостяжателем» и «нестяжателем»). Максим Грек отводил здесь обычную ссылку на Ветхий Завет, благословлявший «стяжательство», ссылкой на Новый Завет: «Ветхая мимоидоша и се вся быща нова» (слова апостола Павла). *Тем самым он утверждал традиционную для русского православия идею — евангельские заповеди должны стоять выше ветхозаветной практики. И вновь в этом сочинении затрагивается тема положения «бедных селян», истязаемых монастырской работой и ростовщицеством.*

В середине XVI в. платформа «нестяжателей» на некоторое время стала снова объектом внимания со стороны правительства, когда у власти оказались реальные государственники — представители так называемой «Избранной рады». В это время престарелый Максим Грек написал «*Послание об Афонской горе*», адресованное, видимо, тогдашнему его покровителю игумену Троице-Сергиевого монастыря Артемию. Н.В. Сеницына обратила внимание на любопытное отличие этого «Послания» от предшествующих: помимо обычной критики «стяжания» и ростовщицества, которых якобы нет на Афоне, Максим Грек останавливается на применении в монастырском хозяйстве (виноградниках и пашне) наемного труда. В полемике с Н.В. Сеницыной Н.А. Казакова полагает, что «Максим Грек говорит о применении наемного труда отнюдь не для раскрытия того идеала, которому должны следовать монахи, а просто в порядке описания устройства афонских монастырей». Это не исключено. Но нельзя не заметить, что в середине XVI в. к наемному труду проявляли интерес некоторые видные деятели, близкие к правительственным кругам в Москве.

В свое время И.У. Бувовниц справедливо отметил «уныние» боярских публицистов XVI в., их пессимизм в отношении будущего России. Многие из них оказываются в лагере «нестяжателей», и надо признать, что боль их за будущее России была и искренней, и оправданной, что не так уж часто встречается в политике. К ним, в частности, относились Гурий Тушин и Федор Карпов. Принадлежностью к боярству многих последователей Нила Сорского обычно объясняется «пробоярская» направленность его учения. *Но идеи «нестяжательства» не укладываются в рамки какого-то конкретного социального слоя. И не случайно, что именно в сочинениях «нестяжателей» поднимается тема крестьянства. Максим Грек, протопоп Сильвестр, да и сам Нил Сорский не были связаны с боярством по происхождению. Странник «нестяжательства» троицкий игумен Артемий довел созерцательную идеологию Нила*

Сорского до еретического отрицания обрядности, что было вполне логичным в рамках последовательно продуманной идеологии и что в данном случае не противоречило заветам апостолов и пропагандистов раннего христианства. А ученик Артемия Феодосий Косой стал выразителем интересов именно крестьянства. Н.А. Казакова, допуская связь «нестяжательства» с боярством, подчеркивает несостоятельность взгляда на это учение как «на идеологию княжеско-боярской» оппозиции. Такая оценка связана с пересмотром общественной позиции и исторической роли боярства в данный период: институт боярства как элемент централизованного государства не должен смешиваться с центробежными силами удельной княжеской аристократии.

«Нестяжательство» в конечном счете потерпело поражение. Но и противостоящее ему «иосифлянство» вынуждено было в ходе борьбы с противниками отказаться от ряда своих первоначальных требований. *Стремясь заручиться содействием великокняжеской власти, «иосифляне» все более отходили от претензий на вмешательство в светские великокняжеские дела.* Новгородский архиепископ Феодосий (поставлен в 1542 г.), сторонник сохранения и укрепления позиций церкви внутри государства, титулуется Ивана Грозного «благородным», «христолюбивым» «вседержавным», «Богом избранным и Богом почтенным», «царем», «всея Руси самодержцем». Наставляя царя, «всяко тщание о благочестии имети» и подданных «от треволнения спасти душевного и телесного», Феодосий подчеркивает, что он пишет «яко ученик учителю, яко раб государю».

В середине XVI в. наметилось некоторое сближение «нестяжателей» и «иосифлян» на базе требований нравственного совершенствования церковнослужителей, а также их просвещения. Это особенно заметно в сочинениях митрополитов Даниила и Макария. Однако опасность превращения «нестяжательства» в идеологию социальных низов неизбежно удерживала правящие круги от поддержки этого течения даже в тех случаях, когда вопрос о секуляризации принимал практический характер.

В отличие от «иосифлян», «нестяжатели» не были «материально» заинтересованы во вмешательстве светской власти в церковные дела: бедным скитам «нестяжателей» никто непосредственно не угрожал. *Это обстоятельство позволяло им говорить как бы от имени всей «Земли».* В этом смысле характерно, что «нестяжатели» тоже стоят за *сильную централизованную власть.* Но представляют они ее не просто как самодержавие «богоизбранного» царя, а как более сложную систему, в которой определенное место находят все сословия. По мысли Максима Грека, «священство убо божествен-

ным служаще, царство же человеческих вещей начальствующе и промышляюще». Иными словами, функции церкви и светской власти подлежали *разделению: церкви — духовные дела, светской власти — мирские*. Весьма высоко ставя авторитет великокняжеской власти, Максим Грек резко критиковал любые проявления произвола и «лихоимства». Он сурово осуждал злоупотребления наместников-кормленщиков, обосновывая необходимость губной реформы. Государю Максим Грек советовал «сподоблять чести» и «беречь» митрополита и епископов — ходатаев перед Богом за «богохранимое царство». «Такожде, — рекомендовал он далее, — и сущая о тебе пресветлыя князи и боляры и воеводы преславныя и добляя воины и почитай и бреги и обильно даруй; их бо обогощая, твою державу отвсюду крепиши и огражаеши вдовы». Максим Грек советовал Василию III использовать «дарованную ему от Бога благоразумную мудрость», дабы выслушивать «всех могущих советовати, что полезно обществу и времени предстоящее... аще и от худейшего будет речена».

На взглядах Максима Грека о соотношении церковной и светской властей сказался в известной мере налет представлений, бытовавших в византийской литературе. Поэтому более интересен в этом плане *чисто русский «нестяжательский» памятник* — анонимная «Беседа валаамских чудотворцев». Появление «Валаамской беседы» обычно относят к середине XVI в. Этот памятник созвучен другим выступлениям «нестяжателей» первой половины столетия, а некоторые рекомендации неизвестного автора — практике мероприятий правительства «Избранной рады». Как и в оценке «нестяжательства» вообще, в литературе можно встретить взгляд на «Валаамскую беседу» как на памятник публицистики боярской, дворянской, а также крестьянской. Как и в общей оценке «нестяжательства», эти различия объясняются и туманностью формулировок, и стремлением автора памятника смотреть на проблему как бы с позиций *всех сословий*.

«Валаамская беседа» — памятник с резко выраженной *светской направленностью*. Чисто церковные споры «нестяжателей» и «иосифлян» отодвинуты здесь на второй план, а на первое место поставлены вопросы государственного устройства. По мнению автора «Валаамской беседы», «не похвально» передавать инокам «селы и волости со христианы». *Владеть землей, по мнению автора, это значит «воздержать царство», управлять государством*. Иноки на это не способны. «Таковые воздержатели сами собою царство воздержати не могут». Царю «Бог повеле» «царствовати и мир воздержати, и для того цареви в титлах пишутся самодержцы». Царям, передающим власть над селами монастырям, «не до-

стоит ся писати самодержцем», но этот титул оправдывается, если царь «воздержит мир» «со приятели с князи и з бояры». Как заметил В. Вальденберг, «если советниками являются иноки, то это несовместимо с самодержавием, если же право совета переходит к князьям и боярам, то самодержавие от этого не страдает».

Автор «Валаамской беседы» разрабатывает целую *систему организации «совета» царя с землей*. Он рекомендует «с радостью царю воздвигнути, и от всех градов своих и от уездов градов тех, без величества и без высокоумной гордости, хриstopодобною смиренною мудростию, беспрестанно всегда держати погодно при себе от всяких людей, и на всяк день их добре распросити царю самому о всегоднем посту, и о покаянии мира сего и про всякое дело мира сего... Да таковою царскою мудростию и воиновым валитовым разумом ведомо да будет царю самому про все всегда самодержства его, и может скрепити от греха власти и воеводы своя, и приказные люди своя, и приближенных своих от поминка и посула, и от всякие неправды, и сохранит их от многих бесчисленных властелиных грехов, и ото всяких лстивых лстецов и от обавников их. И объявлено будет теми людми всякое дело перед царем». *В этом смысле «Валаамская беседа» из числа дошедших до нас памятников (нельзя исключать большое число недошедших), наиболее ясно представляет как бы «альтернативную» самодержавию, но по сути единойдержавную власть, в рамках которой централизация предстает как своеобразное единение «Власти» и «Земли».* Автор рекомендовал создание постоянно действующего земского совета из представителей «от всех городов и от уездов градов тех». Земский совет (собор) должен был контролировать деятельность воевод, приказных людей и приближенных царя во избежание «бесчисленных властелиных грехов». «Этот идеальный образ, — заметил М.Н. Покровский, — не объяснит еще нам, чем оно (земское представительство) действительно было, ни как оно возникло и на самом деле действовало. Но мы узнаем из него, как оно мыслилось тем поколением, которое его создало, и каким, стало быть, оно могло быть, если бы творчество этого поколения было вполне свободно». В «Валаамской беседе» проявляется сочувствие и к боярству, как классу представляющему управленческий слой единого государства. Автор протестует против того, чтобы «инокам княжеское и боярское жалование давати». В то же время к управлению страной приглашаются и другие сословия.

Боярство, только что перешедшее к службе в рамках единого государства, более других сословий было заинтересовано в легитимизме, в сохранении реально сложившегося положения. Часть боярства, не утратившего чувства собственного достоинства пе-

ред великим князем или царем, ставила в той или иной степени вопрос об ограничении самодержавной власти. Именно эту мысль выразил *Берсень Беклемишев*. Берсень Беклемишев не был представителем княжеской сепаратистской аристократии. Его отец и он сам были довольно близки к Ивану III. Критика самодержавных замашек Василия III подогревалась опальным положением отвергнутого советника, возможно входившего в круг советников Дмитрия-внука или кого-то из его окружения. Но сама «опала» явилась следствием «встреч», т.е. возражений князю по важным вопросам государственной политики.

Опала, несомненно, накладывала отпечаток и на воззрения иных представителей боярства. Но для Спиридона-Саввы «юзы» на родине представлялись «сладкими» по сравнению с пребыванием его на чужбине. Поэтому своими сочинениями он постоянно старался подчеркнуть благонамеренность своих взглядов. Напротив, Федора Карпова опала подтолкнула к выражению весьма широких взглядов на «законность» и систему государственного правления. *Федор Карпов* (ум. до 1545) явился одним из оригинальных светских представителей писателей-публицистов. И по своему положению, и по связям Федор Карпов, несомненно, примыкал к кругам боярства (он подвергся опале в чине окольничьего). Для своего времени весьма образованный, знакомый по сборникам, в том числе апокрифическим, с древнегреческой философией и западноевропейской литературой, он высоко ценил позитивное знание (входившее в моду в Европе) и требовал соответствия всякого учения «естественным законам», т.е. возможностям его *рационалистического* истолкования. Федор Карпов находился в переписке с Максимом Греком, сторонником соединения церковью Николаем Немчином, а также с митрополитом Даниилом. Самый факт переписки со столь разными деятелями свидетельствует о поисках реального объяснения споров и отказе принять «на веру» ходячие взаимные обвинения. В существо чисто богословских вопросов Карпов углубляться не стремился, но возражал против некоторых важных положений христианской догматики, так сказать, повседневного употребления. Так, он подверг сомнению обычный призыв церкви к «терпению» и «долготерпению», с которым, в частности, и обратился к самому Федору Карпову митрополит Даниил.

Христианский призыв к «терпению» давно уже являлся прикрытием произвола властей. К «смирению» и «терпению» служители церкви (особенно «иосифляне») обычно призывали опальных. Но тезис этот, по мнению Федора Карпова, подходил лишь для монастырской братии: «В монастырех бо от братии никогда

не подобает оскудети тръпению». В миру же жизнь должна устраиваться на совершенно иных началах. Принятие тезиса «терпение», по мысли Карпова, означало отрицание целесообразности существования института «начальства»: «Аще под тръпением жити уставиши, — возражал он Даниилу, — тогда несть треба царству и владычеству правители и князи... ниже треба царству и владычеству будет в царстве судей имети». В этих словах Карпова иногда видят опасение за сохранение системы господства и подчинения в стране, где вроде бы требовалось «подчинение народных масс... властям». Однако в данном случае вероятнее, что он не столько сам опасался нарушения сложившейся структуры, сколько пугал такой возможностью своего оппонента. Федор Карпов не сомневался в том, что «в всяком языке и людех треба есть быти царем и начальником». Но целесообразность такого положения обосновывалась не абстрактным христианским тезисом «всякая власть от Бога», а соображениями «естественного» порядка. Цари «нас в царствех и градах своих по коегождо сподоблению праведне пасуть, неповинных защищают, вредных разърешают, вредящих и озлобляющих казнят». «Начальство» с «подовластными» и слугами, оружием, конями и деньгами необходимо для несения *государственной службы*: «Аз тръплю, не имея же предреченных в что вменится мое тръпение, разве оставится от отечества изгонитися со службы честны».

Сословное деление, по мысли Ф. Карпова, совершенно необходимо для *процветания государства* и в *интересах всего народа*. Однако оно оправдано только при условии выполнения каждым из сословий естественных обязанностей. Не «терпение», а «*правда*» и «*закон*» должны быть положены в основу мирского общежития. «Долготръпение в людях без правды и закона общества добро разърушает, и дело народное ни во что низводит, злыя нравы в царствех вводит и творит людей государем не послушных за нищету». Иными словами, «терпение» по отношению к злу и несправедливости усугубляет зло и вызывает в конце концов доведенное до нищеты население к непослушанию властям. Законы должны быть «известными»: они должны сдерживать и «начальников», и «дерзких». В противном случае «сильный погнетет бессильного».

Во всемирной истории Ф. Карпов выделял *три этапа развития «закона»*. Сначала люди жили под «законом естественным», затем они получили «закон Моисеев» и, наконец, в их распоряжении оказался закон христианский. Идеал царя-начальника — «гуслей игрец Давид», извлекающий гармонию из разных струн. Царь не должен допускать нарушения законов. Если же он «неповинных от сильных погнетися попустит, тогда грехи и насильства погне-

тающих своа творит за тая ответ въздати велиему судии должен». Иными словами, царь в ответе (хотя бы перед Богом) за нарушения своими чиновниками установленных законов.

Известная абстрактность писанных «законов» побуждала Ф. Карпова постоянно напоминать о «правде», а также о «милости». «*Правда*» – это справедливое толкование «законов» в интересах гармонии сословий. Поэтому «правда» и должна сочетаться с «*милостью*»: «Ради милости бо предстатель и князь от подвластных вельми любитя, а истинны ради боится. Милость бо безъ правды малодушество есть, а правда без милости мучительство есть, и сия две разрушают царство и всяко градосожителство. Но милость правдою подстрекаема, а правда укрощаема сохраняють царя царство в многоденстве». Наказание мыслилось Ф. Карповым не как возмездие, а как исправление.

Позитивная программа Ф. Карпова приобретает особое звучание на фоне оценки им существующего положения. «В нынешние времена, – замечает Ф. Карпов в послании к Даниилу, – мнози начальники на своих подвластных и сирых не призирают, но их под неверными приказъшики погнетатися попускают, о страже должной стада порученного не радяше, под тяжкой работою терпения жити своих попускають». Но от идеальной схемы отклоняется, по существу, вся система. «Начальники» угнетение подданных превращают в самоцель, отступая и от своих обязанностей покровительствовать «сирым», и от «закона». Гнет грозит соответствующей реакцией обездоленных, и виноваты в этом будут власти. В то же время и *самодержец виновен за «нестроения»*, поскольку он обязан унимать неправедных властителей. Восстание 1547 г. в Москве явилось подтверждением такой оценки, и правительство «Избранной рады» делало выводы и из справедливой критики, и из реально складывавшейся ситуации.

В условиях, когда служилые люди играли все большую роль в военно-государственной системе, внимание им должны были уделить все публицисты, ставившие общегосударственные проблемы. В середине XVI столетия дворянство оформляется и заявляет о себе как об особом сословии. Выразителем его устремлений стал Иван Пересветов.

Иван Пересветов, по-видимому, был выходцем из западнорусских земель. Он побывал в Польше, Венгрии, Молдавии и около 1538 г. появился в России. Елена Глинская, на покровительство которой он, по всей вероятности, рассчитывал, скончалась ранее его приезда. Ему пришлось окунуться в сложную обстановку борьбы между вельможами, не имея сколько-нибудь прочной опоры под собой. В противостоянии «сильным людям» он растратил

привезенное из-за рубежа имущество, а полученное в России поместье оказалось разоренным. Пересветов обращается с челобитными к царю. В этих челобитных в основном и изложена политическая концепция автора.

Сочинения Пересветова были написаны в конце 40-х гг. XVI в., т. е. в тот период, когда недостатки предшествующего правления ассоциировались (не без оснований) с произволом вельмож. По содержанию «челобитные» Пересветова довольно пестры. Здесь и сведения биографические, и «сказания» о падении Царьграда, и о порядках, введенных турецким султаном Мухаммедом II («Магмет-Салтан» у Пересветова), предсказания «философов», и политические высказывания некоего Петра Волошского. А.А. Зимин был склонен сближать Пересветова с Ф. Карповым и даже Берсенем Беклемишевым имея в виду прежде всего, интерес их к турецким султанам. Однако сходство в этом случае чисто внешнее. Крушение Византии не могло не привлечь внимания политических деятелей всей Европы и, естественно, вызвало интерес к военно-государственной машине победителя. Однако Берсень Беклемишев интересовался турецкими правителями, дабы подчеркнуть, что и христианские цари могут быть хуже нечестивых (намек на Василия III). С Федором Карповым Пересветова сближает рассуждение о «правде». Но если «закон» — это категория достаточно объективная, то «правду» каждое сословие принимало по-своему.

На Руси крушение Византии склонны были объяснять и принимать как результат отступления от «чистого» православия в результате заключения Флорентийской унии. Иван Пересветов предложил другую трактовку, весьма актуальную в российской действительности середины XVI в.: *виновниками поражения оказались вельможи, которым последние византийские императоры дали слишком много власти*. Магмет-Салтан представлен И. Пересветовым как *образец правителя*, причем действия его развертываются как бы на русской почве. Магмет отменил наместничества, «оброчил вельмож своих из казны своея царския, кто чего достоин». Неправедные судьи подвергаются жестокому наказанию: с них с живых сдирают кожу. Если Ф. Карпов требовал соединения «правды» с «милостью», то И. Пересветов настаивает на *сочетании «правды» с «грозою»*: «Как конь под царем без узды, тако и царство без грозы». Служилые люди должны быть опорой царя. У Магмета, по Пересветову, имеется 40 тысяч янычаров, безраздельно ему преданных. И царю надлежит заботиться прежде всего о *служилых людях*, учитывая, что «воинниками он силен и славен».

В сочинениях Пересветова имеются аспекты критики, совпадающие с замечаниями публицистов близких к «нестяжателям».

Это относится, в частности, к предложению о ликвидации наместничества как системы кормлений. Видимо, под влиянием пребывания в европейских странах Пересветов рекомендует введение денежной оплаты за службу. В условиях оживления товарно-денежных отношений в первой половине XVI в. почти по всей Европе такая постановка вопроса казалась естественной. Но в большинстве стран оказывалось проще обеспечить служилых людей земельным жалованием, чем серебром. Активная внешняя политика и необходимое для этого военное могущество являются для Пересветова исходной посылкой всех рассуждений. Обеспечить же могущество могут только служилые люди. Не по знатности, а по военным заслугам царь должен приближать советников и воевод. Одна из непростых проблем заключалась в том, что служилые люди в значительной степени рекрутировались из холопов. Иван Пересветов решительно выступал за отмену холопства, хотя, очевидно, имел в виду отмену именно служилого холопства. «В котором царстве люди порабощены, — говорил якобы Магмет-Салтан, — и в том царстве люди не храбры и к бою не смелы против недругов: порабощенный бо человек срама не боится, а чести себе не добывает, хотя силен или не силен, и речет так: однако есми холоп, иного мне имени не прибудет».

Сочинения И. Пересветова переписывались, к ним делались те или иные добавления, что свидетельствовало об их актуальности. *Идеал Пересветова — неограниченное самодержавие, опирающееся на служилых людей (в том числе холопов)*. Автор ратует за отмену привилегий для аристократии и уравнивания в правах с ней дворянства, независимо от его происхождения. Что же касается самой царской власти, то никакие ограничения не предполагались. «Правда» самодержца — это плата за службу его верных холопов (по отношению к царю Пересветов себя именует именно «холопом»).

Таким образом, если Ф. Карпов ратовал за установление четкой законности и всесословной гармонии, то И. Пересветов смотрел на задачи государства лишь через призму одного сословия. Недостатки существующего положения оба публициста предполагали устранить разными путями. Нечто близкое к политическим идеалам Ф. Карпова пыталось осуществить правительство «Избранной рады». Идеал И. Пересветова во многом воплотился в опричнине. Не случайно в позднейшей литературе широко бытовало мнение, что челобитные И. Пересветова появились уже после опричнины, в качестве ее своеобразного оправдания. Ставился даже вопрос о том, что они и написаны самим Иваном Грозным, что, конечно, не соответствовало действительности.

§3. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ В СЕРЕДИНЕ XVI в.

Во второй половине XVI в. в споры о характере царской власти включился сам государь – *Иван IV Васильевич Грозный*. Его оппонентом явился беглый опальный боярин *Андрей Курбский* (ок. 1528– 1583). Сочинения Андрея Курбского весьма примечательны по своему настрою. Потомок старого знатного рода, Курбский пытался представить свое бегство как древнее феодальное право отъезда. Однако сам он уже не верил в такое право и вынужден был оправдываться перед современниками и потомками. Положение советника и воеводы при самодержавном царе, очевидно, устраивало его больше, чем право феодала-вотчинника. И в критике правления Грозного он апеллирует не к правопорядку удельной Руси, а к *периоду правления «Избранной рады»*. Он награждает самыми теплыми эпитетами Максима Грека, Федора Карпова, Алексея Адашева, Сильвестра. Местные традиции ему представляются гуманными и справедливыми, отклонения же от них он, вслед за Берсеном Беклемишевым, склонен связывать с развращающим влиянием жен-иностранок: Софьи Палеолог и Елены Глинской.

Политическая концепция Андрея Курбского изложена в его *«Истории о великом князе Московском»*, а также в *посланиях к Ивану Грозному*. Все эти сочинения написаны уже после бегства князя в Литву и на них лежит налет запальчивости в отношении к своему бывшему сюзерену. Но многие важные факты царь и боярин принимали безоговорочно, лишь давая им разную (часто противоположную) оценку. *Идеалом Курбского является сословная монархия*: «Самому царю достоин быть яко во главе и любити мудрых советников своих, яко уды свои». Царь, не получивший «дарований» от Бога, должен «искать доброго и полезного совета не токмо у советников, но и у всенародных человек, понеже дар духа дается не по богатству внешнему и по силе царства, но по правости душевной». Однако сознание собственного высокого происхождения постоянно прорывается в писаниях Курбского, и он возмущается приближением к царю лиц «ни от шляхетского роду, ни от благородна». Его беспокоит судьба прежде всего «сильных во Израиле», т.е. бояр, с которыми царь и должен делить власть. Некоторые акценты расставлялись Курбским, очевидно, под влиянием собственной судьбы. Но за его пониманием «законности» имеется и вполне объективное содержание, отчасти реализованное в середине XVI столетия. Не случайно негодование Ивана Грозного обращается на тех лиц и на те порядки, которые представлялись идеальными Курбскому.

Весьма примечателен сам факт включения царя в полемику с боярином. По справедливому замечанию Я.С. Лурье «адресатом послания было все Российское царство». Царь стремился в преддверии опричнины максимально скомпрометировать уже отстраненное, но не потерявшее авторитета в глазах различных социальных слоев правительство «Избранной рады». *Лейтмотив всех рассуждений царя один: ограничение самодержавия в какой-либо форме недопустимо.*

По утверждению Курбского, мысль об отстранении «мудрых советников» была навеяна царю племянником Иосифа Волоцкого Вассианом Топорковым. «Аще хочешь самодержец быти, — сказал якобы Топорков, — не держи советника ни единого мудрейшего себя». Принцип этот довольно широко представлен во всех монархиях и президентских республиках. И нетрудно на практике деятельности Ивана Грозного заметить, как объективные государственные и даже личные интересы заслонялись у царя тупым желанием править неограниченно. Учение «иосифлян» о божественном характере царской власти Иван Грозный взял на вооружение, но интерпретировал его более чем односторонне, без учета пользы и вреда для государства: «Аще праведен и благочестив еси, — обращается царь к беглому князю, — почто убоялся еси неповинныя смерти, сие же несть смерть, но приобретение? Последи всяко умрешь». И царю даже в голову не приходит мысль, что убийство невинного человека должно окупаться его смертью, как убийцы, совершившим преступление перед Богом и Законом. Царя вполне устраивала формула, заимствованная из послания апостола Павла: всякая власть от Бога, и любой власти надлежит повиноваться не рассуждая, справедливая она или нет. «Раби, послушайте господий своих... не токмо благим, но и строптивым, не токмо за гнев, но за совесть», — пересказывает Грозный апостола Павла. Царь ставит в пример Курбскому поведение «раба» его Василия Шибанова, который сохранил верность князю, не устрасась смерти.

«Иосифляне» рассуждали о божественном происхождении царской власти, дабы сделать ее орудием политики церковных феодалов. Иван Пересветов звал царя отвергнуть вельмож ради заботы о «воинниках». Царь воспользовался этими советами, однако лишь в той мере, в какой это оправдывало неограниченность его власти. «Или убо сие свет, — возражает он Курбскому в оценке деятельности «Избранной рады», — попу и прегордым, лукавым рабом владети, царю же токмо председанием и царьствия честию почтенну быти, властию ничим же лутчи быти раба? А се ли тма, яко царю содержати царьство и владети, рабом же рабска содер-

жати повеленная? Како же и самодержец нарицается, аще сам не строит?» Иван Грозный, по существу, не ищет аргументов против «Избранной рады» в ее реальных или даже мнимых ошибках по управлению государственными делами. Цитата из «Писания» для него вполне достаточный аргумент. «Нигде же обрящещи, еже не разорится царству, еже от попов владому», — говорит он, имея в виду Сильвестра. Между тем влияние Сильвестра носило чисто *личный*, «духовный» характер и ни в коей мере не придавало государственному устройству теократических черт. Царя не удовлетворяло положение первого среди равных: он горел желанием «строить» все сам. Отвечая на обвинение Курбского в уничтожении «сильных во Израиле», царь замечает, что «Российская земля правится Божиим милосердием... и последи нами, своими государи, а не судьями и воеводы». Держать же ответ за свои действия перед подданными царь не собирался: «Жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же».

Иван Грозный придавал большое значение наследственному характеру своей власти, равно как мнимому происхождению от потомков брата Августа — Пруса. Шведскому королю Иоганну III царь ставит в укор то, что он «мужичий род, а не государьской», поскольку отец Иоганна получил королевство не по наследству, а был «избран». Любопытно, что царь вообще не признавал за «Свейской землей» статуса «королевства». «А что пишешь — за несколько сот лет в Свее короли бывали, и мы того не слышали, опричь Магнуша, который под Орешком был, и то был князь, а не король». Следует, однако, отметить, что и шведские короли признавали ущербность своей генеалогии и усиленно стремились найти королевских предков. В самосознании королевской власти всей Европы принцип родovitости играл важнейшую роль. Когда встал вопрос о возможности передачи царского престола не малолетнему сыну Ивана, а его двоюродному брату Владимиру Андреевичу Старицкому, царь склонен был рассматривать это как «измену» и заговор против самих основ государства.

Иван Грозный был убежден, что *самодержавное правление само по себе представляет величайшее благо для подданных, поскольку исходит от «боговенчанного» царя*. Поэтому всякое выступление, которое можно было воспринять как попытку ограничения самодержавия или даже как осуждение какого-то конкретного акта царя, рассматривалось им как «измена», которая во всех землях подлежит суровому наказанию. Выступая против «своевольства» бояр, царь не стремился к «выравниванию» юридического положения сословий. Адашев и Сильвестр обвинялись в том, что «честью мало вас (бояр. — А.К.) не с нами ров-

няюще, молодых же детей боярских с вами честью подобающе». Восприняв совет Пересветова править с «грозой» и опираясь на служилых людей, Грозный решительно не разделял взгляды публициста на холопство, рассматривая в качестве холопов всех своих подданных. Явное предпочтение он отдавал также родовитости перед выслугой. Едва ли не наибольший упрек в адрес Адашева заключался в том, что он «из батожников водворишася». Василию Грязному царь пояснял, что поскольку «отца нашего и наши князи и бояре нам начали изменяти, и мы и вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды».

В спорах о формах государственного устройства и взаимоотношении сословий в России XVI в. обычно обсуждалась лишь мера участия в политической жизни и привилегий государственной власти, боярства, дворянства и церкви. Только у Вассиана Патрикеева, Максима Грека и Федора Карпова глухо говорилось о крестьянстве, да у Ивана Пересветова – о холопстве. Но в середине XVI в. появляются сочинения, в которых *низшее сословие* представлено *самостоятельным и важным элементом государственной системы*. С рассуждением о значении крестьянства выступил Ермолай-Еразм.

Ермолай, в монашестве Еразм, выходец из Пскова, в середине XVI столетия оказался в Москве (возможно, в свите митрополита Макария или Сильвестра). Свои политические идеалы Ермолай-Еразм изложил в сочинении «*Благохотящим царем правительница и землемерие*». Подобно Федору Карпову, Ермолай-Еразм признавал целесообразность сложившегося сословного деления общества, оставляя за царем функции верховного судьи и правителя. Так же как и Ф. Карпов, но в отличие от Пересветова, он настаивал, что правление должно осуществляться «*истинною и кротостию*». В «нестяжательской» литературе обличалось корыстолюбие и стяжание монастырей. У Максима Грека и митрополита Даниила проявляются элементы критики стяжательства светских феодалов. В этом же направлении развивается критика Ермолая-Еразма. Царю надлежит «неленостно снискати, рассмотря яже ко благополучению всем сущим под ним, не единими велможами еже о управлении пешис, но и до последних».

В представлении Ф. Карпова опорой государства, его военную силу и организующее начало составляли бояре и служилые люди. Ермолай-Еразм в сложившейся социальной структуре выделял *роль крестьянства*: «Велможа бо суть потребни, но ни от коих же своих трудов довольствующиеся. В начале же всего потребны суть ратаеве; от их бо трудов ест хлеб, от сего же всех благих главизна». Если Иван Пересветов настаивал на введении для служилых людей де-

нежного жалования, то Ермолай-Еразм, напротив, указывал на тяжесть для крестьянства денежного оброка и ямских сборов: «Ратаеве же беспрестани различныя работныя ига подъемлют: овогда бо оброки дающе серебром, овогда же ямская собрания, овогда же ина». Публицист не сомневался в необходимости содержания служилого сословия, но восставал против обогащения не по заслугам: «Ратаеве же мучими сребра ради, еже в царску взимается власть и дается в раздаяние вельможам и воином на богатство, а не нужда ради».

Ссылаясь на примеры из церковной истории, Ермолай-Еразм находил справедливым отчислять в пользу государства пятую часть производимого продукта. Учитывая, что «злата и сребра ратаеве недоумеючи откуда притяжати», автор рекомендовал «имати от притяжания жит у ратаев житом пятую часть». По мысли Ермолая-Еразма, служилые люди получают пятую часть крестьянского урожая непосредственно выделенной для них земли (20 полных крестьянских наделов или 750 четвертей земли во всех трех полях). С поместья должен был нести службу сам дворянин и его вооруженный слуга, причем жить дворянин должен в городе, дабы можно было быстро явиться на службу. Денежные средства служилый человек мог получить продажей избытка оброка в городе. Для удовлетворения государственных нужд определенное количество земли могло быть выделено у разных городов страны. Полученный хлеб также мог реализовываться на рынке. Ямские сборы Ермолай-Еразм предлагал переложить на ту часть населения, «елицыи во градах купующе и продающе и прикупы богатеюще». Та же часть горожан, которая не получала, «многа прибытка» от межгородовой торговли, от ямских поборов освобождается. Очевидно, и в данном случае имеются в виду *социальные низы города*, непосредственные производители материальных благ — *ремесленники*.

Некоторые авторы отмечают близость воззрений Ермолая-Еразма взглядам «иосифлян». Но с такой оценкой едва ли можно согласиться. Ермолай-Еразм несомненно *осуждал* монастырское землевладение, глухие же указания его на преимущества «священства» перед светскими делами, носят скорее нравственно-этический характер, нежели экономический или политический. И «нестяжатели» отводили важную роль «духовному» совету, поскольку за таковым оставалась единственная возможность воздействия на царскую власть. Разница заключалась в том, что «иосифляне» выступали в качестве представителей церковных феодалов и стремились сделать царя первым среди них, а «нестяжатели» претендовали на роль ревнителей благочестия, душеприказчиков, бескорыстных зрителей за соответствием поступков правителей христианским нравственным нормам.

Ермолай-Еразм был вполне ортодоксальным христианином, с подозрением и неодобрением относившимся к еретикам. Между тем учение «нестяжателей», соединенное с критикой существующей системы, могло, и даже должно было породить стремление к коренным преобразованиям социально-политической структуры. Судя по судебным процессам 50-х гг. XVI в., в центре различных еретических течений стоял последователь Нила Сорского Артемий. *Артемий* был монахом Псковского Печерского монастыря, откуда перешел в заволжскую Порфириеву пустынь. Здесь он развернул проповедническую деятельность, привлекая значительное число учеников и последователей. В 1551 г. Артемий (возможно по инициативе Сильвестра) был поставлен игуменом Троице-Сергиева монастыря, но из-за противодействия «иосифлян» вскоре покинул подмосковную обитель и вернулся в заволжские скиты. В 1553 – 1554 гг. Артемий был привлечен по делу о еретиках и отправлен в заточение в Соловецкий монастырь. Однако в 1555 г. ему с группой последователей удалось бежать в Литву, где он обосновался у слуцкого князя. Умер Артемий, видимо, в 70-е гг. XVI в.

Артемий являлся крупной политической фигурой. Не случайно он был приближен ко двору и пользовался некоторое время расположением самого царя. Общение с различными общественно-политическими кругами не могло не сказаться на его взглядах. Сохранилось 14 посланий Артемия, но, рассчитанные на широкий круг, они, очевидно, не отражают полностью его взгляды. Ведь и из учения Нила Сорского можно было сделать куда более радикальные выводы, чем это, видимо, казалось самому заволжскому старцу.

Учение Нила Сорского Артемий развивает последовательно и в разных направлениях. Он проповедует *критический подход* к Священному Писанию, конкретизируя основную мысль Нила Сорского: «Суть бо писания многа, но не вся божественна суть». В послании к царю Артемий осуждает тех, кто пренебрегает Евангелием, хотя здесь и нет идеи реформаторов об исключительной значимости Евангелия по сравнению с другими церковными книгами. Им решительно осуждаются те (включая высших иерархов), кто полагает, будто «грех простым чести апостол и евангелие», и кто считает, что обильное чтение является причиной ереси. Артемий *защищает еретиков*, подвергая осуждению исходные положения обвинителей, «ложные клеветы» и сомнительные положения. Вместе с тем он протестует против попыток объявить ересь всякую свободную мысль, даже если в поисках истины человек впадает в ошибку. «Несть бо се еретичество, — замечает он, — аще кто от неведения о чем усум-

нится, или слово просто речет, хотя истину навькнути, паче же о догматах и обычаех неких. Никто бо с разумом родися когда, но учиться вскому словеси надлежит нужда». С явным осуждением отзывается Артемий и о внешней обрядности, противопоставляя ей «заповедей господних съблюдение».

В литовский период Артемий несколько отошел от первоначальных позиций, столкнувшись с угрозой иного порядка. Князь слущкий Юрий, оказавший покровительство Артемию, был ревнителем просвещения и православия. Православие в Литве служило идее объединения русских земель (включая Украину и Белоруссию), а угроза просвещению обычно исходила от католической церкви. Здесь Артемий выступал также против лютеранства, видя в европейских реформационных движениях *угрозу идее русского единства*.

На церковных соборах 50-х гг. XVI в., судивших еретиков, Артемий отрицал многое из того, что ему приписывали обвинители или подсудимые. Сам Артемий настаивал на различении его политической позиции и того, что он говорил «просто так». Попытки и угрозы заточения, а то и смертной казни не располагали к откровенности одних и к признанию своей вины других. Но едва ли случайно, что большинство еретиков отсылали к Артемию — главному источнику их подхода к учению церкви. Среди этих еретиков видное место принадлежит Матвею Башкину — человеку, близкому московским верхам. *Матвей Башкин* отрицал божественное происхождение Христа, а также церковную обрядность. Священники, полагал Башкин, должны были показывать пример пастве. Он считал решительно несовместимым с христианством рабство. Следуя этому убеждению, он освободил собственных холопов, которые остались у него на добровольных началах (очевидно, в качестве вольнонаемных).

Учеником Артемия был и *Феодосий Косой* — представитель социальных низов по происхождению и носитель «рабьего учения». Сочинения Феодосия Косого не сохранились, известно о них лишь на основе полемики с его ярким противником *Зиновием Отенским*. По сообщению Зиновия Отенского, Феодосий Косой, еще будучи холопом, подстрекал других собратьев к неповиновению. Затем он бежал в монастырь, где скоро получил известность и заслужил уважение среди просвещенной части братии. Феодосий был привлечен по делу Матвея Башкина, но бежал в Литву, где и стал распространять свое учение. Феодосий проповедовал необходимость восстановления христианства во всей его первоначальной чистоте, отвергал какие бы то ни были обряды, не признавал власти и налоги. Восставал Феодосий также против войн — неизменного спутника властодержания. Вслед за не-

известным составителем Никоновской летописи, Феодосий проповедует идеи равенства всех народов: «Все люди едино суть у бога, и татарове, и немцы, и прочие языцы». Однако учение Феодосия не могло захватить сколько-нибудь широкие социальные слои в силу своей явной утопичности. К тому же те, на кого мог рассчитывать Феодосий, не имели возможности услышать его призыв. Они стояли слишком далеко от еще слабо проторенной в XVI в. дороги просвещения.

За еретиками 50-х гг. в ряде случаев встает фигура одного из вершителей судеб середины XVI столетия – царского духовника Сильвестра. *Сильвестр* явно покровительствовал Артемию. Его самого дьяк Висковатый обвинял в ереси, подвергая, в частности, резким нападкам новую трактовку Сильвестром иконописи. Сильвестру принадлежит несколько посланий (впрочем, в отношении некоторых авторство его оспаривается). Он принял также участие в составлении или редактировании «*Домостроя*» – сборника наставлений для зажиточного горожанина. В «*Послании наказании от отца к сыну*» Сильвестр, как и Матвей Башкин, «работных своих всех свободих и наделих; и иных окупих из работы на свободу пушах». «Домочадцы» живут у Сильвестра «свободно», очевидно, по найму. Сильвестр гордился тем, что он «изучих кто чего достоин; многих грамоте, и писати, и пети, и иных иконного писма, инех книжного рукоделия, овех серебряного мастерства и иных всяких рукоделий, а иных всякими многими торговли изучих торговати». С удовлетворением Сильвестр отмечал успехи бывших «работных» своих на самых различных поприщах в качестве «свободных».

Наступление на еретиков по времени совпало с отстранением Сильвестра от государственных дел. Слабость городов и подчиненность их власти феодальных наместников лишали материальной базы реформаторские устремления церковных и светских деятелей. Зато ереси побуждали феодалов сплачиваться для сохранения своих привилегий. Ливонская война существенно деформировала характер споров, а опричнина, по существу, свела на нет. Даже *официальное летописание прерывается 1567 г.* В условиях, когда произвол опричников фактически не регламентировался какими-либо установлениями, прежние споры отходили на задний план как малозначительные. Лишь в отдалении от центра, в монастырях Новгорода и Пскова фиксировались самые трагические события этой эпохи. Но уже с конца столетия снова пробуждается интерес к сочинениям предопричной поры. В 80-е гг. XVI в. была сделана попытка продолжить официозную летопись. В Смутное время начала XVII в. явственно слышатся отголоски общественно-политической борьбы середины XVI столетия.

Литература

- Антонович В.Б.* Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. Вып.1. Киев, 1878.
- Архангельский А.С.* Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. Ч.1. СПб., 1882.
- Бегунов Ю.Г.* Кормчая Ивана Волка Курицына // ТОДРЛ. Т. XII. 1956.
- Будовниц И.У.* Русская публицистика XVI в. М.; Л., 1947.
- Дмитриева Р.П.* Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955.
- Дружинин В.Г.* Несколько неизвестных литературных памятников XVI в. // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. XXI. СПб., 1909.
- Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. М., 1958.
- Зимин А.А.* Максим Грек и Василий III в 1525 г. // Византийский временник. Т. XXXII. М., 1971.
- Зимин А.А.* О политической доктрине Иосифа Волоцкого // ТОДРЛ. Т. IX. М.; Л., 1953.
- Зимин А.А.* Общественно-политические взгляды Федора Карпова // ТОДРЛ. Т. XII. М.; Л., 1956.
- Иванов А.И.* Литературное наследие Максима Грека. М., 1969.
- Казакова Н.А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960.
- Казакова Н.А.* Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в. Л., 1970.
- Каштанов С.М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967.
- Лурье Я.С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI в. М.; Л., 1960.
- Максим Грек.* Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии. Ч.2. Казань, 1860.
- Моисеева Г.Н.* Валаамская беседа – памятник русской публицистики середины XVI в. М.; Л., 1958.
- Перевезенцев С.В.* Русская религиозно-философская мысль X – XVII вв. Основные идеи и тенденции развития. М., 1999.
- Полосин И.И.* О челобитных Пересветова // Ученые записки МГПИ. Т. XXXV. Вып. II. М., 1946.
- Ржига В.Ф.* Литературная деятельность Ермолая-Еразма // Приложение ЛЗАК. Вып. 3. Л., 1926.
- Ржига В.Ф.* Опыты по истории русской публицистики XVI в. Максим Грек как публицист // ТОДРЛ. Т. I. 1934.
- Розов Н.Н.* «Повесть о новгородском белом клобуке» как памятник общерусской публицистики XVI в. // ТОДРЛ. Т. IX. 1953.
- Синицына Н.В.* Послание Максима Грека Василию III об устройстве афонских монастырей // Византийский временник. Т. XXVI. М., 1965.
- Синицына Н.В.* «Третий Рим». Истоки и эволюции русской средневековой концепции. XV – XVI в. М., 1998.
- Смирнов И.И.* Беседа валаамских чудотворцев // Исторические записки. Т. 15. 1945.
- Сочинения Ивана Пересветова / Подг. к печати А.А. Зимин. М.; Л., 1956.

ГЛАВА XVII

Реформы середины XVI столетия

§1. ПРИЧИНЫ РЕФОРМ «ИЗБРАННОЙ РАДЫ»

Один из постоянных парадоксов исторической науки – привязывать любые возможные реформы к личности находящегося у власти самодержца. Целые серии книг посвящены *«реформам Ивана Грозного»*, хотя эти реформы имели *задачей ограничить деспотический произвол правителя, волей судеб оказавшегося на троне*. А реформы шли, и очень значимые, только не благодаря, а *вопреки* восседавшему на троне деспоту. Как было замечено ранее, на Руси XV – XVI вв. шла постоянная борьба двух традиций в политической организации общества, которые отразились и в публицистике, и в реальной жизни. Собственно *русское начало* обычно увязывалось с политической линией рано умершего Ивана Ивановича Молодого и затем его юного сына Дмитрия, а *восточно-византийская традиция* ассоциировалась с Софьей Палеолог и ее сыном Василием. **В первом случае «Власть» традиционно прислушивалась к мнению «Земли», которая пользовалась авторитетом, и для этой традиции характерно было внимание к самоуправлению – принципу избрания правящего звена «снизу вверх». Странники византийской традиции изначально ориентировались на структуры, выстраивавшиеся «сверху вниз». Публицистика XVI в. довольно внятно показала это противостояние.**

В целом самоуправление дольше и прочнее держалось *в северных районах Руси*, и значительно слабее было представлено на *территориях, пограничных с Ордой и в других пограничных областях*. В Москве весь XV в. буксовали попытки упорядочить отношения центра и отдельных земель. Иван III, склонившийся незадолго до смерти к восточно-византийским представлениям о власти, упустил реальные возможности провести нужные для государства реформы. И только огромная беда 1547 г. показала их необходимость.

Июньское восстание 1547 г. было вызвано, как это часто бывает, случайными факторами. Страшный пожар, охвативший весь

город, уничтожил 25 тысяч домов, погибло до трех тысяч человек, около сотни тысяч осталось без крова (судя по рассказам о пожаре, в Москве в это время проживало более ста тысяч человек). И сразу пошли слухи, что Москву подожгли Глинские. В летописях прямо говорится о возмущении «неправдами», взятками и поборами в судах и о насилиях представителей власти. И все это связывалось с *Глинскими*. Их считали главными виновниками всех бед, и основания для этого были: *во всем «боярском правлении» это было самое хищное и безответственное перед страной и «Землей» правление*. Ненависть москвичей удесят�ерялась тем, что Глинские были пришельцами татаро-литовского происхождения. Ненависть обращалась и на прибывших из северных городов детей боярских: в Москве помнили, что Северо-Запад Руси, маневрируя между Литвой и Русью, готов был в любое время переметнуться к Литве. Поэтому если Глинские для москвичей оставались иностранцами, то появление отрядов служилых людей из северных городов связывалось с несправедливым правлением Глинских.

Хотя со времени ликвидации городского самоуправления в Москве прошло почти два столетия (напомним, что ликвидация института тысяцких произошла в 70-е гг. XIV в.), восставшие скоро восстановили *«старину»*, выдвигая свои требования *на вече и действуя «миром» – общиной*. Главное требование восставших – выдача Глинских. Москвичи охотно приняли версию, будто бабка царя Анна Глинская «волхованием сердца человеческие вымаша и в воде мочиша и тою водою кропиша и оттого вся Москва погоре». Но схватить восставшие смогли только Юрия Глинского, которого и казнили на площади. Естественно, досталось и людям Глинских, до которых было добраться легче: они не были защищены именем царя и самодержца.

Восставшие довольно организованно двинулись и в Воробьево, где в это время укрывался от пожара и восставших сам Иван IV. Требовали восставшие опять-таки выдачи бабки Анны и особенно ненавистного сына ее Михаила. Царю удалось убедить восставших, что никого он не прячет, и это соответствовало действительности: Михаил был «во Ржеве» на наместничестве. А иных требований восставшие сформулировать не смогли и ушли назад к своим пепелищам. Тем не менее царь испытал сильнейшее потрясение. «Вниде страх в душу мою и трепет в кости моя и смирися дух мой», – писал он позднее. И именно этот страх побудил Ивана IV согласиться с теми реформами, от каких позднее будет отказываться и что будет позднее осуждать как ограничение своей воли и власти.

Инициатором, предлагавшим разные кадровые замены, был в это время, по всей вероятности, *митрополит Макарий* (1482 – 1563), незадолго до того венчавший на царство Ивана IV. Но взгляды людей, оказавшихся советниками царя, отличались от воззрений митрополита. Судя по летописанию середины XVI в., Макарий был настроен весьма авторитарно, отождествляя единство государства и власти. Ближайшие советники Ивана после 1547 г. священник Благовещенского собора Кремля *Сильвестр* (ум. ок. 1566) и *Алексей Федорович Адашев* (ум. ок. 1561) более будут склоняться к «Земле». У Сильвестра это будет проявляться в *свободе толкования основ христианского вероучения и нравственности*, а Адашев даже и в XVII в. заслужит похвалу как редкий деятель, отличавшийся непривычной для этой эпохи *приверженностью к заботам о «Земле» и государстве*. И не их вина в том, что самодур-самодержец оказался неспособным оценить их заслуги. Тем не менее «великое десятилетие» конца 40-х – начала 50 гг. XVI в. дало очень много для России и в плане упорядочения управления, и для укрепления государства в целом. Такое не повторится, по крайней мере, до конца XVII в.

В литературе высказывалось мнение, что возвышение А.Ф. Адашева и Сильвестра было напрямую связано с их противостоянием Глинским и косвенно с участием будущих советников царя в низвержении Глинских. Но, вероятнее, Адашев и Сильвестр выступали как своеобразная «третья сила», не замешанная в предшествующих дворцовых сварах и потому сохранившая честь и объективность. Сильвестр был принят «спасения ради духовного» царя, видимо, по рекомендации московской церковной элиты. Он стал духовником юного царя, и роль его резко возрастала в связи с глубоким духовным надломом подопечного. Но задачей духовника всегда было примирение своего духовного чада с врагами с той или другой стороны, поиск компромиссов и решение спорных вопросов взаимными уступками. Возвышение же А.Ф. Адашева, по всей вероятности, шло без участия Сильвестра. Сам Иван Грозный в послании А. Курбскому, в обычной своей манере унижая и того и другого, замечает, что Алексей Адашев «в нашем царьствия дворе, в юности нашей, не свем каким обычаем из батожников водворившася». С осуждением он говорит и о том, что «совета ради духовного, спасения ради душа своя, приях попа Селивестра».

Иван Грозный был единственным из российских правителей, кто, кажется, поверил в легенду о происхождении русского правящего дома от римский цесарей. Но трактовал он эту легенду совсем не так, как ее трактовали большинство римских цесарей. Усилен-

ная византийско-иосифлянкой идеей подотчетности царя только Богу (без малейших попыток исполнять предписания Евангелия), эта легенда побуждала Ивана Грозного с презрением относиться и к своим подданным, и к правителям европейских стран, что, естественно, приводило к дипломатическим осложнениям и огромным потерям для престижа государства.

За Адашевыми (Адашевыми-Ольговыми) не было громких родовых легенд, но в XVI столетии они занимали достойное место на служебной лестнице, выполняя те или иные (в том числе дипломатические) поручения. Однако появление Алексея Адашева при дворе, видимо, с этой службой не связано. Адашевы были дальними родственниками Захарьиных — новых родственников царя, и Алексей появляется при дворе в связи с женитьбой шестнадцатилетнего царя Ивана на Анастасии Захарьиной-Юрьевой. Разрядные книги упоминают Алексея Адашева впервые именно в числе участников свадьбы, причем он еще не был женатым и, следовательно, по возрасту был близок молодоженам. В числе «спальников» и «мовников» на свадьбе он оказался, очевидно, по линии родственников невесты. Позднее А. Курбский с негодованием отвергнет подозрение, будто Анастасия была отправлена Адашевым и Сильвестром, указывая, между прочим, и на свое близкое родство с царицей.

Если до этого времени Алексей Адашев, видимо, находился под крылом отца, то уже с 1547 г. отец по службе продвигается за сыном. Федор Григорьевич получает чин окольного, почетные назначения получают и другие Адашевы. В «разрядах» Алексей упоминается в разных качествах, но всегда рядом с царем. Он и «постельничий», и «рында» (оруженосец), он ведает личной царской казной (в качестве такового делает царские вклады в монастыри), ведет дипломатические переговоры (в частности, в связи с обострившимся казанским вопросом). Влияние Адашева быстро растет, и пути их с Сильвестром пересекаются. Занятые в разных сферах, они находят точки соприкосновения в понимании задач времени, а их деятельность объединяется в нечто единое и современниками (Иван Грозный, Курбский), и позднейшими летописцами (Пискаревский летописец и др.).

§2. ОСНОВНЫЕ РЕФОРМЫ «ИЗБРАННОЙ РАДЫ»

В литературе обсуждался вопрос о степени «самостоятельности» Адашева, Сильвестра и других первых лиц правительства середины XVI в. — насколько их действия зависели от воли царя.

Думается, правительство Адашева и Сильвестра было вполне самостоятельным. Ритуал, несомненно, соблюдался: установления и распоряжения выпускались от имени царя-самодержца. Но достаточно сопоставить 50-е и 60-е гг. XVI в., чтобы увидеть насколько различны были указы «самодержца», от имени которого провозглашались высочайшие документы.

В любой исторической обстановке государственная политика сводится к нахождению гармонии сословий, а также центра и отдельных земель. Неограниченная власть склонна к злоупотреблению и в центре, и на местах. В разные периоды и в разной мере общему делу могут грозить и злоупотребления центра (в том числе верховного правителя), и сепаратизм, и эгоизм отдельных мест или выступающих от их имени правящих «элит», чаще всего самозванных. Идеального сочетания того и другого, пожалуй, нигде и никогда не было. Но именно деятельность Адашева и Сильвестра в этом смысле представляют большой интерес, причем не только в контексте истории XVI в., потому что им несомненно удалось найти некую «золотую середину».

Подготовка к реформам началась с кадровых перестановок на самом верху, т.е. в Боярской думе. Традиционный принцип замены выбывших или пополнения представителями княжеских династий сохранился, но был скорректирован. Прежде всего существенно расширился состав Боярской думы (с 12 до 32), причем за счет боярских родов, ранее не допускавшихся во властные структуры. Резко — с двух до девяти — увеличилась численность окольничих, назначаемых обычно из дворян.

Тактический характер расширения состава Думы подчеркивается возникновением внутри нее Ближней думы, более известной в литературе по данным А. Курбским названием «Избранной рады». Никакими специальными установлениями эта структура не утверждалась, но фактически именно здесь решались все принципиальные вопросы государственного управления. Главной фигурой «Ближней думы» становится Алексей Адашев, не имея на первых порах и боярского звания. В числе ближайших сторонников Алексея Адашева, по замечанию самого Грозного, был Дмитрий Курлятев. Вероятно, близок Адашеву был также Федор Иванович Мстиславский, карьера которого тоже начиналась со свадьбы Ивана IV и Анастасии и который, видимо, был сверстником Алексея Адашева. Иван Мстиславский женился к осени же 1547 г., и Адашев упоминается в этом свадебном разряде уже вместе с женой. Очевидно, сверстники царя и были самыми «ближними» из «ближних».

Первым крупным мероприятием нового правительства явился созыв так называемого «Собора примирения» в феврале 1549 г.

На Собор, помимо Боярской думы и Освященного собора, были приглашены воеводы, дети боярские и высший слой дворянства (дворянство по традиции делилось на разряды по своим правам и обязанностям; московское, естественно, считалось высшим). *Цель Собора* определялась уже его составом: *устранение противоречий внутри господствующего слоя всей страны*. Новое правительство подчеркивало преемственность своей деятельности с начинаниями Ивана III. В слове, обращенном к Собору, царь напоминал о злоупотреблениях, совершавшихся в годы его младенчества боярами и их людьми и нанесения урона «детем боярским и христианом... в землях и в холопах и в иных многих делах». В свою очередь бояре соглашались с тем, что если «дети боярские и христьяне на них будут бить челом и на их людей учнут бити челом о каких делех не буди, государь бы их пожаловал, давал бы им и их людем с теми детми боярскими и со христьяны суд». Дети боярские изымались из суда наместников «опричь душегубства и татьбы и розбоя с полчиным». За время правления Василия III и за годы боярского правления накопилось, конечно, огромное количество претензий к наместникам и боярским людям со стороны «детей боярских и христиан», а потому выделение «Челобитенной избы» (или приказа) становилось первостепенной практической задачей, от эффективности решения которой напрямую зависела возможность реализации пожеланий Собора. Эту обязанность и принял на себя Алексей Адашев, возглавивший Челобитенный приказ.

Деятельность Адашева на посту высшего арбитра не вызывала неизбежных вроде бы нареканий со стороны современников, а позднейший летописец оценит ее как образцовую: «Кому откажут, тот вдругорядь не бей челом, а кой боярин челобитной волочит, и тому боярину не прибудет без кручины от государя, а кому молвит хомутовскую (уличит в клевете. — А.К), тот больши того не бей челом, то бысть в тюрьме или сослану». Согласно этому летописцу, вместе с Адашевым судил тяжбы и Сильвестр. Это свидетельство некоторые авторы брали под сомнение: «Челобитенная изба» и упоминаемая летописцем «изба у Благовещения» располагались в разных местах. Но у Благовещенского собора находилась государственная казна, которой ведал Алексей Адашев. Да и сам характер деятельности — разбор всевозможных тяжб — требовал участия и авторитетного духовного лица. Весьма вероятно, что это обстоятельство и объединяло А.Ф. Адашева и Сильвестра. Непосредственное же знакомство с реальным положением в стране подталкивало к постановке вопросов и о других реформах.

Перед любым правительством России XVI в. на первом плане оставались проблемы поддержания боеспособности войска и его

обеспечения, а также все те же вопросы взаимоотношения центра и мест. Практически каждая земля имела свою специфику, а потому и взаимоотношения с каждой *губой* (уездом, округом) приходилось решать отдельно. Именно поэтому и оформляющиеся *приказы (избы)* носили смешанный характер: и функциональный, и территориальный.

С конца 40-х гг. XVI в. возобновляется проведение *губной реформы*. В тех уездах, где преобладало дворянское землевладение (а наделение служилых людей поместьями с конца XV в. шло интенсивно), губные дела должны были решать выборные старосты из числа детей боярских. В областях с преобладанием черносошного крестьянства в управлении принимали участие выборные от «Земли» (сотские, пятидесятские и др.). *Параллельно с расширением прав местного самоуправления ограничиваются привилегии, обычно даваемые монастырям и владельцам вотчин*. Речь идет, в частности, о распространении на некоторые привилегированные категории феодалов «ямских денег» — налога на содержание «земских охотников», обеспечивавших связь между разными частями страны, а также о лишении их таможенных привилегий. Поэтому естественным продолжением губной реформы являлась *земская реформа*, затрагивавшая обширные области с крестьянским населением. Принципы проведения были те же: *ограничение власти наместников вплоть до полной отмены кормлений*. Хотя налоги по-прежнему лежали тяжелым бременем, крестьянские общины и посад избавились от многих несправедливых поборов, а местные дела во многом зависели теперь от эффективности работы собственных «выборных».

Уже на «Соборе примирения» 1549 г. царь пообещал созвать «праведный суд», а для этого потребовалось «Судебник исправи́ти». К «исправлению» были привлечены и представители с мест — «от городов добрых людей по человеку». Есть основания считать, что и принятие Судебника проходило на Земском соборе. *Судебник 1550 г. явился, несомненно, самым значительным и продуманным юридическим памятником феодальной эпохи*. У В.Н. Татищева были основания поставить его по ряду положений выше Соборного уложения 1649 г. Именно в Судебнике 1550 г. с наибольшей последовательностью отразилась общая направленность реформ, проводимых правительством Адашева.

Численный рост служилого сословия неизбежно обострял *крестьянский вопрос*, поскольку никакая оплата службы, кроме земельных пожалований, была невозможна из-за слабости развития товарно-денежных отношений. (Кстати, поэтому и не были реалистичными интересными сами по себе проекты Ермолая-Еразма

и Ивана Пересветова о денежном обеспечении «воинников»). Естественно, что между служилыми людьми обостряется борьба за рабочие руки крестьян. Крупные землевладельцы обладали большими экономическими возможностями для переманивания крестьян с поместных владений «детей боярских». Поэтому основная масса дворян (особенно центральных уездов) стремится силой удержать за собой крестьян. Но правительство «Избранной рады» не уступило землевладельцам в этом принципиальном вопросе. *Дело, конечно, заключалось в осознании правительством угрозы деградации основных производителей — крестьян, к чему неизбежно повело бы их полное закрепощение.* И этот подход находил довольно широкое понимание. Статья о «крестьянском выходе» в Судебнике 1550 г. была оставлена в основном в том виде, как она была определена в Судебнике 1497 г. Некоторое повышение платы за «пожилое» было в действительности ее понижением из-за значительной инфляции, вызванной уменьшением доли серебра в монете в результате реформы 30-х гг. XVI в.

В публицистике того времени неоднократно выражалась тревога по поводу нарастания процесса «похолопления», в том числе детей боярских. О преимуществах вольнонаемного труда писали Максим Грек, Матвей Башкин и сам Сильвестр, который убедительно доказывал это делом. Судебник 1550 г. запретил «похолопление» детей боярских. Ограничивалась «служилая кабала», хотя размер ее — 15 рублей — для крестьянина был по-прежнему чрезмерным: у крестьян таких доходов не было.

Наместники, по Судебнику, подвергались двойному контролю. «Сверху» их контролировали кормленные дьяки, представлявшие, видимо, Разбойный приказ, а также приказы, занимавшиеся той или иной конкретной территорией. «Снизу» контролерами служили выборные земские чины: старосты, целовальники, в городах — городские приказчики. В этом случае восстанавливались порядки, которые вводил Иван III, но которые были отброшены его сыном Василием.

Поистине историческое значение имеет *ст. 98 Судебника 1550 г., уникальная в русском законодательстве.* Статья предусматривает, что «которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государева доклада и со всех бояр приговору вершатца, и те дела в сем Судебнике приписывати». Смысл этой статьи позднее прокомментировал сам Иван Грозный, заодно разрешив спор историков: выполняли ли советники его поручения, или он озвучивал подготовленные ему тексты. В послании А. Курбскому царь возмущался: «Или бо сие свет, попу (имеется в виду Сильвестр. — А.К.) и прегордым лукавым врагом владети,

царю же токмо председанием и царьствия честию почтенну быти, власти же ничим лутчи быти раба?.. Како же и самодержец нарицается, аще сам не строит?» «Строить» же по своему усмотрению, реализуя принцип «жаловать вольны и казнить вольны же», царь будет в 60 – 70-е гг. , и прежде всего в годы пресловутой опричнины.

Как было сказано, для служилых людей была нужна земля, а свободной земли (к тому же и с крестьянами) в центре не оставалось. Приходилось искать резервы. В Судебнике 1550 г. появляется статья «А в вотчинах суд». Традиционное право предусматривало возможность для родичей вотчинников, продавших вотчину, в течение двух поколений выкупать ее. Статья ограничивает это право: оно распространяется лишь на те ветви рода, которые не участвовали в сделке и устанавливали срок давности 40 лет. Главными кредиторами и покупателями земель разоряющихся вотчинников в XVI столетии были монастыри. Но и привилегии монастырей с конца 40-х гг. стали урезаться. А в мае 1551 г. появился вообще *запрет монастырям покупать землю*. Правительству явно хотелось, чтобы покупателями земли были помещики, но они в массе были не настолько богаты. Да и на занятия хозяйством времени у них было явно меньше, чем у вотчинников. Поэтому сама государственная власть ищет разные способы отписать спорные земли в казну.

Монастыри оставались наиболее реальными хранителями резервного фонда земель. По многим вопросам А.Ф. Адашев и Сильвестр, видимо, пользовались осторожной поддержкой митрополита Макария, роль которого особенно поднимается в *«Летописце начала царства»*. И это при том, что и Адашев имел отношение к летописанию 50-х гг. Но по вопросу об отчуждении монастырских и иных церковных земель Макарий и Сильвестр стояли на противоположных позициях.

Различия в решении вопроса о церковных землях показал *Стоглавый собор 1551 г.* К этому Собору царь Иван IV обратился с рядом «вопросов», на которые Собор и должен был дать ответы. Автором «вопросов», очевидно, был именно Сильвестр. Так, вопрос «О монастырях, иже пусты от небрежения» выдержан в жестко *«нестяжательском»* духе. Монастырское «общежитие» XIV в. заметно поистерлось, и вот уже «чернецы по селам живут да в городе тяжутся о землях». При постоянном росте земельных и денежных пожалований «устроения в монастырях некотораго не прибыло, а старое опустело». «Где те прибыли и кто тем корыстуется?» – спрашивается далее. Все на Соборе, конечно, понимали, что неназванные по именам воры и расхитители находятся у самых вершин церковной и светской власти. Собор не мог не

признать серьезных нарушений монастырских уставов, согласился «не ставить новых слобод», «и дворов новых в старых слободах не прибавляти», но *сам принцип обеспечения монастырей селами «иосифлянское» большинство Собора отстояло. Именно этот собор обострил отношения «иосифлян» с «нестяжателями», а расхождения касались основных социально-политических и государственно-структурных вопросов.* Именно на этом Соборе наметилась кровавая драма последующего полувека, едва не сокрушившая страну.

Явно в связи со спорами, предшествовавшими и следовавшими за Стоглавым собором, появился рассмотренный выше один из честнейших в русской истории документ — «Валаамская беседа». Автор «Валаамской беседы» исходил из того, что, «владеть землей» — это значит «воздержать царство», управлять государством. Иноки на это неспособны: «Таковые воздержатели сами собою царства воздержати не могут». Царям, передающим власть над селами монастырям, «не достоин ся писати самодержцем». Этот титул, однако, оправдывается, если царь «воздержит мир» «со приятели с князи и бояры». Здесь «достойным» кругом советников почти напрямую называется «Ближняя дума», в которую, помимо князей и бояр, входили и нетитулованные «приятели». Иначе говоря, в «Валаамской беседе» поставлены те же вопросы, что приходилось решать составителям Судебника 1550 г., но они решались более радикально, поскольку предполагался постоянно действующий *Земский собор (совет)*, которому отводилась контролирующая функция. Так далеко идти правительство явно не собиралось, да и чисто материально вряд ли было готово к этому. Но как общественная тенденция эти предложения реально обсуждались, воздействовали на позицию правительства, а в годы Смутного времени была попытка реализовать их и на практике.

Политическая борьба во все времена часто велась «под ковром», поэтому понимание истинного расклада сил всегда затруднено этим обстоятельством. Так, Стоглавый собор сформулировал указание, касающееся правил иконописания: «Писати иконописцем иконы с древних преводов, како греческие иконописцы писати и как писал Ондрей Рублев и прочие пресловущие иконописцы, и подписывати Святая Троица, а от своего замышления ничтоже предтворяти». Данная статья была направлена и против конкретного адресата, а именно Сильвестра. У Сильвестра, как сказано, была иконописная мастерская, и после пожара 1547 г. именно ему поручалось восстановить росписи в кремлевских соборах. И, судя по описаниям XVII в., в частности Симона Ушакова, содержание росписей существенно отличалось от традиционных и по тематике, и по манере исполнения.

Поскольку объем работ предстоял огромный, Сильвестр набрал мастеров в Пскове и Новгороде, где незадолго до этого кипели страсти по поводу ересей, в частности «ереси жидовствующих». Судя по описаниям, новые росписи в Кремле в большой мере ориентировались на запросы дня. Видное место в оформлении фресок заняли исторические сюжеты, главным образом в духе «Сказания о князьях Владимирских». Реалистичностью — вплоть до портретного сходства — отличалась и манера исполнения. Значительное место отводилось также ветхозаветным сюжетам, весьма редким в предшествующих росписях. Ветхозаветные сюжеты в Новгородской Софии, на которые в литературе обращено внимание, видимо, были связаны с ирландским влиянием, как и соответствующее уклонение в XI в. в Киево-Печерском монастыре. Видимо, именно эти отклонения от византийской традиции и вызвали обвинения Сильвестра в «ереси», с чем на протяжении ряда лет выступал дьяк *Иван Висковатый*, возглавлявший Посольский приказ. Помимо иконописи, Висковатый обвинил Сильвестра в поддержке еретика Матвея Башкина. С определенной точки зрения для подобных обвинений основания были. Как и Сильвестр, Матвей Башкин решительно осуждал рабство: своим холопам он дал вольную. Вслед за влиятельным старцем Артемием Троицким, с которым у Сильвестра поддерживались тесные связи, Матвей Башкин принимает нестяжательские взгляды и идет в критике официальной церкви значительно дальше. Возможно, не без влияния распространившегося в это время в Литовско-Польском государстве арианства он отрицал божественное происхождение Христа, а это было ересью и с точки зрения ортодоксального арианства.

Возможно, истоком нападок Висковатого на Сильвестра был вовсе не религиозный, а совершенно иной фактор, а именно *мнение царя Ивана IV* — в тот период все больше нарастало царское недовольство свои духовником. В частности, его гнев могла вызвать позиция Сильвестра в событиях марта 1553 г., когда в связи с тяжелой болезнью Ивана IV возник спор о наследнике, — годовалый Дмитрий Иванович или двоюродный брат Владимир Андреевич. В тот момент Висковатый был близок именно Захарьиным (за царевича Дмитрия высказывался и Адашев), а вот Сильвестр как раз и не был в числе их приверженцев. Царь тогда выздоровел, но события эти он будет постоянно вспоминать в 60-е гг., обвиняя сторонников Владимира Андреевича (и его самого) в «измене».

Обвинения в адрес Сильвестра рассматривались на *Соборе 1554 г.* В противостоянии Висковатого и Сильвестра митрополит Макарий, несомненно, хорошо осведомленный в новгородских цер-

ковных делах и в специфических новгородских традициях, поддержал тогда Сильвестра, а неутомного обличителя предупредил: «Стал еси на еретики, и ныне говоришь и мудруешь не гораздо, о святых иконах, не попадися и сам в еретики, знал бы ты свои дела». Сильвестру удалось очиститься от обвинений в ереси, но и Висковатый получил лишь церковное взыскание, которое никак не отражалось на его служебной деятельности. Непримируемыми же стороны останутся до конца, и вроде бы чисто религиозные сюжеты всякий раз будут принимать политическую окраску. В событиях 50 – 60-х гг. XVI в. это неоднократно проявится, и именно Висковатый явится одним из главных разрушителей нарождавшегося русского гуманизма.

В литературе не раз отмечалось, что воззрения Сильвестра наиболее полно выражены в «Домострое», редактором которого он являлся примерно в то время, когда шла упомянутая тяжба. При этом особое значение имеет не текст «Домостроя», как таковой, а именно редакция своеобразного руководства для рачительного хозяина, возникшего до Сильвестра (примерно в конце XV – начале XVI в. в Новгороде) и перерабатывавшегося неоднократно позднее. Редакция же Сильвестра проявлялась не только в большей четкости изложения, но и в смягчении некоторых рекомендаций предшествующего текста, в смягчении, в том числе и по сравнению с регламентацией «Стоглава». И как бы завершающим резюме является сильвестровское «Послание и наставление отца сыну».

Деятельность Сильвестра, при всей ее политической значимости, ограничивалась все-таки нравственной сферой. Алексею Адашеву, помимо разбора челобитий, необходимо было решать главные проблемы государства, связанные прежде всего с более рациональной организацией войска. *Два «врожденных» порока* ослабляли эффективность действий войска в эпоху становления единого государства: *отсутствие четко определенных воинских обязанностей держателей вотчин и местнические споры воевод в походах*, часто приводившие к серьезным неудачам даже при перевесе сил над неприятелем. До 80-х гг. XVII в. эти пороки не удавалось устранить, но именно в середине XVI столетия были намечены пути их устранения.

Упразднить «местничество» в условиях иерархически выстроенного политического образования было практически невозможно. Его можно было лишь как-то ограничить царским указом. Неудача похода на Казань в 1549 г. поторопила с решением. Летом 1550 г. издается «Приговор о местничестве», предусматривающий взаимоотношения воевод во время походов. Воевода Большого полка объявляется старейшим по отношению к осталь-

ным. Воеводы, считавшие себя ущемленными, впоследствии могли предъявлять свои счета, но они лишались права делать это во время похода. Назначение же воевод осуществляется теперь именем царя. С целью регулирования местнических споров, порой крайне ожесточенных, в 1555 г. создается «*Государев родословец*». К созданию его имел отношение и Алексей Адашев (последняя глава «Родословца» содержит «Род Адашева»), что являлось как бы продолжением его деятельности в Челобитенном приказе. «Родословец» становится и рекомендательным, и в какой-то мере узаконенным документом, с которым были обязаны считаться противоборствующие стороны.

Немало осложнений приносили и различия в формах собственности, прежде всего *поместная* и *вотчинная системы*. Если поместья были даны за службу в сравнительно недавнее время и находились на контроле, то с вотчинами такой ясности не было. Помимо того, что ими обычно владели многие поколения предков, не было никаких представлений ни о допустимых размерах этих владений, ни о данных в разное время «пожалованиях». В.Н. Татищева, критиковавшего в XVIII в. подушную систему обложения или характерную для XVII в. подворную, привлекала принятая в середине XVI в. *поземельная форма собирания налогов*. Заслужив же реформаторов середины XVI в. следует признать последовательность, с которой они проводили поземельное обложение для разных категорий владельцев. Что же касается земель поместных и вотчинных, часто критерия просто и не было. В 50-е гг. XVI в. проводилась грандиозная работа по описанию всех земель с явным предпочтением интересов именно *служилых людей*. В 1556 г. принимается «*Уложение о службе*», согласно которому служба исполнялась соответственно размерам земельных владений: «Со ста четвертей добрые угодой земли человек на коне и в доспесе полном, а в дальней поход о дву конь». Земля исчислялась из расчета одного поля при трехпольной системе, общий размер в данном случае — 300 четвертей или 150 десятин. «Уложение» явилось и основанием для конфискации значительного количества земель крупных вотчинников, особенно тех, кто получил или захватил земли после смерти Василия III.

Реформы середины XVI в. превратили служилого человека в *основу русского поместного войска — конного ополчения*. Но у служилых людей было немало забот и по хозяйству. Появилась задача создания и постоянного войска, что в масштабах государственной потребности было невозможно по финансово-экономическим соображениям. Однако первые шаги в этом направлении делались. С XV в. хотя и медленно, но нарастает роль

нового оружия — «огненного боя». В первой половине XVI в. упоминаются отряды «пищальников», которые, правда, оставались малочисленными, и пока не увязывались с конным ополчением. Около 1550 г. царь распорядился собрать «выборных стрельцов из пищалей 3000 человек, а велел им жити в Воробьевской слободе». Таким образом было положено начало *постоянному стрельцкому войску*. Стрельцы были разделены на 6 «статей», которые делились на традиционные «сотни», «полусотни», «десятки». Определялось и денежное содержание — 4 рубля в год. Это соответствовало доходу среднего посадского человека. Но практически все это реализовать, видимо, не удалось, поскольку приходилось вводить новый налог — «пищальные деньги», а каждый новый налог обязательно встречает противодействие тех, с кого его хотят собрать. Поэтому в XVI в. не выдерживалась ни численность отряда «пищальников», ни систематичность оплаты их службы. Да и эффективность стрельцкого войска оставалось невысокой из-за недостаточной маневренности.

В результате целой системы мер русское войско заметно укрепилось качественно и возросло количественно. По мнению Ивана Пересветова и Ермолая-Еразма для государства требовалось войско в 300 тысяч человек при примерно 9 — 10 млн населения страны в это время (сам расчет о численности населения вытекает также из расчетов названных публицистов). Но на практике мобилизовать такое количество воинов (включая вспомогательные службы из холопов и пр.) было невозможно. Тем не менее в 50-е гг. Россия располагала таким войском, которого ранее никогда не имела, что и позволяло решить некоторые давно стоявшие задачи.

§3. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XVI в.

На первом плане в течении ряда столетий стояла задача *ограждения от татарских набегов*. Освобождение от ордынского ига лишь отчасти ее решало. Грабительские набегии накатывались на восточные и южные «украины» России и через два столетия после разгрома Золотой Орды, а сами русские «украины» оказывались у побережья Оки. После ряда неудач, в 1552 г., наконец, было разгромлено *Казанское ханство* и взята *Казань*. Надо отметить, что в последнем Казанском походе русское войско встречало поддержку со стороны поволжских народов, подвергавшихся много лет эксплуатации и прямому ограблению со стороны паразитарного

образования. Надо отметить и то, что правительство Адашева давало этим народам права не просто равные с русскими, но и с некоторыми преимуществами. Эта практика была традиционной, а в середине XVI столетия она получает значение политической программы, наиболее последовательным исполнителем которой был именно Алексей Адашев. Позднее А. Курбский, оценивая деятельность уже опального Адашева в Ливонии, отметит, что именно благодаря его деятельности большинство племен Ливонии стремилось прийти под власть Российского государства. И религиозные различия не играли при этом какой-либо роли: с XV в. в центре Руси существовало мусульманское Касимовское царство, а ордынские «царевичи» переходили на службу в Москву задолго до падения самой Орды.

В итоге Казанского похода было освобождено до 100 тысяч угнанных в рабство, и в числе рабов были, конечно, не только русские. Кстати, до 40 тысяч «крещенов» (крещенных) в новых условиях остались в Казани. Отношения с соседями Казани наладились сравнительно легко потому, что русские власти обещали сохранить все их традиции и обещали значительное послабление в экономических поборах. Во всяком случае, власть Москвы для всех них была большим облегчением. На сторону Москвы переходили и отдельные татарские князья, воспринимая это как переход на иную службу. А своеобразным политическим результатом всей кампании явился добровольный переход под власть Москвы в 1556 г. *Астраханского ханства*, в результате чего все течение Волги, где многие годы безраздельно господствовала Орда, стало территорией Русского государства. К Москве теперь потянулся едва ли не весь Кавказ, причем и христиане, и мусульмане. Угроза со стороны Турции и Крыма, а также беспрерывные распри разных родов (преимущественно татарских) казались куда опасней из-за непредсказуемой политики остатков господствовавшей здесь ранее Орды.

Летописные известия за 50-е гг. XVI в. заполнены постоянными прошениями о принятии в российское подданство. Неоднократно обращаются *черкасские князья*, от *казаков* обращается Дмитрий Вишневецкий. И даже из далекой *Сибири* едут «служивые татары», в том числе от самого хана Едигеря. Посланники везут дань Сибирской земли — 1000 соболей «да доражской пошрины сто да 60 соболей за белку, да и грамоту шертную привезли с княжею печатью, что ся учинил князь в холопстве (речь идет о Едигере. — А.К.), и дань на всю свою землю положил, и впредь безпереводно та дань царю и великому князю со всей Сибирской давать. И царь и великий князь посла его Баянду выпустил, и очи свои дал видеть, и пожаловал

отпустил, а с ним послал служивых татар по дань в передний год». На большей части Степи и Сибири государственных структур еще не было. *И лишь ошибки и безответственное поведение ряда московских бояр и княжат отложило надолго решение важного для населения всего этого района вопроса.*

Алексей Адашев имел самое непосредственное отношение к восточной политике Москвы в вопросах военных и дипломатических. Многие тонкости ее он понимал едва ли не с детства (в поездке к султану в конце 30-х гг. с отцом был и сын Алексей). И неудивительно, что он был в числе тех (или возглавлял тех), кто ставил на очередь борьбу с Крымом. *Крымское ханство* оставалось последним осколком паразитарного образования Золотой Орды. Именно Крым поставлял рабов на невольничьи рынки Турции, именно набеги крымцев не позволяли осваивать плодороднейшие земли между Окой и Черным морем. Главная сложность заключалась в том, что за Крымом стояла *Турция*, вассалом которой признавали себя крымские ханы. Но в борьбе с Крымом и Турцией Россию (как и в XVIII – XIX вв.) готовы были поддержать многие народы Северного Кавказа, в том числе мусульманские. Даже и среди остатков ханских татарских династий находились союзники (правда, как правило, ненадежные). Для многих же других народов освобождение от ига потомков золотоордынских ханов означало реальное освобождение от внешнего гнета. Но события в Москве приняли иной оборот.

Нужно отметить, что в конце 50-х гг., после страшного голода 1557 г., возникнут разногласия, в которых сплелись разные идеи и противоречия, в том числе сугубо личные. В литературе обычно обозначен вопрос: где надо было сконцентрировать воинские силы и в каком направлении должна была действовать московская дипломатия? Огромные успехи на юге как будто давали однозначный ответ: Россия удваивала свои пределы за счет давно утерянных, но весьма перспективных земель, пользуясь к тому же поддержкой населения этих территорий. На стороне России было население большинства славянских и не славянских областей Подунавья. На стороне России было население юго-восточной Малороссии, более других страдавшее от набегов диких крымских орд. Дмитрий Вишневецкий, представлявший казачество Поднепровья, постоянно обращается за помощью к Москве, и в должной мере ее все-таки не получает. *Слияние Юго-Западной Руси с Великороссией в то время обозначалось как ближайшая легко решаемая проблема: общая судьба и общие задачи.* Но она не была решена, не столько по объективным, сколько по субъективным причинам.

Вне стратегической логики возникла альтернатива – *война с Ливонией.* По договору России с Ливонским орденом 1503 г.

Дерптская епархия должна была выплачивать дань за город Юрьев. (О договоре 1210 г., по которому за полоцкими князьями признавалось право на дань со всей территории ливов на Москве, видимо, не помнили.) В 1554 г. эта обязанность возлагалась на орден. В 1557 г. орден, правда, весьма уклончиво, объявил об отказе выплачивать дань. Встал вопрос о том, как реагировать на эту акцию. Адашев и Сильвестр полагали, что достаточно было затягивать переговоры, с тем чтобы решить более важные южные проблемы. И. Висковатый настаивал на заключении мира с Крымом и на начале войны с Ливонией. И здесь давние личные разногласия вышли на государственный уровень, значительно повлияв на решение государственных проблем, — царь поддержал Висковатого, а в результате началась затяжная *Ливонская война*.

В конце 1559 г. произошла открытая ссора царя с Сильвестром. Похоже она была связана с болезнью царицы Анастасии, которой приходилось сопровождать царя в его «поезды» и по монастырям, и на потехи, причем с малолетними детьми. Сильвестр ушел в Кирилло-Белозерский монастырь. Подвергнут опале был и Адашев, которого сослали в Юрьев. Курбский в «Истории о великом князе Московском» отмечает, что даже в опале Адашев был озабочен государственными интересами — будучи в Ливонии, Адашев сумел расположить к себе и города, и народы так, что они сами готовы были пойти «под руку» московского царя.

В 1560 г. умерла Анастасия. Сам Иван Грозный впоследствии обвинял Сильвестра и ближайшее окружение в том, будто они ее «околдовали». А. Курбский убедительно высмеял эту версию и указал на реальную. Он отметил, что и сам он, и другие члены «Избранной рады» были и родственниками, и друзьями, и единомышленниками царицы. Курбский, по существу, пояснил, в чем была проблема и что не нравилось духовнику царя. Царь просто «загулял» (и похоже был склонен к этому с детства, а о «размахе» своих «загулов» он и сам откровенно рассказал в послании в Кирилло-Белозерский монастырь). Сильвестр пытался препятствовать; но это не тот случай, когда «Закон Божий» воспринимается мирянином. И на прямой упрек о его распутной жизни, царь отвечал Курбскому обыденным: «человек есьмь». Анастасию же это, чувствуется, не просто сильно угнетало. Почти постоянно происходили весьма некрасивые коллизии, которые и привели ее к безвременной кончине. Не случайно также, что митрополит Макарий и бояре буквально сразу же после кончины Анастасии требовали от царя, чтобы он вступал немедленно во второй брак, поскольку «умершей убо царице Анастасие нача яр быти и прелюбодейственен зело». В июле 1561 г. царь женится на дочери кабар-

динского князя Темрюка *Мари*. Сам Темрюк признал себя вассалом Москвы еще в 1558 г., в период наивысшего влияния России на Северном Кавказе.

В том же 1561 г. в Юрьеве умер Алексей Адашев, а вскоре, в 1566 г. скончался Сильвестр. Так закончился один из самых разумных и созидательных периодов в русской истории.

Литература

- Альшиц Д.Н.* Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // Исторические записки. Т.23. 1947.
- Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. II. М., 1954.
- Вальденберг В.* Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916.
- Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963.
- Домострой* / Сост. В.В. Колесов. М., 1990.
- Зимин А.А.* Иван Пересветов и его современники. М., 1958.
- Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960
- Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. М., 1985.
- Копанев А.И.* Крестьянство русского севера в XVI в. Л., 1978.
- Кузьмин А.Г.* Адашев и Сильвестр // Великие государственные деятели России. М., 1996.
- Кузьмин А.Г.* Первые попытки ограничения самодержавия в России // Советское государственное право. 1980. №7.
- Леонтьев А.К.* Образование приказной системы управления в Московском государстве. М., 1961.
- Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969.
- Перевезенцев С.В.* Тайна Ивана Грозного // Роман-газета XXI век. 1999. № 12.
- Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским* / Подг. текста Я.С.Лурье, Ю.Д. Рыков Л., 1979.
- Послания Ивана Грозного* / Подг. текста Д.С. Лихачев, Я.С. Лурье. М.; Л., 1951.
- Реформы в России XVI – XIX вв.* М., 1992.
- Синицына Н.В.* Максим Грек в России. М., 1977.
- Смирнов И.И.* Очерки политической истории Русского государства 30–50-х гг. XVI в. М.; Л., 1958.
- Стоглав.* СПб., 1863.
- Судебники XV – XVI вв.* / Подг. текста Р.Б. Мюллер, Л.В. Черепнин. М., 1952.
- Тихомиров М.Н.* Сословно-представительные учреждения (Земские соборы) в России XVI в. // Вопросы истории. 1958. №5.
- Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М., 2000. (Сер. «ЖЗЛ»).
- Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI – XVII вв. М., 1978.
- Шмидт С.О.* Становление российского самодержавия. М., 1973.

ГЛАВА XVIII

Внутренняя и внешняя политика России в 60—70-е гг. XVI в.

§1. ОПРИЧНИНА

Опричнина — одна из самых трагических страниц русской истории. После колоссального десятилетнего взлета в 50-е гг. XVI в. следствием опричнины стало падение экономических, политических, социальных показателей жизни страны на многие десятилетия и, главное, были утрачены многие перспективы будущего развития. Формально опричнина занимает 1565 — 1572 гг. За это время на Россию обрушился террор, какового не бывало, по крайней мере, после монголо-татарского нашествия: беспрепятственные и бессмысленные казни людей, служивших государству; десятки тысяч новгородцев, спущенных в Волхов, — такового не было ни при одном ливонском, литовском или шведском нашествии...

В 1559 — 1560 гг., когда царь наложил опалу на деятелей «Избранной рады», *Россия пережила одно из самых крупных предательств своих правителей по отношению и к государству, и к народу*. Десятилетие правления А.Ф. Адашева и Сильвестра — это пример, к сожалению, редкий, когда у власти оказываются действительно государственные люди. Но исторический опыт показывает, что истинных государственников, радеющих за страну и народ, во всех странах и всегда было немного: власть — страшная разъедающая сила, обычно уничтожающая истинных «государственников» и поднимающая на поверхность чиновников, задача которых побольше «прихватить» и не быть при этом публично повешенным.

Похоже в литературе в должной мере не учитывается страшный мор 1557 г., охвативший в основном Заволжье и отчасти Северо-Запад Руси. Из-за нахлынувшего на огромную территорию мороза вымирали целые районы и полностью расстраивалась привычная жизнь. Естественно, все это воспринималось как наказание Божье, и выходы из трагических событий искали на эмоцио-

нально-религиозном уровне. Расположенность руководителя Посольского приказа И. Висковатого к налаживанию дружественных отношений с Крымом как бы оправдывалась трагедией на Севере Руси. Посольства из Ливонии с целью пересмотра условий договора 1503 г. также могли быть реакцией на трагедию, унесшую многие тысячи жизней. Отсюда настоятельные просьбы либо сокращения размеров дани, либо перенесения сроков ее выплаты. Трагедия зимы 1557 г. многое проясняет в сложившейся коллизии. Ливонские посольства учитывали колоссальные трудности, которые возникли в северо-западных пределах Руси (хотя от стихии пострадали и ливонские земли). Жалко было отказываться от больших успехов, достигнутых на юге, но нельзя было оставлять пустыней и северный, в том числе Прибалтийский, край. Разные потоки противоречий пересеклись в принципиальных спорах 1558 — 1560 г. И все они послужили, с одной стороны, причиной изменения внешнеполитического курса, а с другой — стали причиной рождения кардинально нового принципа решения внутривнутриполитических проблем. При этом начавшаяся Ливонская война в малой степени питала опричнину, а вот *введение опричнины практически не отвечало потребностям войска, боровшегося за Ливонию.*

При огромной важности событий, связанных с опричниной, в летописях имеются лишь отрывочные сведения о ее введении, а после 1567 г., в опричных условиях, прекращается и московское летописание, прерывается также и большинство других летописных традиций. Вскоре и само слово «опричина» оказывается под строгим запретом. Поэтому в литературе обычно используются сведения иностранцев, главным образом современников и участников событий. Два автора — *Таубе* и *Крузе* — это ливонские дворяне, взятые в плен, освобожденные в 1564 г. и приближенные к царскому двору. В 1571 г. они сбежали в Литву, в чем, конечно, винить их не приходится: «зорство» царя переходило всякие границы. Померанец *Альберт Шлихтинг* также был пленен в 1564 г. и бежал в Польшу в 1570. Вестфалец *Генрих Штаден* перебрался в 1564 г. в Москву по своей инициативе и стал опричником. Россию он покинул лишь в 1576 г. Штаден интересен тем, что он, по сути, одобрял опричную политику грабежа и убийств, как бы считая этой неким идеалом, к которому каждый человек стремится. Он не только без стеснения, но хвастливо замечал, что в новгородский поход он отправлялся с царем на одной лошади, «вернулся же я с 49, из них 22 были запряжены в сани, полные добра». Опричнину, конечно, такое признание достаточно характеризует. Меньше дают

материалы *Джерома Горсея*, агента английской торговой компании в Москве, наезжавшего в Россию неоднократно с 1573 по 1590 г., а также отклики на московские события в Польше. Авторы пользовались в основном слухами и пересудами, к примеру, в Польше главным источником слухов были беглецы из России, у которых личное обычно заслоняло общее. В целом же отклики об опричнине в разных странах и на разных языках еще не собраны в едином издании и не переведены.

Как уже было сказано, к 1560 г. царь разорвал отношения с правительством «Избранной Рады» и в начале 60-х гг. попытался обвинить своих бывших советников в «изменах» и «волшебстве». Некоторые авторы считают, что психические аномалии, которыми царь похоже страдал с детства, теперь прорываются наружу в форме неумеренной ярости. За опалами следуют казни, которые особенно свирепыми становятся после кончины митрополита Макария в 1563 г. А. Курбский в числе первых жертв называет «ляховицу» Марию-Магдалину, казненную вместе с пятью детьми по обвинению в «волшебстве», а также Ивана Федоровича Шишкина «со женою и с детками; сродник был Алексеев (т.е. Адашева. — А.К.) и муж воистину праведный и зело разумный, в роде благороден и богат». Казнен был также младший брат Алексея Адашева — Даниил Адашев. Курбский упоминает и о казни трех братьев Сатиных, на сестре которых был женат Алексей Адашев. В синодике Чудова монастыря среди «убиенных» называются еще три брата Адашева и его сестра Варвара.

С.Б. Веселовский отмечает, что первые опалы и казни не касались бояр: жертвами становились *рядовые дворяне*. Он даже делает на этом основании заключение, что роль Адашева историками преувеличена. Действительно, *первые казни коснулись главным образом близких и дальних родственников Адашева, никто из которых не имел боярского звания*. Но и сами реформы 50-х гг. и авторитет Адашева держались не на знатности рода, а на умении создать определенную гармонию сословий, в рамках которой дворянство являлось опорой государственной централизации.

Опалы на бояр, в том числе на родственников (Глинских), поначалу ограничивались ссылками или даже просто публичными заявлениями о беспрекословной верности царю. Столкновение с князьями *Воротынскими* осенью 1562 г. привело к лишению князей их вотчины (Новосиль, Одоев, Перемышль), а братья Воротынские с женами «за изменные дела» были сосланы один с женой в Белоозеро в тюрьму, другой — в Галич под стражу. Уже в 1563 г. Александр Воротынский был освобожден, но другой брат — Михаил — провел в ссылке три с половиной года, после чего

все-таки был помилован и ему вернули часть его удела. Более сурово царь обошелся с князем *Дмитрием Ивановичем Курлятевым* — сам Курлятев, его жена, сын Иван и две дочери были насильно пострижены в монашество и разосланы по монастырям. Курлятев прямо обвинялся царем (по крайней мере, в письме к Курбскому) в его приверженности Адашеву и Сильвестру.

Естественно, что опалы и казни привели к многочисленным побегам, в основном в Литву, затем в Швецию и даже в Турцию. И, конечно, эти побегии еще более разжигали ярость Ивана Грозного. У Курбского приводится характерный пример: на пути к Полоцку царь собственноручно сгоряча убил князя Ивана Шаховского. Никакого обвинения в адрес князя не приводится.

Летом 1563 г. разразился конфликт царя с *Владимиром Андреевичем Старицким* и его матерью *Ефросиньей*. Митрополиту Макарию удалось предотвратить расправу. Но Ефросинья вынуждена была постричься в монахини, бояр князя Владимира царь принял к себе на службу, а к Владимиру приставил людей по своему выбору. Взятие в 1563 г. Полоцка было наивысшим успехом в войне против Литвы, выступавшей на стороне Ливонского ордена. Но уже начало 1564 г. принесло неудачи. И реакция Ивана Грозного сказалась на лицах, которые не имели отношения к этим событиям, — были казнены князя Юрий Иванович Кашин и Михаил Петрович Репнин (согласно рассказу Курбского, Репнина убили за то, что он отказался надеть «машкару» — потешную маску). Тогда же был казнен племянник Ивана Телепнева-Оболенского — Дмитрий Федорович Овчинин. Около этого времени казнили стародубского князя Дмитрия Ивановича Хилкова, а затем смоленского наместника Никиту Васильевича Шереметева.

30 апреля 1564 г. бежал в Литву Андрей Курбский, бывший в это время наместником в Юрьеве. Судя по его посланию старцу Псково-Печерского монастыря Вассиану Муромцеву, написанном до бегства в Литву, князь что-то знал о готовящихся против него акций со стороны царя. Бегство Курбского в литературе часто представляется чуть ли не причиной введения опричнины. Но С.Б. Веселовский справедливо замечает, что это был только *один из побегов*, причем далеко не первый в потоке беглецов. Более того, в это время *митрополиту Афанасию*, занявшему митрополичью кафедру после кончины Макария, и боярам удалось уговорить Ивана Грозного не чинить неоправданных казней, и царь несколько месяцев воздерживался от них, а с Владимиром Андреевичем Старицким вроде бы даже и помирился. Но все это оказалось затишьем перед бурей.

3 декабря 1564 г. царь с царицей и сыновьями отправился из Москвы в село Коломенское. Летописец отмечает необычность этого отъезда, отличие его от прежних поездок на моление по монастырям. Царь, ничего не провозглашая, захватил с собой «святость, иконы и кресты, златом и камением драгим украшенные, и суды золотые и серебряные... и платие, и денги, и всю казну повеле взять с собою». Боярам, дворянам и приказным людям, которых он пожелал взять с собой, он приказал ехать с женами и детьми. Сопровождал этот обоз отряд дворян и детей боярских в боевой готовности: «с конми, со всем служебным нарядом».

В Москве, естественно, тревожились: никто не понимал замысла царя, поскольку никаких объявлений, куда и зачем поехал царь со всем своим сопровождением, не было. А царский обоз из Коломенского повернул в противоположную сторону, и 21 декабря царь в Троицком монастыре праздновал память митрополита Петра. Оттуда обоз отправился в *Александрову слободу*, где и остановился. Именно из Александровской слободы 3 января 1565 г. царь прислал с Константином Дмитриевичем Поливановым митрополиту и оставшейся в Москве части правительства грамоту-список, «а в нем писаны измены боярские и воеводские и всяких приказных людей, которые они измены делали и убытки государству его до его государьского возрасту». Оказавшихся в «списке» царь обвинял в расхищениях государева достояния и уклонениях от службы. Архиепископов и епископов, архимандритов и игуменов он обвинил в том, что «сложася з бояры и з дворяны и з дьяки и со всеми приказными людьми», они не давали царю наказывать виновных.

Другая грамота была адресована к «гостем» «и х купцом и ко всему православному христианству града Москвы» с повелением прочесть ее перед москвичами дьякам Путиле Михайлову и Андрею Васильеву. Царь успокаивал горожан, что «гневу на них и опалы некоторые нет». В некоторых работах эта грамота трактовалась чуть ли не как показатель демократических симпатий царя, которому бояре мешали стать истинно народным защитником. Но дело даже и не в намерении расколоть общество: купцы и посадские люди оставались вне политической борьбы и противодействия капризам царя оказать были просто неспособны. Город был парализован, поскольку никто не понимал, что происходит и что задумал царь. «Всяких чинов люди» упрашивали митрополита уговорить царя, чтобы он «гнев свой отвратил, милость показал, и опалу свою отдал, а государства своего не оставлял и своими государьством владел и правил, якоже годно ему, государю». Иными словами, москвичи готовы были принять любые требования царя, в том числе и неоправданно жестокие.

В Александрову слободу направили челобитчиков. Часть их царь оставил у себя, часть вернул в Москву, с распоряжением: «Да будут они по своим приказом и правят его государство по прежнему обычаю». Челобитье архиепископов и епископов было принято на том, «что ему своих изменников, которые измены ему государю делали и в чем ему государю были непослушны, на тех опала своя класти, а иных казнити и животы их и статки имати; а учинити ему на своем государстве опришнину, двор ему себе и на весь свой обиход учинити особой, а бояр и околничих и дворецкого и казначеев и дьяков и всяких приказных людей, да и дворян и детей боярских и столников и стряпчих и жилцов учинити себе особно, и на дворцах на Сытном и на Кормовом и на Хлебном учинити ключников и подключников и сытников и поваров и хлебников, да и всяких мастеров и конюхов и псарей и всяких дворовых людей и на всякий обиход, да и стрелцов приговорил учинити себе особно».

Далее дается перечень городов, которые включаются во «вдовий удел» – *опричнину*: «А на свой обиход повелел государь царь и великий князь, да и на детей своих царевичев Иванов и царевичев Феодоров обиход, города и волости: город Можаяскъ, город Вязму, город Козелеск, город Перемышль два жеребья, город Белев, город Суздаль и с Шуею, город Галичь со всеми пригородки, с Чюхломою и с Унжею и с Коряковым и з Белогородьем, город Вологду, город Юрьевец Поволской, Балахну и с Узолою, Старую Русу, город Вышегород на Поротве, город Устюг со всеми волостьми, город Двину, Каргополе, Вагу; а волости: Олешню, Хотунь, Гусь, Муромское селцо, Аргуново, Гвоздну, Опаков на Угре, Круг Клинской, Числяки, Ординские деревни и стан Пахрянской в Московском уезде, Белгород в Кашине, да волости Вселун, Ошту, Порог Ладожской, Тотму, Прибужь. И иные волости государь поимал кормленным окупом, с которых волостей имати всякие доходы на его государьской обиход, жаловати бояр и дворян и всяких его государевых дворовых людей, которые будут у него в опришнине; а с которых городов и волостей доходу не достанет на его государьской обиход, и иные города и волости имати».

Иными словами, на большей части территории России, в стратегически важных областях (в частности, в опричнину вошел весь Волго-Балтийский путь, а также западные и юго-западные подступы к Москве) устанавливалась никем неконтролируемая власть. В этих городах и волостях царь намеревался разместить тысячу опричников, выселив и переселив в другие районы «вотчинников и помещиков». При этом царь предупреждал, что в будущем он может забрать и другие города и волости, не мотивируя это государствен-

ной целесообразностью. Для начала же царь истребовал от земства 100 тысяч рублей «за подъем», оговорив, что и все имущество тех, кого он захочет казнить, тоже перейдет к нему.

Уже в феврале 1565 г. «повеле царь и великий князь казнити смертною казнию за великие их изменные дела боярина князя Олександра Борисовича Горбатова да сына его князя Петра, да околничего Петра Петрова сына Головина, да князя Ивана княж Иванова сына Сухова-Кашина, да князя Дмитрея княж Ондреева сына Шевырева. Бояр же князя Ивана Куракина, князя Дмитрея Немова повеле в черньцы постричи. А дворяне и дети боярские, которые дошли до государской опалы, то на тех опалу свою клал и животы их имал на себя, а иных сослал в вотчину свою в Казань на житье с женами и с детми». Летописный перечень неполон. С.Б. Веселовский обратил внимание на вкладную книгу Троицкого монастыря. В ней, в частности, записано, что 12 февраля царь прислал на помин души князя Александра Горбатого 200 рублей, а 14 марта на помин души князя Петра Ивановича Горенского 50 рублей. Иными словами, до 14 марта был казнен и князь Горенский.

В начале XVII в. дьяк Иван Тимофеев, объясняя причины бед России в конце XVI и начале XVII в., увязал их именно с опричниной. Он не отказывал Ивану Грозному в уме, но отказывал в *благоразумии*. Царь был «к ярости удобь подвижен», а в ярости уже не знал милосердия. Согласно оценке Ивана Тимофеева, царь «от умышления же zelные ярости на своя рабы подвигся толик, яко возненавиде грады земля своя вся и во гневе своем разделением раздвоения едины люди раздели и яко своеверны сотвори... и всю землю державы своя, яко секирою, наполы некако разсече». «Мню сим разделением прогневил он Господа Бога», — заключает Иван Тимофеев и напоминает заповедь: «Не может стоять царство, разделенное надвое». Скажем, *Александр Горбатый (Суздальский)*, находившийся в двойном свойстве с самим царем, был одним из лучших полководцев, по аттестации Курбского «глубокого разума и искусный зело в военных вещах». Следовательно, *царь собственными руками готовил поражение России в Ливонской войне, уничтожая тех, кто мог бы побеждать*. И неудивительно, что от Ивана Грозного стали разбегаться во все стороны — брат Петра Горенского бежал в Литву, но был перехвачен и посажен на кол, а 50 сопровождавших его слуг были повешены.

После конфликта 1563 г. Иван Грозный начал готовить расправу над своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем. Царь до 1566 г. провел три мены владениями, забрав у Владимира Андреевича Старицу (полученную еще отцом Владимира, Андреем Ива-

новичем по завещанию Ивана III) в опричнину и полностью заменив все окружение старицкого князя. И ряд последующих казней предполагал уничтожение возможных сторонников Владимира Андреевича, как единственного в то время законного претендента на царский трон.

В 1566 г. в Москве был созван *Земский собор* – последний в царствование Ивана Грозного. Участники собора проявили мужество и потребовали ликвидации опричнины. Руководила заседаниями собора Боярская дума, авторитетнейшим руководителем которой был конюший *И. П. Федоров-Челяднин*. Примерно тех же взглядов придерживался новый *митрополит Филипп* (Федор Степанович Колычев), постоянно призывавший царя отменить опричнину. Реакция царя была обычной: большая группа дворян была казнена, И. П. Федорова-Челяднина отправили в ссылку на воеводство в Полоцк. Не доверяя москвичам, царь вынес свой замок-резиденцию за пределы города. Видимо, в 1567 г. он похоже в страхе, беседовал с игуменом Кирилло-Белозерского монастыря Кириллом и хотел даже постричься в монахи. В монастыре была выделена келья для царя и две кельи для его сыновей Ивана и Федора. Тогда же царь просил и английское правительство предоставить ему убежище в случае «беды».

О намерениях царя узнали на Москве, и нашлось немало «земцев», которые с энтузиазмом *поддержали бы кандидатуру Владимира Андреевича Старицкого*. Царь сразу же отказался и от Англии, и от монастыря, намереваясь уничтожить вся и всех, кто мог поддержать его двоюродного брата. Поэтому главной заботой царя в 1568 – 1570 гг. стало именно «дело» о заговоре Старицких. Но сам Владимир Андреевич не был способен что-либо возглавить и психологически давно уже был сломлен. В 1567 г. он предает И. П. Федорова-Челядина, готового поддержать кандидатуру старицкого князя, сообщив царю о «заговоре» конюшего. Опричники разорили вотчины И. П. Федорова-Челядина и казнили многих его слуг и приверженцев. Однако сам конюший тогда избежал худшего благодаря заступничеству митрополита Филиппа, который во время богослужения в Успенском соборе 22 марта 1568 г. потребовал от царя прекращения кровавого террора. Летом того же года произошел окончательный разрыв митрополита с неумным самодержцем. Филипп ушел в монастырь Николы Старого, но сложить с себя митрополичий сан отказался. В сентябре 1568 г. царь создал опрично-духовную комиссию для расследования «преступлений» Филиппа в бытность его игуменом Соловецкого монастыря. Никаких «преступлений» обнаружить не удалось, но в ноябре митрополит был насильственно низложен и отправлен в заточение в Тверь в Отрочь

монастырь. Попутно царь устроил суд над И.П. Федоровым-Челядиным, который 11 сентября был попросту убит.

В тот же период жертвами опричного террора стали *виднейшие члены Боярской думы* — окольничие М.И. Кольчев и М.М. Лыков, государственный казначей Х.Ю. Тютин, земские воеводы А.И. Шеин-Морозов, Ф.А. Карпов, М.А. Карпов, И.Б. Кольчев, В. Кольчев. Казнены были также князь А.И. Катырев, трое князей Хохолковых, князя В.К. Курлятев, Ф.И. Троекуров и Ф. Сысоев, сотни дворян и других служилых людей.

Осенью 1569 г. осуществилась окончательная расправа с Владимиром Андреевичем Старицким. Сначала он был отправлен в почетную ссылку в Нижний Новгород. Затем опричники, в частности Василий Грязной и Малюта Скуратов, организовали провокацию, приписав старицкому князю намерение отравить царя. Владимир был доставлен в царский лагерь, и 9 октября царь заставил своего двоюродного брата выпить яд, а 11 октября царь расправился с его матерью — Ефросиньей. Ее забрали из Горитского монастыря на Белоозере и на речных стругах повезли в Александрову слободу, куда царь переселился из Москвы. Как сообщает Пискаревский летописец, царь «по дороге велел ее уморить в ызбе в дыму». Эту участь разделила и вся свита Ефросиньи, в том числе старицы того же монастыря.

Внешнеполитическое положение России заметно ухудшилось после объединения Литвы и Польши в 1569 г. в единое государство — *Речь Посполитую*. По существу, исключалась возможность каких-либо активных действий в войне, и Россия просит теперь о перемирии. На юге в это же время активизировалась Турция, намеревавшаяся захватить весь юг России. Несколько облегчала положение уобица в Швеции, где Эрик XIV, опасаясь за свою жизнь, готов был даже просить в России убежища. Но осенью 1568 г. Эрик был свергнут, и отношения со Швецией осложнились.

От «дела» Старицких царь с опричниками решили протянуть нити и к *Новгороду*, где, конечно, сохранялись антимосковские и тем более антиопричные настроения. Падение Изборска в 1569 г. в ходе Ливонской войны он справедливо связывал с изменой некоторых русских. Но, как и обычно в опричнину, казнили не виновных, а *подозреваемых*. В числе же подозреваемых оказались едва ли не все новгородцы. Из Пскова и Новгорода было выселено более двух тысяч человек как неблагонадежных. Новгородское «изменное дело» увязали с представителем знатного старомосковского боярского рода Василием Дмитриевичем Даниловым. Он представлялся как бы связующим звеном между Владимиром Андреевичем Старицким, и новгородцами, и был казнен опричниками

во время новгородского погрома. Естественно, как практически и все «дела» опричников, и дело В.Д. Данилова, и все «новгородское изменное дело» были фальсифицированы, и опричники, пользуясь безнаказанностью, наслаждались жестокостью, грабили и убивали, не неся никакой ответственности.

В конце 1569 г. опричное войско двинулось в поход на Новгород. Первым серьезным городом на пути была *Тверь*. Здесь в Отроче монастыре все еще находился низвергнутый митрополит Филипп. Царь и его советники решили использовать бывшего митрополита против духовенства Новгорода, тем более что отношения у Филиппа с новгородским архиепископом Пименом были напряженными. Но Филипп занял принципиальную позицию, осуждая опричный террор, и Малюта Скуратов 23 декабря задушил его. Сама Тверь была разгромлена. Иностранцы называют фантастические цифры жертв: 60 и 90 тысяч, но, видимо, достоверна цифра 9 тысяч. Сотни переселенных сюда псковичей и новгородцев были истреблены полностью. По пути к Новгороду опричники грабили и убивали по всем городам без счета. Царь распорядился убивать всех, кто пытался бы проехать по новгородской дороге или проникнуть в опричный лагерь, дабы никто не мог предупредить новгородцев о надвигающейся на них грозной опасности.

2 января 1570 г. опричники подошли к Новгороду и обложили его со всех сторон «кабы не един человек из града не убежал». Первыми жертвами опричников стали монастыри и храмы. Они были полностью разграблены (в Новгороде и под Новгородом было 27 монастырей), а монахов и священнослужителей попросту убивали сотнями. Новгородский летописец описывает страшную картину зверств опричников. Монахов вывели на рыночную площадь и забили «палицами насмерть», а убитых затем развезли по монастырям для погребения. На уже ограбленные монастыри была наложена еще и контрибуция: архимандриты должны были передать в опричную казну по 2 тысячи золотых, настоятели — по тысяче, соборные старцы — по 300 — 500 золотых. Ограбленные монастыри и церкви, конечно, не могли внести такие суммы, и царь распорядился «бити их приставом из утра и до вечера на правежи до искупа безшадно».

В Новгороде московские правители обычно имели резиденцию на Городище. Именно там Иван Грозный осуществлял пародию суда. Опричные «суды» выделялись даже на фоне крайне жестокого и в Европе, и в Азии XVI столетия — обвиняемых жгли на огне «некоею составною мукою огненной». Естественно, что под такими пытками истязаемые давали любые нужные мучите-

лям показания. А обожженных «изменников» привязывали к саям длинной веревкой и волокли две версты до Новгорода, где сбрасывали с волховского моста в реку. Новгородский летописец сообщает, что на волховском мосту был устроен специальный помост, с которого бросали в реку членов семей «изменников» — связанных по рукам и ногам женщин и детей. Опричники же разъезжали по реке в лодках, и вооруженные рогатинами и топорами топили тех, кому удалось всплыть.

В этой информации летописца, видимо, зафиксирован не самый первый этап бесчинств опричников, поскольку речь идет о светском населении города. Посад же опричники начали грабить после того, как были разграблены церковные заведения и учинена расправа с духовенством. В «*Повести о приходе царя Ивана в Новгород*», включенной в новгородскую летопись, говорится, что в течение пяти недель ежедневно топили в Волхове по 1000–1500 человек: «А тот убо день благодарен, коего дни въвергнут в воду пятьсот или шестьсот человек». Пытавшихся же спастись из воды, опричники «прихватывая багры, людей копии и рогатины прободающе и топоры секуще, и во глубину без милости погружаху, предающе горцей смерти».

Сходную информацию дает и *Псковская летопись*. В ней, в частности, называется цифра: 60 тысяч «мужей и жен и детей», которых царь «в во великую реку Волхов вмета, яко и реки запрудитися». Таубе и Крузе говорят о том, что только «именитых людей» в Новгороде погибло 12 тысяч. И только в одной «скудельнице» (могильнике), по сообщению Новгородской летописи, было захоронено 10 тысяч убитых. Курбский сообщает, что лишь за один день царь перебил 15 тысяч, не считая жен и детей. Автор «Записок о России» А. Шлихтинг говорит о гибели «2770 из более знатных и богатых, не считая лиц низкопоставленных и беспредельного количества черни, которую он уничтожил всю до полного истребления». Ту же цифру «именитых» называют и новгородские источники.

Откровенно *антигосударственная направленность* всего опричного террора и очевидная бессмысленность разрушения всего Северо-Запада Руси, в особенности разрушение Твери и Новгорода, породили одно любопытное объяснение многолетнего сумасбродства царя. Археолог и писатель А.Л. Никитин считает, что сообщения о рождении у отправленной в монастырь супруги Василия III Соломонии Сабуровой сына (об этом упоминает и Герберштейн, посетивший Москву в 1526 г.), названного Юрием, достоверно. Имеются определенные следы пребывания младенца в монастыре — детская

утварь. По мнению А.Л. Никитина, именно сын Соломонии Сабуровой являлся законным наследником престола, а потому Иван Грозный всю свою деятельность направил на поимку и уничтожение старшего брата. По мнению автора, Тверь была разрушена потому, что царь предполагал захватить там брата. Тот же мотив двигал им и в походе на Новгород. И хотя версия А.Л. Никитина выглядит почти фантастической, в его очерке затронуто много эпизодов и фактов, которые пока не находят объяснения в исторической литературе.

После Новгорода карательная экспедиция была направлена на *Нарву* и *Иван-город*, а сам царь направился к Пскову. Здесь тоже начались казни, хотя Псков традиционно тяготел к Москве. У Таубе и Крузе приводится, видимо, широко распространенный рассказ о том, почему царь внезапно прекратил репрессии в Пскове. Псковский юродивый Никола пришел к Ивану Грозному и предупредил: «Ивашка, Ивашка, до каких пор будешь ты без вины проливать христианскую кровь. Подумай об этом и уйди в эту же минуту или тебя постигнет большое несчастье». Псковская летопись передает ту же версию в несколько ином освещении: царь «ничто же вменив, повеле у святыя Троицы колокол сняти, того же часа паде конь его лутчий по пророчеству святого». Именно это обстоятельство и напугало царя. Суеверия проявлялись в его действиях постоянно. И он мог действительно всерьез напугаться. Во всяком случае, он немедленно покинул Псков и отправился в Александрову слободу.

Опричники продолжали бесчинствовать в Новгороде и Новгородской земле весь 1570 и еще 1571 г. Хозяйство страны было разрушено до такой степени, что голод охватил не только Северо-Запад Руси, но и центральные области. В Москве цены на рожь поднялись в 10 – 20 раз, а в Подмосковье иностранцы, в частности польские послы, побывавшие в Москве летом 1570 г., всюду видели множество брошенных мертвых тел людей, погибших от голода. И в этих условиях царь замыслил продолжение войны за Ливонию, причем теперь предстояло воевать со Швецией при весьма ненадежном нейтралитете Польско-Литовского государства.

В нашей литературе были попытки найти в этих бессмысленных расправах какую-либо объективную закономерность и необходимость. В 1964 г. А.А. Зимин оправдывал явно безумные действия царя необходимостью «сокрушить это государство в государстве – церковь». Но уничтожение отдельных высших церковных чинов (например, митрополита Филиппа) ни в коей мере не затрагивало

сути отношений власти и церкви, тем более что Иван Грозный твердо держался традиций «иосифлянства». Скорее, речь шла лишь о личном приоритете. И в этом случае царь мог устранить нежелательного митрополита, а потом каяться безмерными пожертвованиями монастырям.

По возвращению из Новгорода царь имел длительный разговор с печатником, «канцлером» *И. Висковатым*. Содержание этого разговора передает А. Шлихтинг. Печатник советовал, чтобы царь не проливал столько крови, «в особенности же не истреблял своего боярства, и просил его подумать о том, с кем же он будет впредь, не то что воевать, но и жить, если он казнил столько храбрых людей». Царь разумных советов не терпел и разразился угрозами: «Я вас еще не истребил, а едва только начал, но я постараюсь всех вас искоренить, чтобы и памяти вашей не осталось. Надеюсь, что смогу это сделать, а если дело дойдет до крайности и Бог меня накажет и я буду принужден упасть ниц перед моим врагом, то я скорее уступил бы ему в чем-либо великом, лишь не стать посмешищем для вас, моих холопов». И царь не забыл этого разговора Висковатому.

И. Висковатый в течение двадцати лет возглавлял Посольский приказ, а фактически контролировал приказный аппарат, поскольку вместе с казначеем *Фуниковым* ведал «государеву казну» — Казенный приказ. В качестве печатника он утверждал все важнейшие документы, исходившие из других приказов. К тому же он пользовался поддержкой *Захарьиных* и близких им бояр, а также главы Боярской думы *Шереметева*. По существу, в этом лагере оказалось почти все боярство. А у *Висковатого* были основания беспокоиться и за свою жизнь, поскольку в июле 1570 г. после жестоких пыток был казнен его родной брат *Третьяк*, которого связали с «заговором» *Владимира Старицкого*. Теперь же *Висковатого* и приказную оппозицию решили связать с новгородским «делом». Чудовищные пытки сотен новгородцев позволили опричникам получить нужные им показания против *Висковатого* и боярского кружка *Захарьиных*. На *Висковатого* «повесили» и провалы во внешней политике, действительным виновником которых был сам царь и его опричные советники.

25 июля 1570г. на рыночной площади в Китай-городе, именованной *Поганой лужей*, состоялась массовая казнь «изменников». Царь поначалу намеревался учинить и Москве такой же разгром, как в Новгороде, и практически все население города разбежалось по домам и возможным укрытиям, а у *Поганой лужи* не оказалось ни одного «зрителя». Столь явная реакция москвичей на действия царя заставила его изменить тактику: он объявил, что «сложил... свой гнев»

с жителей города, после чего часть приведенных на казнь даже передал «земцам». А затем начались казни.

Как и можно было предполагать, первыми были казнены И.М. Висковатый и Н.А. Фуников, а также глава Поместного приказа В. Степанов (Угримов), глава приказа Большой казны И. Булгаков и глава Разбойного приказа Г. Шапкин вместе с их семьями. Висковатого пытались купить: требовали от него признаться в своих «преступлениях» и просить царя о помиловании. Но он ответил на эти «уговоры» проклятиями: «Будьте прокляты кровопийцы, вместе с вашим царем». Это были последние его слова. Висковатого раздели донага и привязали к бревнам, составленным — по сути дела, богохульски — в виде креста. Казнь Висковатого начал Малюта Скуратов и закончил опричник И. Реутов — распятый на кресте был разрезан живьем на части. Также твердо держался и Фуников, отказываясь признать за собой какую-либо вину, — его сварили, обливая кипятком. За четыре часа было казнено, по разным сведениям, 120 — 130 человек. Позднее они были внесены в «Синодик опальных», в котором Иван Грозный каялся в своих прегрешениях. После расправы с московскими дьяками началась расправа с новгородскими. По тому же Синодику было казнено 50 — 70 новгородских дворян и приказных людей, а также лица из дворцовой прислуги — все были утоплены в реке. При этом «чернь» и члены семей, также предаваемые казни, в счет не шли, но очевидцы называют примерно 80 казненных жен и детей «изменников».

Между тем разногласия проникли и в среду опричнины. Создатели сысского ведомства опричнины *А. Вяземский* и *А. Басманов* были подвергнуты публичному избиению палками, причем Вяземского заставляли при этом вносить ежедневно 1000, затем 500 и 300 рублей. Откупаясь, Вяземский оговорил ряд богатых московских купцов, якобы бравших у него в долг деньги и тем пришлось оплачивать несуществующие долги. Вяземский, наконец, был сослан на Волну в Городецкий посад, где и умер «в железных оковах». Из опричнины были изгнаны и все его родственники. Примерно такая же картина была и с родственниками казненного Басманова и братьев Очиных. Из опричнины были изгнаны все Плещеевы.

На настроения царя оказывали, конечно, влияние и неурядицы в личной жизни. Когда в 1560 г. на восьмом дне после кончины Анастасии он посватался к сестре польского короля Екатерине и получил отказ, это послужило основанием для начала военных акций против обидчиков. В 1569 г. скончалась *Мария Темрюковна*, которая, по некоторым данным, советовала царю

вести опричнину. Теперь выбор невесты был поставлен как важное государственное мероприятие. В Александрову слободу свезли 2 тысячи девушек. После тщательнейшего отбора царь остановился на *Марфе Собакиной*, а сыну Ивану определил в жены Евдокию Сабурову. 28 октября состоялось венчание, но уже 13 ноября Марфа умерла, видимо, не выдержав бесцеремонности и разнузданности своего нечаянного супруга. В следующем году отец Марфы коломенский сын боярский Василий Большой Собакин был пострижен в Кириллов монастырь, а трех его племянников казнили по обвинению, что они будто хотели царя «чародейством извести». Церковь признавала законными только три брака. Пришлось созывать церковный собор, который 29 апреля 1572 г. разрешил царю четвертый брак с *Анной Колтовской*, уже через год сосланной в монастырь. Далее последовало еще три брака, уже *без церковного благословения*, ибо церковь не могла пойти против канона.

Распри и беспринципная борьба в самой опричнине привели к тяжелейшей трагедии – крымский хан Девлет-Гирей **24 мая 1571 г.** беспрепятственно сжег Москву, а *опричное войско* не смогло его остановить. По сообщению летописи, «Москва згорела вся: город и в городе государев двор и все двory и посады все и за Москвою: и людей погорело многое множество, им же не бе числа; и всякое богатство и все добро погоре». В итоге и «хоронити некому было». Англичанин Ускомби, находившийся в это время в Москве, сообщал в письме, что многие русские «были уведены крымскими татарами... Крымцы возвратились восвояси с чрезвычайной добычей и бесчисленным множеством пленных». С одной стороны, крымцы, а с другой – неистовость царя погубили много людей, так что «народда уцелело мало».

Вскоре Девлет-Гирей решил повторить набег, рассчитывая теперь легко завоевать всю Россию. В районе Серпухова татарское войско переправилось через Оку, но *земское войско* во главе с *М.В. Воротыньским* нанесло татарам сокрушительное поражение при Молодах (45 км от Москвы).

Поражение опричников и победа земцев имели, естественно, определенный психологический эффект. *В 1572 г. царь вынужден был объявить об отмене опричнины.* И хотя сам царь остался тем же капризным деспотом, нараставшая разруха в стране сокращала даже и возможности творить зло. В том же году царь пишет «завещание» (закончено оно не было), в котором кается во множестве своих прегрешений и преступлений. Но, как и ранее, слова уничтожения были либо неискренними, либо отражали постоянные перепады в настроении самого царя.

В 1575 г. царь разыграл еще одну форму «отречения», вызвавшую недоумение и у современников, и у историков. Он объявил находившегося на русской службе татарина *Симеона Бекбулатовича* «великим князем всея Руси», себя же обозначал как «князя Московского». Конечно, реальную власть не отдавал, а Симеон Бекбулатович был не из числа тех, кто за власть боролся. Думается, что В.И. Корецкий нашел правильное объяснение очередным причудам самодержца. Иван Грозный постоянно был окружен прорицателями и астрологами, поскольку верил он больше всего в нечистую силу. Странное поведение Ивана Грозного на сей раз вызывалось тем, что кто-то из прорицателей предрекал смерть царя Московского в 1575 г. Симеон Бекбулатович и должен был принять на себя этот удар. Но год прошел, ничего не случилось, и царь вновь расположился на троне.

Между тем продолжалась Ливонская война, и дела в ней шли все хуже и хуже. Датский принц Магнус, владевший старым русским островом (Ейсюсле – в исландских сагах, Эзель – в немецкой транскрипции), бывший некоторое время союзником России, готовил измену. Главное же – опричнина настолько разорила страну и подавила чувство сопричастности к судьбе страны практически у всех слоев населения, что воссоздать вполне боеспособное войско было невозможно.

Весной 1579 г. царь в очередной раз серьезно заболел. В Александрову слободу были вызваны бояре и высшее духовенство, которым царь объявил, что преемником его будет старший сын Иван и призывал верно служить будущему государю. *Иван Иванович* (1554–1581) пользовался и без того большим уважением в земстве, а теперь становился центром притяжения многих из тех, кто старался держаться в стороне от более чем непостоянного царского двора. *Царевич действительно понимал государственные интересы и настаивал на активной политике в отношении противостоящих в войне стран и активизации военных действий, будучи всегда готовым возглавить собранные в кулак русские военные силы.* Но царь выздоровел, и успехи сына теперь вызывали у него ярость.

Отношения у сына с отцом и ранее складывались весьма не просто. Царь отправил в монастырь двух жен, которых сам же и выбрал для сына. Не жаловал он и третью жену сына, *Елену Шереметеву*, поскольку считал *Шереметевых* вообще своими врагами. Старший из Шереметевых – Иван Васильевич Большой – побывал в тюрьме, подвергся пыткам и ушел в монастырь, спасаясь от преследований царя, второй – Никита – был казнен. Младших царь тоже обвинял в «изменах», но один из них погиб

под Ревелем, а другой в 1579 г. попал в плен к полякам и перешел на службу к Стефану Баторию.

Трагическая развязка наступила в 1581 г. Разные источники рисуют примерно одну и ту же картину. Царь зашел в покои сына и увидел лежащую на скамье его беременную жену в нижнем платье (на женщине должно было быть не менее трех рубах, чтобы считаться одетой). Царь начал колотить сноху посохом. На шум в комнату вбежал Иван и якобы бросил отцу упрек: «Ты без всякой причины отправил в монастырь моих первых жен, а теперь ты и третью бьешь, чтобы погиб сын, которого она носит в чреве». Грозный действительно не хотел наследника от Шереметевой. От побоев она разрешилась от бремени уже в следующую ночь, но внук царя родился мертвым. Избил царь и сына, пытавшегося защитить жену. Иван был тяжело ранен в голову и на пятый (по другому источнику на одиннадцатый) день — 19 ноября — умер.

В феврале 1582 г. царь собрал Боярскую думу и обратился к ней с длинной речью. Он вновь объявил о намерении уйти в монастырь, признал, что наследник умер от его «грехов», но не прояснил в какой форме эти «грехи» выразились. Думе была предложена кандидатура второго царевича *Федора Ивановича*, но, зная, что Федора никто всерьез не принимал, Иван Грозный позволил боярам выдвинуть какую-нибудь свою кандидатуру. Естественно, никакой «своей» кандидатуры бояре выдвигать не стали, понимая, что и «кандидатуру», и тех, кто ее выдвинет, царь казнит. В итоге бояре согласились признать преемником Федора Ивановича, а царя просили повременить с пострижением, пока дела в стране не наладятся.

Как и обычно, царь присматривался, кто из бояр для него в настоящее время наиболее опасен. Теперь под подозрение попали *Шуйские*. Василий Иванович Шуйский, будущий царь, был арестован и затем передан на поруки его младшим братьям. Таким образом, царь как бы связал их общей ответственностью. *Но соотношение сил опричников (остававшихся при царе и после отмены опричнины) и мзства заметно и даже резко изменилось в пользу мзства, которое только и располагало боеспособными воинскими соединениями.* Царь теперь разыгрывает роль благодетеля, кается в прошлых грехах, обильно раздает монастырям вклады по «прошенным» им задним числом жертвам репрессий. В марте 1582 г. Боярская дума приняла закон о суровом наказании лиц, подающих ложные доносы (особенно суровым казням подвергались холопы, доносившие на своих господ). Но царь, по существу, уходил от дел, поскольку был уже неспособен творить даже зло.

Последней (обычно считают седьмой) женой Ивана Грозного стала *Мария Федоровна Нагая* (ум. 1612 г.), на которой он женился

в 1581 г. и от которой родился его последний сын *Дмитрий*. Но едва женившись, и даже после рождения сына, царь усиленно сватался к племяннице английской королевы Марии Гастингс. Конечно, он получил отказ, и на его психическое состояние этот факт тоже произвел определенное впечатление. Последние полтора года жизни он находился в полной растерянности, а его попытки привлечь Англию в союзники, равно как и намерения вообще уехать в Англию, и в Англии, и в России воспринимались как бред безнадежно больного человека. 18 марта 1584 г. Иван Грозный скончался, оставив стране тяжелейшее наследство.

Ливонская война началась до опричнины и закончилась после ее крушения. Между тем они были тесно связаны в различных отношениях. *Они были порождены одними и теми же причинами — явным расколом царя со своими ближайшими советниками и стремлением его к безграничной власти.* Именно поражения на фронтах Ливонии побудили царя окончательно отказаться от земского строя и придумать для себя «опричнину». Введение же опричнины в конечном счете привело к поражению России в Ливонской войне. И прав был упомянутый выше дьяк Иван Тимофеев, написавший в начале XVII в.: «Не может стоять государство, разделенное надвое».

§2. ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА 1558 – 1583 гг.*

История *Ливонской войны*, при кажущейся очевидности целей этого конфликта, характера действий противоборствующих сторон, давно уже определенной последовательности ее этапов и, наконец, вполне, казалось бы, ясных итогов произошедшего военного столкновения, до сих пор остается в числе ключевых проблем, однозначного решения которых современной исторической наукой не найдено. Свидетельство тому — калейдоскоп мнений исследователей, пытавшихся определить значение этой войны среди других важнейших внешнеполитических акций Московского государства во второй половине XVI в.

Среди работ, посвященных изучению Ливонской войны не потеряло своего значения исследование *Г.В. Форстена «Балтийский вопрос в XVI – XVII столетиях (1544 – 1648)» (Т. I. Борьба из-за Ливонии. СПб., 1893)*. Написанная по ливонским источникам, работа Форстена дает широкую панораму событий происходивших в то время на орденских землях. Однако серьезным упущением

* Параграф написан В.А. Волковым.

нием автора является признание надуманным русского требования о «юрьевской дани», высказанное им на основе немецких документов. За Россией Г.В. Форстен признает лишь право на получаемую Псковом с ливонцев мизерную дань в 5 пудов меда, подчеркивая тем самым незаконность требования Иваном IV по одной марке с каждого дома в Дерпте (Юрьеве).

В советское время вышла также всего одна монографическая работа, посвященная Ливонской войне, — книга В.Д. Королюка «Ливонская война» (М., 1954). Многие положения ее устарели, ряд утверждений автора был подвергнут справедливой критике. Однако, как это часто бывает, оспаривались как раз его очень точные наблюдения о принципиально разном видении Иваном IV и Алексеем Адашевым стоящих перед Россией внешнеполитических задач. В то же время неотмеченными остались действительно существенные недостатки работы В.Д. Королюка и прежде всего слабое освещение хода военных действий, отсутствие всякого упоминания о военной реформе Стефана Батория и других важнейших событиях войны. Героическая оборона Пскова, сыгравшая исключительно важную роль в срыве дальнейших завоевательных планов польского короля и как итог приведшая к окончанию войны, описана им также неполно и недостаточно. (Подробное и яркое описание этой осады можно найти в работе Е.А. Разина «История военного искусства» (Т.2. М., 1994.)

Основные направления внешней политики России второй половины XVI в., но через призму борьбы с татарскими нападениями, рассмотрены были А.А. Новосельским в книге «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.» (М.; Л., 1948). Исходя из общего для большинства советских историков тезиса о невозможности для Московского государства в то время вести борьбу с Крымом и Турцией он полагал, что в сложившейся тогда обстановке более перспективно было включение России в борьбу за выход к Балтийскому морю. При этом он утверждал, что «Ливонская война была задумана царем Иваном IV задолго до ее начала...», не подкрепив это излишне категоричное заявление доказательной ссылкой на источники. Более убедительными являются выводы А.А. Новосельского о тесной связи татарских нападений с событиями Ливонской войны, о том, что даже в самые напряженные, кульминационные периоды ее русское правительство не могло сосредоточить в Прибалтике все свои силы, опасаясь вторжения крымских и ногайских орд. Опасения эти были обоснованными — лишь три года из 24 лет войны на южных рубежах страны не было татарских нападений (или, что более вероятно, не сохранилось сведений о них).

Среди исследователей, изучавших обстоятельства предшествовавшие началу Ливонской войны, есть лишь несколько, совершенно спра-

ведливо полагавших, что произошедшее в конце 1550-х гг. изменение внешнеполитического курса русского правительства было ошибкой. Так, *Н.И. Костомаров* заметил: «Время показало все неблагоприятное поведение царя Ивана Васильевича по отношению к Крыму». Он «не воспользовался удобным временем — эпохой крайнего ослабления врага, а только раздражил его, дал ему время оправиться и впоследствии возможность отомстить вдесятеро Москве за походы Ржевского, Вишневецкого и Адашева». Точку зрения *Н.И. Костомарова* разделял *Г.В. Вернадский*, подчеркнувший, что борьба с татарами была «подлинно национальной задачей» и, несмотря на сложность завоевания Крыма (по сравнению с завоеванием Казани и Астрахани), она была вполне выполнимой. Помешала ее осуществлению начатая в январе 1558 г. Ливонская война. «Реальная дилемма, с которой столкнулся царь Иван IV, — писал *Вернадский*, — состояла не в выборе между войной с Крымом и походом на Ливонию, а в выборе между войной только с Крымом и войной на два фронта как с Крымом, так и с Ливонией. Иван IV избрал последнее. Результаты оказались ужасающими». Исследователем было высказано интересное предположение о том, что направленная в Ливонию русская армия первоначально предназначалась для военных действий против Крымского ханства. Во главе ее стояли служилые татарские царевичи (*Шах-Али*, *Кайбула* и *Тохтамыш* — московский претендент на ханский трон), в состав армии входили соединения касимовских, городецких и казанских татар. Лишь в последний момент армия, предназначенная для вторжения в Крым, была направлена в совсем ином направлении — на границы с Ливонским орденом. Отмеченный же *Л.А. Дербовым* факт обнаружения еще в 1554 г. возвращавшимися из Москвы ливонскими послами военных приготовлений на границах, когда они «встречали на дороге через каждые 4 — 5 миль новые ямские дворы с множеством лошадей и видели огромные обозы с оружием, порохом и свинцом, направлявшиеся к ливонскому рубежу», следует воспринимать лишь как демонстрацию силы, средство психологического давления на власти ордена.

Нерешенность и слабая изученность многих обстоятельств Ливонской войны сплошь и рядом порождают досадные ошибки даже в работах маститых ученых. Примером может служить известная монография *А.А. Зимина* и *А.Л. Хорошкевич* «Россия времени Ивана Грозного». Так, вопреки давно известным фактам, они определяют численность оборонявшего в 1581 г. Псков гарнизона в 50 тыс. пехоты и почти 7 тыс. конницы (больше чем у Батория, пришедшего под стены Пскова с 50-тысячной армией) и пишут о заключении перемирия между Россией и Швецией в Плюссе (в действительности же на реке Плюссе). Такие примеры можно было бы множить и множить, однако и уже приведенные выше свидетельствуют о том, что до сих пор

одно из ключевых событий средневековой русской истории, во многих своих аспектах и деталях остается неизученным и непонятым.

* * *

Добившись больших успехов в борьбе с татарскими ханствами, два из которых — *Казанское* и *Астраханское* — были завоеваны в 1550-х гг. Россией, правительство царя Ивана IV решило подчинить себе еще одно соседнее государство — *Ливонский орден*. При этом незавершенной осталась историческая задача сокрушения степных татарских орд — в причерноморских степях сохранилось *Крымское ханство*, в 1475 г. ставшее вассалом все еще грозной и могущественной *Османской (Турецкой) империи*. *В итоге этот, так до конца и непроясненный поворот во внешней политике Московского государства, инициатором которого стал думный дьяк Иван Михайлович Висковатый, привел Россию к тяжелому поражению, сказавшемуся на дальнейшем развитии страны.*

Выбранный для начала военных действий момент, действительно может показаться благоприятным. Наступил он в конце 1557 — начале 1558 г. Последовательные противники выхода России к берегам Балтики по ряду причин были не в состоянии оказать Ливонскому ордену экстренной военной помощи. Швеции, проигравшей начатую в 1554 г. войну с Россией, крайне необходима была мирная передышка. *Литва* и *Польша*, процесс слияния которых в единое государство еще не завершился, также рассчитывали на устойчивость рыцарского государства и на первых порах не планировали вмешательство в длительную и тяжелую войну с Московским государством, все выгоды от которой получило бы *Шведское королевство*. О стремлении Великого княжества Литовского к развитию мирных отношений с Россией свидетельствует и продленное по инициативе Литвы на шесть лет перемирие между ними. Крымский хан («царь» в терминологии русских официальных бумаг того времени), устрешенный предыдущими победами Ивана IV, также не собирался пока возобновлять войны на русских границах, ограничиваясь обычными набегами.

Однако кажущиеся выгоды этого момента обернулись важнейшим стратегическим просчетом московского царя — на смену дрогнувшему под русскими ударами Ордену, двинулись войска Швеции, Литвы, а затем и Польши. Быстрой и сокрушительной для врага войны в Ливонии у Ивана IV не получилось. Поэтому поражение в Ливонской войне было предопределено заранее. Мнение о военной слабости Ордена, сложившееся в нашей исторической науке, представляется сильно преувеличенным. Во всяком случае, полностью овладеть этой небольшой страной, в которой только

замков было более 150, не считая городов-крепостей, несмотря на ряд крупных успехов, русским войскам в первые годы войны так и не удалось. Со вступлением же в борьбу за ливонское наследство объединенного Польско-Литовского государства Речи Посполитой и Швеции она стала для России бессмысленной войной на полное истощение ее сил.

Поводом к началу военных действий в Прибалтике стал давно уже осложнявший отношения между двумя государствами факт невыплаты Ливонией старинной «*юрьевской дани*», издавна установленной денежной компенсации осевших в Прибалтике немцев за право селиться на землях вдоль Западной Двины, принадлежавших полоцким князьям. Позднее эти выплаты трансформировались в весьма значительную дань за захваченный рыцарями-меченосцами русский город *Юрьев* (Дерпт, современный Тарту), построенный еще в 1030 г. киевским князем Ярославом Мудрым. Справедливость русских требований признавали и ливонские послы. На переговорах 1554 г. в Москве, согласившись с доводами действовавших тогда вполне солидарно А.Ф. Адашева и И.М. Висковатого, они обязались выплатить дань русскому царю с недоимками за три года. Однако собрать столь значительную сумму (60 тысяч марок) ливонцы не смогли и даже после начала военных действий. К маю 1558 г. собрано было лишь около 30 тысяч марок. Невыполненными оказались и другие требования московского правительства: восстановление в ливонских городах русских концов (районов) и православных церквей в них, обеспечение свободной торговли для русских купцов и отказ орденских властей от союзнических отношений с Литвой и Швецией.

Нарушение ливонской стороной договоренностей, достигнутых в 1554 г., дало сторонникам начала завоевания Прибалтики столь необходимый для них формальный повод к попытке силового решения сложной проблемы. Главному из них, думному дяку И.М. Висковатому, удалось быстро уговорить Ивана IV развернуть на восточных границах Ливонии отобюролизованную и хорошо подготовленную конную армию, ранее предназначенную для покорения крымских улусов.

Военные действия начались в **январе 1558 г.** Русские рати вступили на землю Ордена и сравнительно легко овладели восточными пределами этой страны, захватив около *20 городов*, в том числе *Нарву* и *Дерпт*. Войска московского царя вплотную приблизились к Ревелю и Риге. Но в 1559 г. русское правительство, посчитав свое положение в Ливонии достаточно прочным, при посредничестве датчан пошло на заключение перемирия с магистром Ордена — Фюрстенбергом. Думается, что тезис ряда исто-

риков о решающей роли в заключении этого перемирия А.Ф. Адашева может быть и оспорен. Инициатива заключения соглашения о приостановке военных действий исходила от представителей датского короля Фридриха II, на союз с которым рассчитывал Иван IV. Адашев, скорее всего, лишь воспользовался сложившейся ситуацией, чтобы попытаться разрешить крымскую проблему. В правоте такого взгляда на методы ведения русским царем внешней политики убеждает и факт заключения после вполне успешной зимней кампании русских войск 1563 г. аналогичного, дважды продляемого перемирия между Россией и Великим княжеством Литовским. Но это перемирие позволило противнику собраться с силой и в следующем 1564 г. нанести русской армии ряд ощутимых поражений. Отметим, что заключено оно было через два года после смерти Адашева.

Получив в 1559 г. крайне необходимую передышку, орденские власти во главе с новым магистром Готардом Кетлером призвали себе на помощь войска соседних государств: Литвы, Дании и Швеции, которые поспешили разделить между собой еще незанятые русскими войсками прибалтийские земли. Заручившись поддержкой литовцев и шведов, Готард Кетлер в феврале 1560 г. разорвал перемирие с Москвой, и война вспыхнула с новой силой.

Но действия противников России не были согласованы. Кроме того, сохранялись откровенно враждебные отношения между Швецией и Данией (воевавших между собой до 1570 г.), между Швецией и Литвой, и даже Литвой и Польшей (до объединения их в 1569 г.). Все это позволило русским войскам до определенного времени вести успешные военные действия в Прибалтике. 2 августа 1560 г. под Эрмесом в решающем сражении были разбиты главные силы Ордена. Среди убитых и взятых в плен ливонцев только рыцарей было 261 человек. Меньше чем через месяц (30 августа) штурмом был взят *Феллин*, лучшая крепость в Ливонии. Среди других пленных был и бывший магистр Вильгельм Фюрстенберг. Успехи русского оружия ускорили начавшийся распад государства рыцарей-меченосцев. В июне 1561 г. на верность шведскому королю Эрику XIV присягнули города Северной Эстонии и среди них Ревель (Таллин). В этом же году на Ригу двинулись литовские войска под командованием гетмана Радзивилла Рыжего. По вильненскому соглашению 28 ноября 1561 г. Ливонский орден прекратил свое существование, передав города, замки и земли под совместную власть Литвы и Польши. Магистр Готард Кетлер получил в личное ленное владение вновь созданное *герцогство Курляндское и Земгальское*, став вассалом польского короля и великого князя литовского Сигизмунда II Августа.

Так в военные действия в Прибалтике оказались втянуты новые силы. *Швецию*, захватившую Ревель, московской дипломатии удалось до поры нейтрализовать, заключив с ней летом 1561 г. перемирие на двадцать лет. Но вооруженный конфликт с *Великим княжеством Литовским*, начавшийся отдельными приграничными столкновениями, вскоре перерос в настоящую войну. В декабре 1562 г. в поход против Литвы выступил сам Иван IV с 80-тысячным войском. 15 февраля 1563 г., после трехнедельной осады был взят *Полоцк*, укрепления которого полностью разрушила русская артиллерия. Вместе с воеводой Довойной в плен к русским попал весь полоцкий гарнизон. Однако вскоре после этой блестящей победы русские рати стали терпеть поражения: 26 января 1564 г. в битве на р. Уле, а 2 июля 1564 г. — в сражении под Оршей. Скорый на расправу царь обрушил на своих «нерадивых» воевод гнев и казни. Тогда на сторону поляков, также опасаясь за свою жизнь, перешел один из видных русских воевод князь А.М. Курбский. Положение России осложнилось возобновившимися набегами на южное порубежье крымских татар (в 1571 г. дошедших даже до Москвы).

Участившиеся военные неудачи вынудили царя искать обходные пути решения ливонской проблемы. В мае 1570 г. в Москву приехал брат датского короля Фридриха II принц Магнус, заключивший с Иваном Грозным соглашение о создании на завоеванных русскими войсками прибалтийских землях вассального от России королевства во главе с самим Магнусом. К сожалению, попытка таким образом урегулировать отношения со странами Северной Европы и сделать для них более приемлемым прорыв России к Балтийскому морю не удалась. Спустя семь лет Магнус, после первых значительных успехов польского оружия, изменил своей вассальной клятве и перешел на сторону Речи Посполитой. Этот значительный перелом в ходе военных действий, приведший к крайне неблагоприятному для Московского государства развитию событий, связан с появлением во главе Польско-Литовского государства решительного и энергичного семиградского (трансильванского) князя Стефана Батория, чья кандидатура при избрании его на польский трон была поддержана Турцией и Крымом.

Стефан Баторий (1533 — 1586), сын семиградского воеводы Стефана и Екатерины Телегди, пятнадцатилетним юношей поступил на военную службу в армию венгерского и чешского короля Фердинанда, затем учился в Италии (в университете г. Падуи). Три года провел он в немецком плену. В 1575 г. был избран польским королем с условием женитьбы на пятидесятилетней Анне Ягеллонке, сестре умершего короля Сигизмунда-Августа. Став правителем Речи Посполитой, Баторий начал деятельную подготовку к

войне с Россией, войска которой за время бескорольва в Польше овладели почти всей Ливонией. Стефан Баторий провел значительные военные реформы, качественно изменившие состояние вооруженных сил Речи Посполитой: польская армия была усилена наемной венгерской пехотой и немецкой артиллерией, на службу в нее были привлечены включенные в особый список – «реестр» украинские казаки. Затем Баторий перешел в решительное наступление на Московское государство.

Действуя по своему собственному плану, отнюдь не обольщаясь насчет военной слабости России (хорошо известно высказывание Батория: «Московит не такой неприятель, которого можно было бы недооценивать»), он нанес серию решительных ударов по русской территории, стремясь отрезать от России занятые ею территории в Ливонии. В 1577 г. во главе значительной армии новый польский король отвоевал у русских *Динабург* и *Венден*, затем, уже в русских пределах, осадил и взял города *Полоцк* и *Великие Луки*. Тогда же изменил России король Магнус. Исход войны должен был решить последний поход Стефана Батория на *Псков*.

В конце лета 1581 г., узнав о приближении большой польской армии (50 тысяч человек, в том числе 20 тысяч наемников из европейских стран), главный псковский воевода князь Иван Петрович Шуйский стал готовить крепость к обороне. Под его командованием находилось около 16 тысяч человек, но в их число входило 12 тысяч вооруженных жителей Пскова и его ближних и дальних пригородов. Были спешно исправлены крепостные укрепления, на стенах города установили пушки. Русский гарнизон Пскова имел явное превосходство в артиллерии, к тому же у обороняющихся было два больших орудия – «Барс» и «Трескотуха», стрелявшие на дистанцию более километра. И этот факт сыграл в защите города-крепости решающую роль.

18 августа 1581 г. польское войско, разбив на берегах реки Черехи отряд русской конницы, вышло на ближние подступы к Пскову и остановилось на расстоянии трех пушечных выстрелов от его стен. Русские воеводы, увидев приближение врагов, велели зажечь предместья и бить в осадный колокол. Спустя неделю, 26 августа поляки попытались вплотную подойти к городским укреплениям, но были отогнаны орудийным огнем с его стен и башен. Убедившись в прочности русской обороны, Баторий приказал войскам начать траншейные работы, чтобы как можно ближе приблизить свою осадную артиллерию к укреплениям Пскова. Под их прикрытием осенью и зимой 1581 – 1582 гг. поляки 31 раз штурмовали крепость, но откатывались обратно, неся большие потери и теряя веру в успех. Во время этих приступов псковичи лили на

штурмующих расплавленную смолу, в упор расстреливали атакующих из ручниц и самопалов. Не удалось полякам и попытки разрушить укрепления Пскова с помощью пороховых мин. Защитники города подвели к польским подкопам встречные галереи — «слухи» — и взорвали польские мины.

Героическая оборона Пскова и настойчивое посредничество иезуита *Антония Поссевино* (представителя папы Григория XIII) вынудили польского короля пойти на мирные переговоры с Россией. Начались они в середине декабря 1581 г. в небольшом селении *Яме Запольском* (расположенном между Порховом и захваченном поляками Заволочьем). Съезды послов завершились **5 января 1582 г.** заключением десятилетнего перемирия. Уступив Московскому государству захваченные ранее Великие Луки, Заволочье, Невель, Холи и Себеж, Стефан Баторий закрепил за своим королевством большую часть Прибалтики, а также Велиж и Полоцк.

Однако этим мирным соглашением Ливонская война не закончилась. Окончательный удар по русским позициям нанесла *шведская армия* под командованием Понтуса Делагарди. Осенью 1581 г. овладев *Нарвой*, его войска перешли русскую границу и в 1582 г. заняли пограничные крепости *Иван-город*, *Ям* и *Копорье* с их уездами. В следующем году, **10 августа 1583 г.**, между Московским государством и Швецией их представителями, съехавшимися на реке Плюсе, было заключено перемирие на три года.

Шедшая почти двадцать пять лет Ливонская война закончилась. *Закончилась она поражением России, лишившейся не только всех своих завоеваний в Прибалтике, но и части собственных территорий с тремя пограничными городами.* Лишь небольшая крепость Орешек на реке Неве и узкий коридор вдоль этой водной артерии (от р. Стрелки до р. Сестры) остались за Московским государством.

Литература

- Альшиц Д.Н.* Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // Исторические записки. Кн.23. 1947.
- Альшиц Д.Н.* Начало самодержавия в России: государство Ивана Грозного. Л., 1988.
- Бахрушин С.В.* Научные труды. Т.II. М., 1954.
- Буганов В.И.* Документы о сражении при Молодях в 1572 г. // Исторический архив. 1959. №4.
- Вернадский Г.В.* Московское царство. Ч.1. М., 1997.
- Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963.
- Виппер Р.Ю.* Иван Грозный. М.; Л., 1944.
- Горсей Дж.* Записки о России XVI — начала XVII в. / Пер. и коммент. А.А. Севастьяновой. М., 1990.

- Греков И.Б.* Очерки по истории международных отношений XIV – XVI вв. М., 1963.
- Дербов Л.А.* К истории падения Ливонского ордена // Ученые записки Саратовского гос. университета. Т.17. Саратов, 1947.
- Дубровский С.М.* Против идеализации деятельности Ивана IV // Вопросы истории» 1956. №8.
- Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.
- Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.* Россия времени Ивана Грозного. М., 1982.
- Каштанов С.М.* К изучению опричнины Ивана Грозного // История СССР. 1963. №2.
- Кобрин В.Б.* Состав опричного двора Ивана Грозного // Археологический ежегодник за 1959 г. М., 1960.
- Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. М., 1985.
- Корольюк В.Д.* Ливонская война. М., 1954.
- Костомаров Н.И.* Личность царя Ивана Васильевича Грозного // Собр. соч. Кн.5. Т.12. СПб., 1905.
- Курукин И.В.* К изучению источников о начале Ливонской войны и деятельности правительства Адашева и Сильвестра // Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М., 1981.
- Новодворский В.В.* Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой (1570 – 1582). СПб., 1904.
- Перевезенцев С.В.* Тайна Ивана Грозного // Роман-газета XXI век. 1999. № 12.
- Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским.* Л., 1979.
- Платонов С.Ф.* Иван Грозный. Пг., 1923.
- Полосин И.И.* Социально-политическая история России XVI – начала XVII в. М., 1963.
- Послания Иогана Таубе и Элерта Крузе* // Русский исторический журнал. Кн.8. Пг., 1922.
- Послания Ивана Грозного.* М.; Л., 1951.
- Садиков П.А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л. 1950.
- Скрынников Р.Г.* Начало опричнины. Л., 1966.
- Скрынников Р.Г.* Опричный террор. Л., 1969.
- Скрынников Р.Г.* Россия после опричнины. Л., 1975.
- Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 1983.
- Смирнов И.И.* Иван Грозный. Л., 1944.
- Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962.
- Флетчер Д.* О государстве Русском. СПб., 1906.
- Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М., 2000. (Сер. «ЖЗЛ»).
- Флоря Б.Н.* Россия, Речь Посполитая и конец Ливонской войны // Советское славяноведение. 1972. №2.
- Форстен Г.В.* Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. Вып. 1 – 2. СПб., 1889; 1893.
- Шлихтинг А.* Новое известие о России времен Ивана Грозного // Сказание Альберта Шлихтинга. Л., 1934.
- Штаден Генрих.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника / Пер. И.И. Полосина. Л., 1925.

ГЛАВА XIX

Россия в конце XVI – начале XVII в. Начало Смутного времени

§1. ЗАКРЕПОЩЕНИЕ КРЕСТЬЯН

В результате противоречивой, часто бессмысленной политики Ивана Грозного в 70 – 80-е гг. XVI в. Россия оказалась практически разоренной. Помимо собственных разорителей (часто иностранных наемников), заметно осмелели и соседи Руси, еще недавно искавшие ее дружбы и мирного сожительства. Как и всегда, тяжесть военных поражений и внутренних смут ложилась на непосредственных производителей – *крестьян*. Именно в этот период, вопреки Судебнику 1550 г., начинается активное закрепощение одних и холопление других крестьян. Для разоренного, нищего люда, заполнившего просторы Великороссии, в сущности, было лишь *три выхода*: либо идти в крепостные крестьяне, либо – в разбойники, либо – в холопы, которые часто исполняли роль «полицаев» или тех же разбойников. Впрочем, был еще один выход – многие крестьяне и отчасти холопы, бросив все, уходили на юг и юго-восток, где были плодородные черноземы. В свою очередь, служилые люди, заинтересованные в притоке крестьян, были более покладисты и давали крестьянам больше возможностей, чем их прежние владельцы в центральных областях России. Особенно трудным оставалось положение в Новгородской земле, где в результате голода 1557 г., поражения в Ливонской войне и зверств опричников осталась едва ли десятая часть прежнего населения. Многие уходили, в том числе и за рубежи России. На этом неблагоприятном фоне и проходило закрепление крестьян за землей.

Закрепощению крестьян посвящена большая литература. В дореволюционной историографии противостояние концентрировалось главным образом по вопросу: было ли закрепощение «указным», т. е. установленным высшей властью, или «безуказным», т. е. сложилось как бы естественным ходом событий в самой «Земле». В советской и постсоветской историографии тоже существуют значительные расхождения о ходе закрепощения. Наиболее спорным здесь оказывает-

ся *определение причин закрепощения*, и на этих спорах необходимо остановиться.

Б.Д. Греков полагал, что причиной закрепощения была *барщина, рост барской запашки*. Рост барской запашки он объяснял ростом товарно-денежных отношений, в частности, возросшей заинтересованностью феодалов в разного рода заморских товарах. Экономический подъем середины XVI в., рост городов, развитие ремесел (более 200 специализаций), несомненно, способствовали развитию товарно-денежных отношений внутри страны и в некоторой мере стимулировали рост барской запашки и соответственно барщины. Но связь с внешними рынками при этом была еще слабой.

Концепция *Б.Д. Грекова* подверглась критике со стороны некоторых *медиевистов*, а среди русских историков Средневековья она встретила критику у ряда специалистов, занимавшихся историей холопства. Среди них – ленинградские ученые *А.Л. Шапиро* и *В.М. Панях*. Книга *Е.И. Колычевой «Холопство и крепостничество (конец XV – XVI вв.)»* посвящена именно холопству. Но автор исходила из того, что «проблема становления крепостничества и трансформация института наследственного холопства в XVI в. тесно взаимосвязаны. Они представляют собой как бы две стороны одного процесса. Отношения между холопом и господином в известной мере определили пути складывания крепостнических отношений».

Как это часто случается в дискуссиях, отрицание концепции оппонента не сопровождается достаточно взвешенными аргументами в пользу иного мнения. В дискуссии о причинах закрепощения это очень заметно. А неразрешенных вопросов остается много – и по причине ограниченности источников, и из-за некоторого пренебрежения к стержневым проблемам многогранного развития общества в целом. Скажем, почему в конце XV в., в условиях экономического подъема и расширения международных контактов, вводится ограничение перехода крестьян от одного владельца к другому «Юрьевым днем»? Похоже, что «иосифлянские» монастыри требовали и большего, тогда как светские феодалы опасались и крестьянской свободы, и притязаний «иосифлянских» монастырей. Статья о «Юрьеве дне» в Судебнике 1497 г. явилась чем-то вроде компромисса между светскими и церковно-монастырскими феодалами, при сохранении отдушины и для крестьянства. Почти *столетие* вокруг этой «отдушины» шла борьба, и до 60-х гг. XVI столетия она сохранялась, а Судебник 1550 г. оказался более лояльным по отношению и к крестьянам, и к холопам, по сравнению с Судебником 1497 г. В какой мере росла при этом барс-

кая запашка — установить трудно. Традиционно же феодалы собирали оброк с дальних своих владений и контролировали полеводство крестьян в непосредственной близости от усадьбы. И здесь, конечно, не последнюю роль играли холопы, посаженные на землю, на что справедливо обращают внимание сторонники сближения холопства и крепостничества как на две стороны одного процесса.

В условиях общего экономического подъема, очевидно, росла и барская запашка, а выход России ко всем морям, несомненно, стимулировал и заморскую торговлю. По Волго-Балтийскому пути она не замирала даже в тяжелейшие годы ордынского ига. В XVI в. открылся путь в Сибирь, устанавливаются довольно интенсивные контакты с Северным Кавказом и с прикаспийскими областями, а Новгород ведет торговлю и на Востоке, и на Западе с городами, вошедшими в свое время в Ганзейский союз. Ясно, что и светские феодалы втягиваются в рыночные отношения и расширяют свою запашку, дабы за хлеб, которого в Новгороде всегда не хватало, и другие продукты полей выменять в том числе и какие-нибудь заморские безделушки. Да и города в это время быстро меняют свой облик, а ремесло все более ориентируется на рынок.

Но явный экономический подъем не требовал закрепощения крестьян. Более того, правы авторы, считающие, что именно в этих условиях постепенно получают если не права, то определенные гарантии и холопы, особенно те, которые были связаны с ремеслом или земледелием. *Действительная угроза, а затем и неизбежность закрепощения возникла лишь с введением опричнины и опричным террором.* Непосредственным результатом опричного террора стало опустошение больших районов, в результате чего большое количество дворян вообще лишилось крестьян и, по сути, не могло выполнять возложенные на них установлениями 50-х гг. XVI в. обязанности. Писцовые книги конца XVI в. постоянно пестрят сведениями о «пустошах» и фразами типа: «ушли на Рязань». Но рязанские писцовые книги свидетельствуют, что и рязанские села опустели примерно на треть. Через Рязань крестьяне уходили далее на юг и юго-восток, а также в Сибирь, вливаясь в казачьи «круги» или создавая новые. В результате опричных разорений в Новгородской земле опустело 90 процентов земель, да и в Московском уезде цифры были сопоставимы: 84 процента «пустошей». Помимо «иосифлянских» монастырей, добывавшихся фактического закрепощения еще в конце XV в., именно *служилое дворянство* требовало надежного обеспечения их крестьянской рабочей силой. Таким образом, именно *опричина вызвала к жизни убыстрение процесса закрепощения крестьян.*

Поскольку в условиях распада государства «иосифлянские» монастыри все-таки держались, принимая в значительном количестве беглых крестьян, нарастала напряженность в отношениях между *светскими* и *церковными* феодалами. В 70-е гг. XVI в. Иван Грозный кардинально меняет свое отношение к монастырям. В 80-е гг. правительство решилось отменить «тарханы» — привилегии духовных феодалов, что было, безусловно, оправданным, хотя и обостряло отношения между светскими феодалами и церковью. В 80 – 90-е гг. XVI в. проводится описание земель. Смысл его заключался именно в намерении закрепить за феодалами крестьян, которые ранее имели право выбирать себе более покладистого владельца. *Эти первые «писцовые книги» и стали первыми документами закрепощения.* А в 1581 г. был издан указ, «заповедавший» (т.е. запретивший) в этом году крестьянам уходить от феодалов. Затем это запрещение повторялось как своеобразная временная мера, но на самом деле, то было лишь подтверждением запрета, поскольку формально статья 88 Судебника 1550 г. о «Юрьеве дне» не отменялась. Запрет на переходы порождал многочисленные конфликты и между феодалами, боровшимися за крестьян, и крестьян с нежелательными для них господами.

В царствование Федора Ивановича крестьянский вопрос решался по-прежнему противоречиво. Видимо, «временные» запреты на переходы крестьян от одного владельца к другому сохранялись. Но Судебник 1589 г. оставил статью 88 предшествующего Судебника практически без изменений, т. е. формально власти признавали право крестьян переходить от одного феодала к другому, фактически же этому препятствовали. Отток же крестьян на южные, юго-восточные окраины, а теперь еще и в далекую Сибирь, куда крепостное право не дойдет и в XVII в. продолжался.

Борис Годунов, управлявший государством при Федоре Ивановиче, сумел доказать преимущество многих своих предложений как внутреннего, так и внешнего порядка. И в этом трудно искать только связи с безвольным царем. Многие были объективно целесообразными. Именно в это время заметно активизируются связи с *Сибирью*. Еще в 1555 г. глава Сибирского ханства Едигер обратился в Москву с просьбой о помощи и покровительстве. Вассальная зависимость выражалась в дани пушниной (которую чаще всего использовали во внешнеторговых связях). Поначалу дань выплачивал и преемник Едигера Кучум. Но после успешного набега на Москву Девлет-Гирея в 1571 г. Кучум разорвал отношения с Москвой. Московский посол Третьяк Чебуков был убит, и Кучум начал нападать уже на пограничные русские земли.

Еще в 1558 г., т. е. во время тесных контактов Сибирского ханства с Москвой, сольвычегодские промышленники *Строгановы* получили «камские изобильные места» с правом набирать «охочих людей» и казаков для охраны своих владений, строить городо-крепости и «на городах пушки и пищали учинити». По побережью Ледовитого океана славянские колонисты продвигались за Урал еще в домонгольский период. Теперь через владения Строгановых в более южные районы Западной Сибири пойдут казаки и беглые крестьяне, обычно присоединявшиеся к казакам. Именно из владений Строгановых в 1582 г. вышел к Иртышу *Ермак*, разбил хана Кучума и занял его столицу Кашлык, куда по-прежнему шла дань окрестного разноязычного населения, только теперь не Кучуму, а Ермаку. Но удержать завоеванные земли Ермаку не удалось, хотя Москва прислала ему в помощь отряд численностью в 500 человек. Кучум сумел мобилизовать своих вассалов, и в августе 1585 г. Ермак попал в засаду и был убит, а казаки и присланный из Москвы отряд отступили к Печоре. Не смог удержаться в Сибири и другой отряд во главе с воеводой Иваном Мансуровым – в 1586 г. он вернулся в Россию.

Тем не менее и стихийное, и направляемое правительством движение в Сибирь продолжалось, и шло оно довольно широким фронтом. Крестьяне искали хорошие земли, свободные от помещиков и воевод, и находили таковые в Сибири. Сибирь становится темой многих достоверных и недостоверных рассказов, как «обетованная земля». Продолжалась и правительственная колонизация, часто опиравшаяся на поддержку местного населения, несколько веков страдавшего от татарского насилия. В 1586 г. был заложен город Тюмень. В 1588 г. воевода Д. Чулков захватил в столице ханства Сеид-Ахмата. Попытки Кучума вернуть столицу на сей раз успеха не имели, и бывший хан ушел в степные кочевья. В 1594 г. был основан Сургут, в 1598 г. Нарым, в 1604 г. Томск. Русская колонизация продолжала продвигаться на восток. При этом правительственные отряды, расположенные обычно во вновь создаваемых укреплениях-городах, и крестьянские общины, занимавшиеся хлебопашеством, почти не соприкасались и не противостояли друг другу.

Борису Годунову, помимо его государственного ума, и близости к царю через сестру Ирину, которая была супругой Федора Ивановича, в духе времени важно было использовать и генеалогические данные. Обычно подчеркивается, что он был потомком какого-то татарского царевича. Но вряд ли кто из современников Бориса не знал, что он всего-навсего довольно худородный

дворянин. Легенды наверняка появились уже после того, как Годунов стал царем. Но Борис очень четко чувствовал свою **социальную опору**: *служилое дворянство, которое было опорой расцвета Русского государства в середине XVI в.* Все, что предусматривалось мероприятиями 90-х гг., перекликалось с реформами середины XVI в. Опора на служилое дворянство — это единственное что могла использовать центральная власть в XVI в. Боярство всегда раздиралось противоречиями, церковь вообще часто (и не в интересах государства) тянула в разные стороны. Другой опоры у государства в это время не было. Но у служилых людей середины XVI в. не было особых проблем с обеспечением своих поместий рабочими руками. Ситуация конца XVI в., когда из оборота было выведено 80 — 90 процентов всех земель, была существенно иной. Большинство служилых людей вообще не были обеспечены рабочей силой, а активизация внешней политики, в частности намерение вернуть утраченные в ходе Ливонской войны земли (и прежде всего города, открывавшие выход к Балтийскому морю), заставляли изыскивать средства, чтобы поддержать обнищавших служилых людей.

Когда произошло окончательно закрепощение? В литературе обычно называется 1597 г. Как убедительно доказал В.И. Корецкий, еще в 1592 г. появился Указ о запрещении крестьянских переходов, причем этот Указ противоречил недавно вышедшему Судебнику 1589 г. В 1597 г. было провозглашено еще два документа: «Приговор о служилых холопах» от 1 февраля и «Указ о пятилетнем сыске беглых крестьян» от 24 ноября. Видимо, тогда появились напоминания о каком-то документе 1592 г., закреплявшем право помещиков требовать возврата крестьян в течение пяти лет. И именно о пяти годах сыска беглых упоминает установление 1597 г., окончательно утверждающее крепостнические порядки, а в 1607 г. этот срок будет продлен до 15 лет.

Другой результат опричной политики Ивана Грозного — полная утрата веры в какую-либо справедливость при этом царе и в этом государстве. Поэтому Россию и покидают представители боярских кругов, которых в любое время без суда и следствия мог казнить сам царь, и крестьяне, которых мог ограбить и убить любой опричник. *Когда «Власть» восстает против «Земли», государство становится чужим для всего его населения — с этим и связано угасание патриотизма во второй половине XVI и самом начале XVII в.* В результате подобная ситуация спровоцирует социальные противоречия и восстания в начале XVII в., названные в источниках «Смутой» и вошедшие в историю под именем «Смутного времени».

§2. ПРАВЛЕНИЕ БОРИСА ГОДУНОВА

18 марта 1584 г. скончался царь Иван Грозный. Высшую оценку он дал себе сам: «Всеми ненавидим, один есть». Пожалуй, в истории России не было князя и царя, который мог бы столько навредить стране и народу, потому и последовавшая вскоре Смута была неотвратима. Джером Горсей в 1589 г. заметит, что Россия стоит на пороге гражданской войны. Тем не менее некоторые новые течения проявляются и связаны они были с *ослаблением* деспотической власти самодержца.

Преемника Ивана Грозного, его сына *Федора Ивановича* (1557–1598, правил с 1584 г.) обычно представляют как «безвольного и слабоумного». В целом эта оценка близка к истине. Но после миллионов смертей и разрушения огромного государства в годы правления «сильного» самодержца Ивана Грозного «слабый» правитель был большим благом и достижением. Федор искренне тяжело переживал расправы и пытки, в которых ему пришлось участвовать в годы опричнины. Он явно был надломлен той безудержной бесчеловечностью, которая отличала опричников и самого царя. Но в этом проявлялась не только слабость, но и чисто человеческий протест, протест человека, оказавшегося волей судеб в столь злом обществе.

В чем обычно усматривается «слабость» и «слабоумие» преемника величайшего деспота и разрушителя России? Обычно признаком слабости признается тот факт, что Федор Иванович не был полным самодержцем, а *правил вместе с боярами*. Видимо, предполагается, что боярская аристократия (т.е. скрытые сторонники политики «Избранной рады») и была главным врагом «централизованного» государства. При этом «благодатью» считается именно «сильная» власть царя, олицетворяющего для многих исследователей идею «централизации».

Действительно, Федор Иванович сохранил *Регентский совет*, созданный еще при Иване Грозном, в который входили представители разных сил. Но ведь только борьба соперников (разумеется, честная), борьба мнений помогает обычно найти оптимальный путь развития. Например, потомок литовских князей *Б.Я. Бельский* был сторонником продолжения опричной политики. Напротив, дядя царя *Н.Р. Захарьин-Юрьев* склонялся к компромиссу с боярской аристократией. В последний совет входили *И.П. Шуйский* и *И.Ф. Мстиславский*, которые были, конечно, соперниками. В советниках появился и Борис Годунов, который, несомненно, был крупным политическим деятелем. *А заслуга Федора Ивановича заключалась как раз в том, что он не позволял своему*

«совету» расправляться с соперниками физически. Вообще, подобная властная неопределенность имеет преимущество в относительно спокойное время, ибо дает возможность поразмыслить, в каком направлении далее следует идти, а наличие разных группировок и партий помогает найти и сделать объективный выбор. После смерти Ивана Грозного сложилась именно такая обстановка, и не случайно, что в это время отмечается некоторое оживление экономического производства и своеобразное успокоение социальной жизни. Такие повороты, как правило, возможны лишь при власти, допускающей спор о путях выхода из кризиса. И это было очень важно для России, только что испытавшей ужас опричнины. Не случайно в XVII в., особенно в годы Смуты, время правления Федора Ивановича будет вспоминаться с искренними добрыми чувствами, а сам царь будет считаться одним из самых «добрых» и «благоверных» в русской истории.

Фактическим главой правительства при Федоре Ивановиче стал *Борис Федорович Годунов* (ок. 1552 — 1605), брат жены нового царя — Ирины. Он отстранял от управления тех бояр, которые рассчитывали привести после Федора на царский трон больного младшего сына Ивана Грозного — *Дмитрия Ивановича*. В 1587 г. он устранил Шуйских, пытавшихся в 1587 г. использовать выступление московских посадских людей, причем несколько Шуйских были казнены, что в целом было не характерно для этого времени. После этого власть, по существу, целиком сосредоточивается в руках Бориса Годунова, и все последующие важнейшие мероприятия чаще всего проходили по его инициативе и в его «редакции».

Укрепление дисциплины дворянского войска позволило Борису Годунову достичь почти невозможного. В результате победы в русско-шведской войне в 1587 г. ему сначала удалось добиться пятнадцатилетнего перемирия со Швецией, а затем в 1595 г. в состав России были возвращены исконно русские города Ям, Ивангород, Копорье, Корела.

Крупной победой международного масштаба было утверждение в **1589 г.** *Московского патриаршества*. Таким образом, на международном уровне признавалось, что Москва стала одним из ведущих церковных центров христианского мира. Борис Годунов провел весьма хитрую операцию, добившись утверждения верного себе патриарха. Использовалась поездка константинопольского патриарха Иеремии, просившего (как и его предшественники из числа высоких византийских гостей) денег на «личные и церковные нужды». Согласие на утверждение в Москве патриаршества представлялось своеобразной платой за оказанные Борисом услуги. Годунов обещал, что именно Иеремия и станет Москов-

ским патриархом. Но после того как вопрос был решен, он предложил константинопольскому патриарху ехать во Владимир. Иеремия возмутился таким пренебрежением к его высокому сану и, «хлопнув дверью», поехал назад в занятый турками Константинополь. В Москву же Борис вызвал своего надежного сторонника *Иова* (1530–1607), который и стал *первым русским патриархом*.

В деятельности Бориса Годунова заметны постоянные колебания, и в этом опять-таки проявлялись традиции середины XVI столетия. И как реального правителя его трудно обвинить не только в ошибках, но даже в обычных злоупотреблениях. Он активно сотрудничал с рядом стран, с целью обмена специалистами и просто в целях активных культурных связей. Он повторял то, что делал А.Ф. Адашев в Поволжье и Прибалтике. И это было традиционной политикой русских властей ряда столетий по отношению к «иностранцам».

Укреплялись и южные города. В 70 – 80-е гг. XVI в. большие массы населения, как отмечалось выше, бежали от притеснений как чужих завоевателей, так и своих «защитников» на южные границы России. Годунов пытался урегулировать южнорусскую политику государства. Но именно в XVI в. в этом регионе сложится бунтарский эшелон, который сыграет заметную роль уже в Смутное время, хотя активность этого эшелона будет проявляться веками, принимая разную социальную направленность.

В 1598 г. умер Федор Иванович, и с его кончиной прекратился род Ивана Калиты, ибо Федор так и не оставил наследника. Дмитрий, сын Марии Нагой, последней – седьмой – жены Ивана Грозного, страдал падучей болезнью и в девятилетнем возрасте, в 1591 г., играя с другими детьми «в ножички», упал на собственный нож. Конечно, его смерть могли и даже должны были позднее эксплуатировать противники Бориса Годунова, что и было сделано сначала Нагими, родственниками матери Дмитрия, а в начале XVII в. Василием Шуйским, занявшим царский престол. Но материалы следствия по делу о смерти царевича подтверждают факт *случайного самоубийства*.

По смерти же Федора Ивановича предстояло решать и вопрос, каким путем обрести нового царя. Сам Федор отказался давать какое-либо завещание по этому поводу, оставляя решение на усмотрение бояр и собора. Поэтому **собор 1598 г.** имел принципиальное значение. Именно он должен был подтвердить связь идей эпохи «Избранной рады» с делами окружения Федора Ивановича. *«Собор» как бы оживлял «Землю», создавал хотя бы иллюзию участия в государственной жизни посадской городской и сельской общин.* В том факте, что главный претендент на царский трон Борис

Годунов месяц провел в добровольном самозаточении, можно усмотреть не только «игру в скромность» и даже не только проверку настроений граждан, а своеобразную форму разжигания политических симпатий и антипатий, которые, конечно же, невозможны в условиях абсолютной деспотии. И недаром отзвук этого собора будет сохраняться и в начале XVII в., когда *идея «всенародного» избрания царя* будет реально жить в разных общественных кругах.

Собор 1598 г. окончательно расставил акценты в отношениях главных соперников: *Бориса Федоровича Годунова* и *Федора Никитича Романова*. Месячное, вроде бы «нейтральное», выжидание Бориса — это постоянный учет и расчет: как складываются политические силы. Сторону Бориса решительно взял патриарх Иов, а также набиравший авторитет казанский митрополит Гермоген. Значимость этой митрополии, где происходило обращение еще некрещеных в христианство, конечно, осознавалась.

Свою роль сыграло и настроение городского населения. Не случайно, избранный на царство Борис Годунов вскоре обратился к «посадскому строению». В 1600 — 1602 гг. принимались меры к возвращению разбежавшегося из городов незадолго до того посадского населения. Их разыскивали во владениях феодалов, возвращали, давая определенные преимущества. Собирали также разбежавшихся по России (с определенными послаблениями обязательств) ремесленников и торговых людей. И эта политика стала приносить позитивные плоды.

Но на Россию вновь обрушились «глад и мор», вызванные стихийными бедствиями. **1601 — 1603 гг. в России, может быть, самые страшные — если природа тоже наказывает, а не обрушивается случайно.** В 1601 — 1603 гг. из-за природных катаклизмов вымерла значительная часть населения, и часто негде было погребать умерших от голода. Только в Москве было захоронено 127 тысяч умерших, пришедших или перевезенных со стороны. *Именно тогда социально-политическая линия правительства Годунова рухнула.* И именно в 1601 г. состоялось открытое выступление Федора Романова, окончившееся его насильственным пострижением в монахи и высылкой в Антониев Сийский монастырь под именем *Филарета*, с которым он будет более известен и в политической жизни, и в истории.

Царь Борис Годунов пытался решить проблемы, навалившиеся на Россию в самом начале XVII столетия, разного рода компромиссами. Временно (правда, не на всей территории, а только по окраинам) разрешались переходы крестьян от одних владельцев к другим, изгнанным холопам давали «справки» об их освобождении от прежних владельцев. Нищих, заполонивших Москву, старались занять какими-либо работами, например

строительством, а средства извлекались в основном из государственных и собственно царских хранилищ. В какой-то степени эти мероприятия смягчали противостояния в обществе, но явно были не способны их разрешить. По существу, в неудаче проводимых мероприятий вины Годунова не было, и все последующее в какой-то степени было следствием событий, сопоставимых со страшным мором 1557 г., ибо 1601 — 1603 гг. оказались столь же страшными для населения несвоевременными морозами и прочими аномалиями, разрушающими привычные условия жизни.

Подъем народных движений в начале XVII в. был абсолютно неизбежен в условиях тотального голода. Знаменитое восстание Хлопка в 1603 г. было спровоцировано самими *владельцами холопов*. В условиях голода владельцы изгоняли холопов, ибо им невыгодно было держать холопов у себя. Сам факт гибели воеводы И.Ф. Басманова в кровопролитном сражении конца 1603 г. с холопами говорит о весьма значительной воинской организованности восставших (многие холопы, очевидно, тоже относились к разряду «служилых»). Резко снизился авторитет царской власти и лично Бориса Годунова. Служилые люди, особенно южных городов, ждали смены власти и устранения монарха *нецарского рода*, о чем все чаще начинали напоминать. Начинаясь истинная Смута, в которую немедленно включились и те, кто совсем недавно вынужден был покинуть Центральную Россию и искать счастья в ее пограничных, главным образом южных пределах, а также за пределами России.

В исторической литературе вряд ли найдется такое количество разноречий в оценке деятельности какого-либо правителя, как Бориса Годунова. Ему приписывают и закрепощение крестьян в конце XVI в., и непоследовательность в этой политике в начале XVII в., и стремление к абсолютной власти, и внесение раздора среди бояр и знати. Как своеобразный укор подчас проходит и само напоминание о незнатной генеалогии. К несчастью, природные катаклизмы начала XVII в. просто не позволили дать более или менее однозначную оценку реальной деятельности и заслуг этого правителя.

§3. НАЧАЛО ВНЕШНЕЙ ИНТЕРВЕНЦИИ. ПЕРВЫЙ САМОЗВАНЕЦ

Войны России с Польшей, Швецией и прибалтийскими княжествами продолжались весь XVI в. и шли с переменным успехом. Явное ослабление России в начале XVII столетия просто не могло не заинтересовать традиционных противников.

Первым самозванцем явился якобы чудом спасшийся от гибели в 1591 г. царевич «*Дмитрий*». В литературе высказывались разные мнения о том, кем он был на самом деле. Большая подборка об этом имела у польского историка К. Валишевского и у отечественного историка *Н. Костомарова*. Именно Н. Костомаров высказал мнение, что Лжедмитрий — типичный шляхтич. Обращали, в частности, внимание на его отличную воинскую выправку и пристрастие, будучи во главе разных подчиненных ему отрядов, гарцевать на коне. Но отмеченные Костомаровым черты, видимо результат специальных тренировок. *Р.Г. Скрынников* приводит в этой связи убедительное свидетельство из «Повести 1626 г.». Самозванец, оказавшись в кругу польской аристократии, постоянно терялся, казался слишком неповоротливым, при любом его движении «обнаруживалась тотчас вся его неловкость». В нашей литературе (а на Руси о похождениях этого авантюриста узнали с некоторым опозданием) в нем опознавали чаще всего *Гришку Отрепьева* — беглого монаха, выходца из ярославского боярского рода Отрепьевых. Эта версия представляется наиболее вероятной, поскольку в Польше ее отстаивал дядя самозванца — Смирнов-Отрепьев. И, видимо, именно ему принадлежат слова, которые русские посланники повторяли в Польше: «Юшка Отрепьев, як был в миру, и он по своему злодейству отца своего не слушал, впал в ересь, и воровал, крал («воровством» могли квалифицироваться и неискренность, и несогласие с чем-то. — *А.К.*), играл в зерню и бражничал и бегал от отца многожды и, заворовався, постригся у чернцы».

В Вену императору направил послание сам царь Борис Годунов (с оригиналом послания удалось познакомиться в Венском архиве *Р.Г. Скрынникову*): Юшка Отрепьев «был в холопех у дворянина нашего, у Михаила Романова, и, будучи у него, учал воровати, и Михайло за его воровство велел его збити з двора, и тот стражник учал пуше прежнего воровать, и за то его воровство хотели его повесить, и он от тое смертные казни сбежал, постригся в дальних монастырех, а назвали его в чернцах Григорием». В данном случае самым важным приходится считать то обстоятельство, что вся Западная Европа узнала о новом претенденте на русский престол *гораздо раньше*, чем Россия. Здесь больше беспокоились о том, кому самозванец будет служить — православным, католикам или иным христианским общинам и течениям, смысл которых на Руси толком не осознавался. Кто-то называл его даже сыном Стефана Батория — с соответствующими притязаниями.

В отечественной историографии проявились разногласия в оценке двух вроде бы параллельных процессов, характерных для

Смуты. С одной стороны, Смута — это крестьянская война, которая в работах последних десятилетий рассматривалась как явление однозначно прогрессивное и справедливое. Расхождения касались лишь хронологических рамок — некоторые авторы раздвигают их от восстания Хлопка в 1603 г. до 1613 г. С другой стороны, со Смутой связана иностранная интервенция. К внешним врагам России, естественно, все исследователи относились отрицательно, но в этом случае приглушалась или замалчивалась связь самозванцев не только с иностранными интервентами, но и с народными движениями в России (например, народный вождь И. И. Болотников выступал в качестве «воеводы царя Димитрия»). Между тем эта связь была закономерной: угнетенный народ всегда мечтал о «добром царе». И Лжедмитрий демагогически использовал эту мечту. Он обещал вернуть «свободу» и закрепощенным крестьянам, и феодальной аристократии, с трудом уживавшейся с царем Борисом.

Появление самозванца в Киеве фиксируется 1601 г. Он ходил по монастырям, затем остановился у воеводы князя Константина Острожского, располагавшего огромными средствами и считавшимся защитником православия, хотя на самом деле ко вполне православным его причислить было невозможно. Радужный прием у него находили все, кто ненавидел «латинскую ересь», в том числе кальвинисты, тринитарии, ариане. Воевода от проходимца отмежевался, но слух о самом факте появления монаха, скрывающего какую-то тайну, получил распространение. Какую-то роль при этом сыграл краковский кастелян, сын воеводы Януш, видимо, почувствовавший возможность связать авантюриста с прокатолическими кругами и использовать в не слишком праведных делах.

В 1602 г. беглый монах оказался во владениях Адама Вишневецкого и в почти предсмертном бреду «признался», что он на самом деле «царевич Димитрий», чудом спасшийся от приспешников Бориса Годунова. Скитаясь с 1601 г. по Киевской земле, Лжедмитрий неоднократно менял религиозную ориентацию. Он побывал и православным, и арианином (еще не сбрасывая монашеского одеяния), и затем, после того как сбросил с себя монашеские одежды, тайно принял католичество.

В 1604 г. самозванец объявляется в Кракове. С этим «переездом» связаны и ходатайства Адама Вишневецкого, и сведения о поддержке самозванца со стороны Сандомирского воеводы Юрия Мнишека — теперь его готовят к походу на Москву, обручив заодно с Мариной Мнишек как с будущей московской царицей. Юрий Мнишек проявил большую активность, набирая вооруженные отряды для Лжедмитрия. Самозванец же в марте 1604 г.

заключил с польским королем Сигизмундом III соглашение, по которому *Северская земля* и *Смоленск* должны были перейти к Речи Посполитой. Марине Мнишек Лжедмитрий обещал передать в качестве «удела» *Новгород* и *Псков*.

В Польше отнюдь не было единодушия в отношении действий Мнишека и его подопечного Лжедмитрия. Решительным противником авантюры выступал Ян Замоиский, а Януш Острожский написал резкое послание самому Лжедмитрию. Польские аристократы боялись выступлений казачества, которые могли охватить всю Украину. Но казачество как одна из действующих сил авантюры предполагалось использоваться Мнишеком изначально. В начале похода в войске Мнишека было около тысячи польских гусар, около пятисот человек наемной пехоты и 2 тысячи украинских казаков, численность которых возрастала по мере продвижения к российской границе, и достигла трех тысяч. К Лжедмитрию пристали и некоторые беглецы из московского престолярды.

Лжедмитрий довольно долго стоял с войском на правом берегу Днепра, не имея средств для переправы на левый берег. 13 октября 1604 г. войско переправилось через Днепр, и в конце октября пересекло русскую границу. На Северной земле казаки, крестьяне и холопы встречали Лжедмитрия как царя-освободителя. Курск, Кромы, а затем и ряд других городов признали его истинным царем, и продвижение поляков в сторону российского центра практически ничем не преграждалось. Ни укрепленных полос, ни значительных воинских соединений здесь не было. Чернигов оказался ареной сражения «своих со своими». В замке находился воевода И. А. Татев со стрельцами, а посад был захвачен восставшим народом, на помощь которому пришли казаки. В итоге весь город и в первую очередь посад были разграблены казаками и солдатами Лжедмитрия и самими обитателями посада, ожидавшими «доброе царя». Воевод восставшие связали и передали людям Лжедмитрия. Прибывший на другой день «добрый царь» выразил гнев по поводу разграбления города, но никаких действий предпринимать не стал. Отправленный из Москвы в Северские земли дьяк Богдан Сутупов с казной для русского войска, бежал с этой казной к самозванцу. И там она была очень кстати: польские наемники постоянно бунтовали, требуя денег и доли в награбленном.

На выручку осажденным в Чернигове шел отряд под предводительством П. Ф. Басманова. Но он не успел: Чернигов был захвачен, когда отряд Басманова находился всего в 15 верстах от города. Басманов отступил к Новгороду-Северскому и постарался

укрепить его оборону. В ноябре 1604 г. войско самозванца и Юрия Мнишека, а также казаки подошли к городу, но, потеряв при попытке штурма 50 человек, отступили. Еще большие потери они понесли при повторном штурме через неделю. Сам самозванец был близок к обмороку, проклинал наемников и готов был отказаться от дальнейших попыток утвердиться «на царстве» — в его войске шли раздоры и назревал мятеж. Но неожиданно положение изменилось: на сторону самозванца перешел Путивль — единственная каменная крепость в Северной земле. Здесь, как и в Чернигове, «чернь» подняла восстание в поддержку «доброго царя», и это восстание было поддержано служилыми людьми.

Для борьбы с самозванцем и в помощь осажденному Новгороду-Северскому выехал *Ф.И. Мстиславский*, который был назначен главнокомандующим. Он прибыл в Брянск, где сосредоточилось значительное войско, численно превосходившее отряды самозванца. Новгород-Северский самозванцу взять не удалось, но в сражении на подступах к нему войско Лжедмитрия и Мнишека в декабре 1604 г. одержало частичную победу над превосходящими силами Мстиславского, а сам Мстиславский был ранен. 1 января 1605 г. в лагере Лжедмитрия произошел бунт наемников и польских солдат. В течение двух дней и ночей наемники грабили обозы и вообще все, что попадало под руку. Юрий Мнишек пытался остановить мятеж, но наемники не реагировали на увещевания. Именно здесь оскорблениям подвергся и сам самозванец. Он на коленях упрашивал наемников не покидать его, но те вырвали у него знамя, сорвали соболью ферязь, осыпали бранью. Во время этого мятежа кто-то бросил фразу, часто встречающуюся в литературе о Смутном времени: «Ей, ей, быть тебе на колу».

Большая часть наемников 2 января 1605 г. покинула самозванца и направилась к границе. Тогда же и Лжедмитрий распорядился покинуть лагерь и отступить к Путивлю. А 4 января его покинул и Мнишек со своими людьми. В итоге ситуация кардинально менялась. *Если раньше Лжедмитрий был слепым орудием в руках польской шляхты, то теперь у него остаются казаки и восставшие крестьяне.* Между тем наемники и шляхта потому и покинули Лжедмитрия, что наиболее многочисленной частью его войска были социальные низы Российского государства, с которыми у шляхты всегда были более чем напряженные отношения. В то же время и русские приверженцы «доброго царя» смотрели на поляков как на традиционных врагов.

Юрий Мнишек и его окружение рассчитывали, что на сторону Лжедмитрия (т.е. вроде бы «Рюриковича») перейдет московское боярство. К самозванцу добровольно переходили некоторые воеводы,

а другие, попавшие в плен, соглашались служить ему, но далеко не всегда искренне. В этой ситуации важным оказался один фактор — *многие из бояр отрицательно относились к Борису Годунову, причем именно потому, что Борис не был «Рюриковичем»*. И этот фактор сыграл серьезную роль в общем раскладе сил.

20 января 1605 г. поправившийся Мстиславский вернулся к войску и разбил свой лагерь в селе Добрыничи Комарицкой волости поблизости от ставки Лжедмитрия. В русское войско прибыло значительное подкрепление из числа служилых людей при царском дворе во главе с назначенным «вторым воеводой» *Василием Ивановичем Шуйским* (т. е. представителем боярской группы, противостоявшей Борису). **21 января 1605 г.** состоялось *сражение на подступах к Добрыничам*, куда войско самозванца тайными тропами провели комарицкие мужики. Московские войска полностью разгромили полки самозванца, захватили всю его артиллерию: 30 пушек. Сам Лжедмитрий, бросив войско, втайне от всех, бежал в Рыльск. По некоторым сведениям, казаки бросились ему вослед, чтобы наказать и за поражение, и за бегство. Но у Рыльска их встретили, согласно «запискам» Г. Паэрле, «ружейной пальбой и поносными словами как предателей государя Дмитрия Ивановича».

Казалось, что с Лжедмитрием покончено. Но Мстиславский и Шуйский явно не проявили воинских дарований. Они отказались от преследования разгромленного войска самозванца. К тому же укрепленные города-крепости (те же Рыльск и Кромы) дворянское войско взять не смогло бы даже при огромном численном перевесе. А вскоре дворяне начали разъезжаться по домам, и воеводы решили распустить остальных до летней кампании. Гнев Бориса Годунова, возмущенного «отпуском» ратных людей, лишь усилил негативное отношение к нему в дворянском войске.

К тому же московские воеводы сами помогли Лжедмитрию выйти из более чем затруднительного положения. Они развязали кровавый террор в Северских землях — были казнены несколько тысяч крестьян, а также их жены и дети. Особенной жестокостью отличились отряды касимовских татар, которым была отдана «на поток и разграбление» Комарицкая волость. Эти акции увеличили ненависть населения к московским властям, и колеблющиеся, в том числе настроенные резко антипольски, стали возвращаться к «истинному царю Дмитрию».

В это время Лжедмитрий вел довольно успешную пропагандистскую борьбу с московскими разоблачителями. Он принял некоего монаха Леонида как «истинного Гришку Отрепьева», и в Москве сразу проявилась растерянность, тем более что никакого

представления о том, кого подобрал самозванец у них не было. Когда же возникла опасность разоблачения, Лжедмитрий отправил Лжеотрепьева в путивльскую тюрьму.

Между тем *расправы в Комарицкой волости стимулировали восстания в южных городах*. В феврале — марте 1605 г. эти города один за другим переходили на сторону Лжедмитрия, и скоро весь юг страны стал опорой самозванца. Попытки подавить восстания кончились полной неудачей и внесли неуверенность в ряды тех, кто еще признавал царем Бориса Годунова.

Сам царь быстро деградировал и физически, и психически. Во многом он теперь напоминал Грозного с его опричниной, уповая на Сыскное ведомство и Пыточный двор. Все авторы, и отечественные, и иностранные, с недоумением и жестким осуждением писали о мучительстве, пытках и казнях неповинных людей, которыми Борис омрачил последние месяцы своей жизни. 13 апреля 1605 г. он скончался от апоплексического удара, успев, однако, совершить монашеское пострижение. В народе получила распространение версия, что он умер, отравив себя ядом. Но в этом, видимо, сказалось просто негативное отношение к терпящему разум правителю.

Борис Годунов успел оформить завешание, предполагавшее, что наследовать ему будет шестнадцатилетний сын *Федор Борисович Годунов* (1589 — 1605). Через три дня после кончины Бориса, Федор, видимо, по инициативе патриарха Иова, был провозглашен царем на срочно созванном своеобразном Земском соборе. Но реальная власть очень скоро ушла от Годуновых: у юноши не было ни опыта, ни сколько-нибудь достаточных военных сил, а его мать Мария, дочь Малюты Скуратова, имела множество врагов среди знати, страдавшей в свое время от опричного усердия Малюты.

Кончина Бориса побуждала бояр захватить для себя больше власти и связанных с ней благ, а также закрыть земские каналы избрания царя. Московское боярство начало переходить на сторону Лжедмитрия. Этим обстоятельством Лжедмитрий умело воспользовался. Он сформировал Боярскую думу из перешедших на его сторону представителей московской знати и начал искать пути к соглашению с московским боярством, еще недавно служившим царю Борису.

В конце апреля 1605 г. в московском войске, возглавляемом Ф.И. Мстиславским и В.И. Шуйским и стоявшем под *Кромами*, вспыхнул мятеж. Его возглавили братья Голицыны, Петр Басманов и Прокопий Ляпунов «з братьею и со советники своими», тайно целовавшие крест самозванцу. На стороне московских войск оставалось большинство воевод и служилых людей. Но многие из

входивших в их состав казаков, стрельцов и «даточных людей» из сел и городов легко присоединялись к призывам «За царя Дмитрия!». Переворот в целом оказался бескровным — сторонники Лжедмитрия переправились через реку Крому и соединились с казачьими отрядами атаманов Корелы и Беззубцева. Внезапное нападение казаков усилило панику среди войска, верного царю Федору Борисовичу, настолько, что воеводы не смогли организовать сопротивление. Воеводы бежали в Москву, а вслед за ними толпами потянулись дворяне из замосковских уездов и городов. Московское войско потерпело поражение без боя.

Самозванец, потерпевший не одно поражение в открытом бою, теперь осторожничал и покинул Путивль лишь 16 мая, через несколько недель после мятежа в войске, осаждавшем Кромы. 19 мая он прибыл в Кромы, где к этому времени не осталось никаких войск. Под Орлом Лжедмитрий устроил суд над воеводами, которые были доставлены ему восставшими казаками и крестьянами или попавшими в плен, но отказавшимися присягать ему. Все они были заточены по темницам.

Далее Лжедмитрий двинулся в сторону Тулы и из поселения Крапивна в 20-е числа мая отправил со служившим у него Г.Г. Пушкиным грамоту с обращением к московской думе и другим высшим чинам. В грамоте он, преувеличивая свои успехи, писал, что весь юг и вообще вся провинция уже «добили челом». Покорности он требовал и от москвичей. 31 мая в нескольких верстах от Москвы остановился лагерь атаман Корела. Московское боярство больше пугало не то, что он был наиболее боевой силой Лжедмитрия, а его принадлежность к казачеству. Наслышаны бояре были и о том, как Корела умел поднимать «чернь», направляя ее против московских воевод. И именно возможность восстания обездоленных более всего пугала боярство.

А мятеж в Москве произошел уже на другой день — 1 июня. Исаак Масса сообщает, что утром 1 июня в город въехали два гонца Лжедмитрия, что «поистине было дерзким предприятием». Корела, видимо, в ночь с 31 мая на 1 июня совершил маневр, перерезав дорогу, ведущую из Москвы к северным и северо-западным районам страны. По этой дороге, т. е. из лагеря Корелы, Пушкин и Плещеев вошли беспрепятственно в Москву, и сопровождали их жители Красного села, где остановился Корела и где он уже провел «разъяснительную» работу. Одним из аргументов в этом «разъяснении» была грамота Лжедмитрия, в которой он грозил казнить всех, кто не явится с повинной, вплоть до детей во чреве матери. Пушкин и Плещеев с «красносельскими мужиками» легко преодолели три ряда охраняемых укреплений. На сто-

личных улицах к ним «пристал народ многой». Видимо, их сопровождали в качестве своеобразной охраны и казаки Корелы. Вероятно также участие московских чинов, которые еще под Кромами, готовы были присягнуть Лжедмитрию.

Эмиссары были проведены на Красную площадь, и на пути к ней разгоняли московских стражей порядка. В 9 часов утра Пушкин и Плещеев вошли на Лобное место посреди Красной площади. Сторонники Лжедмитрия, а также сами казаки и красносельцы, постарались заполнить площадь народом. В основном это были социальные низы, но к «черни» пристали и служилые люди. Гавриил Пушкин обратился с речью к собравшимся, а затем зачитал послание *«истинного царя»*. Боярам самозванец обещал «честь и повышение», дворянам и приказным людям — царскую милость, торговым людям — снижение пошлин и податей, а простонародью — «тишину», «покой» и «благоденственное житье». Примерно это же он всюду обещал простонародью по пути в Москву.

Одновременно самозванец клеймил вместе с покойным Борисом Годуновым Марию Григорьевну и ее сына Федора Борисовича Годунова. Марию Григорьевну и ее сына Федора он обвинял в том, что «они о нашей земле не жалеют, да и жалети было им нечево, потому что чужим владели». На Федора была возложена вина за разорение Северской земли, хотя разоряли ее еще при жизни Бориса наемники самозванца и русские воеводы примерно с равным усердием. При этом бояр Лжедмитрий оправдывал, поскольку был крайне заинтересован в их поддержке — им объявлялось полное прощение. Толпа, как это часто случалось на Руси, слушала обличения, воспринимая их не столько разумом, сколько смутными надеждами на возможность какого-то улучшения при новой власти. Нового «государя» приветствовали криком: «Дай, Боже, чтобы истинное солнце снова взошло бы над Русью!»

В Кремле, где собрались высшие чины государства и Боярская дума, тоже царила растерянность. Кремль легко было приготовить к обороне и таким образом переломить ситуацию. Но то ли юный царь Федор промедлил, то ли ему не дали осуществить это бояре, среди которых было слишком много врагов Годуновых. Особенно активную антигодуновскую деятельность развил Богдан Бельский, незадолго до того возвращенный из изгнания.

Толпа, собравшаяся на площади, потребовала к ответу всех бояр и в первую очередь, конечно, Годуновых. И теперь, уже не обращающая внимания на возражения царя, бояре один за другим стали отправляться на площадь: одни из желания отомстить Годуновым, другие из страха, что их выведут на Лобное место силой. Бояре уговаривали толпу разойтись, обещая разобраться в просьбах про-

стонародья. А тем временем, видимо, казаки Корелы разбили двери тюрем и выпустили на свободу и заключенных там врагов Годуновых, и просто уголовных преступников. Именно они, появившись на Красной площади, возбудили в толпе и желание расправиться с Годуновыми, и просто пограбить, раз представлялась такая возможность. Казаки Корелы и примкнувшие к ним освобожденные из тюрем, а также из собравшейся на площади толпы, «и от дворян с ними были», ворвались в Кремль, где «государевы хоромы и царицены пограбили». Тем временем другая часть толпы устремилась грабить дворы Годуновых. Заодно грабили дворы и других бояр, дворян и дьяков. Патриарх Иов пытался остановить толпу, но ничего не смог добиться, а вскоре его отправили в ссылку

Где и когда схватили Федора Борисовича и его мать Марию Григорьевну – точных сведений нет. Но у В.Н. Татищева в «Истории Российской» приводится дата расправы с Годуновыми: 10 июня. Татищев пишет: «Князь Василий Голицын и князь Василий Масальской, взяв с собою Михаила Молчанова да Андрея Шелефединова, пришел в дом царя Федора Борисовича, розведчи царицу с детьми по особым избам, перво ее задавили и потом стали сына давить». Татищев передает текст, близкий к «Новому летописцу», в котором есть некоторые подробности убийства юного царя и его матери, а также тот факт, что тело царя Бориса Годунова из Архангельского собора Кремля перезахоронили в Варсонофьевском монастыре. (Надо иметь в виду, что «Новый летописец» был написан в 1630 г. По другим источникам, тело Бориса было перенесено 5 июня, до убийства царевича и его матери.) Сестру Бориса Ксению постригли в монастырь и сослали во Владимир в «Девичь монастырь».

Получив известие о перевороте в Москве, Лжедмитрий перебрался в Тулу, где ожидал дальнейшего развития событий. Из Тулы он направил в Москву обращение, в котором требовал, чтобы к нему явились Мстиславский и другие видные бояре. Но Боярская дума отправила «второй эшелон», в который входили И.М. Воротынский, не имевший отношения к думе, князь Н.Р. Трубецкой, князь А.А. Телятевский, Н.П. Шереметев и представители нижних чинов дворян и приказных людей, а также гостей.

П.Ф. Басманов, возглавлявший войско самозванца, расположился в Серпухове, куда и выехала 3 июня московская депутация. Туда же отправились все Сабуровы и Вельяминовы, дабы вымолить прощение у Лжедмитрия, который поначалу вроде бы не имел к ним претензий, а затем вдруг зачислил в круг своих неприятелей. Басманов не пропустил их в Тулу, поскольку рассматривал их как родственников Годуновых, хотя и Сабуровы и Вельяминовы целовали

крест самозванцу. Все Сабуровы и Вельяминовы в количестве 37 человек были ограблены и отправлены в тюрьму. В свое время Басманов выискивал врагов Бориса Годунова, теперь он с таким же усердием искал «изменников» «истинному» государю. Вызванный в Тулу, Басманов расправился еще с одним своим антагонистом — А.А. Телятевским. А сам Лжедмитрий исходил яростью из-за того, что первые лица государства не подчинились его приказу и прислали второстепенных чиновников и служилых людей.

В это же время к самозванцу приехал с Дона казацкий атаман Смага Чертенский. И, чтобы подчеркнуть свое отношение к Боярской думе и ее посланникам, Лжедмитрий допустил к руке донцов раньше, нежели бояр. Казаки уловили настроение «государя», и, проходя мимо бояр, как могли, позорили их. Затем «царь» подчеркнуто милостиво побеседовал с атаманом, а допущенных к беседе московских посланников, как замечено в «Новом летописце», «наказываше и лаяше, яко же прямой царский сын». Боярина Телятевского бросили на расправу казакам. Казаки били его смертным боем, а затем едва живого отправили в тюрьму. Самозванец пока вел себя как на Северской земле, опираясь на ненависть восставших против центральной власти социальных низов, казаков и служилых людей юга России. Но в Москве «царю» с такой ориентацией удержаться было невозможно: в его социальной базе слишком явно просматривался антигосударственный и просто разбойный элемент.

Будучи в Туле, Лжедмитрий стремился «обработать» провинции. Он извещал страну о своем восшествии на престол, сообщал в далекие от Москвы города, будто его «узнали» как рожденного государя патриарх Иов, весь Освященный собор и все высшие чины. На грамоте, написанной в Туле 11 июня, была поставлена пометка: «Писана в Москве». Учитывая резко враждебное отношение к Борису Годунову вдовы Ивана Грозного и матери погибшего Дмитрия *Марии Нагой* (в иночестве *Марфы*), самозванец решился на опасную аферу: он вызвал мнимую мать в Москву в надежде, что ее ненависть к Годуновым побудит ее признать самозванца своим «сыном». В этой же связи он разыскивал кого-либо из родственников Нагих, дабы как-то облагодетельствовать их и этим предупредить возможные разоблачения. Самое удивительное заключается в том, что афера удалась: старица Марфа «признала» в самозванце своего «сына» (к тому времени Лжедмитрий уже утвердился в Москве), и Лжедмитрий весьма широко этим «признанием» пользовался.

Унизив и запугав прибывших в Тулу послов, самозванец решил подойти поближе к Москве. Он перебрался в Серпухов, дав-

но занятый Басмановым и войском Лжедмитрия. По сообщению Конрада Буссова, здесь он объявил, что не приедет в Москву до тех пор, пока «не будут уничтожены те, кто его предал, все до единого, и раз уж большинство из них уничтожено, то пусть уберут с дороги Федора Борисовича с матерью, только тогда он приедет и будет им милостивым государем». Если в этой информации не перепутаны дни, то значит, что до него еще не донесли известия о расправе с Годуновыми 10 июня, поскольку в Серпухов он выехал после 11 июня. Получив же сообщение о расправе с Годуновыми, Лжедмитрий двинулся к Москве, следуя за идущими впереди полками. А в Москве в это время находился атаман Корела, но контролировать город он был не в состоянии из-за малочисленности своего отряда.

С патриархом Иовом расправлялись те же бояре, что были убийцами царя Федора Борисовича и его матери. Патриарха боярин Басманов силой доставил в Успенский собор и там его проклинали перед всем народом, называли Иудой, клеймили за то, что он поддерживал Бориса Годунова, боровшегося с прирожденным «государем Дмитрием». Стражники сорвали с патриарха святительское платье и набросили на него «черное платье» (т. е. одеяние чернеца). Иов был заточен в Успенском монастыре в Старице, где он некогда был игуменом.

Теперь путь на Москву самозванцу был открыт. Уже в Серпухове его ожидали отнятые у Годуновых царские экипажи и 200 лошадей с царского Конюшенного двора. Лжедмитрий двинулся дальше в сторону Москвы. На пути к Коломенскому ему привезли сшитое для него царское одеяние со всем «царским чином». Самозванец остановился в Коломенском, и несколько дней провел там, опасаясь въезжать в Москву: многие вопросы в отношениях с Боярской думой не были решены. Главный тезис соглашения, который должен был примирить Лжедмитрия с думой, заключался в «пожаловании» им всех имевшихся у них вотчин. Реорганизация же самой думы ограничилась изгнанием Годуновых и включением в ее состав нескольких представителей знати, изначально служивших самозванцу.

§4. ПРАВЛЕНИЕ ДМИТРИЯ-САМОЗВАНЦА (1605 – 1606 гг.)

20 июня 1605 г. в сопровождении шляхтичей и казаков Лжедмитрий вступил в Москву, где соединился с находившимися здесь казаками Корелы и наиболее ретивыми приверженцами из раз-

ных слоев населения столицы. По сообщению В.Н. Татищева, «на Москве реке встретили его все бояря и власти. Оттуда послал он знатных людей, велел имянуемую мать свою царицу иноку Марфу Федоровну с надлежащею честью привести к Москве. (Видимо, предварительная договоренность уже была. — А.К.) Оттуда пришед, стал в селе Коломенском и стояв день, убрався, пошел в Москву чином (у Татищева поставлена дата 10 июля, в Пискаревском летописце — 18 июля, в некоторых других источниках, в том числе летописных, — 20 июня, и она представляется более достоверной. — А.К.). И за городом встречали его всем народом, на Лобном же месте встретили его все знатные люди и власти со кресты в церковном одеянии, где он, сошед с коня слушал молебен, и польское войско стояло в строю на Красной площади. По отпетии молебна иде он в царский дом, и тогда его многие узнали, и о согрешении своем плакали».

На Красной площади произошел конфуз, который в перспективе значительно осложнял положение самозванца. Православные священники, как было положено по традиции, запели псалмы, а поляки сразу отреагировали на это по своим традициям: они заиграли на трубах и ударили в литавры. Москвичи были в явном замешательстве, но поляки на это реагировали с еще большей энергией, производя много отнюдь не торжественного шума. А затем новый царь «введе во церковь многих ляхов», которые «во церкви Божии стаха с ним». Когда же самозванец торжественно уселся на царский престол в тронном зале, польские отряды стояли строем под окнами дворца с развернутыми знаменами. *Польский вопрос станет одним из самых острых во время одиннадцатимесячного правления Лжедмитрия.*

Самозванца пугали слухи, что Борис Годунов вовсе не умер, а где-то скрывается и ждет своего часа. Сторонники Годуновых энергично поддерживали эти слухи, даже зная о действительной судьбе Бориса Годунова. Но более всего Лжедмитрия пугало то, что довольно многие, прежде всего монахи Чудова монастыря, с недоумением узнали в новом «царе» давнего знакомого Гришку Отрепьева. Естественно, знал и расстрига своих бывших «собратьев». Исаак Масса сообщает, что Лжедмитрий уже «на другой день велел их тайно умертвить и бросить в реку». Об этих казнях слух быстро распространился не только в Москве, но и в европейских странах. Автор «*Повести 1626 г.*» говорит о высылке «мнихов многих... в расточение... понеже знаем ими бываше».

Лжедмитрий шел в целом оптимальным путем для упрочения своего положения. Он немедленно вызвал рязанского епископа *Игнатия* (который был по происхождению грек с о. Кипр), под-

держивавшего Лжедмитрия вместе с рязанскими дворянами еще на Северщине, и заставил Освященный собор утвердить его патриархом. Другая акция — это упомянутое приглашение «матери» Марии Нагой в Москву. Естественно, что Лжедмитрий колебался и высылал к монахине агентов, а окончательную обработку проводил П. Басманов. Кнут и пряник сломили монахиню. У Лжедмитрия появился веский аргумент в свою защиту.

Утвердив на патриаршем столе своего ставленника, Лжедмитрий принялся за неугодных ему бояр. В центре «царских» подозрений оказался Василий Иванович Шуйский, поскольку именно он возглавлял комиссию по расследованию обстоятельств гибели царевича Дмитрия в 1591 г. Естественно, что к нему многие обращались за разъяснением: что же произошло в 1591 г.? Шуйский давал самые разные показания в разное время — признавал и самоубийство царевича, и убийство по заказу Годунова. В кругу доверенных Шуйский рассказывал обо всем, что было (т.е. подтверждал факт самоубийства), но однажды проговорился об этом купцам, среди которых оказался и приверженец самозванца. Тот и донес о разговорах, которые ведет Шуйский. Донос этот дошел до Басманова, который, в свою очередь, немедленно донес о «заговоре» Шуйских против Лжедмитрия.

Шуйских обвинили в государственной измене. Сами обвинения у разных обвинителей заметно различались. Одни говорили о слухах, порочащих Лжедмитрия как самозванца, другие об организованном заговоре, насчитывающем тысячи людей, третьи обвиняли в резких высказываниях по поводу пропольской политики сомнительного «царя» и о его «неправославии». Но все эти обвинения в сумме создавали возможность организовать большой процесс, дабы устроить и верхи, и низы москвичей. Поэтому первоначально предполагалось привлечь к ответу многих бояр, так или иначе связанных с Шуйскими. Но на такой шаг самозванец не решился: он мог вообще потерять какую-либо опору в столице.

В конечном счете к суду решили привлечь братьев Шуйских и некоторых в политическом отношении мало значимых лиц. Для устрашения населения подвергли публичной казни дворянина Тургенева. Но уже через несколько лет его стали прославлять (в частности, это проявляется у Авраама Палицына) как нового мученика, обличавшего «вора». Купец Федор Калачник, согласно преданию, шел на казнь, громко проклиная «царя» как антихриста и посланца сатаны и что поклоняющиеся ему от него же и погибнут. Многие из простонародья, как сообщает Исаак Масса, тайно по ночам пытали, убивали и губили.

Казнь Шуйских была назначена на 30 июня. Лжедмитрий спешил, не слишком заботясь об обоснованности обвинений. Дело в том, что даже в Польше знали, что в случае прекращения династии рода Владимирских князей, первенство должно было перейти именно к Шуйским как тоже Рюриковичам. К тому же Василий Шуйский единственный из бояр не поехал на встречу самозванца в Серпухове.

Самозванец, однако, не мог просто расправиться с Шуйскими, поскольку по договоренности с боярами в осуждении боярина же должна участвовать и Боярская дума. Был устроен соборный суд с участием бояр, духовенства и представителей других сословий. Привлечение представителей низших сословий должно было нейтрализовать попытки бояр защищать своего, уважаемого думой коллегу.

Примечательно, что с обвинительной речью на суде выступил сам Лжедмитрий. Очевидно, в столь ответственном деле П. Басманов и его единомышленники могли встретить жесткое неприятие со стороны собора, в особенности как раз Боярской думы. В длинной речи самозванец совершил экскурс в историю и доказывал, что Шуйские всегда изменяли московским царям. По его подсчетам, Иван Грозный семь раз намеревался казнить Шуйских, а Федор Иванович казнил дядю Василия Шуйского. На других бояр самозванец бросать тень предусмотрительно не стал. Никакого суда на соборе, по существу, не было: просто приняли на веру заявление Лжедмитрия, что Шуйские (и только они) готовили заговор против «царя». Убийства и казни, предварявшие суд, парализовали Боярскую думу, и никто из бояр не выступил в защиту Шуйских. А «на них кричаху» патриарх Игнатий, Б.Я. Бельский, П.Ф. Басманов, М.Г. Салтыков и члены путивльской «думы».

Василий Шуйский избрал в этой ситуации не путь защиты, а путь покаяния. Он признает обвинения: «Виноват я тебе... царь государь: все это я говорил, но смилуйся надо мной, прости глупость мою!» Также смиренно он просил бояр и патриарха сжалиться и просить о милости царя.

Собор приговорил Василия Шуйского к смертной казни, а его братьев к заключению в тюрьму. Все было приготовлено для казни, и новый глава Стрелецкого приказа П.Ф. Басманов опоясал стрельцами всю площадь, казаки и поляки заняли Кремль и другие важные объекты. Басманов выехал на середину площади и прочел приговор думы и собора, а палач подвел осужденного к плахе, в которую был воткнут топор, и сорвал с приговоренного одежду. И здесь Шуйский с плачем молил о пощаде. Басманов жаждал крови, но самозванец, почувствовав недовольство в народе, при-

слал гонца, а затем дьяка, который объявил о помиловании. Один из сподвижников Лжедмитрия С. Борша позднее объяснял решение «царя» просьбами Боярской думы, высказанными после собора, а без поддержки Боярской думы такие решения не принимал никто из предшественников Лжедмитрия.

Все имущество Шуйских и их владения были конфискованы. Василий и его братья были отправлены в тюрьмы в пригородах Галича Мерьского. Но сторонникам самых жестких мер Лжедмитрий навстречу все-таки не пошел, справедливо полагая, что таким путем он лишь увеличит количество своих врагов. Особенно нетерпеливого Богдана Бельского самозванец произвел в бояре, но отправил на воеводство в Новгород, дабы не выслушивать постоянно советов бывшего усердного опричника.

Главной задачей на первых порах Лжедмитрий считал *изменение состава Боярской думы*. Самозванец возвращал из ссылки и тех, у кого ему ранее доводилось служить, и тех, которые были наказаны Борисом Годуновым. Самозванец вызвал в Москву Нагих, которых еще при Годунове вернули на службу, но разослали воеводами в разные захолустные города, и сделал их членами Боярской думы. Нагие, конечно, знали, что их племянник в 1591 г. погиб, но ничем не проявляли недоумения, увидев совсем другого человека: карьерный и экономический интерес, как и у большинства других, следовавших за Расстригой, стоял на первом плане. Из ссылки были возвращены *братья Головины*, получившие чины окольных. Чин окольного получил также опальный дьяк *В.Я. Щелкалов*. Лжедмитрий вернул в Москву уцелевших в ссылках и не попавших на плаху Романовых и Черкасских, в свите которых он некогда служил. Постриженный в монахи *Филарет (Романов)* был привезен из Антониева Сийского монастыря. Его жена, Ксения Шестова (в иночестве Марфа) с сыном, будущим самодержцем России Михаилом Федоровичем, приехали в Москву из своей вотчины.

Филарет и в монастыре оставался «мирским» человеком, всегда рассчитывал на возвращение в мир и жаждал активной политической деятельности. Теперь такая возможность предоставлялась, и он уже в монастыре готов был оказать самозванцу возможную поддержку. В свою очередь Лжедмитрий, по некоторым сведениям, предлагал Филарету сложить с себя монашескую одежду, поскольку она была одета на него силой, войти в состав Боярской думы и воссоединиться с женой и сыном. Филарет отказался от этих предложений, рассчитывая заниматься политическими проблемами и одновременно делая духовную карьеру. Позднее он был рукоположен в ростовские митрополиты и

рассчитывал при благоприятном стечении обстоятельств занять первое место среди русского священства — стать патриархом.

Вернувшиеся из ссылки тоже, конечно, видели, что перед ними их давний знакомый Гришка Отрепьев, но ненависть к Годуновым и повышение по службе мutilo сознание и закрывало рот даже для шепота кому-нибудь на ухо. В итоге значительно измененный состав Боярской думы дал согласие на его «венчание на царство». Самозванец сам отложил церемонию до приезда Марфы Нагой. Как уже было сказано, мнимая мать подвергалась предварительной обработке. Для непосредственного приглашения Марфы в Москву был направлен «постельничий» Лжедмитрия Семен Шапкин. В позднейших записях об этом событии встречалось утверждение, что Шапкин в случае отказа Марфы признать Отрепьева своим сыном угрожал монахине смертью. Сама Марфа после убийства самозванца также оправдывалась тем, что ей якобы угрожали смертью. Но «Новый летописец» не без оснований сомневался: «Тово же убо не ведаше никто же, яко страха ради смертново, или для своего хотения назва себе Гришку прямым сыном своим, царевичем Дмитрием».

После ряда предварительных проверок настроения Марфы самозванец 17 июля 1605 г. выехал в село Тайнинское, куда была доставлена монахиня под охраной польских наемников и в сопровождении бояр. В поле у села, куда собрали значительную толпу народа, Марфа и Гришка Отрепьев обняли друг друга и прослезились. На собравшийся «народ» сцена явно произвела впечатление: криками и слезами провожали они встречу «матери» и «сына» после четырнадцатилетней разлуки. 18 июля Марфа в карете въехала в столицу. И всю дорогу обретенный «сын» сопровождал карету верхом на коне. Красная площадь была заполнена народом, во всех церквах звонили колокола. После службы в Успенском соборе счастливый «сын» раздавал простонародью щедрую милостыню. А через три дня, 21 июля состоялось и «венчание на царство» Лжедмитрия. Путь от дворца до Успенского и Архангельского собора устлали златотканым бархатом. Лжедмитрий, не кстати, вновь говорил о своем чудесном спасении. Но внимание присутствующих было отвлечено действиями патриарха Игнатия, который надел на голову самозванца корону Ивана Грозного, после чего бояре вручили скипетр и державу.

Для Отрепьева важно было создать впечатление, что его «венчание на царство» *было продолжением законной, временно прерванной династии*, и потому он венчался дважды: в Успенском соборе и в соборе Архангельском — в усыпальнице «предков». Как и ранее, самозванец особенно задерживался у могил Ивана

Грозного и Федора Ивановича, а архиепископ грек Арсений, настоятель Архангельского собора, надел на голову Лжедмитрия «шапку Мономаха». По выходе коронованного «царя» бояре осыпали дождем золотых монет.

Бояр беспокоила опора новой власти: *польские и наемные иноземные авантюристы и казаки-воры*, которым самозванец доверял охрану своей персоны и которые заполнили Кремль. Но Лжедмитрия беспокоили не столько косые взгляды бояр, сколько истощенность казны. А наемники стоили дорого. К тому же они привыкли считать себя господами положения, и сами пытались диктовать условия русским боярам, да и своему «господину», обретшему царскую корону и «шапку Мономаха». Польская шляхта и иностранные наемники раздражали и казаков, и простонародье своей наглостью и приверженностью ненавистным на Руси католицизму и протестантизму. Самозванец старался ублажить наемников, некоторым даже жаловал звание русского дворянина. Но от земельных пожалований новым «дворянам» и «ротмистрам» он все-таки воздерживался, понимая, что такими пожалованиями восстановит против себя не только Боярскую думу, но и все русское дворянство.

Лжедмитрий устраивал грандиозные пиры, во время которых решались некоторые спорные или необговоренные вопросы с боярами и которые были одним из проявлений разгула победителей, захвативших Московское царство. Набранные в Польше и других странах наемники не отставали от «царя» в организации разгула, часто сопровождавшегося скандалами и даже прямыми угрозами самому «царю» расправиться с ним. По сообщению сподвижника Лжедмитрия, арианина Яна Бучинского, наемники, получая приличное вознаграждение, обзаводились челядью, обряжали ее в камчатое платье, пропивали и проигрывали в азартных играх полученные деньги.

Вскоре после восшествия на престол Лжедмитрия произошло резкое столкновение москвичей с иностранными наемниками. Поводом послужил арест московскими властями шляхтича Липского, которого подвергли торговой казни: били батогами на улице. Наемники, считая преступление Липского несущественным, бросились на помощь и применили оружие против приставов. Москвичи, в большинстве безоружные, устремились на помощь приставам. В результате было много убитых и раненых среди москвичей, а поскольку негодующая толпа продолжала расти, наемники укрылись в казармах на Посольском дворе. Несколько десятков тысяч москвичей грозили «рыцарям» расправой. Лжедмитрий тоже был обеспокоен взрывом негодования среди моск-

вичей, сознавая, что эта безмерная ненависть при определенных обстоятельствах может быть повернута против него. В итоге поступил он, по своему обыкновению, двулично: москвичам объявил, что убийцы понесут наказание и посольские казармы будут разгромлены пушками, а убийцам сообщил, что виновных не будут наказывать, но для успокоения русских наказания нужно имитировать. «Рыцари» выдали трех шляхтичей, отличившихся в расправе с москвичами. Их продержали сутки в тюрьме, а затем втайне от москвичей выпустили на свободу.

Тем не менее события в Москве дали повод боярам, и они добились решения о роспуске наемных отрядов. И уже с конца июля наемники жили на Москве без службы, но не покидая ее и получая от Казенного приказа плату, каковой не имели русские служилые люди. Гусары получали по 40 золотых, или 192 рубля на коня. А поскольку обычно они имели по 2 – 4 коня, то и оплата достигала 800 рублей и равнялась боярской. Тем не менее наемники жаловались, что Лжедмитрий в первый же день овладения Москвой обещал им выдать по несколько тысяч золотых, а дал лишь по несколько сот. Но наемников обеспечивали еще пушминой и обильным кормом. И тот же, упомянутый выше, Бучинский сообщает, что, продавая москвичам корм, наемники за год только на этом получали дополнительно по тысяче золотых.

Много проблем возникло с *«долговыми расписками» самозванца*, сделанными в основном еще в Польше, где он обязывался заплатить огромные суммы в 100 тысяч и более наличными. Эти «расписки» наемники и польские опекуны Лжедмитрия предъявляли и в Москве, и в Польше королю Сигизмунду III. Казенный приказ оплачивал «долговые расписки», но не все. И не только потому, что в казне не было таких средств. Многие «расписки», особенно данные в Польше, представлялись совершенно бредовыми. Даже Адам Вишневецкий, явившийся в Москву собственной персоной за «долгом», не получил ничего от московских властей, и сам виновник — московский «самодержец» — уклонялся от разбора многих подобных дел.

Бояре и высшие чины с такой же неприязнью, как к иноземным наемникам, относились и к *казакам*, в которых видели своеобразный авангард ширившегося народного движения, направленного если не против феодального строя в целом, то против отмены «Юрьева дня». Казаки, кроме того, добивались признания за ними ранга служилых людей. Уступая требованиям московских дворян и бояр, Лжедмитрий вынужден был согласиться на удаление казаков из столицы, распорядившись произвести казне с ними расчет. При себе он оставил лишь оказавшего ему неза-

менимые услуги атамана Корелу с небольшим отрядом. Но, как и все наемники, и все казаки, да и сам Лжедмитрий, Корела вел разгульный образ жизни, предпочитая общение в кабаках с «черню» встречам с царедворцами. Как и многие из «черни», представителей которой он обычно угощал в кабаках, Корела спился, чем и закончилась его карьера. Последний казачий отряд также был расформирован.

В литературе было много споров о *социальной политике* Лжедмитрия. Его называли и крестьянским, и казачьим, и дворянским, крепостническим «царем». Но явно ни в какую из всех называемых категорий он не укладывался, поскольку *преследовал единственную цель: удержаться у власти ради удовлетворения своих прихотей и разгоревшегося честолюбия*. Поэтому он, по существу, нигде не выражает своих истинных воззрений (если они вообще были), в очень расплывчатых выражениях обещая благоденствие и угнетателям, и угнетенным. На пути в Москву он нередко провозглашал необходимость «освобождения от гнета», не проясняя, однако, кого и от кого он собирался «освободить». Более всех получили от самозванца казаки и дворяне южных районов России. И дело не только в том, что эти районы оказались главной его опорой в продвижении к Москве, да на первых порах и в самой Москве. Самозванец сознавал, что с югом он все равно ничего сделать не сможет, а потому резонно считал, что целесообразней в данном случае исполнять роль «добраго царя». Юг России получил освобождение от податей на 10 лет, кроме того, была отменена «государева десятинная пашня», которую ранее вспахивали и засевали для Москвы.

Будучи на московском троне, Лжедмитрий старался угодить и дворян, владевших крепостными, и не потерять поддержку социальных низов, все еще ожидавших свободы от «добраго царя». **7 января и 1 февраля 1606 г.** издаются «указы»: первый — о кабальных холопах, второй — о беглых. Указ 7 января в целом предполагал отклик на требования дворян вернуть им беглых холопов. Вместе с тем во время голода 1602 — 1603 г. многих холопов феодалы сами выгоняли, и они получали, по указу Бориса Годунова, отпускные. Лжедмитрий сохранил право на свободу (по сути, свободу выбора) примерно четверти кабальных холопов, что, конечно, было холопами оценено. Двойственное отношение проявляется и в указе от 1 февраля о беглых крестьянах. В начале текста указа сразу обозначается разделение беглых на две категории. Бежавших до голодных лет, счет которым идет по сентябрьскому летосчислению с сентября 1601 г., «приговорили, сыскивая, отдавати старым помещиком». Иначе говоря, предполагается установленный в 1597 г.

пятилетний срок сыска беглых. Бежавшие же в голодные 1601 — 1603 г. возврату не подлежали. В марте 1606 г. составлялся «Сводный судебник». Он не был завершен и в действие вступить не успел. Но в основу его был положен Судебник 1550 г., с включением статьи 88 о крестьянском выходе в «Юрьев день». Таким образом, «Юрьев день» возвращался. Но до «Юрьева дня» 1606 г. (26 ноября), однако, не дожил и сам Лжедмитрий, и реально этот Судебник так и остался лишь на бумаге.

Весьма непопулярной в кругах московского боярства и служилых людей являлась *внешняя политика* самозванца. В Польше Расстрига наобещал и Сигизмунду III, и Юрию Мнишеку отдать практически весь Запад и Северо-Запад России. И Сигизмунд всерьез рассчитывал получить Смоленск, поэтому постоянно требовал от самозванца выполнения обещаний. Лжедмитрий часто подчеркивал, что Сигизмунд ему «вместо отца», но передать Смоленск он ему не мог: самозванец немедленно потерял бы корону в Москве, поскольку ненависть к полякам охватывала все слои населения. Он предложил оплатить обещанные земли деньгами и отправлял в Польшу крупные суммы, чем, конечно, тоже раздражал и бояр, и простой народ. А в Польше настоятельно требовали большего.

Сигизмунд не стеснялся унижать Лжедмитрия, титулуя его «великим князем», а не «цесарем», «царем». Лжедмитрий тщетно пытался убедить польского короля, что «цесарями» в Москве были и его мнимый «отец» Иван Грозный, и «брат» Федор, да и Борис Годунов тоже. Но упоенные победой еще в Ливонской войне, польские власти не хотели даже и слышать о притязаниях московских правителей на «цесарский» титул. Несколько облегчало внешнеполитическое положение России в данном случае обострение польско-шведских отношений в Прибалтике: некоторые польские вельможи считали возможным использовать Россию против Швеции.

Большие претензии к Лжедмитрию были у *церкви*. Самозванец без стеснения вымогал у монастырей и других церковных заведений деньги якобы в долг, но «долгов» этих он никогда не возвращал. Господство же при дворе самозванца иезуитов вызывало возмущение не только церкви, но и православного простонародья.

В Польше положение самозванца вызывало тревогу. По некоторым сведениям, сама Мария (Марфа) Нагая тайно доносила Сигизмунду III, что мнимый Дмитрий не ее сын. Видимо, зная шаткость положения Лжедмитрия, Юрий Мнишек не спешил породниться с ним и выдать, согласно договоренности, за него свою дочь Марину. Лишь 1 ноября 1605 г. царский посол

Афанасий Власьев с многочисленным благородным и чиновным сопровождением выехал в Краков за невестой и затем был представлен королю. Посол не отличался дипломатическим тактом. Когда кардинал и польские сановники пели вполне нейтральную молитву, все преклонили колена, а посол отчужденно стоял. На вопрос же епископа: «Не обручен ли Дмитрий с другою невестою?», Власьев развеселил польскую шляхту ответом: «А мне как знать? Того у меня нет в наказе».

Затем был великолепный стол. Марина сидела рядом с королем и принимала от российских посланников дары своего жениха: огромное количество изделий из золота и драгоценных камней, три пуда жемчуга, 640 редких соболей и многое другое. Марина упала к ногам Сигизмунда, чем весьма смутила посла, который увидел в том унижение будущей русской царицы. Но ему разъяснили, что пока невеста в Кракове — она подданная польского короля. Король поднял Марину и напомнил, чтобы «чудесно возвышенная Богом», она не забывала, чем обязана «стране своего рождения и воспитания».

Отъезд в Москву, однако, затягивался — Юрий Мнишек продолжал требовать денег, не удовлетворившись сотней тысяч золотых, полученных за помощь в 1604 г. В январе 1606 г. Ян Бучинский привез из Москвы от Лжедмитрия Мнишеку еще 200 тысяч золотых. И лишь 25 апреля Юрий Мнишек с сыном и князем Вишневецким прибыли в Москву к Лжедмитрию, оставив на время Марину в Вязьме. Будущий зять встречал Мнишека на троне, окруженный с правой стороны патриархом и епископами, а с левой — боярами и иными вельможами. Юрию Мнишеку надо было решить целый ряд вопросов, в том числе и деликатный религиозный. Мнишек настаивал на сохранении Мариной *католической веры*, а Лжедмитрий, не возражая против этого в принципе, резонно предупреждал, что «наружно» царице надо будет чтить греческую веру и ее обряды и, в частности, поститься не по субботам, как принято у католиков, а по средам. Патриарх Игнатий удовлетворялся и таким решением. Но некоторые иерархи, в частности сосланные самозванцем митрополит Казанский Гермоген и епископ Коломенский Иосиф, заявляли, что если невеста не будет крещена в православную веру, то и брак не будет законным.

Марина Мнишек прибыла в Москву только 2 мая 1606 г. Ее торжественно встречали многие тысячи представителей русской знати и иноземных наемников — преимущественно поляков. Гремела музыка, били в колокола, стреляли из пушек. Народ же безмолствовал: внутреннее положение в Москве становилось все более напряженным. А Лжедмитрий продолжал осыпать дарами

Марину и ее сопровождение. Юрий Мнишек получил еще 100 тысяч золотых, а Марина шкатулку стоимостью в 50 тысяч. Из казны на подарки было истрачено 800 тысяч рублей. До народа доходили сведения об этом, и негодование рядовых москвичей быстро нарастало.

8 мая 1606 г., наконец, состоялась свадьба. Особое возмущение москвичей и церковных иерархов вызвал тот факт, что после венчания Лжедмитрий и Марина отказались от причастия — важнейшей части православного свадебного обряда. Но Лжедмитрий уже не обращал внимания на мнение «толпы». Начались пиры, на которых сразу же перессорились польские посланники с русской знатью и особенно духовенством, в ссоры приходилось включаться и самозванцу, и он тоже оказывался между двух огней, в пирах и разгуле не замечая, что творится не только в Москве, но и во дворце. А пьяные поляки вели себя как в завоеванном городе, порубая саблями выражающих возмущение их поведением, вытаскивая из карет девиц и женщин русских дворян и насилуя их чуть ли «не сходя с места». Стрельбой из пушек за несколько дней истратили пороха больше, чем за всю войну 1604 — 1605 гг.

Самозванца предупреждали и немцы, и свои приближенные, что в городе весьма неспокойно и что следует принять меры предосторожности. О том же говорил ему и Юрий Мнишек. Но Лжедмитрий, желая «не ударить в грязь лицом», стремился выглядеть твердым и неустрашимым. «Как вы, ляхи, малодушны!» — отозвался он на предупреждения Мнишека. А послам Сигизмунда, которые также видели, что происходит, и получали информацию с разных сторон о надвигающейся грозе, возражал небрежно: «Я держу в руке Москву и государство; ничто не смеет двинуться без моей воли». И перед надвигавшимся переворотом самозванец даже не увеличил охрану дворца.

Весной 1606 г. беспокойные вести стали поступать и с юга. Выпровоженные из Москвы казаки считали себя обделенными и обиженными. Большинство из них не могли найти себе применения и способны были только отправиться в какой-нибудь поход «за зипунами». Весной 1606 г. появился казачий самозванец — казаки, готовившие поход на Москву, избрали своим «царевичем» *Илейку Муромца*. Новый самозванец родился на посаде, послужил на Волге в работных людях и побывал холопом у сына боярского Григория Елагина на Тереке. Новому самозванцу дали имя *Петра* якобы сына царя Федора Ивановича, у которого, как говорилось, сыновей-то как раз и не было. Движение во главе со *Лжепетром* (*Илейкой Муромцем*) было организовано казачьей голытьбой, и

хотя большинство зажиточных казаков к нему примкнуло, социальные мотивы в нем проявлялись в значительно большей мере, чем в других движениях казаков.

В этой ситуации Лжедмитрий решил протянуть руку конкуренту: он призывал Лжепетра «идти к Москве наспех». Скоропалительное решение Лжедмитрия озадачило и современников, и историков. Но, видимо, правы те из современников, которые видели задачу Лжедмитрия в нейтрализации соперника, чтобы «люди не собирались около него». Но казачий царевич успел пройти только Свияжск и получил уведомление, что Лжедмитрий убит. Казаки повернули назад вниз по Волге.

В Москве же переворот готовился медленно, но неуклонно. Все правление Лжедмитрия — это сплошные пиры и гулянья, свадьбы бояр — свободные, без традиционных строгих регламентаций. В «веселые дни» самозванец иногда стремился проявить милость к кому-либо. Именно в таком состоянии он, после полугодовой ссылки Шуйских, простил их и вернул им имения и чины. У Василия Ивановича Шуйского было много доброжелателей среди бояр и высших чинов. А народ проникся к нему особым уважением, потому что он открыто обличал самозванца и перенес пытки и плаху — в глазах народа он стал *героем-мучеником*. Его смелость ценили, но не замечали честолюбия и лукавства. Василий Шуйский, почти случайно избежавший казни в начале царствования Лжедмитрия, сумел объединить очень разные силы и использовать недовольство разных слоев общества, направив его против самозванца.

На 18 мая 1606 г. в Москве был назначен грандиозный фестиваль: воинская потеха. Но утром 17 мая по всей Москве загремели колокольные набаты, созывавшие жителей на Красную площадь. Удивительно, что не только самозванец, но и поляки, ожидавшие праздника 18 мая, не заметили, как стремительно организовалась вся Москва и против самозванца, и против них. Большинство бояр, приведших некогда Лжедмитрия в Москву, — князя Голицыны, Михаил Салтыков, Нагие, практически все, кроме Басманова, — оказались в рядах восставших. И царица-монахиня Марфа, и ее родичи Нагие теперь дружно каялись в толпе в том, что под страхом казни лгали, подыгрывая самозванцу. Василий Шуйский перекрыл все двенадцать ворот входа и выхода из города, и в город были введены 18 тысяч воинов, которые должны были отправляться под Елец и которые теперь перешли под контроль заговорщиков.

Лжедмитрий бегал из комнаты в комнату и наконец прыгнул из окна на Житный двор, разбил себе грудь, голову и вывихнул

ногу. Лежащего в крови, его обнаружили здесь стрельцы. Они не входили в заговор и попытались помочь лжецарю, посадили на фундамент, обливали водой. Самозванец умолял не оставлять его, обещая стрельцам богатство и чины. Их окружило множество народа, но стрельцы требовали, чтобы царица-монахиня объявила: сын это ее или не сын. Если сын, то они умрут за него, а если нет, «то волен в нем Бог». Марфа, вызванная боярами из кельи, объявила народу, что истинный царевич Дмитрий скончался у нее на руках в Угличе, что она из страха, под влиянием угроз и лести была вовлечена в грех бессовестной лжи, назвав сыном неизвестного ей человека. Из страха она молчала, но многим открывала истину. Показала Марфа и изображение лица мальчика, у которого не было ничего общего с Расстригой. После этого стрельцы выдали обманщика толпе.

Бояре велели нести самозванца во дворец для допроса. Отрепьев сослался было на инокиню Марфу, но Иван Голицын прервал его: инокиня уже покаялась. Самозванец обратился к окружающим: «Несите меня на Лобное место: там объявлю истину всем людям». Какую истину он хотел объявить, осталось нераскрытым: две пули двух дворян оборвали жизнь Лжедмитрия. Толпа бросилась терзать уже мертвое тело. Также терзали и убитого Басманова. Расправа ожидала и Марину Мнишек: слуга-охранник был убит, и в комнату Марины ворвались обезумевшие от крови восставшие. Но приспели бояре и взяли Марину под защиту, выделив ей охрану. Многие же поляки стали жертвами восставшего народа, копившего свою ненависть в течение года. Музыканты, раздражавшие православных во время молебнов, были все умерщвлены в Кремле.

Жилища послов Сигизмунда не были тронуты, но к домам Юрия Мнишека и князя Вишневецкого устремились восставшие. А поскольку Мнишек все-таки принял некоторые предупредительные меры, завязалась перестрелка. Восставшие стали подвозить к этим домам пушки, чтобы разбить сами дома, в которых укрылись поляки. Но защитить осажденных явились бояре и приказали прекратить убийства. Шуйские старались остановить разбушевавшихся москвичей и выслали в защиту поляков стрельцов. Вишневецкого спас сам Василий Шуйский, надежная защита была приставлена и к дому Юрия Мнишека. Объединенные ненавистью к самозванцу высшая знать и «чернь» уже проявляли взаимное отчуждение, которое будет нарастать в правление Василия Шуйского.

Литература

- Авраамий Палицын.* Сказание. М.; Л., 1955.
- Бахрушин С.В.* Классовая борьба в русских городах в XVI – начале XVII в. // Научные труды. Т.1. М., 1952.
- Белокуров С.А.* Разрядные записи в Смутное время (7113 – 7121 гг.). М., 1907.
- Буганов В.И.* Крестьянские войны в России XVII – XVIII вв. М., 1970.
- Буссов Конрад.* Московская хроника. 1584 – 1613 гг. / Ред. и предисл. И.И. Смирнова. М.; Л., 1961.
- Валишевский К.* Смутное время. (Репринтное воспроизведение издания 1911 г.). М., 1989.
- Гишберг А.* Марина Мнишек. М., 1908.
- Горсей Д.* Путешествия сэра Джерома Горсея // Иностранцы о древней Москве. Москва XV – XVII вв. М., 1991.
- Греков Б.Д.* Крестьяне на Руси. Кн. 2. М., 1954.
- Кольчева Е.М.* Холопство и крепостничество (конец XV – XVI вв.). М., 1971.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. XII., СПб., 1843.
- Копанев А.И.* Крестьянство русского севера в XVI в. Л., 1978.
- Корецкий В.И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970.
- Корецкий В.И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975.
- Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII в. // Исторические монографии и исследования. Кн. II. М., 1904.
- Лимонов Ю.А.* Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982.
- Масса И.* Краткие известия о Московии начала XVII в. М., 1937.
- Панях В.М.* Кабальное холопство на Руси в XVI в. Л., 1967.
- Панях В.М.* Холопство в XVI – начале XVII в. Л., 1975.
- Пирлинг П.* Из Смутного времени. СПб., 1902.
- Пискаревский летописец* // Материалы по истории СССР (XV – XVII вв.). Вып. 2. М., 1955.
- Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1937.
- Поссевино А.* Московия. Исторические сочинения о России / Ред. и пер. Годовиковой Л.Н. М. 1983.
- Руссель В.* Рассказ о жизни и смерти Димитрия. СПб., 1901.
- Севастьянова А.А.* Записки Джерома Горсея о России конца XVI – начала XVII вв. // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории: Сборник трудов МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1974.
- Сказания современников о Дмитрии самозванце.* Т. III. СПб., 1832.
- Скрынников Р.Г.* Россия после опричнины. Л., 1975.

- Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М., 1978.
- Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985.
- Скрынников Р.Г.* Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988.
- Тимофеев Иван.* Временник. М.; Л., 1951.
- Устрялов Н.Г.* Сказание современников о Дмитриии самозванце. Ч. 2. СПб., 1869.
- Флетчер Д.* О государстве Русском. СПб., 1906.
- Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI–начале XVII в. М., 1973.
- Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI – XVII вв. М., 1978.
- Шапиро А.Л.* Русское крестьянство перед закрепощением XIV – XVI вв. Л., 1987.

ГЛАВА XX

Социально-политическая борьба в России в годы Смуты и расширение польской интервенции (1606 – 1610 гг.)

§1. ВОЦАРЕНИЕ ВАСИЛИЯ ШУЙСКОГО И ЕГО ПРАВЛЕНИЕ

Переворот 17 мая 1606 г. подготовил и осуществил Василий Шуйский, и, конечно, его авторитет, а также страх новых расправ убеждали многих, что Шуйскому и предстоит занять царский трон. Вопрос о преемнике поставил в Боярской думе сам Шуйский. Формально он значился «вторым» после князя *Федора Мстиславского*. Но тот к власти не стремился и даже говорил близким ему людям, что если его изберут «в цари», то он уйдет в монахи. В некоторых иностранных источниках в качестве соискателя на трон называется князь *Иван Голицын*. Но Голицына, успевшего предать и юного Федора Борисовича и Лжедмитрия, Дума не могла принять: слишком явными были его измены, и слишком уж явно он замыкался на своих личных интересах. У Шуйского же были видимые заслуги: устранение самозванца-еретика, ставшего ненавистным разным слоям москвичей, и светским, и духовным. Но Шуйский лукавил, когда предлагал немедленно решить вопрос о новом избраннике в Боярской думе, противодействуя предложениям собрать Земский собор. Созвать собор, действительно, было трудно: весь Юг России (и не только Юг) не признавал власти Москвы, и, как показало будущее, за Шуйского эти регионы бы не проголосовали.

Дума в конечном счете согласилась с предложением Шуйского, и *впервые в истории России царь был избран небольшой группой аристократов-олигархов*. В эмоциональной речи перед думами Шуйский признавал какие-то свои преступления и каялся

в них, но одновременно он напомнил о слабости Федора Ивановича и властолюбии Бориса Годунова, приведших в итоге к появлению самозванца, за которым слепо последовали и бояре. «Но мы, — переходил он к главному, — загладили сию слабость, когда настал час умереть или спасти Россию, жалею, что я, предупредив других в смелости, обязан жизнью Самозванцу: он не имел права, но мог умертвить меня, и помиловал, как разбойник милует иногда странника. Признаюсь, что я колебался, боясь упрека в неблагодарности; но глас совести, Веры, Отечества, вооружил мою руку, когда я увидел в вас ревность к великому подвигу. Дело наше есть правое, необходимое, святое; оно Ему угодно... Теперь, избыв злодея, еретика, чернокнижника, должны мы думать об избрании достойного Властителя. Уже нет племени Царского, но есть Россия: в ней можем снова найти угасшее на престоле. Мы должны искать мужа знаменитого родом, усердного к Вере и к нашим древним обычаям, добродетельного, опытного, следственно уже не юного — человека, который, прияв венец и скипетр, любил бы не роскошь и пышность, но умеренность и правду, ограждал бы себя не копьями и крепостями, но любовью подданных; не умножал бы золота в казне своей, но избыток и довольствие народа считал бы собственным богатством. Вы скажете, что такого человека найти трудно: знаю, но добрый гражданин обязан желать совершенства, по крайней мере, возможно, в Государе!»

Естественно, всем было понятно, чей портрет рисовал Шуйский. И предложение думцев собрать Великую Земскую думу и чины Государственные из всех областей Российских было не столько возражением против кандидатуры Шуйского, сколько стремлением возложить на соискателя больше обязанностей и ответственности. Но сторонники Шуйского требовали немедленного решения вопроса, поскольку страна (да и сама Москва тоже) пребывала в смятении, а потому оттягивать решение было опасно. Разумеется, что предлагавшие созвать Земский собор со всей «Земли» внутренне не согласились с таким решением вопроса, и это несогласие впоследствии будет подпитывать отчужденность части бояр и знати по отношению к намерениям и действиям Шуйского. Часть их уклонилась и от процедуры избрания, но выступить открыто никто не решился, и 19 мая 1606 г. под звук литавр, труб и колоколов бояре и чиновное дворянство представили на Красной площади нового монарха служилым людям, госям и купцам.

Играя в скромность, Шуйский предложил, чтобы духовные чины сначала выбрали нового патриарха вместо скомпрометиро-

вавшего себя Игнатия. Но толпа в экстазе кричала, что для отечества государь важнее патриарха. Шуйского проводили в Успенский собор, где уже ожидали митрополиты и епископы, которые и благословили его на царство.

Кандидатами на сан патриарха выступали ростовский митрополит Филарет (Федор Романов) и казанский митрополит Гермоген. Шуйский, видимо, склонялся в пользу Филарета. Но тот от такой чести уклонился. В итоге избрали *Гермогена* (ок. 1530 — 1612), который также не слишком благоволил к Василию Шуйскому. Достаточно сказать, что Гермоген пытался привлечь на публичные выступления и низвергнутого Иова в качестве второго патриарха.

В России появился новый царь — *Василий IV Иванович Шуйский* (1552 — 1612, царь — с 1606). В свое время Борис Годунов выдерживал целый месяц, вроде бы отказываясь занять царский трон. Шуйский же взошел на царство настолько скоропалительно, что не только вся Россия, но и москвичи, даже многие знатные, не участвовали в этом избрании. А подобный факт предполагал в будущем весьма непростые отношения с «Землей». Правда, боярство потребовало от избранника определенных гарантий. В «*Ином сказании*», составленном в 20-е гг. XVII в., приводится «запись целовальная, по которой сам царь целовал крест». Шуйский напомнил о своем происхождении от Рюрика, который, в свою очередь, производился от «Римского кесаря». «И ныне мы, — обращается он непосредственно к боярам и верхушке московского купечества, поддержавшего «избрание» царя московской элитой, — великий государь, будучи на престоле Российского государства, хотим того, чтобы православное христианство было нашим царским доброопастным правительством и в тишине, и в покои, и в благоденствии. И поволит есмь я, царь и великий князь Василий Иванович всяя Руси, целовати крест на том, что мне, великому государю, всякого человека, не судя истинным судом з боляры своими, смерти не предати, и вотчин, и дворов, и животов у братии их, и у жен, и у детей не отымати, будут которые с ними в мысли не были; также и у гостей, и у торговых, и у черных людей, хотя который по суду и по сыску доидет смертные вины, и после их у жен их и у детей дворов, и лавок, и животов не отымати, будут с ними они в той вине неповинны; да и доводов (т. е. доносов. — А.К.) ложных мне, великому государю, не слушати, а сыскивати всякими сыски накрепко и ставити с очей на очи, чтобы в том православное христианство без вины не гибли; а хто на кого лжет, и, сыскав, того казнити, смотря по вине его: что было возвел неподельно, тем сам и осудит-

ся. На том на всем, что в сей записи написано, и яз, царь и великий князь Василей Ивановичь всея Руси, целую крест всем православным христианом, что мне, жалуя, судити истинным праведным судом, и без вины ни на кого опалы своя не класти, и недругом никому никого в неправде не подавати, и от всякого насилства отбегати». Иными словами, царь обещает вершить суд и расправу *«з боляры своими»*, и именно *интересы этих бояр стоят на первом плане у нового правительства*.

Между тем Москва была усеяна трупами, которые несколько дней вывозили за город и там хоронили. Тело самозванца три дня лежало на площади, привлекая любопытных и желающих обругать хотя бы труп. Затем его захоронили за Серпуховскими воротами. Но и на этом преследования убитого не закончились. Неделю с 18 по 25 мая стояли сильные морозы (не так редкие в мае — июне и в наше время), наносившие большой ущерб садам и полям. За самозванцем и раньше следовал шепот о его чародействе. В условиях чрезвычайной неустойчивости бытия суеверия разливались рекой: что-то страшное видели над могилой Лжедмитрия и с ним связывали возникшие природные катаклизмы. Могилу раскопали, тело сожгли, а пепел, смешав с порохом, выстрелили из пушки, направив ее в ту сторону, откуда пришел Расстрига. Этот пушечный выстрел, однако, создал Шуйскому и его окружению неожиданные проблемы. В Речи Посполитой и Германии распространились слухи, что казнен вовсе не «Дмитрий», а какой-то его слуга, «Дмитрий» же спасся и бежал в Путивль или куда-то в польско-литовские земли.

С воцарением Василия Шуйского осложнились отношения с поляками. Хотя многих из них новая власть взяла под охрану, от поляков требовали возвращения «подарков» самозванца и награбленного у москвичей. Лишь посольству Сигизмунда III обеспечивалась и надежная защита, и правовое признание, принятое в отношении послов. Но защита поляков обостряла отношения новой власти с социальными низами, которые видели источник своих бед именно в разгуле поляков. Теперь же новый царь пытался восстановить порядки, сложившиеся при Иване Грозном и Федоре Ивановиче. Только если Отрепьев брал у «Грозного» некоторые статьи из Судебника 1550 г., то Шуйский *возрожда*л *крепостнические указы*. Появление в Судебнике от **9 марта 1607 г.** статьи о пятнадцатилетнем сроке сыска беглых (исключавшей льготы и тем, кто уходил в голодные годы), определяло политику Шуйского в отношении крестьянства. Ответственной была и реакция крестьян, да и всего Юга страны, где противниками этого

указа оказались не только беглые, но и служилые люди и дворянство, к которым беглые обычно стекались на более мягких условиях, нежели в центре России (как правило, за ними сохранялось право «выхода»).

Слухи о том, что «Дмитрий» спасся, а вместо него был убит кто-то другой, быстро распространялись и в России. Сам выстрел из пушки теперь представлялся попыткой скрыть, что сожженный вовсе не тот, кого называли Гришкой Отрепьевым и Расстригой. Слухам о спасении «Дмитрия» правящий круг Шуйского мог противопоставить только показания людей, до того много раз солгавших.

В многочисленных версиях о спасении «Дмитрия» обычно фигурировали два приверженца Лжедмитрия: князь *Григорий Шаховской* и один из ближайших сподвижников самозванца *Михалко Молчанов*. Оба бежали из Москвы, при этом Шаховской прихватил государственную печать, а Молчанов – скипетр и корону. И того и другого в разных местах признавали за «истинного» царя «Дмитрия». Вполне вероятно и романтическая версия, будто они бежали вместе, прихватив четырех польских лошадей. И уже по пути к Путивлю, покидая очередной пункт остановки, под глубоким секретом один из них признавался, что другой – истинный царь «Дмитрий». Похоже, «царем» хотели быть оба «соискателя». Но Шаховской был назначен воеводой в Путивль – из Разрядных книг неясно, Отрепьевым или Шуйским. Впрочем, последнее невероятно потому, что Шаховской был одним из наиболее преданных Лжедмитрию представителей знати.

Михалко Молчанов из Путивля отправился во владения Юрия Мнишека, в Сандомирское воеводство. (Сам Юрий Мнишек и его дочь Марина были сосланы Шуйским в Ярославль.) Польские представители, встречавшие русского посла князя Г. Волконского, заявили ему, что «государь ваш Дмитрей, которого вы сказываете убитого, жив и теперь в Сендомире у воеводины жены» (т. е. у жены Юрия Мнишека). Г. Волконский возражал, что называющий себя «Дмитрием» – это самозванец, вероятнее всего Михалко Молчанов. Но слух о том, что «Дмитрий» ушел вместе с Молчановым и находится в Сендомире, получил широкое распространение. И, видимо, не случайно уже в июне 1606 г. И.И. Болотников был на приеме у Молчанова, исполнявшего роль царя «Дмитрия». А вскоре города России: Чернигов, Стародуб, Новгород-Северский, хотя и не видели в глаза нового «Дмитрия», перестают подчиняться Шуйскому.

§2. КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ И.И. БОЛОТНИКОВА

Если о Василии Шуйском практически нет солидных работ, поскольку основные события шли как бы без него и часто против него, то о *крестьянской войне* и *Иване Исаевиче Болотникове* (ум. в 1608) написано много книг и высказано много глубоко расходящихся мнений. Общие биографические сведения о нем таковы. Болотников был холопом А.А. Телятевского (видимо, боевым холопом), бежал от него к казакам, попал в плен к крымским татарам, которые продали его в рабство в Турцию. Там он несколько лет был гребцом на галерах, пока не сумел бежать. Сначала Болотников оказывается в Венеции, затем перебирается в Польшу и, наконец, возвращается в Россию.

В дореволюционной историографии восстание под предводительством И.И. Болотникова рассматривалось обычно как эпизод Смуты, захватившей Россию в начале XVII в. Наиболее основательным было исследование *С.Ф. Платонова*, переизданное в советское время в 1937 г. В этой работе восстание Болотникова рассматривается именно в контексте всей Смуты, расколовшей общество не по социальным интересам, а по корыстно-эгоистическим притязаниям «верхов» и «низов».

С 20-х гг. XX в. одним из главных принципов советской историографии стал «классовый подход». В Смуте искали следы противостояния классов, и восстание Болотникова рассматривалось как крестьянская война против феодальной эксплуатации. Но изначально проявились и определенные разночтения. В наиболее фундаментальной работе *И.И. Смирнова «Восстание Болотникова» (М., 1951)* действия «болотниковцев» было в известной мере вырваны из общего контекста событий, а классовый подход, который должен был поднять личную роль Болотникова, приводил к известным натяжкам и игнорированию некоторых важных аспектов самого движения. Так, после выхода книги развернулась дискуссия о хронологических рамках крестьянской войны. *А.А. Зимин* предложил расширить ее рамки и начинать отсчет крестьянской войны с восстания Хлопка, а закончить последними выступлениями И. Заруцкого (т.е. 1604 – 1613 гг.). Главным аргументом в данном случае выдвигалось то обстоятельство, что все это десятилетие во внутренней борьбе были задействованы примерно одни и те же силы.

С экстравагантной концепцией выступил в 1967 г. смоленский автор *Д.П. Маковский*, который определил крестьянскую войну как

«буржуазную революцию», а Болотникова представил «предателем». Концепция Маковского вызвала специальное обсуждение книги в МГУ и встретила резкое осуждение. (Материалы этого обсуждения были опубликованы в журнале «Вопросы истории», 1969, №9).

В.И. Корецкий впервые указал на некоторые принципиальные ошибки в подходах почти всех историков, писавших о крестьянской войне, и прежде всего именно о движении, возглавленном И.И. Болотниковым. Он обратил внимание на то, что «программа» восставших чаще всего подается на основе абстрактных рассуждений, исходящих из представлений самих историков о том, какие требования могли бы выдвинуть холопы и крестьяне. Но народное движение в Смутное время включало не только эти социальные категории. В нем активно участвовали служилые люди и дворяне южных областей России, которые также не признавали ни власти, ни установлений правительства Шуйского. Уже поэтому четкой социальной программы у восставших и не могло быть: в чем-то чаяния разных слоев населения сходились, но в чем-то и заметно различались. Другое важное наблюдение В.И. Корецкого — отношение дворянского лидера Истомы Пашкова и Болотникова. Их чаще всего объединяют в рамках единого движения, при этом нередко обвиняют Пашкова и рязанца Прокопия Ляпунова в «предательстве» и «измене». Но, как верно замечает В.И. Корецкий, ни предательства, ни измены дворянских предводителей не было, поскольку дворяне Пашкова и Ляпунова и войско Болотникова шли к Москве разными путями, никак не координируя свои действия. И те и другие выступали за «царя Дмитрия», но у тех и у других с этим именем связывались разные интересы.

Самое же любопытное заключается в том, что *имя «царя Дмитрия» связывалось и с разными идеями, и с разными личностями.* В литературе этому вопросу уделено слишком мало внимания. Редко упоминается даже о том, что Болотников был назначен главным воеводой неким «царем Дмитрием», с которым Болотников встретился во владениях Юрия Мнишека. В Сандомире наставления Болотникову, в качестве «царя Дмитрия», давал Михаил Молчанов. *Истома Пашков* доехал только до Путивля и получил своего рода благословение от Григория Шаховского, который тоже именем «царя Дмитрия» утвердил Пашкова в качестве главного воеводы ополчения Тулы и других южных городов, но оговорился, что сам «Дмитрий» не может его принять, поскольку находится в Литве и опасается покушений на свою жизнь. Имел ли в виду Шаховской Молчанова или у него был свой кандидат — остается неясным.

Зная «царя Дмитрия» уже само по себе исключало возможность выработки какой-то определенной программы. За «царя Дмитрия» была протестующая против боярского правления часть населения, однако боролись каждый за свое. Так, в ряде городов Северской земли посадские люди убили городских воевод, но это были воеводы – сторонники Шуйского. Воевод, признававших «царя Дмитрия», оставшие нигде не трогали. По существу, дворян Юга России с крестьянами и холопами областей, непосредственно прилегающих к центру, объединяло только одно – требование восстановления права выхода в духе Судебника 1550 г., некоторых установлений Бориса Годунова в голодные годы и не успевшего получить практического применения Судебника Лжедмитрия марта 1606 г. Но при этом крестьяне и холопы боролись за свободу, а дворяне южных городов – за право не возвращать помещикам Центральной России бежавших на юг бывших крепостных и холопов.

В литературе или не замечают или недооценивают тот факт, что Болотников, став первым воеводой мнимого «Дмитрия», сам, видимо, искренне верил в то, что служит «истинному» и «доброму» царю. Верили в это (или принимали на веру) и южане, и жители городов Северской земли. Только это обстоятельство может объяснить тот факт, почему в подчинении у Болотникова оказался бывший его господин и приверженец Лжедмитрия князь А.А. Телятевский. Северские города и прилегающая к ним округа сразу не приняли переворот в Москве и легко верили, что Лжедмитрий сумел уйти от «изменников». Истома Пашков, получив благословение Григория Шаховского, двинулся к Ельцу летом 1606 г., разгромил здесь войска Шуйского и через Рязский и Пронский уезды Рязанщины начал продвигаться к Москве. **Никаких контактов с Болотниковым ни у Истома Пашкова, ни у Прокония Ляпунова не было.**

Летом 1606 г. Болотников начал собирать войско из казачьих отрядов, рассеянных после майских событий в Москве по разным районам Юга России, а также из крестьян, холопов и посадских людей, либо поддерживавших Лжедмитрия, либо надеявшихся на улучшение своего положения при воцарении «спасшегося» «Дмитрия». Комарицкая волость становится своеобразным лагерем, где Болотников стремится соединить разнородные элементы в более или менее управляемую военную силу. С этим войском он выступил в поход, и под Кромами одержал убедительную победу над московскими воеводами, которые потеряли 8 тысяч воинов. Следуя за отступающими воеводами Шуйского через Орел, Болхов и Калугу

войско Болотникова двинулось к Москве. В «*Карамзинском хронографе*» отразилось преобладающее настроение во всех этих районах: «И в тех крайних, в польских (в смысле в степных. — А.К.), и в северских городах тамошние люди, по вражью наваждению, бояр и воевод и всяких людей побивали разными смертями, бросали с башен, а иных за ноги вешали и к городovým стенам распинали и многими разноличными смертями казнили и прожиточных людей грабили, а кого побивали и грабили, и тех называли изменники, а они будто стоят за царя Дмитрия». В ряде случаев инициатором казней был сам Болотников. Обычно это относилось к тем сторонникам Шуйского, которые пытались разоблачать и первого Лжедмитрия, и нового, якобы спасшегося. Аналогичные казни совершал и Шуйский и его люди по отношению к тем, кто распространял версию о спасшемся «Дмитрии».

Признание или непризнание «законности» «царя Дмитрия» было своеобразной разделительной линией. Социальный аспект оставался на втором плане, поскольку в войске Болотникова были и холопы, и мелкие помещики из прилегающих к зоне, контролируемой Болотниковым территорий. И сам Болотников часто, отбирая имения у помещиков, передавал их другим, верящим в «добраго царя Дмитрия». Иными словами, *действия Болотникова не были «антифеодальными» — феодальные отношения сохранялись, но подразумевалась обязательная отмена крепостного права.* Причем за отмену крепостного права, как было сказано, ратовали и дворяне южных районов страны.

Истома Пашков со своими отрядами двигался через Коломну и Коломенское и остановился в конце октября 1606 г. у Котлов (территория в настоящее время входит в границы Москвы в районе станций метро «Нагорная» и «Нагатинская» у речки Котловка). Болотников двигался сюда же через Серпухов и прибыл со своим войском в начале ноября. Между воеводами обозначилось противостояние. Дворяне стремились объявить главным воеводой Пашкова. Но, согласно К. Буссову, Болотников ссылался на назначение его главным воеводой самим «царем Дмитрием», тогда как Пашков был утвержден Григорием Шаховским именем где-то скрывающегося «царя Дмитрия». По всей вероятности, военный перевес был на стороне Болотникова, поэтому Пашков вынужден был ему уступить. Эти разногласия, естественно, ослабили позиции осаждавших Москву отрядов.

Военные стычки под Москвой не давали решающего перевеса ни восставшим, ни войскам Шуйского. Но под Троицком, на пути из Рязани в Москву, рязанцы разбили московские войска, и угроза столице стала вполне реальной. В источниках в качестве воево-

ды рязанцев называется Истома Пашков. Прокопий Ляпунов в этом случае не упоминается, что представляется странным, поскольку именно Прокопий Ляпунов организовывал рязанские отряды, а Лжедмитрию он оказывал услуги и на пути самозванца в Москву, и после утверждения его в Москве.

Разногласия между Болотниковым и Пашковым практически исключали возможность их совместных действий. А многие рязанские и тульские дворяне стали сразу искать контакты с московскими воеводами (разумеется, втайне от Болотникова). В свою очередь, некоторые из москвичей, и не только посадские люди, искали контакты с Болотниковым. Они настаивали на том, чтобы Болотников показал им «Дмитрия», от имени которого он осаждал Москву. Болотников отвечал, что в его стане «Дмитрия» нет, что «царь Дмитрий» находится в Польше, а к Григорию Шаховскому направил гонца с письмом, дабы тот тоже бы отправил гонца с письмом в Польшу, чтобы «царь Дмитрий» приехал в стан Болотникова.

Напряженность в отношениях Болотникова и Истома Пашкова усиливалась и в связи со все более определявшейся *различной социальной ориентацией* двух воевод «царя Дмитрия». Пашков требовал лишь устранения самого Шуйского и его братьев, дабы освободить трон для «царя Дмитрия», Болотников же обращался к социальным низам, призывая их объединиться и выступить против знати вообще. В Калуге ему удалось победить брата Шуйского именно таким образом: посад восстал против приверженцев Шуйского, в результате чего И. И. Шуйский оставил Калугу, а посадские низы получили владения знати. Но в Москве посад не имел ни такой силы, ни такой самостоятельности. В результате Болотников не получил ожидаемой поддержки у низов московского населения, а Пашкова и Ляпунова он напугал своими контактами с московскими социальными низами. Ляпунов и прибывший отряд касимовских татар перешли на сторону Василия Шуйского еще в середине ноября, а Истома Пашков с несколькими сотнями своих воинов — в день решающей битвы 2 декабря 1606 г.

Шуйскому существенно помогли пришедшие на помощь смоленские и набранные в районе Можайска и Волоколамска воеводой Крюком-Колычевым полки, а также пришедшие с Двины стрельцы. Поддержал нового царя и патриарх Гермоген, причем главным аргументом Гермогена было обвинение восставших в «ереси». На самом деле «еретиков» в войске Болотникова не было, но повод к обвинениям в «ереси» давали связи Лжедмитрия, которому вроде бы служил Болотников с поляками-католиками.

27 ноября 1606 г., после трехнедельного затишья, войско Шуйского перешло в наступление и разбило отряды Болотникова, рас-

положенные *близ села Котлы*. Основные силы Болотникова отступили в укрепленный лагерь в селе Коломенском. Здесь произошло продолжавшееся несколько дней сражение, в котором Болотников потерпел поражение отчасти из-за измены Пашкова, хотя с ним ушла лишь относительно небольшая часть собственно дворянского войска. По сообщению К. Буссова, Шуйский сумел выставить против Болотникова войско в 100 тысяч человек. Согласно русским источникам, потери Болотникова составили от 500 до 1 тысячи убитыми и 21 тысячу пленными. Такое соотношение может объясняться только переходом в ходе боя части войска Болотникова на сторону Шуйского. Тем не менее основная часть войска восставших организованно отступила к Калуге и Туле.

Большая часть войска Болотникова укрепились в Калуге. По сообщению «Карамзинского хронографа», в Калуге было «всяких людей огненного бою болши десяти тысяч». В Туле также размещались «многие же люди с вогненным боем». В Москве, видимо, считали, что в принципе с Болотниковым было покончено, и надо было просто его догнать и добить. Вдогонку был направлен отряд во главе с братом царя Д.И. Шуйским, который был дважды разбит Болотниковым: под Калугой и под Серпуховым. Тогда Василий Шуйский направил под Калугу более значительные силы — три полка с артиллерией во главе с другим братом — Иваном Шуйским. Но И. Шуйский тоже не смог ничего добиться и отступил, сняв осаду.

В январе 1607 г. Василий Шуйский направляет под Калугу трех воевод: Ф.И. Мстиславского, Б.П. Татеева и быстро проявлявшего военное дарование молодого *М.В. Скопина-Шуйского*. Воеводы разработали более рациональный план взятия Калуги. В крепости не было каменного кремля: острог ее был деревянным. Предполагалось разрушить деревянное укрепление артиллерией и организацией поджога с помощью деревянного «подмета». В «Ином сказании» дается описание применения «подмета»: «Ведется подмет под градские стены, вал дровяной, сами идущие ко граду за туры, пред собою же ведоша множество дров, яко стену градную, на сожжение граду, создали убо емлющи дрова и наперед бросающе, и тако впредь ко граду идущие; самих же их со града за дровы ничем вредити не могут. И тако един конец дровяного валу уже и под стену придвигнуша, другаго же конца того дни не успеха придвигнути...; а того не повели ночи ради, отложиша до утра, придвигнути и зажетчи в утре дрова».

Операция московских воевод своей необычностью привлекла внимание и иноземных авторов. Исаак Масса писал о том, что крестьян окрестных селений заставляли рубить в лесах деревья,

раскалывать их на дрова и свозить дрова в лагерь на санях, которых было собрано под это дело несколько сот. Целые горы дров были сложены вокруг Калуги, и воеводы ожидали «попутного ветра», с тем чтобы подоженные дрова сразу перекинулись на деревянные укрепления и постройки города.

Замысел московских воевод достоин с военной точки зрения самой высокой оценки, тем более что подобных методов взятия крепостей до них как будто не применяли. Но и Болотников проявил себя выдающимся воеводой. Он понял, что хотят сделать московские воеводы и сумел точно рассчитать, когда может быть совершен поджог. На пути надвигавшегося «подмета» за пределами городских укреплений был вырыт ров, который наполнили порохом, и в последнюю ночь перед намеченным поджогом «подмета», ров взорвали. Как записано в «Ином сказании», «от лютои зелейные подняся земля и з дровы, и с людми, и с туры, и со щиты, и со всякими приступными хитростями. И бысть беда велика, и много войска погибоша, и смятятся все войско».

И замысел московских воевод, и блестяще осуществленные контрмеры Болотникова отражены в разных записках, посвященных Смуте, что свидетельствует о впечатлении, произведенном неординарным столкновением военных дарований. А Болотников, воспользовавшись естественным замешательством в стане противника, «вышел со всеми людми» из города и нанес значительный урон осаждавшим: «многих людей побиша и пораниша». По справедливому замечанию И.И. Смирнова, приход к Калуге лучших в это время московских воевод «ознаменовался одной из самых блестящих побед Болотникова над царскими войсками».

Три подряд внушительных поражения московских войск под Калугой отчасти объясняются некоторой эйфорией в окружении Шуйского после победы над Болотниковым под Коломенском. Но были и объективные причины: Москва не в состоянии была направить под Калугу, как в свое время под Коломенское, столько войско. В это время восстания охватывали уже почти всю страну. Правительству Шуйского не подчинялись все города южнее линии Рязань – Брянск, по-прежнему было беспокойно и на Северо-Западе России. К тому же возникли новые серьезные очаги выступлений в Среднем Поволжье, где восстание охватило «Арзамасские и Алатырские места», а восставшие подступали к Нижнему Новгороду. Правда, взять город им не удалось, и в январе 1607 г. большинство восставших районов «добили челом» Василию Шуйскому. Но обстановка здесь оставалась беспокойной, и в 1608 г. восстание будет развиваться под теми же лозунгами, что и на рубеже 1606 – 1607 гг.

Стремясь укрепить свои позиции и ослабить позиции Болотникова, Василий Шуйский в марте 1607 г. издает два очень разных установления. В указе от 7 марта о «добровольных холопах» отменялись статьи закона 1597 г., говорящие о том, что «добровольные холопы», прослужившие у хозяина более полугода, превращались в «кабальных холопов». Новый указ 7 марта лишал владельцев холопов такого права. Для ослабления позиций Болотникова холопам, явившимся с повинной, давались «отпускные», дворянам же разрешалось набирать холопов «на поруки» из тюрем. Еще одно установление – Уложение 9 марта 1607 г., которое устанавливало срок сыска беглых крестьян в 15 лет. Так, в течение двух-трех дней Шуйский попытался улажить и волков, и ягнят.

После поражения Болотникова под Москвой и перехода его в Калугу Григорий Шаховской именем «царя Дмитрия» вызвал с юга «царевича Петра» (самозванца Илейку Муромца), дабы тот с казаками оказал поддержку Болотникову. «Царевич Петр» уже ходил на помощь «царю Дмитрию» и в мае 1606 г. дошел с казаками Волгой до Свяжска, где и узнал о падении Лжедмитрия. После этого «царевич Петр» с казаками переправился на Дон, а затем на Донец. И теперь он охотно откликнулся на призыв Г. Шаховского – зимой 1607 г. «царевич Петр» прибыл в Путивль и возглавил ту часть казачества, которая готова была бороться против «лихих бояр», не допускающих до них царские пожалования. В начале 1607 г., по рекомендации Г. Шаховского, отряды Лжепетра идут на помощь Болотникову – частью в Калугу, частью, вместе с самим «царевичем», в Тулу.

По сообщению «Нового летописца», зимой 1607 г. Василием Шуйским были посланы воеводы с воинскими отрядами, помимо Калуги, также к Серпухову, Арзамасу, Михайлову, Веневу, Козельску. Подмосковные города являлись главными опорными базами Болотникова и против них были двинуты главные силы боярского правительства. Но, несмотря на наличие значительных сил, войскам Шуйского не удалось добиться перевеса, а некоторые частные успехи перекрывались активными действиями восставших. В значительной степени удача восставших являлась заслугой «царевича Петра». В начале февраля князь А.А. Телятевский, выступавший воеводой «царевича Петра», разбил царского воеводу князя А.В. Хилкова и заставил его войско отступить к Кашире. После этой победы войско «царевича» разделилось на две части: одна под началом А.А. Телятевского отправилась к Туле, другая под водительством князя Василия Масальского направилась на помощь Болотникову к Калуге. У речки Вырка произошло сражение с правительственными полками, которое продолжалось «день да

ночь». С обеих сторон выступали примерно равные силы, насчитывавшие более 20 тысяч каждая. Масальский был ранен и попал в плен, «достальные же воры, — по словам «Нового летописца», — многие на зеленых бочках сами седяху и под собой бочки с зельем зажгоша и злою смертию помроша».

Другое поражение восставшие понесли в Серебряных прудах. Сюда из Каширы были направлены потрепанные отряды князя А. В. Хилкова, но они не добились успеха. На помощь Хилкову пришли отряды, освободившиеся после «замиренья» Поволжья, во главе с воеводами Г. Пушкиным и С. Одогуровым. И хотя «ис Прудов воровские люди многих ратных людей переранили, а иных побили», осажденные, «видя свою погибель, что им не отсидетца», впустили войско Шуйского в острог и «крест целовали царю Василью». Пришедшая на другой день помощь «воровских людей с Украйны» опоздала, а воеводы их Иван Мосальский и Иван Сторовский с частью отряда попали в плен.

Инициатива перешла к московским воеводам, и Шуйский направляет под Тулу князя И. М. Воротынского. В Туле в это время уже обосновался «царевич Петр», и одной из главных задач Воротынского было пленение самозванного «царевича». Но Воротынский был разбит князем Телятевским и «едва ушел в Олексин». В то же время под Дедиловым было разгромлено войско, возглавляемое воеводами Хилковым, Пушкиным и Одогуровым.

Положение вновь менялось в пользу Болотникова. В мае 1607 г. боярское правительство попыталось переломить ситуацию и направило значительные силы под Калугу, куда на помощь Болотникову из Тулы шел отряд под командованием князя Телятевского. Сражение произошло «в селе на Пчельне», вблизи Калуги, и московские воеводы были наголову разбиты Телятевским, а в числе убитых были воеводы Татев и Черкасский. Остатки войска «с великим ужасом, — как писал Конрад Буссов, — прибежали в свой лагерь под Калугу». Определенную роль в этой победе сыграли «заборские казаки», которые в декабре 1606 г. попали в плен и были включены в войско Шуйского, а теперь вновь перешли на сторону восставших «за царя Дмитрия». Болотников быстро среагировал на ситуацию и вывел все свои войска на оставшуюся часть войска, бежавшего в лагерь под Калугой. Разгром был полный, и воеводы Шуйского, как сообщает «Иное сказание», «устрашишася и бегству вдашася, и все воинство такожде вослед их побегоша, кто елико можаше».

После этой победы и избавления Калуги от осады Болотников решил перейти в Тулу, где был каменный кремль. Здесь он впервые соединился с «царевичем Петром». Решение Болотни-

кова вызывало непонимание и у современников, и у историков. Исаак Масса заметил, что если бы восставшие сразу двинулись на Москву, «то овладели бы ею без сопротивления». Сам переход Болотникова в Тулу отдалял такую перспективу. И в Туле, хотя нет никаких сведений о разногласиях «воеводы царя Дмитрия» и «царевича», какая-то напряженность явно существовала. Г. Шаховской приглашал «царевича», чтобы помочь «воеводе Дмитрия», но формально «царевич» стоял выше Болотникова, поскольку Болотников хотя и «первый», но лишь воевода. Не исключены какие-то трения у Болотникова и со своим бывшим господином А.А. Телятевским, одержавшим за короткое время три важных победы. Такую ситуацию мог бы разрешить сам мнимый «Дмитрий», роль которого пока исполнял Михалко Молчанов. Но он не откликнулся на многочисленные призывы Болотникова раньше, и, видимо, решил уклониться от дальнейшего участия в авантюре. В результате же бездействия восставших правительство Шуйского сумело оправиться от поражений и укрепить свои позиции, в частности за счет некоторых уступок и подачек служилым людям — помещикам, которые не хотели Шуйского, но еще более опасались восставших холопов и сбежавших крепостных. *Недаром установления 7 и 9 марта 1607 г., почти противоположно направленные, решали одну и ту же проблему: мобилизации дворянства вокруг правительства Шуйского и ослабление лагеря восставших разного рода посулами как дворянам, так и холопам.*

21 мая 1607 г. начался тульский поход Василия Шуйского, причем в походе впервые принял участие и сам царь. В Серпухове формировалось войско, предназначенное для похода на Тулу. Одну группу полков возглавил М.В. Скопин-Шуйский, П. Урусов возглавил татарские формирования, а третья группа представляла «дворовые» полки, которые возглавили «дворовые» воеводы И.И. Шуйский и князь М.С. Туренин. Другим местом сосредоточения верных Василию Шуйскому войск была Кашира, где стоял полк князя А.В. Голицына и рязанские отряды во главе с Прокопием Ляпуновым, Г.Ф. Сумбуловым и Ф.И. Булгаковым. Шуйский, однако, медлил с выступлением к Туле, и Болотников (может быть, разрешив какие-то внутренние разногласия) вместе с Телятевским решили обойти войско Шуйского и устремиться прямо к Москве. Численность их войска источники определяли в 30 — 38 тысяч, отмечалось наличие у войска артиллерии и вооруженных «огненным боем» ратников. О местонахождении «царевича Петра» и его отношении к планам Болотникова и Телятевского в этой связи данных никаких нет, хотя и умолчание об этом может быть существенным фактом: он

оставался в Туле либо для охраны города, либо потому, что плана нового похода на Москву не принимал.

Начав движение в сторону Серпухова, Болотников затем резко повернул в сторону Каширы, где находилась более слабая группировка войска Шуйского. Но Шуйский успел вовремя направить подкрепление в Каширу. На подступах к Кашире «на речке Восме, что впала в Беспуту» 5 — 7 июня 1607 г. разразилась битва. Первоначально перевес был на стороне Болотникова. Но, по сообщению Конрада Буссова, войско Шуйского проиграло сражение, «если бы один из тульских воевод, по фамилии Телятин, не изменил со своим четырехтысячным отрядом и не выручил врага, ударив по своим братьям. Это привело в такой ужас тульское войско, что оно обратилось в бегство и вернулось в Тулу». Значительную роль в победе войска Шуйского сыграли также рязанские отряды, зашедшие в тыл войска Болотникова (возможно, и согласованно с тульскими изменниками). В свою очередь, казачий отряд в количестве 1700 человек, зашедший в тыл полкам Шуйского, оказался отрезанным в «буераке», где он двое суток отражал натиск многократно превосходящих сил: «Билися на смерть, стреляли из ружья до тех мест, что у них зелья не стала». Обезоруженных и плененных казаков на другой день всех казнили.

В битве на Восме Болотников потерял порядка 20 тысяч воинов. Тем не менее Василий Шуйский не решался двинуть все свое войско к Туле. Туда были отправлены Каширский и Рязанский полки и три полка, возглавляемые князем Скопиным-Шуйским. Перевес в силах у преследователей Болотникова и в таком составе был многократным. Тем не менее 12 июня Болотников решил дать сражение на речке Вороньей в семи верстах от Тулы. Речка воспринималась как стратегический рубеж и позволяла удерживать позиции в течение двух дней. На третий день московским полкам помог дождь: берег речки стал топким, и воины Болотникова «не возмогоша стати» на ранее выбранных ими местах. Пришлось отступать к Туле, и Тула попадала в осаду, продолжавшуюся почти четыре месяца. 30 июня к Туле подошел и сам Василий Шуйский со всем своим двором и войском. Осаждавшие расположились по обеим берегам реки Упы, и артиллерия обстреливала осажденный город также с двух сторон. По разным данным войско Шуйского насчитывало от ста до ста пятидесяти тысяч человек, тогда как Болотников имел, согласно оценкам современников, примерно 20 тысяч воинов.

На первых порах осажденные постоянно совершали вылазки. По сообщению «Карамзинского хронографа», «ис Тулы вылоски были на все стороны на всякой день по трижды и по четы-

режде, а все выходили пешие люди с вогненным боем и многих московских людей ранили и побивали». К началу осады Тулы многие прилегающие города находились в руках восставших, и одной из первоочередных задач Шуйского и его воевод было подавление этих очагов противостояния, дабы они не могли оказать помощь осажденным в Туле. Ряд близлежащих к Туле городов был взят воеводами Шуйского, но под Козельском они потерпели поражение, не был взят также Брянск.

В июле 1607 г. ситуация еще более обострилась – в Стародубе (а не в Путивле) объявился новый самозванец «Дмитрий», который вошел в историю под именем *Лжедмитрия II*. Осенью 1607 г. войска Лжедмитрия II захватили Дедилов, Крапивну и Епифань. Но к этому времени Тула уже не могла оказать существенную помощь новому самозванцу. В изолированной от Северских и Украинных городов Туле начался страшный голод. Ели, по словам голландского автора Геркмана, «вонючую падаль и лошадей, источенных червями». И совершенно невыносимыми стали условия в городе, когда осаждающие перекрыли плотиной реку Упу ниже города, и город оказался затопленным.

Собственно надеяться можно было только на внешнюю помощь. По сообщению К. Буссова, Болотников трижды послал гонцов к «царю Дмитрию», ожидая помощи. Но, как уже говорилось, установить связь с Михалко Молчановым ему, видимо, не удалось, потому что Молчанов отказался от роли «царя Дмитрия», а с новым Лжедмитрием ни у кого из тульских сидельцев связей не было. Неясно была ли такая связь с Лжедмитрием и у Григория Шаховского, к которому, по всей вероятности, Болотников направлял своих гонцов.

Голод, естественно, обострил внутренние противоречия в Туле. Опасаясь, что Лжедмитрий II все-таки направится к Туле, а также учитывая ослабление позиций Болотникова в самом осажденном городе, Шуйский предложил Болотникову переговоры об условиях капитуляции города. Основой переговоров являлось обещание Шуйского сохранить свободу руководителям и участникам восстания. Заключенное соглашение Шуйский скрепил торжественной клятвой, и *10 октября 1607 г.* Тула покорилась Василию Шуйскому.

Как и всегда в подобных случаях, сильнейшая сторона не собиралась выполнять условия соглашения. К тому же в Туле имелись предатели, которые доставили Шуйскому схваченных Болотникова и «царевича Петра». Опасаясь реакции на явное нарушение только что заключенного соглашения, Шуйский поспешил объявить войско распущенным, а по городам были разсланы грамоты, где

капитуляция Тулы представлялась лишь прощением «тульских сидельцев» и самого Болотникова с признанием ими своей вины. Болотников и «царевич Петр» были доставлены в Москву в око-вах, и сразу по возвращению Шуйского в Москву Лжепетр был повешен «под Даниловым монастырем, на Серпуховской дороге». С Болотниковым расправа была произведена через несколько месяцев в 1608 г. Его отправили в Каргополь, где сначала ослепили, а затем утопили. Князь Телятевский был отпущен на свободу, а оказавшийся в Туле Григорий Шаховской был отправлен в ссылку.

Восстание Болотникова обычно оценивается как *самая крупная крестьянская война в истории России*. Выше отмечалось, что оценивать ее как антифеодальную вряд ли возможно. Но она несомненно носила *антикрепостнический характер*, т. е. *восставшие подразумевали сохранение традиционных феодальных отношений, однако без крепостного права и холопства*. Определенная часть дворян и служилых людей, практически весь Юг России принимали такой вариант феодализма по своекорыстным соображениям: им совершенно не было резона возвращать в центр России беглых крестьян и холопов. И это была все-таки весьма неустойчивая часть союзников холопов и крестьян, что постоянно ослабляло движение Болотникова. Сама наивная вера в «добротого царя», как показал опыт Лжедмитрия I, была весьма ненадежной идеологией. Но иной у крестьян не будет вплоть до XX столетия.

Современник и участник событий, автор «Временника» *Иван Тимофеев* в своем анализе причин Смутного времени был глубоко прав, когда неурядицы Смуты объяснял противостественным творением Ивана Грозного — *опричниной*. *Опричнина неотвратимо вела к закрепощению, а закрепощение — к восстаниям крестьян и холопов*. В начале XVII в., по существу, все слои общества имели основания быть недовольными, хотя это недовольство чаще всего проявлялось стихийно, но, в свою очередь, активно использовалось разного рода авантюристами.

§3. ЛЖЕДМИТРИЙ II И ЕГО МЕСТО В ПРОДОЛЖАЮЩЕЙСЯ СМУТЕ

После захвата Тулы царь Василий Шуйский, опасаясь вооруженных «тульских сидельцев», «милостиво» отпустил их на все четыре стороны. Но казнь «царевича Петра» и Болотникова выявила обман со стороны Шуйского. Разошедшиеся по разным городам и весям воины Болотникова и «царевича Петра» вновь начали собираться в организованные отряды, примыкая главным

образом к новому царю «Дмитрию» — Лжедмитрию II. По какой причине сошел с арены Михалко Молчанов остается неясным, но ему довольно быстро нашли замену. *Новый самозванец был прямым ставленником польских авантюристов, которым важно было добиться дальнейшего ослабления России даже ценой подъема самосознания крестьян и холопов.* Опекал нового самозванца на первых порах пан Меховецкий.

В мае 1607 г. в Стародубе-Северском объявились три пришельца, главный из которых именовал себя Андреем Нагим, родственником московского государя «Дмитрия». Пришельцы объявили стародубцам, что они пришли от самого «Дмитрия», которого следует ожидать со дня на день. Слух дошел и до Болотникова, и он направил из Тулы в Стародуб Ивана Заруцкого, возможно, надеясь, что это тот самый «Дмитрий», с которым он встречался в Сандомире. Но «Дмитрий» не объявлялся, и стародубцы решили пыткой вырвать признание у одного из спутников «Нагого», московского подьячего. Тот «признался», что назвавшийся «Нагим» и есть настоящий «царь Дмитрий».

О происхождении Лжедмитрия II сведения довольно противоречивы: похоже современники об этом мало что знали. Н.М. Карамзин останавливается в основном на двух вариантах: это или бродяга с Украины — поповский сын *Матвей Веревкин*, как считали некоторые наши летописцы, или же *иудей*, как считали «в бумагах государственных» и в ряде иностранных источников. По оценке Карамзина, «сей самозванец и видом и свойствами отличался от Расстриги: был груб, свиреп, корыстолюбив до низости; только, подобно Отрепьеву, имел дерзость в сердце и некоторую хитрость в уме; владел искусно двумя языками, русским и польским; знал твердо Св. Писание и Круг церковный; разумел, если верить одному чужеземному историку (дается отсылка на Кoberжицкого. — А.К.), и язык еврейский, читал Талмуд, книги Раввинов, среди самых опасностей воинских; хвалился мудростию и предвидением будущего. Пан Меховецкий, друг первого обманщика, сделался руководителем и наставником второго; впечатлел ему в память все обстоятельства и случаи Лжедмитриевой истории». Карамзин же приводит слова царя Михаила Федоровича Романова из письма принцу Оранскому, опубликованного в 1630 г.: «Сигизмунд послал жида, который назвался Дмитрием царевичем». Таково было официальное мнение не только Шуйского и его бояр, но и Романовых. О том же говорили и иезуиты, находившиеся в Москве при Лжедмитрии I, что может указывать на Польско-Литовское государство как его родину, где иудейские общины обосновались с XIV в.

В источниках, однако, нет сведений о родословной Лжедмитрия II. Интерес к нему возник, когда он объявил себя «дважды спасшимся» «царевичем» и «царем». Но близко знавших его людей оказалось совсем немного, и они похоже тоже знали его не более пяти — десяти лет, когда он служил в разных ролях в основном у лиц духовного звания. След его просматривается и в Москве, и в Белоруссии, и на Украине, и в Польше. По некоторым сведениям он был в Москве у Лжедмитрия I и уехал из Москвы за пять дней до восстания 17 мая 1606 г., видимо, что-то зная о предстоящих событиях.

Судя по всему, в вопросах веры Лжедмитрий II был также беспринципен, как и во всем остальном. В зависимости оттого, что выгоднее, он мог быть и правоверным иудеем, читающим Талмуд на иврите, и католиком, и православным. Примерно такое же настроение царило и в Польше. «Не спрашивали, — пересказывает Карамзин польского историка Немцевича, — истинный ли Димитрий или обманщик зовет воителей? Довольно было того, что Шуйский сидел на престоле, обогренном кровию ляхов. Война Ливонская кончилась: юношество, скучая праздностию, кипело любовью к ратной деятельности; не ждало указа королевского и решения чинов государственных; хотело и могло действовать самовольно. Но конечно с тайного одобрения Сигизмунда и Панов Думных. Богатые давали деньги бедным на предприятие, коего целью было расхищение целой державы».

«Признавшись» в Стародубе, что под именем Андрея Нагого скрывался «истинный царь Дмитрий», самозванец с помощью польских советников начал формировать отряды для похода в сторону Москвы. «Горючего материала» на «украинах» России осталось много, и более года недовольные режимом Шуйского ждали «спасшегося» «царя Дмитрия», который почему-то задерживался в Польше. Как уже говорилось, первоначально роль «спасшегося» исполнял М. Молчанов, но он по неизвестным причинам (может быть, не договорившись с поляками) «сошел с дистанции», уступив место более беспринципному авантюристу, послушному своим польским покровителям.

Города Северной земли, ранее признававшие Лжедмитрия I, немедленно признали и «второго». Помимо Стародуба, где объявился «спасшийся Дмитрий», его признали Путивль, Чернигов, Новгород-Северский. Иван Заруцкий, ранее верно служивший Лжедмитрию I и направленный к новому самозванцу из Тулы Болотниковым, пал к ногам нового самозванца, уверяя, что будет служить ему, как и раньше, хотя, конечно, видел, что это совсем другой человек. Пан Лисовский быстро сумел собрать из разрозненных казачьих, крестьянских и холопских отрядов, а также

польских «добровольцев», войско в 30 тысяч человек, с которым уже в начале осени 1607 г. самозванец вышел к Брянску. Он откликнулся на призыв Заруцкого и шел выручать осажденную Тулу. Однако, узнав о падении Тулы, повернул назад, и ушел к Трубчевску, ожидая более солидной помощи из Польши. С этой помощью он в декабре снова овладел Брянском, а затем и Орлом, где остановился зимовать.

В.Н. Татишев, используя материалы К. Буссова в передаче Петра, сообщает о своеобразном продолжении политики, намеченной Лжедмитрием I весной 1606 г., новым самозванцем: «Он же, стоя в Орле, посылал от себя по всем городам грамоты с великими обещаниями милостей, между прочим всем крестьянам и холопом прежнюю вольность, которую у них царь Борис отнял, и тем, почитай, весь простой народ к себе привлек. И чрез то во всех городех паки казаков из холопей и крестьян намножилось, и в каждом городе поделали своих атаманов». Конрад Буссов, к которому восходит эта информация, добавляет (и уточняет, о чьих холопах идет речь): «Димитрий приказал объявить повсюду, где были владения князей и бояр, перешедших к Шуйскому, чтобы холопы пришли к нему, присягнули и получили от него поместья своих господ. А если там остались господские дочки, то пусть холопы возьмут их себе в жены и служат ему. Вот так-то многие нищие холопы стали дворянами, и к тому же богатыми и могущественными, тогда как их господам в Москве пришлось голодать».

Возможно, что Буссов несколько сгустил краски. Но суть обращения самозванца передал все-таки правильно: *холопов, как и самих самозванцев, прельщают возможностью стать господами*. В найденном М.Н. Тихомировым продолжении «Казанского сказания» приводятся данные, указывающие на прецедент, которому в данном случае следовал самозванец. На «украинах», в которых Лжедмитрий II набирал свои первые отряды, ширилось восстание крестьян, в ходе которого, по словам автора сказания (разумеется, враждебного крестьянам и холопам), «рабы же их (т. е. помещиков. — А.К.) служа им и озлонравившася зверообразием, насилующе, господей своих побиваша, и пояша в жены себе господей своих жены и тщери». То же мировоззрение отразилось и в эпизоде, относящемся ко времени после казни Лжепетра. Под Брянск к самозванцу пришел с трехтысячным отрядом некто, назвавшийся «царевичем» Федором Федоровичем, якобы сыном царя Федора Ивановича. Поначалу, обрадованный неожиданной помощью, Лжедмитрий II оказывал «царевичу» подобающие почести, но получив значительные подкрепления из Польши, казнил мнимого «племянника».

В Орле, где зимовал самозванец, собирались все новые и новые силы. В апреле 1608 г. прибыли сюда с несколькими тысячами всадников князь Ружинский и Адам Вишневецкий. За Ружинским тянулась дурная слава, и Лжедмитрий II не хотел принимать его на службу. Но Ружинский созвал войсковое собрание, которое сместило постоянного опекуна самозванца Меховецкого и выкрикнуло в качестве нового гетмана самого Ружинского. Лжедмитрия II взбунтовавшиеся наемники оскорбляли в лицо, требуя предания его смерти. Меховецкий был собственноручно убит Ружинским, самозванец же, окруженный взбунтовавшимися наемниками, пьянствовал всю ночь, пытаясь заглушить страх. Но и многим полякам было понятно, что без самозванца Москву им не взять. Адам Вишневецкий постарался примирить Лжедмитрия II с Ружинским, причем извинения надменному польскому авантюристу в окружении поляков приносил самозванец.

Своеобразный переворот в Орле существенно изменил *социальную ориентацию* самозванца. Он отдаляется от тех, кто в свое время поддерживал Болотникова, т. е., по существу, предает их. *Польские паны* со своими разбойными отрядами становятся *господами положения в лагере самозванца*, а бывшие сторонники Болотникова, в свою очередь, стремятся установить контакты с боярами и княжатами, недовольными Шуйским. Но Василий Шуйский не сумел воспользоваться серьезным кризисом в лагере самозванца. Н.М. Карамзин не без осуждения пишет о женитьбе Шуйского на склоне лет, и бездеятельность его объясняет этой женитьбой. Шуйский вновь назначает главным воеводой своего брата Дмитрия, который, по справедливому замечанию Карамзина, «отличался единственно величавостию и спесию; не был ни любим, ни уважаем войском; не имел ни духа ратного, ни прозорливости в советах и выборе людей; имел зависть к достоинствам блестящим и слабость к ласкателям коварным: для того, вероятно, не взял юного, счастливого витязя, Скопина-Шуйского, и для того взял князя Василия Голицына, знаменитого изменами».

Семидесятитысячное московское войско простояло всю зиму в бездействии, «а толпы Лжедмитриевы, — продолжает Карамзин, — не боясь ни морозов, ни снегов, везде рассыпались, брали города, жгли села и приближались к Москве. Начальники Рязани, князь Хованский и думный дворянин Ляпунов, хотели выгнать мятежников из Пронска, овладели его внешними укреплениями и вломились в город; но Ляпунова тяжело ранили: Хованский отступил — и через несколько дней, под стенами Зарайска, был наголову разбит паном Лисовским, который оставил там памятник своей

победы, видимый и донныне: высокий курган, насыпанный над могилою убитых в сем деле россиян».

Наконец, в апреле 1608 г. московское войско выступило из Болхова в поход против самозванца, а тот неожиданно для московских воевод оказался уже в десяти верстах от Болхова. 23 и 24 апреля произошло сражение. Первым принял бой князь Василий Голицын, «и первый бежал», язвительно заметил Карамзин. Дрогнули ряды и основного войска, но положение спас воевода Куракин, командовавший запасным отрядом и смело бросивший его против наступавших полков Лжедмитрия II и поляков. На следующий день также битва продолжалась с переменным успехом, но в конечном счете московское войско потерпело поражение. В.Н. Татищев, комментируя источник, основную причину видел в том, что «Шуйский шел неосторожно, оставя другие полки назади и по сторонам не блиско, не ведая, что перед ним делается, ...как слепой на неприятеля набрел».

Татищев винит Дмитрия Шуйского в гибели отряда немецких наемников. Но в отношении этих наемников Карамзин дает иную информацию. Глава их, Ламсдорф, «тайно обещал Лжедмитрию передаться к нему со всею дружиною, но пьяный забыл о сем уговоре, и не мешал ей отличиться мужеством в битве. В следующий день... Шуйский, излишне осторожный или робкий, велел преждевременно спастись тяжелые пушки и везти назад к Болхову... чем воспользовался Лжедмитрий, извещенный переметчиком... и сильным нападением смял ряды москвитян; все бежали... кроме немцев. Капитан Ламсдорф, уже непьяный, предложил им братски соединиться с ляхами; но многие, сказав: «наши жены и дети в Москве», ускакали вслед за россиянами. Осталось 200 человек... с Ламсдорфом, ждали чести от Лжедмитрия — и были изрублены козаками. Гетман Ружинский велел умертвить их как обманщиков, за кровь ляхов, убитых ими накануне. Сия измена немцев утаилась от Василия: он наградил их вдов и сирот, думая, что Ламсдорф с добрыми подвижниками лег за него в жаркой сече».

Московские воеводы и воины в большинстве бежали к Москве, часть разошлась по домам, 5 тысяч ратников во главе с князем Третьяком Сеитовым засели в Болхове, а затем присягнули Лжедмитрию II и выступили с ним к Калуге, хотя шли обособленно от остальных. Бежавшие с поля боя, оправдывая себя, сильно преувеличивали силы поляков и казаков, и в страхе даже находили, что самозванец — это то же лицо, что и Лжедмитрий I. Москва была в панике. «Чернь» уже готовилась выступить против бояр и выдать их как изменников самозванцу. Но в Москву стали стекаться и служилые люди, дворяне и дети боярские для защиты сто-

лицы государства и царя от поляков, казаков и той же «черни». Пришел в Москву и Третьяк Сеитов со своим отрядом, оправдываясь в измене и проклиная самозванца как подлого злодея.

Царь Василий Шуйский собрал новое войско, и на сей раз поставил во главе его Скопина-Шуйского и Ивана Романова. Войско выступило навстречу Лжедмитрию II и стало на берегах Незнани, между Москвой и Калугой. Но войско самозванца пошло к Москве другим путем, а московские воеводы князя Иван Катырев, Юрий Трубецкой и Иван Троекуров, посчитав, что гибель царя Шуйского неминуема, стали уговаривать дворян и детей боярский бить челом самозванцу. Шуйскому донесли о замысле трех воевод, он приказал схватить их и везти в Москву. Под пыткой виновные сознались и повинились. Шуйский не решился казнить князей, и их сослали: Катырева в Сибирь, Трубецкого в Тотьму, Троекурова в Нижний. Казнены же были двое, по выражению Карамзина, «менее знатных и менее виновных». Узнав, что самозванец приближается к Москве, а также беспокоясь о надежности наскоро набранной рати, Шуйский распорядился отозвать войско в Москву, чтобы организовать ее защиту. Лжедмитрий же с польскими и разнородными русскими отрядами остановился 1 июня в *Тушино*, которое в то время находилось в 12 верстах от Москвы.

Московское войско расположилось в основном напротив Тушино. Стычки авангардов обеих сторон были порой ожесточенными, но обе стороны оставались на своих позициях. Конрад Буссов писал о разногласиях, возникших в лагере самозванца между Ружинским и Лжедмитрием. Ружинский предлагал взять Москву немедленным приступом, что предполагало и активное применение артиллерии, и поджог деревянных укреплений и строений. Лжедмитрий возражал со своей стороны: «Если разорите мою столицу, то где же мне царствовать? Если сожжете мою казну, то чем же будет мне наградить вас?» По заключению Буссова: «Сия жалость к Москве погубила его».

Лжедмитрий II направлял жителям Москвы грамоты, надеясь, что москвичи поднимутся против Шуйского, как это многократно происходило в южных городах. Но Москва на эти послания не отвечала то ли потому, что они не попадали по адресу, то ли потому, что значительная польская составная войска самозванца напоминала о столкновениях с поляками в правление Лжедмитрия I, и в результате Лжедмитрий II ничего не выигрывал от уверения, что он и есть тот самый единственный «Дмитрий».

Став царем, Шуйский главной внешнеполитической задачей считал *заключение мира с Речью Посполитой*, дабы исключить участие крупных польских войсковых соединений во внутренних усо-

бцах в России. Уже в мае 1606 г. в Польшу было отправлено посольство для переговоров. Но Сигизмунд под тем или иным предлогом уклонялся от заключения мира, и, как отмечалось выше, покровительствовал шляхетской вольнице, грабившей Россию. О действительной политике Сигизмунда Шуйскому говорил и представитель Швеции в России Петрей, склоняя русского царя к заключению союза Швеции и России против Речи Посполитой. Но Шуйский отказался от такого союза, надеясь «на Бога». Переговоры с Польшей шли трудно, поскольку Сигизмунд постоянно готовился к войне с Россией, но не чувствовал себя готовым к ней, в частности из-за разногласий в правящем лагере, где опасались, что Шуйский может прозреть и заключить союз со Швецией.

Одним из проявлений сложившейся в Речи Посполитой полуанархической системы власти были постоянные «рокоши» — выступления той или иной группы власти против короля. Как раз во время фактически начавшейся польской интервенции в России в Польше вспыхнул «Рокош Зебжидовского». Под его влиянием в конце июля 1608 г. было заключено перемирие с Россией. Сигизмунд обязывался вывести из пределов России польские войска и не допускать их вмешательства в русские дела впоследствии. Русское правительство со своей стороны освобождало польских феодалов, задержанных в Москве еще в мае 1606 г. Особо выделялся вопрос о семействе Мнишек, сосланном в Ярославль, причем, очевидно, ни Москва, ни Краков не представляли, что может за этим последовать.

Сигизмунд III, конечно, не собирался выполнять соглашение, когда польские отряды вместе с Лжедмитрием II стояли под Москвой. К тому же в 1607 г. у Речи Посполитой был практически союзный договор с *Турцией* против России, чем направлялись постоянные вторжения крымских татар в южные пределы России. Поддерживал польскую интервенцию и *папа римский*, и соответственно весь католический мир. В тушинский лагерь Лжедмитрия II продолжали прибывать все новые отряды из Польши. Среди них были наиболее значительными и по количеству воинов, и по влиянию паны Зборовский и усвятский староста Ян-Петр Сапега, родственник литовского канцлера Льва Сапегы.

Лжедмитрий II был в переписке с *Юрием Мнишеком* еще с января 1608 г., и это неудивительно, если учесть, что его «подобрали» люди, близкие Мнишеку. В августе 1608 г. семейство Мнишека, вроде бы, согласно перемирию, направлявшееся в Польшу, было «перехвачено» и доставлено в *Тушинский лагерь*. По справедливому заключению Н.М. Карамзина, «Василий дал на себя оружие злодеям, дав свободу Марине».

Мнишек и Марина не колебались: они были подготовлены предшествующей перепиской с самозванцем. По замечанию Карамзина, «ни опасности, ни стыд не могли удержать их от нового, вероломного и еще гнуснейшего союза со злодейством». С приближением «законной жены» и «тестя» Лжедмитрий II распорядился палить из всех пушек. Но Марина остановилась в версте от Тушина, где и произошло ее первое свидание с самозванцем, отнюдь нерадостное. Марина знала, что едет совсем к другому «Дмитрию», но реальность оказалась хуже всяких ожиданий. Перед ней явился отвратительный и наружностью и душой человек, с которым ей предстояло разделить ложе. Марина колебалась, но, как заметил Карамзин, «Мнишек и честолюбие убедили Марину преодолеть слабость». По сообщению Конрада Буссова, стороны договорились на том, что иезуит, духовник Мнишек, тайно обвенчает «мужа и жену», затем Юрий Мнишек вернется в Польшу, а Марина будет жить с Лжедмитрием как сестра с братом в Тушинском лагере до взятия Москвы.

1 сентября 1608 г. Марина въехала в Тушинский лагерь и начала весьма успешно исполнять роль любящей жены, вернувшейся после вынужденной двухлетней разлуки к супругу. Как заметил Карамзин (пересказывая К. Буссова и Петрея), «радостные слезы, объятия, слова, внушенные, казалось, истинным чувством, — все было употреблено для обмана, и не бесполезно: многие верили ему, или по крайней мере говорили, что верят, и российские изменники писали к своим друзьям: «Дмитрий есть без сомнения истинный, когда Марина признала в нем мужа». В итоге Марина существенно усилила позиции самозванца. Из разных городов к нему ехали дворяне и представители высшего чиновничества. В их числе были стольники князя Дмитрий Трубецкой, Черкасский, Сицкий, Засекины, Бутурлин и др., некогда служившие Лжедмитрию I и теперь «узнавшие» его в новом самозванце. Из этой знати Лжедмитрий II сформировал «Боярскую думу» и в целом копировал структуру власти, характерную для Московского государства второй половины XVI — начала XVII в. Из Ростова к самозванцу прибыл митрополит Филарет, а вместе с ним и родственники Романовых. Филарет в Тушино был провозглашен патриархом, и Романовы не возражали против таких подачек самозванца, хотя, разумеется, знали, с кем имеют дело. Но титул «патриарха» не давал Филарету первенства в решении церковных дел. *Диктаторскими полномочиями обладали «децемвиры» — члены комиссии польской шляхты из десяти человек.* Естественно, что многие разочаровывались и отъезжали от самозванца к Шуйскому. Именно к этому времени относится крылатое определение «тушин-

ские перелеты», характеризующее поведение бояр, дворян, служилых людей, перебегавших из одного лагеря в другой. Но пока больше ехали к самозванцу, нежели от него.

Так или иначе именно с приходом Марины Лжедмитрий II приобрел наибольшую мощь и заметное преимущество по сравнению с Василием Шуйским. По сообщениям Буссова и Петрея, самозванец присвоил себе титул, какового не знал ни один правитель Европы: «Мы, Димитрий Иванович, Царь Московский, Самодержец всех княжеств русских, единый Богом данный и избранный, Богом хранимый, Богом помазанный и возвеличенный над прочими царями, подобный второму Израилю, ведомый силой Всевышнего, единый Царь Христианский от Востока до Запада, и многих государств повелитель».

Шуйский, напротив, испытывал крайнюю неуверенность. Он, еще недавно отказывавшийся от предложенного союза со Швецией против Польши, теперь направляет лучшего полководца из своего окружения М. В. Скопина-Шуйского в Швецию для заключения союза. Посольства были направлены и в другие страны. По свидетельству Авраамия Палицына, «Царь же Василий Иванович вскоре посла тогда к западным и полуношным странам: в Дацкую землю, и в Аглинскую, и в Свейскую, о обиде своей на польскаго краля и на своих изменников с ложным царем их, помощи прося». Но откликнулась только «Свейская земля», преследовавшая свой интерес и в отношении Польши, и в отношении России. Швеция соглашалась оказать помощь, но взамен потребовала уступку российских территорий.

В настроении, близком к отчаянию, Шуйский обратился к своим ратникам, которым не доверял после многократных «перелетов» в Тушино и отчасти из Тушина, что называется «распахнув рубаху». «Новый летописец» рассказывает об этом шаге отчаяния: «Царь же Василей, видя на себя гнев Божий и на все православное христианство, нача осаду крепити и говорити ратным людем: кто хочет сидеть в Московском государстве, и те целовали бы крест, и не похотят в осаде сидеть, ехали бы из Москвы не бегом. Все ж начаша крест целовати, хотяху вси помереть за Дом Пречистой Богородицы в Московском государстве, и поцеловали крест. На завтрее же и на третий день и в иные дни многие, не помня крестного целования и обещания своего к Богу, отъезжали к вору в Тушино: боярские дети, стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы, и дьяки и подьячие». Это обращение Шуйский сделал, находясь за пределами Москвы, в стане на Волоцкой дороге в конце ноября или начале декабря 1608 г. Получив же сведения о реальном поведении ратных людей, целовавших крест,

царь «выйде и сам в Москву со всею ратью». А с Николина дня (6 декабря по старому стилю) повелел всем полкам войти в город, опасаясь, что оставшаяся в городе рать может просто сдать Москву самозванцу.

Примерно так же, как «Новый летописец», оценивал ситуацию Авраамий Палицын. «На единой бо трапезе сядяше в пиршестве в царствующем граде, по веселии же убо ови в царския полаты, ови в Тушинския табары прескакаху. И разделишася надвое вси человецы, вси же мысляше лукавне о себе: аще убо взята будет Москва, то тамо отцы наши и братиа, и род, и друзи; тии нас соблюдут. Аще ли мы одолеем, то такожде им заступницы будем. Польские же и литовские люди, и воры, и казаки тем перелетом ни в чем не вероваху, — тако бо тех тогда нарицаху, — и яко волцы над псами играюще и инех искушающе, инеми же вместо щитов от меча и от всякого оружия и от смертного поядения защишахуся... Царем же играху, яко детищем, и всяк вышши меры своя жалованья хотяше. Мнози же, тайницы нарицаемии, целоваше крест Господень, но врагом прилагахуся; и в Тушине бывше и тамо же крест Господень целоваше и, жалование у врага Божия взявше, въспять в царствующий град возвращахуся, и паки у царя Василиа болши прежняго почесть, и имениа, и дары восприимаху и паки к вору отъезжаху. Мнози же тако мятуше всем Российским государством не дважды кто, но и пять крат и в десять в Тушино и к Москве переезжаху. Недостатки же в Тушине потреб телесных или пищь и одежды и оружий бранных, и лекарственных всяких зелий, и соль, та вся отай уклоняющесе кривопутством, изменницы от царствующего града Москвы наполняху изменичьи станица в Тушине. И радующесе окааннии восприятию прикуп многа сребра, конца же вещи не разсуждающе... Инии же дерзостию антихриста... сладкое горко наричуше, и горкое сладко, и свет — тму, а тму — свет».

Оценивая такое падение нравов, характерное не только для Смутного времени, Н.М. Карамзин указал на главную причину — *резкое падение авторитета власти и способности властителей управлять страной*: «Все ослабело: благоговение к сану царскому, уважение к Синклиту и духовенству. Блеск Василиевой великодушной твердости затмевался в глазах страждущей России его несчастьем, которое ставили ему в вину и в обман: ибо сей властолюбец, принимая скипетр, обещал благоденствие Государству. Видели ревностную мольбу Василиеву в храмах; но Бог не внимал ей — и царь злосчастный казался народу царем неблагословенным, отверженным. Духовенство славило высокую добродетель венценосца, и бояре еще изъясляли к нему усердие; но москвитяне помнили, что духовенство славило и

кляло Годунова, славилло и кляло Отрепьева; что бояре изьявляли усердие и к Разстриге накануне его убиения. В смятении мыслей и чувств, добрые скорбели, слабые недоумевали, злые действовали... и гнусные измены продолжались».

Тушинский лагерь тем временем все более становился местом сбора грабителей, к числу которых относилось большинство польских отрядов и разбойничья часть казачества. Грабительские цели обычно прикрывались военно-стратегическими. Так, Сапега и Лисовский **23 сентября 1608 г.** начали осаду Троице-Сергиевого монастыря. Монастырь, конечно, имел определенное стратегическое значение, прикрывая Москву с северо-запада. Он был обнесен мощными каменными стенами, в нем находился отряд московских ратников. Участвовали в обороне также сами монахи и определенная часть окрестного населения. Но польских воевод более всего привлекали богатства монастыря, и ради этих богатств они простояли под его стенами до **января 1610 г.**, правда, так ничего и не добившись.

Больше преуспели польские отряды, устремившиеся в районы севернее Москвы. Поляки также преследовали стратегическую цель – отрезать Москву от питающих ее областей. Но и здесь *главной* была опять-таки цель *разграбления городов*, с развитым посадом, ремеслом и торговлей. Поначалу города сдавались практически без боя: в них не было никаких гарнизонов, а население не было вооружено, да и вроде бы не нуждалось в этом. В октябре – ноябре 1608 г. Лжедмитрия II признали Переяславль-Залесский, Ростов, Ярославль. Польские отряды заняли Владимир, Суздаль, Шую, Гороховец, Муром, Арзамас. Продвинулись они также за Волгу в направлении к Устюгу и Вологде. Но некоторые города – Смоленск, Новгород, Великий Устюг, Рязань, Нижний Новгород, Казань, т. е. города, имевшие либо московские гарнизоны, либо боеспособное ополчение, отражали нападения поляков и иных тушинцев.

В захваченных поляками и тушинцами городах и уездах большинство новых воевод было из русских, но фактически же всем заправляли поляки. Население облагали непосильными податями или просто грабили. Отряды тушинцев расквартировывались там, где считали для себя более удобным и более доходным. И грабители хвастались перед своими соотечественниками: «Из этих волостей везли нам почти всего, чего только душа захочет, и было нам очень хорошо», – вспоминал участник разбойных походов Марховецкий. Дворянам и боярам, присягнувшим Лжедмитрию, а также польским «волонтерам» щедро раздавались земли.

Грабежи и насилия со стороны тушинцев непосредственно повлияли на то, что у населения городов и уездов Севера начинает пробуждаться *национальное самосознание*. В отличие от Москвы, морально разложенной, как верно заметил Карамзин, действиями и бытовым поведением последних трех царей (Годунова, Лжедмитрия I и Шуйского), северные города и уезды продолжали жить своими вековыми традициями, в рамках которых обычно присутствовало *земское самоуправление* — сельское и посадское, городское. Разбойный характер новой власти поднимал значение этих институтов, и **борьба изначально принимала характер национально-освободительной борьбы**. Именно отсюда идеи национального освобождения будут распространяться на юг и в конечном счете поднимут против интервентов и их приспешников всю Россию.

Уже в ноябре 1608 г. начались открытые выступления против поляков и тушинцев, и лозунги *национально-освободительной борьбы* становились все более популярными. В результате восстания посадских людей было устранено тушинское правление в Вологде, и власть перешла к посадским людям и земским целовальникам. Тогда же против польских грабителей выступил *Галич Мерьский*, бывший еще в первой половине XV в. центром антилитовских настроений и действий и, видимо, не утративший давних традиций. Здесь собралось значительное ополчение из двинских стрельцов и «даточных людей» (военнообязанные из числа тяглого сельского и посадского населения). В декабре 1608 г. галицкое ополчение освободило *Кострому*. Восстание распространилось практически на все *Поволжье*. И хотя было оно стихийным, именно в его рамках рождалась освободительная идеология, которая вооружит будущие освободительные земские ополчения.

Польские паны, обеспокоенные и напуганные быстро меняющейся обстановкой на Севере России, отправляют посланников с прошением о помощи к Сигизмунду III и папе римскому. В то же время распоряжением Сапеги на Волгу направляется большое соединение польских отрядов под командованием Лисовского. Ему удалось вновь захватить Кострому, Кинешму, расправиться с посадскими людьми сначала в главном центре польского господства — в Ярославле, а в январе 1609 г. был взят Галич. Но дальнейшее продвижение на север было остановлено *земскими ополчениями*. И пока Лисовский безуспешно осаждал Вологду, занятые им поволжские города снова перешли в руки земских ополчений. Лисовский отступил к Суздалю на соединение с войском Сапеги.

К середине февраля 1609 г. поляки и другие тушинцы были отброшены к центральным районам и заблокированы со стороны Севера и Северо-Запада. В ходе военных действий ополченцы на-

бирались опыта. Самой серьезной силой поляков была конница, и поначалу именно она решала схватки в пользу интервентов. Земские ополчения противопоставили польской коннице «*засеки*» и «*гуляй-города*» — подвижные укрепления, перекрывавшие перед наступающим противником улицы. Высокоразвитое ремесло в поволжских и северных городах позволило обеспечить земские ополчения артиллерией и ручным огнестрельным оружием. К тому же разрозненные земские ополчения стремились наладить контакты, и между городами устанавливаются постоянные связи.

В феврале 1609 г. наконец было достигнуто соглашение России со *Швецией*. За эту помощь Россия расплачивалась своими землями — Швеции передавалась Корела с округой. Во главе объединенного русско-шведского отряда должен был стать М. В. Скопин-Шуйский.

Путь на Москву во многом был расчищен народным движением северо-западных и северных районов страны. *Скопин-Шуйский устанавливает связи с земскими ополчениями северных городов и уездов и оказывает им военную помощь*. В Вологду из Новгорода был направлен отряд под командованием Вышеславцева, а в Галич — воевода Жеребцов. Поляки, пытавшиеся захватить Устюжну Железнопольскую, были отбиты соединенными силами земских ополчений и вспомогательных отрядов Скопина-Шуйского. К этому же времени земские ополчения вновь освободили от поляков Кострому и весь Галицкий уезд. В марте был освобожден город *Романов*, а в апреле — *Ярославль*. Поскольку Ярославль открывал путь и к Троице-Сергиевому монастырю, и к Тушину, здесь развернулись упорные бои, но все атаки Лисовского были отбиты ополчением, руководимым Вышеславцевым.

Основные силы Скопина-Шуйского выступили из Новгорода только в мае 1609 г., а первое соединение с ополчениями северных и поволжских городов произошло у Калязина, и лишь в июле войска Скопина-Шуйского подошли к Ярославлю. Такая медлительность объясняется тем, что его собственный отряд был малочисленным, а шведы во главе с Делагарди к Москве не торопились. Продвигаясь к Москве через охваченные восстаниями северные и поволжские области, Скопин-Шуйский рассчитывал увеличить численность своего отряда за счет земских ополчений. (Подобным образом и отряд Ф. И. Шереметева двигался по распоряжению Шуйского из Астрахани по Волге и прибыл в Нижний Новгород только весной 1609 г., когда угроза Нижнему миновала.)

Неудачи в Поволжье и у городов севернее Москвы кардинально изменили обстановку в Тушинском лагере. Если раньше «перелеты» летели из Москвы в Тушино, то теперь они торопятся вернуть-

ся обратно. Изгнание польских отрядов из городов Поволжья, где они были на «самообеспечении», создавало новые трудности для Лжедмитрия. Под Москвой было уже все разграблено, и польские наемники требуют теперь платы от самозванца, который и сам утратил былые источники финансирования. Надежда на помощь Сигизмунда III отпадала после заключения договора России со Швецией.

После неудачной попытки взять Троице-Сергиев монастырь в мае 1609 г. значительная часть польских войск ушла грабить Поволжье. Но потерпев ряд поражений от земских ополчений, рассеянные отряды, став под знамена Яна Сапеги и Лисовского, надеялись компенсировать потери взятием одной из русских святынь, и в сентябре 1609 г. значительные польские отряды вновь оказались под *Троице-Сергиевым монастырем*. Авраамий Палицын обстоятельно описывает многомесячную осаду монастыря, героическую оборону его и иноками, и ратниками, и крестьянами из монастырских окрестностей.

23 сентября Сапега, Лисовский, Константин Вишневецкий и многие другие «паны» во главе тридцатитысячного войска поляков, казаков и российских тушинцев появились перед монастырем. Воеводы Григорий Долгорукий и Алексей Голохвастов совершили что-то вроде «разведки боем», и с небольшими потерями вернулись за стены монастыря, заодно показав крестьянам монастырских слобод этой вылазкой, что надо сжигать свои дома и уходить в монастырь, что крестьяне и сделали. Поляки на другой день занимали высоты и пути, ведущие к монастырю, и укрепляли свой лагерь. А в самом монастыре, где собралось много народа и сказывались осенние неудобства, воеводы и все ратные люди над гробом Сергия Радонежского целовали крест, чтобы сидеть в осаде без измены. Им следовали иноки и монастырские слуги, провозглашая готовность испить чашу смертную за Отечество.

29 сентября Сапега и Лисовский обратились к воеводам обители с посланием, в котором призывали «покориться Дмитрию». Архимандрит и воеводы прочитали послания перед всем народом, но никто не согласился покориться. Монахи и воины в ответ возлагали надежду на Святую Троицу и святых Сергия и Никона Радонежских. Изменника сына боярского Безсона Руготина, привезшего грамоты Сапеги, отправили назад с бранной грамотой, не тронув, однако, посольного.

30 сентября поляки возводили туры на высотах, копали ров, насыпали вал, а с 3 октября в течение шести недель палили из шестидесяти трех пушек, стремясь разрушить каменную стену. Но обстрел оказался малоэффективным, и осажденные воспринимали это

как милость Божию. Иноки и ратники ежедневно обходили стены с иконами и церковным пением.

12 октября Сапега устроил для своего войска грандиозный пир в качестве подготовки к штурму. Целый день поляки и тушинцы пили, шумели, стреляли, скакали со знаменами на лошадях, а ночью с криками и музыкой двинулись к монастырю. Их встретили залпами из пушек и пищалей. Многие были убиты и ранены, остальные, не дойдя до стен монастыря, бежали. А на другое утро осажденные собрали трофеи и сожгли их, славя Бога за помощь. После этой неудачи поляки неоднократно подъезжали к стенам, уговаривая защитников сдаться и предлагая выгодные условия. Но посулы лишь укрепляли в осажденных веру в конечный успех.

19 октября стрельцы и казаки заметили поляков в монастырских огородах, и, не ставя в известность воевод, спустились на веревках по стенам и перерезали всех поляков. Воодушевленные таким нечаянным успехом, воеводы решили провести вылазку, в том числе конными дружинами, чтобы разрушить туры на Красной горе. Но вылазка не принесла успеха, и войско, понеся значительные потери, отступило за стены монастыря. 25 октября осаждавшие, обрадованные успешным отражением вылазки осажденных, темной ночью, под пушечную канонаду с криками устремились к монастырю и соломою с берестой зажгли острог. Но вспыхнувшее пламя оказалась не на пользу нападавшим: они стали мишенью для пушек и пищалей осажденных. Понеся большие потери, нападавшие скрылись в своем укрепленном стане.

После очередной неудачи Сапега и Лисовский решили подвести подкопы под стены. Осажденные воеводы поняли замысел поляков. Воеводы нашли монастырского слугу, искусного в горном деле, и велели ему делать в башнях «слухи» — ямы, через которые можно было услышать стуки и прочие шумы. Решили также углубить ров с северо-восточной стороны. Поляки заметили работающих и напали на них, но были отражены огнем монастырской артиллерии. Однако в другой схватке за рвом 1 ноября поляки одержали победу. Было убито 190 человек защитников и несколько человек попали в плен. Положение осажденных заметно ухудшилось, поскольку они лишились возможности черпать воду в прудах за пределами крепости. Урон на сей раз нанес и пушечный обстрел монастыря, причем более всего иноков напугало попадание пушечного ядра в иконы, перед которыми народ обычно молился. В довершение, один монастырский слуга перебежал к полякам. Опасались, что он может что-то выдать полякам и возможности наличия среди монастырских слуг его единомышленников.

Стычки продолжались. Осажденные прокопали под стеною проход ко рву и в темные ночи нападали на окопы противника, захватывали языков и, наконец, узнали о месте подкопа: он шел от мельницы к круглой угловой башне нижнего монастыря. Воеводы укрепили место, где совершался подкоп, турами и частоколом. Воодушевляли и частные успехи: троицкие пушкари сумели разбить самую мощную литовскую пушку, более всего наносившую урон монастырю. Другой успех непосредственно от осажденных не зависел. 500 донских казаков, конечно, православных, бежали от Сапеги — они устыдились того, что им пришлось разрушать одну из наиболее почитаемых православных святынь.

В ночь 9 ноября воеводы, взяв благословение архимандрита над гробом Сергия Радонежского, тихо вышли из монастыря с ратниками и монахами, и с рассветом с трех сторон устремились к мельнице. Поляки и казаки бежали из ближайших укреплений, и совершившие вылазку ратники овладели мельницей, нашли и взорвали подкоп. При этом двое ратников принесли себя в жертву, совершая поджог горючего материала. Завязалась битва с подоспевшими отрядами осаждавших. Троицкие воеводы, видимо, не предполагали сражения с основными силами. Но ратники и иноки рвались в бой и взяли Красную гору со всеми турами, 8 пушек, самопалы, копья, знамена, трубы и литавры, а также пленных. Что не могли унести — сожгли.

Монастырь встречал победителей колокольным звоном всех церквей. Победители несли в монастырь 174 тела своих убитых и 66 тяжело раненых. Поляки и тушинцы потеряли полторы тысячи человек. О победе была извещена Москва, но помощи оттуда не было. Тем не менее в начале зимы осажденные одержали еще одну победу. Сапега и Лисовский заманили осажденных слабым арьергардом, а затем, бросив основные силы, прижали вышедших из монастыря к его стенам. Но из монастыря бросились в битву все без остатка и благодаря энтузиазму одержали победу над превосходящими силами. При этом большой урон полякам и тушинцам наносила артиллерия. Сам же Лисовский был сбит с коня стрелой, угодившей ему в висок, был убит и знатный поляк князь Юрий Горский. Сапега вынужден был отступить.

Но зима оказалась тяжела для осажденных: не было дров — дровосеков подкарауливали, убивали и брали в плен поляки. Естественно, не стало «подножного корма», возникали проблемы с водой. Зимние трудности снижали стойкость и уверенность троицких ратников. Двое из числа детей боярских перебежали к полякам и дали совет Сапеге, как лишить осажденных воды. Вода поступала в монастырь из пруда по подземным трубам, и перебежчики из монас-

тыря советовали спустить этот пруд. Но перебежчики были и среди поляков, и осажденные, узнав об этом плане, в ночной вылазке перебили всех землекопов. Позаботились также сделать запас воды, отворив все трубы.

Н. М. Карамзин с восторгом рассказывает о подвигах иноков, и они заслуживают самой высокой похвалы: *иноки своим поведением воодушевляли воинов*. Карамзин пишет о цинге, захватившей сначала беднейших, а затем и богатых: умирали в день до 50 человек. Всего за зимние месяцы 1609 – 1610 гг. умерло около 3 тысяч защитников монастыря. Но попытка Сапеги в конце мая 1610 г. взять приступом обитель провалилась. На стенах монастыря рядом с оставшимися воинами и чернецами появились и женщины, вооруженные камнями, смолой, серой и огнем. Победа русских войск в Троице-Сергиевом монастыре оказала огромное идейное влияние, укрепив национальное самосознание – иноки и русские ратники отстаивали главную русскую святыню, каковой и почиталась Троице-Сергиева обитель.

И все же основные события решались в других местах. В конце сентября 1609 г. Сигизмунд III, в нарушение всех договоренностей с Шуйским, осадил *Смоленск*. Оборону города организовал смоленский воевода *М. Б. Шеин*. Формально Сигизмунд оправдывал нарушение «перемирия» заключением договора России со Швецией. Но более существенным мотивом непосредственного вмешательства в военные действия против России было разочарование в действиях Лжедмитрия II – к лету 1609 г. стало ясно, что «Тушинский вор» успеха не добьется. К тому же польского короля раздражали претензии Лжедмитрия II на имперский титул. Сигизмунд, сумевший собрать лишь немногим более 12 тысяч воинов, простоял под Смоленском до июня 1611 г. А во многих литературных памятниках Смутного времени оборона Смоленска была воспета как великий пример героизма русских людей.

Польские отряды в России неизбежно создавали впечатление разбойников и грабителей. Но вступление в войну официальной Польши ни в коей мере не поколебало этого впечатления. Скорее наоборот: теперь за разбой и насилия поляков реальную ответственность брал на себя сам король. В итоге непосредственная внешняя агрессия еще более ускорила рост национально-государственного самосознания. **Оборона Троице-Сергиева монастыря и затем Смоленска показывали и значительный моральный перевес обороняющейся стороны.**

В середине декабря 1609 г. направленные Сигизмундом в Тушино послы попытались уговорить поляков вернуться в королевское войско, а самозванца выдать польскому королю. Но этот

демарш еще более обострил положение в Тушино. Польская шляхта имела под Москвой большие доходы и не хотела их лишаться. Тем не менее положение Лжедмитрия II резко пошатнулось, и в конце декабря он бежал в Калугу. Оставшиеся под Москвой поляки стали искать компромиссный вариант, и в феврале 1610 г. тушинцы заключили договор о приглашении на московский стол сына Сигизмунда Владислава. Большинство поляков ушло под Смоленск, ушел из-под Троицкого монастыря и Сапега, напуганный приближением отряда М. Скопина-Шуйского и союзных ему шведов.

Положение, однако, оставалось сложным. В марте 1610 г. в Москву торжественно вступил Михаил Скопин-Шуйский, с которым Москва и Россия связывали много надежд. У ряда дворян во главе с Прокопием и Захарием Ляпуновыми появилась идея заменить непопулярного Василия Шуйского его молодым и подававшим большие надежды племянником. Но в конце апреля предполагаемый претендент на царский трон неожиданно скончался. Утверждали, что М.В. Скопина-Шуйского отравили, причем молва приписывала смерть полководца либо крайне неудачливому и трусливому брату царя Дмитрию Шуйскому, либо его супруге.

В мае – июне 1610 г. московские воеводы предприняли активные действия против польских войск в западных районах Подмосковья. Но 24 июня Дмитрий Шуйский потерпел сокрушительное поражение от Жолкевского и, как всегда, с небольшими остатками войска бежал в Москву. Одной из причин разгрома явилось предательство шведов во главе с Деллагарди, которые помогли полякам. Но и этот факт не оправдывает Дмитрия Шуйского: Деллагарди вполне уживался со Скопиным-Шуйским, но явно неприязненно относился к его предполагаемому убийце. Так или иначе измена шведов лишь усугубляла положение Василия Шуйского. Даже «Тушинский вор» из Калуги перебрался в Коломенское, рассчитывая найти в Москве сторонников. **17 июля 1610 г.** восставшие во главе с Захарием Ляпуновым ворвались в царский дворец и заставили Василия Шуйского отречься от престола. Затем он был насильно пострижен в монахи, чем ему окончательно закрывался путь к трону.

Ляпунову не удалось возвести на трон своего кандидата – В.В. Голицына. Поскольку же пока не нашли достойного преемника, решили передать власть Боярской думе, фактическое управление сосредоточилось в руках семи бояр. Это были князья *Ф.И. Мстиславский, И.М. Воротынский, А.В. Трубецкой, А.В. Голицын, Б.М. Лыков*, а также родовитые бояре – брат патриарха Филарета *И.Н. Романов* и *Ф.И. Шереметев*. В пересудах скептиков этот

период боярского правления получил название «*Семибоярщины*». Большинство бояр были в думе и при Василии Шуйском, а потому авторитетом «Семибоярщина» не пользовалась. Уже через неделю после переворота под Москвой оказались отряды Жолкевского, требовавшего признания царем польского королевича Владислава, вновь заявил о себе и Лжедмитрий II.

С Владиславом первый договор заключили еще тушинцы в феврале 1610 г., а в июне 1610 г. с поляками подписали договор московские бояре. В первом договоре были статьи, как бы выражающие стремление сохранить русские национальные традиции и обычаи: король должен был венчаться православным патриархом, полякам в Москве оставляли единственный костел, вносился принцип выслуги для хундордных, существенно ограничивалась возможность занятия высоких должностей иностранцами. Второй договор был чисто боярским: вводился пункт о сохранении «отечества и чести» княжеских и боярских родов.

Для укрепления своей власти в России и в Москве Сигизмунд посоветовал Жолкевскому по-своему «очистить» Москву от «ненадежных элементов». Сделано это было довольно оригинально: к польскому королю под Смоленск из Москвы собрали посольство в составе 1246 человек, в котором были и дворяне, и посадские люди (включили в состав «посольства» и свергнутого царя). После этой операции легче было провести и вторую: в ночь с 20 на 21 сентября войска Жолкевского вошли в Москву. *Бояре боялись и москвичей, и России, над которой они все более утрачивали власть, и передали власть полякам в надежде, что поляки защитят их от собственного народа.* После отъезда Жолкевского в октябре 1610 г. власть в Москве перешла к *Александру Гонсевскому*. В окружении Сигизмунда Гонсевский отличался особой ненавистью к Москве и России. С его приходом в Москву стали полностью распоряжаться поляки и русские изменники.

Осенью 1610 г. одной из проблем для польских интервентов была борьба с остатками казачьих и частью польских же отрядов самозванца. Лжедмитрий II тоже не скупился на резкие фразы в адрес поляков. Но правы те авторы, которые считают, что самозванец был выгоден полякам, поскольку под предлогом борьбы с ним можно было легко грабить страну. К тому же в это время основной опорой самозванца были те самые социальные слои, которые пугали боярство больше поляков. 10 декабря 1610 г. Лжедмитрий II был убит по личным мотивам касимовским царевичем. Лагерь его распался, но задействованные в нем силы уже не знали другого образа жизни. И показательно, что после гибели самозванца Марина Мнишек «устроилась» при Иване Заруцком, а Заруцкий потом

окажется в числе организаторов Первого земского ополчения и будет предлагать в качестве претендента на царский трон годовалого сына Марины от Лжедмитрия II.

Сигизмунд III и сам стремился стать русским царем, но не успел осуществить свой замысел: буквально за два дня до того, когда он собирался объявить об этом своем желании, Боярская дума объявила царем *Владислава*. Но Сигизмунд не отпускал сына в Москву. Переговоры короля с «Великим московским посольством» продолжались с 10 октября 1610 до 12 апреля 1611 г. «Послы» настаивали на переходе Владислава в православную веру, отступлении короля от Смоленска, но главное – на прибытии в Москву Владислава. Сигизмунд тянул время и не соглашался с настояниями русских «послов», требовал, чтобы царем признали его самого. Жесткую позицию в этом случае занял патриарх Гермоген. Московские бояре и поляки требовали от него согласия на признание царем Сигизмунда без всяких условий. Но патриарх отказался поставить свою подпись под таким соглашением. Все же из Москвы к послам в Смоленск направили текст соглашения. Однако послы, ссылаясь на отсутствие подписи Гермогена, не стали подписывать этот документ. И в конце концов непокорные послы были в апреле 1611 г. под конвоем отправлены в Польшу.

Оборона Смоленска, как и защита Троицкого монастыря, имела большое психологическое значение: именно такие акты самопожертвования пробуждают национальный дух и человеческое достоинство. Смоленск пал 3 (13) июня 1611 г. Никто из защитников не пожелал сдаться в плен или перейти на службу к Сигизмунду. Последние защитники закрылись в соборе, подожгли в подвале порох и погибли под его руинами. Воевода Шеин был ранен и потому попал в плен.

Был еще один город, который являлся укором власти, торгующей своими землями и своим народом. Соглашение со Швецией, которое практически ничего не дало (шведы постарались расположиться вблизи от морских побережий), оплачивалось, как было сказано, городом Корелой и его округой. Но и русские, и карелы, проживавшие в городе и окрестностях, отказались принять шведскую администрацию – и *оборона Корелы* продолжалась с лета 1610 г. по март 1611 г. Остатки же защитников: и русские, и карелы ушли в Россию. Хотя московское боярство, по существу, отдавало Россию иностранным интервентам, в самых разных слоях населения нарастало стремление к объединению во имя сохранения ее самостоятельности, и «Земля» все жестче заявляла о несогласии с такой «Властью».

Литература

- Зимин А.А.* Вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII в. // Вопросы истории. 1958. №3.
- Кушева Е.Н.* К истории холопства в конце XVI – начале XVII в. // Исторические записки. Т.15. 1945.
- Маковский Д.П.* Первая крестьянская война в России. Смоленск, 1967. О крестьянской войне в Русском государстве в начале XVII в. Обзор дискуссии // Вопросы истории. 1961. №5.
- Смирнов И.И.* Восстание Болотникова. 1606 – 1607. Л., 1951.
- Смирнов И.И.* Краткий очерк истории восстания Болотникова. М., 1953.
- Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П. Мавродин В.В.* Крестьянские войны в России XVII – XVIII вв. М.; Л., 1966.
- Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в. М., 1990.
- Тихомиров М.Н.* Новый источник по истории восстания Болотникова // Исторический архив. Т. VI. М.; Л., 1951.
- Шепелев И.С.* Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608 – 1610 гг. Пятигорск, 1957.

ГЛАВА XXI

*Национально-освободительная борьба русского народа и подъем земских учреждений в годы Смутного времени**

§ 1. ЗЕМСКОЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Московское боярское правительство предало собственную страну, пригласив на трон польского королевича и впустив в столицу государства польские войска.

В этих условиях важную роль в спасении государства сыграла Русская Православная Церковь и патриарх Гермоген. Гермоген не только отказался сотрудничать с интервентами, но и всячески побуждал русский народ к организации сопротивления. С декабря 1610 г. он стал рассылать грамоты по городам с призывом подняться против «литовских людей», а также «разрешил» (т.е. освободил) русских людей от присяги королевичу Владиславу. Таким образом, всенародная война против польских интервентов в глазах народа приобрела легитимный, законный характер. И не случайно, что поляки были уверены: восстание — дело рук патриарха. Об этом сообщали Маскевич, гетман Жолкевский, а также ряд русских источников. И в дальнейшем народное движение по созданию ополчений совершалось «по благословию» патриарха Гермогена. Так, грамота Прокопия Ляпунова в Нижний Новгород от 31 января 1611 г. прямо призывает идти к Москве «по благословию» патриарха Гермогена и Совету всей земли. Именно эта формулировка — «по благословию патриарха» — и прижилась в посланиях времени Первого ополчения — грамотах городов. А в некоторых случаях патриар-

* Глава написана В.А. Волковым.

шее «благословение» заменило «государев царев и великого князя указ» (в частности, по «благословению» патриарха стали выдаваться казенные подорожные). Глава церкви служил примером в стоянии за православную веру, которому должны были последовать все православные христиане. А сам Гермоген стал знаменем восстания и духовным лидером ополчения.

Поляки жестко отреагировали на стойкость патриарха. С начала 1611 г. он уже находился под домашним арестом на патриаршем подворье, в марте его заточили под стражу на Кирилловом подворье в Московском Кремле. Осенью 1611 г. Гермогена заточили в подземную тюрьму Чудова монастыря, где его стали «морить голодом и умориша его голодною смертию». Патриарх Гермоген преставился 17 февраля 1612 г. и был погребен в Чудовом монастыре в Москве.

После смерти Гермогена местоблюстителем патриаршего престола отложившиеся от поляков города считали митрополита Казанского Ефрема, который стал одним из организаторов поддержки Второго ополчения. Ефрем использовал ресурсы подвластной ему Казанской епархии, в которой он оставался «почти единственным авторитетным лицом и в церковной и в гражданской области», и призывал к этому остальных иерархов церкви и все города.

В целом во время Первого и Второго ополчений центральной властью на местах считались церковные иерархи с Освященными соборами: они выполняли функции глав местных правительств. Именно им в первую очередь адресовались грамоты, содержащие отчеты о действиях Первого и Второго ополчений и положения в стране, просьбы о присылке денег для жалованья и сбора ратных людей. Большое влияние на организацию и действия ополчений сыграли воззвания братии Троицкого монастыря во главе с архимандритом Дионисием и келарем Авраамием Палицыным. Грамоты также призывали присылать ратных людей и денежную казну на помощь воеводам, соединившимся для освобождения Москвы от поляков.

И в этих условиях на спасение родной земли от иноземного завоевания поднялась сама «Земля» — по всей России стало складываться земское освободительное движение.

В специфических условиях Смутного времени земское освободительное движение приобретало различные организационные формы на землях, занятых крупными соединениями польско-литовских войск и в тех городах и уездах, которые выступили против пропольской политики московского правительства. Безусловно, фактор присутствия на значительной части русской территории отрядов иноземцев оказывал определяющее значение на характер и масштабы борьбы в этих местах с интервенцией и

интервентами. Населяющие их русские люди шире использовали методы *партизанской войны* (тактику засад и налетов), сплачивались в отряды так называемых «*шишей*», военная организация которых напоминала казацкую. О действиях «*шишей*» против поляков сохранились любопытные сообщения в дневнике Самуила Маскевича, служившего в гарнизоне Кремля и принимавшего участие в походах интервентов за провиантом в Рогачево и на Волгу. «Москвитяне («*шиши*». — *В.В.*) нас стерегли, — писал Маскевич, — узнав через лазутчиков, что товарищи разъехались в коло, и что мы стоим без стражи, они нагрянули на нас среди белого дня, частью на конях, частью на лыжах...» Ниже он добавляет: «Едва отошли мы на милю или на две от гетманского лагеря, напали на нас шиши и без труда одержали победу: ибо находившиеся при возах наших москвитяне тотчас передались к своим; а другие загородили путь повозками...» В примечаниях Н.Г. Устрялова к этому изданию «Дневника» Самуила Маскевича о «*шишах*» сказано, что это — «вольница, не признающая ничьего начальства, кроме своих атаманов». Мнение это представляется ошибочным. «*Шишами*» становились в основном крестьяне разоренных поляками русских сел и деревень, испытывающие вполне понятную ненависть ко всякому иноземцу. *Организация же повстанческих сил, подобная казачьей, была отличительной особенностью всех народных движений XVII в.*

Иначе складывалась обстановка в той части страны, где с самого начала власть правительства королевича Владислава носила чисто номинальный характер. Здесь началось формирование местных ратных сил, призванных освободить от поляков столицу Русского государства — Москву. **Высшая форма проявления освободительного народного движения в Смутное время — земское ополчение.** Осознание значительной частью населения страны необходимости ведения жестокой, бескомпромиссной борьбы с польской угрозой вылилось в мобилизацию всех имеющихся наличных средств и сил для отпора агрессии. Вместе с тем отсутствие единого политического (правительственного) центра осложняло эту задачу. Обстановка требовала скорейшего объединения разрозненных очагов сопротивления натиску внешнего врага. К 1611 г. центр освободительной борьбы перемещается с Севера страны в *Рязанские земли*. Значительное распространение получает практика прямых сношений между городами, не признавшими правительства польского королевича Владислава. Выражением ее стала посылка и пересылка «прочетных» грамот, авторы которых, изображая бедственное состояние Московского государства, призывали, восставшие на поляков города, составить земс-

кое ополчение для скорейшего «очищения» от врага и Москвы, и всей Русской земли. *На основе взаимных договоренностей в этих городах и начали формироваться земские рати.*

В феврале 1611 г. земские рати двинулись к Москве. Об организации власти в них, из-за крайней скудости дошедших до нас сведений, можно судить лишь с известной долей предположения. Во главе сформированных в различных городах и уездах Московского государства местных ополчений стояли *земские воеводы*, при которых, видимо, существовали своего рода *полковые канцелярии*, ведавшие сбором денег и различных припасов для обеспечения ратных людей. Так, известно, что 29 февраля 1611 г. войсковой подьячий одного из местных ополчений Василий Луговинин получил в «земскую казну» деньги с кабацкого целовальника из г. Шуи. В то же время вполне вероятным представляется наличие во многих, если не во всех земских ратях органов, аналогичных «*Совету всей земли*», существовавшему в Рязанском ополчении задолго до его прихода к Москве (по крайней мере, с 4 марта 1611 г.).

В начале марта 1611 г. основные силы земских ополчений собрались в трех сборных пунктах — *Рязани, Серпухове и Коломне*. Наиболее организованным было *Рязанское ополчение*, — настоящее войско, с многочисленной артиллерией («нарядом») и «гуляй-городом». Возглавлял его признанный вождь и воевода думный дворянин *Прокопий Петрович Ляпунов* (ум. 1611 г.). Он заключил союз с «боярами» из распавшегося лагеря Лжедмитрия II — Д.Т. Трубецким и И.М. Заруцким, послал посольство стряпчего И.И. Биркина в Нижний Новгород поднимать жителей Среднего Поволжья на борьбу с поляками, пытался нейтрализовать или привлечь на свою сторону еще одного видного «тушинца» — гетмана Я. Сапегу, предводителя польских наемников в войске Лжедмитрия II. Кроме Рязанского ополчения (в которое влились и отряды с Северной Украины), под Москву шли отряды из *Владимира, Нижнего Новгорода, Муромы, Ярославля, Переяславля-Залесского, Углича, Суздаля, Вологды, Галича, Костромы и Романова (Романова-Борисоглебска)*. К *Владимирскому* и *Суздальскому* ополчению присоединились отряды волжских казаков и черкасов (днепровских казаков), возвращавшихся из-под Пскова. Союзник П.П. Ляпунова, князь *Д.Т. Трубецкой*, привел к столице остатки «тушинского» войска из Калуги, атаман *И.М. Заруцкий*, пожалованный Лжедмитрием II боярским чином, — из Тулы.

К Москве ополчения пришли в конце марта — начале апреля 1611 г. Первые отряды прибыли в столицу 19 марта, приняв активное участие в начавшемся в городе восстании против интервентов, подавленном ими с невероятной жестокостью. 24 — 25 марта к

Симонову монастырю с казаками и Суздальским ополчением подошел атаман, бывший «тушинский стольник» А.З. Просовецкий. Сюда же, вслед за суздальцами, прибыли отряды И. Еропкина и серпуховского воеводы Ф.К. Плещеева, а вслед за ними 27 марта 1611 г. из Рязани «с большим и многочисленным войском» пришел сам Прокопий Ляпунов. Один за другим подходили к сожженной поляками русской столице отряды из замосковских верхневолжских городов. Сбор ратных сил под Москвой закончился 1 апреля 1611 г. Началась длительная и трудная осада.

§2. ПЕРВОЕ ЗЕМСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ

Земские рати, собравшиеся под Москвой весной 1611 г. и объединившиеся в новое военно-политическое образование, получили в историографии именование *«Первое ополчение»*. В Первом ополчении прочное единство, необходимое для успешного ведения освободительной войны с поляками, поначалу отсутствовало. Разногласия в среде ополченцев были порождены *социальной разнородностью* самого освободительного движения. И недаром у стен сожженной врагом столицы ополчения расположились в нескольких, враждебно настроенных по отношению друг к другу лагерях — *«таборах»* (у Яузских, Покровских, Сретенских, Тверских ворот Белого города и против Воронцовского поля). Но мощным объединительным стимулом было общее стремление различных политических и социальных группировок земского освободительного движения к скорейшему освобождению «царственного града» Москвы от засевших в ней поляков и «русских воров-изменников».

Важнейшим условием успешной борьбы с интервенцией было объединение земских сил, координация действий местных ополчений и отрядов, централизованное снабжение их необходимым довольствием и припасами. Уже тогда многие воеводы и атаманы, служилые люди и казаки сознавали, что для исполнения этих целей, для политического и хозяйственного управления страной, нужно создать государственный аппарат, который был бы способен взять на себя функции центрального правительства. Такой орган возник в Первом ополчении после занятия 7 апреля 1611 г. Белого города и получил именование *«Совет всей земли»* — *высший орган власти на всей освобожденной от интервентов территории, единый руководящий центр освободительного движения в стране*. Были избраны и «начальники» земской рати — П.П. Ляпунов, князь Д.Т. Трубецкой и И.М. Заруцкий. Инициатива создания «Совета»,

видимо, принадлежала П.П. Ляпунову. Пробраз «Совета», по некоторым сведениям, существовал в Рязанском ополчении еще до прихода его к Москве в начале марта 1611 г. (первое дошедшее до нас упоминание о «Совете всей земли» Рязанского ополчения, содержится во ввозной грамоте П.П. Ляпунова от 4 марта 1611 г., давшего «по совету всей земли» венежское поместье А. и С. Крюковым и С. Зыбину).

Спустя три месяца, в конце июня 1611 г. произошла коренная реорганизация сложившейся в «таборах» политической власти. Выступившие против участвовавших случаев произвола ополченских властей ратные люди и казаки подали Ляпунову, Заруцкому и Трубецкому челобитную, потребовав от своих «начальников» детальной регламентации и упорядочения деятельности земского правительства, ополченского «Совета всей земли» и сложившейся в «таборах» приказной администрации. Выработанный на основе этих требований и одобренный всем ополчением 30 июня 1611 г. «Приговор» подтвердил и оформил сословно-представительную организацию власти и порядок управления страной.

В «Приговоре» 30 июня 1611 г. косвенно перечисляется состав общеземского принявшего его представительного органа, т.е. круг лиц, принявших участие в разработке этого документа. В нем упоминаются: царевичи (татарские. — В.В.) и бояре, окольные и чашники, стольники и дворяне, стряпчие и жильцы, приказные люди и дети боярские, князья и мурзы, атаманы и казаки, а также служилые и дворовые люди. Особо стоят подписи представителей 25 городов, участвовавших в деятельности подмосковного «Совета всей земли», в том числе таких важнейших, как Ярославль, Смоленск, Нижний Новгород, Ростов, Архангельск, Вологда и др. Отметив этот факт, Л.В. Черепнин высказал предположение, что данное представительство было выделено из состава участников Первого ополчения. Подобное объяснение представляется ошибочным: в число упоминаемых 25 городов, чьи выборные участвовали в деятельности подмосковного «Совета всей земли», не вошли представители Рязани, Углича и Суздаля — городов, пославших свои ополчения еще в марте — апреле 1611 г. И если в отношении Суздальской рати еще возможны какие-либо сомнения — посланное из этого города ополчение состояло, видимо, в большинстве своем из казачьего отряда братьев Просовецких, то в отношении Рязани, высланной к Москве большое земское войско, во главе с одним из главных ополченских воевод — П.П. Ляпуновым, сомневаться не приходится — в случае формирования общеземского представительного органа по принципу, предположенному Л.В. Черепниным, представители Рязани не могли не войти в его состав.

Это объяснение, на наш взгляд, указывает на действительное наличие в «Совете всей земли» Первого ополчения «делегатов», *всех* упоминаемых в земском «Приговоре» городов.

Текст «Приговора» 30 июня 1611 г. состоит из преамбулы и 24 статей, важнейшими из которых можно считать статьи, определяющие государственное устройство России, а также статьи, регулировавшие поземельные отношения, определявшие правовой статус служилых людей, владевших вотчинами и поместьями. Исследователи, изучавшие текст «Приговора», отмечают, что этот документ был выработан прежде всего в *интересах провинциально-городового дворянства*, чьи представители оказались в большинстве на соборных заседаниях, происходивших в подмосковном лагере ополчения в июне 1611 г.

Во главе ополчения с 30 июня 1611 г. встало реорганизованное на основе «Приговора» *временное земское правительство* – своеобразный триумvirат П.П. Ляпунова, И.М. Заруцкого и Д.Т. Трубецкого, избранных «начальниками» еще в апреле 1611 г. Однако статьями «Приговора» права и привилегии триумvirов были существенно *ограничены*. «Бояре и воеводы», обязанные «будучи в правительстве, земскими и всякими ратными делами промышляти», в своих действиях контролировались избравшим их «Советом всей земли». При общем стремлении ратников Первого ополчения восстановить разрушенную русскую государственность именно в таком виде, «как было при прежних российских прирожденных государех», условия и обстоятельства Смутного времени вынуждали составителей «Приговора» в ряде случаев *существенно изменять сложившиеся в Московском государстве традиции взаимоотношения власти и соборного большинства*. Так, «избранных всею землею для всяких земских и ратных дел в правительство» вождей ополчения, в случае обнаружения их несоответствия своему высокому положению «Совету всей земли», было «вольно... переменить и в то место обрати иных... кто будет болюю к земскому делу пригодится».

Детально оговаривалось в «Приговоре» устройство *центрального административного аппарата*. В ополчении были организованы *Разрядный, Поместный, Земский* и ряд других приказов (*Большой Приход, Дворец, четверти, Разбойный приказ*), деятельность которых также контролировалась «Советом всей земли». «Приговором» предусматривались определенные изменения и в сложившемся к этому времени *местном управлении*. С «приставства» из городов, дворовых сел и черных волостей снимались бывшие там атаманы и казаки, вместо которых назначались «*дворяне добрые*». Большинство исследователей делало на основании этой статьи

«Приговора» вывод о всемерном и сознательном ослаблении дворянским большинством ополчения позиций своих весьма ненадежных соратников по освободительной борьбе. Между тем в стороне осталось важное обстоятельство, проливающее свет на истинную подоплеку продекларированного в «Приговоре» свода атаманов и казаков с «приставства» — замене подлежали не только они, но и *все* годные к ратной службе *воеводы-дворяне*. Так, в ст. 15 «Приговора» говорится: «А которые дворяне и дети боярские посланные по городом в воеводы и на всякие посылки в збор, а на службе им быти мочно, и тех из городов и из посылок переменить и велети им быти в полки тот час, а на их место послать дворян сверстных и раненых, которым на службе быти не мочно».

Значительное расширение территории, находящейся в воеводском управлении, произошло в России с 1604 г. Новая система местного управления появляется в Московском государстве еще во второй половине XVI в. наряду с введением в уездах и волостях губных и земских учреждений. Однако первоначально воеводы посылались лишь в пограничные уезды, где необходимо было усилить военно-административную власть, напрямую подчиненную правительству. Во внутренние же уезды воевод начали назначать именно в Смутное время в связи с резким обострением социальной борьбы в стране и началом польско-литовской, а затем и шведской интервенции. Будучи специальными представителями московского правительства на местах, они сосредоточили в своих руках административные, судебные, полицейские функции, подчинили себе деятельность губных старост, ведавших делами, связанными с разбоями, убийствами, грабежами и воровством. Наблюдая этот процесс со стороны, без учета конкретно-исторической обстановки, сложившейся в стране в начале XVII в., можно было бы сделать вывод о дальнейшей и весьма значительной централизации местного управления, о существенном ослаблении системы земского и губного самоуправления, ограничении и сведении на нет их политической деятельности. Тем не менее в начале XVII в. учреждение в стране воеводского управления свидетельствовало скорее об обратном: не об усилении начал государственного централизма в местном управлении, а о *реальном их ослаблении*. Роль городских воевод в организации власти на местах нельзя переоценивать, в Смутное время они зачастую лишь номинально возглавляли управление в том или ином городе и уезде. Очень часто воеводы или входили в общесословные городские советы (как в Нижнем Новгороде), или дублировали деятельность органов местного общесословного управления. Подтверждением этому служит сложившаяся в Курмыше практика одновременной посылки идентичных по содержанию отписок воеводе и «дворянам и

детям боярским, и всяким служилым людям, и земским старостам, и целовальникам, и всем посадским людям, и волостным крестьянам». В таких условиях курмышане смогли запретить новоназначенному в их город воеводе Жедринскому «без земского совета» въезжать в Курмыш. Характерен и отмеченный выше факт нахождения во многих городах «на приставстве» казачьих атаманов и даже простых казаков. Известное решение «Совета всей земли» Первого ополчения о повсеместной замене таких «воевод» негодными к ратной службе «дворянами добрыми» не выполнялось. То, что подобная ситуация в Смутное время не была исключением, подтверждают и более ранние грамоты (датированные октябрём 1611 г.), направленные руководителями Первого ополчения Д.Т. Трубецким и И.М. Заруцким в Путивль, одна — к местному воеводе, другая аналогичная по содержанию — «к воеводе... гостем и посадским земским старостам, и целовальникам, и сотским, и пятидесятским, и десятским, и всем посадским лутшим и середним, и молотчим».

«Приговор» 30 июня 1611 г., несомненно, сыграл *важную роль в упрочении в освободительном движении объединительной тенденции*, однако и после его принятия в подмосковном лагере сохранялись серьезные противоречия. Особое недовольство в «таборах» вызывали антиказацкие мероприятия Прокопия Ляпунова и внешнеполитическая ориентация ополченческого правительства *на Швецию*, с которой велись переговоры о возможном избрании на российский престол одного из двух шведских принцев — *Густава-Адольфа* или *Карла-Филиппа*. Компромиссное соглашение, заключенное между различными группировками движения в июне 1611 г., воплотившее в себе объединительные тенденции, оказалось недолговечным. Уже в конце июля произошло открытое столкновение конфликтующих сторон, в котором у Ляпунова не оказалось надежной опоры. Назревавшему в ополченской (точнее, казачьей) среде конфликтом не преминули воспользоваться осажденные в Кремле и Китай-городе поляки. Им удалось спровоцировать радикально настроенную часть «таборов» на открытое выступление против Ляпунова. Вызванный 22 июля в казачий круг, вождь ополчения был зарублен казачьим атаманом Сергеем Карамышевым, репрессиям подверглись и его сторонники.

Несмотря на последовавший после этих событий отъезд из подмосковного лагеря части служилых людей замосковных городов, авторитет «Совета всей земли» Первого ополчения продолжал сохраняться на всей освобожденной от интервентов территории вплоть до 2 марта 1612 г., т.е. до дня присяги ополченцев из «таборов» объявившемуся в Пскове *новому самозванцу* — *Лжедмитрию III*. Продолжал функционировать и созданный в июне

1611 г. аппарат центрального управления. Современники отмечали, что «Разряд и Поместный приказ, и Печатной, и иные приказы под Москвою были и в Поместном приказе и в иных приказах сидели дьяки и подьячие, и с волостей на казаков кормы собирали». Приказная администрация занимала особое положение в Первом ополчении и весной — летом, и осенью — зимой 1611 г. Число дьяков, находившихся в земском лагере под Москвой, достигало в отдельные периоды 25—30 человек; из них 6 были думными дьяками. Их роль в сложившейся в «таборах» политической организации отнюдь не сводилась к деятельности в ополченских приказах; дьяки принимали активнейшее участие в выработке правительственного курса подмосковного «Совета всей земли». При этом следует учесть, что в Нижегородском ополчении К. Минина и Д. М. Пожарского приказных дельцов оказалось гораздо меньше, а их политическое влияние было ничтожно. Все это время Первое ополчение и его руководители получали полное признание и поддержку Троице-Сергиевой обители — весьма авторитетного в русском обществе вдохновителя борьбы с польскими интервентами и католической опасностью. Однако нельзя не отметить и того, что после гибели Прокопия Ляпунова роль и значение ополченского «Совета всей земли» изменяется. Хотя он и не теряет своего статуса верховного распорядительного органа, но в практической деятельности решающее значение отводится теперь «*приговору бояр*», а не «*приговору всей земли*». Неизмеримо усиливаются в ополчении и в «Совете всей земли» позиции И. М. Заруцкого. Ни в одном из исследований, посвященных политической истории России эпохи Смутного времени, не отмечен очень важный и примечательный факт — в сентябре 1611 г. шенкурские тиуны рассылали по станам наказную память о выборе заказных старост по единоличному «указу государя нашего боярина Ивана Мартыновича [Заруцкого]». Падение авторитета подмосковного правительственного центра, а с ним и влияния одного из его руководителей — «боярина» Ивана Заруцкого произошло позднее, после организации Нижегородского ополчения, вожди которого называли его одним из главных «заводчиков казачьего воровства», всячески обличая старого болотниковца и «тушинца» в рассылаемых по стране грамотах.

Вышесказанное подтверждает правоту историков, которые оспаривали утверждение о произошедшем в конце июля *развале центральной власти*, сложившейся в Первом ополчении под Москвой после 30 июня 1611 г. Вместе с тем нельзя отрицать и того, что произошедшее в земском лагере 22 июля выступление радикально настроенного по отношению к действиям Ляпунова казачества,

вело к неминуемому расколу разнородного по своему составу освободительного движения. В нем зарождается и крепнет оппозиционное течение, изначально если и не враждебное правительству Трубецкого и Заруцкого, то с подозрением относящегося к «*казацъему воровству*». Зажиточная часть посадского населения северорусских и поволжских городов, разоренное Смутой дворянство воспринимали перемены, произошедшие в земском лагере после гибели Прокопия Ляпунова именно как новое «*воровство*» вчерашних болотниковцев и «тушинцев». Возникшим во многих городах и уездах недоверием к казакам не преминули воспользоваться находившиеся в Москве польские интервенты и русские изменники. В рассылаемых по стране грамотах (в Кострому, Ярославль, Переяславль-Залесский) они натравливали посадских людей на казаков, запугивали горожан новой вспышкой междоусобной войны. Вот как изображали происходившие в «таборах» события служившие полякам московские думцы: «...Которой был большой заотца Прокофей Ляпунов, от которого большая крестьянская кровь началась литися и Московское государство до конца пустошится, и того те воры, которые с ним были в том воровском заводе, Ивашка Заруцкой с товарищи убили, и тело его держали собакам на снаденье на площади 3 дни; и вы видите, за его к государю (королевицу Владиславу. — *В.В.*) крестное преступление и за зачатие невинные крестьянские крови какову месть ему Бог воздал по его делом от его же воровских товарищей, и совет их всеу стал. И ныне князь Дмитрий Трубетцкой да Иван Заруцкой с товарищи стоят под Москвою на большое крестьянское кровопролитье, и Московскому государству и городом всем на конечное разоренье, а не на покой крестьянской и беспрестани езда по городом от них ис табор ис-под Москвы, казаки грабят и розбивают и невинную кровь крестьянскую проливают...»

Определенную роль в падении авторитета подмосковного правительства, помимо «казацкого воровства» и подстрекательств московских изменников, сыграла и бесплодность двухгодичной осады Москвы отрядами Первого ополчения. Затягивание же борьбы с интервенцией чревато было гибельными последствиями для страны и всего освободительного движения. Недовольные во всех неудачах винули руководителей «таборов» и искали выход в создании нового земского ополчения, вожди которого, подобно Ляпунову, могли бы держать под контролем подмосковное казачество — политически нестабильную, но именно ту часть русского общества, от участия или неучастия которой в освободительной борьбе зависел в немалой степени успех земского дела под Москвой.

§3. ВТОРОЕ ЗЕМСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ

Новый этап в истории освободительной борьбы русского народа с польско-литовской интервенцией в начале XVII в. был связан с начавшейся в октябре—ноябре 1611 г. организацией в Нижнем Новгороде нового ополчения, которое в историографии стало называться *Вторым ополчением* или *Нижегородским ополчением*. Во главе Второго ополчения оказались выборные вожди — воевода князь *Дмитрий Михайлович Пожарский* (1578—1642) и земской староста *Кузьма Минин* (ум. 1616 г.), бывший начальник «в то время судебных дел во братии своей рекше посадских людей в Нижнем Новгороде».

С 1608 г. самоуправление в Нижнем Новгороде, как и во многих других русских городах, не ограничивалось посадским. Осенью этого года в Нижнем был создан общесословный орган местного управления — *городовой совет*. Первое упоминание о существовании совета приводится в отписке архимандрита нижегородского Вознесенского монастыря Иоиля игумену Луховской пустыни Ионе: «Да ноября же в 21 день писали мы, я архимандрит Иоиль, игумены и протопопы, и попы и диаконы всего освященного собору и церковного причета, и воеводы князь Александр Ондреевич Репнин, Ондрей Семенович Алябьев, диак Василий Семенов, и дворяне и дети боярские, и старосты и целовальники, и все земские люди, и литва, и немцы, и всякие иноземцы, и стрелцы, с нижегородцом с посадским человеком с Петрушкою Макаровым с Шишкою, чтобы христианская неповинная кровь не лилась, а были бы балахоньцы («заворовавшие» по терминологии того времени жители Балахны. — *В. В.*) и всякие люди, по прежнему во единой мысли с нижегородцы...» Подробное перечисление представителей нижегородского населения, наряду с местными воеводами, принявшими участие в составлении цитированной грамоты, и позволяет сделать вывод о создании в городе именно *общесословного совета*, ибо подобное представительство в масштабах всего государства признается неоспоримым свидетельством созыва Земского собора. Решения Нижегородского городского совета были обязательны для всех горожан, в том числе и для входивших в его состав местных воевод, действия которых строго контролировались. Осенью 1611 г. совет (иначе «нижегородские власти») собирался на воеводском дворе. В это время в него входили *архимандрит Печерского монастыря Феодосий*, *спасский протопоп Савва*, «*да иные попы*», *стряпчий И.И. Биркин*, *дьяк В. Юдин*, нижегородские «*дворяне и дети боярские, и головы, и старосты, от них же и Кузьма Минин*».

Именно осенью 1611 г. Нижний Новгород становится организационно-политическим центром борьбы с интервенцией. Причиной тому стали изменения, произошедшие в земском освободительном движении после смерти П. П. Ляпунова и кажущееся бездействие отрядов Трубецкого, Заруцкого и Просовецкого под стенами Москвы. Поэтому ряд поволжских, а затем и многие северорусские города приняли участие в формировании нового ополчения, противопоставив его безуспешно осаждавшим Москву казакам и ополченцам из «таборов». Нижегородский городской совет отказался от сотрудничества с продолжавшим существовать под Москвой правительственным центром. Различия же между ополчениями predeterminedены были прежде всего неоднородностью самого освободительного движения, распавшегося впоследствии на два самостоятельных течения. Но одновременно Нижегородский совет взял курс на создание политической организации, тождественной существовавшей в Первом ополчении и весной—летом, и осенью—зимой 1611 г. В феврале 1612 г. в Нижнем Новгороде, при формирующемся новом ополчении уже существовал и действовал свой *Нижегородский «Совет всей земли»*, делопроизводством которого заведовал бывший нижегородский дьяк *Василий Юдин*.

Первый, подготовительный период в истории Нижегородского ополчения, начало которого совпадает со знаменитой речью-призывом Кузьмы Минина к землякам, закончился в ноябре 1611 г. К этому времени был начат сбор денежных средств с населения, подтвержденный приговором «всего града за руками», было избрано руководство ополчения: «стольник и воевода» князь Д. М. Пожарский, «выборный от всей земли человек» К. Минин (сложивший с себя обязанности нижегородского земского старосты), второй воевода И. И. Биркин, дьяк В. Юдин. Тогда же пришли в Нижний Новгород отряды смолян, дорогобужан и вяземцев — служилых людей из захваченных поляками *Смоленска, Дорогобужа и Вязьмы*. Именно они вместе с нижегородскими стрельцами и служилыми людьми и составили костяк нового земского ополчения. Около этого времени был произведен заем у иногородних купцов, давший ополченской казне 5206 рублей.

На *втором этапе* формирования ополчения (ноябрь 1611 — февраль 1612 гг.) в Нижнем Новгороде было проведено «верстание» служилых людей, присоединившихся к земской рати и разделенных воеводами на несколько статей, получавших денежного жалованья соответственно 50, 45 и 40 рублей. Тогда же (к февралю 1612 г.) создан был в Нижнем Новгороде, как отмечалось выше, и свой «Совет всей земли». Заканчивается второй этап организации

нового ополчения в феврале 1612 г., когда после получения известия о занятии казачьими отрядами Заруцкого Ярославля, передовые отряды нового ополчения выступили в поход к этому верхневолжскому городу.

К этому времени сфера влияния подмосковного правительства значительно сузилась, к тому же возникла реальная угроза деблокады Москвы поляками. Все это вызвало серьезный социально-политический кризис в той части освободительного движения, которую возглавляли Д.Т. Трубецкой и И.М. Заруцкий. Воспользовавшись благоприятным для них моментом в «таборах» под Москвой активизировали свою деятельность сторонники объявившегося в Пскове нового самозванца – Лжедмитрия III. Во главе заговорщиков встали И.В. Плещеев, князь Г.П. Шаховской и И. Засекин. 2 марта 1612 г. они организовали в подмосковном стане присягу псковскому самозванцу, принудив вождей ополчения согласиться с решением казачьего круга. Следствием произошедших в лагере под Москвой в начале марта 1612 г. перемен явилось *крайнее размежевание сил* как в самих «таборах», так и в стране. Многие служилые люди и даже казаки покинули ополчение, часть из них ушла в Ярославль. Согласно польским источникам после присяги Подмосковного ополчения Лжедмитрию III из-под Москвы со своими «таборами» ушли воеводы Миров, Погожий и Шмаров; по своим поместьям разъехались дворяне и из некоторых других подмосковных полков.

Первоначально руководители формировавшегося в Среднем Поволжье (Нижнем Новгороде) ополчения хотели идти к Москве через Суздаль, где по некоторым данным предполагалось созвать Земский собор для избрания нового царя, однако произошедшие в «таборах» в марте 1612 г. изменения вынудили Пожарского и Минина идти в Ярославль, отрезая отрядам суздальского воеводы Просовецкого дорогу в северорусские города и уезды. Поэтому 5–10 марта 1612 г. (дата устанавливается лишь приблизительно) к Ярославлю выступили главные силы Нижегородского ополчения.

Ярославль стал местом сосредоточения сил ополчения Пожарского и Минина и временным правительственным центром новой власти. Заняв его, нижегородцы получили доступ к экономическим ресурсам земель, мало или совсем не затронутых военными действиями. Вступление отрядов Нижегородского ополчения Пожарского и Минина в этот регион привело к открытой конфронтации с действовавшими там казаками Трубецкого и Заруцкого. Преодолеть сопротивление сторонников Первого ополчения, старавшихся по мере возможности не допустить появления иной, не подконтрольной «таборам» политической организации, чреватой

потерей значительной территории, снабжавшей подмосковные полки, нижегородцы могли, лишь опираясь на более авторитетное, чем в «таборах» сословное и земское представительство, подобное существовавшему под Москвой до 22 июля 1611 г. Сразу же после вступления в Ярославль руководители Второго ополчения приступили к реорганизации Нижегородского войскового (ополченско-го) «Совета всей земли» и учреждению органов центрального государственного управления — приказов. Вскоре после прихода земской рати в Ярославль от имени князя Пожарского по городам, поддержавшим почин Нижнего Новгорода, были разосланы грамоты, призывавшие органы местного самоуправления прислать в этот поволжский город «изо всяких людей человека по два, и с ними совет свой отписать, за своими руками».

В Ярославле при сформированном там «Совете всей земли» (так же, как в свое время и в земском лагере под Москвой) были созданы органы центрального административного управления — *приказы*. Важнейшими из них были: *Разрядный* (дьяки А. Вареев и М. Данилов), *Поместный* (Г. Мартемьянов и Ф. Лихачев), *Дворец* (С. Головин), *Дворцовый* (Большой Дворец — Н. Емельянов и П. Насонов), *Монастырский* (судья Т. Витовтов и дьяк Н. Дмитриев), *Галицкая* и *Новгородская четь* (В. Юдин, затем А. Иванов). Учреждением приказного типа был и созданный при ярославских ополченских властях *Денежный двор*. П. Г. Любомиров высказал в свое время предположение о существовании в Ярославле *Посольского приказа*, дьяком которого он называет С. Романчукова, возглавившего летом 1612 г. переговоры с Я. Шоу (Шавом), предводителем отряда воинов-наемников, просившихся в русскую службу, но конкретного упоминания о существовании такого приказа в Ярославле нет. Тот факт, что позднее (с конца 1612 г.) С. Романчуков числился в общегосударственном Посольском приказе может свидетельствовать лишь об имеющемся у этого дьяка опыте работы в учреждении подобного типа, возможно и функционировавшего при Ярославском «Совете всей земли», но, скорее всего, все же в составе другого земского приказа.

Тогда же ополченскими властями предпринята была попытка наладить работу органов местного управления. Во время «Ярославского стояния» земского войска назначены были воеводы в Устюжну, Белоозеро, Владимир, Касимов, Клин, Тверь, Кострому, Ростов, Суздаль, Переяславль, Тобольск и другие города Московского государства. С целью восстановления финансовой системы в это же время были проведены новые дозоры и составлены новые платежные книги. П. Г. Любомиров считал проведенные руководством Нижегородского ополчения дозоры событием для

того времени исключительным. Однако сохранился источник, свидетельствующий о том, что приблизительно в это же время новые дозоры (правда, далеко не везде) были проведены на территории «Новгородского государства», всецело, подчинившегося шведской короне после оккупации северо-западной части России войсками Я. Делагарди.

В Ярославле возобновлены были и начатые еще П. П. Ляпуновым переговоры о призвании на российский престол брата шведского короля принца Карла-Филиппа, признанного к этому времени государем в Новгородской земле. В июльских грамотах 1612 г. руководителей Второго ополчения в Новгород указывалось достаточно категорично: «... И мы того приговору (приговора «Совета всей земли» Первого ополчения об избрании шведского принца на российский престол. — В. В.) держимся...» В самом Ярославле, действуя через *Земскую избу*, власти ополчения обложили население города чрезвычайным налогом, подобным собранному в Нижнем Новгороде и ряде других поволжских городов. Собирали также продовольствие, фураж и разного рода припасы, потребные для насущных нужд земской рати. В примкнувших к движению уездах формировались и обучались новые отряды и местные ополчения.

Вражда и соперничество двух ополчений, двух правительственных центров особенно обострилась весной—летом 1612 г. Стремясь максимально расширить территорию, подконтрольную ярославскому «Совету всей земли», правительство Пожарского и Минина сделало ставку на военный разгром действовавших в Замосковье отрядов Первого ополчения. Нижегородцы нанесли тяжелые поражения казачьим отрядам Просовецкого и Толстого в Верхнем Поволжье и Замосковье.

Перспектива подчинения подмосковного ополченческого правительства воцарившемуся в далеком Пскове новому самозванному государю Лжедмитрию III не устраивала его «начальников», не только из окружения Д. Т. Трубецкого, но и И. М. Заруцкого. Честолюбивые планы Заруцкого связаны были с другим претендентом на вакантный российский престол — *Иваном Дмитриевичем*, годовалым сыном Лжедмитрия II и Марины Мнишек. Трубецкой и Заруцкий втайне друг от друга занялись организацией свержения только что казалось бы восторжествовавшего псковского самозванца. Князь Трубецкой, воспользовавшись посредничеством властей Троице-Сергиева монастыря, пошел на секретные переговоры с ярославским правительством. Послы князя, дворяне братья Пушкины от имени своего предводителя предложили Пожарскому и Минину объединиться для совместной борьбы с интервентами и с «врагами, которые нынеча завели смуту».

И. М. Заруцкий на примирение со Вторым ополчением рассчитывать не мог, а возможно, и не хотел. Его отрицательное отношение к событиям 2 марта объяснялось, как сказано выше, иными причинами — бывший казачий атаман, а ныне земский «боярин и воевода» поддерживал кандидатуру малолетнего «царевича» Ивана Дмитриевича. Воцарение «воренка» возвело бы Заруцкого, вступившего в интимную связь с «паньей Мариною», в ранг полновластного правителя Московского государства. Интрига приехавшего из Пскова атамана Герасима Попова создала реальную угрозу этим честолюбивым замыслам. Заруцкий, используя все свое влияние, сделал ставку на устранение воскресшего в третий раз «царевича Дмитрия». Вместе с посольством И. Плещеева и К. Бегичева в Псков были отправлены наиболее доверенные приверженцы Заруцкого, принявшие активное участие в организованном местным воеводой князем И. Ф. Хованским свержении самозванца: «...Собравшись с народом, того самозванца, поймав и связав, к Москве скована отвезли, где его и повесили, а его сообщников по тюрьмам посадили». По польским источникам, Лжедмитрий III сидел на цепи под стражей в подмосковных «таборах» до избрания Михаила Федоровича Романова русским царем, после чего и был повешен.

Устранив опасность, угрожавшую их интересам, Трубецкой и Заруцкий попытались нормализовать отношения с руководителями Второго ополчения, все еще стоявшего в Ярославле. В этот верхневолжский город из-под Москвы было отправлено большое посольство К. Н. Чеглова и дьяка А. Витовтова, в которое входили также атаманы А. Коломна, И. Немов, С. Ташлыков и Б. Власьев «с товарищами». Посольство прибыло в Ярославль 6 июня 1612 г. и привезло от Д. Т. Трубецкого и И. М. Заруцкого «повинную грамоту за своими руками». В этой грамоте «бояре и воеводы» Первого ополчения писали, что ныне они от псковского «вора» отстали, что это «прямой вор, не тот, который был в Тушине и в Калуге». В той же грамоте руководители подмосковного ополчения заявляли, что желают быть с нижегородцами «во всемирном совете и соединенье». В русских источниках сообщения о реакции ярославских ополченских властей на мирные предложения Трубецкого и Заруцкого нет. Однако в одном из писем Я. П. Делагарди шведскому королю сообщалось, что им (Делагарди и боярину И. Н. Одоевскому) из Ярославля была прислана грамота, в которой новгородские власти извещались о приезде к Д. М. Пожарскому из-под Москвы казачьих атаманов, просивших нижегородцев о скорейшем объединении ратных сил. Пожарский в ответ выдвинул непременные условия возможного объединения двух ополчений: вы-

дача ярославцам «воренка» (сына Лжедмитрия II — Ивана Дмитриевича); приведение всех подмосковных ополченцев и казаков к присяге быть в единении с нижегородцами; объявление о «пожелании» их вместе с приверженцами Пожарского и «Новгородским государством» избрать царем и великим князем шведского принца Карла-Филиппа. Последний пункт условий был *основным и важнейшим*. Напомним, что переговоры об избрании шведского принца начаты были руководителями Второго ополчения вскоре после прибытия земской рати в Ярославль. В Новгород выехало соборное посольство С. Татищева, вместе с которым отправлено было «со всех городов ото всех чинов по человеку», свидетельство исключительной важности, которую придавали в Ярославле этой дипломатической миссии.

Выдвинутые Пожарским условия в июле 1612 г. руководителями Первого ополчения приняты не были — противостояние ополчений и ополченских правительств продолжалось. Вместе с тем игнорировать призывы прибывших из «таборов» дворян и казаков «идти к Москве не мешкая» они не могли — к городу приближались отряды гетмана Ходкевича, имевшего намерение разгромить земские рати поодиночке и снять затянувшуюся осаду польского гарнизона русской столицы. Четырехмесячное стояние Второго ополчения в Ярославле подошло к концу. 27 июля 1612 г. с основными силами своего войска Д. М. Пожарский выступил к Москве.

С приближением отрядов Второго ополчения к Москве в подмосковных «таборах» возобладала группировка Д. Т. Трубецкого, выступавшая за скорейшее примирение с нижегородцами. Оказавшись в меньшинстве, Заруцкий со своими приверженцами покинул «таборы» и ушел к Коломне. В лагере Первого ополчения остались в основном те, кто надеялся на достижение компромисса со Вторым ополчением. Но руководители Второго ополчения отказались соединиться с отрядами Трубецкого, встав лагерем у Арбатских ворот.

Между ополчениями сразу же начались раздоры и вражда. Ратники и казаки Трубецкого, которые, по словам современника, «все от гладу изнемогающе», более чем неприязненно встретили сытых и хорошо экипированных дворян и казаков Пожарского. Возникшая рознь могла обернуться катастрофой для всей страны, на защиту которой поднялись воистину «последние люди» Русской земли. Ни Первое, ни Второе ополчения не могли в одиночку противостоять регулярной польской армии гетмана Ходкевича, стремившегося не только доставить продовольствие голодающему гарнизону Кремля и Китай-города, но и разбить поодиночке войска Пожарского и Трубецкого. В развернувшем-

ся 22 и 24 августа 1613 г. сражении у стен Москвы между поляками и ополченцами победа русского оружия достигнута была лишь в результате совместных, хотя и не скоординированных действий ратников Подмосковного и Нижегородского ополчений. Решающую роль в битве сыграл неожиданный для поляков, надеявшихся на явное несогласие двух земских ополчений, удар «нагих и гладных» казаков Трубецкого, отбросивших наемные отряды Ходкевича от стен Кремля и Китай-города.

Наметившееся в конце августа (во время боев с поляками Ходкевича) сближение двух ополчений завершилось их объединением лишь через два месяца, в октябре 1612 г. До этого же земские ратные воеводы, по выражению летописца, «в несоветии быти». Преодолев это «несоветие», в разосланных по городам в октябре 1612 г. грамотах Д. Т. Трубецкой и Д. М. Пожарский извещали местные власти о «прекращении между ними всех расприй, о единодушном намерении их вместе с выборным человеком Кузьмой Мининым освободить государство от врагов». *В объединившемся ополчении были воссозданы общеземские (фактически общегосударственные) органы власти, центральное приказное управление.* Было образовано своего рода коалиционное *Земское правительство* с участием «начальников» обоих лагерей. Первое ополчение представляли в нем *Д. Т. Трубецкой*, думный дьяк *Сыдавный Васильев*, дьяки *И. Третьяков*, *Н. Новокшенов*, *М. Поздеев*. От Нижегородского ополчения в Земское правительство вошли князь *Д. М. Пожарский*, «выборный человек» *К. Минин*, князь *Д. М. Черкасский*, *В. И. Бутурлин*, *И. И. Шереметев*, *И. В. Измайлов*.

Большинство историков называет сформированное в октябре 1612 г. под Москвой Земское правительство «правительством Объединенного ополчения», однако, такое обозначение не соответствует роли и значению мероприятий, проводимых правительством Д. Т. Трубецкого и Д. М. Пожарского в масштабах страны.

Во *внешней политике* новое Земское временное правительство продолжало *ориентироваться на Швецию*, именно с кандидатурой шведского принца связывая решение династического вопроса. Единственным условием окончательного принятия Карла-Филиппа руководители ополчения в это время выдвигали его скорейшее прибытие в Новгород и избрание государем на Земском соборе: «А как королевич князь Карло Филипп Карлович придет в Великий Новгород: и мы тогда со всеми государствы Российского царствия совет учиня, пошлем к королевичю Карлу Филиппу Карлусовичю послов, с полным договором (!) о государственных и о земских делех». В связи с последним условием отметим, что с 1584 г. все русские цари (за исключением

первого из самозванцев — Лжедмитрия I), в том числе и сын Ивана Грозного Федор Иванович (не «выкрикнутый», но «прирожденный государь»), избирались на московский престол не иначе, как Земским собором — волей «всей земли». Прошведская ориентация руководителей Земского правительства и ополчения сказывалась и позднее, во время работы Земского избирательного собора 1613 г. Объяснялось это не только стремлением правительства Трубецкого и Пожарского приобрести поддержку соседней северной державы, враждебной Польско-Литовскому государству, но и сугубо внутренними причинами. *Вожди земского дела были глубоко убеждены в том, что избрание новым государем кого-нибудь из московских великих бояр приведет лишь к углублению кризиса — к «умножению вражды», к «конечному разорению» и гибели государства.*

Объединение двух ополченских армий в октябре 1612 г. позволило земским воеводам добиться решающего перелома в ходе освободительной борьбы. **26 октября 1612 г.** сдался польский гарнизон Кремля, и **27 октября 1612 г.** отряды ополчения вступили в Москву. Вопрос о будущем политическом устройстве Русского государства должен был решиться на Земском соборе, о созыве которого и было объявлено руководителями Земского правительства в ноябре 1612 г.

§ 4. ЗЕМСКИЙ СОБОР 1613 г. ИЗБРАНИЕ НОВОГО ГОСУДАРЯ И СОБОРНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ ЕГО ВЛАСТИ

Несмотря на одержанные в 1612 г. земскими войсками победы, разгром лучшей польской армии гетмана К. Ходкевича и освобождение от поляков Москвы, в столице и в стране в целом продолжала сохраняться напряженная обстановка. Значительные территории Московского государства оставались во власти поляков и шведов, не прекращались военные действия во многих, даже центральных, удаленных от пограничных рубежей уездах. В конце ноября — начале декабря 1612 г. подошедший к Москве с новой армией польский король Сигизмунд III предпринял попытку штурмом овладеть только что освобожденной русской столицей и лишь после ее неудачного завершения отошел от стен разрушенного и выжженного города.

Сохранялась в ополчении и известная социальная напряженность — незаживающий след междоусобия первых лет XVII в. и

тесно связанного с ним противостояния в среде участников антипольского освободительного движения 1610–1612 гг. Летописец отмечал, что «в то время паки воздвижеса и бы[ст]ь во всей России мятеж велик и нестроение злейши первого. Бояре же не ведущие, что сотворити за не множество их зело и в самовластии блудяху» (ОР РГБ. Ф. 299. Собрание Н.И. Тихонравова. № 557. Л. 239 об.). Заключенный в октябре 1612 г. компромисс не ликвидировал противоречий разъединявших разнородные группировки освободительного движения. Существенно осложняло ситуацию и то, что в общественно-политической жизни Московского государства многократно возросло значение казачества. В этих условиях перед Земским правительством и руководителями ополчения со всей остротой встал вопрос о будущем Московского государства, о скорейшем «устроении земли».

Восстановление государственной власти мыслилось правительством Трубецкого, Пожарского и Минина в привычной, скорее даже естественной и обязательной для людей XVII столетия форме *монархического правления*. Поэтому основной задачей созываемого в Москве Земского собора должно было стать избрание («обирание» — по терминологии того времени) нового русского царя. Необходимость скорейшего решения династического вопроса осознавалась всеми политическими группировками освободительного движения. Не случайно в своих грамотах «начальники» ополчения писали: «И приходили к нам, к Дмитрею Трубецкому, да к Дмитрею Пожарскому бояре и окольные, и чашники, и стольники, и дворяне большие, и стряпчие, и жильцы, и дворяне из городов и всяких чинов люди, и говорили и с нами советовали, чтоб нам всем сослатца во все города с вами воеводами и всякими людьми от мала и до велика и обрати б на Владимирское и на Московское государство и на все великие государства Российского царствия государя и царя, и великого князя, ково нам государя Бог даст». Организацией и созывом Земского избирательного собора ведал особый «*Общий великий соборный совет*», определивший в ходе своих заседаний как порядок выборов представителей-участников собора, так и число этих выборных лиц, равно как и круг их полномочий. Примером вызова с мест на Земский собор «посадских и уездных выборных людей» может служить «отписка» белозерского воеводы в Кирилло-Белозерский монастырь от 27 декабря 1612 г.: «Писали к нам с Москвы бояре и воеводы боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, да стольник и воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарской, чтоб нам для доброго совету белозерских властей и посадских людей лутчих и уездных крестьян десять человек, ко-

торые бы были добры и разумны, и постоянны, прислать к нам бояром к Москве тотчас наскоро... И нам бы вместе с тобою (игуменом Матвеем. — *В. В.*) по боярской грамоте земских людей к бояром к Москве отпустить протопопа и посадских и уездных выборных людей».

В отличие от предшествовавших ему Земских соборов, *Избирательный Земский собор 1613 г.*, как неоднократно отмечалось его исследователями, был *беспрецедентно широк по своему социальному составу*. В его работе принимали участие представители высшего и уездного, черного и белого духовенства, московского и городского дворянства, казаков, посадских людей и черносошных крестьян («уездных людей»). Число собравшихся в Москве «советных людей», по некоторым сведениям, превышало 800 человек, представлявших не менее 58 городов, хотя в избирательной грамоте было упомянуто лишь 277 таких представителей, а подписали ее всего 238 участников «обирания» Михаила Федоровича Романова. Первоначальную дату начала работы Собора — 6 декабря 1612 г. («зимний» Николин день) из-за опоздания и неявки многих земских представителей пришлось отложить на месяц. Свою деятельность Земский избирательный собор начал лишь в Крещение — **6 января 1613 г.**

Происходили соборные заседания в обстановке ожесточенного соперничества различных оформившихся в русском обществе за годы десятилетней Смуты политических группировок, стремившихся упрочить свое положение избранием своего претендента на царский престол. «Сниидошася изо всех градов власти и бояре, — записал летописец, — митрополиты и архиепископы, епископы и архимариты и всяких чинов людие и начаша избирати государя. Кийждо хотяще по своей мысли, той того, а ин иного. И многоволнение бысть...» Участниками собора выдвинуто было более десяти претендентов на российский престол: польский королевич Владислав, шведский принц Карл-Филипп, «воренок» (Иван Дмитриевич — сын Лжедмитрия II и Марины Мнишек) и ряд русских князей и бояр (не все они, однако, соглашались на свое избрание, в ряде случаев вставая на сторону других кандидатов). В разных источниках называются имена: *Федора Ивановича Мстиславского, Ивана Михайловича Воротынского, Федора Ивановича Шереметева, Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, Дмитрия Мамстрюковича и Ивана Борисовича Черкасских, Ивана Васильевича Голицына, Ивана Никитича и Михаила Федоровича Романовых, Петра Ивановича Пронского и Дмитрия Михайловича Пожарского*. Кстати, о кандидатуре князя Пожарского до недавнего времени имелись лишь косвенные данные в «Сыском деле о ссоре князя Ромодановского с Ларионом Суминым», но в «*Повести о Земском*

соборе 1613 г.» прямо указывается на князя Д.М. Пожарского как на одного из претендентов на российский престол.

Неверным и упрощенным представляется предположение *И.О. Тюменцева* о том, что претендентами на российский престол выдвинуты были на пропорциональной основе как участники боярского правительства («Семибоярщины»), так и руководители земского освободительного движения 1611 – 1612 гг. В эту упрощенную схему не укладывается хорошо известное по источникам существование пусть и немногочисленных, но деятельных и убежденных сторонников польского и шведского королевичей, а также калужского «воренка». Сомнительным выглядит и озвученное *И.О. Тюменцевым* противостояние двух группировок – стихийно сложившегося (?) «романовского кружка» и князя Д.Т. Трубецкого, в котором исследователь без должного, на наш взгляд, основания видит основного соперника будущего государя в борьбе за престол.

Общие заседания собравшихся в Москве представителей «Земли» происходили в *Успенском соборе Кремля*. Однако предварительные заседания проводились *по сословиям* – в отдельных палатах собирались духовенство, бояре, служилые, посадские и уездные люди. Необходимым условием решения любого обсуждавшегося на таких совещаниях вопроса было достижение *единогласия*. Только после этого принятое решение могло быть вынесено на рассмотрение всего собора.

Как отмечалось выше, в Москве самой влиятельной общественной силой в это время становится *казачество*. Это объяснялось как численным превосходством казаков, связанным с массовым отъездом из освобожденной столицы служилых людей, так и сохранением у них многих черт войсковой казачьей организации, сложившейся в «таборах». *Противники казачества* группировались вокруг той части Земского собора, которая вместе с руководителями его *склонялась к кандидатуре шведского принца Карла-Филиппа*.

В этой связи уместно будет отметить, что вплоть до избрания царем Михаила Федоровича Романова *вся полнота власти* в государстве принадлежала *ополченским «боярам и воеводам» – временному Земскому правительству*, возглавляемому *Д.Т. Трубецким* и *Д.М. Пожарским*. Об этом достаточно образно писал современник; архиепископ Елассонский Арсений: «После уничтожения поляков и освобождения великой России и Москвы, два великих боярина князя, – князь Димитрий Тимофеевич Трубецкой и князь Димитрий Михайлович Пожарский, взяли бразды

правления в свои руки. Весь народ московский и все находившиеся в великой России архиереи, иереи, бояре и начальствующие, правящие народом в преподобии и правде, подчинились им». Взятый в плен поляками 27 ноября 1612 г. сын боярский Иван Философов в распросе говорил об этом же, лишь добавляя к числу московских правителей *К. Минина*: «А делает всякие дела князь Дмитрий Трубецкой, да князь Дмитрий Пожарской, да Куземка Минин». Поддержка, оказанная этими авторитетными и в казачьей, и в земской среде руководителями внешней и внутренней политики Русского государства, кандидатуре шведского королевича Карла-Филиппа, казалось, могла обеспечить этому претенденту на российский престол решающее преимущество перед другими кандидатами.

Однако казаки, московские люди и поддерживавшие их участники Земского собора выступили против подобных планов, настаивая на принятии решения об избрании царем одного из русских князей или бояр. Из-за непримиримых противоречий между соперничавшими группировками избирательная деятельность собора зашла в тупик. В этих условиях среди оставшихся в Москве служилых людей и казаков возникает движение, направленное против соборного руководства, отвергнувшего даже компромиссные варианты решения династического вопроса. Организационным центром движения стало *московское подворье Троице-Сергиева монастыря*, а его деятельным вдохновителем — келарь этого монастыря *Авраамий Палицын* (ок. 1550—1626), лицо весьма влиятельное среди и ополченцев, и москвичей. Упоминание о происходивших в обители совещаниях сохранилось в одном из Русских хронографов третьей редакции: «И приходили на подворье Троицкого монастыря к келарю старцу Авраамию Палицыну многие дворяне и дети боярские, и гости многие разных городов, и атаманы, и казаки и открывают ему совет свой и благоизволение, принесоша ж и писание о избрании царском» (*ОР РГБ. Ф. 247. Рогожское собрание. № 84. Л. 855.*). *На совещаниях с участием келаря Авраамия и решено было провозгласить царем 16-летнего Михаила Федоровича Романова-Юрьева*, сына плененного поляками ростовского митрополита Филарета, тесно связанного в прошлом и с антигодуновской оппозицией, и с «тушинцами».

К романовской партии примкнули многие бояре и приказные дельцы: князь И.В. Голицын, И.Н. Романов, князь Б.М. Лыков, князь И.Б. Черкасский, Б.М. Салтыков, М.Г. Салтыков, думный дьяк Сыдавный Васильев, дьяки И. Третьяков и Г. Мартемьянов. Михаила Романова поддержало и высшее православное духовенство — Освященный собор.

В то же время против планов сторонников дома Романовых выступила сильная *правительственная партия*. К ней принадлежали: князь Д.Т. Трубецкой, князь Д.М. Пожарский, князь Ф.И. Мстиславский (в прошлом глава «Семибоярщины»), князь И.С. Куракин и некоторые другие князья и бояре. Г.А. Замятин в своей неопубликованной работе подчеркивал, что кроме Ф.И. Мстиславского при избрании царя на Земском соборе 1613 г. за кандидатуру Михаила Федоровича Романова высказались все остальные члены московской «Семибоярщины». Против же были в основном «*бояре и воеводы*» *земского лагеря*. (См.: Замятин Г.А. *Из истории борьбы Польши и Швеции за Московский престол в начале XVII столетия* // ОР РГБ. Ф. 618. Архив Г.А. Замятина. К. 2. Ед. хр. 2. Л. 115–116.). Отмеченное Г.А. Замятиным обстоятельство требует уточнения – выступавший против кандидатуры Михаила Романова русский воевода князь И.С. Куракин не был членом «Семибоярщины», потому что, не ограничиваясь компромиссным признанием московским государем королевича Владислава, летом 1610 г. открыто перешел на сторону польского короля Сигизмунда III.

Находившийся в Новгороде шведский полководец Я.П. Делагарди, внимательно и заинтересованно следивший за деятельностью Земского собора и за протекавшей весьма бурно избирательной кампанией в Москве, отмечал драматический характер происходивших тогда в русской столице событий, где *вопрос царского избрания решался при деятельном участии народных масс – московских «простых людей» и казаков*. В одном из посланных в Швецию донесений Делагарди писал, что они «князя Трубецкого и князя Пожарского в их домах осадили и принудили их согласиться на свое избрание великого князя». Еще определеннее о событиях тех дней в Москве говорится в «*Листе земских людей Новгорода Великому к королевичу Карлу Филиппу*»: «...Но мы можем признать, что в Московском государстве воры одолели добрых людей; мы также узнали, что в Московском государстве казаки без согласия бояр, воевод и дворян, и лучших людей всех чинов, своим воровством поставили государем Московского государства Михаила Романова».

На фоне этих драматических событий **21 февраля 1613 г.** Земский избирательный собор, уступая энергичному нажиму снизу, провозгласил царем и великим князем *Михаила Федоровича Романова-Юрьева* (1596–1645), после освобождения Москвы от поляков проживавшего с матерью в Костромском Ипатьевском монастыре. Согласно сложившейся в Смутное время традиции, новому российскому государю пришлось, видимо, согласиться с известным огра-

ничением своих прав и привилегий. Условия *ограничительной записи* царя Михаила Федоровича Романова соответствовали соглашениям, выработанным при избрании на царство Василия Ивановича Шуйского и польского королевича Владислава. Так, в соответствии с выработанными собором условиями, первый царь из дома Романовых обязывался следовать традиционным формам управления государством, не вводить новых законов без согласия Боярской думы и Земского собора, охранять права Русской Православной Церкви и не помнить «ни о какой частной вражде». Существенно ограничивались полномочия нового государя и в области внешней политики («ни войны, ни мира с соседями одному и по собственному усмотрению не предпринимать»).

После вступления на престол обоснование прав Михаила Федоровича быть «на великих государствах Российского царствия» становится важнейшей задачей отечественной дипломатии. Работа начата была еще в конце февраля—марте 1613 г., что показывает окружная грамота Земского собора во все российские города, мартовская грамота Земского собора польскому королю Сигизмунду III. Окончательно же обоснование прав Михаила Романова на русский престол было выработано к августу 1613 г. — к моменту написания известительной грамоты Михаила Федоровича королю Франции Людовику XIII. Составителями этого документа избрание государей на российский престол Земским собором было представлено *обычным явлением русской жизни*. Так, подчеркивают ее составители, Борис Федорович Годунов «учинился в 1598 г. царем по избранию всех людей всего Российского царствия». В 1606 г., указывается в грамоте, «Московского государства бояре и воеводы, и всяких чинов люди служилые и земские избрали на государство Московское и на все государства Российского царствия, государем из бояр от рода суздальских князей Василья Ивановича Шуйского». И Михаил Федорович «учинился» на российском престоле «по Божьей милости и по племени великих государей предков наших царей российских. А по благословиению великие государыни матери нашей старицы иноки Марфы Ивановны и по избранию, и по челобитью Московского государства царей и царевичев, которые служат в нашем Московском государстве, и бояр, и окольничих, и дворян, и детей боярских, и гостей, и торговых людей, и всех людей всех городов всего великого Московского государства» (*ОР РГБ. Ф. 256. Собрание Н. П. Румянцевой. № 381. Л. 2, 10 об.; Л. 32 об. — 33.*).

В исторической литературе *проблема существования ограничительной записи* царя Михаила Федоровича Романова остается одной из ключевых и спорных. Ряд исследователей признавали существование

упомянутой в источниках записи, считая ее важнейшим государственным актом (М.А. Фонвизин, И.А. Худяков, А.П. Шапов, Д.И. Иловайский, В.И. Сергеевич, П.Н. Милюков, Л.В. Черепнин), некоторые отрицали (С.Ф. Платонов, Д.В. Цветаев). Однако большинство исследователей признавало грамоту, но с существенными оговорками. Одни считали принятие Михаилом Федоровичем ограничивающих его власть условий личным делом нового царя, не имевшим никакого значения в русской государственной жизни (наиболее полно такое обоснование ограничительной записи Михаила Федоровича сформулировано было Б.Н. Чичериным). Другие называли грамоту негласной природной сделкой, направленной к обеспечению личной безопасности бояр от царского произвола (в пользу этого предположения высказывались В.О. Ключевский, Ф.В. Тарановский, А.И. Маркевич, Е.Д. Сташевский). С.М. Соловьев также полагал, что если с царя Михаила Федоровича Романова и была взята запись, то силу она имела лишь в начале его царствования, причем обеспечивала интерес исключительно боярский. Несколько отличной точки зрения придерживался П.Г. Любомиров. Он отмечал, что царю предъявлены были известные пожелания от имени Земского собора, однако саму запись называл «челобитьем», считая, что «царь и с ограничением остался верховным правителем и обладателем государства, а бояре и получившие после обещания Михаила определенное право на участие в управлении, все же являлись слугами его, а не равно с ним поставленными правителями».

Возражая тем, кто признавал существование ограничительной записи Михаила Федоровича Романова, Д.В. Цветаев писал, что сам факт ее существования не бесспорен, свидетельства о ней противоречат одно другому и не дают возможности установить; в чем именно ограничительные условия заключались. Еще более категорично о записи царя Михаила отзывался С.Ф. Платонов, убежденно настаивающий на недостоверности сообщений о ее существовании. В статье «Московское правительство при первых Романовых» он подверг сомнению все имеющиеся о ней показания источников. И поскольку в ней в наиболее полной и законченной форме высказаны были возможные возражения по этому вопросу, необходимо рассмотреть выдвинутые им аргументы и доводы (см. в кн.: *Платонов С.Ф. Статьи по русской истории. СПб., 1912*).

Все известия о царской роте (присяге) 1613 г. Платонов разделяет на сообщения современников и более поздние (начала XVIII в.) ссылки на принятие Михаилом Федоровичем условий ограничительной записи в работах иностранцев (Фоккеродта, Шмидт-Физельдека, Миниха-сына) и В.Н. Татищева. Разбирая известия второй группы источников, историк приходит к мысли, что все они возникли одно-

временно в связи с предпринятой «верховниками» попыткой упразднить «старую полноту власти государя». Причастные к этому делу лица, по мнению автора, обращались «за справками и сравнением к прошлому, именно к тем моментам, когда в старой Москве ставились и решались те же самые вопросы о формах и способах управления». Платонов не оспаривает существования известных условий, ограничивающих власть Василия Ивановича Шуйского и польского королевича Владислава, однако считает ошибочным соотнесение их с первыми годами правления Михаила Федоровича Романова. Он пишет, что и Страленберг, и Фоккеродт, и Миних, «не зная действительных отношений царя и Земского собора, представляли их себе в том виде, какой считали нормальным по понятиям своей эпохи». Поэтому они воспроизводили положение не действительно бывшее в России в 1613 г., а такое, какое предполагалось естественным для европейской политической теории начала XVII в.: царская власть ограничена бюрократической олигархией и связана рядом точно сформулированных условий. Два других сообщения XVIII в. – Шмидт-Физельдека и Татищева, по мнению Платонова, не более чем упоминания авторов, веривших в справедливость ходивших рассказов о существовании ограничительной записи царя Михаила Федоровича.

Отказав в достоверности сообщениям XVIII в., Платонов останавливается на известиях XVII столетия – псковском сказании «О бедах и скорбях, и напастях» и сочинении Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича». В данном случае историк также строг в оценках, объясняя появление псковского сказания о царской «роте» не знанием действительного политического факта, а желанием объяснить непонятные факты на основании слуха или домысла. Не менее пристрастен С.Ф. Платонов и к Григорию Котошихину, повторяя суждение А.И. Маркевича, что беглый подьячий знал московское прошлое «плоховато». Поэтому сообщение Котошихина о том, что царь Михаил Федорович не мог ничего делать «без боярского совету» (отождествленного у него, как это признает и Платонов, с Боярской думой) историк считает «совершенно невразумительным» поскольку «сама Боярская дума в момент избрания Михаила, можно сказать, не существовала и ограничивать в свою пользу никого не могла». На этом основании и делает Платонов излишне категоричный вывод о том, что «не наблюдается ни одного фактического указания на то, что личный авторитет государя был чем-либо стеснен даже в самое первое время его правления».

Ошибочность такого толкования источников проистекает из двух обстоятельств: убеждения в том, что воцарение Михаила Федоровича могло быть обставлено лишь боярскими ограничениями (возможность ограничения царской власти Земским собором он даже не рас-

смаатривает) и отказа исследователя от компаративного рассмотрения сообщений источников. Рассматривая их изолированно друг от друга и предельно критически, С.Ф. Платонов не сопоставлял содержащиеся в них сведения, не соотносил их и с предшествующими попытками ограничения самодержавной власти государя.

Иной подход к показаниям источников о государевой «роте» 1613 г. продемонстрирован в «Очерках по истории русской культуры» П.Н. Милюкова (см.: *Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Спб., 1901. Ч. 3. Вып. 1*). Вопрос законодательного ограничения власти царя Михаила Федоровича Романова он вполне обоснованно связывал с известными ограничительными мероприятиями предшествующих лет (записью царя Василия Ивановича Шуйского и договорами, обусловившими избрание на московский престол польского королевича Владислава). Для нас же особый интерес представляют высказывания автора, опровергающие сложившееся убеждение, что ограничительная запись царя Михаила Федоровича представляла собой своего рода сделку между государем и боярством. Он утверждает, что во время работы Земского собора 1613 г. бояре были бессильны и не могли наложить на царя никаких обязательств, так как стали «предметом вражды всей земли, всемогущей тогда в лице своей рати и своих представителей на Земском соборе».

Ограничительная запись, по Милюкову, дана была не Боярской думе, а органу «всей Земли», заменившему бояр в их правах и обязанностях. Убеждает его в правильности такого понимания дела «роль Земского собора в последние годы Смуты и в первые девять лет царствования Михаила Федоровича». Лишь в 1622 г., считает историк, после частичной нормализации положения в стране, у правительства исчезает надобность в соблюдении условий, ограничивающих власть царя.

Точку зрения П.Н. Милюкова разделил и Л.А. Стешенко, который высказал предположение, что принятая Михаилом Федоровичем ограничительная запись была «перечеркнута» вернувшимся из польского плена отцом государя митрополитом Филаретом Никитичем, при котором также были ущемлены и права Боярской думы, из ведения которой изъяты были дела о земельных спорах и крестьянах, а также важные дипломатические вопросы (см.: *Стешенко Л.А. О предпосылках абсолютизма в России // Вестник МГУ. 1965. Серия X. Право. № 3.*).

Наиболее ранним из дошедших до нас свидетельств о записи 1613 г. является упоминавшееся выше псковское сказание «*О бедах и скорбях, и напастях*», вышедшее из-под пера представителя разоренного в Смутное время псковского посада (см.: *Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1*). Автор сказания сообщает о том, что после избрания царем

Михаила Федоровича «вельможи» и «бояре» его «к роте приведоша, еже от их вельможска роду и боярства, еще и вина будет приступлению их, не казнити их, но рассылати в затоки». Краткое и лаконичное известие это имеет важное значение. Во-первых, потому, что написано оно было современником событий. Во-вторых, потому, что позволяет высказать сомнение в выдвинутом В.О. Ключевским и Ф.В. Тарановским предположении о тайном закулисном характере предъявленных вновь избранному российскому государю ограничительных условий. Вряд ли тайное соглашение могло стать достоянием псковских посадских низов, выходцем из которых числят автора сказания «О бедах и скорбях, и напастях» большинство исследователей.

Ссылаясь на сообщение другого источника – книгу *Григория Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича»*, исследователи чаще всего цитируют его известие о том, что «царь Михаил Федорович, хотя самодержцем писался, однако без боярского совету не мог делать ничего» (см.: *Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. С. 142*). Между тем чрезвычайно важным нам представляется и рассказ Котошихина о том, что и «прежние цари, после Ивана Васильевича, обираны на царство: и на них были иманы писма, что им быть не жестоким и непалчивым, без суда и без вины никого не казнити ни за что, и мыслити о всяких делах з бояры и з думными людми сопча, а без ведомости их тайно и явно никаких дел не делати» (*Там же. С. 141*). Более того, из сообщения беглого московского подьячего о том, почему такое «письмо» не было взято с сына Михаила Федоровича Алексея Михайловича, воцарившегося после его смерти, тоже проясняются некоторые обстоятельства предпринятых ранее попыток законодательного ограничения власти московского государя: «А нынешнего царя обрали на царство, а писма он на себя не дал никакого, что прежние цари даывали, и не спрашивали, потому что разумели его гораздо тихим, и потому наивышшее пишетца «самодержцем» и государство свое правит по своей воли. И с кем похочет учинити войну и покой, и по покою что кому по дружбе отдати, или какую помощь чинити, или, иные всякие великие и малые своего государства дела похочет по своей мысли учинити, з бояры и з думными людми спрашивается о том мало, в его воле, что хочет, то учинити может...» (*Там же. С. 141 – 142*). Исходя от обратного становится ясно, что до «тихого» Алексея Михайловича, по Котошихину, русские цари: во-первых, правили не «по своей воле», во-вторых, с кем захотят «учинити войну и покой не могли, в третьих, «з бояры и з думными людми» вынуждены были держать постоянный совет. Таким образом, сообщение бежавшего за московские рубежи подьячего Котошихина, взятое во всей его полноте, содержит информацию гораздо более обширную и важную, чем это признавалось ранее.

Наши представления о вполне вероятных ограничительных мероприятиях Земского собора 1613 г. связаны с сообщениями источников не только XVII, но и XVIII в. Так, оказавшийся в ходе Северной войны в русском плену швед *Ф.И. Страленберг* в своем сочинении «*Северная и восточная часть Европы и Азии*», писал, что незадолго до состоявшегося в Москве в 1613 г. царского «обирания», находившийся в польском плену митрополит Филарет Никитич (Федор Романов, как его по мирскому имени называет Страленберг) переправил в Россию к близкому родственнику своей жены боярину Шереметеву письмо, в котором настоятельно требовал от сторонников старой романовской партии поставить перед избранным «всею землею» новым русским царем условия, «относительно которых избираемый должен обещать, что на них соглашается и будет свято их соблюдать...». *Письмо ростовского митрополита очевидно явилось своеобразным отражением общественной необходимости.* Как отмечает Страленберг, участниками собора в соответствии с рекомендациями Филарета было решено потребовать от вновь избранного царя, чтобы он «принял все предложенные собором условия и должен [был] быть коронован не прежде, чем обещает сдержать таковые». Автором другого, аналогичного этому известия был *И.Г. Фоккеродт* – секретарь прусского посольства в России, также упоминавший о грамотах, направленных в Москву митрополитом Филаретом. Его сообщение отличается от рассказа Страленберга большей полнотой и конкретностью. В частности, он пишет: «...Не только бояре, но и все другие, находившиеся в высшей государственной службе, имели там (на Земском соборе. — *В.В.*) место и голос, и единодушно решились не выбирать себе в цари никого, кроме того, который под присягой обещается предоставить полный ход правосудию по старинным земским законам, не судить никого государскою властью, не вводить новых законов без согласия собора, а тем менее отягощать подданных новыми налогами, или решать что бы то ни было в делах войны и мира. А чтобы тем крепче связать нового государя этими условиями, они положили еще между собой не выбирать в цари такого, у которого сильное родство и сильные приверженцы, так как, с помощью их, в состоянии он будет нарушить предписанные ему законы и присвоить опять себе самодержавную власть ... Царь Михаил, не колеблясь принял и подписал вышепомянутые условия...» Сокращенный рассказ Фоккеродта был приведен *Э. Минихом-сыном* в дополнении к запискам *К.Г. Манштейна*. *В.Н. Татищев* в своей работе «*Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном*»

писал, что «царя Михаила Феодоровича хотя избрание было порядочно всенародное, да с такою же (как у В. И. Шуйского. — В. В.) записью, чрез что он не мог ничего учинить, но рад был покою. На существование в недалеком прошлом ограничительной записи царя Михаила Феодоровича Романова ссылается и К. Шмидт-Физельдек в своих «*Материалах по русской истории после смерти императора Петра Великого*». Историк, в частности, отмечает, что оригинал данной Михаилом Феодоровичем «капитуляции» находился в кафедральном (Успенском) соборе в Москве, а к началу 1730 г. ее краткое изложение все еще хранилось в одном из архивов.

Приведенные выше сообщения источников при всей своей разноплановости и разновременности, взятые вместе, свидетельствуют, видимо, о все же имевшем место **существенном ограничении власти московского государя Земским собором, в феврале 1613 г. избравшим его на царство и ставшим (поскольку просуществовал он, не распускаясь, до 1615 г.) первым постоянно действующим органом сословного представительства в русской истории.**

§5. РОССИЯ В 1613–1617гг. ДЕУЛИНСКОЕ ПЕРЕМИРЬЕ И СТОЛБОВСКИЙ МИР

Восстановление разрушенного в годы Смутного лихолетья государственного управления, несмотря на благоприятное разрешение в феврале 1613 г. династического вопроса, было затруднено продолжающейся интервенцией со стороны *Польско-Литовского государства* и *Швеции*. После освобождения Москвы и избрания на российский престол Михаила Феодоровича последовала эскалация военного конфликта с этими государствами. Правительство и, что более важно, правители Польши и Швеции считали себя обманутыми в надеждах на подчинение, если и не прямое, то опосредованное (через личную унию) Московской Руси. На Северо-Западе страны шведы предприняли ряд новых попыток взять Псков, осаду которого возглавил сам шведский король Густав II Адольф. В центральной же части России моментом наивысшей опасности для еще очень слабого и в военном, и в экономическом отношении Московского государства стала **осень 1618 г.**, когда польское войско, ведомое королевичем Владиславом и гетманом Карлом Ходкевичем, подошло к Москве и вновь заняло село Тушино. Однако ни шведам короля Густава-Адольфа под Псковом, ни полякам Владислава и Ходкевича под Москвой не удалось достичь поставленных целей. Разбитые на приступах, интервенты

вынуждены были в конце концов отвести свои понесшие большие потери войска и начать переговоры о мире, в котором Московское государство нуждалось неизмеримо больше своих противников. Но и противники разоренной России вынуждены были искать примирения в связи с надвигающимися событиями в Европе, которые выльются в 30-летнюю войну (1618 – 1648).

27 февраля 1617 г. в деревне Столбово было заключено мирное соглашение со Швецией (*Столбовский мир*). По условиям этого «вечного» мира Швеция возвратила России захваченные ею города *Новгород, Старую Руссу, Порхов, Ладугу и Гдов*. Однако русское правительство вынуждено было уступить шведам *Ижорскую землю с городами Корелой, Ямом, Копорьем, Орешком и Иван-городом*. Проживавшие в этих уездах русские люди (кроме крестьян и приходских священников) получили право в течение двух недель покинуть родные места и переехать на земли оставшиеся за Московским государством. А годом позже, **1 декабря 1618 г.**, в селе Деулино, расположенного недалеко от Троице-Сергиева монастыря, осажденного войском польского королевича Владислава, подписано перемирие с Польшей сроком на 14,5 лет (*Деулинское перемирие*). Русские послы *Ф.И. Шереметев, Д.И. Мезецкий и А.В. Измайлов* вынуждены были согласиться на уступку Польше *смоленской и черниговской земли с 29 городами, в том числе и Смоленском*. Королевич Владислав, ссылаясь на свое избрание москвичами в августе 1610 г. русским государем, продолжал именовать себя царским титулом и претендовать на российский престол. Деулинское перемирие сделало возможным возвращение из польского плена ростовского митрополита Филарета (вскоре после этого ставшего патриархом) и прославившегося героической обороной Смоленска боярина *М.Б. Шеина*. *Заключенные с огромными для России территориальными потерями соглашения – Столбовский мир и Деулинское перемирие – дали Московскому государству столь необходимую ему мирную передышку и стали своего рода точкой отсчета восстановления разрушенной и опустошенной страшной междоусобицей страны.*

В 1618 г. закончился один из самых трудных периодов российской истории – Смутное время. И потребует целое столетие, чтобы вернуть утраченные территории и восстановить хозяйство. **От худшего, когда «Власть» полностью утратила какие-либо возможности по управлению государством, Россию спасла именно «Земля».** В свою очередь, земское самоуправление и правление в годы «Смуты» продемонстрировало большие потенциальные возможности в самые трудные годы борьбы на многочисленных фронтах. Но определенное успокоение приведет к своеобразному перевороту, который осу-

шествит Филарет вскоре после возвращения из польского плена. И «Новый период» российской истории, которым обычно обозначается XVII в., окажется весьма противоречивым и в социально-экономическом, и в политическом отношениях.

Литература

- Берх В.Н.* Царствование царя Михаила Феодоровича и взгляд на междуцарствие. Ч. 1. СПб., 1832.
- Записки Манштейна // Русская старина. 1875. № 12.
- Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 3 // Ключевский В.О. Сочинения. Т. 3. М., 1988.
- Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884.
- Любомиров П.Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611 – 1613 гг. М., 1939.
- Маркевич А.И.* Избрание на царство Михаила Федоровича Романова // ЖМНП. 1891. № 10.
- Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Ч. 3. Вып. 1. СПб., 1901.
- Платонов С.Ф.* Статьи по русской истории. СПб., 1912.
- Россия при Петре Великом по рукописному известию И.Г.Фоккеродта // ЧОИДР. Кн. 2. 1874.
- Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. IV. М., 1989; Кн. V. М., 1990.
- Сташевский Е.Д.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Ч. 1. Киев, 1913.
- Стешенко Л.А.* О предпосылках абсолютизма в России // Вестник МГУ. 1965. Серия X. Право. № 3.
- Страленберг Ф.И.* Рассказ об избрании на царство Михаила Феодоровича Романова // ЖМНП. 1891. № 10.
- Тарановский Ф.В.* Соборное избрание и власть великого государя в XVII столетии // ЖМНП. 1913. № 5.
- Татищев В.Н.* Произвольное и согласное рассуждение собравшегося шляхетства русского о правлении государственным // Избранные произведения. Л., 1979.
- Томенцев И.О.* Из истории Избирательного земского собора 1613 г. // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995.
- Цветаев Д.В.* Избрание Михаила Федоровича на царство. М., 1913.
- Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI – XVII вв. М., 1978.
- Чичерин Б.Н.* О народном представительстве. М., 1866.
- Hirschberg A.* Polska a Moskwa w pierwszej polowie wieku XVII. Lwow. 1901.
- Schmidt-Phiseldek C.* Materialien zu der Russischen geschichte Seit dem tode kaisers Peter des Grossen. Riga, 1784.

ГЛАВА XXII

*Русская культура XIV–XVI вв. **

«Красота наша погибла, богатство наше досталось другим» («Красота наша погыбе, богатство наше онем в корысть бысть») — так оплакивал судьбу разоренной монголами Руси Серапион Владимирский**. Символично, что скорбит древнерусский книжник прежде всего о светлой красоте родной земли, а потом уже упоминает накопленные трудами многих поколений предков и разрушенные материальные богатства. Но не стоит забывать о взаимосвязи этих, казалось бы, столь разных понятий. Пали, рассыпались черным прахом не просто сияющие величием города, а кипящие жизнью центры ремесла и торговли. В пламени пожаров сгорели бесценные рукописные сокровища — харатейные книги и грамоты Древней Руси, творение умелых и искусных писцов и изографов. Погибли, были уведены в рабство мастера — ювелиры, бронники, каменщики, гончары, стеклодувы, резчики по дереву и кости. Уникальное русское ремесло, явившее миру в предшествующие эпохи столько настоящих шедевров, опростилось; были навсегда утрачены многие технические приемы и навыки, секреты которых бережно хранились в одном роду и передавались от отца к сыну.

Восстановление разрушенного хозяйства, возрождение городского ремесла, сельских промыслов потребовало времени и колоссальных усилий уцелевшей части русского народа. Неизмеримо утяжеляла эту ношу необходимость борьбы с татарами, набеги которых продолжались и в XVI, и в XVII столетиях. Лишь во второй половине XVIII в. с завоеванием Крымского ханства была завершена эта многовековая борьба.

* Глава написана В.А. Волковым.

** ПЛДР. XIII век. М., 1981. С. 447, 448. Сделанный для этого издания В.В. Колесовым перевод фрагмента одного из произведений Серапиона Владимирского, с нашей точки зрения, не совсем удачен — «Великолепие наше сгнуло, богатство наше стало добычей врага...»

До монголо-татарского нашествия XIII в. степень развития материальной культуры русских земель-княжеств не уступала, а в ряде случаев и превосходила уровень передовых государств Европы. Вторжение военизированной и хорошо организованной монгольской армии не просто разрушило цветущую культуру восточнославянского мира, но вынудило видоизменить ее, встроив в не менее военизированную и организованную систему, только и способную выстоять в условиях постоянного силового давления Орды на Русь.

Восстановление разоренной страны и отвлечение ее жизненных сил на борьбу за выживание затормозили прогресс русской техники, что имело печальные последствия в эпоху начавшегося качественного развития европейской инженерной мысли, создавшей ряд важнейших изобретений, открытий и усовершенствований. Достаточно сказать, что уже в XV в. в Западной Европе появляются доменные печи, выплавлявшие чугун для последующей переплавки на сталь. В России чугунолитейное производство возникает лишь в начале XVII в. Такое же отставание наблюдается и в других отраслях русской техники.

§1. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ТРАДИЦИОННЫЕ ПРОМЫСЛЫ

Монголо-татарское нашествие нанесло страшный удар по русскому сельскому хозяйству. Особенно пострадало *земледелие*. Пашни заросли «лядиною» — молодым лесом, запустели знаменитые русские черноземы. Сколько-нибудь безопасная для сельского населения территория начиналась лишь за рекой Окой. Новые земли под пашню осваивались не на юге, а к северу и северо-востоку от Волги. В системе севооборота всю большую роль стало играть *трехполье*, хотя сохраняется и *подсека*, и *перелог* на лесных рощистях, а в некоторых местах и *пашня наездом*. Основным пахотным орудием была двузубая соха с железными сошниками. Вертикально укрепленная рассоха позволяла избегать частых в лесной местности зацепов за корневище. Медленно начинает входить в практику удобрение земли навозом. Первое упоминание о «гноише» — навозе содержится в одной из псковских грамот, датированной 1469 — 1485 гг., позднейший список с которой опубликован Л. М. Марасиновой.

Как и ранее, в качестве рабочего скота земледельцы использовали лошадей и лишь изредка волов. Распахав землю, ее засевали семенами хлебных злаков — *ячменя, проса, пшеницы, ржи* (использо-

вавшейся и в качестве единственной озимой культуры), *овса*. Основным способом уборки хлебов была жатва серпами. Высушенный и обмолоченный цепами хлеб ссыпали в «житные» амбары.

Среди огородных культур самыми распространенными были *репа* и *капуста*. Выращивали также *лук*, *чеснок*, *огурцы* (при раскопках в Новгороде их семена были найдены в слое XIII в.), *морковь*. Настоящее изобилие овощей на Руси отмечал известный путешественник Сигизмунд Герберштейн. Он же писал о выращиваемых москвитями *дынях*: «Дыни они сеют с особой заботливостью и усердием: перемешанную с навозом землю насыпают в особого рода грядки, довольно высокие, и в них зарывают семя. Таким образом, оно одинаково предохраняется от жара и от холода. Ибо если случайно будет чрезмерный зной, то они устраивают в смешанном с землей навозе щели, в роде как бы отдушин, чтобы семя не сопрело от излишнего тепла; при чрезмерном же холоде теплота навоза оказывает помощь зарытым семенам». В московских, владимирских рязанских садах плодоносили яблони, вишни, сливы. Из ягодных кустарников местным садоводам были несомненно хорошо известны малина и черная смородина.

Важное значение сохраняло домашнее *скотоводство*. Помимо указанных выше лошадей разводили коров, свиней, реже коз. Растиражированное в прошлом утверждение Герберштейна о том, что лошадей на Руси не подковывали, давно уже доказательно оспорено археологами. Непременным и важным условием ведения хозяйства было устройство птичьих дворов. Помимо обычной домашней птицы — кур, уток, гусей, рачительные хозяева нередко заводили голубей и даже лебедей и журавлей.

Почти на всех русских реках и озерах существовали *«рыбные ловли»*. Традиционно популярное в этом промысле использование неводов, мережей и других сетей, дополнялось и другими способами ловли: крупную рыбу били острогами, ловили удилищами, используя блесны и различные рыболовные крючки, на небольших реках устраивали «ез» — частокол (или плетень), набиваемый поперек водного потока. Если такую «городьбу» устанавливали не во всю ширину реки, то такая ловушка называлась «заезок». Перечислить все виды рыб, бывшие объектом промысла, вряд ли возможно. Укажем лишь наиболее ценные из них: осетр, белуга, стерлядь, севрюга, лосось, сиг, судак, семга, налим, линь, сом и др.

В полном своем объеме сохраняла свое значение *охота* — и как объект пушного и мясного промысла, и как княжеская и боярская забава. Замечательное разнообразие существовавших охотничьих приемов и уловов неудивительно для бескрайнего лесного и озерно-болотного края, каким была Русь в то время. В источниках упо-

минается лесная (полешня), полевая, бобровая, утиная охота. Зимой поднимали из берлог медведей, истребляли волков, лис, рысей. Уже упоминавшийся выше Сигизмунд Герберштейн, возглавивший австрийское посольство в Московию, подробно рассказал о любимой Василием III псовой охоте на зайцев, на которую он был приглашен великим князем. Хорошо известно было искусство устройства охотничьих ловушек (цапок, волчьих ям, охотничьих самострелов). Меньше всего известно нам об охоте на морского зверя, несомненно достигшей в XIV – XVI вв. на Русском Севере промыслового значения. Подтверждением тому служит значительный удельный вес «рыбьего зуба» (моржовой кости) в новгородской торговле с ганзейскими городами. Сигизмунд Герберштейн также упоминает об импорте моржовой кости в Турцию, где из них изготовляли рукояти кинжалов. Более полное представление из документов той эпохи можно извлечь об искусстве *русской соколиной охоты*. «Высоких» соколов и кречетов наперебой выпрашивали у московских князей восточные владыки. Так, в 1466 г. Афанасий Никитин, отправляясь в свое знаменитое путешествие, встретил в Нижнем Новгороде Хасан-бека, посла ширван-шаха Фаррух-Ясара. Встретил и отметил, что Хасан-бек вез из Москвы 90 русских кречетов. Несколько лет спустя о еще большей услуге просил Ивана III крымский хан Менгли-Гирей, хотевший получить не только ловчих птиц (кречетов и ястребов), но и специалистов по их обучению – «сокольников». Об охоте с ловчими птицами – соколами, коршунами, ястребами, о приручении их и порядке содержания писал С. Герберштейн.

Бортничество в XIV в. уже было развитым и доходным промыслом. Продукты его – мед и воск в больших количествах возились через Новгород и Псков на Запад. Изготовление колод-бортей и установка их на деревьях требовали настоящего искусства и немалой сноровки. Чтобы уберечь борти от медведей их приходилось поднимать высоко на деревья, используя специальные веревки и подъемники «люльки». Подняв колоду на дерево, бортник крепил ее или на сучьях, или на специальном настиле, покрывая установленную борть лубом и берестой для защиты от дождя. Впрочем, и на самом высоком и гладком дереве существовала опасность разорения пчельников медведями. Поэтому здесь изготовлялись различные защитные приспособления – вешались на веревках чурбаны с острыми шипами и заостренными сучьями, в стволы деревьев и доски настилов вбивались острые ножи и заточенные гвозди.

Помимо указанных, повсеместно распространенных, традиционных промыслов сельское население Руси в ряде районов до-

бывало *соль, болотную железную руду, изготовляло древесный уголь, деготь, смолу*. Наибольший интерес представляет устройство *соляных варниц*. В XVI в. русские мастера научились добывать «рассол» (засоленную воду) из скважин, достигавших глубиной 160 м. Для этого строились настоящие «буровые вышки» высотой до 12–18 м. Под этим дощатым сооружением рыли колодец, в который опускали деревянную трубу «матицу» и через нее вели дальнейшее бурение с помощью больших воротов. Добытый в конце тяжелой, многомесячной работы «рассол» заливали в большие сковороды-«црены» и на огне выпаривали соль. Большой интерес к соляному производству проявляли русские монастыри. На добыче и торговле этим незаменимым продуктом разбогатели купцы и промышленники Строгановы, костромские дворяне Адашевы, предки Алексея и Даниила Федоровичей Адашевых, сумевших встать в один ряд с главнейшими лицами Русского государства XVI в.

§ 2. ГОРОДСКОЕ РЕМЕСЛО

В конце 30-х гг. XIII в. тяжелейший удар был нанесен русскому городскому ремеслу. Уцелевшие во время монголо-татарского нашествия мастера были угнаны в Орду – «царство глухое и скверное», откуда возврата им не было. Лишь в XV в. ремесло восстанавливается, и в развитии его намечается некоторый прогресс. Это касается почти всех традиционных для Руси производств – металлургии и металлообработки, прядения и ткачества, гончарного дела, обработки кожи, кости, стекольного дела, деревообработки, ювелирного ремесла. Именно в XV в. *литейное дело*, бывшее в домонгольское время лишь ювелирным приемом в изготовлении женских украшений и церковной утвари (в том числе и небольших колоколов), превращается в крупную и очень важную отрасль складывающейся металлообрабатывающей промышленности. Большие успехи мастерами-литейщиками были достигнуты уже в начале XV в. Так, в 1420 г. для Троице-Сергиева монастыря был отлит колокол, весивший 20 пудов.

Новый этап в развитии литейного дела наступил в 70-х гг. XV в. Связан он был с началом литья первых *медных орудий*. До этого русские пушки были железными. Внедрение новой технологии улучшило качество *«наряда»* (артиллерийских орудий) и позволило перейти к изготовлению *пушек-пищалей* и *мортир* крупного калибра. Древнейшее на Руси литое медное орудие (шестнадцатипудовая пищаль) было изготовлено в апреле 1483 г. мастером Яковом. До этого русские пушки выковывались из железных полос.

Здесь необходимо сказать несколько слов о спорной проблеме определения времени появления собственного огнестрельного оружия в русских княжествах. Большинство современных историков считает неточной запись тверской летописи, где под 1389 г. было помечено: «Того же лета из немец вынесоша пушки». При этом указывается наличие неких огнестрельных орудий в Москве во время осады ее Тохтамышем (1382 г.). Однако не учитывается не только факт последующего захвата Москвы, а значит, и этих пушек татарами, но и то, что эти, первые на Руси орудия, скорее всего, были захвачены во время похода 1376 г. московской рати Д.М. Боброка на Волжскую Булгарию. В этой связи сообщение о появлении в 1389 г. в Твери пушек имеет действительно первостепенное значение. На это указывает следующий факт – в 1408 г. осадивший Москву эмир Едигей, зная о наличии в Твери первоклассной артиллерии, послал за ней туда царевича Булата, и лишь откровенный саботаж тверского князя Ивана Михайловича, чрезвычайно медленно готовившего «наряд» к походу, вынудили Едигея изменить планы и, взяв с москвичей не такой уж большой денежный выкуп, уйти обратно в Орду.

Определенную роль в улучшении качества русских артиллерийских орудий сыграли итальянские и немецкие мастера, работавшие в конце XV – начале XVI в. в построенной в Москве *Пушечной избе*. Хорошо известный строитель Успенского собора «муроль» (архитектор) *Аристотель Фиораванти* прославился и своим искусством лить пушки и стрелять из них. О признании его артиллерийских способностей свидетельствует участие знаменитого болонца в походе 1485 г. на Тверь, во время которого старый мастер состоял при полковом «наряде».

Кроме Аристотеля Фиораванти, в документах той эпохи упоминаются и другие мастера пушечного дела – *Петр*, приехавший на Русь в 1494 г. вместе с архитектором Алевизом Фрязиным, Иоганн Йордан, командовавший рязанской артиллерией во время татарского вторжения 1521 г., а еще ранее *Павлин Дебосис*, еще в 1488 г. отливший в Москве первое орудие большого калибра. Рядом и вместе с иностранцами работали русские мастера – предшественники блистательного *Андрея Чохова* (ум. 1629 г.), отлившего несколько десятков пушек и мортир, некоторые из которых (именные «Лисица», «Троил», «Инрог», «Аспид», «Царь Ахиллес», сорокатонная «Царь-пушка», «Соловей» и др.) стали шедеврами литейного дела.

Наличие собственных квалифицированных мастеров, способных изготавливать орудия разных типов и калибров, а также действия ряда пограничных государств (Литвы, Ливонии), стремив-

шихся ограничить проникновение на Русь европейской военной технологии, заставили московское правительство рассчитывать на свои силы в создании новых образцов артиллерийского вооружения. Однако вывод А. В. Муравьева и А. М. Сахарова о том, что с 1505 г. «в Москву уже не приезжали иностранные мастера пушечного дела», звучит излишне категорично. Известно, что через сто лет после 1505 г., в годы, предшествующие началу Смоленской войны 1632 – 1634 гг., шведский король Густав II Адольф направил в Москву своих мастеров, знавших секрет отливки легких полевых орудий – оружия, благодаря которому шведы одержали множество своих громких побед.

В эпоху создания Московского государства заметно изменяется *строительная техника*. Еще в конце XIII – начале XIV в. на разоренных татарами землях вновь возрождается каменное строительство. Традиции старого русского зодчества были сохранены новгородскими и псковскими мастерами, в ряде случаев сумевшими развить и приумножить их (псковские «звонницы»). Но лишь с появлением в Московском княжестве *кирпичного производства* и новой (и своей, и заимствованной у итальянских мастеров) технологии был обеспечен небывалый расцвет храмового, гражданского и военного строительства в России. Кирпич производился на государевых заводах и изготовлялся по стандартным размерам (6 x 3 x 1,5 вершка; 1 вершок = 4,5 см, позднее – 4,44 см) и имел особое клеймо – в виде государственного герба.

В ремесле, промыслах и быту использовались различные *механизмы*, иногда достаточно сложные. В домонгольское время были известны токарные станки, воздуходувные меха, подъемные устройства, вероятно, и водяные мельницы, хотя первое упоминание о них относится к 1267 г. В XV в. появляются новые механические устройства: различные типы огнестрельного оружия – пушки-пищали, мортиры («верховые пушки»), повсеместно распространяются водяные мельницы, нашедшие применение не только в мукомольном деле, но и во многих других отраслях производства. Энергию падающей воды использовали при создании тяжелых рычажных механических молотов, в сложных сверлильных и расточных приспособлениях. В XVI в. с появлением зубчатых передач можно уже говорить о настоящем водяном двигателе, впоследствии почти повсеместно использовавшемся на русских казенных заводах – первых в нашей стране предприятиях мануфактурного типа.

Великим изобретением ремесленного периода развития техники признано появление *механических часов*, первого прибора-автомата, созданного для сугубо практических целей. В Европе часы появля-

ются уже в IX – X вв. В России аналогичное устройство было создано в самом начале XV в. В 1404 г. на одной из башен Московского Кремля первые механические часы установил приехавший из Сербии монах Лазарь. Они не имели стрелок, так как вращающимся был сделан циферблат. Летописец записал об этом событии кратко, но выразительно: «Часы постави чудны велми и с луною, мастер же бе им чернец Лазарь Сербин».

Средства передвижения, использовавшиеся на Руси в XIII–XVI вв., условно можно подразделить на водный (речной и морской) и сухопутный транспорт. Наибольшего развития *речное и даже морское судоходство* достигло в Новгородской земле, а в XV–XVI вв. и в Русском Поморье. О больших походах новгородских ушкуйников либо с осуждением, либо с похвалой сообщают многие летописные своды. В каждом ушкуе помещалось до 30 человек, их оружие и припасы. Корабли этого типа отличались хорошими мореходными качествами и не раз бороздили воды северных ледовитых морей. Так, в 1320 г. в дальний поход на Норвегию новгородцы пошли именно на ушкуях, сначала вдоль побережья Белого, а затем уже и Баренцева морей. В XV в. ушкуи медленно вытесняет речной корабль иного типа – *насад*, имевший высоко поднятую носовую и кормовую часть, пригодную для установки пушек. В этом, в глазах русских корабельщиков, заключалось большое и явное преимущество насада над ушкуем. Псковский летописец сделал характерную запись о таком корабле, в 1460 г. захваченном немцами. Враги, войдя «в Норову реку ... насаду псковскую у ловцов с пушками и со всем запасом ратным отняли». Существовали на Руси и морские торговые (*юмы*) и промысловые (*кочи*) корабли. О наличии большегрузных транспортных лодок-белозерок мы знаем из рассказа о строительстве в 1551 г. города Свяжска. Выстроенная первоначально вблизи Углича эта деревянная крепость была разобрана на отдельные детали и фрагменты и на лодках-белозерках доставлена вниз по Волге в пределы Казанского ханства, где в считанные дни была собрана в устье реки Свяги. Впечатляет и размах этой транспортной операции и ее результативность.

В *сухопутных грузоперевозках* преобладал гужевой транспорт. Летом грузы перевозили на телегах, зимой – на санях, называвшихся в то время *возами*. Возницы-ямщики правили лошадьми, сидя на телегах или санях, а верхом на упряжных животных. В конце XV – начале XVI в. в стране создается служба, ведавшая перевозками и вестовой службой. В середине XVI в. она была сосредоточена в специальном учреждении – *Ямском приказе*. Однако о существовании государевой ямской службы, несомненно

предшествовавшей созданию этого ведомства, свидетельствует рассказ С. Герберштейна, дважды в 1517 и 1526 гг. побывавшего в России. Он отметил, что «государь имеет ездовых во всех частях своей державы, в различных местах, с надлежащим количеством лошадей, так чтобы, когда куда-нибудь будет послан Царский гонец, у него без замедления наготове была лошадь. При этом гонцу предоставляется полная свобода выбрать лошадь, какую он пожелает. Когда я ехал наскоро из великого Новгорода в Москву, то Начальник почт, который на их языке называется ямщиком, заботился, чтобы ранним утром мне приводили когда тридцать лошадей, а иной раз сорок или пятьдесят, хотя мне было нужно не более двенадцати. Поэтому каждый из нас брал такого коня, который казался ему подходящим...»

Чрезвычайно сложным является вопрос *организации денежного обращения* в русских землях в эпоху собирания их Москвой. В науке XIII и XIV столетия давно уже получили название *безмонетного периода*. При этом историков, знавших об отсутствии на Руси монетного металла (прежде всего, серебра), поражал факт выплаты князьями ордынской дани («выхода») именно серебряными слитками, «саумами», весом в 155 г каждый. Общее же количество вывозимых в Орду слитков драгоценного металла (лишь в качестве «царевой дани» туда ежегодно доставлялось 1300 кг серебра) вводило в заблуждение даже восточных авторов, именно тогда ошибочно писавших о Руси как о стране серебряных рудников. Все попытки объяснить это противоречие выглядят неубедительными, особенно же предположения В.Л. Янина, утверждающего о наличии в подвергшихся сокрушительному нашествию княжествах огромных запасов монетного металла. «Громадные фонды серебра, — пишет историк, — были рассыпаны по мелким сокровищницам многочисленных князей, бояр и купцов и... не были достаточно изолированы друг от друга».

С нашей точки зрения, тезис о наличии в разоренной татарами стране столь переполненных серебром сокровищниц неубедителен. Организовать систематический сбор дани на территории «Русского улуса» можно было, только наладив товарообмен имеющейся пушнины, воска, меда, возможно хлеба на западноевропейское серебро, ввозимое через Новгород и Литву, где уже с XIV в., как отмечает тот же В.Л. Янин, наблюдается обращение так называемых пражских грошей — чешских серебряных монет.

Чеканка русских монет возобновляется почти одновременно (в конце XIV в.) в трех княжеских центрах — *Нижнем Новгороде, Москве и Рязани*. Следует учитывать, что в Рязанском княжестве, наиболее тесно в политическом отношении связанном с Ордой,

установившаяся денежная система основывалась на обращении монеты аналогичной татарскому дирхему. Именно через приокские рязанские земли проникают на Русь названия монетных номиналов *денга* («таньга») и *алтын*.

Чеканка собственных монет в *Твери, Новгороде и Пскове*, вобравшая в себя опыт нижегородского и московского денежного производства, начинается позднее, не ранее первой четверти XV в.

Русская монетная чеканка имела ряд особенностей. Если в Европе и Золотой Орде легенда и герб воспроизводились на заранее подготовленных кружках, то на Руси штампованию подвергались нарезанные по определенному размеру куски серебряной проволоки, что безусловно заметно ускоряло процесс изготовления монет. Отсюда и характерная форма московских и новгородских денег — овальная, с небольшим выступом по краям.

В эпоху правления Василия II на Московском денежном дворе появляется важное изобретение — *маточник* — позитивный штампель, выполняющий роль образца-эталоны, с которого изготавливались негативные рабочие штампы.

Существование своих денежных систем в русских княжествах и землях (отмеченное вплоть до реформы Елены Глинской) породило значительное разнообразие монетных типов. Стандартизация их началась лишь в правление Ивана III, добившегося политической независимости от Орды, присоединившего к Москве Новгород и Тверь, города, где осуществлялась собственная монетная чеканка. Следствием начавшейся унификации денежных систем стало отмеченное многими специалистами сюжетное обеднение русского чекана.

В начале XVI в. сохранялась система, установившаяся в правление Ивана III. Монетное производство осуществлялось в Москве, Новгороде, Пскове и Твери. По весу различались «тяжелые» новгородские и псковские монеты (из гривенки серебра (208 г) их чеканили 260) и «легкие» московские и тверские деньги (из гривенки серебра чеканили соответственно 520 таких монет). Сигизмунд Герберштейн отметил наличие на Руси и медных денег — «*пулов*», игравших роль разменной монеты. Часто упоминаемые в источниках термины «*рубль*», «*полтина*», «*гривна*», «*алтын*» и в эту, и в последующую эпоху играли роль *счетных единиц*, не имевших монетного аналога.

Реформа, проведенная в 1533 — 1535 гг. правительством великой княгини Елены Васильевны Глинской, прежде всего определила размер новой монетной стопы, который был значительно снижен. Отныне из гривенки серебра чеканилось не 260, а 300 «тяжелых» монет, весивших по 0,68 г каждая. Отныне такая «тяжелая» монета

получила название «*копейка*» (по изображенному на ней всаднику с копьем), хотя в обыденной речи новые деньги еще долго именовались «новгородками». «Легкая» монета, весившая теперь 0,34 г серебра, получила название «*денга*». На ней был изображен всадник с поднятой над головой саблей. Появляется и «малая» серебряная монета — «полушка», весившая 0,17 г серебра, на которой чеканили изображение птицы. В *рубле* (как условно-счетной единице) было 100 копеек, или 200 денег, или 400 полушек. Чеканка «пулов» была прекращена, и они постепенно исчезли из оборота.

Серебряное сырье, необходимое для монетной чеканки, продолжало поступать из европейских государств в виде слитков металла и монет-талеров. Поскольку качество исходного материала было очень разным, все поступающее на монетные дворы серебро, переплавлялось для очистки. Полученный материал отличался высокой чистотой, и вплоть до 40-х гг. XVII в. в Европе не было более высокопробной серебряной монеты, чем русская.

§3. РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Развитие техники и материальной культуры в целом требовало научной проработки целого комплекса возникавших перед изобретателями и мастерами задач. Именно в этот период на Руси зарождаются *первые естественно-научные представления о природе*, давшие толчок дальнейшему развитию прикладной химии, математики, астрономии, минералогии, географии и геодезии, биологии и медицины. Отличительной чертой научного поиска того времени являлось *теологическое восприятие мира*. Этим объясняется сохранение значительных псевдонаучных напластований во многих областях знаний. Астрономия продолжала уживаться с астрологическими гаданиями, ученые-химики сплошь и рядом оказывались алхимиками, все более точные географические представления основывались все же на невероятных и фантастических «космографиях».

В уже устаревшей работе *Т.И. Райнова «Наука в России в XI — XVII вв.»*, явно преувеличивалась техническая и культурная отсталость Руси, равно как и вопросы появления естественных наук, и проблемы развития русской технической мысли. Например, очень сомнительными представляются утверждения автора о том, что без иностранных мастеров русские пушкари не могли даже сносно стрелять из пушек. То же писал он и о строительстве крепостей, починке часов, поиске рудных месторождений и т.п. Эти утверждения были подвергнуты достаточно подробному анализу в монографии

В.К. Кузакова «Очерки развития естественно-научных и технических представлений на Руси» (М., 1976). К сожалению, эта, в целом интересная и содержательная работа, содержит ряд хронологических ошибок и фактических неточностей, существенно умаляющих ее достоинства. Так, упоминая о смерти в Орде рязанского князя Романа Ольговича, автор датирует это событие 1230 г. — временем, когда еще не существовало никакой Орды, а следовательно, и необходимости русским князьям ездить на поклон к татарским ханам. Сразу же бросается в глаза и ошибочная датировка 1525 г. рукописного учебного курса геометрии Ивана Елизарьева, написанного в первой четверти XVII в. И особенно показательна очень существенная ошибка, возможно опечатка, в определении времени отъезда опального (? — так в тексте) патриарха Никона в ссылку (? — так в тексте) в Воскресенский монастырь — 1604 г. В действительности же в Новоиерусалимский Воскресенский монастырь патриарх Никон удался в 1658 г. Существенной недоработкой является и то, что В.К. Кузаков в своей работе лишь упомянул, но не рассмотрел организацию монетного производства, техники книгопечатания, ряда других важнейших новаций той эпохи. Помимо этого, автор ошибочно полагает, что колокола появились на Руси из Византии, хотя в настоящее время установлено, что русские колокола имеют западноевропейское (возможно, ирландское) происхождение. Не заметил В.К. Кузаков и предпринятую во второй половине XVI в. неудачную попытку организовать в Москве производство бумаги и, что еще важнее, существования на Руси значительного числа «чертежей» — географических карт, небольшая часть которых все же дошла до нашего времени.

Все вышесказанное свидетельствует об отсутствии в нашей специальной литературе полного и систематического труда, освещающего период зарождения русской науки, ее связи с техникой и производством, а также того воздействия, которое оказывала она на материальную культуру нашего народа. Вряд ли возможно осуществить эту актуальную задачу в данном учебном курсе, но обозначить ряд ключевых позиций необходимо.

Развитие *астрономических наблюдений* сдерживалось отсутствием специальных приборов — первая подзорная труба появилась в Москве лишь в начале XVII в., но всего через считанное число лет после ее изобретения в конце XVI в. голландским оптиком Хансом Липперсгеем. Узнав об этом, построил несколько телескопов своей конструкции Галилей, тогда же начавший свои наблюдения лунной поверхности, результаты которых были опубликованы в 1610 г. Несмотря на это, в предшествующую эпоху следует отметить

и подчеркнуть точное знание русскими летописцами причин некоторых небесных явлений. О произошедшем 29 июня 1563 г. кольцеобразном солнечном затмении в Псковской летописи было записано, что произошло оно, так как «месяц подошел под Солнце и бысть мрачно не много, в начале рожения месяца».

Важный толчок астрономическим исследованиям дала необходимость составления новых *Пасхалий*. Старые, составленные еще в Византии, таблицы исчисления времени Пасхи и других подвижных церковных праздников, были доведены лишь до 1492 г. (7000 г. от Сотворения мира), когда ожидался «конец миру». Несбывшееся пророчество потребовало, во-первых, переосмысления идеи оправданности точного указания дат «конца мира» (Иосиф Волоцкий прямо указывает на невозможность такого знания), а во-вторых, нового точного определения дней предстоящих церковных календарных праздников. Итог многолетнему труду подвел новгородский иерей Агафонник, в 1540 г. завершивший составление Пасхалии на 532 г. вперед.

Практическая *арифметика и геометрия* были широко распространены на Руси и в предшествующие столетия. Определенные математические знания необходимы были при расчетах конструкций зданий, в торговых операциях, при сборе налогов, в крупном, например литейном, производстве, составлении переписных и писцовых книг, ведении фортификационных работ, определении расстояний, пройденных войском или судовой ратью.

В эти века продолжалась разработка наименований для крупных числовых разрядов. В конце XV в. на Руси имелись обозначения для десяти тысяч — «*тьма*», ста тысяч — «*легион*», миллиона — «*леодр*»; в XVI в. к ним добавилось обозначение для десяти миллионов — «*ворон*»; в конце XVI — начале XVII вв. появляется название «*колода*» для обозначения числа в сто миллионов.

В конце XV в. зарождается совершенно иной, основанный на математическом планировании принцип *проектирования* вновь возводимых *фортификационных сооружений*. До этого русские города строили по линии естественной возвышенности, укрепляя рвами и валами. Теперь же стены и башни новых крепостей стали возводить по пропорциональному геометрическому плану. Первым сооружением такого типа стали укрепления Иван-города, мощной, квадратной в плане цитадели, заложенной на северо-западной границе России в мае 1492 г. При проведении работ по расширению крепости в 1507 г. зодчими Владимиром Торгканом и Маркусом Греком в западной части Девичьей горы (по самой ее кромке) было построено трапециевидное новое укрепление, усилившее оборонительные возможности Иван-города. Предварительные математические расчеты, не-

сомненно, производились при построении крепостей – Коломенской (1525–1531 гг.), Зарайской (1531 г.) и др.

Ведение таких работ требовало специальных познаний и прежде всего необходимых учебников (не дошедших до нас, но, несомненно, существовавших) и практических руководств. В одном из таких специальных пособий «*О земном же верстании, как земля верстать*», объяснялось, как вычислять площади квадрата, прямоугольника, треугольника, трапеции, параллелограмма и приложены задачи по вычислению этих геометрических фигур с примерными чертежами.

Выявить *уровень математических знаний* той эпохи помогает, как ни странно, и изучение ряда антицерковных движений. Новгородские еретики XV в. умели определять по Евклиду сферу, вычислять углы, знали о градусном делении зодиака. «Жидовствующие» математики решали задачи равенства треугольников и вычисляли сумму углов таких треугольников.

Механика как раздел физики, изучающий самые простые и наглядные физические явления, также получила сугубо практическое применение; как правило, при изготовлении различных технических приспособлений, о которых говорилось выше, но и при определении механических свойств материалов. Это, в свою очередь, позволило создать уникальные высотные сооружения: храм Вознесения в селе Коломенском (1532 г.), вознесшийся вверх на 58 м; Покровский собор (1555–1561 гг.) и надстроенный в 1600 г., по приказу Бориса Годунова, восьмигранный столп церкви-колокольни Ивана Великого, высота которого с крестом достигла 81 м. Возведение этих сооружений потребовало не только точного расчета всей конструкции, но и задачи распределения масс на основание храмов. Только с помощью математически и физически верно найденного баланса русские мастера смогли избежать обрушения столь высоких и тяжелых многоярусных конструкций.

Углублению изучения основ механики способствовало появление *практической баллистики*. Точные расчеты полета ядра становятся необходимыми при ведении навесного артиллерийского огня из «верховых» орудий (мортир), применявшихся при осаде крепостей. Как правило, цель в таких случаях была укрыта за линией стен, бастионов и других укреплений.

Прорыв в освоении основ *химии* произошел также после появления и внедрения в военное дело огнестрельного оружия. Необходимость изготовления качественного пороха требовала организации производства селитры, горючей серы и более качественного древесного угля. Мастера «*зеленого*» (порохового) дела умели изготавливать специальные добавки, улучшавшие

качество изготавливаемого ими взрывчатого вещества. При производстве зажигательных снарядов каменное ядро обмазывали горючим составом, в которое входили льняное масло, смола, селитра и сера. Для шумового эффекта в порох добавляли сернистую сурьму и сулему. При осаде врагами русских городов в минной войне известны случаи использования осажденными «смердных» составов, в процессе горения которых образовывались удушающие газы. Помимо пороха, в таких случаях использовались сера, водка, селитра, смола и деготь.

Хорошие познания в области химии необходимы были при изготовлении всевозможных красителей, в том числе красок и чернил. Известны сотни рецептов приготовления лаков и красок, чернил и туши. Для улучшения качества получаемых составов в них добавлялись различные растительные и минеральные вещества. Так, в чернила для придания им вязкости добавляли желчь, мед и камедь, краски растирали с хлебным квасом и «карлуком» (рыбным клеем), часто добавляли в них яичный желток. Красную краску «киноварь», добывавшуюся ранее из растительного вещества «крутика», теперь получали путем растирания ртути с серой, получая таким образом имевший красный цвет сульфид ртути, или сернистую ртуть.

Опытным путем достижения бытовой химии внедрялись в производство продуктов питания, особенно получаемых путем брожения и возгонки, различных косметических средств (карминовых румян, свинцовых или ртутных белил, банного щелока и др.), кожевенное дубильное производство, солеварение и смолокурение.

Развитие *геологии* и *минералогии* напрямую связано было с ростом технического производства и горнорудным делом, а также потребностями казны в драгоценных металлах, других полезных ископаемых. В конце XV в. внимание правительства — богатое минеральными запасами Приуралье. В летописях сохранилась запись об отправке в 1491 г. на реку Печору настоящей изыскательной экспедиции с четко поставленной задачей — искать серебряную и медную руду. И хотя месторождений серебра на Печере найти не удалось, но залежи медной руды, столь необходимой для литейного производства, были найдены.

Границы *географического пространства*, освоенного русскими путешественниками, паломниками, купцами значительно расширились. Сохранялись старые маршруты «*хожений*» — в Палестину, Египет, Грецию. К ним прибавились новые. Не по своей воле русские посольства во главе с самыми видными из князей отправляются в Каракорум — столицу далекой Монголии. Предприим-

чивые новгородцы и устюжане осваивают районы побережья не только хорошо известных теперь Белого и Баренцева морей, но и Карского моря. Охотничьи и промысловые ватаги неоднократно проникали за Каменный пояс (Уральские горы), доходя до реки Обь. Известно несколько военных походов русских воевод в *Сибирскую землю*. Первое упоминание в летописи о такой экспедиции относится еще к 1364 г.: «Тои зимы с Югры новгородци приехаша, дети боярския и молодые люди, и воеводы Александр Абакунович, Степан Ляпа, воевавшие по Обе реки до моря, а другая половина рати на верх Оби воеваша...» В конце XV в. походами в Сибирь ходили рать князя Ф.С. Курбского-Черного и И. Салтык-Травина (1483 – 1484), а пятнадцать лет спустя – лыжная рать князя С.Ф. Курбского и П. Ушатого (1499 – 1500), во время последней экспедиции, по некоторым сведениям, было составлено описание Уральских гор «от моря до моря».

Из «хожений» того времени самым выдающимся по продолжительности и длине маршрута было странствие тверского купца *Афанасия Никитина* (ум. 1472 г.). Отправившись в 1466 г. вниз по Волге с торговым караваном, следующим в Дербент и ограбленный по дороге татарами-ногаями, он на свой страх и риск отправился далее в Ширван (Северный Азербайджан), затем в Персию и Индию, а на обратном пути посетил африканский берег (Сомали), город Маскат в Аравии и Турцию. Длительное и опасное путешествие подорвало силы и здоровье путника. В 1472 г. «Смоленска не дошед» Афанасий Никитин умер. Его знаменитое «*Хожение за три моря*», зафиксировавшее беспрецедентный подвиг разоренного тверского купца, в 1475 г. было передано дяком Василием Мамыревым летописцу, в переработанном виде включившему их в свой свод, дошедший до нас в двух изводах – *Летописном 1518 г.* (Львовская и Софийская II летописи) и *Троицком изводе конца XV в.* (Ермолинская летопись).

Образование Московского государства, в нелегкой борьбе с татарскими ханами завоевавшим и отстоявшим свою независимость, имело следствием налаживание дипломатических отношений с Турцией (первое посольство – 1496 г.), Молдавией, Ираном, итальянскими государствами, Литвой, Ливонским орденом, Швецией и, наконец, Англией (первое посольство – 1556 г.; отправилось в путь с английским капитаном Р. Ченслером).

В нашей литературе имеется свидетельство о том интересе, который испытывали русские люди к Великим географическим открытиям европейцев. Во второй четверти XVI в., вскоре после знаменитого плавания Ф. Магеллана московский посол в Риме *Дмитрий Герасимов* (Митя Малый) перевел на русский язык с

латыни описание этого путешествия, составленное со слов уцелевших его участников Максимилианом Трансильваном, секретарем императора Карла V. Из бесед с Дмитрием Герасимовым итальянский автор *Паоло Джовио (Павел Иовий) Новокомский* почерпнул важные географические сведения о России, которые включил в свое сочинение «*Книга о посольстве Василия, великого государя Московского, к папе Клименту VII*». Именно в этом нашумевшем трактате утверждалось о возможности плавания по Северному Ледовитому океану к Китаю и Индии, что в итоге побудило английских капитанов искать этот морской путь, открыв дорогу к устью Северной Двины — на Русь.

В 1525 г. итальянский картограф *Батиста Аньезе*, со слов того же Дмитрия Герасимова, составил одну из *первых карт Московии*. Многие исследователи полагают, что в основу ее была положена карта, привезенная в Рим русским послом.

Большой интерес вызывает сохранившееся в тексте сочинения С. Герберштейна описание русской справочной книги «*Дорожник*» («*Указатель пути в Печеру, Югру и к реке Оби*»), в котором были даны и основные путевые маршруты, и расстояние в верстах от Москвы до Вологды и Холмогор, говорилось о Северной Двине, шестью устьями впадавшей в Белое море. Путешественник мог почерпнуть из этой книги сведения о Пустозерске, Уральских горах, народах и племенах Сибири, флоре и фауне этого края. Видел Герберштейн и русскую лоцию «*Плавание по Ледовитому морю*», дававшую описание корабельного пути из Белого моря в Копенгаген вокруг Скандинавии. Существует предположение, что карта, опубликованная в сочинении Герберштейна, также была составлена по русским образцам, настолько точно определены в ней очертания озер Новгородской земли, а также протекающих здесь рек. Бытование на Руси подобных карт — «чертежей» уже доказано наукой. Картографические работы в Московском государстве достигли большого размаха, при котором только и возможно было составление в 1552 г. повелением Ивана IV несохранившегося чертежа всего Московского государства, о чем писал еще В.Н. Татищев.

В 1542—1555 гг. была изготовлена карта, авторами которой стали беглый московский окольный Иван Васильевич Ляцкий (в 1534 г. вместе с князем С.Ф. Бельским «отъехавший» в Литву) и польский художник Антоний Вид. Карта была гравирована на 6 листах и по московскому обычаю, заимствованному у итальянцев, ориентирована на юго-восток (дельта Волги и Крым в такой проекции помещались в верхней части изображения). На карте Ляцкого и Вида сделано было специальное обозначение масштаба («в верстах и милях»).

Древнейшей сохранившейся собственно *русской картой* является «*Чертеж земли по реке Солонице*», хранящийся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Составлен он был около 1530 г. На карте запечатлен участок правобережья реки Волги около Костромы. На обороте «чертежа» сделана пояснительная запись о покупке обозначенного на нем участка земли Троице-Сергиевым монастырем (ОР РГБ. Ф.303. № 518: Л. 417 об.). Первое же упоминание о картографических работах для межевых целей относится к 1483 г., когда отводилась земля Снегтожскому монастырю.

Что получало отображение на русских картах-чертежах? Наличие растительности, населенных пунктов, пустошей, оборонительных сооружений, указание их принадлежности, приведение прежних и новых названий. В XVI – XVII вв. отечественная картография сохраняет самобытность своей графики, тесно связанной с иконописными традициями, свободное владение разными масштабными уровнями. Как отмечают специалисты, некоторые виды русских географических чертежей, прежде всего отображающих хозяйственную деятельность населения, не имели аналогов в мировой культуре того времени. Давно уже отмечено существование интересных изображений картографического характера на книжных миниатюрах и лицевых летописях той эпохи. К XVI в. относятся несколько иконописных карт, в том числе икона «*Видение пономаря Тарасия*» (ок. 1530 г.), самая древняя из имеющихся. Икона Псково-Покровской Богоматери конца XVI в., с изображением стен Псковского кремля, реки Великой и Мирожского монастыря исчезла в годы Второй мировой войны, но в каталоге Мюнхенской выставки 1969 г. была приведена ее черно-белая фотокопия, с пометой о принадлежности «частному лицу в ФРГ».

Знания в области *биологии* оставались на уровне предшествующей исторической эпохи. Об этом свидетельствует широкое распространение переводного греческого сборника «*Физиолог*», возникшего в Александрии еще во II – III вв. Примечательно, что в XV – XVI вв. славянские переводы «*Физиолога*» продолжают распространяться только в русских списках. Это был сборник сведений о действительных и вымышленных свойствах реальных и легендарных животных, камней и деревьев. Каждая статья (обычно их около 50) двучастна – в первой содержится описание живого существа, его повадок, во второй – символично-аллегорическое толкование их в духе христианской традиции. «*Физиолог*» или некоторые его статьи были известны еще в Киевской Руси – об этом свидетельствует описание горлицы в «*Поучении*» Владимира Мономаха.

В рукописной традиции переводов этого памятника в XV в. известны случаи совмещения его с «Толковой Палеей»; как правило, в таких сборниках помещались миниатюры с изображением описываемых зверей и птиц. Назидательностью отличались статьи о зверях — льве, слоне, олене, лисице, змее, ехидне, утропе (антилопе), о птицах — орле, фениксе, горлице, неясыти (пеликане), дятле, стерце (аисте) и др. Приведем в качестве образца содержащееся в «Физиологе» описание одного из «свойств» льва: «Когда львица родит, то приносит мертвого и слепого детеныша, сидит и сторожит его до трех дней. Через три же дня приходит лев, дунет ему в ноздри, и детеныш ожил. То же и с верными народами. До крещения они мертвы, а после крещения очищаются Святым Духом».

Русская медицина в основе своей оставалась на уровне, когда лекарское дело было тесно связано со знахарством. В качестве средств лечения знахари использовали травы, корни, минералы, ткани животных. Появляются первые «определители» лекарственных трав — «*травники*», ранее известные под названием «*зелейники*». Количество лечебных трав, упоминаемых в рукописях XVI — XVII вв. колеблется от 20 до 150. Необходимо особо подчеркнуть, что, несмотря на явную неэффективность такой медицины в борьбе с эпидемическими болезнями, ряд используемых народными целителями лекарственных средств и методов, давал необходимый лечебный эффект, что создавало почву для сохранения этой традиции. Консервации методов народной медицины способствовала очевидная слабость системы врачевания, установившаяся в европейских странах, где больных истощали многочисленными кровопусканиями, пиявками, клизмами, прижиганиями, злоупотребляли рвотными и слабительными средствами, назначениями в больших дозах ядовитых веществ.

С европейскими методами лечения русские врачеватели смогли познакомиться еще в конце XV в., когда в Московию стали приезжать иностранные лекари. Уровень их специальных познаний был невысок, часто допускались врачебные ошибки, наносившие серьезный вред здоровью больного, иногда такое лечение заканчивалось смертью пациента. Возможно поэтому наказание за подобный непрофессионализм было очень суровым. Так, в 1490 г., когда к заболевшему «камчюгой» (подагрой) царевичу Ивану Ивановичу был вызван иностранный врач «мистр Леон», снадобья, которые он давал больному, а также назначенные им процедуры привели к ухудшению самочувствия пациента, от чего он вскоре «умре». «Мистр Леон» был обвинен в плохом лечении царевича и казнен.

Другой известный врач-иностранец, вестфалец Елисей Бомелий был придворным медиком и астрологом Ивана IV. Помимо лекарств, он, по приказу царя, готовил яды для его приближенных. Среди отравленных Бомелием людей был видный опричник Григорий Грязной. Вскоре, однако, опала обрушилась и на лекаря-отравителя, попытавшегося бежать за рубежи России, но схваченного. После страшных пыток он был заживо изжарен на вертеле.

В середине XVI в. в Москве появляются первые *фармацевты* – голландец *Арендт Клаузендт* (1566 г.) и англичанин *Томас Корвер* (1567 г.). В 1581 г. здесь уже существовала настоящая *аптека*, создателем которой был англичанин *Джеймс Френч* (в русском произношении *Френшам*). В ней производились лекарства, изготовленные из трав, камфоры, ревеня, мускуса. Если первоначально покупателями аптеки *Френча* была лишь московская знать, то впоследствии в этой и других московских аптеках лекарства продавались всем желающим. В 1595 г. в документах появляется упоминание *Аптекарского приказа*, первоначально чисто дворцового учреждения, с 1630-х гг. получившего общегосударственное значение. Аптекарский приказ ведал не только медицинским обслуживанием царской семьи, придворных и служилых иноземцев, но и занимался предотвращением эпидемий, изготовлением различных настоек (спиртосодержащих напитков), кислот, лаков и красителей для Оружейной палаты и Пушкарского приказа. В ведении его находились и московские аптекарские огороды, на которых выращивались лекарственные травы. Первый из них существовал уже в XVI в. Об этом свидетельствует изображение его на «Петровом чертеже» 1600 – 1606 гг. – за рекой Неглинкой между Боровицкими и Троицкими воротами Кремля.

В целом XVI в. стал важным рубежом в развитии материальной культуры Московского государства. Произшедшие почти во всех отраслях техники заметные качественные изменения имели следствием постепенное становление и дальнейшее развитие естественно-научных представлений, которые, в свою очередь, нашли отражение в русском искусстве того времени.

§ 4. ЗОДЧЕСТВО И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Несмотря на тяжкие последствия монгольского завоевания для русского *каменного зодчества*, традиции которого в разоренных татарами русских землях начали восстанавливаться лишь после полувекового перерыва (первый каменный храм в Северо-Восточной Руси – Спасо-Преображенский собор – был построен в 1285 – 1290 гг.

в Твери), следует отметить сохранение их в галицко-волынских, смоленских, полоцких, новгородских и псковских землях. Важным представляется тот факт, что в некоторых из уцелевших городов древнерусские архитектурные традиции были не только сохранены, но и приумножены. Сказывалось либо влияние западноевропейского готического стиля как на Волыни (ряд деталей Каменецкой башни, в частности свод на нервюрах и трехлопастная форма оконных проемов), либо появлялись интересные новации собственных зодчих, как в Новгороде, так и в Пскове.

Эти два города – Великий Новгород и его бывший пригород Псков – в XIV – XV вв. являлись единственными значительными центрами русской культуры, которым каким-то чудом удалось устоять в борьбе с немецкими и шведскими рыцарями, избежать татарского разгрома и литовского завоевания.

Более традиционно было *новгородское зодчество*. Однако и здесь несколько меняется стиль возводимых каменных построек. Сохранив традицию возведения четырехстолпного однокупольного храма, новгородские зодчие стали использовать вместо позакмарного покрытия – трехлопастное, вместо трех апсид – одну, опущенную до половины здания. Характерной особенностью этих сооружений было устройство голосников – замурованных в стены и своды глиняных горшков и кувшинов, улучшающих акустику внутри храмового придела. Большинство сохранившихся до наших дней каменных новгородских церквей имеют характерную восьмискатную крышу. К такому типу построек относятся: пригородная церковь *Никола на Липне* (1292 г.), церковь *Спаса на Ильине улице* (1374 г.), церковь *Петра и Павла в Кожевниках* (1406 – 1407 гг.).

Образцом новгородского гражданского зодчества той поры стала *Грановитая палата*, которую в 1433 г. возвели немецкие и новгородские мастера. В этом здании заседал Совет господ – верхушка новгородского боярства.

Подобно новгородским храмам *псковские каменные церкви* невелики по размерам, но заметно отличаются от них по ряду характерных деталей: асимметрия всей постройки, обусловленная наличием придела и звонницы, а также обязательное наличие подклета – подвального помещения, использовавшегося для хранения не только церковного имущества, но и купеческих товаров. Особенно следует выделить появление *псковских каменных звонниц* – прообраза русских колоколен, характерной формы столпообразных сооружений имевших несколько пролетов с проемами для колоколов. Типичным украшением псковских построек стали темно-зеленые поливные изразцы. Среди сохранившихся храмов

наиболее интересны церковь *Василия на Горке* (1413 г.), церковь *Богоявления со звонницей на Запсковье* (1496 г.).

Московское каменное зодчество начинает развиваться лишь в 20 – 30-х гг. XIV в. Построенные тогда в Москве 4 каменных храма, к сожалению, не сохранились и известны лишь по названиям, унаследованным знаменитыми кремлевскими соборами. Древнейшими же сохранившимися памятниками являются Успенский собор в Звенигороде (1400 г.), собор Рождества Богородицы в Саввино-Сторожевском монастыре (1405 г.) и Троицкий собор Троице-Сергиева монастыря (1422 г.).

Подобно белокаменным храмам Владимиро-Суздальской Руси в московских соборах сохраняются три высокие апсиды, но уже нет каменных барельефов и аркатурных поясов.

В конце XV в. в Московском княжестве начинается строительство кирпичных зданий – *Духовская церковь Троице-Сергиева монастыря* (1476 г.). Уникальность этой постройки заключается в использовании ее создателями элементов московского и псковского архитектурных стилей, что заметно выделяет ее в сравнении с другими храмами той эпохи. Строители Духовской церкви использовали характерные для московского зодчества килевидные закомары и перспективные порталы, но над зданием поместили характерную звонницу под барабаном, увенчанным куполом. Однако качество изготавливаемого кирпича и раствора было невысоко и не годилось для крупных построек, что самым наглядным образом было продемонстрировано одним майским вечером 1474 г., когда обрушилась часть здания нового Успенского собора. Его начали строить весной 1472 г. мастера Иван Кривцов и Мышкин. Спустя два года, видимо после небольшого «труса» (землетрясения), недостроенное здание развалилось. Одной из главных причин разрушения собора стало плохое качество известкового раствора, на что независимо друг от друга указали и вызванные псковские мастера, и прибывший в мае 1475 г. в Москву итальянский архитектор Аристотель Фиораванти, которому и было поручено построить новый *Успенский собор* в Московском Кремле.

Внимательно изучив традиции древнерусского зодчества, посетив Владимир, Ростов Великий, Ярославль, Великий Устюг, а, по-видимому, и Новгород, Фиораванти выстроил собор, который, внешне напоминая владимирский, воплотил в себе все лучшее, что было наработано итальянской и русской архитектурными школами. Сохранив владимирское пятиглавие и аркатурный колончатый пояс, мастер сделал нефы храма более широкими, равными по высоте и протяженности, что свойственно для готики,

уменьшил до 6 количество столпов, 4 из них сделал круглыми. Все эти столпы-колонны были более тонкими и легкими благодаря использованию железных крепежных связей, заменивших деревянные детали. Увеличило простор внутреннего помещения храма и отсутствие хоров. Строительство Успенского собора, впоследствии признанного классическим образцом православного зодчества, продолжалась четыре года и завершилось в 1479 г.

Успешный симбиоз русской и итальянской архитектурных традиций имел очень перспективное продолжение. Один за другим в Россию приехали *Марко Руффо*, *Пьетро Антонио Солари*, *Алевиз Фрязин (Миланец)*, *Алевиз Фрязин (Новый)*, *Антон Фрязин* и другие мастера, трудами которых был выстроен *новый (кирпичный) Кремль*. Ведущую роль в его сооружении сыграл Пьетро Антонио Солари. Почти полностью повторив очертания старой белокаменной твердыни 1367 г., новая кирпичная крепость, возведение которой было начато в 1485 г. и закончено в 1495 г., отличалась особой прочностью. Толщина ее стен и башен делала весь оборонительный комплекс совершенно неуязвимым для самой сильной артиллерии того времени. Построенные по кромке кремлевского холма 18 башен были соединены несколько изломанной по линии стеной с меньшими стрельницами и характерной формы узкими двурогими зубцами.

Помимо крепостного строительства, *итальянские мастера* оставили в русской столице и другие свидетельства своего архитектурного дарования: *Грановитую палату*, сооруженную в 1487 – 1491 гг. зодчими Марко Руффо и Пьетро Солари, *храм-колокольню Ивана Великого*, построенную Боном Фрязиным в 1505 – 1508 гг., Каменные палаты в Кремле, возведенные в 1499–1508 гг. Алевизом Фрязиным Миланцем (ныне – 3 нижних этажа Теремного дворца) и, наконец, *Архангельский собор* (1505–1508 гг.), ставший усыпальницей московских государей – дивное творение Алевиза Фрязина Нового, многие находки которого – раскрепованные карнизы, «раковины» в тимпанах закомар и др. – получили широкое распространение в русском зодчестве.

В отличие от своих земляков строитель Архангельского собора, в котором многие историки склонны видеть венецианца Альвизе Ламберти ди Монтаньяно, приехал в Москву из Крыма, где строил для хана Менгли-Гирея дворец в Бахчисарае. Возможно, в этом факте и следует искать разгадку интереса именно к итальянской архитектурной школе, которую неизменно выказывали тогда московские власти. Политическая связь Москвы и Крыма, в эпоху Ивана III и Менгли-Гирея осуществлявшаяся через кафинских купцов-караимов (Хозя Кокос и др.), была очень тесной, что

подразумевало близкое знакомство их с состоянием дел в соседнем дружественном государстве. У нас нет сведений о том, что знал московский государь о работах итальянских зодчих — предшественников Алевиза Нового в крымских городах, но, несомненно, оттуда сведения о высоком уровне их мастерства проникли на Русь.

Несмотря на использование при перестройке Московского Кремля опыта итальянских мастеров, рядом с ними на равных работали *русские (псковские) мастера*, которыми были построены *Благовещенский собор* (1484—1489 гг.) и *церковь Ризоположения* (1484—1486 гг.). В строительных лесах находилась в то время не только Москва. История сохранила имена ростовских зодчих: строителя Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря Прохора, Григория Борисова, работавшего в Борисоглебском монастыре под Ростовом Великим.

В изобразительном искусстве XIV — XV вв. по своему вкладу в русское искусство выделяются два знаменитых мастера-иконописца — *Феофан Грек* и *Андрей Рублев*.

До приезда на Русь Феофан работал в Константинополе, Галате, крымской Кафе. Традиции, идейный пласт византийского искусства он привнес и в русскую живопись. Им было расписано около 40 храмов в Новгороде Великом, Нижнем Новгороде и Москве. Особенно следует выделить фрески, сделанные Феофаном Греком в новгородской церкви Спаса Преображения на Ильине улице. Философская концепция художника, основанная на византийском догмате всеобщей греховности, преступного удаления человека от Бога, нашла воплощение в изображенном здесь (на купольном своде) образе Спаса Пантократора, безжалостного судии, грозно взорающего на недостойный снисхождения мир людской. Не менее жестоки и беспощадны три ангела «Троицы» Феофана, явившиеся старцу Аврааму и его жене Саре, чтобы поведать им о рождении сына. Это не предсказание радостного события, а очередное напоминание о грядущем возмездии грешному миру.

Совсем иные идейные основы двигали кистью *Андрея Рублева* (ок. 1360—1430), художника, совершившего настоящую революцию в средневековой русской живописи. Приняв монашеский постриг в Троице-Сергиеве монастыре, он по духу был очень близок основателю этой обители Сергию Радонежскому, трактуя образ Творца как «благого судии», открытого людям. Хорошо зная об идейных основах творчества Феофана Грека (вместе с этим мастером и Прохором из Городца в 1405 г., Рублев участвовал в росписи Благовещенского собора Московского Кремля, фрески которого, к сожалению, не сохранились), он сознательно избрал для себя совершенно иную мировоззренческую позицию. Централь-

ным произведением Рублева стала икона «Троица», в которой мастер использовал очень редкий вариант изображения этого библейского сюжета — в нем нет ни Авраама, ни Сары, ни слуги, закалывающего жертвенного тельца. Автор сосредоточил свое внимание на чистых и светлых ангелах, облик которых несет очень важную смысловую нагрузку — напоминая о великой гармонии, любви и мире. Не случайно именно творчество Рублева было востребовано последующей эпохой, во время которой так ценилась высказанная им идея «премирной тишины безгласности». Не в этом ли таится причина беспримерного решения Стоглавого собора 1551 г., представившего творчество Рублева как канонический образец для каждого русского живописца.

Крупнейшим представителем московской школы живописи второй половины XV в. был *Дионисий*, которому Иван III поручил роспись построенного Аристотелем Фиораванти Успенского собора. В отличие от Рублева, которого интересовал внутренний, духовный мир человека, Дионисий стремился запечатлеть внешнюю красоту. Живописец полностью отказывается от изображения страдания. Даже в его иконе «Распятие» (1500 г.) нет ни малейшего намека на муку Иисуса Христа, фигура которого представлена парящей в пространстве, а общий возвышенный настрой создателя иконы подчеркивает избранный им красочный колорит, создающий ощущение умиротворения и покоя. Характерными особенностями художественного стиля Дионисия было изображение удлинённых (вытянутых) фигур, поражающих своей бестелесностью; тонкость рисунка; изысканные цветовые решения. Широкую известность приобрели «житийные» иконы Дионисия, на которых он изображал наиболее значимые события из жизни русских святых («Митрополит Петр в житии», «Митрополит Алексий в житии»).

По стопам Дионисия пошли его сыновья — Владимир и Феодосий, под руководством которого были изготовлены фрески московского Благовещенского собора. В этой интересной стенописи нашла художественное воплощение идея преемственности власти московских государей от византийских императоров и киевских великих князей. Вместе с сыновьями Дионисий всего за 34 дня в 1502 г. исполнил иконостас и расписал собор Рождества Богородицы в Ферапонтовом монастыре — подлинный шедевр русского изобразительного искусства.

Увлечение аллегориями привело к возникновению в конце XVI в. направления, представители которого, стремясь изобразить внешнюю утонченную красоту, обращали внимание на совершенство собственной изобразительной техники. Речь идет о

«строгановской школе», названной в честь известных солепромышленников и купцов Строгановых, по заказам которых работали многие творившие в этой манере мастера. Существует и другая точка зрения, объясняющая сосредоточенность таких художественных произведений во владениях Строгановых тем, что они, почти единственные в стране, не были разорены в Смутное время. Бросающейся в глаза особенностью живописи «строгановской школы» были небольшие размеры икон и тонкая проработка деталей рисунка, современниками определявшаяся как «мелочное письмо». Часть искусствоведов склонна считать сохранившиеся в строгановских вотчинах иконы мало связанными с жизнью, другие отмечают правдивое изображение природы, подчеркивая, что композиция таких икон всегда включает пейзаж с низким горизонтом, а фон заполнен причудливыми облаками и «явлениями». Известнейшими мастерами «строгановской школы» были *Проконий Чирин* (икона «Никита воин»), *Истома Савин и его сыновья*, превзошедший отца талантом *Никифор Савин* («Чудо Георгия о змие»), и *Назарий*.

Ярко противопоставлена «строгановской» «*годуновская школа*» живописи, явившаяся результатом синтеза традиций различных иконописных стилей – киевского, ярославского, ростовского, новгородского и псковского. Мастера, работавшие по заказам Бориса Годунова и его близких (отсюда название школы), стремились вернуться к идейным основам предыдущего времени, дополняя их характерными штрихами, призванными символизировать благостность и кротость царской власти, что, конечно же, давало зримый контраст с духовным наследием эпохи Ивана Грозного. Отличительной особенностью фигур, изображенных на характерных для этой школы росписях и иконах, сохранивших вытянутость своих форм, стало приданное им художниками впечатление грузности тел, одутловатости лиц. Образцами живописи «годуновской школы» являются фрески Троицкой церкви в подмосковных Вяземах и иконы праздничного чина иконостаса Смоленского собора Новодевичьего монастыря.

Русская литература XIV – XVI вв. переживала очень знаменательное время. Тесно связанная с жизнью, с эпохальными событиями той эпохи она творчески перерабатывала их, запечатлев в ряде выдающихся литературных памятников. Трагический итог порабощения Руси монголами породил не только литературу скорби, ярким примером которой являются «Слова» (поучения) *Серапiona Владимирского*, усматривавшего причины бед, обрушившихся на свою родную землю, в грехах и неверии людей, но и произведения светлые, дающие порабощенному народу веру в

избавление от «злой татарщины». Это прежде всего *«Сказание о неведомом граде Китеже»*, исторические песни об *«Авдотье Рязаночке»* и *«Шелкане Дюденевице»*.

Мощный импульс к возрождению русского духа, к осмыслению предназначения своего отечества был дан Куликовской битвой 1380 г. Недооценивать его нельзя, и хотя сейчас появляется ряд достаточно убедительных свидетельств о позднем происхождении ряда памятников *«Куликовского цикла»* (прежде всего *«Сказания о Мамаевом побоище»*, на что обратил внимание А.Е. Петров, и *«Задонщины»*), нельзя не отметить, что все же первоосновой их появления остается победная битва Дмитрия Донского с ордой Мамаю. В этой связи чрезвычайно любопытной представляется новая датировка замечательного памятника рязанской литературы *«Повести о разорении Рязани Батыем»* не концом XIII в., как считалось раньше, а XVI в., предложенная В.Л. Комаровичем и А.Г. Кузьминым. Собрав воедино эти факты, нельзя не отметить тех качественных изменений в русской литературе, которые произошли на рубеже XV – XVI вв. Предвестником их стало появление нового типа исторических сочинений – *«Хронографов»*, посвященных описанию событий не только русской, но и всемирной истории. Сохраняется увлечение историческими повестями. Самой примечательной из них была *«Повесть о взятии Царьграда турками» Нестора-Искандера*, включенная в *«Хронограф»* и имевшая значительный общественный резонанс, ибо знаменовала собой превращение Руси в последний оплот православия. Пробуждающийся интерес к событиям, происходившим в других странах и государствах, нашел отражение и в появлении большого числа рассказов о путешествиях («хождениях») русских людей. Первым значительным произведением этого традиционного еще в домонгольской Руси жанра стало *«Хождение Игнатия Смолянина»* в Царьград 1389 г. Любопытно *«Хождение» 1420 г.* в Иерусалим Зосимы, ряд других путевых записей русских странников, побывавших в том числе и на Ферраро-Флорентийском соборе 1438–1439 гг. Но самым замечательным литературным памятником стало *«Хождение за три моря»* тверского купца Афанасия Никитина, в 1466–1472 гг. посетившего Индию и ряд других государств Востока.

Появляются и беллетризированные произведения, описывающие жизнь людей иных стран, культур и традиций: *«Повесть о грузинской царице Динаре»*, *«Повесть о купце Басарге и сыне его Борзомысле»*, а также *«Повесть о валашском воеводе Дракуле»*. *«Повесть о Дракуле»* – это легендарное сочинение, но восходящее к жизни валашского воеводы Влада Цепеша, злодейство которого автор повести старается

оправдать. Стремление некоторых авторов приписать это произведение известному деятелю той эпохи *Федору Курицыну* не подкреплены, с нашей точки зрения, вескими доказательствами. Исторически достоверные сведения в них были густо переплетены с самыми невероятными и фантастическими представлениями, но они знаменовали собой переход русской литературы на иной уровень, ибо эти повести предназначались для личного чтения.

Схожие темы возникают и в сочинениях, посвященных русским сюжетам: «*Повести о Петре и Февронии*», описывающей любовь князя и крестьянской девушки, богатырской «*Повести о Меркурии Смоленском*», зафиксировавшей устную легенду о спасении могучим воином Меркурием родного города от нашествия Батыя. «*Повесть о посаднике Щиле*» рассказывает о том, как этот новгородец, начал давать деньги купцам в рост, рассчитывая полученную прибыль потратить на постройку церкви Покрова на берегу Волхова. Архиепископ Иоанн, узнав об источнике получения средств на постройку храма, отказывается освятить его и вынуждает Щила одеть саван и лечь в гроб, поставленный в этой церкви. Заживо отпетый, посадник проваливается в ад. Только через 40 дней он был прошен и возвращен назад. Любопытно, что эта назидательная повесть находит некоторое подтверждение в новгородских летописях, в которых было зафиксировано основание в урочище Дубно в 1310 г. монахом Олонием (Леонтием) Щилом монастыря и построении церкви Покрова. Также в Новгороде было создано одно из наиболее ярких произведений литературы XV столетия — «*Слово о великом Иоанне, или Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим*». Сюжет этой популярнейшей повести, использовавшийся впоследствии многими авторами, полностью фантастичен и воспекает мудрость новгородского архиепископа Иоанна, догадавшегося, что у него в умывальнике поселился бес и силой крестного знамени заставивший его за одну ночь отвезти Иоанна в Иерусалим к Гробу Господню и в ту же ночь вернуть обратно.

Литература XVI в. создавалась в несколько иных исторических условиях и призвана была запечатлеть мощь и силу Российского государства. Были созданы новые летописные своды, возвышающие роль и значение московского великокняжеского дома (*Никоновская летопись*, *Воскресенская летопись*), но наиболее любопытным сочинением такого рода стала «*Степенная книга*», составлением которой ведал сам митрополит Афанасий. В этом большом произведении, созданном в 1560 — 1563 гг., намечается переход от летописи к более сложному историческому описанию — тщательно отобранные записи о событиях прошлого были

расположены не по годам, а по 17 «степеням» — эпохам правления великих князей, начиная с Владимира Святого и кончая царем Иваном IV.

Победам Московского государства над своими злейшими врагами поволжскими татарскими ханствами была посвящена «*История о Казанском царстве*». Анонимный автор ее двадцать лет провел в татарском плену, где вынужден был принять ислам. Освобожденный победоносными русскими войсками, он вернулся на родину и около 1564 — 1565 гг. написал свою повесть, рассказав не только о событиях 1552 г., но и прошлых войнах Руси с Казанью. Это историко-публицистическое сочинение пользовалось большой популярностью у современников и дошло до нас в большом количестве рукописных списков — на сегодняшний день их известно более двухсот.

В истории русской книжности указанного периода произошло событие, значение которого нельзя недооценивать. В 1529 — 1530 гг. в Новгороде было начато составление первого (Софийского) цикла «*Великих Миней Четых*» — знаменитого свода оригинальных и переводных памятников, состоявшего из 12 томов (книг-миней). Инициатором длившейся двенадцать лет работы был архиепископ Макарий, будущий митрополит Московский и всея Руси. В основу этой своеобразной литературной хрестоматии XVI в. были положены различные агиографические сочинения (описание житий и мучений святых), библейские рассказы, творения отцов церкви, публицистические и литературные произведения, некоторые документальные материалы.

В отличие от литературы XV в., среди сочинений XVI столетия почти не встречаются переводные повести. Единственным известным исключением, получившим широкое распространение, стало «*Прение живота и смерти*», переведенное с немецкого оригинала кем-то из окружения знаменитого еретикоборца архиепископа Геннадия. Написанное в форме диалога Смерти и Человека, просившего отсрочить его кончину, оно призвано было подчеркнуть значение праведной жизни, так как смерть может постигнуть любого в любой час.

Последним заметным произведением XVI в. стала «*Повесть о приходе Стефана Батория на Псков*». Посвятив ее самому крупному из заключительных событий Ливонской войны, автор воспел подвиг защитников Пскова, отразивших нашествие «лютого великого зверя», каким изобразил он польского короля. Стилистика повести близка другим памятникам этой эпохи, таким, как «*Степенная книга*» и «*История о Казанском царстве*». Так же как и в указанных произведениях, в ней используются слож-

ные этикетные формулы — «высокогорделивый» (в отношении польского короля), «городонапорная» (Литва) и т.п. Пафос и антипольская направленность «Повести о приходе Стефана Батория на Псков» сближает ее и с художественно публицистическими произведениями Смутного времени — «*Повестью о ведении некому мужу духовну протопопа Терентия*», «*Новой повестью о преславном Российском царстве*», «*Плачем о пленении и о конечном разорении Московского государства*», литературная канва которых была посвящена задаче пробуждения патриотических чувств в народной среде.

Новые возможности развития русской литературы, реализованные уже в XVII в., создавали возникновение *книгопечатания*. Вопрос о времени появления на Руси первой типографии считался не проясненным до тех пор, пока М.Н. Тихомировым не была обнаружена в малоизвестном «*Тотемском летописце*» запись о начале печатания книг в Москве при митрополите Макарии в 1553 г. За десять лет было издано 9 книг духовного содержания («Евангелие», «Псалтырь»), которые обозначают как «анонимные», так как они не имели указаний на место и год выпуска.

Новый этап в развитии русского книгопечатания начался в 1563 г., когда на выданные из царской казны деньги в Москве была создана типография, во главе которой встали мастера *Иван Федоров* и *Петр Мстиславец*. 1 марта 1564 г. ими был отпечатан тираж первой точно датированной русской книги — «*Апостол*». Но деятельность Федорова и Мстиславца, несмотря на поддержку самого царя, вызвала если не сопротивление, то явное осуждение книжников, считавших кощунством механическое воспроизведение священных текстов. Под давлением общественного мнения, отпечатав в Москве еще одну книгу («*Часословец*», 1565 г.), мастера уехали в Литву, увезя с собой и часть купленного на казенные деньги типографского инвентаря. Несмотря на отъезд Федорова и Мстиславца, книгоиздание в Москве возобновилось уже в 1568 г., когда в типографии *Невежи Тимофеева* и *Никифора Тарасиева* была издана «*Псалтырь*». В дальнейшем центр русского книгопечатания переместился в *Александровскую слободу*, но после некоторого перерыва (1577 — 1589 гг.) оно вновь возобновилось в Москве в типографии *Андроника Невежи*, видимо сына Невежи Тимофеева.

Очень поздно, только на Соборе 1551 г. были подняты вопросы восстановления школ и школьного образования, существовавших в домонгольской Руси. И хотя дальнейшего развития это соборное решение не получило, но в общественном сознании оно так или иначе отразилось.

Литература

- Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XII–XVII вв.). М., 1973.
- Алпатов М.Н.* Андрей Рублев. Около 1370 – 1430. М., 1971.
- Вагнер Г.К., Владышевская Т.Ф.* Искусство Древней Руси. М., 1993.
- Введение христианства на Руси. М., 1987.
- Виргинский В.С.* Очерки истории науки и техники XVI – XIX вв. М., 1984.
- Герберштейн С.* Записки о Московитских делах. СПб., 1908.
- Громов М.Н., Козлов Н.С.* Русская философская мысль X – XVII вв. М., 1990.
- История русской литературы X – XVII вв. / Под ред. Д.С. Лихачева. М., 1980.
- Казакова Н.А., Катушкина Л.Г.* Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана // ТОДРЛ. Т. XXIII. Л., 1968.
- Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. С. 187.
- Корецкий В.И.* История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М., 1986.
- Кудрявцев М.П.* Москва – Третий Рим. Историко-градостроительное исследование. М. 1994.
- Кузаков В.К.* Очерки развития естественно-научных и технических представлений на Руси. М., 1976.
- Кусков В.В.* История древнерусской литературы. М., 1989.
- Кусов В.С.* Чертежи Земли Русской XVI – XVII вв. М., 1993.
- Кутепов Н.* Великокняжеская и царская охота на Руси с X по XVI век. Т. 1. СПб., 1896.
- Лазарев В.Н.* Русская средневековая живопись. М., 1970.
- Лебедев Д.М.* Очерки по истории географии в России XI – XVI вв. М., 1956.
- Лихачев Д.С.* Развитие русской литературы XI – XVII вв. Эпохи и стили. М., 1973.
- Марасинова Л.М.* Новые псковские грамоты XIV – XV вв. М., 1966.
- Муравьев А.В., Сахаров А.М.* Очерки по истории русской культуры IX – XVII вв. М., 1984.
- Мурынов М.Ф.* «Звонят колоколы вечныя в великом Новгороде: славянские параллели // Славянские страны и русская литература. Л., 1973.
- Неверов С.Л.* Логика иудействующих // Киевские университетские известия. 1909. № 8.
- Очерки русской культуры XIII – XV вв. Ч. 1, 2. М., 1969.
- Очерки русской культуры XVI в. Ч. 1, 2. М., 1977.
- Очерки русской культуры. В 6 т. М. 1969 – 1979.
- Перевезенцев С.В.* Русская религиозно-философская мысль X – XVII вв. Основные идеи и тенденции развития. М., 1999.

- Платонов В.Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. 2-е. изд. СПб., 1913.
- Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. М., 1995.
- Райнов Т.И.* Наука в России в XI – XVII вв. М.; Л. 1940.
- Рыбаков Б.А.* Русские карты Московии XV – начала XVI в. М., 1974.
- Тихомиров М.Н.* Русская культура X – XVIII вв. М., 1966.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Основные закономерности денежно-весовых норм в Золотой Орде // Археографический ежегодник за 1957. М., 1958.
- Федотов Г.П.* Святые Древней Руси (X – XVII вв.). Нью-Йорк, 1959.
- Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998.
- Языкова И.К.* Богословие иконы. М., 1995.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Владимирский летописец // ПСРЛ. Т. 30. М.;Л., 1965.
Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. М.;Л., 1959.
Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910.
Западнорусские летописи // ПСРЛ. Т. 17. СПб., 1907.
Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М., 1998.
История о Казанском царстве (Казанский летописец) // ПСРЛ. Т. 19. СПб., 1903.
Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 1997.
Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича // ПСРЛ. Т. 29. М., 1968.
Летописный сборник, именуемый Тверской летописью // ПСРЛ. Т. 15. СПб., 1863.
Летописный свод 1497 г.; Летописный свод 1518 г.; Уваровская летопись // ПСРЛ. Т. 28. М.;Л., 1963.
Летопись по Лаврентиевскому списку. СПб., 1897.
Львовская летопись // ПСРЛ. Т. 20. Ч.1. СПб., 1910.
Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. 25. М.;Л., 1949.
Никаноровская летопись // ПСРЛ. Т. 26. М.;Л., 1962.
Никоновская летопись // ПСРЛ. Т.9. М., 1965.
Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / Подг. к изд. А.Н. Насонова. М.;Л., 1950.
Новгородская Четвертая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Вып. 1. Пг, 1915; Вып. 2. Л., 1925.
Новгородские летописи / Изд. А.Ф. Бычкова. СПб., 1879.
Патриаршая, или Никоновская, летопись // ПСРЛ. Т. 13. М., 1965.
Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978.
Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР (XV – XVII вв.). Вып.2. М., 1955.
Повесть временных лет / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е. изд. СПб., 1996.
Повесть временных лет / Текст и пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова, статьи и коммент. Д.С. Лихачева. Т.1 – 2., М.; Л., 1950.
Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси // ПСРЛ. Т. 14. М., 1965.
Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859.
Псковские летописи / Вып. 1. М.;Л., 1941; Вып. 2. М., 1955.
Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 1965.

- «Се Повести временных лет» (Лаврентьевская летопись). / Вступ. ст. и пер. А.Г. Кузьмина, коммент. А.Г. Кузьмина, В.В. Фомина. Арзамас, 1993.
- Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913.
- Софийская Вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853.
- Софийская Первая летопись по списку И.Н. Царского // ПСРЛ. Т. 39. М., 1994.
- Софийская Первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. 6. Вып.1. М., 2000.
- Степенная книга царского родословия // ПСРЛ. Т. 21. Ч.1. СПб., 1908.
- Типографская летопись // ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921.
- Хронограф Русский // ПСРЛ. Т.22. Ч.2. Пг., 1914.
- Адам Бременский.* Деяния архиепископов Гамбургской церкви // Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. IX — первая половина XII в. М.; Л., 1989.
- Азарьин Симон.* «Книги о чудесах преподобного Сергия» // ПДПИ., СПб., 1888. Вып. 70.
- Апокрифы Древней Руси. Тексты и исследования / Сост., вступ. ст. В.В. Милькова. М., 1997.
- Баварский географ // Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX — XI вв. М., 1993.
- Бартольд В.В.* Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар»: Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894» // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VIII. М., 1973.
- Бегунов Ю.Г.* Кормчая Ивана Волка Курицына // ТОДРЛ. Т. XII. 1956.
- Бегунов Ю.К.* «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XV — XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви // ТОДРЛ. Т. XX. М.; Л., 1964.
- Бертинские анналы // Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. IX — первая половина XII в. М.; Л., 1989.
- Бичурин И.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1 — 2. М.; Л., 1950; Т.3, 1953.
- Буганов В.И.* Документы о сражении при Молодях в 1572 г. // Исторический архив. 1959. №4.
- Буссов Конрад.* Московская хроника. 1584 — 1613 / Ред. и пред. И.И. Смирнова. М.; Л., 1961.
- Видение хутынского пономаря Тарасия // ПЛДР. Конец XV — первая половина XVI в. М., 1984.
- Воинские повести Древней Руси / Сост. Н.В. Понырko. Л., 1985.
- Временник Ивана Тимофеева / Подг., пер. и коммент. О.А. Державиной. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951.
- Высоцкий С.А.* Средневековые надписи Софии Киевской. XI — XII вв. Киев, 1976.

- Горсей Дж.* Записки о России XVI — начала XVII в. / Пер. и коммент. А.А. Севастьяновой. М., 1990.
- Деяния венгров // Шушарин В.В. Русско-венгерские отношения в IX в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961.
- Дмитриева Р.П.* Сказание о князьях Владимирских (Исследование и текст). М.; Л., 1955.
- Домострой / Сост. В.В. Колесов. М., 1990.
- Древнерусские предания (XI — XVI вв.) / Сост., вступ. ст. и коммент. В.В. Кускова. М., 1982.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XV вв. / Ред. Л.В. Черепнин М.; Л., 1950.
- Ельнинский хронограф (отрывок) // Мельников П. Нижний Новгород и нижегородцы в Смутное время // Отечественные записки. 1843. Т. 29. Отд. 2.
- Еремин И.П.* Литературное наследие Феодосия Печерского // ТОДРЛ. Т. V. М.; Л., 1947.
- Еремин И.П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. XI. М.; Л., 1955.
- Еремин И.П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. XII. М.; Л., 1956.
- Еремин И.П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. XIII. М.; Л., 1957.
- Еремин И.П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. XV. М.; Л., 1958.
- Житие Александра Невского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб., 1997.
- Житие Георгия Амастридского // Васильевский В.Г. Труды. Т. III. Пг., 1915.
- Житие Константина Философа // Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.
- Житие преподобного Варлаама Хутынского // Вестник археологии и истории. 1911. Вып. 21. Отд. 2.
- Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готии // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 13. 1883.
- Житие святого отца нашего Петра, митрополита Киевского и всея России // Избранные жития русских святых / Сост. А.Ю. Карпов. — М., 1992.
- Житие Сергия Радонежского // Библиотека литературы Древней Руси. Т.6. СПб., 1999.
- Житие Стефана Сурожского // Васильевский В.Г. Труды. Т. III. Пг., 1915.
- Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси. Т.1. СПб., 1997.
- Житие царевича Дмитрия Ивановича, внесенное в Минеи Милютинина // РИБ. Т.13. 2-е изд. СПб., 1909.
- Жития свв. Мучеников Бориса и Глеба и службы им / Приготовил к печати Д.И. Абрамович. Пг., 1916.

- Записки Манштейна // Русская старина. 1875. № 12.
- Зарубин Н.Н.* «Слово Даниила Заточника» по редакциям XII — XIII вв. и их переделкам. Л., 1932.
- Зиновий Отенский.* Истины показание к вопросившим о новом учении. Казань, 1863.
- Златоструй. Древняя Русь. X — XIII вв. / Сост. А.Г. Кузьмин, А.Ю. Карпов. М., 1990.
- Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран / Пер. Н. Велихановой. Баку, 1986.
- Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Сост. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачев. М., 1969.
- Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. СПб., 1997.
- Иосиппон.* Таблица народов // Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси. М., 1996.
- Казанское сказание / Подг. Я.Г. Солодкина // Исторический архив. Т. 6. М.; Л., 1951.
- Карпини Плано.* История монголов / Пер. Малеина. СПб., 1911.
- Кембриджский аноним // Голб Н., Прицак О. Еврейско-хазарские источники X в. М., 1998.
- Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. СПб., 1997.
- Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т.1. М.; Л., 1941.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989.
- Котляр Н.Ф.* Галицко-Волынская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1995 год. М., 1997.
- Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1859.
- Красноречие Древней Руси (XI — XVII вв.) / Сост., вступ. ст. и коммент. Т.В. Черторицкой. М., 1987.
- Крутова М.С.* Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности. М., 1997.
- Куликовская битва и подъем национального самосознания // ТОДРЛ. Т. XXXIV. Л., 1979.
- Куликовская битва / Ред. Бескровный Л.Г. М., 1980.
- Куник А.* Древние сказания о нашествии Батыя и разорении земли Рязанской // Рязанские губернские ведомости. 1844. № 11—14.
- Куник А., Розен В.* Известия Ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. Ч.1. СПб., 1878.
- Куник А.* Известия Ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. Ч.2. СПб., 1903.
- Курбский А.М.* История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. М., 1982.
- Лаодикийское послание // Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.; Л., 1955.

- Лев Диакон.* История. М., 1988.
- Легенда о граде Китеже // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб., 1999.
- Максим Грек.* Повесть о Савонароле // ПЛДР. Конец XV — первая половина XVI в. М., 1984.
- Максим Грек.* Послание о Фортуне // ПЛДР. Конец XV — первая половина XVI в. М., 1984.
- Максим Грек.* Послания // Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984. Приложение.
- Максим Грек.* Сочинения (Фрагменты произведений) // Громов М.Н. Максим Грек. М., 1983. Приложение.
- Максим Грек.* Сочинения. Ч. 1 — 3. Казань, 1859 — 1862.
- Масса И.* Краткие известия о Московии начала XVII в. М., 1937.
- Медынцева А.А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. XI — XIV вв. М., 1978.
- Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи (тексты, перевод, комментарии). М., 1977.
- Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X — XI вв. М., 1963.
- Михаил Пселл.* Хронография. М., 1978.
- Моисеева Г.Н.* Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI в. М.; Л., 1958.
- Молдован А.М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.
- Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI — IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
- Ответ кирилловских старцев на Послание Иосифа Волоцкого // ПЛДР. Конец XV — первая половина XVI в. М., 1984.
- Ответ хазарского царя Иосифа к Хасдаи ибн Шафруту // Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
- Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 1 — 2 М., 1986. (Сер. «История России в романах, повестях и документах»).
- Отписка вычегодцев пермичам об установлении всенародного поста по случаю видения в Нижнем Новгороде и Владимире // ААЭ. Т. 2. № 199. СПб., 1836.
- Памятники древнерусского канонического права // РИБ. Т.6. СПб, 1880.
- Памятники Куликовского цикла / Ред. Б.А. Рыбаков, В.А. Кучкин СПб., 1998.
- Память и похвала князю русскому Владимиру // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997.
- Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подг. текста Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыкова. М., 1981.
- Пинежский летописец // Копанев А.И. Пинежский летописец XVII в. // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского дома. Л., 1972.
- Письма А.М. Курбского к разным лицам. СПб., 1913.

- Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства // ПЛДР. Конец XVI — начало XVII вв. М., 1987.
- Повести Древней Руси X — XII вв. / Сост. Н.В. Поньрко. Л., 1983.
- Повести о Куликовской битве / Подг. М.Н. Тихомиров, В.Ф. Ржига, Л.А. Дмитриев. М., 1959.
- Повесть о видении в Нижнем Новгороде // РИБ. 2-е изд. Т. 13. СПб., 1909.
- Повесть о видении некоему мужу духовну // РИБ. 2-е изд. Т. 13. СПб., 1909.
- Повесть о новгородском белом клобуке // ПЛДР. Середина XVI в. М., 1985.
- Повесть о Петре и Февронии / Подг. текста и исслед. Р.П. Дмитриевой. Л., 1979.
- Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси // ПСРЛ. Т. 14. М., 1965.
- Поньрко Н.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI — XIII вв. Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992.
- Послание Геннадия Иоасафу // Вторая половина XV в. М., 1982.
- Послание Климента Смолятича // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. СПб., 1997.
- Послания Ивана Грозного // ПЛДР. Вторая половина XVI в. М., 1982.
- Послания Ивана Грозного / Подг. текста Д.С. Лихачев, Я.С. Лурье. М.; Л., 1951.
- Послания Иогана Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. Кн.8. Пг., 1922.
- Послания Иосифа Волоцкого / Подг. А.А. Зимин, Я.С. Лурье. М.; Л., 1959.
- Послания старца Филофея // ПЛДР. Конец XV — первая половина XVI в. М., 1984.
- Поссевино А.* Московия. Исторические сочинения о России / Ред. и пер. Годовиковой Л.Н. М., 1983.
- Поучение Владимира Мономаха // Библиотека литературы Древней Руси. Т.1. СПб., 1997.
- Поучения и молитва Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси. Т.1. СПб., 1997.
- Преподобный Иосиф Волоцкий.* Просветитель. Казань, 1896.
- Преподобный Нил Сорский.* Предание ученикам своим о жительстве скитском. СПб., 1852.
- Продолжатель Феофана.* Жизнеописание византийских царей. М., 1992.
- Прокопий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. СПб., 1998.
- Прокопий Кесарийский. История войн // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т.1. М., 1994.
- Путешествие Ибн Фадлана на Волгу / Пер. А.П. Ковалевского. М.; Л., 1939.
- Равеннский Аноним.* Космография // Подосинов А.В. Северо-Восточная Европа в «Космографии» Равеннского Анонима // Восточная Европа в исторической ретроспективе. М., 1999.
- Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т.1. М.; Л., 1952; Т.2. М.; Л., 1960; Т.3. М.; Л., 1964.

- Реформы в России XVI — XIX вв. М., 1992.
- Ржига В.Ф.* Опыты по истории русской публицистики XVI века: Максим Грек как публицист // ТОДРЛ. Т.1. М.; Л., 1934.
- Розов Н.Н.* Повесть о белом клобуке как памятник общерусской публицистики XV в. // ТОДРЛ. Т. IX. М.; Л., 1953.
- Розов Н.Н.* Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. // *Slavia. Roc. XXXII. S. 2. Praha*, 1963.
- Россия при Петре Великом по рукописному известию И.Г. Фоккеродта // ЧОИДР. Кн. 2.1874.
- Рубрук Вильгельм.* Путешествие в Восточные страны / Пер. Малеина. СПб., 1911.
- Руссель В.* Рассказ о жизни и смерти Дмитрия. СПб., 1901.
- Русское историческое повествование XVI — XVII вв. / Сост., пер. и прим. Ю.А. Лабынцева. М., 1984.
- Сатира XI — XVII вв. / Сост., вступ. ст. и комм. В.К. Былинкина, В.А. Грихина. М., 1987.
- Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.; Л., 1941.
- Свод древнейших письменных известий о славянах. Т.1. М., 1994; Т.2. М., 1995.
- Сказание Авраамия Палицына / Подг. текста и коммент. О.А. Державиной и Е.В. Колосовой, Под ред. Л.В. Черепнина. М.; Л., 1955.
- Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря // ПЛДР. Конец XVI — начало XVII вв. М., 1987.
- Сказание о Борисе и Глебе // Библиотека литературы Древней Руси. Т.1. СПб., 1997.
- Сказание о Дракуле // ПЛДР. Вторая половина XV в. М., 1982.
- Сказание о князьях Владимирских // ПЛДР. Конец XV — первая половина XVI в. М., 1984.
- Сказание о чудесах Владимирской иконы Богородицы // Библиотека литературы Древней Руси. Т.4. СПб., 1997.
- Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора // Библиотека литературы Древней Руси. Т.5. СПб., 1997.
- Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер. и коммент. Б.Н. Флори. М., 1981.
- Сказания современников о Дмитрие самозванце. Т.III. СПб., 1832.
- Слова и поучения Кирилла Туровского // Последняя публикация: Библиотека литературы Древней Руси. Т.4. СПб., 1997.
- Слова и поучения Серапиона Владимирского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб., 1997.
- Слово Даниила Заточника // Библиотека литературы Древней Руси. Т.4. СПб., 1997.
- Слово на обновление Десятинной церкви / Публ. М.А. Оболенского // О двух древнейших святынях Киева: мощах св. Климента и кресте великой княгини Ольги // Киевлянин. Кн.3. М., 1850.

- Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // Библиотека литературы Древней Руси. Т.1. СПб., 1997.
- Слово о погибели Русской земли // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб., 1997.
- Слово о полку Игореве // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. СПб., 1997.
- Слово о полку Игореве / Подг. текста, пер. Д.С. Лихачева, прим. О.В. Творогова // Повести Древней Руси XI–XII в. Л., 1983.
- «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла / Ред. Д.С. Лихачев, Л.А. Дмитриев. М., 1966.
- Слово об осуждении еретиков Иосифа Волоцкого // ПЛДР. Конец XV — первая половина XVI в. М., 1984.
- Сокращение историй и повествований / Рыбаков Б.А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // СА. Вып. XVIII. М., 1953.
- Сочинения Вассиана Патрикеева // Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. Приложение.
- Сочинения Ермолая Еразма // ПЛДР. Конец XV — первая половина XVI в. М., 1984.
- Сочинения Ивана Пересветова / Подг. к печати А.А. Зимин. М.; Л., 1956.
- Сочинения Ивана Семеновича Пересветова // ПЛДР. Конец XV — первая половина XVI в. М., 1984.
- Сочинения князя Курбского. Т.1. Сочинения оригинальные / Изд. Г.З. Кунцевича. СПб., 1914.
- Сочинения о «Третьем Риме» // Сеницына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV — XVI вв.). М., 1998. Приложение.
- Сочинения Федора Карпова // ПЛДР. Конец XV — первая половина XVI в. М., 1984.
- Стихи покаянные // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI в. М., 1982.
- Стоглав. СПб., 1863.
- Судебники XV — XVI в. / Подг. текста Р.Б. Мюллерч, Л.В. Черепнин. М., 1952.
- Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1—7. М., 1961—1967.
- Татищев В.Н.* Произвольное и согласное рассуждение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном // Избранные произведения. Л., 1979.
- Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884; Т.2. М.; Л., 1941.
- Тихонравов Н.С.* Древние Жития преподобного Сергия Радонежского. М., 1892. (Тексты).
- Тихонравов Н.С.* Памятники отреченной русской литературы. Т.II. СПб., 1863.
- Тихонюк И.А.* «Изложение пасхалий» московского митрополита Зосимы // Исследование по источниковедению истории СССР XIII — XVIII вв. М., 1986.

- Толстовский летописец // Летопись занятий Археографической экспедиции. Т. 2. СПб., 1836.
- Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906.
- Форстен Г.В. Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. Вып. 1 – 2. СПб., 1889; 1893.
- Хворостинин И.А. Словеса дней, и царей, и святителей московских // ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987.
- Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Дафта, неизвестного доселе арабского писателя X века по рукописи Британского музея. СПб., 1869.
- Черепнин Л.В. Договорные и духовные грамоты Дмитрия Донского как источник для изучения политической истории великого княжества Московского // Исторические записки. Т.24. 1947.
- Шаховской С.И. Летописная книга // ПЛДР. Конец XVI — начало XVII в. М., 1987.
- Шлихтинг А. Новое известие о России времен Ивана Грозного // Сказание Альберта Шлихтинга. Л., 1934.
- Штаден Генрих. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника / Пер. И.И. Полосина. Л., 1925.

Литература

- Авдусин Д.А. Об изучении археологических источников по варяжскому вопросу // Советское славяноведение. Т. 20. 1975.
- Аверьянов А.К. Московское княжество Ивана Калиты. Присоединение Коломны. Приобретение Можайска. М., 1994.
- Адрианова-Перетц В.П. Задонщина: Опыт реконструкции авт. текста // ТОДРЛ. Т. VI. Л., 1948.
- Адрианова-Перетц В.П. Слово о житии и преставлении Великого князя Дмитрия Ивановича царя Руськаго // ТОДРЛ. Т. V. Л., 1947.
- Азбелев С.Н. Младшие летописи Новгорода о Куликовской битве // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971.
- Азбелев С.Н. Об устных источниках летописных текстов (на материале Куликовского цикла) // Летописи и хроники. М.Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976.
- Алексеев В.П. Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас. М., 1978.
- Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы. Краниологическое исследование. М., 1969.
- Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974.
- Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966.
- Алексеев Ю.Г. Иван III // Великие государственные деятели России. М., 1996.

- Алексеев Ю.Г.* Под знаменем Москвы. М., 1992.
- Алексеев Ю.Г.* Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980.
- Алексеева Т.И.* Славяне и германцы в свете антропологических данных // Вопросы истории. 1974. №3.
- Алексеева Т.И.* Этногенез восточных славян по антропологическим данным. М., 1973.
- Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XII — XVII вв.). М., 1973.
- Алпатов М.Н.* Андрей Рублев. Около 1370 — 1430. М., 1971.
- Альшиц Д.Н.* Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // Исторические записки. Т.23. 1947.
- Альшиц Д.Н.* Начало самодержавия в России: государство Ивана Грозного. Л., 1988.
- Андряшев А.М.* Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887.
- Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII века о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т.3. М.; Л., 1940.
- Антонович В.Б.* Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. Вып.1. Киев, 1878.
- Архангельский А.С.* Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. Ч.1. СПб., 1882.
- Арциховский А.В.* Археологические данные по варяжскому вопросу // Культура Древней Руси. М., 1966.
- Арциховский А.В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.
- Ашурков В.Н.* На поле Куликовом. Тула, 1967.
- Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952.
- Базилевич К.В.* Восточная Европа под властью монгольских завоевателей. М., 1940.
- Барбашев А.* Витовт в последние двадцать лет княжения (1410 — 1430). СПб., 1892.
- Барг М.А.* Исторический факт: структура, форма, содержание // История СССР. 1976. №6.
- Барская Н.А.* Сюжеты и образы древнерусской живописи. М., 1993.
- Барсов Т.* Константинопольский патриарх и его власть над русской церковью. СПб., 1878.
- Барсуков И.* Источники русской агиографии. СПб., 1882.
- Бартольд В.В.* Сочинения. Т. 1 — 2. М., 1963.
- Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. I. М., 1952; Т. II. М., 1954.
- Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели русской земли». М.; Л., 1965.
- Бегунов Ю.К.* Русское Слово о чуде Климента Римского и кирилло-мефодиевская традиция // Slavica. R. 43. №1. Praha, 1974.
- Белецкий С.В.* Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. Вып.160. М., 1980.

- Белокуров С.А.* Разрядные записи в Смутное время (7113 – 7121 гг.) М., 1907.
- Белякова Е.В.* К истории учреждения автокефалии русской церкви // Россия на путях централизации. М., 1964.
- Беневоленская Ю.Д., Давыдова Г.М.* Русское население Псковского обозерья // Полевые исследования Института этнографии. 1977. М., 1979.
- Березовец Д.Т.* Про імя носіїв салтівської культури // Археологія. Т. XXIV. Київ, 1970.
- Бернадский В.Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961.
- Берх В.Н.* Царствование царя Михаила Феодоровича и взгляд на междоусобицу. Ч. 1. СПб., 1832.
- Бибиков С.Н.* Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре // МИА. М.Л., 1953. №38.
- Библер В.С.* Исторический факт как фрагмент действительности // Источниковедение: теоретические и методологические проблемы. М., 1969.
- Богуславский С.А.* К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру // ИОРЯС. Т. XXIX. Л., 1925.
- Борзаковский В.С.* История Тверского княжества. СПб., 1876. (др. издание – Тверь, 1994).
- Борисковский П.И.* Древнейшее прошлое человечества. Л., 1979.
- Борисов Н.С.* Иван Калита. М., 1995. (Сер. «ЖЗЛ»).
- Борисов Н.С.* Иван III. М., 2000. (Сер. «ЖЗЛ»).
- Борисов Н.С.* Сергей Радонежский. М., 2001. (Сер. «ЖЗЛ»).
- Борисов Н.С.* Митрополит Петр // Великие духовные пастыри России. М., 1999.
- Борисов Н.С.* Политика московских князей. Конец XIII – первая половина XIV века. М., 1999.
- Борисов Н.С.* Русская церковь в политической борьбе XIV – XV вв. М., 1986.
- Брайчевский М.Ю.* «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного // Земли Южной Руси в IX – XIV вв. Киев, 1985.
- Буганов В.И.* Крестьянские войны в России XVII – XVIII вв. М., 1976.
- Будовниц И.У.* Монастыри на Руси в XIV – XVI веках и борьба с ними крестьян. М., 1966.
- Будовниц И.У.* Отражение политической борьбы Москвы и Твери в тверском и московском летописании XIV в. // ТОДРЛ. Т. XII. Л., 1956.
- Будовниц И.У.* Русская публицистика XVI в. М.; Л., 1947.
- Бурмистров Н.А.* Партийность исторической науки. Казань, 1979.
- Бычкова М.Е.* Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV века до 1569 года. М., 1996.
- Вагнер Г.К.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев-Польской. М., 1964.
- Вагнер Г.К.* Формирование исторической проблематики в русском искусстве X – XIII в. // Вопросы истории. 1972. №10.
- Вагнер Г.К., Владышевская Т.Ф.* Искусство Древней Руси (X – XVII вв.). М., 1993.

- Вайнштейн О.Л.* Марксизм-ленинизм об историческом факте // В.И. Ленин и проблемы истории. Л., 1970.
- Валишевский К.* Смутное время. (Репринтное воспроизведение издания 1911 года). М., 1989.
- Вальденберг В.* Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916.
- Васильевский В.Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII вв. // Труды. Т. I. СПб., 1908.
- Введение христианства на Руси. М., 1987.
- Великанова М.С.* Палеоантропология Пруто-Днестровского междуречья. М., 1975.
- Великие духовные пастыри России / Под ред. А.Ф. Киселева М., 1999.
- Венелин Ю.* Известия о варягах арабских писателей и злоупотребление в истолковании оных // ЧОИДР. Кн.4. М., 1870
- Венелин Ю.* Скандиновомания и ее поклонники. М., 1842.
- Верещагин В.М.* История возникновения древнего общеславянского литературного языка. М., 1997.
- Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь, М., 1997 (перевод с англоязычного издания 1953 года).
- Вернадский Г.В.* Московское царство. Ч.1. Тверь, 1997.
- Вернер Э.* Народная ересь или движение за социально-политические реформы? Проблемы революционного движения в Солуне в 1342–1349 гг. // Византийский временник. Т.17. М., 1960.
- Веселовский А.Н.* Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском // ИОРЯС. Т. XI. Кн.3. СПб., 1906.
- Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
- Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963.
- Веселовский С.Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М., 1947.
- Вилинбахов В.Б.* Современная историография о проблеме «Балтийские славяне и Русь» // Советское славяноведение. 1980. №1.
- Виппер Р.Ю.* Иван Грозный. М.; Л., 1944 (другое издание – М., 1998).
- Виргинский В.С.* Очерки истории науки и техники XVI – XIX вв. М., 1984.
- Витов М.В., Марк К.Ю., Чебоксаров Н.Н.* Этническая антропология Восточной Прибалтики. М., 1959.
- Воронин Н.Н.* Раскопки в Переяславле Залесском. Раскопки в Ярославле // МИА. №11. М., 1949.
- Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII – XV вв. Т.1. М., 1961.
- Воронин Н.Н., Кузьмин А.Г.* Духовная культура Древней Руси // Вопросы истории. 1972. № 9.
- Воронов А.Д.* О латинских проповедниках на Руси Киевской в X и XI вв. // ЧОНЛ. Кн.1. 1879.
- Высоцкий С.А.* Средневековые надписи Софии Киевской. XI – XII вв. Киев, 1976.

- Гадло А.В.* «Корсунские попы» на Руси (комментарий к летописной статье 6547 года) // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996.
- Галкина Е.С.* Тайны Русского коганата. М., 2002.
- Гальперин Г.Б.* Формы правления Русского централизованного государства XV – XVI вв. Л., 1964.
- Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.
- Геденов С.А.* Варяги и Русь. Ч. 1 – 2. СПб., 1876.
- Генинг В.С.* Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970.
- Георгиев В.И.* Индоевропейское языкознание сегодня // Вопросы языкознания. 1975. №5.
- Георгиев В.И.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.
- Герасимов М.М.* Люди каменного века. М., 1964.
- Гиришберг А.* Марина Мнишек. М., 1908
- Гломозда К.Е.* «Крещение Руси» в концепциях современной буржуазной историографии. Киев, 1988.
- Голубинский Е.Е.* История канонизации святых в русской церкви. М., 1903.
- Голубинский Е.Е.* История Русской церкви. Т. 1. М., 1881; Т. II. СПб., 1900.
- Горнунг Б.В.* К вопросу об образовании индоевропейской языковой общности (Протоиндоевропейские компоненты или иноязычные субстраты?) // Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков. М., 1964.
- Горский А.А.* Москва, Тверь и Орда в 1300 – 1339 гг. // Вопросы истории. 1995. №4.
- Горский А.А.* Русские земли в XIII – XIV веках: пути политического развития. М., 1996.
- Горский А.Д.* Борьба крестьян за землю на Руси в XV – начале XVI в. М., 1974.
- Горский А.Д.* Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV – XV вв. М., 1960.
- Горюнова В.М.* О западных связях «Городка» на Ловати // Проблемы археологии и этнографии. Вып.1. Л., 1977.
- Готье Ю.* Замосковный край в XVII веке. М., 1937.
- Гохман И.И.* Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М., 1966.
- Грбарь А.Н.* Светское искусство домонгольской Руси и «Слово о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. XVIII. М.; Л. 1962.
- Греков Б.Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. Кн. 2. М., 1954.
- Греков Б.Д.* Татарское нашествие (XIII – XV вв.) // Исторический журнал. 1937. №6.
- Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.
- Греков И.Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV – XV вв.). М., 1975.

- Греков И.Б.* Очерки международных отношений Восточной Европы XIV – XVI вв. М., 1963.
- Григорьян Б.Т.* Философия и философия истории // Философия и ценностные формы сознания. М., 1978.
- Громов М.Н., Козлов Н.С.* Русская философская мысль X – XVII вв. М., 1990.
- Грум-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и урянхайский край. Ч.1, 2. СПб. – Л., 1914 – 1930.
- Грушевский М.С.* Киевская Русь. Т.1. СПб., 1911.
- Грушевский М.С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. (Книга переиздана репринтом в Киеве в 1991 году с переводом заглавия на украинский язык.)
- Грушевский М.С.* Очерк истории украинского народа. СПб., 1906.
- Гулыга А.В.* История как наука // Философские проблемы исторической науки. М., 1969.
- Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1997.
- Гумилев Л.Н.* Меня называют евразийцем // Наш современник. 1991. №1.
- Гумилев Л.Н.* От Руси к России. Очерки этнической истории. М., 1992.
- Гумилев Л.Н.* Поиски вымышленного царства. М., 1970.
- Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации / Пред. С.Б. Лаврова. М., 1993.
- Гумилев Л.Н.* Эпоха Куликовской битвы // Огонек. 1980. №36.
- Гуревич Ф.Д.* Скандинавская колония на территории древних пруссов // Советское славяноведение. Т. 23, 1978.
- Д’Оссон.* История монголов от Чингисхана до Тамерлана. Т. 1. М., 1937.
- Данилова Л.В.* Новгородская феодальная республика // Очерки истории СССР. Период феодализма IX – XV вв. Ч.1. М., 1953.
- Дашкевич Н.П.* Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873.
- Денисова Р.Я.* Антропология древних балтов. Рига, 1975.
- Дербов Л.А.* К истории падения Ливонского ордена // Ученые записки Саратовского гос. универ. Т.17. Саратов, 1947.
- Державин Н.С.* Славяне в древности. М., 1949.
- Дорн Б.А.* Каспий. О походах древних русских в Табаристан. СПб., 1875.
- Дробинский А.И.* Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе // Исторические записки. Т. 26. М., 1948.
- Дружинин В.Г.* Несколько неизвестных литературных памятников XVI в. // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. XXI. СПб., 1909.
- Дубов И.В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего Средневековья. Л., 1982.
- Дубровский С.М.* Против идеализации деятельности Ивана IV // Вопросы истории. 1956. №8.
- Жуковская Л.П.* Митрополит Алексей и его перевод Чудовской рукописи Нового завета 1354 г. // Культура средневековой Москвы. М., 1995.
- Заболотский П.* К вопросу об иноземных источниках Начальной летописи // Русский филологический вестник. Варшава, 1901.

- Завитневич В.* Происхождение и первоначальное значение имени «Русь».
// Труды Киевской Духовной академии. 1892. №11.
- Записки Манштейна* // Русская старина. 1875. № 12.
- Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М., 1967.
- Зеленин Д.К.* О происхождении северновеликоруссов Великого Новгорода
// Доклады и сообщения института языкознания АН СССР. М., 1954.
- Зимин А.А.* «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина» // Археологический ежегодник за 1967 г. М., 1969.
- Зимин А.А.* Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М., 1991.
- Зимин А.А.* Вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII в. // Вопросы истории. 1958. №3.
- Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. М., 1958.
- Зимин А.А.* Максим Грек и Василий III в 1525 г. // Византийский временник. Т. XXXII. М., 1971.
- Зимин А.А.* О политической доктрине Иосифа Волоцкого // ТОДРЛ. Т. IX. М.; Л. 1953.
- Зимин А.А.* Общественно-политические взгляды Федора Карпова // ТОДРЛ. Т. XII. М.; Л., 1956.
- Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.
- Зимин А.А.* Память и похвала Иакова мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения института славяноведения. Вып. 37. М., 1963.
- Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960
- Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972.
- Зимин А.А.* Россия на рубеже XV – XVI столетий. М., 1982.
- Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.
- Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.* Россия времени Ивана Грозного. М., 1982.
- Зубрицкий Д.И.* История древнего Галичско-Русского княжества. Т. 1 – 4. Львов, 1852 – 1855.
- Иванов А.И.* Литературное наследие Максима Грека. М., 1969.
- Иванов В.В.* Соотношение истории и современности как методологическая проблема. М., 1973.
- Иванов В.В.* Хеттский язык. М., 1963.
- Иванов П.А.* Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV века. Одесса, 1895.
- Иловайский Д.И.* Разыскания о начале Руси. М., 1982.
- Ильин И.А.* Самобытность или оригинальничание? // Мир России – Евразия. М., 1995.
- Ильин Н.Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957.
- Ильинский Г.А.* Проблема праславянской прародины в научном освещении А.А. Шахматова // Известия отделения русского языка и словесности АН. Пгр., 1922. Т.25.

- Ирибаджиков Н.* Клио перед судом буржуазной философии. М., 1972.
- Исаченко А.В.* К вопросу об ирландской миссии у паннонских и моравских славян // Вопросы славянского языкознания. Вып.7. М., 1963.
- История культуры Древней Руси. Т.1 – 2. М.; Л., 1951.
- История русской литературы X – XVII вв. / Под ред. Д.С. Лихачева. М., 1980.
- Казакова Н.А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960.
- Казакова Н.А.* Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в. Л., 1970.
- Казакова Н.А.* Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор» // ТОДРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1970.
- Казакова Н.А.* Русско-датские торговые отношения в конце XV – начале XVI в. // Исторические связи Скандинавии и России в IX – XX вв. Л., 1970.
- Казакова Н.А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975.
- Казакова Н.А., Катушкина Л.Г.* Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана // ТОДРЛ. Т. XXIII. Л., 1968.
- Калинина Т.М.* Ал-Масуди о расселении русов // Восточная Европа в древности и Средневековье. М., 1978.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. XII., СПб., 1829.
- Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. С. 187.
- Каргалов В.В.* Монголо-татарское нашествие на Русь. М., 1966.
- Каргер М.К.* Древний Киев. Т.1. М.; Л., 1958.
- Кареев Н.* Историка. Пг., 1916.
- Карпов А.Ю.* Владимир Святой. М., 1997. (Сер. «ЖЗЛ»).
- Карпов А.* Ярослав Мудрый. М., 2001. (Сер. «ЖЗЛ»).
- Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т.1. М., 1991.
- Каштанов С.М.* К изучению опричнины Ивана Грозного // История СССР. 1963. №2.
- Каштанов С.М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М. 1967.
- Келле В.Ж., Ковальзон М.Я.* Теория и история. М., 1981.
- Кизилов Ю.А.* Земли и народы Росси в XIII – XV веках. М., 1984.
- Кларк Дж. Г.Д.* Доисторическая Европа: Пер. с англ. М., 1953.
- Клейн Л.С., Лебедев Г.С., Назаренко В.А.* Норманнские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России IX – XX вв. Л., 1970.
- Клибанов А.И.* Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI в. М., 1960.
- Клюг Эккехард.* Княжество Тверское (1247–1485). Тверь, 1994.
- Ключевский В.О.* Боярская Дума Древней Руси. Добрые люди Древней Руси. М., 1994.
- Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 3 // Ключевский В.О. Сочинения. Т. 3. М., 1988.

- Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985.
- Кобрин В.Б.* Состав опричного двора Ивана Грозного // Археологический Ежегодник за 1959 г. М., 1960.
- Кобычев В.П.* В поисках прародины славян. М., 1973.
- Ковалевский С.Д.* Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977.
- Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987.
- Козинг А.* Исторический материализм и теория познания // Социальная природа познания. Теоретические предпосылки и проблемы. М., 1979.
- Козлова М.С.* К проблеме так называемого «априорного знания» // Вопросы гносеологии, логики и методологии научного исследования. Л., 1970. Вып.2.
- Кольчева Е.М.* Холопство и крепостничество (конец XV – XVI вв.). М., 1971.
- Комеч А.И.* Древнерусское зодчество конца X – начала XII в. Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. М., 1987.
- Кондукторова Т.С.* Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М., 1973.
- Копанев А.И.* История землевладения Белозерского края XV – XVI вв. М.; Л., 1951.
- Копанев А.И.* Крестьянство русского севера в XVI в. Л., 1978.
- Копнин П.В.* Диалектика как логика и теория познания. М., 1973.
- Корецкий В.И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970.
- Корецкий В.И.* История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М., 1986.
- Корецкий В.И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975.
- Королюк В.Д.* Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964.
- Королюк В.Д.* Ливонская война. М., 1954.
- Косолапов В.В.* Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977.
- Костомаров Н.И.* Личность царя Ивана Васильевича Грозного // Собр. соч. Кн.5. Т.12. СПб., 1905.
- Костомаров Н.И.* Начало Руси // Современник. Т. 70. №1. СПб., 1860.
- Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII в. // Исторические монографии и исследования. Кн. II., М., 1904.
- Котляр Н.Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX – XIII вв. Киев, 1985.
- Кочин Г.Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII – начало XVI в. М.; Л., 1965.
- Кочуркина С.И.* Юго-восточное Приладожье в X – XIII вв. Л., 1973.
- Кочнев Г.Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Древнерусского централизованного государства. М.; Л., 1965.

- Коялович М.* Литовская церковная уния. СПб., 1859.
- Крайнов Д.А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972.
- Крещение Руси в трудах русских и советских ученых / Сост. В.И. Вышегородцев, А.Г. Кузьмин, В.В. Фомин, вступ. ст. А.Г. Кузьмина. М., 1988.
- Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- Кудрявцев М.П.* Москва — Третий Рим. Историко-градостроительное исследование. М.1994.
- Куза А.В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X — XIII вв. М., 1975.
- Кузаков В.К.* Очерки развития естественно-научных и технических представлений на Руси в X — XVII вв. М., 1976.
- Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание. М., 1965.
- Кузьмин А.Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.
- Кузьмин А.Г.* Татищев. М., 1981. (Сер. «ЖЗЛ»).
- Кузьмин А.Г.* Падение Перуна. М., 1988.
- Кузьмин А.Г.* К какому храму ищем мы дорогу. М., 1989.
- Кузьмин А.Г.* Адашев и Сильвестр // Великие государственные деятели России. М., 1996.
- Кузьмин А.Г.* «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории. 1970. №1.
- Кузьмин А.Г.* Древнерусские имена и их параллели // Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 2. М., 1986.
- Кузьмин А.Г.* Евразийский капкан // Молодая гвардия. 1994. № 12.
- Кузьмин А.Г.* Заметки историка об одной лингвистической монографии // Вопросы языкознания. 1980. №4.
- Кузьмин А.Г.* О предмете исторической науки // Предмет и структура общественных наук. М., 1984.
- Кузьмин А.Г.* Об этнической природе варягов // Вопросы истории. 1974. №11.
- Кузьмин А.Г.* Первые попытки ограничения самодержавия в России // Советское государственное право. 1980. №7.
- Кузьмин А.Г.* Пропеллер пассионарности, или теория приватизации истории // Молодая гвардия. 1991. № 9.
- Кузьмин А.Г.* Россия в оккультной мгле, или зачем «евразийцы» маскируются под русских патриотов // Молодая гвардия. 1993. №2.
- Кузьмин А.Г.* Священные камни памяти. О романе Владимира Чивилихина «Память» // Молодая гвардия. 1982. №1.
- Кузьмин А.Г.* Хазарские страдания // Молодая гвардия. 1993. № 5 — 6.
- Кузьмин А.Г.* Церковь и светская власть в эпоху Куликовской битвы // Вопросы научного атеизма. Вып.37. М., 1988.
- Кузьмичев И.К.* Лада, или Повесть о том, как родилась идея прекрасного и откуда Русская красота стала есть. (Эстетика Киевской Руси). М., 1990.
- Кулаковский Ю.А.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1890.

- Курукин И.В.* К изучению источников о начале Ливонской войны и деятельности правительства Адашева и Сильвестра // Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М., 1981.
- Кусков В.В.* История древнерусской литературы. М., 1989.
- Кусов В.С.* Чертежи Земли Русской XVI – XVII вв. М., 1993.
- Кутенов Н.* Великокняжеская и царская охота на Руси с X по XVI век. Т. 1. СПб., 1896.
- Кучкин В.А.* Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.
- Кучкин В.А.* О роли Сергея Радонежского в подготовке Куликовской битвы // Вопросы научного атеизма. Вып. 37. М., 1988.
- Кучкин В.А.* Первый московский князь Даниил Александрович // Отечественная история. 1995. №1
- Кучкин В.А.* Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М., 1974.
- Кучкин В.А.* Русская церковь во второй половине XIII – XIV вв. // Православная церковь в истории России. М., 1991.
- Кучкин В.А.* Сергей Радонежский // Вопросы истории. 1992. №10.
- Кушева Е.Н.* К истории холопства в конце XVI – начале XVII века // Исторические записки. Т.15. 1945.
- Лавров П.А.* Жития херсонских святых в греко-славянской письменности. М., 1911.
- Лазарев В.Н.* Древнерусские мозаики и фрески. М., 1973
- Лазарев В.Н.* Живопись и скульптура Киевской Руси // История русского искусства. Т.1. М., 1953.
- Лазарев В.Н.* Мозаики Софии Киевской. М., 1960.
- Лазарев В.Н.* Русская иконопись. От истоков до начала XVI в. М., 1983.
- Лазарев В.Н.* Русская средневековая живопись. М., 1970.
- Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.
- Лебедев Г.С., Розов А.А.* Городец под Лугой // Вопросы истории. 1975. №2.
- Лебедев Д.* Вопрос о происхождении арианства. Сергиев Посад. 1916.
- Лебедев Д.М.* Очерки по истории географии в России XI – XVI вв. М., 1956.
- Левченко М.В.* Очерки по истории Русско-византийских отношений. М. 1956.
- Леонтович В.И.* К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойротский устав взысканий. Одесса, 1879.
- Леонтьев А.К.* Образование приказной системы управления в Московском государстве. М., 1961.
- Лецевич Л.* Балтийские славяне и Северная Русь в раннем Средневековье. Нескольكو дискуссионных замечаний // Славянская археология. Этногенез, расселение и духовная культура славян. М., 1993.
- Лимонов Ю.А.* Россия начала XVII века. Записки капитана Маржерета. М., 1982.
- Лихачев Д.С.* Развитие русской литературы XI – XVIII веков. Эпохи и стили. Л., 1973.

- Ловмянский Г.* Руссы и руги // Вопросы истории. 1971. №9.
- Ловмянский Г.* Русь и норманны. М., 1985.
- Логвин Г.Н.* София Киевская. Киев, 1971.
- Лошиц Ю.М.* Дмитрий Донской. М., 1980.
- Лурье Я.С.* Вопрос о великокняжеском титуле в начале феодальной войны XV в. // Россия на путях централизации. М., 1982.
- Лурье Я.С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI в. М.; Л., 1960.
- Лурье Я.С.* Иона // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.2. Ч.1. Л., 1988.
- Лурье Я.С.* Исидор // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.2. Ч.1. Л., 1988.
- Любомиров П.Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611 – 1613 гг. М., 1939.
- Ляпушкин И.И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // МИА. № 152. Л., 1968.
- Мавродин В.В.* Происхождение русского народа. Л., 1978.
- Маковский Д.П.* Первая крестьянская война в России. Смоленск, 1967.
- Максимович М.А.* О мнимом запустении Украины в нашествие Батыево и населении новопришлым народом // Собр. соч. Киев, 1876.
- Марасинова Л.М.* Новые псковские грамоты XIV – XV вв. М., 1966.
- Маркевич А.И.* Избрание на царство Михаила Федоровича Романова // ЖМНП. 1891. № 10.
- Марков В.М.* Путятина минея как древнейший памятник русского письма // Slavia. №4. Praha, 1968.
- Марков Г.Е.* История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе. М., 1979.
- Марковин В.И.* Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.
- Мартышин О.В.* Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992.
- Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ (по данным археологии). Л., 1976.
- Матузова В.И.* Английские средневековые источники IX – XIII вв. М., 1979.
- Медведев И.П.* Византийский гуманизм XIV – XV вв. Л., 1976.
- Мейендорф И.Ф.* Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. Париж, 1990.
- Мейендорф И.Ф.* О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV в. // ТОДРЛ. Т.XXXIX. Л., 1974.
- Мельниковская О.Н.* Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967.
- Мильков В.В.* Древнерусские апокрифы. СПб., 1999.
- Миллюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Ч. 3. Вып. 1. СПб., 1901.
- Монгайт А.Л.* Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973.

- Монгайт А.Л.* Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974.
- Монгайт А.Л.* Старая Рязань. М., 1955.
- Морошкин Ф.Л.* Историко-критические исследования о руссах и славянах. СПб., 1842.
- Мошин В.А.* Варяго-русский вопрос // *Slavia*. Vol. X. Praha, 1931.
- Муравьев А.В., Сахаров А.М.* Очерки по истории русской культуры IX — XVII вв. М., 1984.
- Муравьева Л.Л.* Летописание Северо-Восточной Руси. XIII — XV в. М., 1983.
- Муравьева Л.Л.* Московское летописание второй половины XIV — начала XV в. М., 1991.
- Муравьева Л.Л.* Об «избытке» известий Никоновской летописи (конец XIII — начало XV в.) // *Древности славян и Руси*. М., 1988.
- Мурьянов М.Ф.* «Звонят колоколы вечныя в великом Новгороде»: славянские параллели // *Славянские страны и русская литература*. Л., 1973.
- Назаренко А.В.* Русь и Германия в IX — X вв. // *Древнейшие государства Восточной Европы*. М., 1994.
- Назаров В.Д.* Русь накануне Куликовской битвы: К 600-летию битвы на Воже // *Вопросы истории*. 1978. №8.
- Насонов А.Н.* Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940.
- Насонов А.Н.* О тверском летописном материале в рукописях XVII в. // *Археографический ежегодник за 1957 г.* М., 1958.
- Неверов С.Л.* Логика иудействующих // *Киевские университетские известия*. 1909. № 8.
- Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956.
- Никольский Н.К.* Повесть временных лет как источник для начального периода русской письменности и культуры. Л., 1930.
- Новодворский В.В.* Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой (1570 — 1582). СПб., 1904.
- Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и руси VI — X вв. // *Древнерусское государство и его международное значение*. М., 1965.
- Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Носов Н.Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.; Л., 1957.
- Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969.
- Носова Г.А.* Язычество в православии. М., 1975.
- О крестьянской войне в Русском государстве в начале XVII в. Обзор дискуссии // *Вопросы истории*. 1961. №5.
- Очерки русской культуры. В 6 т. М. 1969 — 1979.
- Памятники древнерусского канонического права // *Русская историческая библиотека*. Т.6. СПб., 1880.

- Панеях В.М.* Кабальное холопство на Руси в XVI в. Л., 1967.
- Панеях В.М.* Холопство в XVI – начале XVII в. Л., 1975.
- Пархоменко В.А.* У истоков русской государственности. Л., 1924.
- Патканов К.* История монголов по армянским источникам. Вып. 1 – 2. СПб., 1873 – 1874.
- Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. М., 1959.
- Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
- Первобытное общество. Основные проблемы развития. М., 1975.
- Перевезенцев С.В.* Русская религиозно-философская мысль X – XVII вв. Основные идеи и тенденции развития. М., 1999.
- Перевезенцев С.В.* Тайна Ивана Грозного // Роман-газета XXI век. 1999. № 12.
- Перевезенцев С.В.* Тайны русской веры. М., 2001.
- Перициц А.И., Монкайт А.Л., Алексеев В.П.* История первобытного общества. М., 1982.
- Петров А.Е.* Византийский исихазм и традиции русского православия в XIV столетии // Древняя Русь. Пересечение традиций. М., 1997.
- Пирлинг П.* Из Смутного времени. СПб., 1902.
- Пирлинг П.* Россия и папский престол. Кн.1. М., 1912.
- Пичета В.И.* Белоруссия и Литва в XIV – XVI вв. Вильнюс, 1961.
- Платонов В.Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. 2-е. изд. СПб., 1913.
- Платонов С.Ф.* Иван Грозный. Пг., 1923 (другое издание – М., 1998).
- Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII в. М., 1937 (другое издание – М., 1995).
- Платонов С.Ф.* Статьи по русской истории. СПб., 1912.
- Плигузов А.И., Хорошкевич А.Л.* Русская церковь и антиордынская борьба в XIII – XV вв. (по материалам краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.
- Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.
- Поболь Л.Д.* Славянские древности Белоруссии. Минск, 1973.
- Подвигина Л.Н.* Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII – XIII вв. М., 1976.
- Подобедова О.И.* Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1964.
- Подскальски Герхард.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988 – 1237 гг.). СПб., 1996.
- Полосин И.И.* О челобитных Пересветова // Ученые записки МГПИ. Т. XXXV. Вып. II. М., 1946.
- Полосин И.И.* Социально-политическая история России XVI – начала XVII в. М., 1963.
- Попов П.С.* Яса Чингисхана и уложение Монгольской династии // Записки Восточного отдела Русского археологического общества Т. XVII. СПб., 1940.

- Пресняков А.Е.* Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.
- Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918.
- Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X – XII вв. СПб., 1913.
- Приселков М.Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916.
- Проблемы этногенеза славян.* Киев, 1978.
- Прохоров Г.М.* Алексей (Алексий) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.2. Л., 1988.
- Прохоров Г.М.* Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV веке // ТОДРЛ. Т.ХХIII. Л., 1968.
- Прохоров Г.М.* Культурное своеобразие эпохи Куликовской битвы // ТОДРЛ. Т.ХХХIV. Л., 1979.
- Прохоров Г.М.* Повесть о Митяе. Л., 1978.
- Равдоникас В.И.* История первобытного общества. Л., 1974.
- Райнов Т.И.* Наука в России в XI – XVII вв. М.; Л. 1940.
- Рамм Б.Я.* Папство и Русь в X–XV вв. М., 1959.
- Рапов О.М.* Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1998.
- Реформы в России XVI – XIX вв.* М., 1992.
- Ржига В.Ф.* Литературная деятельность Ермолая-Еразма // Приложения ЛЗАК. Вып. 3. Л., 1926.
- Ржига В.Ф.* Опыты по истории русской публицистики XVI в. Максим Грек как публицист // ТОДРЛ. Т.I. 1934.
- Розов Н.Н.* Синодальный список сочинений Илариона – русского писателя XI в. // Slavica. №2. Praha, 1963.
- Рыбаков Б.А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.
- Рыбаков Б.А.* Геродотова «Скифия». М., 1979.
- Рыбаков Б.А.* Древнерусский город по археологическим данным // Известия АН СССР. Серия история. Т.7. №3. 1950.
- Рыбаков Б.А.* Древние русы // Советская археология. Т. XVII. М., 1953.
- Рыбаков Б.А.* Древности Чернигова // МИА. №11. М., 1949.
- Рыбаков Б.А.* О преодолении самообмана // Вопросы истории. 1970. №3.
- Рыбаков Б.А.* Поляне и северяне // Советская этнография. Сб. VI – VII. М.; Л., 1947.
- Рыбаков Б.А.* Ремесло в Древней Руси. М., 1948.
- Рыбаков Б.А.* Русские карты Московии XV – начала XVI в. М., 1974.
- Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1987.
- Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1981.
- Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX – XIV вв. М., 1978.
- Садиков П.А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л. 1950.
- Салмина М.А.* «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского» // ТОДРЛ. Т. XXV. Л., 1970.
- Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
- Сафронов Б.Г.* М.М. Ковалевский как социолог. М., 1960

- Сафронов В.А.* Индоевропейские прародины. Горький, 1989.
- Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси: IX — первая половина X в. М., 1980.
- Севастьянова А.А.* Записки Джерома Горсея о России конца XVI — начала XVII вв. // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории: Сборник трудов МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1974.
- Седов В.В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
- Седов В.В.* Славяне в раннем Средневековье. М., 1995.
- Седов В.В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.
- Седова Р.А.* Свяtitель Петр митрополит Московский в литературе и искусстве Древней Руси. М., 1993.
- Синицына Н.В.* «Третий Рим». Истоки и эволюции русской средневековой концепции. XV — XVI вв. М., 1998.
- Синицына Н.В.* Максим Грек в России. М., 1977.
- Синицына Н.В.* Послание Максима Грека Василию III об устройстве афонских монастырей // Византийский временник. Т. XXVI. М., 1965.
- Система государственного феодализма в России. Вып. 1. М., 1993.
- Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 1983.
- Скрынников Р.Г.* Начало опричнины. Л., 1966.
- Скрынников Р.Г.* Опричный террор. Л., 1969.
- Скрынников Р.Г.* Россия после опричнины. Л., 1975.
- Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М., 1978.
- Скрынников Р.Г.* Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988.
- Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985.
- Славяне и Русь. Проблемы и идеи. Трехвековой спор в хрестоматийном изложении / Сост. А.Г. Кузьмин. М., 1999.
- Славянские древности. Киев, 1980.
- Смирнов А.П.* Древняя история чувашского народа. Чебоксары, 1948.
- Смирнов И.И.* Беседа валаамских чудотворцев // Исторические записки. Т. 15. 1945.
- Смирнов И.И.* Восстание Болотникова. 1606 — 1607. М., 1951.
- Смирнов И.И.* Иван Грозный. Л., 1944.
- Смирнов И.И.* Краткий очерк истории восстания Болотникова. М., 1953.
- Смирнов И.И.* Очерки политической истории Русского государства 30–50-х гг. XVI в. М.; Л., 1958.
- Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П., Мавродин В.В.* Крестьянские войны в России XVII — XVIII вв. М.; Л., 1966.
- Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.* Происхождение индо-иранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
- Смирнов П.П.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. // Вопросы истории. 1946. № 2 — 3.
- Смирнова Г.П.* К вопросу о датировке древнейшего слоя Неревского раскопа Новгорода // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
- Смирнова Г.П.* Лепная керамика древнего Новгорода. КСИИ. Вып. 146. М., 1976.

- Соколов П.П.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913.
- Соловьев А.В.* Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского» // ТОДРЛ. Т. XVII. Л., 1961.
- Соловьев С.М.* Сочинения. В 18 т. М., 1988 — 1995.
- Софроненко К.А.* Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси XI — XIII вв. М., 1955.
- Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в. М., 1990.
- Сташевский Е.Д.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Ч. 1. Киев, 1913.
- Стешенко Л.А.* О предпосылках абсолютизма в России // Вестник МГУ. Серия X. Право. № 3. 1965.
- Страленберг Ф.И.* Рассказ об избрании на царство Михаила Федоровича Романова // ЖМНП. 1891. № 10.
- Сугорский И.И.* В туманах седой старины. Англо-русская связь в давние века. СПб., 1907.
- Талис Д.Л.* Росы в Крыму // Советская археология. 1974. №3.
- Тарановский Ф.В.* Соборное избрание и власть великого государя в XVII столетии // ЖМНП. 1913. № 5.
- Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
- Телегин Д.Я.* Об основных позициях погребенных первобытной эпохи Европейской части СССР // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976.
- Тереножкин А.И.* Киммерийцы. Киев, 1976.
- Тихомиров М.Н.* Новый источник по истории восстания Болотникова // Исторический архив. Т. VI. М.; Л., 1951.
- Тихомиров М.Н.* Бесермены в русских источниках // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964.
- Тихомиров М.Н.* Древняя Русь. М., 1975.
- Тихомиров М.Н.* Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533 — 1547 гг. // Исторические записки. 1954. Кн.46.
- Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.
- Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI — XII вв. М., 1955.
- Тихомиров М.Н.* Куликовская битва 1380 г. // Вопросы истории. 1955. №8.
- Тихомиров М.Н.* Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // Советская этнография. Сб. VI — VII. М.; Л., 1947.
- Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962.
- Тихомиров М.Н.* Русская культура X — XVIII вв. М., 1968.
- Тихомиров М.Н.* Сословно-представительные учреждения (Земские соборы) в России XVI в. // Вопросы истории. 1958. №5.
- Тихомиров М.Н.* Средневековая Москва в XIV — XV вв. М., 1957.
- Тихомиров М.Н.* Средневековая Россия на международных путях (XIV — XV вв.). М., 1966.

- Толочко П.П.* Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987.
- Толочко П.П.* Древний Киев. Киев., 1983.
- Толстов С.П.* «Нарци» и «волохи» на Дунае // Советская этнография. 1948. №2.
- Толстов С.П.* Из предыстории Руси // Советская этнография. Сб. VI — VII. М.; Л., 1947.
- Томсен В.* Начало Русского государства. М., 1891.
- Томсон Дж.* Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958.
- Топольский Е.* О роли внеисточникового знания в историческом исследовании // Вопросы философии. 1973. №5.
- Топоров В.Н.* Об архаичном слое в образе Ахилла (Проблемы реконструкции элементов прототекста) // Образ — смысл в античной культуре. М., 1990.
- Третьяков П.Н.* Восточнославянские племена. М., 1953.
- Третьяков П.Н.* По следам древних славянских племен. Л., 1982.
- Третьяков П.Н.* У истоков древнерусской народности. Л., 1970.
- Трофимова Г.А.* Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. М., 1949.
- Трубачев О.Н.* К истокам Руси. (Наблюдения лингвиста). М., 1993
- Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древних славян. М., 1991.
- Трубачев О.Н.* Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // Вопросы языкознания. 1982. № 4—5.
- Трубецкой Н.С.* О туранском элементе и русской культуре // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993.
- Тюменцев И.О.* Из истории Избирательного земского собора 1613 г. // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995.
- Уваров А.И.* Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973.
- Успенский Ф.И.* Византийские историки о монголах и египетских мамлюках // Византийский временник, XXIV. Л., 1926.
- Устрялов Н.Г.* Сказание современников о Дмитрии самозванце. Ч.2. СПб., 1869.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Основные закономерности денежно-весовых норм в Золотой Орде // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958.
- Федосеев П.Н.* О методологических вопросах исторической науки // Вопросы истории. 1964. №3.
- Федотов Г.П.* Святые Древней Руси (X — XVII вв.). Нью-Йорк, 1959.
- Филин Ф.П.* Происхождение русского, белорусского и украинского языков. Л., 1972.
- Филип Ян.* Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961.
- Филист Г.М.* К вопросу о путях проникновения христианства на Русь // Вопросы научного атеизма. Вып.37. М., 1988.
- Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М., 2000. (Сер. «ЖЗЛ»).

- Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII в. М., 1973.
- Флоря Б.Н.* Россия, Речь Посполитая и конец Ливонской войны // Советское славяноведение. 1972. №2.
- Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981.
- Формозов А.А.* Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1980.
- Фроянов И.Я.* Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992.
- Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988.
- Хара-Даван Э.* Чингисхан как полководец и его наследие. Белград, 1929.
- Херрман И.* Полабские и ильменские славяне в раннесредневековой балтийской торговле // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
- Хорошев А.С.* Политическая история русской канонизации (XI – XVI вв.). М., 1986.
- Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980.
- Хорошкевич А.Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV – XV вв. М. 1963.
- Цветав Д.В.* Избрание Михаила Федоровича на царство. М., 1913.
- Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI – XVII вв. М., 1978.
- Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960.
- Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV – XV вв. Ч.1 – 2. М.; Л., 1948 – 1951.
- Чичерин Б.Н.* О народном представительстве. М., 1866.
- Чмыхов Н.А.* Истоки язычества Руси. Киев, 1990.
- Шамбинаго С.К.* Повести о Мамаевом побоище // Сб. ОРЯС АН. Т. 81. СПб., 1906.
- Шапиро А.Л.* Русское крестьянство перед закрепощением XIV–XVI веков. Л., 1987.
- Шаскольский И.П.* Антинорманизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983.
- Шаскольский И.П.* Норманнская теория в современной буржуазной науке. Л., 1965.
- Шаскольский И.П.* Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // Международные связи России до XVII в. М., 1961.
- Шафарик П.Й.* Славянские древности. Прага – Москва, 1837. (М., 1857).
- Шахматов А.А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.
- Шахматов А.А.* К вопросу о древнейших славяно-кельтских отношениях. Казань, 1912.
- Шахматов А.А.* Корсунская легенда о крещении Владимира. СПб., 1906.
- Шенелев И.С.* Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608 – 1610 гг. Пятигорск, 1957.

- Шилов Ю.А.* Прародина ариев. История, обряды и мифы. Киев, 1995.
- Шмидт С.О.* Становление российского самодержавия. М., 1973.
- Шушарин В.П.* Современная буржуазная историография Древней Руси. М., 1964.
- Шапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X – XIII вв. М., 1989.
- Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998.
- Языкова И.К.* Богословие иконы. М., 1995.
- Якубовский А.Ю.* Из истории изучения монголов периода XII – XIII вв. // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953.
- Янин В.Л.* Новгородские акты XII – XV вв. М., 1991.
- Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 1962.
- Янушевский Г.* Откуда происходит славянское племя русь. Вильно, 1923.
- Ярославское Поволжье X – XI вв.* М., 1963.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

составлена Ю. Колиненко

Хронология событий, особенно для древнейших периодов, важный раздел источниковедения. Еще сравнительно недавно возраст человечества определялся сотнями тысяч лет, теперь — миллионами. В данном курсе «предыстория» отправляется от «верхнего палеолита», условно датируемого 40 — 12 тыс. лет до н.э. Даты обычно «сдвигаются» во времени в зависимости от тех или иных территорий и континентов. Но именно в это время формируются общности, возводимые к библейским «Симу, Хаму и Иафету». Для ранней отечественной истории непосредственный интерес представляет возникновение и разделение индоевропейской общности.

Даты письменных источников обычно требуют разносторонней проверки из-за обилия разных космических эр и на Востоке, и на Западе. Вместе с тем разные космические эры могут указывать на определенные международные связи. Так, в «Повести временных лет» в результате соединения разных источников в разное время просматриваются две византийские эры (5504 и 5508 лет от Сотворения мира до Рождества Христова), антиохийская (5500 лет), болгарская, ориентированная на 13 месяцев тюркского лунного года. Значительно различались и принятые в Европе космические эры, отражение которых пока не зафиксировано. Кроме того, на Руси, как и в большинстве стран Европы, новый год начинался в марте, а в Византии — в сентябре. В разных землях и в разное время разницу в полгода либо прибавляли, либо убавляли. Это так называемые «мартовский» и «ультрамартовский» стили. В отдельных случаях возможно влияние римского года от «Рождества Христова», начало которого приходилось на январь. Наличие разных космических эр в древнерусском летописании создает определенные сложности с точной датировкой тех или иных событий. Так, из-за записей по разным космическим эрам трудно датируются данные галицкого летописания за XIII век.

А.Г. Кузьмин

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ СЛАВЯН И РУСИ

- Ок. 1800 г. до н.э.** **Культура колоколовидных кубков.** Ареал распространения: передвижение из Передней Азии через Северную Африку в Испанию, а затем двумя потоками: 1) на Северо-Запад Европы (по побережью), 2) в Центральную Европу (Приальпийская зона). Этнос: общая культура для славян и кельтов в антропологическом отношении.
- 1450 — 1100 г. до н.э.** **Тшинецкая культура.** Ареал распространения: территория от р. Одера до Днепра (по Б.А. Рыбакову) — севернее культуры колоколовидных кубков. Этнос: смешение славян и балтов - Протославянский тип из Подунавья и Приальпийской зоны на северо-востоке входит в соприкосновение с балтами.
- IX — VIII вв. до н.э.** **Чернолесская культура.** Ареал распространения: Правобережная Украина. Новая волна передвижений славянских племен из Приальпийской зоны (с территории Иллирии — летописного «Илюрика»). Этнос: совпадение славянской и иллирийской топонимики и археологии.
- Сер. II тыс. до н.э. — нач. VII в. до н.э.** **Киммерийцы.** Ареал распространения: из Нижнего Поволжья на запад в Причерноморье, Правобережная Украина. Вытеснены скифами. Этнос: не славяне.
- VII в. до н.э. — II до н.э.** **Скифы.** Ареал распространения: из степей Азии в Причерноморье и в северные земледельческие районы. Этнос: иранские, кельтские элементы.
- VII в. до. н.э.** **Милоградская культура.** Ареал распространения: из Прикарпатья на верхний Днепр и Припять, севернее зарубинецкой культуры (позднее смешивается с ней). Этнос: славяне.
- II в. до н.э. — II н.э.** **Зарубинецкая культура.** Ареал распространения: из Европы (с Дуная и Прибалтики) двумя группами, соответственно, на территорию Поднепровья и Прикарпатья. Этнос: славяне.
- II — IV вв. н.э.** **Черняховская культура.** Ареал распространения: с северо-запада Европы, с побережья Северного и Балтийского морей к Приднепровью и Причерноморью, где смешивается со славянами. Этнос: гунны, готы, росомоны, руги, атаны, анты

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ИСТОРИИ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО 1618 г.

XIII (XII) вв. до н.э.	Троянская война. Переселение венетов на северо-запад Адриатики и юго-восток Прибалтики.
I в. до н.э. — I в. н.э.	Упоминание в ряде источников имени венетов (венедов), пришедших в Северную Италию после Троянской войны из Малой Азии.
I — II вв. н.э.	Самое раннее упоминание имени ругов на Балтике (Тацит).
IV в. н.э.	<i>Начало Великого переселения народов.</i>
453 г.	<i>Смерть Аттилы, падение Гуннской державы.</i>
V в. н.э.	Свидетельство о существовании Ругиланда — государства ругов на Дунае (Евгиппий. «Житие Святого Северина»).
VI в. н.э.	Появление славян на исторической арене. Упоминание имени славян, описание их быта и нравов.
VI — VII вв.	Расширение расселения славян (склавинов и антов) из Среднего Подунавья, Прикарпатья, Среднего Приднепровья на северо-восток, восток и юго-восток Европы.
VI — IX вв.	Ассимиляция славянами илиро-венетских племен на побережье южной и юго-восточной Прибалтики.
VI — IX вв.	Образование племенных союзов восточных славян — поляне, древляне, кривичи и др.
839 г.	Сообщение «Бертинских анналов» о «Росском каганате» на Дону.
859 г.	Изгнание варягов за море (по «Повести временных лет», далее — ПВЛ).
860 г., 18 июня	Нападение росов на Константинополь.
861 г.	Константин (Кирилл) Философ (будущий создатель славянской азбуки) обнаружил в Крыму Евангелие и Псалтирь, написанные «русскими письменами», которые он расшифровал.
IX в.	По сообщению персидского историка XIII в. у хазар было письмо, которое происходило от «русского» (21 буква, пишутся слева направо, без буквы «алеф»). Руссами здесь названы аланы.
862 г.	Призвание варягов в Новгород (Рюрика с братьями Синеусом и Трувором) (по ПВЛ).
862 — 882 гг.	Легендарные даты правления Аскольда и Дира в

	Новгороде (по ПВЛ)
866 г.	Поход Аскольда и Дира на Царьград (по ПВЛ).
Ок. 867 г.	Сообщение о крещении росов в окружном послании патриарха Фотия.
871 г.	Упоминание «Норманнского каганата» в письме византийского императора Василия к Людовику II.
879 г.	Первое упоминание Росской епархии Константинопольского патриаршества, которая находилась в Восточном Крыму и просуществовала до XII в.
879 г.	Смерть Рюрика (по ПВЛ).
882 г.	Убийство Олегом Аскольда и Дира, вокняжение его в Киеве (по ПВЛ).
882 — 912 (916) гг. до 886 г.	Княжение Олега (по ПВЛ). Крещение дунайских росов императором Василием (Иоанн Скилица).
894 г. (6406 г. по болгарской эре)	Рассказ о славянской грамоте и происхождении славян в ПВЛ («славянский язык и русский один есть»).
911 (907) г.	Поход Олега на греков. Первый договор Руси с Греками (по ПВЛ).
912 — 913 гг.	Поход русов на Каспий (Ал-Масуди, сер. X в.).
913 — 945 гг.	Княжение Игоря.
20-е гг. X в.	Усобица в Киеве между князем Игорем и Олегом Олеговичем, сыном князя Олега. Переселение Олега Олеговича в Моравию (по «Богемским хроникам»).
921 — 922 гг.	Описание Ибн-Фадланом русов, которых он видел в Булгаре.
943 — 944 гг.	Поход русов на Бердаа (Азербайджан).
Сер. X в.	Переселение в Приднепровье русов из Моравии.
Сер. X в.	Обоселение Полоцкого княжества с собственной княжеской династией, пришедшей «из заморья» (варяжской?).
944 (941) г.	Поход Игоря на греков. Второй договор Руси с Греками. Упоминание первой христианской общины в Киеве.
945 г.	Поход Игоря с дружиной на древлян. Убийство Игоря.
946 г.	Месть Ольги древлянам, сожжение Искоростенья.
946 — 969 гг.	Правление княгини Ольги.
957 г.	Поездка Ольги в Константинополь.
959 г.	Крещение княгини Ольги.
969 — 972 гг.	Княжение Святослава Игоревича.
961 — 962 гг.	Миссия немецкого епископа Адальберта на Русь

	по приглашению Ольги. Изгнание посольства Адальберта из Киева русами-христианами.
968 — 969 гг.	Поход Святослава на Булгарию Волжскую и Хазарию.
970 г.	Раздел Руси между сыновьями Святослава: Ярополк — в Киеве, Олег — в земле древлян, Владимир — в Новгороде.
971 — 972 гг.	Поход Святослава на Болгарию Дунайскую, война с Византией. Смерть Святослава.
973 — 978 гг.	Княжение Ярополка Святославича в Киеве.
977 г.	Усобица между сыновьями Святослава. Убийство Ярополком брата Олега.
978 г.	Убийство Владимиром в Полоцке князя Роговолда из варяжской династии. Присоединение Полоцкого княжества к Киеву.
978 г.	Убийство Ярополка по приказу Владимира. Возвращение в Киев Владимира Святославича.
978 г.	Религиозная реформа Владимира Святославича: утверждение нового пантеона языческих богов в Киеве во главе в Перуном (по ПВЛ).
978/980 — 1015 гг.	Княжение Владимира Святославича.
981 г.	Поход Владимира на Червенские города (пограничные с Польшей).
983 г.	Восстание балтийских славян против насильственной христианизации.
983 г.	Принесение в жертву варягов-христиан в Киеве.
985 г.	Поход Владимира на волжских булгар.
986 — 988 гг.	Крещение Руси.
90-е гг. X в.	Сооружение Десятинной церкви — главного христианского центра Киевской Руси в кон. X — нач. XI в. (настоятель — Анастас Корсунянин). Установление Владимиром церковной десятины.
993 г.	Основание г. Переяславля.
1013 г.	Конфликт Владимира Святославича со Святополком, княжившим в Турове. Арест Святополка.
1014 г.	Конфликт Владимира Святославича с Ярославом, княжившим в Новгороде.
1015 г., 15 июля	Смерть киевского князя Владимира Святославича.
1015 — 1019 гг.	Усобица между сыновьями Владимира. Убийства Бориса, Глеба, Святослава. Война между Святополком и Ярославом.
1015–1016, 1018– 1019 гг.	Княжение Святополка в Киеве.

- 1016 г.** Составление «Грамоты» Ярослава новгородцам — древнейшей части «Русской Правды».
- 1019 г.** Битва на р. Альте. Разгром Ярославом войска Святополка. Бегство Святополка в Польшу.
- 1019 — 1054 гг.** Княжение Ярослава Владимировича (Мудрого).
- 1019 г.** Женильба Ярослава на Ингигерд — дочери шведского конунга (по исландским сагам).
- 1021 г.** Усобица между Брючиславом Изяславичем Полоцким и Ярославом.
- 1022 — 1026 гг.** Усобица между Мстиславом Чернигово-Тмутараканским и Ярославом. Раздел Русской земли по Днепру на две части.
- 1023 — 1036 гг.** Княжение Мстислава Владимировича в Чернигове.
- 1024 г.** Восстание смердов в Суздальской земле.
- 1030 г.** Основание г. Юрьева (Дерпта).
- 1031 г.** Поход Ярослава и Мстислава на Червенские города.
- 1036 г.** Смерть Мстислава Владимировича. Ярослав становится «самовластцем русской земли».
- 1037 г.** Строительство Софийского собора в Киеве. Утверждение митрополии византийского подчинения.
- 1039 г.** Вторичное освящение Десятинной церкви.
- 1043г.** Последний поход русов на Византию во главе с сыном Ярослава — Владимиром.
- 1044 г.** Крещение останков князей-язычников Олега и Ярополка Святославичей в Десятинной церкви.
- 1051 г.** Совет епископов Русской Церкви поставляет пресвитера «русина» Илариона в киевские митрополиты без согласования с Константинополем.
- 1054—1068, 1069—1073, 1077—1078 гг.** Княжение Изяслава Ярославича в Киеве.
- 1055 г.** Первое появление половцев у границ Руси.
- 1061 г.** Нападение половцев на Русь.
- 1068 — 1069 гг.** Война с половцами, поражение русских войск в битве на р. Альте, восстание в Киеве и вокняжение Всеслава Брючиславича Полоцкого.
- 1071 г.** Восстание в Суздальской земле, возглавляемое языческими волхвами.
- 1072 г.** Канонизация князей-братьев Бориса и Глеба — первых русских святых.
- Нач. 70-х гг. XI в.** Утверждение сыновьями Ярослава дополнений к «Русской Правде» — «Правда Ярославичей».
- 1073 — 1076 гг.** Княжение в Киеве Святослава Ярославича.
- 1073 г.** Составление «Изборника» Святослава.

1078 — 1093 гг.	Княжение Всеволода Ярославича.
1093 — 1113 гг.	Княжение Святополка Изяславича в Киеве.
1095 — 1096 гг.	Войны Святополка Изяславича, Владимира Всеволодовича против Олега Святославича.
1097 г.	Любечский съезд князей. Распределение отчин между потомками князя Ярослава Мудрого.
1100 г.	Витичевский съезд князей Ярославичей.
1103 г.	Долобский съезд князей. Подготовка общего похода на половцев.
1103 г.	Общерусский поход на половцев.
1110 — 1111 гг.	Походы русских князей на половцев.
1113 — 1125 гг.	Княжение Владимира Всеволодовича Мономаха в Киеве.
1115 г.	Перенесение останков святых Бориса и Глеба во вновь отстроенную церковь.
1117 г.	Мстислав Владимирович становится соправителем своего отца Владимира Мономаха.
1125 — 1132 гг.	Княжение Мстислава Владимировича Великого.
Ок. 1131 г.	Перенесение из Константинополя иконы Божией Матери (Владимирской).
1132 — 1139 гг.	<i>Княжение Ярополка Владимировича.</i>
1130-е гг.	Начало феодальной раздробленности в Киевской Руси.
1136 г.	Восстание в Новгороде. Начало Новгородской «республики».
1139 — 1146 гг.	Княжение в Киеве Всеволода Ольговича.
1146 г.	Княжение Игоря Ольговича. Мятеж в Киеве.
1146 — 1154 гг.	Княжение в Киеве Изяслава Мстиславича.
1140 — 1150 гг.	Междоусобная война ростово-суздальского князя Юрия Владимировича Долгорукого с племянниками Изяславом и Ростиславом Мстиславичами
1147 г.	Совет епископов поставляет в киевские митрополиты Климента Смолятича без согласования с Константинополем. Климент Смолятич — второй митрополит из русских
1147 г.	Первое упоминание в летописи Москвы.
1153 — 1187 гг.	Княжение в Галицкой земле Ярослава Владимировича Осмомысла.
1154 — 1155 гг.	Княжение в Киеве Ростислава Мстиславича.
1155 — 1157 гг.	Княжение в Киеве Юрия Долгорукого.
1156 г.	Свержение Климента Смолятича (ум. 1159) и поставление Константина-грека митрополитом

1157 г.	Княжение в Киеве Изяслава Давидовича (ум. 1161).
1155 — 1174 гг.	Княжение Андрея Юрьевича Суздальского (Боголюбского) во Владимиро-Суздальской Руси.
1158 г.	Изгнание Изяслава из Киева Мстиславом Изяславичем и передача киевского княжения Ростиславу.
1159 — 1167 гг.	Вторичное княжение Ростислава Мстиславича в Киеве.
1167 — 1169 гг.	Княжение Мстислава Изяславича.
1169 г.	Изгнание великого князя Мстислава из Киева. Разорение Киева владими́ро-суздальской ратью. Провозглашение Андрея Суздальского (Боголюбского) великим князем Владимирским.
1174 г.	Заговор Кучковичей, убийство Андрея Суздальского (Боголюбского).
1174 — 1176 гг.	Княжение в Киеве Михаила II Юрьевича.
1176 — 1212 гг.	Княжение великого князя Владимирского Всеволода III Юрьевича Большое Гнездо.
1197 — 1205 гг.	Княжение Романа Мстиславича в Галицко-Волынской земле.
Кон. XII — нач. XIII вв.	Создание «Слова о полку Игореве».
1201 г.	Основание г. Риги.
1205 — 1264 гг.	Княжение Даниила Романовича Галицкого.
1203 г.	Разграбление Киева Рюриком Ростиславичем.
1205 г.	Поход русских князей на половцев.
1206 г. (ум. 1227)	Провозглашение Темучина великом ханом (кааном) в Монголии — Чингисханом.
1212 — 1216,	Княжение во Владимире великого князя Юрия
1218 — 1238 гг.	Всеволодовича.
1216 г.	Усобица Юрия Всеволодовича с Константином Всеволодовичем Ростовским.
1216 г., 21 апреля	Липицкая битва.
1216 — 1218 гг.	Княжение великого князя Константина Всеволодовича во Владимире.
1219 — 1227 гг.	Княжение в Галиче Мстислава Мстиславича Удалого.
1223 г., 31 мая	Битва на р. Калке.
Нач. 20-х гг. XIII в.	Завоевание монголо-татарами Средней Азии.
1224 г.	Поставление на Русь митрополита-грека Кирилла.
1227 г.	Начало правления каана Удегея.
1236 г.	Разгром монголо-татарами Волжской Булгарии.
1237 г.	Нашествие монголо-татар под предводительством хана Батыея на Русь. Взятие Рязани, Москвы.
1238 г.	Взятие монголо-татарами 14 русских городов.
1238 г., 4 марта	Битва на р. Сити, гибель Юрия Всеволодовича.

- 1238 — 1246 гг. Княжение великого князя Ярослава Всеволодовича.
1239 г. Новый поход монголо-татар на Русь, взятие Переяславля Южного (Русского), Чернигова. Взятие Мурома.
- 1240 г. Разгром монголо-татарами Переяславской земли, взятие Киева.
- 1240 г., 15 июля Невская битва князя Александра Ярославича со шведами.
- 1242 г., 5 апреля. Ледовое побоище.
- 1242/1243 — 1281 гг. *Пребывание на митрополичьей кафедре в Киеве Кирилла — третьего митрополита из русских.*
Образование Золотой Орды.
- 1243 г. Установление зависимости русских земель от ханов Золотой Орды. Получение Ярославом Всеволодовичем ярлыка на великое княжение.
- 1247 — 1248 гг. Княжение во Владимире великого князя Святослава Всеволодовича.
- 1249 — 1252 гг. Княжение во Владимире великого князя Андрея Ярославича.
- 1252 — 1263 гг. Княжение во Владимире великого князя Александра Ярославича Невского (род. 1220).
- 50-е гг. XIII в. Набеги Куремсы на Галицко-Волынскую Русь.
1256 г. Смерть хана Батыя.
1257 г. Перепись («численицы») Суздаля, Рязани и Мурома. Начало выплаты Русью «ордынского выхода» (ордынской дани).
- 1258 г. Перепись Владимира и Новгорода.
1259 г. Подчинение Даниила Галицкого Золотой Орде.
- 1260 — 1261 гг. Набег Бурундая на Галицко-Волынскую Русь.
1262 г. Восстание против татаро-монгол в Ростове, Суздале, Ярославле.
- 1263 г., 14 ноября Смерть Александра Ярославича Невского по дороге из Орды на Русь.
- 1264 — 1271 гг. Княжение великого князя Ярослава Ярославича Тверского.
- 1272 — 1276 гг. Княжение великого князя Василия Ярославича.
- 1276 — 1281, 1283 - 1294 гг. Княжение великого князя Дмитрия Александровича.
- 80-е — нач. 90-х гг. Усобицы между братьями-Александровичами.
III в.
1293 г. «Дюденева рать», разорение Москвы и 13 русских городов.
- 1281—1283, 1294—1306 гг. Княжение великого князя Андрея Александровича.

1282 (первое упоминание в летописи) — 1303 г.	Княжение Даниила Александровича (род. 1261) в Москве.
1299/1300 г.	Перенесение митрополитом Максимом митрополичьей кафедры из Киева во Владимир.
1301 г.	Присоединение Даниилом Коломны.
1303 — 1325 гг.	Княжение Юрия Даниловича в Москве.
1303 г.	Присоединение Юрием Даниловичем Можайска.
1305 — 1317 гг.	Княжение великого князя Михаила Ярославича Тверского.
1314 — 1341 гг.	Княжение великого князя Литовского Гедимина.
1317 г.	Женитьба Юрия на Кончаке, дочери хана Узбека, передача Юрию ярлыка на великое княжение. Усобица Михаила Тверского и Юрия Московского, захват жены Юрия Кончаки Михаилом Тверским.
1318 г.	Гибель Михаила Ярославича Тверского в Орде.
1322 — 1326 гг.	Княжение великого князя Дмитрия Михайловича Грозные Очи.
1323 г.	Заключение мирного договора Новгорода со Швецией.
1325 — 1341 гг.	Княжение Ивана Даниловича Калиты в Москве.
1326 — 1327 гг.	Княжение великого князя Александра Михайловича Тверского.
1326 г.	Переезд митрополита Петра из Владимира в Москву.
1327 г.	Восстание против монголо-татар в Твери и в ряде городов Северо-Восточной Руси.
1328 г.	Получение Иваном Калитой ярлыка на великое княжение.
30-е гг. XIII в.	Перенесение митрополитом Феогностом митрополичьей кафедры из Владимира в Москву.
30-е гг. XIII в.	Основание Сергием Радонежским Троицкого монастыря под Москвой.
1341 — 1377 гг.	Княжение великого князя Литовского Ольгерда.
1341 — 1353 гг.	Княжение великого князя Семена Ивановича Гордого в Москве.
1349 г.	Захват Галицкой земли польскими феодалами.
1350 — 1402 гг.	Княжение в Рязани князя Олега Ивановича.
1353 — 1358 гг.	Княжение великого князя Ивана Ивановича Красного.
1355 г.	Поставление Алексия (ум. 1378) митрополитом на Руси.
1359 — 1389 гг.	Княжение Дмитрия Ивановича (Донского) в Москве.

- 1360 – 1362 гг. Княжение великого князя Дмитрия Константиновича Суздальско-Нижегородского.
- 1362 г. Получение Дмитрием Ивановичем (Донским) ярлыка на великое княжение.
- 1367 г. Строительство каменного Кремля в Москве.
- 1368, 1370, 1372 гг. Походы Ольгерда на Москву (первая, вторая и третья «литовщины»).
- 50 – 70-е гг. XIII вв. Начало монастырской реформы митрополита Алексия – введение «общежительства» и основание новых общежительных монастырей.
- 1374 г. Княжеский съезд в Переяславле-Залесском. Оформление первой русской антиордынской коалиции.
- 1374 г. (реально с 1390 г.) Константинопольский патриарх поставляет болгарина Киприана (ум. 1406) митрополитом Киевским.
- 1375 г. Поход Дмитрия Ивановича на Тверь.
- 1374 г. Поход Мамая на Нижний Новгород.
- 1377 г. Битва на р. Пьяне, поражение русских войск.
- 1378 г. Поход Мамая на Рязань.
- Победа русских войск в битве на р. Воже.
- 1380 г., 8 сентября Куликовская битва.
- 1382 г. Разорение Москвы Тохтамышем. Изгнание митрополита Киприана из Москвы.
- 1385 г. Взятие Коломны Олегом Рязанским.
- 1386 г. Кревская уния Литвы и Польши.
- 1389, 19 мая Смерть Дмитрия Ивановича Донского. По завещанию Дмитрия Донского «великое княжение» впервые передано старшему сыну Василию по наследству как «отчина».
- 1389 — 1425 гг. Княжение великого князя Василия I Дмитриевича.
- 1392 г. Вхождение Суздальско-Нижегородского княжества в состав Московского великого княжества.
- 1392 – 1430 гг. Княжение в Литве великого князя Витовта.
- 1395 г. Нашествие Тамерлана.
- 1402 г. Смерть Олега Рязанского.
- 1403 г. Захват литовскими войсками Вязьмы, Смоленска.
- 1408 г. Нашествие Едигея.
- 1410 г., 15 июля Грюнвальдская битва.
- 1425 — 1462 гг. Княжение великого князя Василия II Васильевича Темного.
- 30 – 50-е гг. XV в. «Феодалная война» Василия II против Юрия Дмитриевича Галицкого и его сыновей Василия Косого и Дмитрия Шемяки.

1430 г.	Смерть великого князя Литовского Витовта.
1433 — 1434 гг.	Вокняжение в Москве Юрия Дмитриевича Галицкого.
1439 г.	Флорентийский собор, утвердивший унию между византийской и римско-католической церквями.
1439 г., лето	Набег Улуг-Мухаммеда на Москву.
1441 г.	Изгнание из Москвы митрополита Исидора, подписавшего Флорентийскую унию.
1444 г.	Набег Улуг-Мухаммеда на Муром. Набег хана Мустафы на Рязань.
1445 г.	Нашествие татар на Северо-Восточную Русь, бой Василия II у Суздаля с ханом Улуг-Мухаммедом, пленение Василия Темного.
1430 — 1440-е гг.	Распад Золотой Орды, образование Казанского, Астраханского, Крымского ханств.
1445 — 1446 гг.	Захват Москвы Дмитрием Юрьевичем Шемякой.
1446 г.	Ослепление Василия II Дмитрием Шемякой.
1448 г.	Провозглашение собором русских епископов автокефалии Русской Церкви. Рукоположение Ионы в митрополиты Московские и всея Руси.
1448 г.	Заключение мира между Василием Темным и Дмитрием Шемякой.
1450 г.	Поход Василия Темного на Галич Мерьский.
1453 г.	Смерть Дмитрия Шемяки.
1456 г.	Поход на Новгород Василия Темного и его сына Ивана, Яжелбицкое «докончание».
1459 — 1461 гг.	Нашествие хана Ахмата на Русь.
1462 — 1505 гг.	Княжение великого князя московского Ивана III Васильевича.
1463 — 1471 гг.	Присоединение Ярославля к Московскому великому княжеству.
1471 г.	Поход московского войска на Новгород. Битва на р. Шелони.
1472 г.	Женитьба Ивана III на Софье Палеолог.
1474 г.	Присоединение Ростова к Московскому великому княжеству.
1475 — 1479 гг.	Строительство Успенского собора в Москве (архитектор Аристотель Фиораванти).
1478 г.	Присоединение Новгорода к Московскому великому княжеству.
1479 г.	Иван III принимает титул «Государь всея Руси».
1480 г., осень	Стояние на р. Угре. Окончательное освобождение от монголо-татарского ига.

- 1480 — 1481 гг. Война с Ливонией.
- 1485 г. Присоединение Твери к Московскому великому княжеству.
- 1488 г. Белозерская грамота.
- 1487 — 1494 гг. Война с Великим княжеством Литовским.
- 1490 г. Смерть Ивана Ивановича Молодого, сына и соправителя великого князя Ивана III.
- 1494 г. Мирный договор с Великим княжеством Литовским. Присоединение к Москве Вяземского княжества и городов в верховьях Оки.
- 1496 — 1497 гг. Русско-шведская война.
- 1497 г. Принятие «Судебника».
- 1498 г. Утверждение Дмитрия-внука великим князем и соправителем Ивана III.
- 1499 г. Первый перевод полного текста Библии на русский язык — «Геннадиевская Библия».
- 1500 — 1503 гг. Война против Великого княжества Литовского.
- 1502 г. Отстранение Дмитрия-внука и его матери Елены Волошанки от власти.
- 1503 г. Мирный договор Ливонского ордена и Руси, по которому к Москве присоединялись Тула, Брянск, Курск, Чернигов и Новгород-Северский.
- 1503 г. Церковный собор (объявление еретиками окружения Елены Волошанки и Дмитрия-внука).
- 1505 — 1533 гг. Княжение великого князя московского Василия III Ивановича.
- 1507 г. Смерть великого литовского князя Александра, попытка Василия занять литовский престол.
- 1507 — 1508 гг. Русско-литовская война, восстание Глинских.
- 1508 г. «Вечный мир» с Литвой.
- 1510 г. Присоединение Пскова к Московскому великому княжеству.
- 1512 г. Возобновление военных действий против Литвы.
- 1514 г. Присоединение Смоленска к Московскому великому княжеству.
- Нач. 1518 г. Приезд Максима Грека в Москву.
- 1521 г. Присоединение к Москве Рязанского княжества.
- 1521 г. Набег крымского хана Мухаммед-Гирея на Москву.
- 1525 г. Женитьба Василия III на Елене Глинской.
- 1525 г. Собор с осуждением «нестяжательства», «дело» И. Берсень-Беклемишева.
- 1531 г. Церковный собор, осуждение Максима Грека и Вассиана Патрикеева.

1533 — 1584 гг.	Великое княжение и (с 1547 г.) царствование Ивана IV Васильевича Грозного.
1534 г.	«Боярский заговор» против Глинских.
1535 г.	Монетная реформа, введение монеты — «копейки», и единой расчетной денежной единицы — «рубля».
1537 г.	Пятилетнее перемирие с Литвой, мир со Швецией.
1537 г.	Выступление Андрея Ивановича Старицкого против Елены Глинской.
1538 г., 3 апреля	Смерть Елены Глинской.
1542 г.	Смерть И. Бельского.
1542 г.	Поставление Макария (ум. 1563 г.) митрополитом.
1547 г., 16 января	Венчание великого князя московского Ивана IV на царство. Принятие им титула «царя и великого князя всея Руси».
1547 г., июнь	Восстание в Москве против правительства Глинских.
1549 г., февраль	Земский собор («Собор примирения»), начало реформ «Избранной рады».
1550 г.	Принятие Судебника.
1551 г.	Стоглавый Собор.
1550-е гг.	Реформы «Избранной рады»: губная, земская, военная, ограничение местничества, создание приказов.
1552 г., 2 октября	Взятие Казани.
1553 г., март	Болезнь Ивана, политический кризис власти.
1553 г.	Печатание первых книг при дворе митрополита Макария — «Евангелие», «Псалтирь» и др.
1555 — 1556 гг.	Посольства о вхождении Северного Кавказа и Западной Сибири в состав России.
	Присоединение Астрахани.
1555 — 1561 гг.	Сооружение Покровского собора в Москве на Красной площади (храм Василия Блаженного). Издание «Уложения о службе».
1556 г.	Ливонская война.
1558 — 1583 гг.	Перемирие между Россией и Ливонским орденом.
1559 г.	Раздел Ливонии между Польшей и Литвой.
1561 г.	Начало войны Ивана IV с Литвой.
1562 г.	Взятие русскими войсками Полоцка.
1563 г.	Пребывание на митрополичьей кафедре в Москве митрополита Филиппа (Колычева).
1563 — 1565 гг.	Поражения русских войск под Полоцком и Оршей.
1564 г.	Бегство Андрея Курбского в Литву.
1564 г.	В типографии Ивана Федорова и Петра Мстиславца отпечатана книга «Апостол».

Кон. 1564 — 1572 гг.	Разделение Иваном IV Русского царства на «земщину» и «опричнину». Начало «опричного террора».
1566 г.	Земский собор о продолжении Ливонской войны.
1569 г.	Люблинская уния. Объединение Польши и Литвы в единое государство — Речь Посполитую.
1569 г., декабрь — январь 1570 г.	«Опричный» поход на Тверь и Новгород. Разорение северо-западных земель.
1570 г.	Казни приказных людей в Москве.
1570 г.	Военные действия в Ливонии против Швеции.
1571 г.	Поражение опричного войска и сожжение Москвы крымским ханом Девлет-Гиреем.
1572 г.	Отмена «опричнины» указом Ивана IV.
1572 г.	Разрыв западносибирским ханом Кучумом вассальных отношений с Россией.
1575 г.	Отречение Ивана IV от престола. Провозглашение «великим князем московским» касимовского хана Симеона Бекбулатовича.
1579 — 1581 гг.	Захват Полоцка поляками, Нарвы — шведами.
1580 г.	Набеги крымских татар на русские земли.
1581 г.	Осада Пскова польским королем Стефаном Баторием.
1581 г.	Поход атамана Ермака в Сибирь.
1581, 1582 гг.	Указ о «заповедных летах».
1582 г.	Перемирие в Ям Запольском с Польшей.
1583 г.	Плюсский мир со Швецией, конец Ливонской войны.
1584 г., 18 марта	Смерть Ивана IV Васильевича Грозного.
1584 — 1598 гг.	Царствование Федора Иоанновича.
1587 г.	Восстание в Москве, укрепление позиций Бориса Годунова.
1589 г.	Учреждение патриаршества в России. Первый русский патриарх — Иов (ум. 1607 г., патриарх до 1605 г.)
1590 — 1595 гг.	Русско-шведская война.
1591 г.	Смерть царевича Дмитрия в Угличе.
1592 г., 1597 г.	Указы о «заповедных летах».
1596 г.	Заключение Брестской церковной унии, создание униатской церкви.
1598 г., февраль	Земский собор в Москве. Избрание царем Бориса Годунова.
1598 — 1605 гг.	Царствование Бориса Федоровича Годунова.
1598 г.	Разгром сибирского хана Кучума, новое присоединение Западной Сибири к России.
1600 — 1601 гг.	«Посадское строение» Бориса Годунова (возвращение к власти)

	щение тяглого населения на посадки и перевод других категорий в разряд тяглых).
1601 — 1603 гг.	Неурожайные годы, массовый голод в России.
1603 г., сентябрь	Восстание Хлопка.
1604 — 1618 гг.	Смутное время в России.
1604 г.	Вторжение Лжедмитрия I в Чернигово-Северскую землю.
1605 г., 21 января	Сражение при Добрыничах.
1605 г., 13 апреля	Смерть Бориса Федоровича Годунова.
1605 г., 14 апреля — 10 июня	Правление царя Федора Борисовича Годунова.
1605 г., апрель	Восстание в русском войске под Кромами.
1605 г., 22 июля — 17 мая 1606 г.	Царствование Лжедмитрия I.
1605 — 1606, 1611 — 1612 гг.	Патриаршество Игнатия, поставленного Лжедмитрием I.
1606 г., 17 мая	Восстание в Москве против Лжедмитрия, убийство Лжедмитрия I.
1606 г., 19 мая — 17 июля 1610 г.	Царствование Василия IV Ивановича Шуйского.
1606 — 1612 гг.	Патриаршество Гермогена.
1606 — 1607 гг.	Крестьянская война под предводительством И. Болотникова.
1607 г.	Уложение, увеличивающее срок сыска беглых до 15 лет.
1607 г., лето	Вторжение Лжедмитрия II в Россию.
1608 г.	Тушинское стояние.
1608 г. 23 сентября — 12 января 1610 г.	Оборона Троице-Сергиева монастыря от польских и казацких отрядов из Тушинского лагеря.
1609 г.	Совместное выступление русских и шведских войск против поляков.
1609 г., сентябрь	Начало польской интервенции.
1609 г., 16 сентября — 3 июня 1611 г.	Оборона Смоленска от войск польского короля Сигизмунда III.
1610 г., март	Разгром М. Скопиным-Шуйским Тушинского лагеря.
1610 г., июнь	Поход поляков под предводительством гетмана Жолкевского на Москву, поражение московского войска под Клушиным.
17 июля 1610 г.	Свержение В.И. Шуйского.
1610 г., июль — октябрь 1612 г.	Пребывание у власти в Москве боярского правительства («Семибоярщина»).
1610 г., август	Приглашение боярским правительством польского королевича Владислава на русский трон.

1610 г., сентябрь	Введение в Московский Кремль польского гарнизона.
Кон. 1610 — нач. 1611гг. Кон. 1610 г.	Начало земского освободительного движения в северорусских городах. «Грамоты» патриарха Гермогена с призывами к русскому народу начать борьбу с польско-литовскими захватчиками.
1611 г., февраль — март	Формирование Первого ополчения (Рязань, Тула, Казань).
1611 г., март	Восстание в Москве против поляков.
1611 г., 30 июня	Приговор Первого ополчения об образовании правительства — «Совета всей земли».
1611г., 22 июля	Убийство П. Ляпунова, распад Первого ополчения.
1611 г., сентябрь — октябрь	Формирование Второго ополчения в Нижнем Новгороде.
1612 г., 17 февраля	Мученическая смерть патриарха Гермогена в польском заточении.
1612 г., февраль — март	Начало похода Второго ополчения.
1612 г. март — июль	«Ярославское стояние» отрядов Второго ополчения. Создание в Ярославле земского правительства — «Совета всей земли». Освобождение северорусских городов.
1612 г., 19 августа	Начало осады Москвы Вторым ополчением под руководством князя Д.М. Пожарского и К. Минина.
1612 г., 24 августа	Разгром ополченцами польских войск гетмана Ходкевича.
1612 г. август — сентябрь	Присоединение ко Второму ополчению остатков Первого ополчения во главе с князем Д.Т. Трубецким.
1612 г., 26 октября	Капитуляция польского гарнизона Московского Кремля.
1613 г., январь — февраль	Земский «избирательный» собор в Москве.
1613 г., 21 февраля	Избрание царем Михаила Федоровича Романова.
1613 — 1618 гг.	Земское правление в России (до возвращения из польского плена патриарха Филарета).
1617 г., 27 февраля	Столбовский договор со Швецией.
1618 г., 1 декабря	Деулинское перемирие с Польшей.

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

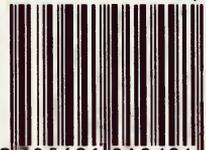
ИСТОРИЯ РОССИИ с древнейших времен до 1618 г.

Учебник «История России с древнейших времен до 1618 г.» – итог многолетней научно-педагогической деятельности замечательного русского ученого и педагога, доктора исторических наук, профессора Аполлона Григорьевича Кузьмина.

Он автор более 200 научных трудов, публицистических книг и статей, литературных произведений.

Учебник отличается проблемным подходом в изложении материала, ориентацией на современный уровень развития исторической науки, системным анализом исторического процесса.

ISBN 5-691-01049-2(II)

9 785691 010491

